

Федор Миронович Лясс (р. 1925 г.) – врач-радиолог с 55-летним клиническим стажем, доктор мед. наук, профессор; автор 10-ти монографий и более 200 научных публикаций по медицинской радиологии, радионуклидной диагностики и лучевой терапии. Репатриировался в Израиль в 1991 г.

Первым импульсом к анализу сложившейся в то время в стране ситуации, для автора книги послужил арест его матери – врача кремлевской больницы Е.Ф. Лившиц, а также многих сослуживцев отца и их друзей, арестованных и репрессированных по «Делу еврейского антифашистского комитета» и «Делу врачей-вредителей».

На основании публицистических источников и вновь собранных архивных документов Федор Лясс сделал попытку проанализировать эпоху «Позднего сталинизма». В дальнейшем материал был изложен в целом ряде его публикаций в СМИ России, Израиля, Германии и Америки. В результате получилась книга, посвященная готовившемуся, но так и несостоявшемуся, вернее сорванному геноциду советских евреев, запланированному Сталиным в середине прошлого века. Автор пришел к выводу, что, оказавшись на Лубянке и в Лефортово, руководство Еврейского антифашистского комитета (1949 – 1952 гг.) и кремлевские врачи-евреи (1952 – 1953 гг.), преодолев нечеловеческие условия сталинского застенка, своим сопротивлением затянули подготовку показательного политического процесса, и, тем самым, сломали план Сталина организовать открытое судилище – основу его репрессивной политики в борьбе за единоличную власть. Сталин умер, так и не успев реализовать свои зловещие планы.

Особое внимание в книге уделено медицинским проблемам, которые до сих пор не были профессионально, грамотно представлены в литературе. К ним относятся: анализ психопатологической личности Сталина, причины смерти Жданова и Сталина, оценка вклада «врачей-вредителей» в развитие советского здравоохранения.

Книга и приложенный к ней фильм – свидетельство обвинения, исторический документ, осуждающий уголовно-деспотическое государство, которое создал и выпестовал Сталин. Печатное слово и живая речь, документ и эмоционально напряженное действие – так можно охарактеризовать совместный труд автора книги и кинематографистов, растянувшийся на десятилетия и, наконец, объединенный в одно целое.

Федор
Лясс

ПОСЛЕДНИЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС
СТАЛИНА или НЕСОСТОЯВШИЙСЯ ЮДОЦИД

Федор Лясс

ПОСЛЕДНИЙ
ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ПРОЦЕСС

СТАЛИНА

или
НЕСОСТОЯВШИЙСЯ
ЮДОЦИД

ФЕДОР ЛЯСС

ПОСЛЕДНИЙ
ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ПРОЦЕСС СТАЛИНА,
ИЛИ
НЕСОСТОЯВШИЙСЯ
ЮДОЦИД

Издание третье, дополненное

МОСКВА - ИЕРУСАЛИМ
“ФИЛОБИБЛОН”
2007

Fedor Lyass

**STALIN'S LAST POLITICAL TRIAL
OR THE JUDOCIDE, THAT WASN' T**

Jerusalem: "Philobiblon", 2007

Редакторы:

Владимир Левин,
Леонид Юниверг

Макет и оформление:

Леонид Юниверг

Корректоры:

Лариса Закошанская,
Владимир Френкель

Составление указателя имен:

Григорий Бокман

Координатор

Юрий Портной

Книга издана при финансовой поддержке
проф. В.И. Саприцкого

ISBN ?

© Федор Лясс, текст, 2007

© изд-во «Филобиблон», макет и оформление, 2007

Отпечатано в типографии ?????????? - **МОСКВА**

ОГЛАВЛЕНИЕ

Дела отцов – знак сыновьям...5

<i>Г. Гиришин, В. Саприцкий. О книге.....</i>	<i>7</i>
<i>П. Финн. О киноленте.....</i>	<i>9</i>
<i>Ш. Редлих. Об авторе.....</i>	<i>11</i>
<i>Ф. Лясс. От автора.....</i>	<i>13</i>

Перед концом17

Абсолютное зло.....	19
Черный ящик	35
Грязная стряпня	44
Начало.....	47
Роковая дата.....	52
Не получилось	56
Цель террор.....	62
Сопrotивление	74
Врачи	87
Обличители	96
По проторенной дорожке.....	98
Страх прежде всего.....	104
Противостояние.....	106
Разгул антисемтизма.....	116
Спешат приобщиться.....	121
Сдох как собака	127
Передышка	131

Мама - несостоявшийся обличитель....137

Назад в прошлое.....	139
1952 – Лубянка – 1999	140
Маленький винтик в большой авантюре.....	148
Лубянский ад (в кругe первом).....	151
Самоубийство!	159
Лубянский ад (в кругe втором).....	162
История болезни с грифом «Секретно» (в кругe третьем).....	196
Бой не на жизнь, а на смерть (в кругe четвертом)	203
Победа даром не дается (в кругe пятом).....	217
Из суда– что из пруда: сухим не выйдешь (в кругe шестом) ..	231
Лубянка «навынос» (в кругe седьмом).....	237
Порядочность.....	245

Дни, часы, минуты.....	253
Первый удар (13 января 1949 года).....	255
Обыск (4 июня 1952 года).....	256
У замминистра здравоохранения (30 декабря 1952 года).....	259
День рождения (7 февраля 1953 года).....	264
ЧСИР (12 марта 1953 года).....	268
Справедливость не для мамы (4 апреля 1953 года).....	270
Пустые просьбы (июнь 1953 года).....	272
Свидание в «Бутырках» (7 июня 1953 года).....	274
У Бойченко (начало сентября 1953 года).....	277
Мамин следователь (22 сентября 1953 года).....	278
К маме в лагерь (7 марта 1954 года).....	282
Страх (18 марта 1954 года).....	288
Мама дома (4 сентября 1954 года).....	291
За одной фотографией тысяча слов	293
Документы свидетельствуют.....	297
Кровавое начало Еврейского антифашистского комитета	299
Было ли «Крымское дело» крымским?	307
Расстрельные списки Сталина не для «Дела ЕАК».....	322
«Убийцы в белых халатах» и их вклад в советское здравоохранение.....	337
Лидия Тимашук как символ	359
Высокопоставленные советские евреи пишут письмо в газету «Правда».....	398
Советским евреям депортация предстояла!.....	456
Как начался «Последний политический процесс Сталина» и завершился ли он?...	528
Когда Всевышний на жизни Сталина поставил точку?.....	540
Вот от чего спаслись евреи и другие народы СССР...563	
Поднять на щит, а не оплакивать	569
Папа- привет оттуда.....	573
Справочный аппарат книги.....	581
Принятые сокращения.....	581
Библиография	585
Перечень публикаций автора по теме книги.....	596
Именной указатель	598

ДЕЛА ОТЦОВ – ЗНАК СЫНОВЬЯМ

(Мидраш Танхума, Лех леха 9)

О книге

*

О киноленте

*

Об авторе

*

От автора

«Мыслие всегда инакомыслие, это ясно. Ибо повторение чужой мысли означает отсутствие собственной. Истины принимаются не к сведению, а к размышлению. А если кто умеет размышлять, то всегда глянет на предмет хоть чуток, да по-своему».

Михаил Веллер

«Неужели мы уступим писателям будущих поколений честь рассказать об этом миру?»

Василий Гроссман

Ради будущего и настоящего
мы не имеем право
забывать прошлое.
Историю не переделать,
но знать и понимать ее
необходимо.

О КНИГЕ

Загадкой ушедшего XX века, до сих пор не получившей объяснения, стало непомерное по масштабам уничтожение людьми людей — счет идет на десятки миллионов! Мировые и локальные войны, террор и репрессии, рукотворный голод чередой идут от начала века до его завершения. Самоуничтожению не видно конца и в новом, только что наступившем XXI веке.

О геноциде как орудию тоталитарных и авторитарных режимов спорят политики, историки, писатели, общественные деятели. Неизбежен ли геноцид? Есть ли пути к его предотвращению? Можно ли что-либо противопоставить стремлению тоталитарной власти к попранию элементарных прав человека на жизнь? Все эти вопросы невольно возникают при чтении книги Федора Лясса «Последний политический процесс Сталина, или несостоявшийся юдоцид».

Эта книга — плод многолетних раздумий автора — вышла в Израиле первым изданием в 1995 году и сразу привлекла к себе внимание историков, поскольку отличалась неординарным подходом к злободневной проблеме и верой в то, что черным силам, стремящимся к абсолютной власти, можно противопоставить такие, на первый взгляд, «наивные» вещи, как честность, порядочность, чувство долга и любовь к людям.

Тема книги — организация Сталиным после Отечественной войны 1941–1945 гг. ряда политических процессов с целью развертывания в стране тотального террора как метода упрочения личной власти. Подчеркнем, что это было его сверхзадачей во все годы правления. Представляя большой документальный материал, свидетельства и собственные наблюдения, автор делает следующее заключение: убийство знаменитого артиста и общественно-го деятеля С.М. Михозлса, «Дело Еврейского антифашистского комитета» и «Дело врачей-вредителей» были организованы лично Сталиным и вылились в единый карательный процесс, подобный политическим процессам тридцатых годов.

В этом дополненном издании Федор Лясс, используя метод системного подхода к историческим событиям, сделал оригинальные выводы о ходе следствия и закрытого судебного процесса над деятелями Еврейского антифашистского комитета. С помощью сетевых графиков автор построил обоб-

ценную модель всех организованных Сталиным политических процессов, начиная с тридцатых годов. Сопоставляя эту модель с ситуацией, возникшей в конце сороковых — начале пятидесятих годов, автор приходит к выводу: сопротивление арестованных членов Еврейского антифашистского комитета домогательствам следствия и суда в признании террористической и шпионской деятельности сорвало замыслы Сталина. Открытый показательный процесс, планируемый на 1950 г., не состоялся, и в то время это предотвратило начало широкомасштабного террора антисемитского характера с погромами и депортацией евреев. Сталин переносит ту же задачу на сфабрикованное по его заданию «Дело врачей-вредителей», которое развертывалось по той же методической схеме, что и предыдущие процессы, и должно было закончиться тотальным террором и депортацией советских евреев. Только смерть Сталина спасла евреев Советского Союза от окончательного уничтожения.

Книга интересна, поучительна и вполне своевременна для читателей, живущих в мире, раздираемым политическими противоречиями и тяжелым экономическим положением, в мире, чреватом возрождением тоталитаризма. Последняя волна ксенофобии и антисемитизма вызывает особое беспокойство. В большой мере юдофобия стала одной из причин и одновременно следствием современного мирового терроризма, держащего в тисках страха все цивилизованное человечество. История повторяется, к сожалению, не в виде фарса, а в виде грозного возрождения террора и насилия, а потому весьма актуально переиздание труда Федора Лясса.

При подготовке этой книги было решено включить в ее состав первое издание практически без изменений, так как оно само по себе имеет познавательную ценность. В первой ее части автор, не имея достаточных документов о событиях периода, в исторической науке получившего название «Позднего сталинизма», используя системный подход, сумел сделать выводы, подтвердившиеся в дальнейшем документальными находками.

Надо отметить, что книга не укладывается в рамки определенного жанра. Это и документальная публикация, и научно-историческое исследование, и мемуары, и историография, и даже острая полемика... Но и этим тоже книга Ф.М. Лясса будет интересна, причем не только историкам, но и широкому кругу читателей.

Григорий Гиршин, Виктор Саприцкий

О КИНОЛЕНТЕ

Видео сегодня сопровождает человека практически повсюду — на работе и дома, порой заменяет библиотеку, концертный зал, театр, выставочный павильон. В то же время использование видео как помощника в научном исследовании, историческом в том числе, пока не столь развито, как того заслуживает, и делает в этом направлении только свои первые шаги. А видео в сочетании с печатной публицистикой — это вообще едва ли не впервые. Сопровождающий книгу Федора Лясса документальный фильм Семена Давидовича Арановича «Большой концерт народов, или дыхание Чейн-Стокса» (Ленинград, 1991) расширяет познавательный ряд, предоставляя читателю возможность стать еще и прямым свидетелем событий, оживив героев повествования.

Через 20 лет после рождения гласности в перестроечном СССР, когда мы все только начали открывать подлинную, не фальсифицированную историю, фильм и книга становятся единым целым, повествующим о давнем и страшном времени.

Начиная работу над фильмом, мы сначала ограничивали свою задачу свидетельствами тех, кто был непосредственно связан с «Делом врачей-вредителей», «убийц в белых халатах». Поэтому те сведения, которые тогда, в 1986 г., сообщил нам Федор Лясс, были новыми для нас и позволили взглянуть на известные факты с иной позиции. По его убеждению, «Дело врачей-вредителей», задуманное лично Сталиным, было тесно связано как с убийством С.М. Михоэлса, так и с «Делом Еврейского антифашистского комитета», о котором мало кто в то время знал. По мысли автора книги, для упрочения собственной неограниченной власти Сталин планировал организацию в стране тотального террора, и в спасении евреев немалую роль сыграло отважное сопротивление, оказанное арестованными еще в 1949 г. членами Еврейского антифашистского комитета.

В связи с новыми задачами режиссер фильма Семен Аранович и наша творческая группа расширили временные рамки фильма, охватив события с 1948 по 1953 гг. Однако ограниченность заданного объема фильма не позволила использовать все, что мы засняли на киноплёнку. К сожалению, черновые материалы не сохранились, и нам не удалось восполнить утраченное.

Еще одно предложение Федора Лясса мы не осуществили. Вот что он писал Семену Арановичу в 1986 г.: *«...Так вот, праздник “Пурим” приходится на 1 марта 1953 года. В ночь на 1 марта ихватила кондрашка*

нашего “отца родного”. Моя бабушка (мать матери) тогда, в феврале, вспомнила еврейскую историю, которая повторилась спустя более 2000 лет. Это может придать фильму дополнительную кинематографическую остроту. И хотя я вполне современный и не верующий ни в бога, ни в черта, уж больно много мистики во врачебном деле. Может быть, это только плод моего больного воображения...». Но тогда, в те первые перестроечные годы, осуществить это было не реально.

Художественный стиль замечательного режиссера-кинодокументалиста Семена Арановича был чрезвычайно индивидуален и субъективен. Но на этот раз, пораженный услышанным от живых свидетелей страшных событий, он сам словно растворился в фильме, где главный герой память.

И все же, хотя в фильме нет никакого «закадрового» текста, понять отношение авторов фильма к страшным событиям конца 40-х начала 50-х гг. можно в каждом кадре, в каждом монтажном соединении. Вместе с героями-участниками фильма Аранович делает его страстным и мрачным. Фильм позволяет ощутить роковой «аромат» того исторического времени, дает возможность увидеть трагедию, задуманную Сталиным и осуществленную его подельниками как бы с двух точек зрения: глазами жертвы и глазами палача. Фильм становится «вещественным доказательством» для так и не состоявшегося суда над Сталиным и его подручными, над всей большевистско-коммунистической идеологией. И это не просто книга и фильм о последнем сталинском политическом процессе и расправе с еврейским народом и его культурой. Это свидетельство обвинения исторический документ, осуждающий уголовно-деспотическое государство, которое создал и выпестовал Сталин.

Мы дали название фильму «Большой концерт народов, или дыхание Чейна-Стокса». Сталинский Союз Советских Социалистических Республик в конце его правления, с одной стороны, показное, парадное празднество с музыкальными, хореографическими и декламационными номерами, а с другой начало агонии большевистского режима. Дыхание Чейна-Стокса возникает при необратимых поражениях головного мозга как один из неблагоприятных, с прогностической точки зрения, симптомов. Дыхательные движения проделывают определенный цикл: вначале частые и поверхностные, затем они становятся глубокими и редкими, доходят до максимума и переходят в длительную дыхательную паузу. После паузы снова повторяется тот же цикл. Но конец неизбежен: дыхание останавливается навсегда.

Павел Финн

ОБ АВТОРЕ

(Предисловие к первому изданию)

*И*зраиль, 1991 год, май. Я только что вернулся из Москвы, где изучал архивы Еврейского антифашистского комитета. Об этом я рассказал по радио на русскоязычном канале «РЭКА». Вскоре раздался звонок по телефону с просьбой о встрече. Звонивший хотел продолжить начатый мною по радио разговор о деятелях ЕАК. Так я познакомился с Федором Ляссом, профессором-медиком, только что репатриировавшимся в Израиль. И вот мы сидим в кафе, в центре Иерусалима. С жаром говорил он о своем видении и оценке происходивших в СССР в конце сороковых — начале пятидесятих годов исторических событиях, о своем подходе к ним и их анализе. Федор Лясс, не имея доступа к архивным материалам, априори утверждал, что арестованные в 1949 г. деятели Еврейского антифашистского комитета оказали героическое сопротивление следствию и закрытому суду, и это, в свою очередь, привело к срыву запланированного Сталиным геноцида советских евреев. При нашей первой встрече мой новый собеседник запомнился мне своей целенаправленностью, аргументированностью посылок и предположений.

Но одно дело — мемуарное изложение событий, пережитых их очевидцем или участником, другое дело — анализ, определение взаимосвязей, оценка явления... Это уже компетенция профессионала, знающего проблему в целом.

Мое осторожное отношение к внедрению в историческую науку непрофессионалов не беспочвенно. Так получилось, что к информации, которая хранится в архивах ранее недоступных и сверхсекретных государственных структур, доступ получили не историки, а журналисты и писатели. Подчас их изложение событий и оценки, чрезмерно окрашенные в эмоциональные тона, приводят к ошибкам, искажают исторические факты в угоду сиюминутности.

Помню, что заканчивая нашу затянувшуюся тогда беседу, я сказал, что документально подтвержденная история Еврейского антифашистского комитета кончилась с момента его роспуска, на что Лясс не без запальчивости ответил: «История Еврейского антифашистского комитета НАЧАЛАСЬ с момента его роспуска в 1948 году, а документы надо искать».

Прошло два года, за время которых мы неоднократно беседовали по интересующим нас вопросам, часто встречались на конференциях и симпозиумах, обменивались литературой. И в одну из наших встреч он сообщил, что подготовил рукопись книги и просит ее посмотреть.

Могу сказать, что автор за время работы над книгой углубился в историю, ознакомился с литературными источниками, недоступными ему прежде, и это сразу сказалось на обосновании заключений и выводов. Однако автор не стал беспристрастным исследователем. Он свидетель событий, о которых пишет. Поэтому неудивительно, что он находится не только под властью факта, но и под впечатлением пережитого. Это накладывает своеобразный отпечаток на изложение материала. Прочтя книгу, я понял, что творческая душа молчать не может, она и мыслит по-своему.

Книга, которую вы держите сейчас в руках, вышла в свет почти через полстолетия после описываемых в ней событий, однако актуальности она не потеряла. Ряд положений в книге носит дискуссионный характер. Но этим-то как раз она и интересна. Полагаю, что предлагаемая работа имеет определенную историческую и публицистическую значимость как документ эпохи.

Ее ценность в удачном сочетании оригинального метода анализа явлений, хроникального повествования свидетеля и участника событий и напряженного, почти детективного изложения материала. Книга читается с большим интересом, и я надеюсь, что она найдет своего читателя, того, кого волнует история жизни евреев в Советском Союзе в конце эры правления Сталина.

01.08.1994 г.

*Профессор Шимон Редлих,
Университет им. Бен-Гуриона (Беер-Шева)*

ОТ АВТОРА

За всю многовековую историю евреев над ними не раз нависала опасность их полного уничтожения. Как правило, эти преступные действия хорошо планировались, и для их реализации привлекался не только весь аппарат власти, но и практически все государственные структуры. Современная историческая наука уделяет много внимания изучению и широкому освещению таких акций, и мы сейчас хорошо знаем их идеологию и механизм. Акции эти получили название геноцида. Однако историческая наука уделяет недостаточное внимание изучению и освещению случаев запланированного, но не осуществленного, по тем или иным причинам, геноцида. А ведь вскрытие причин срыва хорошо идеологически продуманной и технически оснащенной акции важно не только для истории, но и для настоящего и будущего любого народа. Ибо, к сожалению, всюду есть еще люди, партийные и государственные деятели, лелеющие в своих мечтах и ставящие своей задачей уничтожение значительных этнических групп населения. О таком несостоявшемся, вернее, сорванном геноциде советских евреев я постоянно думаю вот уже более 50-ти лет.

По сей день в определенных кругах России, в работах ряда историков и статьях журналистов имеется тенденция обелить Сталина, поставив под сомнение его планы **геноцида*** еврейского народа в СССР. В связи с такой тенденцией и для более четкого определения планов Сталина, направленных конкретно против жившего в СССР еврейского народа, я решил уточнить название его планов термином «**юдоцид**» и вывел его в название книги, чтобы впредь ни у кого на этот счет не было сомнений.

Много лет мне, свидетелю трагических событий (сам я не был репрессирован), пережившему арест матери, все перипетии «Дела врачей-вредителей», арест и высылку близких друзей, всенародное разоблачение сталинского режима и неоднократные попытки реанимировать сталин-

* **Геноцид** (от греч. *genus* – род, племя + лат. *caedere* – убивать) – дословно: «уничтожение рода, племени». Под геноцидом следует понимать действия, совершаемые с умыслом, намерением уничтожить полностью или частично какую-либо национальную, этническую, расовую или религиозную группу людей, как таковую. Проявляется: а) убийствами членов такой группы; б) причинением серьезных телесных повреждений или умственных расстройств членам такой группы; в) преднамеренным созданием для какой-либо группы таких жизненных условий, которые рассчитаны на полное или частичное физическое ее уничтожение.

щину, не давали покоя вопросы: зачем, почему, для чего нужно было после победоносно закончившейся Отечественной войны, суда над фашистами, стольких человеческих потерь, радости победы, подчинения почти половины Европы затевать грязную и, как мне казалось, ничем не оправданную акцию над людьми, глубоко преданными государству, народу и тому политическому строю, которому они служили верой и правдой? Со временем, когда начала просачиваться кое-какая информация и когда стало возможным поговорить с близкими, возвратившимися из тюрем и ссылок, прочитать свидетельства очевидцев и участников фальсифицированных процессов, проанализировать некоторые официальные документы, сложилась и собственная концепция того, что произошло и что могло бы произойти в СССР в конце 40-х – начале 50-х гг.

Широкое освещение в научной и публицистической печати многих стран мира (включая, конечно, бывший СССР, современную Россию и Государство Израиль) материалов по преследованию и расправе над еврейской элитой, к сожалению, не снимает многих вопросов, и не все, с моей точки зрения, правильно интерпретируется.

Основной же причиной, побудившей меня взяться за перо и поделиться своим мнением, родившимся и окрепшим десятки лет тому назад, – это глубокая вера в то, что живое свидетельство никогда не теряет своего значения для анализа и оценки исторических фактов. Разве мог я мечтать в бессонные ночи 40-х – 50-х годов о смерти Иосифа Сталина или о расстреле мастера заплечных дел Лаврентия Берии и уничтожения палачей из МГБ... Надеюсь, что мне в жизни повезет, и я доживу до того, когда откроется **вся** правда о том темном, смутном времени... Это во-первых.

Во-вторых – медицинские аспекты. Они у историков выпали из поля зрения, и, если к ним и обращаются, то зачастую решают их с грубыми профессиональными (медицинскими!) ошибками. Согласитесь, таких моментов много: оценка Сталина как психопатологической личности, клинические проявления патологии сердца у А. Жданова, реальность осуществления «вредоносного преступного лечения больных» врачами-евреями во всех медицинских учреждениях страны, закономерность смертельного исхода у больного старческого возраста с запущенной и нелеченной гипертонической болезнью, каким был Сталин, и т.д. А медики самоустранились. Вот я – клиницист с пятидесятилетним врачебным стажем – и решил взяться за несвойственный мне литературный труд, проглотивший все последние 10 лет.

В-третьих, полвека тому назад, 5 марта 1953 г., умер Сталин. Но умереть – это не значит исчезнуть из истории. Поэтому главное – это найти в ней Сталину место и воздать ему должное. А должное было только

черное и сплошь кровавое. Сталин «жив» до сих пор, и это страшно не только для России, но и для человечества. Сегодня не хотят знать, что Сталин был вождем и вдохновителем одной из самых чудовищных диктатур, которые когда-либо знала история. Сейчас, по данным социологов, в России почти половина населения уверена, что «отец народов» сыграл в истории страны положительную роль, и хотят видеть во главе страны «нового Сталина», а только треть считает его тираном, требующим серьезного и бескомпромиссного осуждения. Задача книги, какой я ее вижу, внести необходимый вклад в десталинизацию и осуждение тотальной диктатуры, при которой мы жили в течение смены целого поколения.

И, наконец, самое главное. В процессе работы над книгой, изучая опубликованные документы и показания свидетелей, я пришел к очень важному выводу: на всех этапах подготовки и осуществления последнего политического процесса Сталина находились евреи, которые по мере сил и вопреки возможностям противодействовали Сталину и его подручным. Лейтмотив моей книги **еврейское сопротивление злой воле Сталина**. Это было не только пассивное неприятие, но и активное противодействие в самые критические моменты и в самых ответственных сферах его политики. В результате тиран потерпел поражение!

Парадоксально! Как могли евреи, находившиеся в нечеловеческих условиях, в тисках самой страшной в мире карательной машины, сосредоточении всех зол, проявить свою волю к справедливости и не сломаться? Странное, расходящееся с общепринятым не только тогда, в середине прошлого века, но и сейчас, в начале XXI столетия, мнение, противоречащее «здравому», насажденному в наши «совковые» головы представлению о всесильности органов власти.

Такое своеобразное ощущение я пережил в начале 70-х, когда прочитал в самиздате книжку Андрея Амальрика «Просуществует ли Советский Союз до 1984 года?». Даже постановка такого вопроса тогда, когда страна была сильна как никогда, когда «народ и партия едины», была для меня не только неожиданной, но просто противоречащей здравому смыслу фантастикой. Но тем-то и сильно неожиданное, непривычное утверждение, расходящееся с традицией. Никому в голову не приходило, что такая громадина, как СССР, может самостоятельно развалиться. На поверку Амальрик оказался прав вопреки западной футурологии, а также мнению сотен «специалистов-советологов» и политиков, разрабатывавших систему противостояния «империи зла». Недавно мне довелось вновь перечитать эту книгу, и я понял, насколько Амальрик, на основании анализа социально-экономической обстановки в стране, был прозорлив тогда. Беру на

себя смелость высказать предположение, что как прогноз Амальрика о быстром и неминуемом распаде СССР, так и моя убежденность, что сопротивление евреев стало началом крушения режима Сталина, отнюдь не парадокс, а закономерное явление, свидетельствующее о мужестве и силе духа еврейского народа.

Я бы не стал писать эту книгу, если бы не осознавал необходимость отдать должное тем людям, которые в момент опасности нашли в себе силы победить страх перед палачами и понять, что от их поступков зависит не только судьба их самих и ближайшего окружения, но и судьба народа, к которому они принадлежали. Я писал эту книгу с определенным намерением привить мое мнение о Позднем Сталинизме» и о евреях, повернувших ход «советской истории». Эта книга мой долг перед памятью как близких мне, так и совершенно незнакомых людей, силой обстоятельств оказавших свое влияние на ход истории.

Федор Лясс

*

Вот пришли и ко мне седины,
Распеваётся воронье!
«Не судите, да не судимы...» –
Заклинает меня вранье.

...Так вот, значит, и спать спокойно,
Опускать пятаки в метро?!
А судить и рядить на кой нам?!
«Нас не трогай, и мы не тро...»

Нет! Презренна по самой сути
Эта формула бытия!
Те, кто выбраны, те и судьи?!
Я не выбран. Но я – судья!

(А. Галич. Из песни «Без названия»)

ПЕРЕД КОНЦОМ

Абсолютное зло

*

Черный ящик

*

Грязная тряпня

*

Начало

*

Роковая дата

*

Не получилось

*

Цель – террор

*

Сопротивление

*

Врачи

*

Обличители

*

По проторенной дорожке

*

Страх прежде всего

*

Противостояние

*

Разгул антисемитизма

*

Спешат приобщиться

*

Сдох как собака

*

Передышка

*Во всем мне хочется дойти
До самой сути.
В работе, в поисках пути,
В сердечной смуте.*

*До сущности протекших дней,
До их причины,
До оснований, до корней,
До сердцевины.*

Борис Пастернак

*«Во всех высших отраслях знания самую большую
трудность представляет не открытие фактов,
а открытие верного метода, согласно которому
законы и факты могут быть установлены».*

Генри Томас Бокль

Перед вами книга, посвященная
неудавшейся попытке юдоцида,
планировавшегося Сталиным
в середине прошлого века,
и о тех, кто спас евреев
от уничтожения.

АБСОЛЮТНОЕ ЗЛО

С чего же начать эту непростую историю, положившую, как я считаю, начало распаду тоталитарного режима, социалистического по форме и фашистского по содержанию?

Начать придется с Иосифа Сталина, поскольку все, повторяю, все в нашем бывшем государстве, с конца 20-х – начала 30-х гг. до дня, когда он умер, было связано с этим человеком: политика, экономика, наука, искусство, мораль, судьба всех людей страны, которой он безраздельно правил почти 30 лет. Не уразумев, кто и что такое Сталин, нельзя безошибочно и по достоинству оценить, что происходило при его правлении.

Сталин – один из трех тиранов XX столетия. ОН, Гитлер и Мао Цзэдун. ОН, Сталин, носитель сверхвласти. Это земной бог, и другого бога нет, не было, и другой бог ему был не нужен. Тиран требует поклонения только ему, и все, буквально все, должны подвижнически его любить или безгранично его бояться. Другого не дано! ОН один надо всем и всеми. По моему разумению, Сталин представлял смесь мозговитого субъекта, беспринципного политика, беспощадного убийцы, сумасбродного тирана, садиста, затравленного затворника, патологического труса.

Вот как охарактеризовала этого человека его дочь, Светлана Аллилуева:

«Опустошенный, ожесточенный человек, отгородившийся стеной от старых коллег, от друзей, от близких, от всего мира, вместе со своими сообщниками превративший страну в тюрьму, где казнилось все живое и мыслящее; человек, вызывавший страх и ненависть у миллионов людей. Это мой отец». И далее: «Многим кажется более правдоподобным представить его грубым физическим монстром, а он был монстром нравственным, духовным. Второе страшнее. Но это и есть правда» (13).

Таков он был в личной жизни. Вряд ли есть свидетель, знавший его больше и глубже, чем родная дочь.

В записках Д.Д. Плетнева личного врача Сталина в начале и середине тридцатых годов мы находим следующее описание диктатора:

«Сталин обладал неустрашимостью и мужеством льва, умом змеи, слабостью и трусостью зайца, и все это одновременно! Он плохо переносил физическую боль, и боли в суставах иногда доводили его до исступления. Он не терпел возражений, был склонен к хвастовству и любил лезть. Он обладал широким кругозором, проницательностью, изворотливостью, гибкостью и сильной склонностью к авантюризму. Однако одних лишь духовных его способностей было бы

недостаточно для успешного восхождения, если бы не дьявольские хитрость и коварство и поразительное знание человеческой души со всеми ее слабостями. Он был упрямым, последовательным и обладал невиданной силой воли и железными нервами. Обмануть его, стоя перед ним, было очень трудно, потому что возникало впечатление, что его глаза видят тебя насквозь... По выражению лица невозможно было угадать его истинных мыслей. Иногда он казался обманчиво добродушным и дружелюбным, в то время как испытывал к этому человеку только вражду и ненависть. Он страдал только двумя расстройствами: мегаломанией и манией преследования» (210).

А вот мнение о Сталине его соратника по борьбе с фашистской Германией Уинстона Черчилля:

«Сталин производил на нас неизгладимое впечатление. Его влияние на людей было неотразимо. <...> Он обладал глубокой мудростью и чуждой всякой панике логикой. Сталин был непревзойденным мастером находить в трудные минуты выходы из самого безвыходного положения. <...> Он был необычайно сложной личностью. Сталин был величайшим, не имеющим себе равных в мире диктатором» (312).

Лев Троцкий – его заклятый враг:

«Нельзя понять Сталина и его позднейший успех, не поняв основной пружины его личности. Это любовь к власти, честолюбие, зависть активная, никогда не засыпающая зависть ко всем, кто даровитее, сильнее и выше его» (291).

Милован Джилас – функционер компартии Югославии:

«Если смотреть с точки зрения успеха и политической находчивости, Сталина, вероятно, не превзошел ни один государственный муж его времени» (99).

Кроме себя, Сталин обожествил и партию, которую он возглавлял. Все, партийные и беспартийные, обязаны подчиняться, бездумно и безжалостно выполнять самый глупый и зверский приказ, если он исходил от имени большевистской (коммунистической) партии.

Многие говорили и до сих пор говорят о невероятных способностях Сталина. Конечно, забраться на верхушку власти и долгое время держать в руках шестую часть земного шара – это ли не безусловное свидетельство его незаурядности? Феномен Сталина опровергает расхожую формулу о несовместимости гениальности и злодейства. Но в данном случае – это особый род гения. Я бы назвал его гением злодейства!

Сталин с гениальной прозорливостью создал общественную систему национал-большевизма, освободив себя, свое окружение и вообще весь народ от понятий морали и права. Главный рычаг, с помощью которого он трансформиро-

вал всю страну в нужном ему направлении, был террор*. Опутывая народ мифом о врагах внутренних и внешних, он довел его до полной деградации, сковав тотальным страхом и насилием, которые и определяли нашу жизнь во все время его правления.

Жажда безграничной власти дошла у Сталина после войны до наивысшей точки. Страна была полностью в его власти. Вождь терял рассудок. Будучи абсолютным властителем, он боялся всего и всех: своих преданных соратников, которым не доверял, охранников, которые служили ему верой и правдой, народа, который его боготворил, «врагов», уже практически уничтоженных за годы террора; боялся своей тени... Упоение властью и жалкий страх – вот будни Сталина последних лет его жизни. Склеротический мозг тирана сверлила триединая мысль – как продлить свою жизнь, как уберечь себя от опасностей, как удержать власть. Его многолетний опыт борьбы за власть, как и опыт других тиранов всех времен и народов, говорил ему, что наилучшее средство в этой борьбе – Страх.

Страх порождает самые низменные явления в обществе: предательство, наущничество, отсутствие доверия друг к другу, к родственникам, к друзьям, ложь дома и на работе, доносительство. С помощью Страха, принявшего гипертрофированные размеры, значительно легче править страной. Она вся во власти тирана. Страх – это постоянное чувство нависшей над тобой опасности, и он хорошо знает это чувство по себе. Постоянно борясь за власть, он постоянно боится ее потерять.

Еще в 1934 г. Сталин спросил у курировавшего его врача-терапевта Мирона Григорьевича Шнейдеровича: «Доктор, скажите, только говорите правду, будьте откровенны: у вас временами появляется желание меня отравить?». Мирон Григорьевич, растерянный и испуганный, молчал. Сталин же его успокоил: «Я знаю, вы, доктор, человек робкий, слабый, никогда этого не сделаете, но у меня есть враги, которые способны это сделать...» (176). Много лет Страх за свое существование неотступно преследовал его днем и ночью. Этот же Страх, по его убеждению, должен тяготеть надо всеми. Все должны были ощущать Страх

* **Террор** (от латинского *terror* – страх, ужас) – метод, средство для осуществления политических и идеологических задач, основная цель которого заключается в насаждении страха, ужаса среди мирного населения, как правило, не причастного к политическим, религиозным или экономическим разногласиям, всегда существующим в обществе. Затрагивает население любого возраста, включая детей, и подразумевает их коллективную ответственность. Проявляется актами насилия, убийствами, подстрекательством, моральным и физическим давлением, угрозами расправы, гонениями, преследованием по отношению к группе или конкретному субъекту, нарушением личной неприкосновенности. Организаторами и исполнителями террора могут быть как государственные структуры, так и внегосударственные политические, религиозные и другие образования.

за себя, за родных и близких. Все должны были испытывать чувство надвигающейся на них опасности: опасности быть арестованными, сосланными, ошельмованными, убитыми, отравленными. Поднявший в вульгаризации философии, Сталин знал, что есть философские теории, усматривающие в страхе перед неизвестным причину возникновения религий, верований. Коммунистическую идеологию он приравнял к религии, приверженцы которой должны иметь своего творца, своего бога, Верховное существо, Вседержителя. А Сталин давно вознес себя на это место. «В ком есть страх, в том есть Бог» – Сталин очень любил русские пословицы и поговорки...

Страх пронизывал существование всех граждан от мала до велика. Для поддержания среди всех слоев общества состояния постоянного Страх были задействованы все структуры страны, а не только МВД или МГБ. От начальника отдела кадров в каждом учреждении до соседа по квартире – все работали на Страх и были пропитаны им. Но не только административный аппарат и сексоты (секретные агенты органов безопасности) денно и ночью трудились, умножая Страх. Научные кадры изыскивали «научное» обоснование для поддержания чувства постоянного Страх в обществе. Всеобщий Страх постоянно подпитывался индивидуальным Страхом. Почти у каждого в семье были репрессированные за связь родственную, дружескую или служебную с кулаками, служителями культа, «врагами народа», иностранцами, троцкистами, лишенцами, бывшими нэпманами и пр. и пр. А неосторожно сказанное слово, безобидный анекдот, использование для туалетных надобностей газетной бумаги с ликами «отца народов» и его сатрапов, чтение неразрешенной литературы были прямой путевкой в тюрьму. Каждый в стране становился кандидатом на переход из статуса неконвоируемого в положение конвоируемого. О личной свободе при режиме Сталина вообще не могло быть и речи.

В таком методе правления и тотального подчинения Сталин был преуспевшим учеником основателя не только советского государства, но и государственного террора – В.И. Ленина. Теория же использования террора как инструмента власти была заложена еще в марксистских представлениях о сущности и содержании понятия «диктатуры пролетариата» как одной из разновидностей «диктатуры класса». Но классовое значение террора значительно расширил Ленин. По его мнению, режим диктатуры пролетариата должен опираться на террор и насилие по отношению к классовым противникам и охватывать собой весь период социализма. Если учесть, что цель социализма – уничтожение классов, которые, по предположению Ленина, будут существовать на протяжении всего периода диктатуры пролетариата, т.е. социализма, то получается, что террор – единственно возможный способ существования социалистического общества (162).

Лениным были заложены в фундамент большевистского государства монополия одной власти, расчет на диктатуру бюрократии, преклонение перед насилием, единомыслие. Ленин первым использовал террор как метод решения социальных, политических и экономических проблем, вызванных Октябрьским переворотом. В первые же минуты переворота Ленин, находясь в Смольном, форсирует штурм Зимнего дворца и низложение Временного правительства, грозя расстрелом за невыполнение его приказа. Началась новая эра. Сначала угроза расправы, а в очень скором времени и ее претворение в жизнь стали важнейшими элементами политики большевиков – коммунистов. Карающий меч террора прежде всего был направлен против своих соратников, своих сограждан.

Вот что писал Ленин народному комиссару юстиции Д. Курскому: «...обосновать и узаконить террор <...> без фальши и прикрас <...> формулировать надо как можно шире...» (86). В телеграмме большевикам Пензенской губернии (август 1918 г.), где вспыхнуло крестьянское восстание, он дает указание повесить не только зачинщиков беспорядков, но и «не меньше 100 самых крупных богатеев», и «непременно повесить, дабы народ видел <...> и <...> трепетал» (72).

Еще в 1905 г. Ленин писал: «Бомба перестала быть оружием одиночки-бомбиста, она становится необходимой принадлежностью народного вооружения». При этом он призывал забросать российские города ручными бомбами. Н. Михайловский определил методы борьбы, проповедуемые Лениным, и его любовь к терроризму как «школу озверения» (149). За те несколько лет правления Россией, которые ему были отведены судьбою, Ленин делал ставку только на насилие: политическое, экономическое, духовное. Он сделал принуждение нормой, обычным явлением, законным актом, не раз призывая своих соратников к «революционному» террору. Привожу всего только два из его многочисленных писем, написанных в 1918 г.:

«Тов. Зиновьев! Только сегодня мы услышали в ЦК, что в Питере рабочие хотели ответить на убийство Володарского массовым террором и что вы (не Вы лично, а питерские цекисты или пекисты) удержали... Протестую решительно!

Мы компрометируем себя: грозим даже в резолюциях Совдепа массовым террором, а когда до дела, тормозим революционную инициативу масс, вполне правильную.

Это не-воз-мож-но! Надо поощрять энергию и массовидность террора против контрреволюционеров, и особенно в Питере, пример коего решает. Привет! Ленин» (70).

* * *

«Свияжск, Троцкому.

Благодарю, выздоровление идет превосходно. Уверен, что подавление казанских чехов и белогвардейцев, а равно поддерживающих их кулаков-кровопийц, будет образцово-беспощадное. Горячий привет! Ленин» (70).

Начало НЭПа, Ленин тяжело болен, но это положение не остужает его жестокого целеустремленного фанатизма. Он пишет негодующие письма «товарищу Курскому» о недопустимости ослабления террора и во время НЭПа, требуя расстреливать священников, офицеров, буржуев и даже проституток... «Мыслящая гильотина» – так расценивали Ленина недруги и соратники.

Н. Бухарин, которого сталинисты клеймили как «мягкотелого либерала», писал:

«Здесь, у нас, где мы абсолютные хозяева, мы совершенно никого не боимся... Не существует в России ни одного дома, где бы мы не убили, так или иначе, отца, мать, дочь, сына, какого-нибудь близкого родственника или друга» (334).

Сталин подхватил эстафету террора – террора «образцово-беспощадного» – от его организатора, Ленина, и сразу включил в арсенал упрочения большевистской власти, своей власти, сделав его краеугольным камнем внутренней политики государства. Сталинский террор – безжалостный и беспощадный – косил всех подряд, но в первую очередь уничтожали самых одаренных, цвет страны. Вспомним популярный лозунг, вывешенный на каждом перекрестке, на крышах домов, в руках демонстрантов: «Сталин – это Ленин сегодня!».

1930 год. Сталин требует в письме к Молотову:

«...обязательно расстрелять десятка два-три из этих аппаратов, в том числе десятков кассиров всякого рода и пару-другую мерзавцев нужно обязательно расстрелять. <...> Через неделю дать извещение от ОГПУ, что все эти мерзавцы расстреляны. Их всех надо расстрелять...», и т.д.

И так десятки, сотни, тысячи... Это только разбег, только «проба пера». Впереди – 37-й год.

Я далек от мысли связать творившийся произвол только с именами Ленина и Сталина. Троцкий – не менее жестокий революционер, загнавший несчастный народ в охраняемые поселения, инициатор жутких пыток в провинциальных «чрезвычайках» и кровавых расправ в подвалах ВЧК. Бухарин, интеллигент Бухарин, в 1920 г. в «Азбуке коммунизма» доказывал, что незнательным элементам, которые не хотят жить при коммунизме, жить и вовсе не обязательно. Вот его теоретическое утверждение террора: «Пролетарское принуждение во всех формах, начиная от расстрелов, является методом выработки коммунистического человека из человеческого материала капиталистической эпохи». Еще один большевистский интеллигент – Зиновьев, под корень истребивший питерскую дореволюционную интеллигенцию. Каменев, Киров и им подобные были также сатрапами режима, со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Вряд ли террор так бы расцвел, если бы не была сутью политической линии партии большевиков с начала ее существования. Вся деятельность партии и советского государства строилась на постоянном и повседневном терроре, так как

система террора и насилия заложена в природе тоталитарного антидемократического режима правления, какими бы политическими лозунгами ни прикрывались правители: социализмом, коммунизмом, религиозным фундаментализмом, нацизмом или любым другим «измом».

В том, как террор выбирал свою жертву, не всегда можно было усмотреть какую-то логику или смысл. Но тем страшнее была эта неизвестность, эта неопределенность, непредсказуемость завтрашнего дня. Никому, кроме главного тирана, не дано было знать, кто окажется очередной жертвой и когда карательный меч террора опустится на него. Карательная машина, заведенная Лениным, с разной интенсивностью, но бесперебойно работала до смерти Сталина. Собственно, она продолжала работать и после нее – во времена Хрущева, Брежнева, Андропова, Черненко, но уже не столь глобально и не так страшно, как в 30-е – 50-е годы.

Анализ архивных документов, проведенный Д. Волкогоновым (70), привел его к заключению, что начиная по крайней мере с середины 30-х годов, Сталин уделяет работе НКВД, НКГБ значительно больше внимания, чем делам в Центральном Комитете или в правительстве. В личном фонде и переписке больше всего документов, направленных Сталину Берией, Абакумовым, Кругловым, Меркуловым, Серовым, Игнатьевым и другими руководителями силовых и репрессивных структур и ведомств, на которые он опирался, которые поддерживал и поощрял.

Еще одним из неписаных «законов» сталинской диктатуры, ее обязательным этапом становится уничтожение отдельных лиц или групп, которые представляли угрозу единоличной власти Сталина. Так, сначала был отстранен от власти, а позже убит Троцкий, затем, после показательных открытых политических процессов, казнены Каменев и Зиновьев, потом – Бухарин. Сталин также уничтожил своих ближайших соратников – Ягоду и Ежова, хотя они были преданы хозяину «до мозга костей». Сработал закон преступного мира – убирать своих подельников. На этом «вождь народов» не остановился. Под нож, вернее, под расстрел попали и их ближайшие подручные – Я.С. Агранов, В.А. Прокофьев, В.А. Балицкий, Т.Д. Дерibas, С.Ф. Реденс, Л.М. Заковский. Но это была только вершина колоссального айсберга трупов руководителей и ответственных работников-чекистов – тех, чьими руками осуществлялась эта расправа. Из 12-ти представителей верхнего эшелона чекистского аппарата, проводивших в жизнь «Большой террор», остался в живых только один С.А. Гоглидзе – друг Берии и будущий руководитель следствия по «Делу врачей-вредителей».

В следующий слой уничтоженных и репрессированных в течение 1937 – 1939 гг. чекистов попало более двадцати одной тысячи сотрудников НКВД. Расстреляно более сорока руководящих работников центрального аппарата и тридцать наркомов внутренних дел союзных и автономных республик. Сталин про-

явил себя блестящим организатором атмосферы страха, поддерживая в высших звеньях аппарата постоянное напряжение. Одни палачи уничтожали других палачей. От вакханалии репрессий никто не был застрахован: сегодня какой-нибудь высший политический или государственный чин с высокой трибуны клеймил «врагов народа», «шпионов», «вредителей», а завтра сам мог оказаться – и часто оказывался – в камере НКВД. Эпизодически, но достаточно регулярно Сталин смещал то одного, то другого руководителя центрального или регионального масштаба, благо поводов для этого всегда было предостаточно: не выполнен план, не разоблачили вовремя «орудовавшую в области шайку вредителей», потакал «низкопробным произведениям культуры», допустил «грубую политическую ошибку» в книге, статье, и т.д. Никто не мог быть уверен, что державная рука завтра или позже не смахнет с высокого поста наркома, первого секретаря обкома, маршала, руководителя какого-либо ведомства. Поэтому многие работали самоотверженно, находясь в постоянном напряжении, непрерывно поглядывая наверх и не щадя подчиненных.

Сталин неотступно проводил в жизнь систему, при которой власть всегда должна внушать не столько уважение, сколько Страх. Причем, чем круче меры воздействия, тем эффективнее результаты.

Если принять официальные цифры за достоверные, то только расстрелянные по приговорам судов, троек и Особых совещаний (ОСО) составляют 800.000 человек! (80) Простая арифметика показывает, что в течение 20-ти лет каждые 15 минут приводился в исполнение расстрельный приговор. За час убивали четырех ни в чем не повинных людей, сто – за сутки, и так без перерыва все двадцать крошечных лет. Но смертные приговоры – это только один из элементов карательной многоступенчатой машины. В книге Ю. Марголина «Путешествие в страну зэ-ка» (196) приведен расчет примерной численности заключенных в стране, по которому выходило, что одновременно в лагерях обитало несколько миллионов человек. Ежедневно в лагерях, тюрьмах и поселениях гибли одна-две тысячи заключенных – замерзших, замученных, убитых. Итак, в год за проволочкой в системе ГУЛАГа погибало около миллиона узников...

В 1954 г. по инициативе Н. Хрущева в ЦК КПСС были представлены данные о том, как работала репрессивная машина, сколько всего через тюрьмы, лагеря и поселения прошло безвинных людей. В соответствующем документе, подписанном генеральным прокурором Р. Руденко, министром внутренних дел С. Кругловым и министром юстиции К. Горшениным, значилось, что с 1921 по 1953 гг. за так называемые «контрреволюционные преступления» было осуждено Коллегией ОГПУ, тройками НКВД, Особым совещанием, Военной коллегией, судами и военными трибуналами 3.777.380 человек, в том числе к ВМН (высшей мере наказания – расстрелу) – 642.980 человек, к содержанию в лаге-

рях и тюрьмах на срок от 25-ти лет и ниже – 2.369.220, ссылке и высылке – 765.180 человек (237).

Более страшные цифры приводит Д. Волкогонов. За этот же период жертвами сталинских репрессий стали от 19.500.000 до 22.000.000 советских граждан, и из них не менее трети были приговорены к смертной казни или погибли в лагерях и ссылке (70). Что это значит? То, что ежемесячно 20.000 семей лишались кормильцев, а террор затаскивал в бездну ссылок еще не менее чем в два-четыре раза больше членов их семей!

Вот как оценивает этот карательный смерч, висевший над страной тридцать лет, Д. Волкогонов: «Пожалуй, это самый страшный и чудовищный пир насилия в истории, который когда-либо удавалось справлять на Земле диктаторам. Сталин всегда следовал своему кредо, которое им было высказано: “...мы будем уничтожать каждого такого врага, хотя бы он был и старым большевиком, мы будем уничтожать весь его род, его семью. Каждого, кто своими действиями и мыслями, да, и мыслями, покушается на единство социалистического государства, беспощадно будем уничтожать”». Кажется, что это слова средневекового инквизитора. А ведь им следовали, они были целой программой! Сталин убивал, чтобы властвовать, и властвовал, чтобы убивать!.

Есть еще один страшный документ, говорящий о том, какое количество ни в чем не повинных граждан СССР унес сталинский террор в конце тридцатых годов. Он был составлен по инициативе Президиума ЦК КПСС в феврале 1963 г. Представляем следующие цифры, за которыми живые люди: в 1934 г. арестовано 68.415 человек; в 1935 г. – 104.716 человек; в 1936 г. – 85.530 человек. Всего за 1935 и 1936 гг. арестовано 190.246 человек, из них расстреляно 2.347 человек. В 1937 г. арестовано 779.056 человек; в 1938 г. – 593.336 человек. Всего за 1937 и 1938 гг. арестовано 1.372.392 человека. Особо отметим, что в разгар террора было перемолото в двадцать раз больше (!!!) людей, чем при его начале. Из них расстреляно 681.692 человека, в том числе по решениям внесудебных органов – 631.897 человек. В числе репрессированных, по неполным данным, было членов и кандидатов в члены ВКП(б) в 1937 г. – 55.428 человек, в 1938 г. – 61.457 человек.

В 1939 г. было арестовано 33.924 человека, в 1940 г. – 87.109 человек. Всего за 1939 и 1940 гг. арестовано 121.033 человека, из них расстреляно 4.464 человека. В 1939 – 1940 гг. в состав СССР вошли западные области Украины и Белоруссии, Эстония, Латвия, Литва и Бессарабия. Установление советской власти на этих территориях было связано с репрессированием представителей имущих классов и других «враждебных антисоветских элементов».

О грандиозном размахе репрессий в 1937 – 1938 гг. свидетельствует и следующее сравнение. В 1941 – 1945 гг. было арестовано 690.843 человека, в 1946 – 1952 гг. – 385.720 человек, всего же за эти 12 лет арестовано 1.076.563

человека, из которых расстреляно 59.653 человека, тогда как только за 1937 и 1938 годы арестовано 1.372.392, из них расстреляно 681.692 человека.

Получила широкое распространение преступная практика, заключающаяся в том, что в НКВД составлялись списки лиц, дела которых подлежали рассмотрению в Военной коллегии Верховного суда СССР или Особым совещанием НКВД, причем заранее определялось «наказание». Эти списки направлялись лично Сталину. В списках определялись три категории наказания: первая – расстрел, вторая – тюремное заключение от 8-ми до 25-ти лет, и третья – заключение до 8-ми лет и высылка. В настоящее время обнаружена лишь часть списков, которые направлялись НКВД лично Сталину. В списки за 1937 – 1938 гг. были включены более 44-х тысяч видных работников партии, военных деятелей, хозяйственников. Из этого числа 39 тысяч должны были быть осуждены по первой категории, 5 тысяч – по второй, и 102 человека – по третьей. На этих списках имеются собственноручные резолюции Сталина и других членов Политбюро: В. Молотова, К. Ворошилова, Л. Кагановича, А. Жданова, А. Микояна, С. Косиора. Члены Политбюро делали записи, поощрявшие работников НКВД.

Шквал непрекращающихся репрессий был в значительной степени порожден страхом. Опирающийся на бюрократическую, командно-административную систему, сталинский режим был пронизан этим страхом. Враги мерещились всюду – в партийном аппарате, в Красной армии, в комсомоле, среди интеллигенции, на шахтах и заводах, в сельсоветах, в Коминтерне...

Было у Сталина и нечто оригинальное в осуществленном им комплексе карательных мер, своеобразная «режиссерская находка» – открытые показательные политические процессы над «врагами народа», представителями «пятой колонны», «агентами империализма», «агентами фашизма», чередой проходившие с 30-х годов до дня его смерти. Он их изобрел и раз от разу отлаживал, доведя к середине 30-х годов до совершенства. На осуществление политических процессов в первую очередь работали весь следственный состав ОГПУ – НКВД (МВД) – НКГБ (МГБ), прокуратура, суды. Но и другие партийные и государственные структуры вносили в эти процессы «достойный» вклад.

Открытые судебные политические процессы были первым, запускающим всю карательную машину этапом. От неукоснительного исполнения всех замыслов Сталина зависел дальнейший сценарий карательных мер. Открытый судебный фарс имел многоцелевое назначение. Он придавал расправе оттенок законности, играл на низменных чувствах народа, удовлетворяя его жажду зрелищ, отвлекая от насущных проблем и убаюкивая совесть в сомневающих. Главным кульминационным и обязательным пунктом в нем, по режиссуре Сталина, было личное «признание» обвиняемых в преступных действиях против партии, государства, народа. Без этого не мог проходить ни один открытый процесс, и на этот акт са-

мобичевания, самоговора были направлены весь предшествующий суду следственный этап и все судебное действо.

Подсудимые, чьи имена в истории партии стояли сразу за именем Ленина, стратеги революционного движения, кормчие индустриализации, видные партийные деятели перед всем народом страны, перед всем миром заявляли: Каменев – «Я требую для себя расстрела», Зиновьев – «Мой изощренный большевизм превратился в антибольшевизм и через троцкизм я пришел к фашизму», Бухарин, Рыков, Радек во всеуслышание признали себя германскими шпионами. А когда Крестинский (член ленинского ЦК) отошел от сценария, предписанного Сталиным, и вдруг заявил: «Я не совершил ни одного из тех преступлений, которые мне вменяются», – то уже на следующем судебном заседании отрекся от своего заявления: «...я целиком и полностью признаю себя виновным. Вчера, под минутным чувством ложного стыда, вызванного обстановкой скамьи подсудимых, я не в состоянии был сказать правду».

Очень продуманно Сталин подбирал и действующих лиц для судебного спектакля. На первых ролях, т.е. главными обвиняемыми, были представители элиты тогдашнего общества: активные участники дореволюционного подполья (Л.Б. Каменев, Г.Е. Зиновьев, Н.И. Бухарин, Ю.Л. Пятаков), крупнейшие партийные работники (А.И. Рыков, М.П. Томский, А.Г. Шляпников), руководители ведомств (Г.Е. Евдокимов, Н.П. Бакаев, И.С. Горшенин, И.И. Рейнгольд, Г.Я. Сокольников, М.А. Чернов), высшие военачальники (маршалы В.К. Блюхер, М.Н. Тухачевский, А.И. Егоров), один из руководителей Коминтерна (К.Б. Радек). На них был направлен первый удар. Сломал волю тех, кто свободно ориентировался в вопросах политики, философии, экономики, имел большой авторитет как организатор производства и осуществлял хозяйственную политику страны, Сталин уничтожал их первыми. Поражение элиты сразу парализовывало действия тех, кому Сталин отводил вторые роли. Но и на вторые роли он также привлекал уважаемых людей, хоть рангом поменьше: секретарей обкомов и горкомов, директоров заводов и фабрик, железных дорог, командный состав армии, видных партийных, комсомольских работников, хозяйственников. Зачисление в разряд «врагов народа» наиболее грамотных и активных представителей советского общества исключало даже мысль о разумном противодействии расправам. Такую тактику применил Сталин, начиная с самых первых организованных им политических процессов, четко ее реализует в 1935 – 1938 гг.

Опыт проведения политических процессов 30-х годов показал действенность замысла Сталина, возможность его реализации. Поэтому, возобновляя в послевоенный период тактику тотального террора как метода поддержания собственной власти в стране, Сталин вновь запускает карательную машину по тому же сценарию, по тому же режиссерскому плану.

Отошли в прошлое дискуссии о том, знал ли Сталин о бесчинствах, творимых в застенках, произволе судебных троек, нечеловеческих издевательствах, о каторжном труде в лагерях. Знал! Так как все сам создал и всем сам руководил. Теперь уже доподлинно известно и документально подтверждено, что лично сам Сталин составлял списки для арестов, сам регулярно читал протоколы допросов, присылаемые ему лично из подвалов Лубянки и казематов «Лефортово», «Матросской Тишины» и «Суханово», сам делал правки в проектах судебных приговоров. И я не удивлюсь, если появятся сообщения, что он из укрытия наблюдал за расстрелами. Прямая причастность Сталина к расправам доказана, однако правда раскрывается постепенно, и до сих пор всплывают новые подробности. Много было разговоров, что силовые методы воздействия на подследственных – дело рук Ягоды, Ежова, Берии и их непосредственных подчиненных. Увы, это были только сталинские холуи – исполнительные, иногда излишне ретивые, злые, мстительные, ограниченные и умные, но холуи. А надо всем стоял ОН.

Используя своих подручных, ОН безжалостно их уничтожал. Мановение руки, и они слетают со сцены власти. Они – его поделщики, они тоже по локоть в крови, и не их ОН боится. ОН боится народа, и поэтому замах у Сталина большой – в узде надо держать народ. Самые грубые нарушения законности и введение в повседневную практику деятельности НКВД методов физического воздействия, пытки и истязания арестованных, которые приводили к так называемым «признательным показаниям» и оговорам невинных людей, были открыто санкционированы Сталиным от имени ЦК ВКП(б). Судя по документам, Сталин лично осуществлял контроль за репрессивной деятельностью.

Хочу привести документ, поразительный по своей коварности и подлости, полностью доказывающий прямую причастность лично Сталина к творимым при его жизни беззакониям. Речь идет о тюремных пытках, санкционированных им еще в 1937 г.:

Шифром ЦК ВКП(б)

Секретарям Обкомов, Крайкомов, ЦК Нацкомпартий,
Наркомам Внутренних дел. Начальникам УНКВД.

ЦК ВКП(б) стало известно, что секретари обкомов – крайкомов, проверяя работников УНКВД, ставят им в вину применение физических воздействий к арестованным как нечто преступное. ЦК ВКП(б) разъясняет, что применение физического воздействия в практике НКВД было допущено с 1937 года с разрешения ЦК ВКП(б). При этом было указано, что физическое воздействие допускается, как исключение, и при том в отношении лишь таких явных врагов народа, которые, используя гуманный метод допроса, нагло отказываются выдать заговорщиков, месяцами не дают показаний, стараются затормозить разоблачение оставшихся на воле заговорщиков, – следовательно, продолжают борьбу с Советской властью также и в тюрьме. Опыт показал, что такая установка дала свои результаты, намного ускорив дело разоблачения врагов народа. Правда, впоследствии на прак-

тике метод физического воздействия был заглажен мерзавцами Заковским, Успенским и другими, ибо они превратили его из исключения в правило и стали применять его к случайно арестованным людям, за что они понесли должную кару. Но этим нисколько не опорачивается самый метод, поскольку он правильно применяется на практике...

...ЦК ВКП(б) считает, что метод физического воздействия должен обязательно применяться и впредь, в виде исключения, в отношении явных и не разоружившихся врагов народа, как совершенно правильный и целесообразный метод. ЦК ВКП(б) требует от секретарей обкомов, крайкомов, ЦК нацкомпартий, чтобы они при проверке работников НКВД руководствовались настоящим разъяснением.

СЕКРЕТАРЬ ЦК ВКП(б) И. Сталин

10/1-39 15 час. От руки приписано: «Берии, Щербакову, III части, тов. Маленкову» (29).

Нужно ли еще что-либо добавлять?!

«Сталин был человеком большого ума и еще большего коварства», – писал в своих известных мемуарах Илья Эренбург. «Отец народов» всегда маскировал свое прямое руководство машиной террора громогласными заявлениями, осуждавшими «разгул ежовщины», что «сын не отвечает за отца», и т.п. популистскими лозунгами. В период ежовского террора Сталин оставался на заднем плане, выдвинув на политическую авансцену своих ближайших соратников из госбезопасности. После того, как «Большой террор» сделал свое коварное дело, насадив страх в народе, Сталин в январе 1938 г. принял циничное постановление «Об ошибках парторганизаций при исключении коммунистов из партии, о формально-бюрократическом отношении к апелляциям исключенных из ВКП(б) и о мерах по устранению этих недостатков», чем переложил всю ответственность за террор на Ежова.

На память приходят страшный голод, унесший миллионы жизней, и фарисейская статья Сталина «Головокружение от успехов», расправы за его же, Сталина, просчеты в руководстве хозяйством страны, жесточайший приказ № 227, карающий всякого за отступление и неудачи в первый период войны, являющиеся следствием сталинских ошибок в политике и обороне государства, уничтожение бывших соратников по партийной работе, слепо выполнявших его распоряжения.

Парадоксально, но он сумел создать не только в народе, но и у части подвергшихся репрессиям политических и военных деятелей (о чем свидетельствуют их покаянные письма) миф о себе как о правителе мудром, добром, справедливым, гениальном (ученом, полководце и т.д.), нравственно чистом «Отце всех народов». Злодеяния, которые происходили в стране, приписывались его подчиненным. Сталин всегда умел найти «виновных» в совершенных ошибках, покарать их всенародно и тем самым направить недовольство в нужное ему русло.

Размах его деяний свидетельствовал о грандиозности личности: коллективизация и индустриализация страны проходили по его инициативе, упрочение власти большевиков и разгром оппозиционеров разных мастей – его рук дело, победа в кровавейшей из всех войн – его победа, создание стран народной демократии – его замысел и его же претворение в жизнь. Но наряду с этим я утверждаю: он был ограниченным, закомплексованным и суеверным человеком, что наглядно проявилось в его репрессивной деятельности, в подготовке и проведении всех сфабрикованных им процессов. Все они были одинаково срежиссированы и все проводились по единой схеме: после идеологической подготовки в печати и на радио, а также кампании чисток на партсобраниях следовали аресты ограниченной группы людей. Затем – скоротечное следствие с основной задачей: вырвать любыми способами полное признание обвиняемыми своей вины в выдуманных следствием и лично Сталиным преступлениях. Если воля обвиняемых была сломлена, следовало проведение открытого показательного судебного процесса с самобичеванием обвиняемых, вынесением судом смертных приговоров и моментальной расправой.

Но все это было только подготовкой к главной акции – к развертыванию тотального террора по всей стране на всех социальных уровнях: от колхозника до наркома, к вовлечению в водоворот террора родственников, друзей, близких и случайных знакомых осужденного. Если следственные органы и прокуратура не могли гарантировать признание и покаяние обвиняемых на судебном процессе, то проводилось закрытое судилище. Как только оно кончалось, вынесенные смертные приговоры моментально исполнялись, и о таких судебных расправах узнавали только из закрытых писем, зачитываемых на закрытых партийных собраниях. Закрытые процессы не исключали проведение террористических акций над большими массами людей. Сначала Сталин руками Ягоды и других свел счёты с политическими конкурентами и оппонентами, а потом Ежов помог ему расправиться и с собственными сторонниками, заставив их «чистосердечно» признаться в троцкизме, шпионаже и вредительстве, присовокупив к ним десятки, а затем и сотни тысяч людей, не причастных к политике.

Согласно постановлению ЦК ВКП(б), инициированному Сталиным, 30 июля 1937 г. Ежов издал приказ № 0044 «Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и др. антисоветских элементов». Согласно этому приказу, который надлежало реализовать уже через шесть дней, каждой области были спущены разрядки на количество людей, подлежащих расстрелу, заключению в тюрьмы и отправке в концентрационные лагеря.

Представленная в следующем разделе схема подготовки и проведения репрессивных мер, осуществлявшаяся от одного политического процесса к другому, указывает на характерный стиль их автора, на то, что в науке, изучающей методы расследования уголовных преступлений, называется «кри-

минальный почерк преступника». Разработав и «обкатав» методику репрессий, Сталин неукоснительно ей следовал. Это очень важно для понимания организованных в стране политических процессов послевоенного времени (см. рис. № 1 на стр.37).

После победы в Отечественной войне Сталин вновь запустил карательную машину, хотя на самом деле она никогда не останавливалась. В начале войны продолжали уничтожать тех, кого арестовали до нападения Гитлера, а затем, когда страна очнулась от военных поражений, начал действовать СМЕРШ – отдел НКГБ в армии, нагоняя страх на солдат и офицеров, арестовывая за лишнее слово, за строчку в солдатском письме и формируя из «провинившихся» штрафные батальоны и роты. Таких подразделений, идущих вперед на верную смерть под дулами чекистов, было несколько тысяч.

Сразу же после освобождения территорий от немецко-фашистских захватчиков проводились карательные действия не только против предателей, служивших немцам, но и против целых народов. Так были проведены серии депортаций крымских татар, чеченцев и ингушей, болгар, калмыков, греков, прибалтов. По окончании войны Сталин начал «сталкивать лбами» своих соратников: тандем Г. Маленков плюс Л. Берия против ленинградцев А. Кузнецова и Н. Вознесенского. Закулисные кремлевские игры вылились в процесс над группой ленинградских партийных руководителей и так называемое «Мингрельское дело». Так что механизм насаждения страха в СССР не прекращался ни на один день.

Но воздействие этих карательных мер, видимо, не удовлетворило Сталина. Это были внутренние «разборки», сведение счетов в криминальной среде, которой и была ВКП(б) – КПСС. Сталин нутром чуял, что необходимого ему тотального страха, равного по размаху террору 1937 – 1938 гг., он не добился, и поэтому сделал ставку на антисемитизм*. В народе всегда тлела юдофобия**,

* **Антисемитизм** (от греч. *Anti* – против + библейское имя *Сим*: греческая калька еврейского имени *Шем* – сын мифического Ноя, от которого, согласно Ветхому Завету, ведут свое происхождение народы, говорящие на семитских языках) – это идеология и инструмент, орудие, способ, один из методов политики государственных и общественных организаций, направленные на борьбу с еврейским народом, культивирующие ненависть к евреям только за то, что они евреи. Антисемиты считают любого еврея опасным, инородным и вредоносным элементом не только для коренных жителей данного географического региона или этнического образования, но и для всего мира.

Проявляется во враждебном отношении к еврейскому народу: от правовой дискриминации отдельных его представителей до геноцида малых этнических групп и крупных этнических общностей.

** **Юдофобия** – одна из форм ксенофобии (от греч. *ksenos* – чужой), вызывающей навязчивый страх, ненависть. Национальная нетерпимость антиеврейского характера, ненависть к отдельному еврею или к группе лиц еврейского происхождения. Проявляется в неприязни к евреям: от их третирования в быту и притеснения на работе вплоть до погромов и физического уничтожения.

и поэтому евреи были самым удобным как субъектом, так и объектом* его репрессивной политики с целью развертывания тотального террора в стране. Сталин начал проводить антиеврейскую кампанию поэтапно, шаг за шагом наращивая темп и давление на общество. Он возвел юдофобию в ранг государственной политики не только потому, что сам был вульгарным юдофобом, но и потому, что антисемитизм, алогичный по своему существу, продиктованный подсознанием, очень подходил для целей, которые преследовал Сталин. Поставив целый народ вне закона, Сталин создавал все условия и для его физического уничтожения. Проведи он эту акцию, то наглядно показал бы, что может сделать власть не только с каждым отдельным индивидуумом, но и с целым народом.

Началась разработка комплекса мер по уничтожению еврейского народа, жившего в СССР. Сталин стал автором плана народоубийства. Такую акцию нельзя провести скрытно, да и не нужно. Инициатива, по плану Сталина, должна была исходить от народных масс, осуществляться в виде погромов, а уж депортацию всех оставшихся в живых евреев должны были взять на себя власти, оформив ее как спасение евреев от справедливого гнева народа. Началась разработка политической и идеологической платформы, подведения теоретической базы под планируемую акцию. Стержнем всего плана должен был стать открытый судебный процесс. Сталин считал, что антисемитизм, апробированное временем и российской историей средство, не подведет. Сталин играл беспроигрышно.

Таким образом, подводя итоги, можно утверждать, что Сталин – преступник в его классическом понимании, подлежащий уголовной ответственности за совершенные им преступления против человечности, за массовое уничтожение людей, убийства и другие злодеяния. Все, что делалось Сталиным, в результате завершалось несчастьем, кровью, смертью. Сталин, по законам криминалистики, – величайший преступник XX столетия.

Сталин – личность аморальная, воплощение лжи, коварства и мракобесия.

Сталин – абсолютное зло!

* **Субъекты политики** – это граждане, социальные слои, нации, народности, общественно-политические организации, народ, общество в целом. **Объекты политики** – это общественные явления, процессы, ситуации, факты, а также общественные силы, направленные на субъектов политики. Важнейшими объектами политики являются власть, вся политическая система общества, все происходившие в нем ключевые социально-экономические процессы, а политика приобретает функцию координации, регулирования всех главных сторон социальной жизни субъектов политики.

ЧЕРНЫЙ ЯЩИК*

Для того, чтобы охватить единым взглядом события, которые, по моему представлению, длились без малого семь лет, я попробовал сочетать традиционно-архивный метод историка с системным подходом и представил свое понимание процесса в виде блок-схемы. Этот метод я использовал в своей научно-практической работе в области клинической медицины, очень далекой от исторической науки. Так я планировал эксперимент, разработку новой методики или практические мероприятия и представлял их в виде сетевого графика. Разница заключается только в том, что сейчас я попытаюсь представить события пятидесятилетней давности для их ретроспективной оценки.

Когда я чертил эту сложную таблицу (а первый вариант был мною разработан в конце 60-х годов), я не знал, что творилось в застенках Лубянки – в этом «черном ящике» истории. Оперировал я только всем известными фактами: датами арестов, публикациями в газетах того времени, документами о датах смерти заключенных в тюрьмах и концлагерях, сообщениями о прекращении разрешений на передачи арестованным и другими внешними проявлениями того, что происходило с нашими близкими и родными в МГБ. Не знаю, рисовал ли такие или подобные схемы всесильный организатор, так или по-другому планировал и осуществлял он порядок деятельности следственных органов, прокуратуры, судов, штатных убийц и других исполнителей. Но то, что в его воспаленной голове складывалось нечто подобное, – в этом я уверен.

Таким образом, мною была составлена логическая схема событий (*см. рис. №№ 1 и 2 на стр. 37-39*), относящихся к открытым политическим процессам 30-х гг. и «Делу Еврейского антифашистского комитета» («Дело ЕАК»). Тогда такого термина еще не существовало, и о нем, а также о судьбе арестованных вообще ничего не было известно. Такой же системный подход я использовал и по «Делу врачей-вредителей», причем с некоторыми проходившими по этому делу подследственными я имел возможность общаться лично.

Обобщающая схема для череды политических процессов, организованных Сталиным в 30-е гг., была построена мною на основании личных воспоминаний и попавшего мне в руки стенографического отчета о прошедших процессах, изданного в то время (*см. рис. № 1*). Таких процессов прошло по меньшей мере девять, причем без каких-либо отклонений от генерального сценария (231).

* «Черный ящик» – термин, употребляемый для обозначения систем, структура и внутренние процессы которых неизвестны или очень сложны. Метод изучения таких систем основан на исследовании известных входных и выходных данных.

Сравнение схем, анализ фактов, сопоставление сроков прохождения отдельных этапов этих политических процессов позволили мне сделать следующие выводы:

1. Схема спланированных Сталиным карательных мер в 1948 – 1953 гг., связанных с «Делом ЕАК» и «Делом врачей-вредителей», точно совпадает со схемой успешно для него прошедших троцкистско-зиновьевско-бухаринских процессов 30-х гг.

2. Убийство С.М. Михоэлса, «Дело ЕАК», «Дело врачей-вредителей» составляют единый процесс, который условно можно назвать: Последний политический процесс Сталина.

3. Для участия в «Деле ЕАК», как и при предыдущих политических процессах, в качестве подсудимых Сталин подбирал наиболее активных людей, имевших большой авторитет в государстве. Один только перечень имен должен был оказывать шокирующее действие на публику.

4. Следствие по делу Еврейского антифашистского комитета затянулось более чем на три года, тогда как следствия на процессах 30-х годов длились не более шести месяцев. Это заставило меня предположить наличие активного противодействия арестованных следственным органам. Следственный процесс развивался не по запланированному Сталиным направлению (на схеме он отмечен пунктирными квадратами), что сорвало намеченное им показательное судилище и карательные мероприятия. Такое же сопротивление оказали арестованные члены ЕАК и на закрытом суде, что беспрецедентно затянуло судебную процедуру более чем на два месяца, тогда как открытые политические процессы 30-х гг. длились от 3-х до 11-ти дней.

5. Открытый судебный процесс над ведущими членами ЕАК, запланированный Сталиным на 1950 г., не состоялся! Это отодвинуло осуществление террористических акций не менее, чем на два – два с половиной года. Есть все основания полагать, что завершающим этапом планируемого судебного действия должен был стать тотальный террор в основном антисемитского характера с еврейскими погромами и депортацией евреев. Также отодвинулась на более поздние сроки и чистка партийной элиты, всегда завершавшая политические процессы в предвоенные годы.

6. В связи со срывом этих планов Сталин фабрикует новое дело – «Дело врачей-вредителей», которое разворачивается по той же методической схеме, что и все предыдущие дела, и которое должно было закончиться так же, как планировались все предыдущие – открытым судебным процессом с признанием обвиняемыми своей вины, их казнью и тотальным террором, составляющей частью которого должна была бы стать депортация советских евреев. «Дело врачей-вредителей» начинают разворачивать только тогда, когда к концу подходит следственный этап «Дела ЕАК», и его организаторы, а также испол-

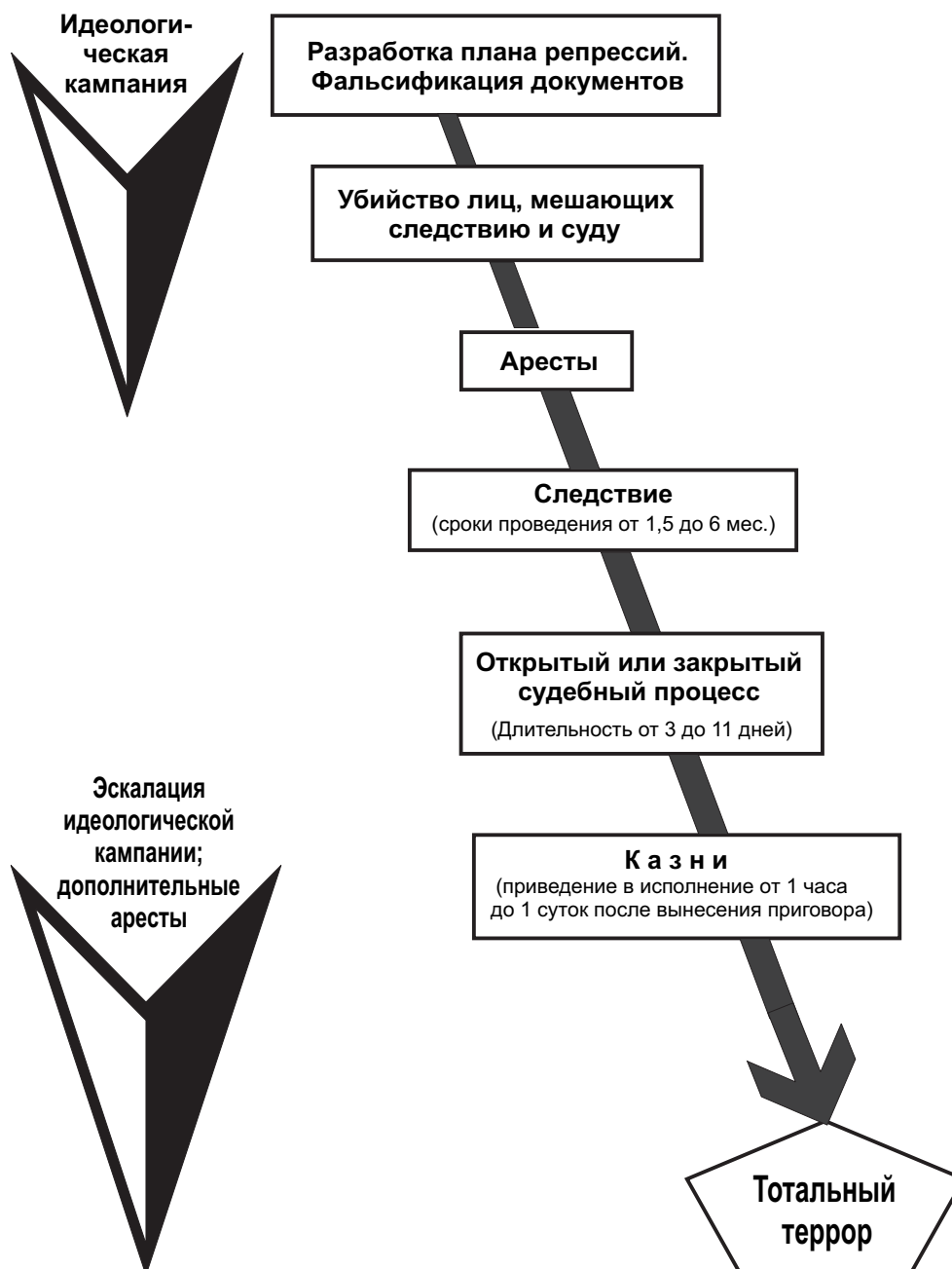

Рис. № 1. Блок-схема организованных Сталиным политических процессов 30-х гг. Направленная вниз стрелка указывает, как реализовались мероприятия по отработанной Сталиным методике, и время, потраченное карательными органами на их осуществление.

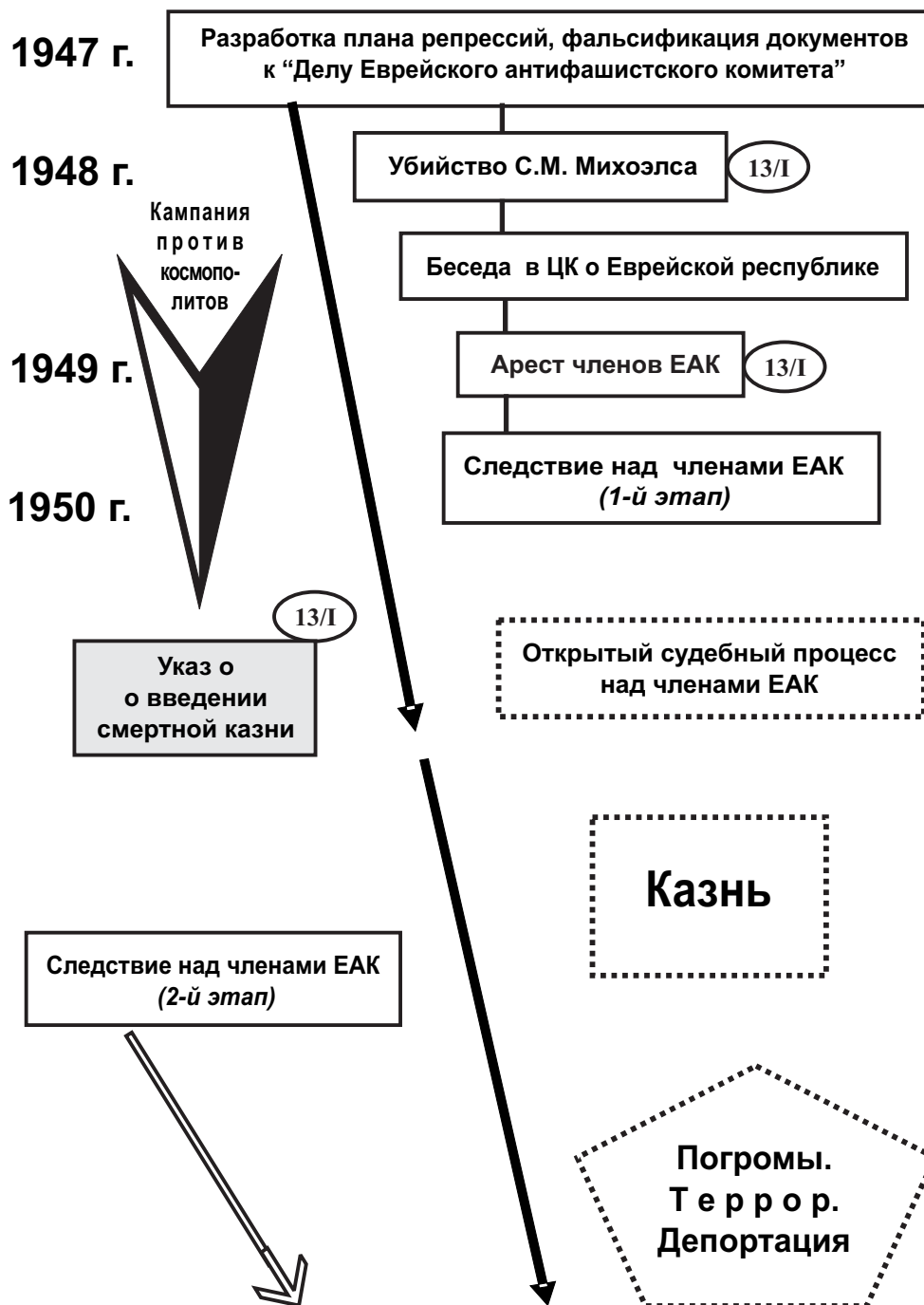

Рис № 2. Блок-схема Последнего политического процесса Сталина (убийство С. Михоэlsa, «Дело ЕАК», «Дело врачей-вредителей»)

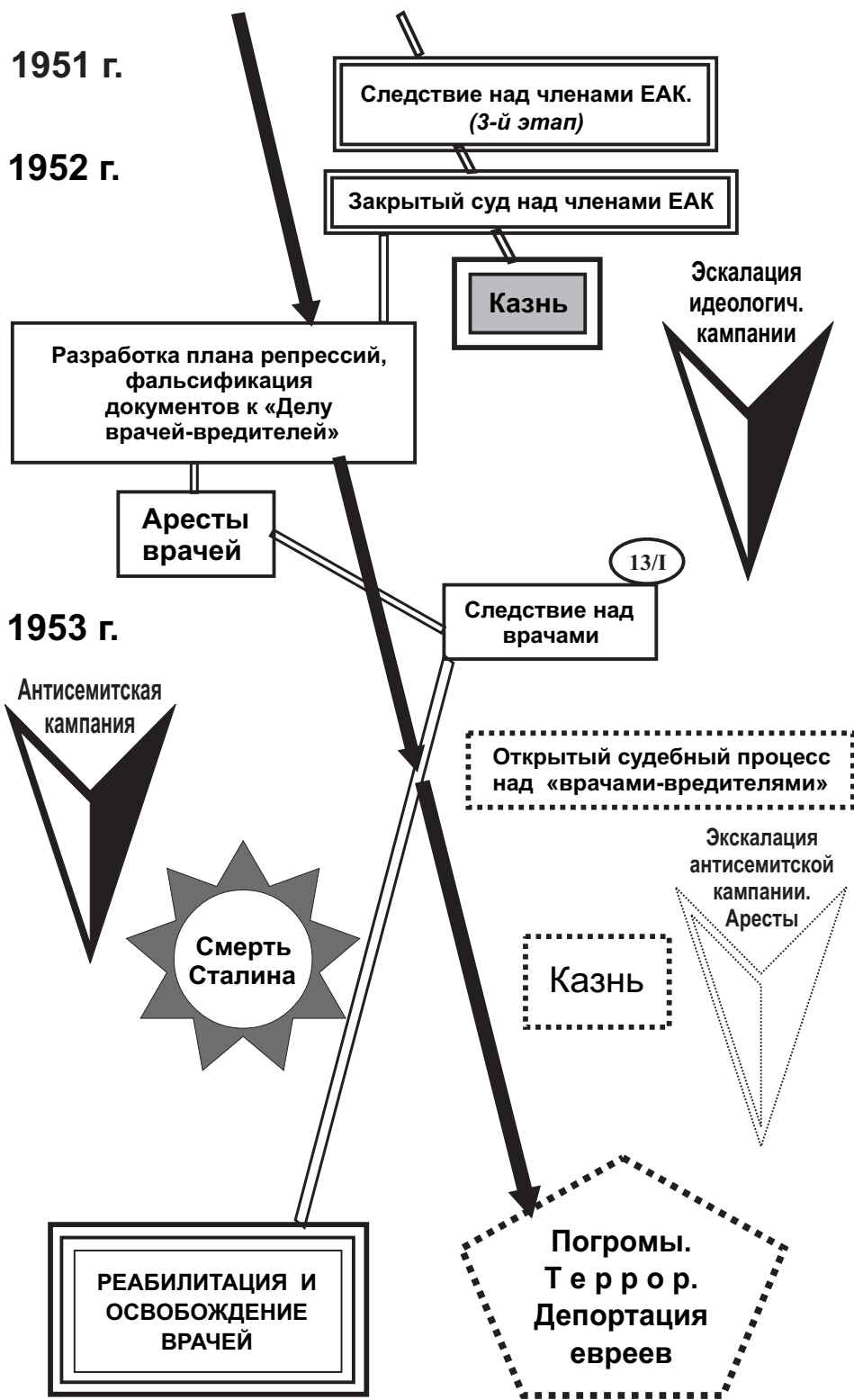
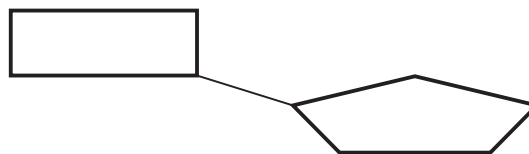

Рис. № 2. Продолжение

Генеральная линия
проведения политических
процессов, организованных
Сталиным

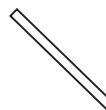
Плановые мероприятия
карательных органов

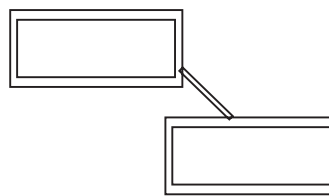
Политико-административные
мероприятия властей

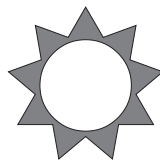
Отклонение от генерального
сценария политических
процессов

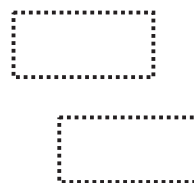
Вынужденные акции
властей и карательных
органов

Экстраординарные события

Сорвавшиеся мероприятия
карательных органов и властей

Условные обозначения к схемам на рис. № 1 и № 2

нителю понимают, что необходимого Сталину открытого судебного процесса им не организовать.

7. По плану Сталина необходимо было выполнить и не реализованную после планировавшегося открытого показательного процесса против деятелей ЕАК очередную чистку партийной элиты. Как и в довоенный период, Сталин решил, что пора обновить высший слой партийного и государственного руководства, который, по его мнению, стал представлять для него угрозу. Очередь дошла до его ближайших соратников по уничтожению в тридцатых годах троцкистов, зиновьевцев, бухаринцев – до Молотова, Кагановича, Микояна.

Подготовка была проведена несколько раньше: на XIX съезде партии Сталин выразил своим старым соратникам недоверие. Перетасовку в Министерстве государственной безопасности – в том числе арест министра госбезопасности Абакумова – он уже проделал. Шла подготовка к возможному отстранению или уничтожению и Берии, основой чего было развешивавшееся «Мингрельское дело».

8. Смерть Сталина 5 марта 1953 г. сорвала реализацию его планов. Она и только она была причиной прекращения следствия над арестованными врачами, их освобождения и реабилитации. Она и только она сорвала намеченную, разработанную и готовую к исполнению депортацию евреев в Советском Союзе.

9. Хочу обратить внимание читателя на дату «13 января», закономерно повторяющуюся, как злой рок, в течение всего прохождения неудавшегося Последнего политического процесса Сталина:

13 января 1948 г. был убит в г. Минске народный артист СССР, председатель Еврейского антифашистского комитета С.М. Михоэлс.

13 января 1949 г. в Москве начались основные аресты членов ЕАК.

13 января 1949 г. в Киеве арестован член ЕАК Э.Г. Спивак.

13 января 1950 г. в центральной прессе опубликован указ Верховного Совета СССР о возобновлении смертной казни.

13 января 1953 г. в центральных газетах опубликовано сообщение о «Деле врачей-вредителей».

Я сделал такие выводы тогда (а это происходило в конце 60-х – начале 70-х гг.), когда у меня была очень скудная фактическая информация. Еще раз повторяю, что пользовался я только датами арестов, публикациями в газетах, которые были строго профильтрованы государственными и партийными органами, изданным в 1939 г. стенографическим отчетом о прошедших открытых довоенных политических процессах, датами смерти заключенных и их переводов из одной тюрьмы в другую, сообщениями о прекращении разрешений на передачу заключенным денег, отрывочными сведениями, почерпнутыми от возвратившихся из тюрем и ссылок (в том числе и от моей матери). Много лет спустя на основании открывшихся материалов следствия, закрытых судебных

процессов, секретных документов и свидетельств участников тех страшных событий конца 40-х – начала 50-х гг. эти выводы получили подтверждение, а также возникли дополнения к цифре «13», которая, как наваждение, присутствует в послевоенной антисемитской политике Сталина:

Сталин при утверждении списка членов ЕАК, «подлежащих ликвидации», выделил **тринадцать** человек; четырнадцатая, проходившая по этому делу, осталась жива.

Расстрел осужденных на казнь **тринадцати** членов ЕАК состоялся 12 августа 1952 г., в канун **тринадцатого**.

Сталин присвоил вновь сформированному в декабре 1952 г. в структуре 2-го управления ГРУ «антисионистскому» отделу № **13**. На него была возложена задача по борьбе с еврейской «пятой колонной» внутри страны. Это зловещее «совпадение» отнюдь не было случайным: начальником отдела стал С. Огольцов – главный организатор убийства С.М. Михоэлса. **13 марта 1953 г.** Сталин планировал начать открытый политический процесс над «врачами-вредителями» с последующей их казнью.

Ни одна из многочисленных теорий случайных процессов не объяснит, почему в Последнем политическом процессе Сталина, продолжавшемся более пяти лет, ключевые моменты приходились на **13** января или были связаны с цифрой **13**. Такое совпадение без направляющей руки злого, мнительного и суеверного существа статистически недостоверно.

Хочу напомнить читателю, что до 1989 г. (до того времени, когда впервые, почти через 40 лет после ареста, тайного суда и убийства цвета еврейской интеллигенции, были опубликованы в «Известиях ЦК КПСС» № 12 материалы о реабилитации лиц, проходивших по «Делу ЕАК») общественность, журналисты и историки ничего достоверного не знали о «Деле ЕАК». Публикации появились на страницах газет и журналов только со второй половины 80-х. За эти годы почти все, что творилось в «черном ящике» истории периода «Позднего сталинизма», подтвердилось на документальном уровне (202). Осталось лишь документально неподтвержденным планирование депортации советских евреев, причем не только приуроченной к концу «Дела врачей», т.е. к весне 1953 г., а что для меня, вернее, для системного подхода, более важно, как логического продолжения «Дела ЕАК».

Я позволю себе привести слова Г.П. Щедровицкого из его книги «Проблемы методологии системного исследования», написанной в 1964 г., на заре использования системного подхода в научном исследовании: «Не будет преувеличением сказать, что системно-структурные исследования откроют новую, необыкновенно важную область научного творчества. Вступая в нее, мы вступаем в страну чудесных открытий, которые сулят человечеству больше, чем сейчас можно себе представить». Почти полвека тому назад он предупреждал, что ло

гика системного подхода будет успешной «только при одном условии – если преодолеть гипнотическую силу старых форм мышления. То, с чем сталкивается ученый при исследовании сложного объекта, обычно поначалу кажется странным и противоречащим здравому смыслу».

Выдвинутая мною версия, изложенная выше, сформировалась не только благодаря использованию системного подхода к анализу исторических явлений. Я также использовал метод аналогии. Для тех, кто анализирует те или иные общественные явления, – это верный ключ к оценке ряда событий, не разгаданных по причине отсутствия документальных подтверждений, уничтожения свидетелей и молчания исполнителей. Анализируя один период истории государства (30-е годы), одну личность, одну государственную структуру, одну партийную систему, можно с большой точностью представить себе, по аналогии, как же развивались события конца 40-х – начала 50-х годов. Прибегнуть к методу аналогии меня побудило и соображение, что нельзя надеяться на то, что мы получим исчерпывающие документальные доказательства беззаконий и произвола периода «Позднего сталинизма». Важные вопросы в стране страха и террора решались с глазу на глаз, а документы предназначались для дезинформации. Разве можно сейчас по следственным делам восстановить моральные и физические мучения, которые испытывали подследственные в подвалах Лубянки, Большого дома в Ленинграде или в районных отделах ГБ? Сейчас историки ждут «достоверной» информации из открывающихся архивов. Но насколько достоверны будут эти сведения? Вот в чем вопрос. Выборочно допуская к следственным делам, к протоколам следствия, соответствующие органы опять водят нас за нос. То, с чем дают нам ознакомиться, – это только вершина айсберга, наскоро причесанная, приглаженная. И как бы эти документы не были ужасны, они далеко не отражают того, что творилось в застенках ОГПУ – НКВД – НКГБ – МВД – МГБ.

За кадром остается еще более ужасная информация о наших родных и близких, к которой нас не допускают. Это «Материалы оперативных разработок», где спрятана вся кухня фальсификации дел: доклады, доносы, результаты слежки, фальшивые документы, задания для «подсадных уток» и их отчеты, планы провокаций и т.д. Есть еще более страшный документ, до которого нам, наверное, никогда не добраться, – это «Тюремное дело». Из него мир мог бы узнать, как издевались над безвинными, сколько времени они провели в холодном карцере, как долго они находились без сна, когда их лишили жизни.

Помимо того, что тоталитарный советский режим создал своеобразный институт идеологизированной общественной информации (газеты, журналы, кино, театры, книги и т.п.), полностью подчиненный сиюминутным политическим задачам, широко бытовало так называемое «телефонное право», вообще не оставившее никаких следов и скупое раскрывающее свои тайны, редко исходящие из уст очевидцев. Нельзя полностью полагаться даже на те документы с грифом

«секретно», что ходили между исполнителями и служили руководством к проведению тех или иных следственно-судебных действий. Вряд ли отыщутся циркуляры, по которым учились проводить следствие, медицинские инструкции, регламентирующие продолжение пыток. Интереснейшие сведения приводит М. Хейфец об «Особой папке ЦК КПСС» (294), к документам которой не имели доступ даже высшие чины госбезопасности. Только ограниченный круг членов ЦК мог знакомиться с ними. В протоколах заседаний Политбюро, на которые приглашались особо доверенные лица, часто было записано: «Обсуждение секретных мероприятий». И все! Я полностью присоединяюсь к восклицанию М. Хейфеца: «Вот и ищи документы!».

Историк Рой Медведев, десятилетиями ведущий хроникальные исследования по истории сталинского времени, пишет: «Я считаю, что наша советская история на 80 процентов построена не на документах, а на устных распоряжениях. Очень часто при Сталине создавались документы или произносились речи, чтобы, наоборот, скрыть истинное положение вещей... Это был стиль работы Сталина. Он понимал, что скрыть преступление можно, только лишь не оставляя документов. Большая часть распоряжений давалась устно. Даже в виде намеков. Поэтому воспоминания людей для историка важнее документов. И они точнее» (183). Очень важны свидетельства очевидцев, как бы субъективны они не были. Такие свидетельства несомненно имеют историческую ценность. В стране, где все лгали самим себе и окружающим, показания живых свидетелей ценнее лживых бумаг, которые стряпались в органах советской власти.

В подтверждение мысли о важности для истории свидетельств очевидцев хочу привести цитату из книги Л. Шатуновской: «Даже если когда-нибудь будут вскрыты все тайные архивы коммунистической партии и ОГПУ, то вряд ли историки найдут в них материал, который позволил бы пролить свет на то бездонное болото грязи и крови, которое лежит под покровом советской внутренней и внешней политики. Документы уничтожались, а люди, знавшие слишком много, безжалостно истреблялись» (315).

ГРЯЗНАЯ СТЯПНЯ

Итак, в соответствии с планом диктатора, в 1947 – 1948 гг. началась подготовка к открытому политическому судебному процессу по тому же сценарию, что и довоенные открытые судебные процессы. Тогда, напомним читателю, эта подготовка, помимо широкомасштабной травли в газетах и на собраниях, проводилась в виде так называемой «чистки партии». В государственных учреждениях, на заводах, фабриках, в партийном аппарате под видом «очищения своих рядов от лиц, нарушающих Программу, Устав и партийную дисциплину», были

ошельмованы, исключены из партии тысячи честных и преданных ей коммунистов. Еще один вид многоликого страха овладел людьми – страх остаться без работы, быть удаленными из общества с клеймом проникших в него «классово-чуждых элементов и случайных лиц». В 1921 – 1936 гг. массовые чистки осуществлялись особыми комиссиями ВКП(б) и были отменены в 1939 г. на XVIII съезде, признавшем, что они выполнили свою задачу. Конечно, выполнили, и на все 100%! Они подготовили народ к беспрекословному приятию того, что происходило на судебных разбирательствах в тридцатых годах.

И сейчас, готовясь к процессу по «Делу ЕАК», исподволь начали пропагандистскую кампанию постановлениями по вопросам культуры и искусства, ставшими скандально известными во всем мире. В это время нападки на отдельных лиц еще не носили националистического характера. Вскоре кампания идеологически расширилась «борьбой с космополитизмом» и «вейсманизмом-морганизмом». На собраниях, конференциях, съездах, митингах, нараставших как снежный ком, на страницах газет, научных журналов все больше и чаще упоминали еврейские фамилии, а вскоре кампания приняла неприкрытый юдофобский характер. Новая «чистка» периода «Позднего сталинизма», сопровождавшаяся шельмованием ученых, была проведена в Институте языка и мышления им. акад. Марра при АН СССР, в ВАСХНИЛе, в Институте физиологии им. Павлова, в Институте истории, в Институте эволюционной физиологии и высшей нервной деятельности, в Институте права, в Институте философии АН СССР и других научных учреждениях меньшего ранга.

«Чистка» приобрела другую форму, но, по своей сущности, осталась той же, что и в 20-х – 30-х гг., и проводилась под лозунгом: «За утверждение советского патриотизма, против тлетворного влияния Запада, раболепия и низкопоклонства перед иностранщиной». По поручению И.В. Сталина были организованы «суды чести», методика работы которых разрабатывалась и проводилась в жизнь секретарями ЦК ВКП(б) А.А. Ждановым, М.А. Суловым, А.А. Кузнецовым (317). Под юрисдикцию «судов чести» подпадало партийно-государственное чиновничество, а также элита советской интеллигенции. «Суды чести» просуществовали до конца 1949 г. и были упразднены тогда, когда они сделали свое грязное дело. Процесс подготовки к суду по «Делу ЕАК» перешел в следующую стадию.

Основы антисемитской политики в государстве были заложены лично Сталиным до описываемых событий. Пришло то время, когда в борьбе за единоличную власть пора было присоединить к классовой идее расовую. Ее замечательно реализовал Гитлер: «Я пришел к выводу, что кампания против евреев обретет популярность и будет успешна. Они абсолютно беззащитны, и никто не станет их оборонять» (90). Что ж, можно поучиться и у заклятого врага!

Осенью 1944 г., когда еще шла кровопролитная война, Сталин созвал в Кремле расширенное совещание, в котором приняли участие некоторые члены Политбюро, проверенные деятели республиканских и областных комитетов партии, особо доверенные руководители оборонной промышленности и руководители органов госбезопасности. Во вступительном слове Сталин высказался за более осторожное назначение евреев на руководящие посты в государственные и партийные органы. А руководством к действию стал так называемый «Маленковский циркуляр» с перечислением должностей, на которые не рекомендовалось назначать «лиц еврейской национальности».

Результаты не заставили себя долго ждать. Масса евреев оказалась без работы. Показательны приведенные М. Альтшулером статистические данные удельного веса ученых-евреев в научной элите Советского Союза (17). В 1947 г. на общее количество 145.600 научных работников почти 18% приходилось на лиц еврейской национальности (26.186 чел.). В 1950 г., в разгар антисемитской кампании против «космополитов», при росте общего количества научных работников (их уже стало 162.508 чел.) отмечалось сокращение как общего числа евреев, занятых в науке (до 25.125), так и их относительного представительства (до 15%).

В то мрачное время все газеты и журналы, вне зависимости от их профиля, печатали клеветнические статьи, обвинявшие лиц еврейской национальности в том, что они служат рассадником космополитических идей, симпатизируют Западу, предают интересы Советского Союза. В печати, по радио, с театральных подмостков как только их не обзывали: и «безродными космополитами», и «беспаспортными бродягами, раболопствующими перед иностранщиной», и «предателями советской родины», «людьми без роду и племени» (231). Эти характеристики разжигали ненависть к евреям у определенной социальной прослойки и создавали образ врага, виновного во всех бедах, которые претерпевает страна.

Идеологическая кампания пошла в нужном Сталину направлении, теперь пора было браться за организацию судебного процесса. Выбрать объект преследования не составляло труда – Еврейский антифашистский комитет (ЕАК) во главе с С.М. Михоэлсом. Этот общественный орган был создан в начале Отечественной войны с целью организовать евреев демократических стран на всемирную поддержку СССР в его борьбе с фашистской Германией. Эту нелегкую задачу Еврейский антифашистский комитет с успехом выполнил. После войны ЕАК сосредоточил свое внимание на издательской деятельности, разоблачении зверств фашистов против евреев, помощи евреям в послевоенном устройстве их жизни. Комитет добросовестно служил этим целям и был безупречно лоялен к властям, как любая существовавшая тогда советская организация.

А в это время тайно, параллельно с космополитической кампанией, собирался «компрометирующий материал» на ЕАК, и 26 ноября 1946 г. Сталину на стол был положен составленный в МГБ документ о «националистических прояв-

лениях некоторых работников ЕАК». 20 ноября 1948 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло постановление о «немедленном роспуске ЕАК, так как он является центром антисоветской пропаганды и поставляет антисоветскую информацию агентам иностранной разведки».

Так началось «Дело ЕАК». Не сомневаюсь, что инициатором создания этих документов был Сталин. В Советском Союзе того периода даже бытовало меткое выражение: «Нет инициативы без директивы». Этот афоризм характеризовал буквально любое начинание на пространстве Советского Союза, независимо от масштаба. А уж такая операция без указующей руки Сталина и подавно не могла появиться. Справедливо охарактеризовал его историк, проф. Н. Маслюков в работе «Сталин и кризис пролетарской диктатуры»: «Беспринципный политикан и софист, повар грязной стряпни и специалист по организации “дела Бейлиса” применительно к условиям Советского Союза, таков морально-политический облик Сталина» (231).

НАЧАЛО

Вторым этапом (*см. рис. № 2 на стр. 38-39*) разворачивающейся трагедии стало убийство председателя ЕАК С.М. Михоэlsa – великого артиста и общественного деятеля. Готовя открытый судебный процесс, Сталин, естественно, расписывал роли, которые каждый из подсудимых должен был сыграть. Видимо, С.М. Михоэls не вписывался в его сценарий, и не без основания. Оно и понятно: уж очень он видная фигура, его хорошо знают во всем мире не только как гениального актера, но и как эмиссара Советского Союза, объездившего во время войны Америку, Англию, Канаду и Мексику, чтобы сплотить еврейскую общественность этих стран против фашизма. И для мирового общественного мнения будет неубедительно инкриминировать ему вредительство и шпионаж. Оставить его на свободе тоже было нельзя: он независим и может поступить не так, как планировал Сталин. Значит, его надо было убрать. Альтернативы не было.

Убийство – испытанное оружие Сталина, широко им применявшееся в тех случаях, когда он не мог использовать аппарат «официального» преследования или рассчитывать на «послушание» того или иного человека. Список таких людей колоссальный. Его открывают М.Ф. Фрунзе (1925 г.), В.М. Бехтерев (1927 г.), С.М. Киров (1934 г.), В.В. Куйбышев (1935 г.), Г.К. Орджоникидзе (1937 г.), П. Аллилуев (1938 г.). В скобках указан год, когда произошло убийство. По мнению Л. Шатуновской, даже смерть Ленина была каким-то образом искусственно ускорена при прямом участии Сталина (315).

13 января 1948 г. по приказу Сталина убивают С.М. Михоэlsa. Делают это грубо. Когда, несмотря на трескучий мороз, к гробу выстраивается длинная очередь почитателей его таланта, пожелавших отдать последний долг, многие

уже не верят, что Михоэлса случайно в Минске сбила машина, как гласит официальная версия (25)*. При прощании с С.М. Михоэлсом в помещении Еврейского театра на Малой Бронной Полина Жемчужина, обращаясь к Зускину, спросила: «Вы думаете, что здесь было – несчастный случай или преступление?». Услышав от него изложение официальной версии, она заметила: «Нет, это не так, тут все далеко не так гладко, как кажется» (81). Друг семьи Михоэлса сказал его дочери Наталье: «Перед чистками тридцать седьмого года необходимо было убить Горького, точно так же необходимо было убрать с дороги Михоэлса, чтобы начать сажать евреев» (253). Д. Шостакович сказал тогда дочери Соломона Михайловича: «Я ему завидую!» (115). Так думали тогда наиболее прозорливые.

Прямая причастность Сталина к убийству С.М. Михоэлса стала всеобщим достоянием после опубликования совсекретных документов архивов МГБ и МВД. Вот показания бывшего в те годы министром госбезопасности СССР Абакумова:

«Насколько я помню, в 1948 г. глава советского правительства И.В. Сталин дал мне срочное задание быстро организовать работниками МГБ СССР ликвидацию Михоэлса, поручив это специальным лицам. Тогда было известно, что Михоэлс и вместе с ним его друг, фамилии которого я не помню, прибыл в Минск. Когда об этом было доложено И.В. Сталину, он сразу дал указание именно в Минске и провести ликвидацию. Когда Михоэлс был ликвидирован, и об этом было доложено И.В. Сталину, он высоко оценил это мероприятие и велел наградить орденами, что и было сделано» (216).

Огольцов, бывший в те годы заместителем министра госбезопасности СССР, касаясь обстоятельств ликвидации Михоэлса и Голубова, показал:

«...Поскольку уверенности в благополучном исходе операции во время «автомобильной катастрофы» у нас не было, да и это могло привести к жертвам наших сотрудников, мы остановились на варианте провести ликвидацию Михоэлса путем наезда на него грузовой машиной на малолюдной улице. Но этот вариант, хотя был и лучше первого, но также не гарантировал успех операции наверняка. Поэтому было решено через агентуру пригласить в ночное время в гости к каким-либо знакомым, подать ему машину к гостинице, где он проживал, привезти его на территорию загородной дачи Цанава Л.Ф, где и ликвидировать, а потом труп вывезти на малолюдную (глухую) улицу города, положить на дороге, ведущей к гостинице, и произвести наезд грузовой машиной. Этим самым создавалась правдоподобная картина несчастного случая наезда автомашины на возвращавшихся с гулянки людей, тем паче, подобные случаи в Минске в то время были очень часты. Так было и сделано» (335).

Цанава, подтверждая объяснения Огольцова об обстоятельствах убийства Михоэлса и Голубова, заявил:

* Здесь и далее при библиографической сноске (25) см. прилагаемый к книге фильм С. Арановича «Большой концерт народов...». Развитие темы – в первой серии: кадры от 18 м. 45 сек. до 25 м. 40 сек.

«...Зимой 1948 года, в бытность мою Министром госбезопасности Белорусской ССР, по «ВЧ» позвонил мне Абакумов и спросил, имеется ли у нас возможность для выполнения одного важного задания И.В. Сталина? Я ответил ему, что будет сделано. Вечером он мне позвонил и передал, что для выполнения одного важного решения правительства и личного указания И.В. Сталина в Минск выезжает Огольцов с группой работников МГБ СССР, а мне надлежит оказать содействие.

...При приезде Огольцов сказал нам, что по решению Правительства и личному указанию И.В. Сталина должен быть ликвидирован Михоэлс, который через день или два приезжает в Минск по делам службы... Убийство Михоэлса было осуществлено в точном соответствии с этим планом... примерно в 10 часов вечера Михоэлса и Голубова завезли во двор дачи (речь идет о даче Цанавы на окраине Минска. – Ф.Л.). Они немедленно с машины были сняты и раздавлены грузовой автомашиной. Примерно в 12 часов ночи, когда по городу Минску движение публики сокращается, трупы Михоэлса и Голубова были погружены на грузовую машину, отвезены и брошены на одной из глухих улиц города. Утром они были обнаружены рабочими, которые об этом сообщили в милицию» (84).

Есть свидетельство дочери Сталина – Светланы, подробно изложенное ею в книге воспоминаний «Только один год» (12). Она слышала, как отец по телефону отдавал распоряжение об официальной версии убийства Михоэлса: «Ну, автомобильная катастрофа».

В этом злодеянии Сталин обнаружил маниакальную страсть упиваться своей безграничной властью над жизнью и судьбой людей, его окружавших. Как свидетельствует Т. Лещенко-Сухомлина, перед тем, как убить Михоэлса, Сталин вызвал его к себе в Кремль, чтобы тот читал ему из «Короля Лира» (164). Садистская жилка Сталина – еще один аспект личности, который нельзя сбрасывать со счета при оценке его репрессивной политики. Сталин наслаждался, причиняя боль другим. Одной из излюбленных жертв Сталина был его личный секретарь Александр Поскребышев. Однажды под Новый год Сталин решил поразвлечься таким образом: сидя за столом, он стал сворачивать бумажки в маленькие трубочки и надевать их на пальцы Поскребышева. Потом он зажег эти трубочки вместо новогодних свечей. Поскребышев извивался и корчился от боли, но не смел сбросить эти колпачки (240). Говорят, что Поскребышев сам был вынужден представить на подпись Сталину ордер на арест своей жены. При этом он попытался встать на ее защиту. «Так как органы НКВД считают необходимым арест вашей жены, – сказал Сталин, – так и должно быть».

Сталин любил наблюдать за ничем не подозревающей будущей жертвой. Например, он лично уверял людей, что они находятся в безопасности, а непродолжительное время спустя их забирали. В тот самый день, когда был арестован Николай Вознесенский, Сталин пригласил его на свою дачу и даже предложил тост за его здоровье. Сталин также арестовывал членов семей высокопоставленных партработников (жену Калинина, жену Молотова, брата Кагановича и

пр.) и затем наслаждался, наблюдая отчаяние своих соратников, которые не осмеливались протестовать. Эти садистские наклонности Сталин проявлял и раньше: он пил за здоровье Г. Сокольников за неделю до того, как его арестовали; перед тем, как уничтожить А. Косарева – генерального секретаря ЦК ВЛКСМ, – Сталин на грандиозном кремлевском банкете особо отметил его как талантливого и многообещающего, обнял, расцеловал, а после «поцелуя Иуды» расстрелял 23 февраля 1939 г. (39, 240). Садистское поведение Сталина отражает не только потребность причинять боль, но также и страсть управлять другими людьми.

Свое соучастие в убийстве С. Михоэлса режим замаскировал пышными похоронами. Пришли тысячи людей, произносились официальные поминальные восхваления, давались обещания назвать театр и школу именем Михоэлса.

Подготовка к «Делу ЕАК» шла и до убийства С.М. Михоэлса, но после этого кровавого акта она активизировалась. «Следственная каша» уже варилась в застенках МГБ и в кабинетах высшего органа власти – ЦК ВКП(б). Непосредственным предлогом к возбуждению уголовного дела на руководителей ЕАК послужили, как это было установлено впоследствии, сфальсифицированные и полученные в результате незаконных методов следствия показания старшего научного сотрудника Института экономики АН СССР И.И. Гольдштейна, арестованного 19 декабря 1947 г., и старшего научного сотрудника Института мировой литературы АН СССР З.Г. Гринберга, арестованного 28 декабря 1947 г. В их показаниях содержались сведения о якобы проводимой С.А. Лозовским, И.С. Фефером и другими членами ЕАК антисоветской националистической деятельности. Протоколы допросов И.И. Гольдштейна и З.Г. Гринберга от 10 января и 1 марта 1948 г., изобличающие указанных лиц, были направлены министром госбезопасности В.С. Абакумовым в ЦК ВКП(б) (231).

На основании выбитых в полном смысле этого слова показаний Абакумов сообщает о наличии в СССР «еврейского националистического подполья», о планах создания в Крыму еврейской республики и организации в ней «плацдарма для военщины США», о связях с агентами Джойнта и т.д. Основа для создания дела есть, одобрение свыше получено.

Сейчас в печати имеется множество материалов, свидетельствующих о бурной деятельности МГБ по фабрикации судебного дела. Так, на жену Молотова Полину Жемчужину (Перл) был подготовлен компрометирующий материал о ее контактах с Голдой Мейр (в то время – посол Израиля в СССР), о прямой связи с международным сионизмом и лично с Михоэлсом. К концу 1948 г. она была удалена со всех занимаемых ею высоких постов, затем последовал развод с Молотовым, а в феврале 1949 г. ее арестовали и привлекли к делу ЕАК. Уличающий в антисоветской деятельности материал на руководство ЕАК вынудили дать Е.И. Долицкого – литературоведа и педагога, арестованного в начале 1948 г.

У него с первых же дней следствия потребовали дачи показаний о шпионской деятельности С. Лозовского, П. Маркиша и других (58).

25 ноября 1948 г. была изъята документация, которая велась ЕАК. Все материалы были переданы следственному отделу МГБ (7). Над ними начали работать следственные органы, выискивая криминал.

О том, как из-за отсутствия необходимых для открытого политического процесса «уличающих фактов» следствие металось в поисках компромата, говорит визит самого министра госбезопасности Абакумова в Государственный еврейский театр (ГОСЕТ). Вот как о визите пишет И. Косинский: «22 или 23 декабря 1948 г. в ГОСЕТе неожиданно появился министр госбезопасности Абакумов. Ко всеобщему удивлению, с ним был Фефер – видимо, в качестве переводчика, потому что они вдвоем прошли в бывший кабинет Михоэlsa и, закрывшись там, просматривали бумаги покойного» (138).

Этот странный визит почти через год после смерти Михоэlsa еще раз подтверждает, что подготовка к процессу шла полным ходом. Сам министр гонялся за уликами, как рядовой сыщик. И немудрено, что руководство министерства нервничало: время подпирало, а следственная бригада явно не укладывалась в отведенный ей срок.

Сегодня уже есть прямые подтверждения того, что лично Сталин, как он это делал в тридцатых годах, руководил действиями своих подручных в «Деле ЕАК». Во всех политических процессах Сталин участвовал самым активным образом, требуя выполнения своих указаний, вмешиваясь лично на всех стадиях следствия, а в дальнейшем и суда. Он корректировал протоколы допросов обвиняемых, сам участвовал в этих допросах, вносил правку в обвинительные заключения, выносил приговоры.

Никаких сомнений относительно того, кто именно направляет «обнаженный меч рабочего класса», у соратников Сталина не возникало. Это мы, простой люд, не посвященные в хитросплетения борьбы за власть, оставались в наивном неведении. В разгар «ежовщины», когда проходили знаменитые процессы с нелепейшими обвинениями в шпионаже, вредительстве, саботаже, приведшие к массовому и бессмысленному истреблению ни в чем не повинных граждан страны, в Большом театре на вечере в честь 20-летия ВЧК ОГПУ НКВД А.И. Микоян, оправдывая судебный разгул, вещал: «Учитесь у товарища Ежова сталинскому стилю работы, как он учился и учится у товарища Сталина!» (газета «Правда» от 21.12.1937 г.). Впоследствии Молотов по поводу репрессий 1937 г. подтвердил, что «требования исходили от Сталина...» (313).

Да и сам Ежов не таил имени своего наставника и господина. На февральско-мартовском Пленуме ЦК ВКП(б) в 1937 г. он простодушно обещал «поставить нашу разведку на должную высоту при помощи т. Сталина, который изо дня в день руководит нами».

Вот несколько цитат из выпущенного в Москве в 1991 г. Политиздатом сборника «Политические процессы 30-х – 50-х годов»: «Только с сентября 1936 г. по февраль 1937 г. Сталину было направлено около 60 протоколов допросов “бывших правых”. И.В. Сталин повседневно лично занимался вопросами следствия по делу о “военном заговоре”, получал протоколы допросов арестованных, непосредственно участвовал в фальсификации обвинения». В деле «Параллельного антисоветского троцкистского центра» (открытый судебный процесс 23 – 30 января 1937 г., гор. Москва) «...все варианты обвинительного заключения посылались лично И.В. Сталину и не раз переделывались по его указаниям. Так, Н.И. Ежов и А.Я. Вышинский, направляя И.В. Сталину 9 января 1937 г. второй вариант, писали в сопроводительном письме: “Направляем переработанный, согласно Ваших указаний, проект обвинительного заключения по делу Пятакова, Сокольников, Радека и др.”» (231). Сохранилась схема обвинительной речи А.Я. Вышинского по делу так называемого «Параллельного центра», в которую И.В. Сталин лично внес исправления и дополнения, содержащие политические установки и оценки

Ничего не изменилось в системе фабрикации политических процессов и в послевоенные годы. Так называемым «Ленинградским делом» лично руководил Г.М. Маленков. Однако обвинительное заключение было составлено под диктовку Сталина, о чем говорят открытые сейчас документы.

Я так подробно остановился на бывших судебных и внесудебных расправах для того, чтобы показать, что дело С.М. Михоэlsa – ЕАК разворачивалось по точно так же задуманному и организованному лично Сталиным сценарию, все методы и способы ведения следствия и планировавшийся суд так же должны были повторить прошедшие довоенные процессы.

Итак, по указке свыше МГБ переходит к следующему этапу последнего политического процесса Сталина.

РОКОВАЯ ДАТА

В ночь на 13 января 1949 г. начались аресты наиболее активных членов президиума ЕАК – были взяты главный врач самой большой клинической больницы Москвы Б.А. Шимелиович и историк И.С. Юзефович. Поэты И.С. Фефер и Д.Н. Гофштейн, а также артист В.Л. Зускин были арестованы еще в конце 1948 г. (25)*.

В тот же день, 13 января, когда над Б.А. Шимелиовичем и И.С. Юзефовичем в застенках Лубянки уже проводились «следственные действия», Г. Маленков, имевший непосредственное отношение к следствию, а в дальнейшем и к

* См. сноску на с. 48. Первая серия – кадры с 53 м. 24 сек до 55 м. 23сек.

судебному разбирательству, вызвал в ЦК видного государственного и партийного деятеля С.А. Лозовского. Лозовский был куратором от ЦК ВКП(б) всех антифашистских комитетов, в том числе и еврейского. В присутствии М. Шкирятова Маленков домогался признания С.А. Лозовского в проведении им и всеми членами ЕАК преступной деятельности против советского государства. Мы не знаем, как протекала «беседа», но уже 18 января методом заочного опроса С.А. Лозовский был выведен из состава ЦК ВКП(б) и исключен из партии, а 26 января арестован. С 23 по 28 января были арестованы остальные руководящие деятели ЕАК. Среди них – известные поэты и писатели, общественные деятели, исключительно, как тогда говорили, лица еврейской национальности: С. Брегман – заместитель министра госконтроля, Л. Квитко – поэт, П. Маркиш – поэт, Д. Бергельсон – писатель, Л. Тальми – журналистка-переводчица, Л. Штерн – академик-физиолог, И. Ватенберг – редактор и переводчик, Э. Теумин – редактор и переводчица, Ч. Ватенберг-Островская – переводчица.

После этих арестов наступило полное молчание, неизвестность, которые длились до 1955 г., когда их семьям выдали справки о реабилитации и свидетельства о смерти с одной и той же датой – 12 августа 1952 г.

В 1956 г. родственники репрессированных, друзья, как оставшиеся на свободе, так и сосланные на поселение и возвратившиеся из ссылок с первой волной реабилитаций, – все с особым вниманием разбирали каждое слово в речи Н. Хрущева на XX съезде партии, посвященной разоблачению «культ личности» и «ошибкам Сталина». Но и там не было сказано ни слова о причине уничтожения элиты еврейской нации, хотя другим судебным процессам, организованным Сталиным, в речи Хрущева и в закрытом письме к членам партии было уделено должное внимание.

Кратковременная оттепель середины 50-х – начала 60-х годов сменилась попытками возродить культ Сталина. В этот период никто уже и не пытался пролить свет на былые судебные расправы. Но интересно, что даже в 70-е годы, во времена диссидентского движения и борьбы правозащитников за права человека, за возрождение национального, в том числе еврейского самосознания, никто не вспомнил о безвинно погибших. В этом контексте показателен такой факт. Активист правозащитного движения семидесятых годов Н.Б. Щаранский в своем выступлении на суде (1978 г.), говоря об антисемитизме в стране, о процессе врачей, даже не упомянул членов ЕАК, евреев, осужденных на расстрел за их «националистическую деятельность». Он, видимо, ничего о них не знал. Даже в фундаментальной книге М. Соминского «Антисемитизм и антисемиты» (Иерусалим, 1991) ничего не говорится о «Деле ЕАК», а С.М. Михоэлс и Б.А. Шимелиович упоминаются только при описании «Дела врачей» (274).

Может, это объясняется тем, что СССР – страна закрытая, и информация, прежде чем достичь своего потребителя, проходит многочисленные ведом-

ственные, партийные, главлитовские и прочие препоны? Ничего подобного! 1996 год, уже и СССР нет на политической карте, уже пять лет как канула в Лету КПСС, развенчан, восстановлен, вновь развенчан «культ Сталина» и осуждены его преступления, а Дмитрий Волкогонов на полутора тысячах страниц, посвященных политическому портрету Сталина (70), для «Дела Еврейского антифашистского комитета» не нашел даже строчки, и среди преступлений Сталина нет упоминания о подлом убийстве С.М. Михоэlsa. Может быть, это объясняется тем, что Волкогонов завершил написание этого серьезного двухтомного исследования еще в 1985 г.? Опять не так. Через 5 лет этот фундаментальный труд переиздается, и снова в нем нет и речи о «Деле ЕАК», хотя в аннотации к книгам написано, что в них автор излагает материал «с энциклопедической полнотой». Два варианта – или он, Волкогонов, о «Деле ЕАК» недостаточно знает, или не придает ему должного значения.

Посмотрим, что знает Запад о судьбе членов Еврейского антифашистского комитета, о суде над ними, о расстрельном приговоре, об уничтожении еврейской элиты. Ведь на Западе есть специальные общественные, научные и политические структуры, которые систематически изучают историю советских евреев, есть даже специальные кафедры при университетах, есть и специалисты в этой области, не чета нашим историкам (я имею в виду историческую науку в бывшем СССР). И тоже – н и ч е г о!

В 1961 г. выходит *Encyclopedia of Russia and the Soviet Union*. В ней обширная статья: «Jewes». О «Деле врачей» на странице 259 есть достаточно полная информация, а о ЕАК только одна фраза: что он существовал...

1963 г. – книга основателя изучения Советского Союза, его политологии, социологии и права Марле Файнсод (Marle Fainsod) – *How Russia is Ruled*. На ее страницах исчерпывающие данные практически по всем аспектам управления государством, дана научная оценка тоталитарного государственного механизма со Сталиным во главе. О Еврейском антифашистском комитете – ни слова.

Лишь в 1984 и 1988 гг. историк Б. Пинкус (B. Pinkus) фактически первый информирует мировую общественность о прошедшем в июле 1952 г. закрытом суде над деятелями ЕАК, о четырех пунктах обвинения и о смертном приговоре, вынесенном военным трибуналом, перечисляет фамилии подсудимых. Но он не дает анализа этим событиям и расценивает их как попытку Сталина ликвидировать еврейскую культуру в Советском Союзе (223, 224).

В советской печати первое официальное сообщение о деле Еврейского антифашистского комитета появилось только через 40 лет после ареста. В «Известиях ЦК КПСС» (1989, № 12) был опубликован протокол заседания Комиссии Политбюро ЦК КПСС под названием: «По дополнительному изучению материалов, связанных с репрессиями, имевшими место в период 30-х – 40-х и начала 50-х годов». То, что хранилось в строжайшей тайне, начало приоткрываться. К

протоколу была приложена справка, подписанная Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. В публикациях было сказано, что Еврейский антифашистский комитет, как и другие общественные организации, в годы войны проводил активную положительную работу, внес значительный вклад в дело борьбы с фашизмом, но в 1948 г. был распущен, а большая группа лиц, связанная с его деятельностью, арестована. Были приведены все фамилии арестованных и сообщалось, что поводом к применению репрессивных мер против них было «беспочвенное обвинение в государственных преступлениях и шпионской деятельности». Впервые сообщили и о мере наказания – расстрел для 13-ти обвиняемых и лишение свободы для одной обвиняемой, о приведении приговора в исполнение и о том, что предъявленные участникам ЕАК обвинения являются сфабрированными, все лица, проходившие по этому делу, реабилитированы и дело прекращено за отсутствием в их действиях состава преступления. Сообщили также о незаконных методах воздействия на обвиняемых в ходе следствия и суда и назывались лица, причастные к этой расправе (123).

Только после этого официального извещения начали появляться материалы о «Деле ЕАК» в освещении журналистов, историков, людей, причастных или считавших себя причастными к этому делу. Но даже и сейчас, когда открылись, хотя и не полностью, секретные архивы партии, следственных и судебных органов, очень многое в «Деле Еврейского антифашистского комитета» остается неизвестным.

Еще предстоит узнать о всех перипетиях затянувшегося на три года следствия, о причине затяжки. Если имело место противоборство арестованных (в чем я лично убежден и что попытаюсь доказать), то как оно происходило? Был ли момент прозрения, осознания всей меры личной ответственности за судьбы людей – не только близких, друзей, сослуживцев, но и всех евреев, за их право на жизнь?

В СМИ продолжается дискуссия о причине смены руководства Министерства госбезопасности в 1951 г. Что повлияло на отстранение от дел и последующий арест тогдашнего министра Абакумова и всей следственной бригады, которая вела дело ЕАК (Лихачева, Леонова, Комарова, Домина и Ионова), – сам ход следствия или поведение арестованных? То ли это была очередная расправа с отслужившими и уже ненужными Сталину палачами, и он уничтожил их так же, как в свое время уничтожил Ягоду и Ежова. То ли Сталин был недоволен своим прихвостнем Абакумовым, и если так, то – почему? Ведь к этому времени следственный процесс над деятелями ЕАК был почти закончен, составлен обвинительный акт, и дело должно было передаваться в суд. Остается необъяснимой и судьба Абакумова – главного исполнителя планов Сталина по делу ЕАК. Отстранив его от дел и арестовав вместе с ним следственную бригаду, Сталин их не уничтожает, хотя для этого было достаточно времени – от момента ареста в июле 1951 г. до его смерти прошло полтора года. Не расправился с Абакумовым и Берия, ставший после смерти Сталина министром МВД. Хоть у последнего и

было немного времени, всего два месяца, но вполне достаточно, чтобы освободиться от ненужного, чересчур осведомленного человека. Таким образом, Абакумов пережил, хотя и в тюрьме, своих хозяев, но все же был уничтожен... Кем? Для каких целей его держали, кому и зачем он был необходим? А сохранять живым его мог только высокопоставленный человек. Кто? Это еще одна загадка «Дела ЕАК».

Почему в ходе следствия многократно менялся состав «преступной группы»? Так, из дела были изъяты одиннадцать человек, и среди них П.Л. Жемчужина, С.О. Котляр, Г.М. Жиц, С.Х. Рабинович, С.Н. Хайкин, Л.И. Стронгин, М.С. Беленький, С.З. Галкин. До суда довели только 15. Где, на каком этапе и почему они оказались ненужными Сталину? Ведь сначала, на первом этапе дознания по «Делу ЕАК», проходили 50 человек (48).

В конечном итоге, речь идет не только о подробностях «Дела ЕАК», а о раскрытии человеконенавистнической сути большевистского режима. Глубокий научный анализ материалов «Дела ЕАК» важен для понимания роли еврейской интеллигенции в жизни тоталитарного государства. И даже больше – он злободневен и сегодня, так как ставит вопрос о возможности и оправданности ассимиляции евреев в странах рассеяния, об их роли в развитии и жизнедеятельности государства на всех его уровнях. Насколько оправдано и приемлемо участие евреев в науке, искусстве, промышленности, бизнесе, обороне и других сферах повседневной жизни в странах рассеяния?

Раскрытие тайны «Дела ЕАК» поможет разобраться и в механизмах организации геноцида не только евреев, но и других этнических групп населения, понять и выработать способ противодействия черным замыслам некоторых правящих кругов, партий, националистических течений и в наше время.

НЕ ПОЛУЧИЛОСЬ...

Обратимся к блок-схеме Последнего политического процесса Сталина, составленной на основании известных фактов, дат и документов (см. рис. № 2 на стр. 38). Ее анализ позволит представить и то, что происходило во время следствия по «Делу ЕАК», на закрытом судебном процессе и после него, а может быть, и то, что пока нам доподлинно неизвестно.

Прошу особо обратить внимание на длительность ведения предварительного следствия. Более трех лет (!) продолжалось следствие по «Делу ЕАК» – с января 1949 г. до марта 1952 г. Такого не было в практике проводившихся ранее Сталиным политических процессов. [Для справки: следствие по делу «Ленинградской контрреволюционной зиновьевской группы» (1934 – 1935 гг.)

продолжалось менее двух месяцев; по делу «Московского центра» (1934 г.) – два месяца; по делам «Антисоветского объединенного троцкистско-зиновьевского центра» и «Параллельного антисоветского троцкистского центра» (1936 г.) – менее шести месяцев; по «Антисоветскому правотроцкистскому блоку» (1937 – 1938 гг.) – один год; по «Антисоветской троцкистской военной организации» (1937 г.) – полтора месяца; по «Ленинградскому делу» (1950 г.) – менее двух месяцев.]

Чем были эти три года для арестованных членов ЕАК, можно себе представить по аналогии с ведением следствий по другим делам, ставшим сейчас достоянием гласности*. Вот только несколько из многочисленных свидетельств. «Как можно получить от человека признание в преступлениях, которых он никогда не совершал? Только одним способом – применением физических методов воздействия путем истязаний, лишения сознания, лишения рассудка, лишения человеческого достоинства. Так добивались мнимые признания» (из доклада Н.С. Хрущева XX съезду КПСС 25 февраля 1956 г.). «Широко применялись ночные и изнурительные по продолжительности допросы с применением так называемой “конвейерной” системы и многочасовых стоек». «Начинались допросы, как правило, с применением физических мер воздействия, которые продолжались до тех пор, пока подследственные не давали согласия на дачу навязывавшихся им показаний». В процессе изучения дела М.Н. Тухачевского на отдельных листах его показаний обнаружены пятна буро-коричневого цвета, которые по заключению суд.-мед. экспертизы признаны пятнами крови..

«Ко мне применялась ужасающая ругань, угрозы смертной казни, таскание за шиворот, душение за горло, пытка недосыпанием в течение пяти недель, сон по 2-3 часа в сутки, угрозы вырвать мне глотку и с ней признание, угрозы избиения резиновой палкой»: это по отношению к врачу – профессору Д.Д. Плетневу. Руководители карательных органов в своем кругу хвастались, какими методами они пользовались для получения нужных им показаний. Ежов на совещании актива главного управления НКВД во всеуслышание заявил, что следствие вынуждено нажимать на арестованного, т.е., как он выразился, «арестованных брать на раскол» (231).

Следственный процесс над деятелями ЕАК не стал исключением в практике МГБ. Попытки стали только более изощренными и жестокими. Заключенные подвергались ежедневным ночным допросам, различного рода наказаниям, помещению в

* В 1993 – 94 гг., когда писалась эта глава, документальных данных о мерах физического и психического воздействия на подследственных по «Делу ЕАК» не было. Они предполагались мною только по аналогии и оказались более жестокими и изуверскими, чем при Ежове и Ягоде.

холодные камеры, в карцер и избияениям. С первых дней по отношению к лицам, арестованным по делу ЕАК, весь арсенал средств воздействия был использован в полной мере.

Мы не можем восстановить полностью всю картину пыток и истязаний, которым подвергались эти люди, попав в застенки Лубянки, однако есть как свидетельства самих жертв, так и признания их палачей, которые позволяют представить картину мучений, выпавших на долю арестованных. Документы дают представление, каким образом добывались так называемые «признательные» показания, как готовился судебный фарс над членами ЕАК. Б.А. Шимелиович в письме председателю Военной коллегии Верховного суда СССР 6 июня 1951 г. писал о том, что по указанию министра Абакумова в первый день ареста следователь полковник Шишков и еще ряд сотрудников МГБ избивали его прямо в приемной министра. Каждый из них старался ударить Шимелиовича по лицу. Его били резиновой палкой, носком сапога по бедренным костям. Побой Б.А. Шимелиовича продолжались и в последующее время пребывания в тюрьме. Они усиливались в связи с тем, что он отказывался подписать «признательные» показания.

В показаниях, которые давал «мастер заплечных дел» Рюмин, есть рассказ о Б.А. Шимелиовиче: «Он был весь в синяках и плохо походил на человека, поскольку тов. Шишков (следователь МГБ, который допрашивал Б.А. Шимелиовича – *Ф.Л.*) систематически избивал его... После этих истязаний Шимелиовича приносили в кабинет следователя на носилках. К истязаниям регулярно присоединялись и другие сослуживцы Шишкова» (201). Не удовлетворивший Сталина своей работой зам. нач. следственной части по особо важным делам В.И. Комаров писал в свое оправдание:

«Я был беспощаден с ними (т.е. с подследственными по делу ЕАК – *Ф.Л.*), как говорится, вынимал из них душу, требуя выдать свои вражеские дела и связи. Арестованные буквально дрожали передо мной, они боялись меня, как огня... Сам министр не вызывал у них такого страха, который появлялся, когда допрашивал их я лично. Следователи... когда приходилось туго... всегда прибегали к моей помощи, прося принять участие в допросе. Особенно я ненавидел и был беспощаден к еврейским националистам, в которых видел наиболее опасных и злобных врагов. Я клянусь Вам, что у Вас не будет никогда быть недовольным моей работой...»

Признания, выбитые такими следователями и таким образом, стали стержнем всех проводимых ранее Сталиным показательных политических процессов. Должны они были стать таковыми и для планируемого Сталиным политического процесса по «Делу ЕАК». На это работал не только следственный аппарат – на это работала и юридическая наука, возглавляемая А.Я. Вышинским. Его фундаментальный труд «Теория судебных доказательств в советском праве»,

обосновывающий право суда на беззаконие и произвол, получил Сталинскую премию за 1949 г. В этом «научном» труде автор, не без рабского угодничества перед «гениальным ученым всех времен и народов» и по его указке, пытался подвести юридическую основу под творимые бесчинства. На базе тезиса Сталина «о возрастании классово-борьбы по мере продвижения вперед по пути к социализму» Вышинский «научно» обосновывает смелую новацию – отказ от «буржуазного» принципа презумпции невиновности в судопроизводстве, и выдвигает положение, при котором признание обвиняемого приобретает силу доказательства, становясь основой обвинительного заключения, что, следовательно, избавляло от необходимости представлять суду доказательства совершенных преступлений. Вышинский свел на нет принцип презумпции невиновности, хотя он считается юридической наукой самым основным в уголовном праве всех времен. Кульминацией становился открытый судебный процесс, где подсудимые должны были добровольно подтвердить самооговор, тем самым заставив и других подсудимых признать вину и принять участие в этом судебном фарсе. Весь судебный процесс, вопреки его сути и вековой практике, был направлен не на поиски истины, а на удовлетворение партийного, т.е. сталинского заказа.

В политических процессах 30-х годов Сталину удалось это осуществить и, будучи уверенным в публичном признании обвиняемых, он делал эти процессы открытыми. Все политические процессы были похожи друг на друга, как будто разыгрывался один и тот же спектакль. Все происходило по заранее написанному сценарию в одном и том же месте – малом зале Дома союзов, при неизменном участии главных действующих лиц: В.В. Ульриха – председателя Военной коллегии Верховного суда СССР, и Вышинского в роли государственного обвинителя. Говорили, что САМ главный режиссер из закрытой для постороннего взгляда ложи следил за ходом процессов. Менялись лишь подсудимые.

Видные политические деятели, профессиональные революционеры, прошедшие царские суды, тюрьмы и ссылки, теперь, претерпев все формы человеческого унижения, признавали себя виновными в нелепых обвинениях. Предсудебная обработка была столь основательной, что заставила поверить в подлинность происходящего даже Лиона Фейхтвангера. Вот каким он увидел и описал суд над участниками «Параллельного антисоветского троцкистского центра», на котором он лично присутствовал в марте 1938 г.

«Москва. 1937», из главы «Ясное и тайное в процессах троцкистов» (288):

«...Людей, стоявших перед судом, никоим образом нельзя было назвать замученными, отчаявшимися существами, представшими перед своими палачами... Сами обвиняемые представляли собой холеных, хорошо одетых мужчин с медленными непринужденными манерами. Создавалось впечатление, будто обвиняемые, прокурор и судьи увлечены одинаковым, я чуть было не сказал, спортивным интересом, выяснить с максимальной точностью все происходя-

щее. Если бы этот суд поручили инсценировать режиссеру, то ему, вероятно, понадобилось бы немало лет и немало репетиций, чтобы добиться от обвиняемых такой сыгранности. ...Если бы мировому общественному мнению представить не только то, что говорили обвиняемые, но и как они это говорили, их интонации, их лица, то, я думаю, неверящих стало бы гораздо меньше. ...Самым страшным и труднообъяснимым был жест, с которым Радек после конца последнего заседания покинул зал суда... Из семнадцати обвиняемых тринадцать – среди них близкие друзья Радека – были приговорены к смерти. Радек и трое других только к заключению. Судья зачитал приговор. Мы все – обвиняемые и присутствующие – выслушали его стоя, не двигаясь, в полном молчании. После прочтения приговора судьи немедленно удалились. Показались солдаты. Они вначале подошли к четверым не приговоренным к смерти. Один из солдат положил Радеку руку на плечо, по-видимому, предлагая ему следовать за собой. И Радек пошел. Он обернулся и приветственно поднял руку, почти незаметно пожал плечами, кивнул остальным, приговоренным к смерти своим друзьям, и улыбнулся. Да, он улыбнулся».

И это поведал всему свету писатель с мировым именем, глубокий знаток человеческих душ, гуманист. В его сознании даже не шевельнулся червячок подозрения, ему и в голову не пришло, что это – грандиозный спектакль, что во всем представлении, которое он видел, нет ни грана правды, все выдуманно, все разыграно, добыто за счет нечеловеческих мучений обвиняемых.

Так было на всех открыто-показательных процессах. Подсудимые хором признавались в якобы совершенных ими преступлениях и даже старались превзойти друг друга в признаниях. Несмотря на то, что они предстали перед народом «грязными, подлыми преступниками», они не защищались, они каялись.

Я не буду сейчас обсуждать, был ли действительно обманут Л. Фейхтвангер, влившийся в «плеяду сладкоголосых летописцев той эпохи», или он отдал предпочтение Сталину перед Гитлером, в то время открыто проводившим в Германии политику уничтожения евреев. Главное состоит в том, что Л. Фейхтвангер своей книгой «Москва, 1937» пытался доказать всему миру правомерность действий Сталина. Фейхтвангер заставил молчать голоса внутри и извне, ставившие под сомнение истинность и законность этих судебных спектаклей. Сталин победил!

А вот в 1950 г. он потерпел первое поражение. Отработанная методика репрессий дала осечку. Он начал проигрывать! Я лично считаю, что это был первый существенный удар по тоталитарному режиму Сталина, почти двадцать три года одерживавшему только победы. Эту дату я считаю началом распада СССР, державшимся только на насилии и страхе. И первый отпор режим получил от евреев, нескольких интеллигентов, находившихся в застенках Лубянки. Тот факт, что следствие затянулось на три года, дает основание говорить о сопротивлении, оказанном членами ЕАК. Они не пошли на самооговор, не покорились нажиму следствия, не поддались увещаниям злодеев, не приняли их сценарий.

А это означало, что из сценария выпал целый акт с открытым судебным процессом; тот, в свою очередь, должен был стать пусковым механизмом, как в 1937 – 1938 гг., тотального террора, масштабы которого даже трудно себе представить, а также катализатором новой волны антисемитского националистического угара с повсеместными погромами. Все это должно было породить слепой страх граждан советской страны, чтобы держать их в повиновении и полной покорности, чем и упрочить единоличную власть тирана.

Итак, организовать открытый судебный процесс Сталину не удалось, и с евреями из ЕАК пришлось расправиться без шумихи. Закрытый процесс, который вела Военная коллегия Верховного суда СССР (среди подсудимых не было ни одного военного!), начался 8 мая 1952 г. Но и закрытый процесс проходил не гладко, с точки зрения его устроителей.

Суд продолжался почти три месяца. Историкам и юристам предстоит разобраться, почему его заседания прерывались почти на месяц! Вряд ли у судей, за плечами которых было множество таких сфальсифицированных процессов (иначе их не допустили бы до ведения «Дела ЕАК»), вдруг взвыла совесть. Скорее всего, причиной этому было поведение подсудимых. Они и на этой, завершающей стадии оказали сопротивление. О беспрецедентности такой затяжки можно судить опять же по аналогии. Подобные судебные заседания в довоенное время продолжались, как правило, несколько дней и никогда не прерывались. Судебный спектакль разыгрывался без антракта, одним действием. Судебный процесс «Московского центра» длился 3 дня (13 – 16 января 1935 г.); дело «Анτισоветского объединенного троцкистско-зиновьевского центра» – 6 дней (19 – 24 августа 1936 г.); дело «Параллельного антисоветского троцкистского центра» – 8 дней (23 – 30 января 1937 г.); дело «Анτισоветского правотроцкистского блока» – 11 дней (2 – 13 марта 1938 г.), и т.д.! И только дело Еврейского антифашистского комитета – три месяца!!!

Необходимо также понять, почему приведение приговора в исполнение было произведено лишь через месяц после оглашения, тогда как в предыдущих судебных процессах осужденных расстреливали сразу же после приговора. Так, по «Ленинградскому делу» приговор был оглашен 1 октября 1950 г. в 0 часов 59 минут, а уже в 2 часа ночи (всего через 1 час) Н.А. Вознесенский, А.А. Кузнецов, М.И. Радионов, П.С. Попков, Я.Ф. Капустин и П.Г. Лазутин были расстреляны. В «Военном деле» приговор о расстреле восьми осужденных был оглашен 11 июня 1937 г. в 23 часа 35 минут и приведен в исполнение на следующий день – 12 июня (М.Н. Тухачевский, И.Э. Якир, А.И. Корк, И.П. Уборевич, Р.П. Эйдеман, Б.М. Фельдман, В.М. Примаков и В.К. Путна). М.Н. Рютин – главный обвиняемый по делу «Союза марксистов-ленинцев» (1934 г.) – был расстрелян в тот же день сразу же после оглашения приговора.

А члены ЕАК целый месяц находились в камерах смертников. Каков был этот месяц для осужденных на смертную казнь, понять нетрудно. А ведь это было время, когда на Лубянке уже стряпалось «Дело врачей-вредителей», где еще живому Б.А. Шимелиовичу и уже убитому С.М. Михоэлсу было отведено главенствующее место.

Из приведенной блок-схемы (см. рис. № 2 на стр. 38) видно, что еще один факт прямо связан с «Делом ЕАК», с судьбой арестованных и находившихся в это время под следствием. 1950 год. В газете «Правда» – центральном печатном органе партии – опубликован указ о введении смертной казни. Она была отменена сразу после войны, а сейчас вновь понадобилась. Для чего? Ответ напрашивается сам собой – чтобы на открытом судебном процессе «законно» начать убивать евреев. Опубликован этот указ 13 января 1950 г. Опять 13 января! Потом будет 13 января 1953 г. – сообщение в газетах о «Деле врачей-вредителей».

ЦЕЛЬ – ТЕРРОР

Меня могут спросить: почему я придаю такое большое значение в судьбе советских евреев «Делу ЕАК»? Почему я считаю, что закрытый судебный процесс над членами ЕАК был провалом в планах Сталина, а не обычным из проходивших в то время множестве других закрытых судебных разбирательств? Таких, например, как над ленинградской партийной верхушкой, руководством Автозавода им. Сталина, группой генералов из окружения маршала Г.К. Жукова, химиками, железнодорожниками, участниками «Мингрельского дела» и т.д. Я и сам не раз задавал себе эти вопросы. И вот к какому выводу пришел. Все другие дела носили явно локальный характер и не могли дать эффект тотального страха. А нужна была именно всеобъемлющая встряска, и такой могла быть только антисемитски окрашенная акция.

Юдофобия, жидоедство – как бы ни называть это явление – всегда тлело в советском обществе, всегда было готово разгореться пламенем ненависти, насилия и погромов. Оно всегда было на службе власть предержащих черных сил для объяснения экономических неудач, социальной несправедливости, кризисов, голода. Плебс в большой степени начинен ненавистью к еврею, даже тогда, когда все спокойно. А уж если есть знак «сверху», эту ненависть остается лишь выплеснуть. Напомним слова Ленина: «Антисемитизм всегда идет сверху».

Сталин всегда держал наготове антисемитскую доктрину Гитлера: «Антисемитизм является удобным революционным средством. Вы увидите, как мало времени нам потребуется для того, чтобы повернуть представления и критерии всего мира только и просто с помощью нападков на еврейство. Вне всякого сомнения, это самое сильное оружие в моем пропагандистском арсенале» (212). Сталин применил это оружие, как только оно ему понадобилось.

«Вождь народов» считал себя очень большим специалистом по национальному вопросу, и не без основания. Еще до Октябрьского переворота в большевистской партии, рвущейся к власти, появляется теоретик ее национальной политики – молодой функционер (по характеристике В.И. Ленина «один чудесный грузин») Иосиф Сталин. Он осуществляет и теоретически обосновывает все сложные зигзаги политики Ленина по отношению к народам, населявшим Россию, Польшу, Украину, Грузию, Азербайджан, Армению и др. в период между Февральской буржуазной революцией и Октябрьским переворотом, а также и в первые годы советской власти.

И уже тогда, на раннем этапе его политической деятельности, у молодого амбициозного кавказца частенько вырывалось наружу истинное юдофобское нутро, при том, что публично он осуждал антисемитизм как явление, несовместимое с коммунистическими идеалами. Сталин входил в состав первого Совнаркома Советской России в качестве наркома по делам национальностей и возглавлял этот наркомат с 1917 по 1923 гг., где и проводил работу по созданию национальных советских республик, а затем и по объединению их в единое государство. В апреле 1923 г., на XII съезде партии, в докладе «Национальные моменты в партийном и государственном строительстве» Сталин призвал всю партию к «решительной борьбе с великорусским шовинизмом и местным национализмом ...» (9, 112).

Внутренняя политика Сталина вплоть до начала Отечественной войны, серия организованных им политических процессов тридцатых годов и последовавший за ними тотальный террор не носили четко выраженного антисемитского характера. Евреев репрессировали и уничтожали наравне с другими «врагами народа», а не за то, что они евреи. Однако во время Отечественной войны и особенно сразу после нее Сталин резко развернул национальную политику от «интернационального ленинизма» к сталинской разновидности русского великодержавного шовинизма, присвоив русскому народу звание «первый среди равных». На этом этапе отношение к евреям претерпело резкую метаморфозу. Началось с поощрения бытовой юдофобии, оттеснения евреев на задний план во всех областях жизни страны, и кончилось действиями в масштабах государства. Антисемитизм начал составлять неотъемлемую часть общей, а не только национальной политики СССР тех лет. Все было сделано, чтобы евреи в представлении народных масс очень подходили на роль врагов народа, шпионов и убийц.

Особо хочу отметить, что антисемитизм Сталина был одним из важных идеологических инструментов в борьбе за власть. И тут я полностью согласен с мнениями Г. Костырченко (123) и А. Авторханова: «Сталинский антисемитизм не был зоологическим, как у Гитлера, а прагматическим», и Сталин, «в отличие <...> от Гитлера <...> был больше прагматиком, нежели антисемитом» (2). В подтверждение этого мнения можно напомнить, что Сталин много лет успешно сотрудничал с Л. Кагановичем, Л. Мехлисом и Г. Ягодой, что в составе ЦК пар-

тии евреи (за все годы советской власти их было свыше 50-ти) играли вполне заметную роль, а Б. Ванников, С. Лозовский и В. Дымшиц функционировали в этом органе власти более 20-ти лет. В правительстве евреи, вплоть до 50-х годов, тоже были на ключевых постах и вершили там дела в течение многих лет: к примеру, упомянем М. Литвинова (Министерство иностранных дел), Л. Мехлиса (Министерство госконтроля), Л. Володарского (ЦСУ) и В. Дымшица (Управление народным хозяйством, строительством, а также зам. Председателя Совета министров). Всего в разное время в правительство входило 32 еврея. Многие евреи занимали руководящие должности и в вооруженных силах СССР, в науке, культуре. Так что Сталин до определенного времени не разыгрывал антисемитскую карту. Он руководствовался только мерилom «пользы» для себя лично и для советской системы. Когда же для пользы возглавляемой им системы потребовался антисемитизм, он был включен как элемент государственной политики.

Второй важной особенностью антисемитизма в советской стране являлась его широкая территориальная распространенность, в связи с чем запланированная Сталиным акция сразу приобретала глобальный, общесоюзный характер.

И третье – простота исполнения. Ничего оригинального не надо придумывать. Оставалось лишь после запланированного открытого судебного процесса над еврейской элитой из ЕАК приступить к погромам и массовой депортации евреев.

Я придаю такое принципиальное значение срыву планов Сталина только потому, что над евреями вновь нависла смертельная опасность, и «еврейский вопрос» в пределах страны должен был бы решиться окончательно и уже бесповоротно (в это время в СССР насчитывалось почти 2,5 миллионов евреев). Стужаю ли я краски, говоря об обстановке, сложившейся в начале пятидесятых годов? Насколько верно мое предположение, что арест, следствие и планируемый Сталиным открытый процесс над членами ЕАК служил предтечей геноцида? Ведь даже сейчас, когда получены неопровержимые доказательства подготовки к выселению евреев, намечавшемуся после «Дела врачей-вредителей» в 1953 г., это оспаривается некоторыми советологами в Израиле и странах Запада (33). Ставят под сомнение наличие у Сталина планов депортации советских евреев историк Г.В. Костырченко (123) и многие другие, ссылаясь на то, что «эти многочисленные слухи не имеют пока четкого документального подтверждения» (см. главу «Советским евреям депортация предстояла!», стр. 456).

Для поддержания всеобщего страха в стране, развязывания в людях «инстинкта зла, превращения их в трусливых лицемеров» (высказывание Т. Манна о сущности тоталитарных режимов) (95) эта акция была бы самой эффективной. А опыт переселения и обречения на вымирание миллионов зажиточных крестьян под лозунгом «социализации» деревни, послевоенных депортаций целых народов у Сталина уже был. Поэтому в приведенной блок-схеме я и отметил планируемую Сталиным депортацию евреев СССР с ориентировочным сроком ее

осуществления в конце запланированного Сталиным «Дела ЕАК» как его завершающий этап. По-моему глубокому убеждению, если бы не противостояние, если бы не самоотверженно принятый деятелями ЕАК на себя удар, если бы не затяжка на три года следствия и срыв открытого судебного процесса, то в конце 1950 г., в крайнем случае в начале 1951 г. Сталин реализовал бы план уничтожения основной массы еврейского населения СССР.

Еще раз обратимся к блок-схеме на рис. № 2 (см. стр. 38). На ней видно, что следствие над деятелями ЕАК как бы разделено на три части. Первая, начавшаяся в начале 1949 г., по моему мнению, должна была закончиться в первую половину 1950 г. Естественно, что затем планировался и судебный процесс. Для такого вывода были следующие «внешние симптомы», по которым я смог судить о том, что творилось в «черном ящике» Лубянки и Лефортово.

Первый и самый важный симптом – Указ Верховного Совета СССР о возобновлении смертной казни, опубликованный 13 января 1950 г., о котором я уже говорил. Получена правовая основа: после запланированного открытого показательного политического процесса учинить над осужденными кровавую расправу.

Второй – резкая эскалация политико-административных мероприятий, нарастающих напряженность в обществе. Все точно по такой же схеме, как в тридцатых годах: лавина статей, выступления по радио с шельмованием космополитов, увольнение с работы, роспуск объединений еврейских писателей в Москве, Киеве, Минске, закрытие еврейских печатных изданий, и т.д. Даже такая «мелочь», как удаление имени С.М. Михоэлса с названия Государственного еврейского театра, очень симптоматична.

Третий – аресты еврейских писателей и журналистов в Москве, Киеве, Минске, Одессе и других городах.

Все было подготовлено к открытому судебному процессу. «Наверх» из МГБ идут вполне благоприятные для Сталина сообщения, и он на основании этого расширяет и углубляет мероприятия по подготовке к массовым репрессиям. В последние годы начали появляться сведения о них. Свидетельствует сотрудник МГБ Н.Н. Поляков:

«В конце сороковых, начале пятидесятих годов было принято решение о полной депортации евреев. Для руководства этой акцией была создана комиссия, подчинявшаяся только Сталину. Председателем комиссии Сталин назначил Сулова, а секретарем был я, Поляков. Для приема депортируемых в Биробиджане (в частности) форсированно строились барачные комплексы по типу концлагерей, а соответствующие территории разбивались на закрытые секретные зоны» (113).

И вдруг что-то не срабатывает в этом хорошо отлаженном механизме. Внешние симптомы были очень скудны, и для нас, «снаружи», маловразумительны. Но все же такие симптомы были. Их обсуждали в кругу близких, предварительного включая радиоприемник на полную мощность и накрывая телефон

подушкой. Приостановилась волна арестов. Создавалось впечатление, что Молох насытился своими жертвами. Произошла смена в руководстве Министерства госбезопасности и, естественно, хотелось трактовать это как обнадеживающий признак. Указ об этом был опубликован в газете «Правда». Назначен новый министр. Значительно сократилось количество антисемитских статей в газетах и журналах. Мы выискивали и подсчитывали еврейские фамилии в списках награжденных сталинскими премиями. Их было немало. Успокоительно действовало награждение орденами И. Эренбурга, Б. Ванникова, Л. Кагановича, других, с малоизвестными еврейскими фамилиями.

Эти же явления отметил Б. Пинкус, проанализировав советскую прессу за 1948 – 1953 гг.: «Период с января 1948 г. до конца 1953 г. можно разделить на пять этапов, каждый из которых представляет собой новую ступень эскалации антиеврейской политики советского руководства:

а) Первый этап, с января 1948 г. до конца 1948 г., характеризуется кампанией против еврейского национализма и началом уничтожения еврейской культуры.

б) Второй этап, с января 1949 г. до мая 1949 г., характеризуется интенсивной кампанией против космополитизма.

в) Третий этап, с июля 1949 г. до конца 1952 г., характеризуется менее шумной кампанией.

г) Четвертый этап, с января 1953 г. до марта 1953 г., характеризуется разнузданной кампанией против ведущей еврейской интеллигенции.

д) Пятый этап, с апреля 1953 г., характеризуется началом улучшения положения евреев в СССР» (196).

Мы сейчас рассматриваем третий этап (по Пинкису) как симптом того, что творилось в «черном ящике» Лубянки в конце 1950 – начале 1951 гг.

Все вышеизложенное позволило мне, при построении блок-схемы Последнего политического процесса Сталина, сначала обозначить этап «Следствие над членами ЕАК» в виде трех блоков, разделив весь следственный процесс на три части, и сделать очень важный вывод: завершающая фаза «Дела ЕАК» первоначально планировалась Сталиным на начало или середину 1951 г.

Еще в 1994 г., при подготовке первого издания моей книги, я убедился, что примененный мною метод системного анализа в исторической науке имеет право на существование, и что мое предположение о планируемом Сталиным открытом политическом процессе с последующей волной террора, намеченном на конец 50-го (в крайнем случае – на начало 51-го года), нашло свое подтверждение. Так, изучивший следственные дела ЕАК А. Борщаговский, ссылаясь на одного из следователей – П.И. Гришаева, ведшего дело ЕАК, – отмечает, что было два периода в проведении следственного процесса (46). Того же мнения придерживается В.П. Наумов (202).

Однако исследование публикаций, появившихся в последнее время, позволил мне высказать предположение о наличии трех этапов в следственном процессе над деятелями ЕАК. Вот как, по моему мнению, развивалось следствие над деятелями ЕАК и как шла подготовка к открытому показательному судилищу, где подсудимые должны были публично признать себя врагами.

Январь 1949 – март 1950 года. Беспрецедентный для только что арестованных и заключенных в тюрьму МГБ физический и психологический нажим, который обрушился на них, видимо, дал определенные результаты. Руководство МГБ докладывало Сталину об успешном ходе следствия, посылая специальные доклады, записки, а также протоколы допросов арестованных, привлеченных по «Делу ЕАК». За первые два месяца следствия Сталину было послано около 20-ти протоколов допросов (176). Для псевдосудебной расправы «Дело ЕАК» было готово уже через год. 25 марта 1950 г. всем арестованным по делу ЕАК – С.А. Лозовскому, И.С. Юзефовичу, Б.А. Шимелиовичу, Л.М. Квитко, П.Д. Маркишу, Д.Р. Бергельсону, Д.Н. Гофштейну, В.Л. Зускину, Л.Я. Тальми, И.С. Ватенбергу, Э.И. Теумин, Ч.С. Ватенберг-Островской, Л.С. Штерн, С.Л. Брегману, П.С. Жемчужиной, Г.А. Соркину, С.О. Котляру, С.З. Галкину и еще 11-ти арестованным было объявлено об окончании следствия. Этого не было сделано только в отношении И.С. Фефера. Таким образом, ему дали понять, что он не будет включен в состав подсудимых по этому делу.

Но у Сталина был иной сценарий. Ему был нужен открытый показательный процесс над «врагами народа», с признаниями подсудимых не в подвалах МГБ перед Особым совещанием или Военной коллегией, а перед «Судом Народов». Руководство же МГБ не гарантировало Сталину выполнение его указаний о подготовке обвиняемых к признанию себя виновными, так как основные участники планируемого процесса отказывались от показаний, которые на первом этапе следствия угрозами, шантажом, истязаниями сумела получить следственная бригада, работавшая под руководством министра МГБ Абакумова. Тогда, в 1950 г., отказались от своих показаний С. Лозовский, И. Юзефович и В. Зускин. Никогда не признавал себя виновным в чем-либо Б. Шимелиович.

Следственные действия, а вернее, физическое и психическое насилие над деятелями ЕАК, возглавляемое лично Абакумовым, было продолжено с единственной целью: сломить волю арестованных и подготовить их к открытому процессу. Этот второй этап продолжался в течение всего 50-го года. Рассчитывая на успех следователей, в недрах МГБ шла активная подготовка к открытому судебному процессу. Готовились дела, которые должны были сопровождать открытый политический судебный процесс над деятелями ЕАК. Еще далеко было до завершения следствия, а МГБ в репрессивной политике в отношении евреев исходило из того, что существовал шпионский центр в лице ЕАК.

То и дело приходили вести об арестах, увольнениях с работы: удаление от активной деятельности бывшего наркома иностранных дел М.М. Литвинова (Макса Валлаха); арест членов редакционной коллегии еврейской газеты «Эйникайт» – И. Добрушина, П. Кагановича, М. Бродерзона, И. Нусинова; арест зам. председателя Госконтроля РСФСР С. Брегмана; арест группы еврейских писателей и поэтов – М. Баазова, И. Каганова, Ш. Персова, Ц. Плоткина, Г.Прейгерзона; арест сотрудников Кабинета еврейской культуры, языка и фольклора при АН УССР – Э. Спивака, Х. Лойцкера, М. Береговского, М. Майданского и других; арест группы инженерно-технических работников Автомобильного завода им. Сталина – Б. Фитермана, Ю. Гольдберга, Вайсберга, Когана, Г. Шмаглит, Г. Эйдинова, Соломон – всего тридцать человек – все евреи, к ним добавили несколько человек, в том числе зам. министра Ю.С. Когана, помощника министра Б.С. Генкина, нач. Главснаба Э.Л. Лившица и нач. отдела кадров Б.С. Мессенгиссера, директора заводской поликлиники Самородинского; на Ярославском моторном заводе было арестовано около пятидесяти человек, среди них – Каплан, Лифшиц, Шаймович, Рабинович, Капель, Лимони; арест работников завода «Динамо»; арест группы молодежи из «Союза борьбы за дело революции», среди них – Б. Слуцкий, В. Фурман, Е. Гуревич, С. Печуро, Г. Мазур, И.Аргинская, М. Улановская, Ф. Воин, И. Винникова, Н. Уфлянд и др.

В это же время шли аресты и суды над участниками «организации еврейских буржуазных националистов» в промышленности (Завод им. Сталина в Москве, Кузнецкий металлургический комбинат и др.), в средствах массовой информации. Состоялся процесс над руководителями Еврейской автономной области, шли аресты среди работников Министерства иностранных дел и Министерства государственной безопасности.

Однако у руководства МГБ не было уверенности, что удастся провести судебный процесс над деятелями ЕАК по сценарию Сталина. Сопrotивление подследственных срывало планы Сталина. Закончился один год следствия, пошел другой, а итогов, нужных Сталину для развертывания тотального террора в стране, нет. Это был беспрецедентный случай в практике МГБ за все время существования этого карательного учреждения. Тогда и была проведена смена руководства. Летом 1951 г. был смещен со своего поста и арестован министр МГБ Абакумов. Вслед за ним в тюремных камерах Лефортовской тюрьмы оказались и руководители следственной части по особо важным делам. Были изгнаны из МГБ многие следователи, которые вели «Дело ЕАК». Был назначен новый министр – С.Д. Игнатъев. Руководство следствием попало в руки нового начальника следственной части по особо важным делам М.Д. Рюмина – садиста и негодяя, имевшего особые полномочия от очень высоких инстанций на завершение «Дела ЕАК» по-быстрому и в нужном для Сталина направлении. Рюмин с тщеславием и гордостью говорил, что он является «уполномоченным ЦК

ВКП(б) на вскрытие еврейского националистического центра». С этого момента начинается новый, третий этап следствия. Новые истязатели с жаром принялись за дело, углубили «ту, далекую от объективности сугубо обвинительную линию... Рюмин, инструктируя новых следователей, подчеркивал, что судьба этих арестованных уже предрешена вплоть до меры наказания, и вся «наша работа будет носить формальный характер» (46).

Новой бригадой следователей, знавшей о судьбе репрессированных предшественников, руководил страх и инстинкт самосохранения. Они понимали, что если не выполнят приказ Сталина, то их уничтожат, возможно, даже раньше, чем подследственных. Сталин тогда напрямик выговаривал новому министру внутренних дел Игнатьеву, что если он не добьется «признательных показаний», с него «слетит голова», сам вызывал к себе «на ковер» следователей и инструктировал их «бить, бить и бить». В чем же заключается «углубление обвинительной линии»? А вот в чем: Сталин направляет следствие по отработанному в прошлых политических процессах пути, где козырной картой было обвинение в покушении на Сталина. Теперь на этом направлении концентрируется основное внимание следователей. Новая следственная группа во главе с новым зам. министра Рюминым принялась за дело. Опять потянулись изнурительные допросы, очные ставки С. Лозовского и Б. Шимелиовича с И. Фефером.

Идея о «террористических замыслах» деятелей ЕАК проводилась и ранее, в первой стадии следствия. Разработка ее началась лично Абакумовым еще при подготовке к делу. За два года до ареста основной группы ЕАК и за год до убийства С. Михоэlsa из арестованных И.И. Гольдштейна и З.Г. Гринберга выбивались обвинительные показания о том, что Михоэлс «проявлял повышенный интерес к личной жизни главы советского правительства в Кремле» (46). В следствие вовлекаются А.С. Аллилуева (сестра покойной жены Сталина), которую вынуждают дать показания о том, что «вокруг нее концентрируется группа лиц еврейской национальности», среди них подруга Аллилуевой – Л. Шатуновская, как якобы соучастница заговора. Особое место в этой разработке отводилось Полине Жемчужиной, жене В.М. Молотова (в то время она – 1-й зам. Председателя Совмина СССР, член Политбюро, а затем ЦК партии, депутат Верховного Совета СССР). К делу привлечены также ее брат – В. Карповский, сестра – Лешнявская, секретарь – Мельник-Соколинская.

С самого начала следственного процесса над деятелями ЕАК версия о терроре разрабатывается очень фундаментально, и силой, пытками, шантажом был получен ряд признательных протоколов о подготовке к терактам и о налаживании для их осуществления контактов с Молотовым и Кагановичем. Разработка версии о «террористической деятельности» ЕАК для Сталина имела очень важное значение. Доказательством этому – признание следователя Лихачева, который сообщает, что едва подтверждение версии о нацеленности «еврейских бур-

жуазных националистов» на жизнь и семью Сталина было «выбито» (!) у Гринберга, оно было немедленно отправлено Сталину.

Такой поворот темы был не нов в деятельности Сталина. «Террористические замыслы» подсудимых были «дежурным блюдом» на процессах тридцатых годов. Вспомним 1937 год, процесс «Параллельного антисоветского троцкистского центра». На предварительном следствии и на суде Ю.Л. Пятаков, Г.Я. Сокольников, К.Б. Радек и другие обвиняемые признали себя виновными в готовившемся ими покушении на Сталина. На суде они сообщили о получении письма от Троцкого, в котором предлагалось объединить все антисталинские силы и устранить Сталина. А что было на самом деле, видно из решения Пленума Верховного суда СССР от 21 июня 1988 г.: «Предварительное следствие, проводимое И.И. Ежовым, М.П. Фриновским и др., велось с грубейшими нарушениями, подготовка к суду и сам судебный процесс проходил под контролем Сталина, обвинительное заключение было отредактировано лично Сталиным» (201). Тот же кромешный 1937 год. Процесс «Антисоветского правотроцкистского блока». На нем А.И. Рыкову и А.П. Розенгольцу приписывают попытку убить Сталина. Последний-де лично пытался совершить этот террористический акт, для чего «неоднократно добивался у него (Сталина – Ф.Л.) приема». Но этого мало: А.М. Горький, оказывается, был «умерщвлен» врачами Л.Г. Левиным и Д.Д. Плетневым, а Л.Г. Левин и И.Н. Казаков обвинялись в смерти сына Горького М.А. Пешкова и В.Р. Менжинского, последовавших от неправильного лечения. Нужно ли здесь еще раз говорить, что вся эта «террористическая деятельность» оказалась выдуманной Сталиным, все дело было им сфальсифицировано и инспирировано, показания обвиняемых не соответствовали действительности и были получены путем вымогательств, пыток и издевательств (201).

1936 год – «Антисоветский объединенный троцкистско-зиновьевский центр». Дело вели сначала Ягода со своей группой следователей. Потом, в процессе следствия, их всех пересадили и без суда и следствия расстреляли. (Ну как не вспомнить аналогичную ситуацию, разыгранную Сталиным через пятнадцать лет с В. Абакумовым. Вот он – «криминальный почерк»!) Затем эстафету перенимают Н. Ежов, Я. Агранов и др. с той же целью – внушить мысль, что, якобы, жизни Сталина со всех сторон угрожает опасность. Проходивший по делу М.И. Лурье показал, что он в 1933 г. получил личное указание Л.Д. Троцкого о подготовке и создании многочисленных террористических организаций с целью убийства Сталина. На основании этого «признания» прошли повальные аресты и было расстреляно 160 человек. Пересмотрев это дело в 1988 г., Пленум Верховного суда установил, что бывшие троцкисты и зиновьевцы после 1927 г. организованной борьбы с партией не проводили ни на террористической, ни на другой основе, а дело об «Объединенном троцкистско-зиновьевском центре»

было искусственно создано органами НКВД по прямому указанию и при непосредственном участии Сталина (201).

Когда же у Сталина родилась эта идея – приписывать террористическую деятельность своим соратникам, идея, которую он затем с маниакальной точностью воспроизводит на последующих политических процессах? В 1935 г., после суда над Г.Е. Зиновьевым, Л.Б. Каменевым и другими («Московский центр»), Сталин лично редактирует брошюру Ежова «От фракционности к открытой контрреволюции» и своей рукой без всяких оснований вписывает: «Зиновьевско-каменевские меньшевики <...> пытались обезглавить революцию, уничтожить товарища Сталина», хотя в материалах судебного процесса «Московского центра» о подготовке покушения на Сталина даже не упоминалось.

На первом этапе следствия по «Делу ЕАК» активно разрабатывалась эта криминальная идея, и не без успеха. Но почему-то Сталин держал ее под спудом. Какие у него для этого были причины? Почему тогдашний министр госбезопасности Абакумов не давал ей должного развития, придерживал протоколы допросов, не оформлял их, хранил в своем сейфе? Конечно, он это делал не по своей воле. Я совершенно уверен в том, что знаменитое письмо-донос Рюмина на своего непосредственного начальника, генерала и министра Абакумова (Рюмин тогда ходил в подполковниках) от 4 июля 1951 г. на имя Сталина о «попустительстве к преступникам, умышленном затягивании следствия, отсутствии результатов в разоблачении террористических замыслов врагов» было написано по инициативе Сталина. Посмотрите на даты – как молниеносно Сталин на него реагирует: всего через неделю после его написания, 12 июля, Сталин бросает за решетку своего главнейшего в государстве министра.

Рюмин, уже в должности заместителя министра, активно принимается за дело по исправлению «ошибок и попустительства к преступникам», допущенных Абакумовым, и только частично добивается успеха, так как подследственные оказывают ему и его следственной бригаде сопротивление. Однако то, что им добыто с таким «большим трудом», тоже почему-то не используется следствием: в обвинительном заключении, предъявленном членам ЕАК, и в приговоре нет параграфа об их террористической деятельности (202). Это обвинение перекочевало в уже создаваемый в то время процесс над врачами. В нем это обвинение главное и единственное, а вся следственная работа, проводившаяся в течение пяти лет, сконцентрировалась в одной фразе пресловутой хроники об аресте «группы врачей-вредителей» от 13 января 1953 г.: «Арестованный Вовси заявил следствию, что он получил директиву “об истреблении руководящих кадров СССР” из США от организации “Джойнт” через врача в Москве Шимелиовича и известного еврейского буржуазного националиста Михоэлса».

Итак, следствию по «Делу ЕАК» после ареста Абакумова был дан толчок, начались новые допросы, анализ документов, проведение экспертизы. Для веде-

ния допросов арестованных Рюмин через С.Д. Игнатьева получал вопросы, которые были подготовлены лично Сталиным. В следственном деле появились новые важные моменты. ЕАК пытались представить теперь как центр, который руководил еврейскими националистическими организациями во всех структурах государственной власти. По замыслам Игнатьева и Рюмина, необходимо было показать участие в деятельности этой организации крупных фигур, и именно поэтому следователи добивались показаний об участии в деятельности ЕАК Ильи Эренбурга, пытались связать ЕАК с именами Кагановича, Молотова и других. Рюмин не только продолжил, но и углубил ту далекую от объективности сугубо обвинительную линию, которую заняли по отношению к арестованным бывшие руководители МГБ Абакумов, Огольцов, Леонов, Лихачев и Комаров, скрыв, что по данному делу имелось грубейшее нарушение законности и что основные показания были получены путем вымогательств, избиений и угроз.

Рассчитывая на «быстрые успехи» новой следственной бригады и запуганного нового министра, Сталин начал готовить расширение репрессивных мер, которые должны были последовать как дополнение к «Делу ЕАК» (см. рис. № 2 на стр. 37-40). 13 марта 1952 г. следственная часть МГБ постановила начать следствие над 213-ю деятелями искусства и науки, в основном еврейской национальности. Среди них — И. Эренбург, В. Гроссман, С. Маршак, М. Блантер, Б. Слуцкий и другие всем известные и уважаемые литераторы, ученые, музыканты (201). Не остались в стороне от репрессий и кадровые офицеры госбезопасности. В отношении бывших сотрудников МГБ, евреев по национальности, были даны установки рассматривать их как участников буржуазно-националистического подполья. Тех, кому доводилось работать за границей, допрашивали как шпионов. Сотрудников-неевреев рассматривали как ближайших сообщников Абакумова, способствовавших ему узурпировать власть в стране. Особенно неистовствовали следователи, пытаясь доказать или раскрыть связи с ЕАК будто бы существовавшей в МГБ еврейской буржуазно-националистической организации.

Важным направлением третьего этапа следствия было стремление выявить буржуазно-националистическую организацию в партийном аппарате. Очевидно, это было нелегко сделать, потому что евреев там уже не оставалось, и тем не менее лично Рюмин вел допросы бывших сотрудников МГБ, и именно в этом плане.

С делом ЕАК искусственно связывали и другие судебные дела, которые велись в МГБ СССР или проходили в Военной коллегии Верховного суда СССР. В общей сложности таких дел было около 70-ти. По замыслу фальсификаторов «Дела ЕАК», это должно было убеждать в существовании антисоветского националистического центра. В это же время шло активное создание судебных дел экономического профиля. Был проведен ряд арестов и возбуждены дела, проведено следствие по чисто хозяйственным «преступлениям», арестованы зав. магазина-

ми, снабженцы, директора фабрик, артелей. Характерная черта была в том, что подсудимые подбирались по национальному признаку, и в ходе следствия была сделана попытка квалифицировать эти «преступления» как экономическую диверсию, с расчетом дать обвиняемым политическую статью. Однако в конце концов все эти дела были сгруппированы по Указу о хищениях и злоупотреблению служебным положением, а обвиняемых осудили на всю катушку – по 25-ти лет лагерей.

Но с задачей, которую поставил перед МГБ Сталин, следователи справиться не смогли. Обвиняемые отказывались от своих показаний. Более трех лет длилось следствие, и даже на заключительном этапе потребовалось еще восемь месяцев, чтобы склотить обвинение, которое было предъявлено арестованным членам Комитета. На завершающем этапе формирования «Дела ЕАК» группа следователей предложила вывести из числа обвиняемых В. Зускина, Э. Тальми, Ч. Ватенберг-Островскую, так как к руководству Комитета они не имели никакого отношения и обвинения против них были слабыми. Однако Рюмин отверг это предложение, опасаясь, что дело окончательно развалится. К весне 1952 г. следствие было закончено. 5 марта помощник начальника следственной части по особо важным делам МГБ СССР подполковник П. Гришаев вынес постановление об объединении следственных дел по обвинению С.А. Лозовского, И.С. Фефера, С.Л. Брегмана, И.С. Юзефовича, Б.А. Шимелиовича, Л.С. Штерн, Л.М. Квитко, Д.Н. Гофштейна, П.Д. Маркиша, Д.Р. Бергельсона, И.С. Ватенберга, Л.Я. Тальми, В.Л. Зускина, Э.И. Теумин и Ч.С. Ватенберг-Островской в одно следственное дело, присвоив ему номер «2354».

Это теперь мы знаем о том, что творилось в «черном ящике» под названием Лубянка. Тогда же атмосфера была такова, что тему, связанную с репрессиями, избегали, и разговоры, считавшиеся небезопасными, почти полностью исключались. И все же, хотя «в воздухе пахло грозой», жизнь шла своим чередом. Погромов никто не ждал, а о возможной депортации и мыслей не было. «Борьба» с космополитизмом, с вейсманизмом, морганизмом, менделизмом (носителей таких фамилий наша темная народная масса принимала, конечно, за евреев) время от времени давала о себе знать, но не вызывала серьезного беспокойства. Основания для такой успокоенности были. С начала становления советской власти погромы ею не практиковались. Основная масса лиц еврейской национальности вполне ассимилировалась и честно служила стране и режиму. Советский Союз спас европейских евреев от полного уничтожения гитлеровскими ублюдками и доморощенными палачами. Также у всех в памяти было официальное осуждение преступления, приведшего к уничтожению фашистами миллионов европейских евреев. Правительство СССР одним из первых признало Государство Из-

раиль. Все это рождало некоторую успокоенность. Тогда, в 1950 – 1951 гг., моя семья и мое довольно многочисленное, в основном еврейское окружение не чувствовали надвигающейся опасности.

СОПРОТИВЛЕНИЕ

Хочу вновь обратить внимание читателей на бросающуюся в глаза особенность, непохожесть «Дела ЕАК» на политические процессы, проведенные Сталиным в тридцатые годы. Это был единственный процесс, нарушивший привычный Сталину криминальный ритуал. Непохожесть может быть объяснена лишь одним обстоятельством – сопротивлением, которое оказали несколько евреев хорошо налаженной машине уничтожения и ее верховному главнокомандующему Сталину. Другого объяснения я не вижу. Его просто нет. Необычайная значимость этого поступка до сих пор не оценена ни современниками, ни изучающими эти события историками. Остались незамеченными и последствия их героического поведения, в то время как сами арестованные, видимо, поняли, какая ответственность легла на их плечи. Это самое главное, ради чего я решил писать этот труд.

Кошмарные ночи и дни сменялись еще более жуткими днями и ночами. И так почти три долгих года, более 1000 ночей и дней, более 25000 часов непрерывного героизма, постоянного противостояния злу и насилию. Я не случайно подсчитал часы, потому что часы избиений и издевательств складывались с сутками стояния без сна, с неделями пребывания в холодном карцере без койки, света и еды, с месяцами в одиночке и годами в тюрьме. Как они это все переносили, каким запасом сил нужно было обладать, чтобы сломать напор профессиональных палачей, преодолеть страх. Какое невероятное напряжение пришлось пережить тем, кто всегда был окружен вниманием друзей, родных, почитателей, никогда не сталкивался с грубостью и насилием! Вот сводка допросов Переца Маркиша. После ареста в ночь на 28 января 1949 г. он подвергался допросам ежедневно по два-три раза в сутки. Его допрашивали днем с 11-12-ти часов и до 17-ти, а затем вновь вызывали на допрос в половине 12-го ночи, и в кабинете следователя он, как правило, находился до 5-ти часов утра. Это длилось до 19 апреля. После небольшого перерыва с 3 мая такой же конвейер допросов длился в течение целого месяца. За февраль, март и половину апреля его вызывали на допросы 96 раз, доведя до полного истощения. За первые два с половиной месяца следствия Маркиша трижды сажали в карцер, и он провел в нем, в общей сложности, 16 дней.

Мы имеем свидетельства о тяжелых избиениях Б.А. Шимелиовича и С.Л. Лозовского. К сожалению, мы очень мало знаем об этих людях, ставших героями. Сталин фактически не оставил свидетелей: из 14-ти обвиняемых он убил 13, а

оставшаяся в живых академик Лина Штерн была так подавлена и запугана, что даже близким ничего о пережитом не говорила. После провала процесса над ЕАК были уничтожены и его исполнители: от самого главного – министра Госбезопасности, до рядовых следователей. Мог бы поведать о том, как проходил закрытый судебный процесс, сам председатель Военной коллегии Верховного суда СССР генерал А.А. Чепцов, который вел судебные заседания, но и он молчит. Поэтому любое свидетельство, приоткрывающее завесу над тем, как держались подследственные, имеет немаловажное значение.

Вот что мне удалось найти. Через полтора года после начала второго этапа следствия министр госбезопасности Игнатьев в специальном письме на имя Маленкова и Берии – прямых кураторов процесса над деятелями ЕАК – был вынужден сообщить, что «почти совершенно отсутствуют документы... о проводящихся ими (арестованными – Ф.Л.) шпионской и националистической деятельности под прикрытием ЕАК» (201). Напомним, что основным документом должен был бы стать протокол допроса с самооговором! В этом же письме Игнатьев сообщает о «намечающемся расширении мероприятий по делу». Какие «мероприятия» – нетрудно представить, зная арсенал средств воздействия на подследственных, практиковавшийся десятилетиями в МГБ.

Проходит еще шесть страшных для подследственных месяцев противостояния, и 3 апреля 1952 г. тот же Игнатьев направляет Сталину лично обвинительное заключение с сопроводительным письмом, где рекомендует применить ко всем обвиняемым (за исключением Л.С. Штерн) высшую меру наказания – расстрел.

Видимо, Сталин уже понял, что из этого дела не получится открытого судебного процесса с самопризнанием вины. Через 4 дня после отправки обвинительного заключения Сталину «Дело ЕАК» было передано в Военную коллегия Верховного суда СССР для рассмотрения на закрытом совещании. Суд ведет многоопытная бригада, поднаторевшая еще с конца тридцатых годов на осуждениях по фальсифицированным политическим процессам. Ее заслуги на этом поприще отмечены наградами и званиями. Все члены суда – генералы от военной юстиции: Чепцов – генерал-лейтенант; Дмитриев и Зарянов – генерал-майоры. Так они, эти безликие исполнители, и числятся без имен и отчеств, даже без инициалов, в протоколах закрытого судебного заседания Военной коллегии Верховного суда СССР (202).

Суд начался 8 мая 1952 г. На первый вопрос суда – признают ли обвиняемые себя виновными – 5 из 14-ти обвиняемых отрицали свою вину полностью, ссылаясь на то, что их показания были даны под физическим воздействием со стороны следствия (129). Такого еще не знала судебная практика СССР на ранее организованных Сталиным закрытых и открытых политических процессах. Яростные атаки суда в надежде сломить сопротивление и неповиновение, в надежде добиться взаимно- и саморазоблачений не увенчались успехом. Суд расте-

рян. Вся система доказательств, все так хорошо наработанное по прошедшим ранее политическим процессам, подтвержденное их собственной судебной практикой, рассыпается как картонный домик. Из всего так долго и с такими невероятными усилиями построенного «Дела» под натиском подсудимых ничего не остается, лишь юридический казус, горы лжи и глупости. Судьи вынуждены отступить перед подсудимыми. Заседания суда в конце июня пришлось прервать, и председатель суда А.А. Чепцов был вынужден просить у генерального прокурора СССР Г.Н. Сафонова и председателя Верховного суда А.А. Волина, а также у органов власти – Председателя Президиума Верховного Совета СССР Н.М. Шверника, Председателя КПК при ЦК ВКП(б) М.Ф. Шкирятова и секретаря ЦК ВКП(б) П.К. Пономаренко провести дополнительное расследование по этому делу, так как у состава суда возникли сомнения в полноте и объективности расследования дела (110, 201). Тоже беспрецедентный случай в истории политического судопроизводства Советского Союза!

Однако от политического руководства суд никакой поддержки не получил, да и не мог получить, потому что эти высокие органы ничего не решали – они были простыми пешками в кровавой игре Сталина и сами его боялись. Они адресовали А.А. Чепцова к Г. Маленкову, который, как мы уже знаем, лично курировал это дело. На приеме у Маленкова, кроме Чепцова, присутствовали также проводившие следствие министр С.Д. Игнатьев и его подручный М.Д. Рюмин. А если точнее – замминистра М. Рюмин и его подручный – министр С. Игнатьев! Последние настаивали на том, чтобы был вынесен приговор на основании имеющихся в деле материалов, а Маленков вообще прервал дискуссию и заявил буквально следующее: «Вы хотите нас на колени поставить перед этими преступниками, ведь приговор по этому делу апробирован народом, этим делом Политбюро занималось три раза, выполняйте решение Политбюро» (48).

11 июля суд вновь возобновил свои заседания, вмиг став глухим и слепым к непроверяемым доказательствам подсудимых, и 18 июля огласил приговор, который фактически был вынесен не судом, а Политбюро ЦК задолго до начала судебного процесса – приговорить к высшей мере наказания:

С.А. Лозовского,
И.С. Фефера,
И.С. Юзефовича,
Б.А. Шимелиовича,
Л.М. Квитко,
П.Д. Маркиша,
Д.Р. Бергельсона,
Д.Н. Гофштейна,
В.Л. Зускина,

Л.Я. Тальми,
И.С. Ватенберга,
Э.И. Теумин,
Ч.С. Ватенберг-Островскую.
К лишению свободы – Л.С. Штерн.
С.Л. Брегман умер в тюрьме.

Кто же именно из них ценой нечеловеческих усилий, преодолевая невыносимые физические и моральные страдания, отстаивая свое достоинство, выступил против лжи и фальсификаций, чтобы остаться честным человеком, кто отодвинул опасность, нависшую надо всем еврейским народом? Одного мы знаем точно. Он отмечен во всех официальных документах – это **Борис Абрамович Шимелиович**. Он на всем протяжении следствия полностью отрицал все обвинения в адрес ЕАК о якобы имевшей место враждебной и националистической деятельности (201). Мужественное поведение Б.А. Шимелиовича во время следствия было отмечено работниками Военной прокуратуры при выдаче реабилитационной справки его родственникам (226). Думаю, что он первый начал сопротивление и не прекращал его, несмотря на пытки и избиения в течение всех трех лет следствия. Борис Абрамович не пошел ни на какие уступки тюремщикам, как ни тяжело ему это далось. Он скоро постиг, кто стоит за их спинами, кто инициатор, какие основные цели преследуются.

Вот что он говорил в начале судебного следствия:

«Показания других обвиняемых я объявляю ложными. Показания свидетелей также считаю ложью и клеветой. Даже если мне подсунут бумаги, в которых будут изложены мои выступления антисоветского характера и содержания, то я заранее заявляю, что правильность этих документов я буду оспаривать... Преступной деятельностью я никогда не занимался и не считаю ни в чем себя виновным».

Б.А. Шимелиович выдержал первый натиск и пошел в наступление потому, что был бескомпромиссным по своей натуре человеком, бескомпромиссным в жизни, в работе, бескомпромиссным к себе самому. В письме председателю Военной коллегии Верховного суда СССР 6 июня 1951 г. Б.А. Шимелиович писал о том, что в первый же день ареста его, по указанию министра Абакумова, следователь полковник Шишков и еще ряд сотрудников избили прямо в приемной министра. Каждый из них старался ударить Шимелиовича по лицу. Его били резиновой палкой, носком сапога по бедренным костям. Побои Шимелиовича продолжались и в последующие дни, недели, месяцы, фактически весь период пребывания в тюрьме. Они усиливались в связи с тем, что он отказывался подписать «признательные» показания. Спустя месяц Шимелиовича приносили в кабинет следователя на носилках. Однако и после этого истязания и избиения не прекращались.

Многие же подследственные по «Делу ЕАК» в застенках Лубянки поначалу не выдержали нажима следствия, побоев, издевательств, оскорблений, запугиваний. Они растерялись, пошли на уступки и дали в руки следствию необходимые для фабрикуемого дела материалы. Разобщенные условиями тюрьмы, натравливаемые друг на друга фиктивными протоколами, они все же смогли выстоять, насколько это было вообще возможно в тех нечеловеческих условиях, в которых они оказались. Показания, которые следователи получали в ходе допросов арестованных, проходили соответствующую обработку в секретариате министра госбезопасности. Заместитель начальника секретариата Броверман так усиливал показания, что они уже становились самооговором, признанием в преступной деятельности. Сами следователи называли этот секретариат кухней Бровермана. Поняв, что нет другого пути для доказательства своей невиновности, подследственные решили во что бы то ни стало дожить до суда, получить трибуну, чтобы снять с себя ложные обвинения и сказать во всеуслышанье правду.

Они надеялись на суд, который дал бы им возможность в присутствии других подсудимых, а может быть, и присутствующей публики, убедительно доказать свою невиновность и абсурдность выдвинутых против них обвинений. Они надеялись на суд, где их дело будет рассматриваться всем составом суда и другими подсудимыми. Они надеялись на то, что их показания, сказанные громко на суде, снимут с них те обвинения, которые им навязали на предварительном следствии. Они надеялись на то, что поскольку их показания на суде будут существенно расходиться с показаниями, данными ими следователю, они смогут объяснить причину этих расхождений.

И они дожили до суда. Но на нем увидели... все тех же следователей, правда, под видом допущенной на заседания «публики», и еще троих судей-генералов, отнюдь не расположенных к ним. И вновь – те же лица, та же злость, те же вражда и отчужденность. Суд закрытый, да и проходит он в здании клуба МГБ, что дает возможность следователям продолжать моральный и даже физический нажим на подсудимых. Суд проходит без защитников. Попирались основные гражданские права. Судебная защита – основа процессуальных действий, направленных на опровержение обвинения, поиска истины при судебном разбирательстве, была исключена из политических процессов, организованных Сталиным, хотя в Конституции 1936 г. есть статья, гарантирующая право обвиняемого на судебную защиту. Но Сталину нужен был не честный суд, а расправа под видом суда, поэтому, планируя террор, он развязал себе руки и освободился от «юридических условностей»: в статье III Основного Закона СССР говорится, что разбирательство во всех судах СССР открытое с обеспечением права на защиту, постольку, поскольку законом не предусматриваются исключения. Вот под эти-то исключения и подводились все политические процессы.

Но первый раз за эти три года они вместе, видят друг друга. Могут обмениваться репликами. И несмотря на то, что суд закрытый и вряд ли есть реальная возможность дать знать о себе внешнему миру, а у затянутых в военные мундиры судей они едва ли найдут отклик на поведанную ими правду, все они пошли на бой, каждый в меру своих возможностей, но все. Они нашли в себе силы перейти от противостояния к сопротивлению. В. Наумов, издавший все 9 томов стенографического отчета закрытого судебного процесса, отмечает, что с первого же выступления на первом заседании суда С.А. Лозовский и Б.А. Шимелиович, возглавив линию противоборства, стали лидерами и вместо оборонительной тактики начали обличать грубую фальсификацию, незаконное ведение следственного процесса, просто глупость и политическую безграмотность следователей (176). Они начали борьбу не только за себя, не только за товарищей по несчастью, сидевших здесь, на скамье подсудимых, они начали сражение за правду, а значит, и за судьбу еврейского народа. Вот только маленький фрагмент речи Б.А. Шимелиовича на суде:

«Я прошу суд войти в соответствующие инстанции с просьбой запретить в тюрьме телесные наказания <...> Я прошу устранить зависимость тюремной администрации от следственной части <...> Я прошу привлечь к строгой ответственности некоторых сотрудников МГБ. Я хочу еще раз подчеркнуть, что в процессе суда от обвинительного заключения ничего не осталось. Все, что “добыто” на предварительном следствии, было продиктовано самими следователями, в том числе и Рюминым» (46).

Это речь не обвиняемого, которому грозит смерть и который просит снисхождения у суда. Это речь обвинителя, требующего покарать организаторов и исполнителей этой судебной мистификации.

Б.А. Шимелиовича активно поддержал на суде С.А. Лозовский, уличая следственные службы в порочной практике бездоказательных обвинений:

«Я уверен, что если бы там (то есть в его статьях, документах и переписке – Ф.Л.) была хоть одна строка, носящая шпионский характер, этот материал был бы здесь. Что это значит? Это значит, что можно любого человека подвести под смертную казнь...».

Это заявление С.А. Лозовского направлено против всей карательной сталинской системы.

Яков Айзенштат сообщает, что к концу следствия отказались от своих показаний и отрицали свою вину Вениамин Львович Зускин, Соломон Леонтьевич Брегман, Лина Соломоновна Штерн и Перец Давидович Маркиш (5). В этой же статье Я. Айзенштат, ссылаясь на Л.С. Штерн, упоминает, «что в суде Соломон Абрамович Лозовский держался с большим достоинством и произнес блестящую речь, в которой обвинял, а не оправдывался».

Скучно, но просачиваются свидетельства о том, как вели себя на процессе деятели ЕАК. Рассказывает сержант МГБ, конвоировавший в суд С. Лозовского, который уже не мог самостоятельно ходить, и его доставили на судебное заседание на носилках (74).

«На обратном пути из зала заседания их догнал капитан, поднял подсудимого за бороду... и, тыча перед носом кулаком, большим, чем лицо арестанта, сказал:

– Ну, Соломон, морда жидовская, если ты еще раз будешь мне говорить одно, а судье – другое, если ты и дальше весь процесс заворачивать не в ту сторону будешь, я вытащу твои кишки, шею твою ими обмотаю и еще останет-ся, чтобы повесить на них твоих детей, что на свободе остались! Понял? Хватит мне нервы трепать, устал я уже с тобой бороться».

Представляя читателю выдержки из допроса Б.А. Шимелиовича на суде, можно понять, что творилось во время трех с половиной лет следствия, какова была линия поведения следователей и каково было поведение подсудимого, а затем и подсудимого Шимелиовича. Из протокола допроса от 2 июня 1952 г.:

Шимелиович: Я не признавал и не признаю себя виновным ни в мыслях, ни в действиях, ни в каких преступлениях против партии и правительства.

Председательствующий: Но вы все же на предварительном следствии давали показания о националистической деятельности Еврейского антифашистского комитета?

Шимелиович: Я никогда не произносил того, что записано в первом протоколе моего допроса от марта 1949 г. и подписанного мною. Эти показания в моем отсутствии составил следователь Рюмин еще с кем-то.

Я спорил 3 года 4 месяца, и, поскольку будет возможность, я буду спорить дальше и со следователями и, если нужно, и с прокурором. <...> Я должен, к сожалению, в начале допроса заявить, что я получал в течение месяца (январь-февраль 1949 года) примерно, с некоторыми колебаниями в ту или другую сторону, в сутки 80-100 ударов, а всего, по-моему, я получил около 2 тыс. ударов. Я многократно подвергался телесному наказанию, но навряд ли найдется следователь, который скажет о том, что при всех этих обстоятельствах я менял свои показания. Нет, то, что я знал, я произносил и никогда ни стоя, ни сидя, ни лежа я не произносил того, что записано в протоколах. Почему я их подписал? Этот протокол от марта 1949 года я подписал, находясь в очень тяжелом душевном состоянии и неясном сознании. Только через 6 недель после этого я узнал, что мною подписан такой протокол. Это было, когда следователь Рюмин на допросе зачитал мне выдержки из этого протокола.

<...> протокол, составленный в марте 1949 года следствием, подписан мною в тяжелом душевном состоянии, при неясном сознании. Такое состояние мое является результатом методического избиения в течение месяца ежедневно днем и ночью. Глумления и издевательства я опускаю. Настоящее мое заявление от 15 мая 1949 года прошу приложить к делу. Рюмин лично меня не трогал, но он говорил, что видел меня и раньше. Где он мог видеть раньше, как не <...> на экзекуциях, <...> где было 7 человек, которые непосредственно уча-

ствовали в избииении меня. Там был и секретарь министра полковник в гражданском платье.

Председательствующий: <...> Протокол вами подписан, и в нем сказано, что вы признаете свою вину.

Шимелиович: В тот день, когда был подписан этот протокол, я был в затемненном сознании (я имею в виду период избииений). Пять раз меня вызывал к себе министр.

Председательствующий: Какой министр?

Шимелиович: Министр государственной безопасности Абакумов. Он, будучи недоволен моими ответами, а я давал те же ответы, которые я произнес и при первых допросах следователям, сказал: "Бить смертным боем". Слово "бить" я услышал от него в первую же встречу, и при этом присутствовал Рюмин.

Один раз, в неурочный час, меня вызвал Рюмин и сказал: "Подпишите протокол!" <...> Сидели мы часов 6, наверное, и я подписал, но повторяю, что состояние у меня было затемненное от того, что я испытал. А я считал, что этот курс еще, видимо, не полный, ибо следователь Шишков говорил мне: "Видите, все, что я обещал вам, я выполняю. Если вы будете не в состоянии ходить на допросы, мы будем приносить вас на носилках и будем бить и бить". Когда я пришел в себя, а это было спустя шесть недель, я сказал только то, что повторяю здесь... <...> Этот протокол составлен подполковником Рюминым в мое отсутствие, и никогда я не произносил того, что записано в нем. Все, что написано в этом обвинительном заключении, является ложью, является обманом Военной коллегии, партии и правительства...

<...> На предложение председателя суда Чепцова дать показания о националистической деятельности членов ЕАК последовал ответ:

Шимелиович: Я не могу ответить на поставленный вопрос, ибо о националистической деятельности членов Комитета я ничего не знаю. <...> Я не произнес ни одного слова лжи и говорил только то, что было в действительности, и повторял это все три года и четыре месяца следствия и говорю об этом на заседании суда».

Из протоколов суда становится ясным, что на суде сначала лишь Фефер признал себя виновным и изобличал других. Но в конце процесса и он отказался от своих признаний. Он попросил суд сделать закрытое судебное заседание без присутствия на нем подсудимых и сообщил следующие факты, раскрывающие тайный механизм подготовки судебного процесса и отводившейся на нем его роли:

«На суде я дал путаные показания в связи с тем, что даже после "подписания" 206-й статьи меня вызвали работники МГБ и предупредили, что я должен давать суду такие же показания, какие дал на предварительном следствии. А еще в ночь моего ареста Абакумов мне сказал, что если я не буду давать признательных показаний, то меня будут бить. Поэтому я испугался, что явилось причиной того, что я на предварительном следствии дал неправильные показания, а затем частично подтвердил их в суде. <... > Мои показания о Гольдберге как о враге Советского Союза и шпионе являются сплошным вымыслом. <... > боясь реализации угроз Абакумова и Лихачева, стал подписывать протоколы, которые составлялись следователем заочно».

Такую же оценку Фефер дал и якобы шпионским связям с Розенбергом. Далее Фефер сказал:

«Об этом я говорил на следствии, но мне сказали, что мои доводы неосновательны, и настойчиво требовали, чтобы я назвал фамилии руководящих товарищей, которые якобы помогали нам в вопросе создания Еврейской республики в Крыму. Я был вынужден назвать фамилию Лозовского, читавшего нашу докладную записку на имя И.В. Сталина и В.М. Молотова.

Потом Абакумов требовал, чтобы я рассказал ему о Л.М. Кагановиче и его отношении к вопросу о Крыме. <... > На одном из последующих допросов Абакумов мне сказал, что я должен подтвердить на допросе с участием представителей ЦК ВКП(б), что видел в Московской синагоге Жемчужину.

Я был настолько запутан, что на состоявшейся в ЦК очной ставке с Жемчужиной подтвердил, что видел ее в синагоге, хотя этого не было в действительности. Вымыслом следователей является и тот факт, что якобы Жемчужина обвиняла в разговоре со мной И.В. Сталина в плохом отношении к евреям. Я от Жемчужины, с которой, кстати, никогда не разговаривал вообще, таких разговоров не слышал, как не слышал ни от кого другого».

Фефер еще раз подтвердил, что в отношении него применялись угрозы физического воздействия. Он показал:

«Следователь Лихачев на предварительном следствии мне говорил: "... если мы Вас арестовали, то найдем и преступление. Мы из Вас 'выколотим' все, что нам нужно". Так это оказалось и на самом деле. Я не преступник, но, будучи сильно запуганным, дал на себя и других вымышленные показания».

А вот и другие свидетельства о поведении участников процесса. Так, Лина Штерн – единственная оставшаяся в живых из всех участников этого судилища – сообщила вдове Переца Маркиша, что Маркиш произнес потрясшую ее речь против сотрудников МГБ, судей и прокуроров (66). Он отверг обвинение о националистическом характере своего творчества. Вдова С.М. Михозлса, Анастасия Потоцкая, вспоминала: «Я однажды беседовала с проходившей по делу чудом уцелевшей Линой Штерн. Она также говорила о блестящей речи Соломона Абрамовича Лозовского на суде» (82).

Воспроизведем фрагменты из его обращения к судьям, так и оставшимся глухими к правде:

«Лозовский: Обвинительное заключение в отношении меня порочно в своей основе. Оно не выдерживает критики ни с политической, ни с юридической точки зрения. Больше того, оно находится в противоречии с правдой, логикой и смыслом, о чем свидетельствуют нижеследующие пункты. Десятки томов, которые лежат перед вами, построены на том, что якобы я, будучи националистом, послал за границу по своей инициативе Фефера и Михозлса, которые установили преступную связь для того, чтобы американские евреи помогали нам бороться против ВКП(б) и Советской власти. Между тем известно, и на этот счет имеются документы, что связь с Розенбергом была установлена по пору-

чению В.М. Молотова – Министра иностранных дел и заместителя Председателя Совета Министров Союза ССР. Далее известно, что свидание с Вейцманом имело место с разрешения посольства и санкционировано телеграммой Молотова. Далее известно, что Стефан Вайс и другие выступали в защиту Советского Союза с призывами о сборе денег для Советского Союза. Что же, эти выступления в защиту Советского Союза, затем переговоры, ведшиеся по поручению В.М. Молотова, разве это преступная связь?

Я понимал свою задачу, что мы должны вести пропаганду за границей. Я встречался с разного рода журналистами, одни писали одно, другие писали другое, но ясно было, что работа наша заключалась в том, чтобы пропаганда была поставлена правильно. И когда ставился вопрос об издании книг за Советский Союз, я этому всячески помогал. Я считал положительным, если журналист, возвратившись к себе в страну, напишет положительную книгу о Советском Союзе. Если мой преемник Пономарев придерживается обратной точки зрения – это его дело. Я же всегда придерживался такого мнения, что всякая пропаганда в пользу Советского Союза – полезное дело. Если исходить из того, что всякая информация является шпионажем, если активизация работы является шпионажем, если связь с журналистами, которые пишут положительно о Советском Союзе, является шпионажем, шпионской связью, если лозунг "Единство евреев в борьбе против фашизма" является национализмом, если бы было доказано, что материал, который Михоэлс и Фефер взяли в Америку, являлся шпионским, если бы были доказательства о моем национализме, если бы моя преступная связь с реакционными кругами США была действительно доказана, тогда бы обвинительное заключение не противоречило моим словам. Я считаю, что нет почвы и вещественных доказательств этого. Не доказано и нет доказательств моего национализма. Слишком уж похожи в своих некоторых формулировках протоколы следствия. Следствию не удастся одеть на Лозовского ошейник агента реакционных кругов США. Следствию не удастся загнать меня в националистический клоповник. Вам здесь лучше оценить всю цепь моих показаний. Здесь нет ничего логического, здесь нет здравого смысла, здесь нет ни политического, никакого другого смысла. Как же все-таки получились эти 42 тома, как получилось, что все эти 25 следователей шли по одной дорожке. Это потому, что для процесса нужен натюрморт, нужен какой-нибудь представитель, нужно какое-нибудь имя, потому что руководитель следствия – заместитель начальника следственного отдела по особо важным делам полковник Комаров имел очень странную установку, о которой я вам уже говорил и хочу повторить. Он мне говорил, что евреи – это подлая нация, что евреи – жулики, негодяи и сволочи, что вся оппозиция состояла из евреев, что все евреи шипят на Советскую власть, что евреи хотят истребить всех русских. Вот что говорил мне полковник Комаров. И, естественно, если он имел такую установку, то можно написать, что хочешь. Вот откуда развито древо в 42-х томах, которые лежат перед вами и в которых нет ни слова правды обо мне.

Вывод: я сказал все в моих показаниях и сейчас я вам говорю и повторяю всей кровью моего ослабшего сердца – в национализме и измене Родине и правительству я не виновен».

В.Л. Зускин на настойчивые вопросы председательствующего с требованием подтвердить свои прежние показания (на одном из допросов было зафиксиро-

ровано в протоколе: «Не стану скрывать, Михоэлс мне был известен как убежденный еврейский националист») не колебаясь ответил:

«Все мои показания – ложные ... Я их отрицаю категорически ... Меня арестовали в больнице, где я находился на лечении... Арестован я был во сне и только утром, проснувшись, увидел, что нахожусь в камере, и узнал, что я арестован».

В тот же день ему объявили, что он «государственный преступник», и в таком состоянии он дал свои первые показания против Михоэлса.

Теперь, благодаря исследованию А. Борщаговского, прочитавшего все 42 тома следственного дела ЕАК, а также книгам Г. Костырченко и В. Наумова (его книга основана на 9-ти томах стенограмм суда), мы узнали, что противопоставили обвиняемые несправедному судилищу, какие внутренние силы каждого противостояли злу.

У **Б. Шимелиовича** – это были логика доказательств, совестливый ум, человеческая порядочность, не идущая на сговор воля и глубокий, блестящий профессионализм. Заканчивая свое последнее слово в суде, он сказал: *«Я очень люблю свою больницу, и вряд ли кто другой будет так ее любить».*

У **С. Лозовского** – опыт и знания профессионального политика высокой пробы, эрудиция ученого, отточенность мыслей, прекрасная русская речь в противовес безграмотности и косноязычию солдафонов-следователей. Непреклонная приверженность идее интернационализма и равноправия наций, но при этом и гордость за свой народ, прозвучавшая в его последнем слове: *«Человек, который отрицает свою национальность, – сволочь».*

Их поддержали:

Л. Штерн – блестящим умом, национальным самосознанием, наивным бесстрашием и такими высокими нравственными критериями, которые были просто недоступны пониманию карателей: *«Я не хочу умирать, потому что я не все еще сделала для науки, что должна сделать».*

Л. Квитко – безоружностью открытого сердца и чистыми помыслами. Вскрывая абсурдность обвинений, он неоднократно ставил в тупик суд. Даже там, в зале суда, после трех лет тюрьмы он оставался верным своему духу гуманиста, проникнутому любовью к детям. Что может быть чище его простодушного недоумения: *«Мне говорят, что я шпион и националист. Я отчаиваюсь – неужели это правда?».* *«Я не перестал мысленно общаться с детьми, и так уже в тюрьме возник мой новый сборник стихов “Солнце”».*

В. Зускин – верой в справедливость, о которой он с незаурядным актерским талантом говорил со сцены театра. Наивность, ранимость, эмоциональность, преданность искусству ставили его вне тех наветов, которые ему приписывались обвинением. *«После революции я стал полноправным гражданином СССР».*

и до сегодняшнего дня не запятнал его высокого звания. Считаю свою совесть чистой перед своим народом».

П. Маркиш – своим сильным независимым умом, чувством собственного достоинства. Не поддавшись на шантаж и угрозы, он отстаивал свободу мысли и духа, столь характерные для его произведений. *«Вся моя жизнь и литературное творчество – есть борьба с отсталостью в литературе».*

Л. Гальми – глубокой уверенностью в свою невиновность и силу воли. *«Есть только боль за судьбу сына, боль за жену, которая осталась с клеймом жены арестованного».*

Д. Бергельсон – заботой о национальной еврейской культуре. *«Весь свой дар писателя я отдал трудящемуся народу...».*

Э. Теумин – верностью своей профессии редактора, несмотря на пережитое ею за долгих четыре года тюрьмы. *«Единственной радостью в жизни для меня была моя работа, и я этим гордилась».*

И. Юзefович – своей наивной уверенностью в безукоризненность исторической науки. *«Моя совесть перед партией и Родиной чиста. Если военная коллегия хоть на минуту усомнится в моей честности и невиновности, то прошу вынести мне высшую меру наказания».*

Д. Гофштейн – отказом от последнего слова: совесть поэта, возвысившая его над жалким судилищем, позволила ему не унижаться перед сталинскими холоуями.

И. Ватенберг – своим мужеством перед лицом смерти: он посмел бросить вызов следствию за фальсификацию и обман и доказал свою полную невиновность. *«Прошу, чтобы в случае осуждения моей жены нам дали возможность отбывать наказание вместе».*

Я. Ватенберг-Островская – абсолютной честностью и наивной верой в то, что у суда осталась хоть капля человечности и чести. *«Если суд все же признает меня виновной, то прошу дать мне возможность отбывать наказание вместе с мужем».*

Никакие слова не в силах передать меру почтения и восхищения, какие я испытываю к этим людям, перед которыми мы должны преклонить колени.

Даже **Фефер**, бесперебойно работавший все три года следствия в ответственной ему роли обличителя, даже он на суде понял всю меру подлости и трусости, проявленную им, и ужаснулся той роли, которую ему навязали.

Погрызший во лжи, он к концу суда начал отказываться от своих показаний, чем совсем запутал судей.

Надеюсь и почти уверен, что время и поиски принесут нам новые имена и новые факты, кроме тех, о которых упомянуто выше. Ибо выиграть этот неравный бой ни в одиночку, ни даже троим или четверым было невозможно. Они все сражались и победили. Потому-то их всех – одиннадцать мужчин и двух женщин – расстреляли.

И наконец, чтобы оценить меру геройства этих людей, приведу некоторые данные, говорящие о попытках сопротивления подследственных в предвоенных политических процессах, также организованных Сталиным. В тех процессах подследственные были, как правило, профессиональными революционерами и политическими деятелями, прошедшими суровую школу жизни и не раз подвергавшимися преследованиям и ссылкам в старое дореволюционное время, или закаленными в боях кадровыми военными. В отличие от них деятели ЕАК жили и работали в атмосфере взаимоуважения, где никогда не было слышно грубого слова, где их мнение, и не без основания, высоко ценилось окружающими, а зубная боль, видимо, была высшей мерой физического страдания.

Так, при проведении следствия по «Параллельному антисоветскому центру» (1937 г.) признали себя виновными: Н.И. Муралов (член партии с 1903 г., активный участник революции 1905 г., один из руководителей Московского вооруженного восстания в октябре 1917 г., командующий Московским военным округом) – через 7 месяцев и 17 дней после ареста; Л.П. Серебряков (член партии с 1905 г., секретарь Московского обл. бюро партии и Президиума ВЦИК, член Реввоенсовета Южного фронта в гражданскую войну) – через 3 месяца 16 дней; К.Б. Радек (член партии с 1903 г., был арестован правительством Германии в 1919 г. как организатор съезда Компартии Германии, редактор газет «Правда» и «Известия») – через 2 месяца 18 дней; И.Д. Турок (член партии с 1918 г., с 1917 по 1920 гг. был на военной службе, зам. начальника Свердловской железной дороги) – через 58 дней; Б.О. Норкин (член партии с ноября 1917 г., с 1918 по 1920 гг. был сотрудником ВЧК) – через 51 день; Я.А. Лившиц (с 1919 г. на руководящей работе в органах ЧК, ГПУ Украины) – на 51-й день; Я.Н. Дробнис (член партии с 1907 г., участник революции 1905 г., комиссар отдельной группы войск в 1919 г., с 1918 г. член ЦК КП(б) Украины) – через 40 дней; Ю.Л. Пятаков (активный участник революционного подполья в России, в 1917 г. возглавлял Киевский военно-революционный комитет. Председатель временного Рабоче-крестьянского правительства Украины) – через 33 дня.

Кадровые военные («Антисоветская троцкистская военная организация», лето 1937 г.) противостояли зверским методам следствия: комкор В.М. Примаков – 9 месяцев; комкор В.К. Путна уже на первом допросе «признался» во всех преступлениях, которые нужны были следствию для фабрикования дела; мар-

шал М.Н. Тухачевский через 7 дней признал свое участие в «заговоре»; комкор Б.М. Фельдман «признался» через 5 дней. Командарм А.И. Корк сопротивлялся 4 дня; комкор Р.П. Эйдеман на 3-й день после ареста подал заявление о согласии «помочь следствию».

Из приведенного сравнения нетрудно сделать вывод и воздать должное нашим спасителям.

ВРАЧИ

Шел 1952 год – пятый год с начала осуществления сталинского плана насаждения тотального страха в стране. Сталин недоволен: карательные органы не выполнили в срок поставленную перед ними задачу. Надо наверстывать упущенное время, надо искать взамен евреев из ЕАК новых «козлов отпущения», заставить их согнуться под нажимом карателей. Выполнить выдуманные ИМ планы нужно обязательно, так как это ЕГО планы, ЕГО генеральная линия. Приходится начинать все сначала.

Взглянем на блок-схему дальнейшего развития Последнего политического процесса Сталина (см. рис. № 2 на стр. 39). Вместо «Дела ЕАК» родилось «Дело врачей-вредителей», «убийц в белых халатах». Сталин разворачивает его по тому же, знакомому нам с 30-х годов сценарию, опять демонстрируя закомплексованность и суеверие, свой индивидуальный «преступный почерк».

Кто подсказал, что лучшим объектом для судебного процесса окажутся врачи, кстати, именно те, которые пеклись о его здоровье, здоровье его приближенных и их семей? Здесь много версий. Я считаю, что скорее всего придумал этот коварный ход сам Сталин (25)*. За постановку нового судебного фарса принялась та же самая бригада следователей МГБ, возглавляемая министром С. Игнатьевым и М. Рюминым, которая опозорилась в глазах Сталина и не смогла организовать открытый политический процесс над Еврейским антифашистским комитетом. Теперь она должна была оправдать его замысел – довести «дело» до открытого показательного суда. А то... несдобровать! Не миновать беды, той же, которая постигла Ягуду, Ежова и Абакумова.

Когда же началось «Дело врачей»? Это не праздный вопрос с точки зрения истории Последнего политического процесса Сталина, и ему посвящена немалая литература. Наиболее достоверные свидетельства мы находим у проф. Я.Я. Этингера (326). Он был приемным сыном Я.Г. Этингера, фигурирующего в знаменитом сообщении ТАСС от 13 января 1953 г. об «Аресте врачей-вредителей» и в погромной статье газеты «Правда» о «подлых шпионах и убийцах под маской врачей». Все члены семьи Этингера – сам профессор-медик Я.Г. Этингер, его жена, Р.К. Викторова, их сын, студент Я. Этингер, и даже няня М. Харецкая еще

* См. сноску на с. 48. Вторая серия – кадры с 00 м. 40 сек. до 02 м. 06 сек.

в 1950 г. были арестованы, и им было предъявлено обвинение по статье 58-10 (агитация и пропаганда, клеветнические измышления, антисоветские разговоры). Тогда на допросах младшего из семьи профессора – студента Якова Этингера ни разу не возникала тема «вредительства» врачей. «В ходе следствия не вставал вопрос о каком бы то ни было лечении моим отцом руководителей партии и государства. Между тем, у следователя были основания для разговоров с отцом на эту тему: в течение многих лет отец был консультантом Лечсанупра Кремля. Среди его пациентов – Киров, Ходжаев, Лакоба, Чичерин, Литвинов, Карахан, Тухачевский, Тольятти, Пик, Димитров, Орджоникидзе» (330). Это было время, когда интенсивно шло следствие над деятелями ЕАК с перспективой создания показательного судебного процесса. Видимо, тогда следователи еще были уверены, что вынудят их признаться в мнимой вине в антисоветской националистической и шпионской деятельности. И «наверху» о «врачебных преступлениях» еще не додумались.

Подтверждает наше предположение, что внимание следствия на Лубянке было переключено на профессор-врачей только с середины 1951 г., докладная записка Л. Берии от 25 июня 1953, направленная в Президиум ЦК КПСС Г.М. Маленкову, «О ходе следствия по делу М.Д. Рюмина»:

«...В ноябре 1950 года РЮМИНУ, по указанию АБАКУМОВА, было поручено следствие по делу арестованного профессора ЭТИНГЕРА. Зная, что ЭТИНГЕР привлекался к лечению А.С. Щербакова в качестве консультанта, РЮМИН, применив незаконные методы следствия, вынудил ЭТИНГЕРА дать вымышленные показания о неправильном лечении А.С. ЩЕРБАКОВА, которое якобы и привело к его смерти.

Будучи после этого вызван АБАКУМОВЫМ на допрос, ЭТИНГЕР отказался от этих показаний, как вымышленных им в результате требований РЮМИНА. В связи с этим РЮМИН возобновил применение к ЭТИНГЕРУ извращенных методов следствия, довел его до полного истощения, от чего ЭТИНГЕР в марте 1951 года умер в тюрьме.

В мае 1951 года РЮМИНУ за то, что он не зафиксировал показаний ЭТИНГЕРА, парторганизацией следственной части по особо важным делам МГБ СССР был объявлен выговор. В этот же период времени Управление кадров МГБ СССР потребовало у РЮМИНА объяснения по существу скрытых им при поступлении в органы МГБ компрометирующих его материалов.

Почувствовав, что под ним заколебалась почва, авантюрист РЮМИН, чтобы избежать ответственности за совершенные им преступления, решил пожертвовать своим благодетелем АБАКУМОВЫМ и обратился с письмом к И.В. Сталину, в котором «разоблачил» АБАКУМОВА в смазывании дел и скрытии от партии и правительства показаний ЭТИНГЕРА о якобы умышленном умерщвлении А.С. ЩЕРБАКОВА...

Поставив перед собой цель доказать правильность своего заявления по делу ЭТИНГЕРА, РЮМИН создал известное дело о так называемых «врачах-вредителях», по которому был арестован ряд крупных деятелей советской медицины».

По мнению проф. Я.Я. Этингера, в МГБ начали готовить «Дело врачей» с лета 1951 г., когда его с этапа на Колыму (после осуждения на 10 лет) вернули в

Лефортовскую тюрьму и начали переследствие с включением в допросы новых следователей, интересовавшихся уже конкретными врачами: А.М. Гринштейном, М.С. Вовси, В.Н. Виноградовым, братьями М.Б. и Б.Б. Коганами. «Нам хорошо известно, что ваш отец вместе с Виноградовым, Вовси, Зелениным занимался преступным лечением многих выдающихся деятелей. Они все признались в этом», – вот основная линия допросов с сентября 1951 г. По сведениям, полученным от Р.К. Викторовой жены Я.Г. Этингера, вопросы о «вредительском лечении» ей начали задавать в начале августа 1951 г.

По версии А.И. Солженицына (272), есть связь между смертью Я.Г. Этингера и началом «Дела врачей», когда, якобы, «профессор Этингер сознался в неправильном лечении с целью умерщвления Жданова и Щербакова. Умер Я.Г. Этингер в тюрьме, и смерть его датирована 2-м марта 1951 г. Причина смерти – “самопроизвольный разрыв стенки левого желудочка”».

Такого же мнения придерживается и Г. Костырченко (139). Он также отмечает, что только с начала 1951 года арестованному Я.Г. Этингеру сменили обвинение в «буржуазном национализме» и в «клеветнических измышлениях» в адрес Щербакова и Маленкова, которых он, по «оперативным данным», считал главными вдохновителями и организаторами политики государственного антисемитизма в стране, на «вредительское лечение руководителей коммунистической партии и советского государства».

Я.Л. Рапопорт связывает возникновение «Дела врачей» с предложением личного врача Сталина – проф. В.Н. Виноградова – перейти на строгий щадящий режим с освобождением от занятий государственными делами. Он дал эти рекомендации в начале 1952 года после резкого ухудшения здоровья Сталина. «Недоверие и гнев вождя – вполне достаточные основания для того, чтобы создать дело» (242).

А. Борщаговский (48) высказывает мысль, что «Дело врачей» родилось в голове Рюмина, «принявшего к производству второй этап следствия над членами ЕАК» как подтверждение разрабатываемой им новой версии о «террористической деятельности» Еврейского антифашистского комитета. Это мнение подкрепляется текстом постановления «О неблагоприятном положении в Министерстве государственной безопасности СССР», датированного 11 июля 1951 г.

В нем говорилось:

«2 июля 1951 года ЦК ВКП(б) получил заявление старшего следователя следственной части по особо важным делам МГБ СССР т. Рюмина, в котором он сигнализирует по ряду весьма важных дел крупных государственных преступников и обвиняет в этом министра государственной безопасности т. Абакумова. Получив заявление т. Рюмина, ЦК ВКП(б) создал комиссию Политбюро в составе тт. Маленкова, Берия, Шкирятова, Игнатьева и поручил ей проверить факты, сообщенные т. Рюминым. В процессе проверки комиссия

допросила начальника следственной части по особо важным делам МГБ т. Леонова, его заместителей тт. Лихачева и Комарова, начальника второго Главного управления МГБ т. Шубникова, заместителя начальника отдела 2-го Главного управления т. Тангиева, помощника начальника следственной части т. Путинцева, заместителей министра государственной безопасности тт. Огольцова и Питовранова, а также заслушала объяснение т. Абакумова.

Ввиду того, что в ходе проверки подтвердились факты, изложенные в заявлении т. Рюмина, ЦК ВКП (б) решил немедленно отстранить т. Абакумова от обязанностей министра госбезопасности и поручил первому заместителю министра т. Огольцову исполнять временно обязанности министра госбезопасности. На основании результатов проверки комиссия Политбюро ЦК ВКП(б) установила следующие неоспоримые факты.

В ноябре 1950 года был арестован еврейский националист, проявляющий резко враждебное отношение к советской власти, – врач Этингер. При допросе старшим следователем МГБ т. Рюминым арестованный Этингер, без какого-либо нажима, признал, что при лечении т. Щербакова А. имел террористические намерения в отношении его и практически принял все меры к тому, чтобы сократить ему жизнь. ЦК ВКП(б) считает это показание Этингера заслуживающим серьезного внимания. Среди врачей, несомненно, существует заговорившая группа лиц, стремящихся при лечении сократить жизнь руководителей партии и государства. Нельзя забывать преступления таких известных врачей, совершенные в недавнем прошлом, как преступления врача Плетнева и врача Левина, которые по заданию иностранной разведки отравили В.В. Куйбышева и Максима Горького. Эти злодеи признались в своих преступлениях на открытом судебном процессе, и Левин был расстрелян, а Плетнев осужден к 25 годам тюремного заключения. Однако министр госбезопасности т. Абакумов, получив показания Этингера о его террористической деятельности, в присутствии следователя Рюмина, зам. начальника следственной части Лихачева, также в присутствии преступника Этингера признал показания Этингера надуманными, заявил, что это дело не заслуживает внимания, заведет МГБ в дебри, и прекратил дальнейшее следствие по этому делу. При этом т. Абакумов, пренебрегая предостережением врачей МГБ, поместил серьезно больного арестованного Этингера в заведомо опасные для его здоровья условия (в сырую и холодную камеру), вследствие чего 2 марта 1951 года Этингер умер в тюрьме. Таким образом, погасив дело Этингера, т. Абакумов помешал ЦК выявить безусловно существующую заговорившую группу врачей, выполняющих задание иностранных агентов по террористической деятельности против руководителей партии и правительства. При этом следует отметить, что т. Абакумов не счел нужным сообщить ЦК ВКП(б) о признаниях Этингера и таким образом скрывал это важное дело от партии и правительства».

Далее приводилось еще несколько примеров, «свидетельствующих о том, что т. Абакумов обманул партию» и «не проявил готовности раскаяться в совершенных им преступлениях».

«На основании вышеизложенного ЦК ВКП(б) постановляет:

1. Снять т. Абакумова с работы министра государственной безопасности СССР, как человека, совершившего преступления против партии и Советского государства, исключить из рядов ВКП(б) и передать его дело в суд.

2. Снять с занимаемых постов начальника Следственной части по особо важным делам МГБ СССР т. Леонова и заместителя начальника следственной части т. Лихачева, как способствовавших Абакумову обманывать партию, исключить их из партии.

3. Объявить выговор первому заместителю министра т. Огольцову и зам. министра т. Питовранову за то, что они не проявили необходимой партийности и не сигнализировали ЦК ВКП(б) о неблагополучии в работе МГБ.

4. Обязать МГБ возобновить следствие по делу о террористической деятельности Этингера.

5. Назначить члена комиссии Политбюро по проверке работы МГБ и Заведующего отделом партийных и комсомольских органов ЦК ВКП(б) т. Игнатьева С.Д. представителем ЦК ВКП(б) в министерстве государственной безопасности».

Первые документально оформленные упоминания в протоколах допросов членов ЕАК, которые могли бы указать на интерес следственного аппарата МГБ к готовящемуся «Делу врачей-вредителей», относятся только к концу 1951 г. Это видно из протокола допроса Б.А. Шимелиовича от 19 декабря 1951 г. (через 2 года после его ареста, в начале третьего этапа следствия), где его первый раз спрашивали о моей семье. Напомню, что Б.А. Шимелиович был главным врачом Московской городской больницы им. Боткина, и под его непосредственным административным руководством находились будущие главные действующие лица «Дела врачей-вредителей» – проф. М.С. Вовси и М.Б. Коган. Б.А. Шимелиович также занимал ответственный пост в правлении Еврейского антифашистского комитета. Надо полагать, что в это же время его допрашивали и о других врачах, а не только о моей семье. Семья моя – врачебная. Отец, М.А. Лясс, – профессор, терапевт, полковник медицинской службы, умер в 1946 г. Последнее место работы – руководитель Клиники питания Красной Армии, главный терапевт Главного госпиталя Красной Армии им. Н.Н. Бурденко и научный руководитель поликлинического отдела Лечебно-санитарного управления Кремля. Мать, Е.Ф. Лившиц, – врач-педиатр, работала в том же Лечсанупре Кремля, лечила особый контингент (так называемую «нулевую группу») – детей и внуков членов правительства и ЦК ВКП(б). Я – врач-терапевт-профпатолог. В то время я работал в закрытых лечебных учреждениях, связанных с обслуживанием сотрудников, занятых на разработке и изготовлении атомного оружия. Вся моя семья была заманчивым материалом для планируемого врачебного дела. Ниже привожу полный текст упомянутого протокола допроса Б.А. Шимелиовича:

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА
арестованного Шимелиовича Б.А.
от 19 декабря 1951 г.
Допрос начат в 12 час. 45 мин.

Вопрос: Вы были знакомы с профессором медицины Лясс Мироном Акимовичем?

Ответ: С профессором Лясс я познакомился примерно в 1935 или 1936 г. В это время он являлся сотрудником Центрального института усовершенствования врачей и работал в клинике института, располагавшейся в одном из зданий на территории больницы имени Боткина.

Вопрос: Какие у вас были взаимоотношения с профессором Лясс?

Ответ: Личной дружбы с Ляссом я не имел, а встречался с ним на научных конференциях или в клинике по служебным делам.

Вопрос: С женой Лясса – Лившиц Евгенией Федоровной вы тоже были знакомы?

Ответ: Примерно в 1947 г., после смерти профессора Лясса, его жена, фамилии, имени и отчества ее не знаю, обратилась ко мне с просьбой – принять на работу в больницу имени Боткина ее сына, заканчивавшего тогда медицинский институт. Я отказался удовлетворить просьбу жены Лясса, поскольку в больницу имени Боткина требовались опытные врачи. Позднее я узнал о том, что семье Лясса оказал содействие профессор Вовси М.С., который тогда являлся главным терапевтом Советской Армии, руководил кафедрой и клиникой Института усовершенствования врачей в отделении больницы имени Боткина. Вовси мне говорил, что он помог жене Лясса выхлопотать пенсию за ее покойного мужа.

Вовси же устроил ее сына Лясса Федора на работу в ЦИУ, а вскоре помог ему поступить в какой-то научно-исследовательский институт.

Вопрос: Вам известно, почему профессор Вовси оказывал содействие Лившиц и ее сыну?

Ответ: Я могу лишь сказать, что профессор Вовси находился в дружеских отношениях с профессором Лясс.

Вопрос: А родственной связи между ними не было?

Ответ: По-моему, нет. Во всяком случае, я не слышал ничего о родстве профессора Вовси с семьей Лясс.

Вопрос: С Лившиц Е.Ф. вы поддерживали знакомство после смерти ее мужа?

Ответ: Я рассказал выше, что с женой Лясса познакомился в 1947 г., когда она обратилась ко мне с просьбой. К нам в дом приходил ее сын Лясс Федор, который учился вместе с моим сыном, Шимелиовичем Л.Б., в 1-м Московском медицинском институте и дружил с ним.

Вопрос: Где работала Лившиц, вы знаете?

Ответ: Лившиц, как мне помнится, работала в поликлинике Лечсанупра Кремля и оказывала помощь на дому.

Вопрос: Охарактеризуйте политические взгляды Лившиц Евгении Федоровны и ее настроения.

Ответ: За все время, на протяжении которого я знал Лившиц, мне не приходилось с ней сколько-нибудь обстоятельно поговорить. Поэтому я ее настроения и политические взгляды оценить не в состоянии.

Вопрос: Что вы можете сказать по поводу настроений покойного мужа Лившиц?

Ответ: Ничего компрометирующего за профессором Ляссом при его жизни я не замечал.

Допрос окончен в 15 час.

Допросил: следователь Следчасти по особо важным делам МГБ СССР – капитан Жирухин.

(Л. 164-167, 169-173)

Но это только подходы к организации нового дела, когда Рюмин и руководимые им следователи начали добиваться от Б.А. Шимелиовича, а, возможно, и от других арестованных членов ЕАК, томящихся уже более трех лет в тюрьме, показаний «по террору». 10 марта 1952 г. у Б.А. Шимелиовича пытаются добиться признания в попытке Мирона Семеновича Вовси (двоюродного брата С.М. Михоэлса) «залечить» заболевшего в Киеве Н. Хрущева, куда Вовси ездил на консультацию. И несмотря на то, что Б.А. Шимелиович категорически отрицал этот навет и доказал всю абсурдность такого обвинения, в допросных протоколах осени 1951 и начала 1952 гг. рядом с именем Вовси замелькали и другие имена: А.А. Шифрина, хирурга А.Д. Очкина, рентгенолога Иссерсона, академика В. Виноградова и других (48). Таким образом, можно рассматривать вторую половину – конец 1951 г. – как время начала фабрикации «Дела врачей-вредителей».

Мои предположения о времени начала разработок подтверждается публикацией чернового варианта постановления Центрального Комитета, который был подготовлен сотрудником МГБ Масленниковым в ноябре 1951 г. (80). И.И. Масленников работал под непосредственным началом Н.С. Власика – начальника охраны Сталина, весьма приближенного к нему человека. Так что источник вышеотмеченного документа не вызывает сомнения. Сталин был его инициатором, а Масленников – исполнителем. В нем прямо говорилось: «Отдел, использующий проверенных агентов, специалистов из Лечсануправления Кремля, должен изучить истории болезней товарищей...». Предлагалось расследовать причину «подозрительных» смертей и болезней высших чиновников партии и правительства, включая А. Щербакова, А. Жданова, Г. Димитрова, А. Андреева. В середине ноября Сталин вызывает к себе на доклад нового министра государственной безопасности С. Игнатьева и инструктирует, как вести следствие:

«Если вы не разоблачите террористов и американских агентов среди врачей, вы будете там, где сейчас находится Абакумов. Я не МГБ-шник. Я могу требовать и прямо заявлять вам об этом, если вы не выполняете моих требований. Мы будем управлять вами как баранами» (51).

Сопоставляя даты возможного начала «Дела врачей-вредителей» с ходом следствия по «Делу ЕАК», я прихожу к заключению: «Дело врачей» возникло в тот момент, когда Сталин понял, что «Дело ЕАК» невозможно реализовать по его сценарию и надо организовывать новое с теми же задачами. При личном свидании в июле 1951 года с С.Д. Игнатьевым, назначенным министром государственной безопасности вместо смещенного и арестованного за месяц до того Абакумова, Сталин потребовал от Игнатьева принятия «решительных мер по вскрытию группы врачей-террористов, в существовании которой он давно убежден» (40,51, 280). Прошло четыре месяца. В октябре 1951 г. Сталин, как обычно, вызвал С.Д. Игнатьева для обсуждения министерских дел. В ходе разговора он спросил: «Как идет работа по делу врачей?». Игнатьеву сказать было нечего. На основании письма Рюмина было арестовано несколько офицеров МГБ. Врач Карпай С.Е. была в тюрьме, но молчала. Сталин вспылал, кричал, что в МГБ полно чекистов, которые «не видят дальше своего носа», агентов, которые «докатались до состояния полных идиотов и не хотят выполнять директивы Центрального Комитета». Сталин требовал решительных мер. Он настоял на том, чтобы Игнатьев начал действовать и немедленно «выявил группу врачей-террористов, в существовании которых его уже давно убедили» (80). С этого момента «Дело врачей-вредителей» начало интенсивно развиваться.

Вместо посаженных в тюрьму следователей во главе с Абакумовым, не выполнивших приказаний Сталина по подготовке открытого судебного процесса над деятелями ЕАК, создается специальная следственная группа во главе с М. Рюминым, которая и принялась ретиво за дело. Игнатьев и Рюмин регулярно докладывают Сталину о развивающемся «Деле врачей-вредителей», представляя хозяину «факты» о злонамеренности кремлевских эскулапов. Тогда же Рюминым был представлен Сталину составленный в 1950 г. список «единомышленников Я.Г. Этингера – еврейских националистов, высказывавших недовольство советской властью и распространяющих клевету на национальную политику ВКП(б) и Советского государства». Теперь, в 1951 г., они перекочевали в ранг террористов. В список вошли заведующий кафедрой биохимии 1-го ММИ профессор Б.И. Збарский, профессор Центрального института усовершенствования врачей М.С. Вовси, заведующий кафедрой хирургии 2-го ММИ В.С. Левит, заведующий кафедрой общей хирургии Медицинского института РСФСР И.Л. Фаерман, заведующий отделением Института тропических болезней Т.Д. Мошковский, заведующий лабораторией Института морфологии АМН СССР Я.Л. Рапопорт, директор Эндокринного института Н.А. Шерешевский, директор Клиники лечебного питания АМН СССР М.И. Певзнер, ассистент клиники 2-го ММИ Я.И. Мазель, заведующий терапевтическим отделением одной из московских районных больниц Н.Л. Вильк, заведующий отделением Института туберкулеза С.Е. Незлин, директор акушерско-гинекологической клиники И.Л. Брауде, доцент

клиники 2-го ММИ М.М. Авербах, главный врач 1-й Градской больницы А.Б. Топчан, директора различных клиник Л.И. Фогельсон, Э.М. Гельштейн, В.Л. Эйнис. Все – евреи. Все – кандидаты на арест по «Делу врачей».

Еще один момент обращает на себя внимание при сопоставлении «Дела ЕАК» и «Дела врачей» – судьба Б.А. Шимелиовича, который фактически фигурировал и в том, и в другом деле. Логично было бы считать, что врач Б.А. Шимелиович с того момента, как оканчивается одно дело и начинается другое, должен был бы стать для следственного отдела МГБ важной, центральной фигурой, объединяющей эти два дела. Ибо, как мы узнали потом, ему приписывали руководство всей террористической и шпионской деятельностью врачей и связью их с «террористической организацией Джойнт». Он должен был сыграть роль и главного обвиняемого, и главного свидетеля. Только он мог бы дать показания, уличающие врачей в преднамеренных убийствах. Но нет, этого не происходит. Когда «Дело врачей-вредителей» уже находится в производстве, Б.А. Шимелиовича расстреливают. Привлеченный по «Делу врачей» Я.Л. Рапопорт, со слов Л.С. Штерн, поведал журналисту Э. Белтову, что двух казненных 12 августа 1952 года Б.А. Шимелиовича и С.А.Лозовского не расстреляли, а повесили. Злобу вымещали, так как они сорвали МГБ открытый судебный процесс. Не хотели «сознаваться ни в чем». Зачем лишаться такой важной фигуры в разворачивающемся деле? Но у МГБ свои мотивы, у Сталина своя логика. А логика у следствия проста – дело не в том, чтобы докопаться до истины, а в том, чтобы состряпать судилище над врачами. Очевидно, живой, пусть даже в тюрьме, Б.А.Шимелиович для них опасен. Он опять окажет противодействие, не даст нужных показаний, опять окажется непреодолимым препятствием для проведения открытого судебного процесса. Он уже показал себя за три прошедших года следствия и суда стойким борцом с их фальсификациями. А кроме того, надо как можно быстрее забыть о неудавшемся «Деле ЕАК», сделать вид, что его и не было. Однако совершенно необходимо было выжать из осужденного на расстрел Б.А. Шимелиовича нужные следствию показания для заваривающегося «Дела врачей-вредителей». Так что есть основание полагать, что и после суда и приговора он подвергался беспрецедентному нажиму со стороны следствия. Он вновь, теперь уже один, измученный пытками, болезнью и смертным приговором, оказывает сопротивление. Опять он взвалил на себя ответственность за нашу судьбу, за судьбу тех, кого, как он уже понял по ходу последних допросов, вот-вот будут свозить на Лубянку. Не этим ли объясняется отсрочка в исполнении смертного приговора почти на месяц ?!

Давайте опять обратимся к блок-схеме Последнего политического процесса Сталина (см. рис. № 2 на стр. 38-39). Как начинал свои политические процессы Сталин? С устранения лиц, которые могли бы помешать ему сварганить политический судебный фарс – предтечу тотального террора. Так в тридцатых годах

были уничтожены С.М. Киров и др., так был убит и глава «еврейского преступного клана» С.М. Михоэлс, который, казалось бы, был просто необходим следствию, так как мог дать показания чрезвычайной важности. Так был уничтожен и Б.А. Шимелиович. Мертвый Б.А. Шимелиович, уже доказавший силой своего интеллекта, честностью, порядочностью профессионала, которые он пронес через три года пыток и издевательств, уже не сможет помешать. Вот он – сталинский «почерк преступника»!

Итак, «Дело врачей-вредителей» начало набирать обороты.

ОБЛИЧИТЕЛИ

Для дальнейшего развития «Дела врачей» следствию понадобился «обличитель». Он играет очень важную роль как во время следствия, так и в процессе судебного разбирательства, особенно открытого. Такие «обличители» были во всех проходивших ранее политических процессах и, как правило, выбирались из числа обвиняемых: на процессе Г.Е. Зиновьева обличителем был С.В. Мрачковский («Антисоветский объединенный троцкистско-зиновьевский центр», 1936 г.); у Ю.Л. Пятакова – К.Б. Радек («Параллельный антисоветский троцкистский центр», 1937 г.); на суде над Н.И. Бухариным и А.И. Рыковым – В.Ф. Шарангович («Антисоветский правотроцкистский блок», 1938 г.). Обличителем в «Деле ЕАК» стал И.С. Фефер.

«Обличителя», как правило, арестовывали раньше основных обвиняемых. Таким образом, первый удар приходился на него, и он ломался, либо поддавшись на уговоры, обещания, а чаще под пытками, становился послушным исполнителем воли следственных органов и судей. Такой «обличитель» всегда находился здесь же, в тюрьме, под рукой у следователей, для обработки других арестованных, а иногда и становился основной фигурой в ходе следствия, а затем и суда. Таким обличителем в «Деле врачей» должна была стать моя мать, врач-педиатр **Евгения Федоровна Лившиц**. Очень подходящая личность для этой роли. Я уже упоминал, что она многие годы работала в Лечсанупре Кремля, диспансерно наблюдала и лечила детей и внуков самой привилегированной советской партийной и государственной верхушки. Среди ее пациентов – отпрыски Сталина, Молотова, Кагановича, Микояна, Орджоникидзе, Маленкова, Первухина, Тевосяна, Димитрова. Помимо этого, семья Е.Ф. Лившиц находилась в близких и дружественных отношениях с семьями М.С. Вовси, Я.С. Темкина, Б.Б. Когана (все – будущие обвиняемые по «Делу врачей-вредителей»). Сначала ее уволили с работы (конец 1951 г.), придравшись к, якобы, некорректному обращению с самим Л.М. Кагановичем в споре с ним по поводу лечения его внуков, а потом, 4 июня 1952 г., ее арестовали – за полгода до ареста основных обвиняемых на будущем

процессе врачей. Ей предъявили обвинение в том, что она, по указке М.С. Во-
вси, «проводила вредительское лечение» детей и внуков членов правительства.
В ходе очень тяжелых допросов ей было предложено «дать следственный мате-
риал» на еще находившихся на свободе коллег и друзей. После двух недель ис-
тязаний она не выдержала, сорвалась и совершила попытку покончить жизнь
самоубийством – неслыханное происшествие в стенах внутренней тюрьмы на
Лубянке. Но ее успели спасти. В результате она потеряла зрение на неделю, на-
рушилась речь, наступила тяжелая депрессия. При таком ее состоянии даже ви-
давшие виды МГБэшники не смогли продолжать следственный процесс. И ее
поместили для лечения последствий суицида и, главным образом, на экспертизу
в Институт судебной психиатрии им. Сербского, где она находилась с 18 авгу-
ста по 19 сентября 1952 г.

Произошла непредвиденная задержка: на целый месяц выбыл «обличитель».
«Скрипучая телега следствия» (это выражение употребил лично Сталин) выну-
ждена была почти остановиться, или, по крайней мере, значительно затормозить
движение вперед. Но сроки установил Сталин, и ОН требовал неукоснительного
их исполнения. Все это мы узнаем потом, почти через сорок лет, в признаниях
исполнителей «Дела врачей-вредителей». А пока что в силу своих представлений
о врачебном долге, товарищеской солидарности, элементарной честности
52-летняя больная женщина отнимает у следствия не менее месяца.

С конца сентября она опять на Лубянке, опять пытки, более изощренные, но
более осторожные – ведь на суд нужно представить не психически ненормаль-
ного человека, а такого, чтобы судьи поверили ее обличительным показаниям,
если, конечно, удастся из нее что-то вытянуть. Но она не дала «следственного
материала», нужного для «Дела врачей-вредителей», и была исключена из него.
Уже после смерти Сталина и реабилитации «врачей-вредителей» Е.Ф. Лившиц
была осуждена одной из последних троек Особого совещания по статье 58-10 за
агитацию и пропаганду на 7 лет лагерей (7 лет ей дали специально для того,
чтобы не выпустить на свободу по «маленковской» амнистии, освобождавших
тех, кто был осужден сроком до 5-ти лет).

И вот тогда на роль обличителя была приглашена Лидия Тимашук. Тима-
шук работала врачом в Лечсанупре Кремля, заведовала кабинетом функцио-
нальной диагностики. Ее письмо «об ошибочном диагнозе и неправильном ле-
чении» члена ЦК ВКП(б) Жданова профессорами В.Н. Виноградовым, В.Х. Ва-
силенко, П.И. Егоровым и врачом Г.И. Майоровым, отправленное на имя на-
чальника Главного управления МГБ еще за четыре года до описываемых собы-
тий, оказалось очень кстати, стало «материалом, заслуживающим оперативный
интерес», и приобрело значение главного обличительного документа, инкрими-
нировавшего подследственным врачам умышленное вредительство (139, 262,
319). Об этом свидетельствует секретное постановление ЦК КПСС от 4 декабря
1952 г. (8): «В Лечсанупре Кремля длительное время орудовала группа пре-

ступников, которая ставила своей целью осуществление террористических актов против руководителей Коммунистической партии и Советского правительства. Они вредительски ставили неправильные диагнозы болезни, начинали и осуществляли неправильные методы лечения и тем самым вели больных к смерти... Еще в 1948 г. Министерство государственной безопасности располагало сигналами, которые со всей очевидностью говорили о неблагополучии в Лечсанупре. Врач т. Тимашук обратилась...» (231).

Следует отметить дату, когда Л. Тимашук пригласили на Лубянку для дачи показаний по поводу ее письма-доноса о неправильном лечении Жданова. В документах следствия по «медицинскому заговору профессоров – врачей-убийц в белых халатах» ее имя впервые упоминается 24 июля 1952 г. Вот что рассказывает об этом сын Л. Тимашук – Юрий Кураев: «Внезапно, в августе 1952 г., Тимашук вызвали в МГБ и начали допрашивать о происходившем некогда на ждановской даче...» (173).

В августе! Даже можно уточнить – 11 августа (123), то есть тогда, когда следователям, несмотря на два месяца тяжелейшего следственного прессинга, не удалось вынудить врача Е.Ф. Лившиц дать ложные показания о вредительской деятельности ее коллег, пока еще находившихся на воле. Когда Лившиц, не выдержав пыток, попыталась совершить самоубийство и была направлена в Институт судебной психиатрии, – тогда-то и нашли другого обличителя! Им стала Лидия Федосеевна Тимашук, и следствие вышло из тупикового положения. Сценарий «Дела врачей-вредителей» не изменился, и «скрипучая телега следствия» значительно убыстрила свой бег (25)*.

ПО ПРОТОРЕННОЙ ДОРОЖКЕ

Вся эта кухня, варившаяся в недрах Лубянки, нам, находившимся на свободе, естественно, была неизвестна. Жизнь текла своим чередом. Профессора-медики были заняты своими делами: лечили больных, читали лекции, вели семинары и жили обычной жизнью, которой жила вся страна со своими заботами, тревогами, радостями. У меня на работе все оставалось без перемен и, несмотря на арест мамы, я пытался поддерживать устоявшийся стиль жизни: мы с молодой женой, несмотря на тяжелое душевное состояние и напряжение дома, посещали консерваторию с ее блестящими исполнителями – Рихтером, Гилельсом, Обориным, Мравинским, я интересовался баталиями на футбольных полях страны, не упускали мы из виду и театральные афиши, ходили на занятия драмкружка при Доме ученых. После работы я пропадал в Медицинской библиотеке, где собирал литературу по готовящейся кандидатской диссертации. Под вечер прихо-

* См. сноску на с. 48. Первая серия кадры с 40 м. 15 сек. до 46 м. 26 сек.; вторая серия кадры 40 м. 08сек. до 42 м. 03 сек.

дили друзья или мы сами отправлялись к ним, обсуждая события, разворачивающиеся в медицинских кругах. Мы же все были медиками. А события были волнующими. Обсуждалась деятельность комиссии Минздрава, проводившей проверку работы ряда медицинских учреждений. О результатах и выводах, сделанных комиссией, работавшей во 2-м Московском медицинском институте, говорилось в кругу особо доверенных коллег и друзей. «Добили» проф. А.Б. Топчана. Его выгнали из 1-й Градской больницы, где он занимал пост главного врача, после того, как его несколько лет тому назад «освободили» от директорства 2-м Московским медицинским институтом. В самом институте предложили уйти с преподавательской деятельности ряду ассистентов кафедр, причем все обратили внимание на их национальность. В Институте питания изгнание евреев уже велось неприкрыто, сопровождалось партийными и общими собраниями отделов и всего института. Сам директор Института питания – М.И. Певзнер – после одной из таких «разборок» скоропостижно скончался. Я узнал об этих событиях от жившей в соседней с нами квартире рентгенолога института – Полины Давидовны Тарнопольской.

Медики, близкие к кафедре факультетской терапии 1-го Медицинского института, которой заведовал академик В.Н. Виноградов, были удивлены более чем скромным празднованием его 70-летия и 45-летия врачебной деятельности. Все ждали торжественной конференции и награждения орденом, не менее, чем орденом Ленина. На кафедре знали, что Владимир Никитович является личным врачом Сталина, и не могли понять такое невнимание Сталина к своему личному врачу.

С осени резко активизировалась юдофобская пропаганда. Периодическая печать, от газеты «Правда» до журнала «Крокодил», пестрела еврейскими фамилиями в разносных статьях о халатности, разгильдяйстве, семейственности и других грехах, в каких только можно обвинить человека. Причем статьи были не только на медицинские темы. Вряд ли кто-либо мог тогда расценить эти и другие эпизоды как грозные симптомы готовившегося Сталиным наступления на элиту советской медицины. Это теперь стало ясно, что то была та самая «чистка», которая по сталинскому сценарию открытых показательных судебных процессов являлась подготовкой к серии арестов.

Первым шагом вновь созданной следственной группы и ее главы – нового зам. министра Госбезопасности М. Рюмина – был арест 26 февраля 1952 г. Романа Исаевича Рыжикова, зам. директора правительственного санатория в Барвихе. Он был наблюдающим врачом при А.С. Щербакове.

Рыжиков признал, что «являлся помощником в осуществлении террористических действий Этингера». Преступление врачей заключалось в том, что они разрешили поехать на автомобиле на празднование дня Победы и прописывали неверные дозы некоторых препаратов (51). Послушные МГБ специальные медицинские комиссии пришли к единому выводу: лечение А.С. Щербакова можно назвать криминальным, а зам. главного военного прокурора генерал-майор Д. Китаев подтвердил правомерность этих экспертиз. Ниже представлена выдержка из этого документа:

«Как сообщалось в деле №6367/1 от 25 сентября 1952 г. по поводу арестованного Рыжикова Р.И., бывшего заместителя директора лечебного санатория “Барвиха”, было назначено квалифицированное медицинское исследование сердца товарища Щербакова А.С. Также были тайно допрошены в качестве свидетелей профессор Русаков; председатель Мосгорздравотдела доктор Приданников, присутствовавшие при вскрытии тела товарища Щербакова А.С.

В настоящий момент экспертная комиссия закончила свою работу: комиссия исследовала сердце, изучила историю болезни и результаты анализов и протокола вскрытия тела товарища Щербакова А.С.

Одновременно с этим была создана вторая экспертная медицинская комиссия. Она также закончила свою работу.

Заключения обеих комиссий в общем совпадают. Они соответствуют результатам предыдущего медицинского осмотра и подтверждают криминальный характер лечения товарища Щербакова А.С.»

Обе комиссии установили причину смерти – инфаркт миокарда. Обе комиссии пришли к выводу, что врачи назначали неправильные дозы предписанных лекарств. Нельзя было разрешать ехать в автомобиле из Барвихи в Москву. 28 сентября 1952 г., с личного разрешения Сталина, арестовывают бывшего руководителя Лечсанупра Кремля А.А. Бусалова, врача Г.И. Майорова, принимавшего пять лет тому назад участие в лечении Жданова, и прозектора А.Н. Федорова, вскрывавшего его после смерти. 18 октября был арестован П.И. Егоров, смещение которого с поста главы ЛСУК (Лечебно-санитарного управления Кремля) Сталин лично подписал еще 1 сентября 1952 года. 29 октября А.А. Бусалов подписывает признательный протокол допроса:

«Предписание активного образа жизни А.С. Щербакову не соответствовало функциональному состоянию сердца пациента; следовательно, Этингер, Ланг и Виноградов сократили жизнь А.С. Щербакову.

Я совершил ужасную ошибку, я допустил преступную безответственность, когда я позволил Лангу, Этингеру и Виноградову управлять мной. Это происходило на протяжении всего периода лечения.

Тяжесть моей вины заключается в том, что после смерти А.С. Щербакова я действовал заодно с Лангом, Этингером и Виноградовым, а также до настоящего момента продолжал утаивать от правительства реальную причину смерти А.С. Щербакова» (51).

Аресты среди врачей возобновились в начале ноября 1952 г., накануне праздника очередной годовщины Октябрьской революции. Первым 4 ноября был арестован профессор В.Н. Виноградов. Он был взят сразу после консультации высокопоставленного лица, прямо в Кремлевской больнице. За ним довольно «кучно» (в течение полутора недель) последовали остальные – М.С. Вовси, Б.Б. Коган, А.М. Гринштейн, В.Х. Василенко и др. Каждый арест сопровождался повальным обыском на квартире и на работе, продолжавшемся в отдельных случаях до суток. При внешней корректности сотрудников МГБ обыск, как правило, носил издевательский характер. Изымалось все, связанное с арестованным: рукописи, записные книж-

ки, документы, драгоценности, вещи и т.д. Опечатывалась часть квартиры, куда складывались личные вещи арестованного.

Все аресты производились согласно списку ведущих московских медиков, который ранее, в 1949 г., был составлен Рюминым как перечень лиц, сочувствующих Я.Г. Этингеру при его националистических разговорах, а сейчас стал списком террористов, планировавших убийство членов правительства, руководителей партии, генералитета и лично товарища Сталина.

В застенках Лубянки все арестованные врачи сразу подверглись угрозам, пыткам, лишением сна, что привело к сильному умственному и физическому истощению. По словам Игнатъева, Сталин требовал, чтобы для раскрытия деятельности врачей-террористов были приняты решительные меры, ведь, по его словам, их деятельность «уже давно не секрет». Почти каждый день Сталин проявлял интерес к ходу расследования дела врачей, разговаривая с министром Игнатъевым по телефону и иногда вызывая его к себе в кабинет. Как правило, Сталин разговаривал в сильном раздражении, постоянно выражая неудовлетворенность ходом расследования. Он ругался, грозил и, как правило, требовал, чтобы заключенных избивали. По словам Н.С.Хрущева:

«Начались допросы. Я сам слышал, как Сталин говорил с С.Д. Игнатъевым. Сталин злобно набросился на него по телефону в нашем присутствии. Он был невменяем от злости, кричал на Игнатъева и угрожал ему, требовал заковать врачей в цепи, превратить в кровавое месиво, стереть в порошок. Не удивляет, что почти все врачи признали свою вину» (305).

В результате в следственных делах появились абсурдные протоколы с признанием в том, что обвиняемые являлись руководителями террористической группы, что эта группа была укомплектована еврейскими террористами, что ее участники решили бороться с советской властью такими крайними мерами, как неправильное лечение с целью ухудшения здоровья лидеров государства. Признания подследственных были необходимы Сталину, потому что еврейская природа заговора не должна была вызывать сомнений ни у судей, ни у народа.

24 ноября 1952 г. И.О. Гоглидзе, принявший на себя ведение расследования дела врачей после заболевания Игнатъева, написал Сталину:

«Следствие установило, что Егоров и Федоров (патолог) – политически и морально разложившиеся люди; Майоров – из помещиков; Виноградов в прошлом был связан с эсерами; Василенко с 1922 г. скрывал свое изгнание из партии за нарушение партийной дисциплины, а также Карпай – еврейская националистка. Все они составляли враждебную группу, действовавшую в поликлинике Кремлевской больницы, которая стремилась оборвать жизни руководителей партии и правительства средствами медицины.

Этот враг, террористическая группа врачей, работал совершенно так же, как врачи в недалеком прошлом – Плетнев и Левин, убив В.В. Куйбышева,

В.Р. Менжинского, А.М. Горького и его сына, М.А. Пешкова. Они – Егоров, Виноградов, Василенко, Федоров, Майоров и Карпай – вели террористическую деятельность путем приписывания пациентам такого лечения, чтобы оно разрушало их здоровье, усложняло болезнь и вело к их смерти.

Егоров, Виноградов, Василенко, Майоров и Федоров признались в том, что в прошлом были врагами партии и Советского государства; что они, пользуясь болезнью Жданова, с намерением прописали ему категорически противопоказанный активный режим, чем они вызвали у него острую сердечную недостаточность – и таким образом убили его.

Во время допроса Вовси и Коган (Б.Б.) сознались, что они оба, будучи еврейскими националистами, поддерживали вражеские связи с главами еврейского националистического подполья, действовавшего под маской Еврейского антифашистского комитета.

Таким образом, признанием заключенных было установлено, что в Лечсанупре Кремля существовала активная группа докторов-террористов. Это Егоров, Виноградов, Василенко, Майоров, Федоров, Ланг и еврейские националисты Этингер, Вовси, Коган и Карпай. Они пытались через лечение сократить жизнь лидеров партии и правительства» (51).

Но мы, естественно, ничего не знали о том, что переживали наши родные. Об арестованных – ни слова. Семьи арестованных боялись общаться между собой, чтобы не навредить тем, кто оказался «там». Если же встречались друг с другом в городе или в приемной на Лубянке, то обменивались короткими фразами. Да и о чем говорить – о судьбе близких ничего не было известно. Опять, как в «Деле ЕАК», наступил период неведения, но на этот раз только на два месяца.

13 января 1953 г. (опять 13 января!) в центральных газетах (26) в разделе «Хроника» было опубликовано сообщение ТАСС об «аресте террористической группы врачей» – видных деятелей отечественной медицины, обвиняемых во «вредительском лечении». В частности, сообщалось, что они проводили неправильное лечение и тем самым «умертвили» А.А. Жданова, «сократили жизнь» А.С. Щербакову (оба – члены ЦК ВКП(б) – *Ф.Л.*) и «подорвали здоровье советским руководящим военным кадрам» (следовали фамилии пяти генералов). В числе участников «этой террористической группы» назывались проф. М.С. Вовси, проф. В.Н. Виноградов, проф. М.Б. Коган, проф. Б.Б. Коган, проф. Я.Г. Этингер, проф. П.И. Егоров, проф. А.И. Фельдман, проф. А.М. Гринштейн и врач Г.И. Майоров. «Директивы об истреблении руководящих кадров СССР получали из США от организации “Джойнт” через врача в Москве Шимелиовича и буржуазного националиста Михоэлса».

Из перечисленных выше фамилий четверых уже не было в живых: С.М. Михоэлс был убит в 1948 г., а М.Б. Коган умер, как говорится, «в своей постели», в 1951 г. О том, что Я.Г. Этингер умер в тюремной камере в марте 1951 г., а Б.А. Шимелиович расстрелян за полгода до того, мы, конечно, не знали. В сообщении ТАСС обращал на себя внимание еще один важный

факт. Из объявленных «врачей-убийц, ставших извергами рода человеческого, растоптавших священное знамя науки», было шесть евреев и трое русских, что казалось странным.

Сразу после опубликования «Сообщения ТАСС» прокатилась дополнительная волна арестов врачей, профессоров кафедр ведущих университетов страны, ученых с мировым именем. Были арестованы: Я.С. Темкин, М.Я. Серейский, В.В. Закусов, Э.М. Гельштейн, И.И. Фейгель, В.Е. Незлин, С.Е. Незлин, И.Х. Кечкер, М.Г. Шнейдерович, Я.Л. Раппопорт, А.И. Фельдман, Я. Полонский, Н.А. Шерешевский, В.Х. Василенко, В.Ф. Зеленин, Б.С. Преображенский, Н.А. Попова, Н.Л. Вильк и др. И опять обращало на себя внимание, что среди них были не только евреи, но и русские.

На всех, кто близко знал этих людей, сообщение ТАСС, а также аресты других, не упомянутых в нем врачей, повергло в шок. Обвинять их в преднамеренном убийстве своих пациентов, в том, что они ставят якобы умышленно неправильные диагнозы, назначают неправильное лечение – было абсурдом, бредом большого воображения.

Но тут вспомнилось, что нечто подобное уже было. В каком мозгу мог возникнуть такой бред? В сталинском! Только это был не бред, а хорошо и с успехом отработанный криминальный почерк тирана. Еще в 1938 г. по очередному политическому процессу уже проходили «врачи-отравители»: профессора Л.Г. Левин, П.П. Казаков и Д.Д. Плетнев. Всплыли в памяти и «преступления» этих врачей – неправильное лечение с целью убийства великого русского писателя М. Горького и выдающихся деятелей советского государства В.В. Куйбышева и В.Г. Менжинского. В том политическом процессе эти врачи признали себя виновными и были осуждены. Народ поверил этой нелепице, а Сталин и его госбезопасность приобрели «драгоценный» опыт. Вот что пишет о том «врачебном деле» Г.В. Костырченко:

«Чтобы деморализовать профессора Плетнева, 8 июня 1937 г. в «Правде» была помещена статья без подписи под заголовком “Профессор – насильник, садист”. В ней говорилось о том, что три года назад, во время осмотра гражданки Б., которая обратилась к Плетневу по поводу перенесенного тифа, произошел дикий случай: профессор неожиданно укусил пациентку за грудь, отчего у нее развился хронический мастит, и она, “лишившись трудоспособности, стала инвалидом в результате раны и тяжкого душевного потрясения”. Провокационная статья вызвала поток гневных откликов трудящихся, а также всколыхнула медицинскую общественность, заклеившую “варварский” поступок своего коллеги. Среди обвинителей Плетнева оказались В.Ф. Зеленин, Б.Б. Коган, Э.М. Гельштейн и другие авторитетные медики, арестованные через 15 лет по “Делу врачей-вредителей”. Неблаговидную роль в судьбе Плетнева сыграл и его ученик В.Н. Виноградов, подтвердивший в качестве эксперта заключение обвинения о “вредительских методах” лечения, практиковавшихся Плетневым. Поскольку последний не принимал “непосредственного активного уча-

ствия в умерщвлении тт. В.В. Куйбышева и А.М. Горького...», он не был казнен, а приговорен к 25 годам тюремного заключения. Наказание Плетнев отбывал в Орловской тюрьме, в подвале которой и был расстрелян 11 сентября 1941 г., перед тем как в город вошли немцы. Показательно, что протоколы допросов Плетнева, датированные декабрем 1937 года, были приобщены в 1952 году к «Делу врачей» (140).

На этот раз, в 1953 г., – повторение пройденного. Та же кампания шельмования, опять комиссия, сформированная из врачей Кремлевской больницы (профессора-терапевты М.А. Соколов и С.А. Гиляревский, судебный медик В.Ф. Червяков, зам. начальника Центральной поликлиники МВД Н.Н. Купышев, подтвердившая в качестве экспертизы заключение обвинения о «вредительских методах» лечения умершего за 7 лет до того члена ЦК Щербакова. Только сейчас, в 1953 году, врачам прибавили еще обвинение в шпионской, террористической и иной подрывной деятельности. Появилось ощущение захлопнувшегося капкана, как для арестованных, так и для их близких* (25).

СТРАХ ПРЕЖДЕ ВСЕГО

Странной показалась, на первый взгляд, компания, собранная в застенках МГБ на Лубянке. Специалисты разных профилей, разных направлений в медицине. Зачем были включены русские люди в явно погромное, антисемитское дело, причем люди, отнюдь не склонные к юдофильству? Если придирается, то можно отметить, что В.Ф. Зеленин был женат на еврейке. Но уж В.Х. Василенко, П.И. Егоров, В.Н. Виноградов, А.А. Бусалов, Б.А. Егоров – те были чистыми русаками, и в их происхождении еврейских корней никак не сыскать. Доктор Р.И. Рыжиков – чистокровный белорус. Не противоречит ли этот факт концепции об антисемитской направленности всей акции? Для меня, в свое время, это тоже было непонятно...

В созданном Сталиным «Деле ЕАК» нет ни одной нееврейской фамилии, а ведь он мог спланировать как хотел. Значит, здесь заложена какая-то другая тактическая задача. Сталин всегда до примитивности четко планировал свои бандитские дела. Вряд ли он был досконально знаком с психологией и психиатрией, но внутреннюю структуру страха знал – это бесспорно.

Наука выделяет две разновидности страха: поверхностный, вызванный конкретной сиюминутной причиной, и глубинный, подсознательный, то есть постоянно действующий, вызывающий дурные предчувствия, создающий тревожное душевное состояние. Сталинская государственная система была основана на насаждении и постоянном поддержании глубинного страха в душе каждого гражданина страны. Мало того, чтобы страх был поголовным. Самым сильным страхом испокон веков был и остается страх перед необъяснимыми явлениями.

* См. сноску на с. 48. Вторая серия – кадры с 15 м. 42 сек. до 19 м. 11 сек.

В источнике страха не должно быть логики. Если, например, известно, по какому признаку сажают, исчезнет элемент непредсказуемости, и станет очевидным, кто должен бояться, а кто нет. Репрессии какой-либо одной группы населения как бы исключают из зоны страха другие группы. Так, если репрессии носят чисто антисемитский характер, то неевреям нечего бояться. А это не входило в планы Сталина, так как страх должен был быть глубинным, постоянным, повсеместным и алогичным. Поэтому Сталин включил врачей русской и других национальностей, дабы взять на прицел всю советскую научную и творческую интеллигенцию. Ожидание ужаса гораздо страшнее ужаса как такового. Помимо тотального страха, нависшего над всей страной, у каждого гражданина нашей страны был свой специфический, индивидуальный страх, основанный на конкретной ситуации. У кого-то папа был служителем культа, родственник числился в кулаках или лишенцах, кто-то из близких уже сидел или был уличен в использовании газеты с ликом «отца народов» как оберточной, или, того хуже, — как туалетной бумаги.

Такую тактику Сталин применял и ранее, вовлекая в сферу гонений представителей самых разных научных направлений, различных видов творческой и иной деятельности. Присутствие неевреев среди «врачей-убийц» отнюдь не сглаживало антисемитский характер планируемой Сталиным акции. Просто «отец народов» показывал всей стране, что репрессии затронут все слои общества и никто не будет застрахован от ударов его карающего меча. Руководящая же роль евреев в террористических актах подчеркивалась тем, что директиву «об истреблении руководящих кадров СССР» они получали «через врача в Москве Шимелиовича и известного еврейского буржуазного националиста Михоэлса», а те, в свою очередь, от шпионской организации «Джойнт».

Я убежден в том, что инициатором «Дела врачей-вредителей» был сам Сталин. Об этом свидетельствует и записка Поскребышева, отправленная из секретариата Сталина руководителю Агитпропа А. Михайлову, в которой вождь не только определял содержание будущего официального заявления по «Делу врачей», но и давал указание, на какой странице в газетах народ должен его прочесть. Как справедливо отметил Г.В. Костырченко, «передовица в “Правде” под хлестким заголовком “Подлые шпионы и убийцы под маской профессоров-врачей” явно составлялась под руководством и при непосредственном участии Сталина, о чем свидетельствует специфический стиль ее текста, насыщенный характерной риторикой об усилении происков внутренних и внешних врагов советского государства по мере успешного построения социализма» (140).

В настоящее время в СМИ (191), в научной литературе (51,140) бытует мнение, что «Дело врачей» — хотя и самое шумное, но второстепенное по своей политической значимости, и ряд историков представляет его как личную расправу Сталина с врачами, которые не смогли остановить наступающую старость и вылечить его от сопровождавших старость недугов. Другие рассматривают

«Дело врачей» как один из второстепенных репрессивных процессов, шедших в то время («Дело Московского автомобильного завода им. Сталина» 1950 г., «Дело Кузнецкого металлургического завода в Сталинске» 1950 г., «Дело Метростроя» 1952 г.), а основным было сведение счетов между различными группировками внутри партии: Власик и Поскребышев против Берии, Маленков против Жданова, Кузнецова, Молотова и Микояна, и т.д.

Мое мнение остается неизменным: «Дело врачей-вредителей» – неотъемлемая часть Последнего политического процесса Сталина, на который была возложена задача, не осуществленная «Делом ЕАК», – инициировать в стране тотальный террор для упрочения безраздельной власти Сталина.

Позволю себе сделать небольшое отступление и высказать свое суждение о причине развала СССР в 1991 году. На мой взгляд, М.С. Горбачев в процессе перестройки вытащил только один камень из громадного здания советского государства, и оно сразу рухнуло. А вытащил он, как оказалось, камень краеугольный, камень под названием «страх». С 1985 г., с приходом к власти Горбачева и началом «перестройки», чувство страха стало постепенно слабеть. И все, наконец, поняли, а главное, могли сказать вслух, что так называемое многонациональное советское общество, преуспевающая экономика и передовая наука – всего лишь мыльные пузыри. И если после Сталина Н.С. Хрущев, Л.И. Брежнев и следовавшие за ними временщики этот страх пытались поддерживать преследованиями диссидентов, судебными экономическими делами, интервенциями в страны народной демократии, то М.С. Горбачев «выпустил» вожжи, и государство вмиг развалилось.

Только карательный режим тоталитарной власти и главное орудие его – СТРАХ – решали все проблемы страны и, в том числе, проблему личной неограниченной власти. В этом и проявилась «гениальность» Сталина. Коммунистическая империя – это фактически монумент Сталину, сделанный из людского Страх.

ПРОТИВОСТОЯНИЕ

Оканчивалось сообщение ТАСС об «аресте террористической группы врачей» зловещими словами: «Следствие будет закончено в ближайшее время». Развязка неумолимо приближалась к арестованным, их семьям, а по опыту довоенных политических процессов, к их сослуживцам, к их знакомым и товарищам, к гражданам страны. Скупые газетные строки ничего хорошего не предвещали.

«Следствие будет закончено в ближайшее время». Нашей доблестной госбезопасности все ясно, и скоро, очень скоро она представит на Суд Народа эти «отбросы рода человеческого», что очень хотелось Сталину и его заплечных дел мастерам из новой компании следователей. На открытый судебный процесс на-

до представить «врагов народа», «убийц в белых халатах», «беспощадных террористов», «жалких раскаявшихся людишек». Страна застыла в ожидании. А в это время в застенках шла интенсивная «работа» по реализации последней фразы в сообщении ТАСС...

Как уже упоминалось, А.А. Бусалову, руководившему Лечсанупром Кремля до 1947 г., и кремлевскому врачу Г.И. Майорову инкриминировалось намеренное умерщвление членов Политбюро ЦК ВКП(б) А. Щербакова и А. Жданова, а прозектору А.Н. Федорову – сокрытие этого преступления. П.И. Егорова – тогдашнего начальника ЛСУК – обвинили не только в том, что он «вывел из строя» Мориса Тореза, «умертвил» Георгия Димитрова, А. Жданова и А. Щербакова, лишил жизни многих советских и иностранных коммунистических лидеров или причинил вред их здоровью, но и в том, что он злоумышлял против членов семьи самого вождя. Его заставили повиниться в том, что он ухудшил самочувствие Василия Сталина, страдавшего от алкоголизма и лечившегося у него в 1948 – 1950 гг. в связи с «нервным заболеванием». Его также обвиняли в том, что весной 1950 г. он поручил наблюдение за беременной Светланой Сталиной профессору А.М. Маркову, который не смог потом предотвратить у нее развитие токсикоза. Роды у дочери Сталина оказались тогда преждевременными, и внучка вождя Катя появилась на свет ослабленной.

М.С. Вовси, который до 1949 г. был главным терапевтом Министерства вооруженных сил СССР, вменялось в вину, что он злонамеренно занимался тем, что подрывал, по заданию извне, организационно-интеллектуальный потенциал вооруженных сил СССР. Постоянно консультируя и назначая лечение маршалам Ф.И. Толбухину, И.С. Коневу, Л.А. Говорову, А.М. Василевскому, генералам Г.И. Левченко, Я.Н. Федоренко и другим видным советским военачальникам, он систематически вредил их здоровью. Кроме того, М.С. Вовси обвиняли в том, что под его началом профессор А.М. Гринштейн, А.И. Фельдман, Б.С. Преображенский, врач Г.И. Майоров и другие кремлевские медики, лечившие члена политбюро А.А. Андреева, намеренно лишили его работоспособности на длительный срок. И поскольку тому, начиная с 1947 г., в связи с сильными головными болями и бессонницей был действительно назначен вкуче с большими дозами снотворного прием кокаина, то доказывать ничего и не требовалось – «вредительское» лечение являлось как бы самоочевидным. При этом следствием игнорировался тот факт, что в 1951 г. самочувствие Андреева значительно улучшилось и он прекратил прием наркотика (140). Болезнь и смерть Г. Димитрова – болгарского партийного лидера – от цирроза печени, от которого тот, собственно, и умер в 1949 г., приписали М.Б. Когану и руководившему им М.С. Вовси (25)*.

Однако Сталину нужно было не только «доказать преступное лечение», но и получить компромат на врачей как на «главных заговорщиков». Заговор в гла-

* См. сноску на с. 48. Вторая серия кадры с 19 м. 14 сек. до 27 м. 18 сек.

зах Хозяина — это уже нечто более серьезное, чем ошибочное диагностирование или примитивные обвинения во вредительском лечении. Сталин придавал «Делу врачей-вредителей» огромное политическое значение. Ему надо было воспроизвести в точности те политические процессы 1937 – 1938 гг., на которых было показано, что шпионские службы Запада планировали свержение существовавшего в СССР режима, реставрацию капитализма и расчленение страны. На реализацию этих доказательств и должны были быть направлены все действия следствия. Готовившийся открытый судебный процесс над врачами должен был быть политическим и оправдать лозунг Сталина, что «наши успехи ведут не к затуханию, а к обострению классово-борьбы», что «враги народа» затаились среди нас, что нужна бдительность, бдительность и еще раз бдительность, и т.п. Потому-то Игнатъев, Рюмин, а затем, после отставки последнего, С.А. Гоглидзе, В.С. Рясной и С.И. Огольцов и пытались выбить из подсудимых признание в наличии заговора — против страны, против правительства, против Сталина.

Сталин решил для весомости задуманного судебного процесса объединить «Дело врачей-вредителей» с делом бывшего министра госбезопасности Абакумова, уже более года находившегося в заключении. Тогда, осенью 1951 г., по личному распоряжению Сталина была арестована большая группа сослуживцев Абакумова, преимущественно евреев, около пятидесяти старших офицеров и генералов. Среди них были ответственный сотрудник МГБ СССР Л.Л. Шварцман, Л.Ф. Райхман — зам. нач. второго главного управления МГБ, Л.Р. Шейнин — следователь Генпрокуратуры, следователи И.Б. Маклярский, С.Г. Павловский, А.Я. Свердлов и другие. Это дело получило название «Дело Абакумова Шварцмана» и было посвящено подготовке к захвату власти в стране лидерами партии и Советского правительства в сговоре с еврейскими националистами. Уже были вчерне подготовлены П.И. Гришаевым документы для отправки в ЦК Сталину (51). И «вождь народов» решил связать эти два дела воедино. Первый официальный шаг в этом направлении был сделан Сталиным на совещании в Президиуме ЦК 1 декабря 1952 г., где он во всеуслышанье заявил: «...каждый еврей является потенциальным шпионом Соединенных Штатов». Евреи, по замыслу Сталина, должны были стать «нацией шпионов». Готовящийся процесс над врачами должен был открыть советскому народу глаза на нового врага СССР: Америку и евреев. Надо было так подготовить врачей к открытому процессу, чтобы всем и здесь в стране, и за рубежом было ясно, что любой еврей — сторонник Америки, а любой, ратующий за Америку, является евреем или находится под влиянием евреев. И если от арестованных бывших работников МГБ Маклярского и Шейнина были получены нужные для Сталина показания о тайной националистической группе, работающей в Москве, то арестованные врачи показаний, которые были нужны Сталину для открытого показательного судебного процесса, не давали. Следователи докладывали своему начальству, что подсудимые врачи «показывают себя на допросах ненадежными и что они могут позже отречься от показаний» (51).

Когда эти доклады доходили до Сталина, его охватывали приступы ярости. Все попытки выстроить дело против кремлевских врачей и связать их с заговором евреев внутри МГБ проваливаются. Профессора-врачи не давали никаких показаний, позволяющих новому руководству МГБ, в лице его министра С. Игнатьева и его следственного управления, установить связь между медицинским терроризмом и еврейским заговором. Без этого у Сталина не было возможности построить достаточно крупный и солидный судебный процесс.

По «версии» МГБ, «английский шпион и давнишний агент Интеллидженс сервис» М.Б. Коган, который с 1934 г. работал в ЛСУК как профессор-консультант, завербовал в 1936 г. В.Н. Виноградова и от него регулярно получал сведения о состоянии здоровья и положении дел в семьях Сталина и других руководителей, которых он лечил. После смерти М.Б. Когана от рака в 1951 г. руководство заговором перешло в руки его родного брата Б.Б. Когана, который в 1917 г. состоял в Еврейской социалистической рабочей партии и был хорошо знаком с Михоэлсом, Фефером, Шимелиовичем и другими руководителями ЕАК. Помимо этого, «куратором» В.Н. Виноградова, в соответствии с «секретным приказом из Лондона», стал директор Клиники лечебного питания профессор М.И. Певзнер. Сам Певзнер пересылал секретные материалы через Л.Б. Берлина, которого устроил заведовать отделением в Клинике лечебного питания, а последний отправлял эти материалы в посольство Великобритании, в котором служил его брат – Мендель Берлин...

Вот такой сложный шпионский клубок был сплетен примитивным Рюминым и его шефом Игнатьевым в угоду их хозяину Сталину (140). В сети заговора следователи «внедрили» П.И. Егорова, В.Х. Василенко, А.А. Бусалова как английских шпионов, В.Н. Виноградова и М.С. Вовси – как немецких, а В.Ф. Зеленин сразу работал и на немцев, и на англичан...

В рамках заговора первое конкретное задание М.С. Вовси, якобы, получил осенью 1946 г., когда С.М. Михоэлс, принимая его у себя дома на Тверском бульваре, приказал форсировать насаждение еврейских кадров в советской медицине. В развитие этого сюжета Вовси заставили «вспомнить», как в 1947 г. он встретился в Боткинской больнице с профессором Б.А. Шимелиовичем, и тот изложил ему полученную из США директиву «Джойнта» о разворачивании крупномасштабной акции по подрыву здоровья ответственных советских государственных и партийных работников. Под нажимом следователей профессор Б.Б. Коган «вспомнил», что еще в 1946 г. была создана преступная группа, которая собиралась на квартире, а летом и на даче у Вовси, где признали необходимым солидаризироваться с американским и мировым еврейством и обсудили способы использования своей службы в ЛСУК в террористических целях. Но и этого следователям показалось мало. Они состряпали эпизод, как МГБ вовремя сумело раскрыть их коварные замыслы и успело предотвратить подготовлен-

ное этими неугомонными профессорами вооруженное нападение на едущие по Арбату правительственные машины Сталина, Берии и Маленкова (140).

Весь этот шизофренический бред регулярно докладывали Сталину. Но Сталин был недоволен. Все предначертанное им реализовывалось не так успешно, как ему бы хотелось, а главное – медленно. Арестованные, несмотря на изматывающие допросы, психологический прессинг, многосуточные стойки, пытки бессонницей и издевательства, не спешили «признаваться» во вредительском лечении и участии в заговоре. Безрезультатным оказался и маневр, предпринятый в ходе допросов: обещание снисходительного к ним отношения, если они откровенно признаются во всех преступлениях и разоблачат своих сообщников. Но и эта жалкая приманка не возымела действия. Такое упорство «тайных злоумышленников» привело Сталина в бешенство, и он настоял на том, чтобы руководство МГБ применило к арестованным врачам более суровые методы физического воздействия.

2 ноября Сталин собрал Игнатьева, Гоглидзе, Рюмина и других офицеров МГБ в Кремле и отдал приказ наделить их любыми полномочиями, вплоть до применения пыток. «Товарищ Сталин заявил всем нам, – писал Гоглидзе Берии в марте 1953 г., – что особенно это необходимо в расследовании дела врачей Лечсанупра Кремля». Но Сталин сказал больше того. Он сказал, что «следователи работают без энтузиазма, что они неловко используют противоречия и недомолвки заключенных, неудачно формулируют вопросы, “не ловят заключенных на крючок при каждой возможности, даже малейшей, чтобы схватить их и сжимать в тисках”, и т. д. Сталин приказал нам бить заключенных смертным боем. Он приказал заковать заключенных в цепи и кандалы» (51).

Этот приказ подтверждают многие источники. Гоглидзе сказал, что он «лично слышал его от товарища Сталина».

Следователь Соколов повторял подследственным директиву Сталина:

«Мы будем бить вас каждый день, мы повырываем у вас руки и ноги, но мы все равно узнаем все до последней мелочи, <...> всю правду» (31).

Во внутренней тюрьме на Лубянке в срочном порядке соорудили пыточную камеру, битье заключенных проводилось резиновыми дубинками специальной командой из дюжих, специально для этих целей выделенных сотрудников – лейтенантов Ф.И. Белова и П.В. Кунишникова (51, 140). Руки и ноги заключенных были скованы кандалами. Сильные удары заставляли их сжиматься, причиняя нестерпимую боль старым и больным докторам. Врачи были лишены сна, их заставляли часами стоять на ногах, их держали в холодных, темных, сырых подвалах. В конце концов почти все подписали выдуманные, сфабрикованные, фальсифицированные признания, изобретенные следователями. Следователи МГБ больше не были «официантами в белых перчатках».

В течение ноября – декабря неоднократно «на ковер» лично к Сталину вызывался министр госбезопасности С.Д. Игнатьев для получения инструкций, как вести себя с непокорными врачами. Результаты сталинских поучений сразу сказались на подследственных. Как система стала применяться пытка наручниками. Подследственных заковывали в металлические наручники на много суток, причем в дневное время руки были заведены за спину, а в ночное – в положение спереди. А.А. Бусалов в полной мере на себе изведаль весь ассортимент лубянской пыток. 18 ноября на него надели наручники, и он 52 дня мучился, пребывая почти постоянно со скованными руками. А 10 декабря его зверски избили резиновыми дубинками в кабинете начальника Внутренней тюрьмы. Аналогичным образом обращались и с П.И. Егоровым, от которого наряду с признанием во врачебном вредительстве домогались сведений о шпионских связях с бывшим его покровителем – секретарем ЦК А.А. Кузнецовым. После того, как Егорова зверски избили и Рюмин пригрозил пытать его одновременно на «двух кострах», он перестал сопротивляться и оговорил себя, признавшись в несовершенных преступлениях (140).

В.Н. Виноградова в процессе допроса приволокли в кабинет начальника Внутренней тюрьмы полковника А.Н. Миронова. Там несчастного повалили на пол и стали дико избивать, перемежая удары резиновыми палками матерной руганью. Побои, продолжавшиеся в течение трех дней, были столь варварскими и ужасными, что вызвали у жертвы тяжелый приступ стенокардии, а следы от побоев прошли только через шесть недель. При этом В.Н. Виноградова несколько суток держали в наручниках, предупредив, что если он и дальше будет упорствовать, то его закуют и в ножные кандалы.

18 ноября 1952 г. Из протокола допроса В.Н. Виноградова:

ВОПРОС: В течение двух недель вы уклоняетесь от прямых ответов, хитрите, передергиваете факты, одним словом, не хотите сказать правду о совершенных вами преступлениях и назвать своих сообщников. Не злоупотребляйте терпением следствия!

ОТВЕТ: На те вопросы, которые мне задаются, я стараюсь отвечать как можно полнее.

ВОПРОС: Но не говорите правду.

ОТВЕТ: Я показываю то, что знаю.

ВОПРОС: Вы признаете, что умертвили товарища *Жданова А.А.*

ОТВЕТ: Я признаю, что по моей вине жизнь *А.А. Жданова* была сокращена. При лечении я допустил ошибку в диагностике, приведшую к тяжелым последствиям, а затем к его смерти. Злого умысла в моих действиях не было. <...>

ВОПРОС: Будем избличать вас. <...> Для начала сошлемся на некоторые обстоятельства умерщвления товарища *Жданова А.А.* Перед направлением товарища *Жданова А.А.* в Валдай вы выполнили по отношению к больному хотя бы элементарные требования медицины?

ОТВЕТ: Нет. <...>

ВОПРОС: Почему же вы так преступно относились к больному товарищу *Жданову А.А.*?

ОТВЕТ: Могу сказать только, что я виновен полностью.

ВОПРОС: Пойдем дальше. Вы знали, что электрокардиограммы, снятые у товарища *Жданова А.А.*, указывали на наличие у него инфаркта миокарда.

ОТВЕТ: Знал.

ВОПРОС: Вы отвергли эти данные?

ОТВЕТ: Да, отверг. <...>

ВОПРОС: Как вы поступили?

ОТВЕТ: Мы не послушали *ТИМАШУК*. <...> Мне сказать в оправдание нечего. Эти факты изобличают неопровержимо. Но, тем не менее, я все-таки настаиваю, что лично в моих действиях нет злого умысла. <...>

ВОПРОС: Значит, пока вы признаете, что преступный умысел появился в ваших действиях после того, как врач *ТИМАШУК* изобличила вас в неправильном лечении товарища *Жданова А.А.*

ОТВЕТ: Да. Я признаю, что, начиная с 28 августа, все наши действия проводились с умыслом и были рассчитаны на то, чтобы скрыть, что по нашей вине жизнь *А.А. Жданова* была сокращена. <...>

ВОПРОС: <...>Вместе со своими сообщниками вы умертвили товарища *Жданова А.А.* и товарища *Щербакова А.С.*, неужели вы не понимаете, что вы изобличены, что вам так или иначе придется сказать, чьи задания вы выполняли, кто ваши хозяева, где корни тех преступлений, которые вы совершили.

ОТВЕТ: Хозяев у меня не было. Умышленно ни *А.А. Жданова*, ни *А.С. Щербакова* я не убивал. На это не влияло даже то, что у меня, как я показывал, были антисоветские настроения и связи с враждебными советской власти лицами.

ВОПРОС: С кем?

ОТВЕТ: <...> Последние годы я имел связь с *Я.Г. ЭТИНГЕРОМ* и ныне умершим *ПЕВЗНЕРОМ* – бывшим директором клиники Института питания, часто вел с ними антисоветские беседы, разделяя их вражеские убеждения. <...>

ВОПРОС: И вместе с этим *ЭТИНГЕРОМ* вы сократили жизнь товарища *Щербакова А.С.*, а затем также сообща замечали следы умерщвления товарища *Жданова А.А.* Как видите, злой умысел в ваших действиях сам выплывает наружу, хотя вы и пытаетесь его тщательно скрыть. <...>

ЗАЯВЛЕНИЕ СЛЕДСТВИЯ

Мы имеем поручение руководства передать вам, что за совершенные вами преступления вас уже можно повесить, но вы можете сохранить жизнь и получить возможность работать, если правдиво расскажете, куда идут корни ваших преступлений, на кого вы ориентировались, кто ваши хозяева и сообщники. Нам также поручено передать вам, что если вы пожелаете раскаться до конца, вы можете изложить свои показания в письме на имя вождя, который обещает сохранить вам жизнь в случае откровенного признания вами всех ваших преступлений и полного разоблачения своих сообщников. Всему миру известно, что наш вождь всегда выполняет свои обещания.

Вводится арестованный МАЙОРОВ Г.И.

ВОПРОС МАЙОРОВУ: Кто направлял вас, вместе с кем вы совершали злодеяния, о которых показали на следствии?

ОТВЕТ: Меня в преступления втянул профессор ВИНОГРАДОВ.

ВОПРОС ЕМУ ЖЕ: А кому служил ВИНОГРАДОВ?

ОТВЕТ: Безусловно, американцам. <...>

ВОПРОС ВИНОГРАДОВУ: Следствие не ограничивает вас, оно требует лишь, чтобы вы говорили правду – кому служили и во имя чего.

ОТВЕТ: Шпионом я не был.

ВОПРОС ЕМУ ЖЕ: Предоставляем вам возможность подумать – выход у вас один: правдивые показания о корнях ваших преступлений, сообщниках и хозяевах.

Допрос окончен в 23 час. 30 мин.

Протокол записан с моих слов верно, мной прочитан. ВИНОГРАДОВ.

ДОПРОСИЛИ: Зам. начальника следчасти по особо важным делам МГБ СССР полковник госбезопасности СОКОЛОВ. Старший следователь следчасти по особо важным делам МГБ СССР майор госбезопасности МЕРКУЛОВ.

Тем не менее, В.Н. Виноградов стоял на своем: «Иностранцам я не служил, меня никто не направлял и сам я никого в преступление не втягивал».

Жестоким избиениям, круглосуточному содержанию в наручниках, лишению сна и другим издевательствам подверглись также В.Х. Василенко, М.С. Вовси, Б.Б. Коган и другие арестованные врачи (140). Л.Б. Берлин отказался возводить на себя и Виноградова напраслину, отказался признаться в шпионской деятельности и в передаче за рубеж разведсведений. Я.С. Темкин не подписал ни одного протокола допросов, на которых от него добивались сознаться в заговоре вместе с М.С. Вовси и Б.Б. Коганом против советского правительства.

В итоге, недовольный темпами, результатами и, главное, основной направленностью следствия по «Делу врачей-вредителей», Сталин решил взять в свои руки руководство следственным процессом и провести кадровую рокировку в МГБ СССР. Непосредственным поводом к этому послужил пространный отчет по «Делу врачей-вредителей», составленный Рюминым и представленный вождю Игнатьевым. 3 ноября 1952 года вместе с Игнатьевым к Сталину были приглашены первые заместители Игнатьева С.А. Гоглидзе, В.С. Рясной и начальник следственного отдела МГБ М. Рюмин. Беседа Сталина с чекистами продолжалась почти два часа. По свидетельству Судоплатова, возглавлявшего в то время один из отделов МГБ, Сталин отнесся очень критически к тому сценарию «заговора», который разрабатывал Рюмин (126). Сталин оказался достаточно дальновидным, чтобы понять: заговор, каким рисовал его Рюмин, был слишком примитивен, и в него вряд ли можно было поверить. Рюмин не смог наполнить его убедительными деталями, позволявшему этому вымыслу выглядеть правдоподобным. Не таким видел его Сталин, когда затевал «заговор врачей».

14 ноября Сталин смещает Рюмина с поста заместителя министра и отстраняет от ведения следствия. По той же причине, что и Рюмин, грубому разному со стороны вождя подвергся и сам министр госбезопасности, у которого от переживаний случился сердечный приступ, и он слег, отойдя от дел. Руководство следствием перешло к другому заместителю министра – С.А. Гоглидзе, давнему подручному Берии. Это тот самый С.А. Гоглидзе, который, будучи в 30-х годах наркомом внутренних дел Грузии, оставил за собой кровавый шлейф организатора политических репрессий. Следствие приобрело иную направленность – «вредительское лечение» стало рассматриваться как элемент «шпионско-террористического заговора», якобы сколоченного в СССР западными спецслужбами. Сталин приказал Гоглидзе передать следователям, что в МГБ «нельзя работать в белых перчатках, оставаясь чистенькими».

Для того, чтобы ускорить следственный процесс, в начале 1953 г. в следственную часть МГБ по особо важным делам направляют работников ЦК комсомола – П.И. Колобанова и Н.Н. Месяцева.* Последний имел большой опыт работы в годы войны в качестве начальника следственного отдела во фронтовых органах СМЕРШ. (126) «Сделано это было лично Сталиным, который считал, что следчасть работает медленно, как скрипучая телега, и в нее надо вдохнуть свежую струю комсомола» (319). Методы ведения следствия те же: пытки, многочасовые допросы, бессонница в течение недель, карцер, унижение человеческого достоинства, шантаж, угрозы, ругань, избиения, наручники. В докладе Н.С. Хрущева на XX съезде КПСС 25 февраля 1956 г. говорится:

«Следует также напомнить о “Деле врачей” (движение в зале). ...Он сам (т.е. Сталин, – Ф.Л.) давал указания, как вести дело, как допрашивать арестованных. Он сказал: на академика Виноградова надеть кандалы, такого-то бить. Здесь присутствует делегат съезда, бывший министр госбезопасности т. Игнатъев. Сталин ему прямо сказал: “Если не добьетесь признания врачей, то с вас будет снята голова” (шум возмущения в зале). Сталин сам вызывал следователя, инструктировал его, указывал методы следствия, а методы были единственные – бить, бить и бить».

В конце концов удалось сломить Л.Б. Берлина, и он «признался в сотрудничестве с британской разведкой». В деле профессора В.Х. Василенко появилось 15 ноября 1952 г. следующее, выбитое из него «откровение»:

«...Судебный процесс по делу Плетнева... открыл передо мной технику умерщвления путем заведомо неправильного лечения больного. Из материалов процесса я понял... что врач может не только навредить больному, но и коварным способом довести его до смерти. К этой мысли я в последующие годы

* Н.Н. Месяцев в 60-е – 70-е годы был председателем Гостелерадио СССР.

возвращался не раз, вспоминая Плетнева, которого знал лично. Когда в июле 1948 года я оказался у кровати больного Жданова, я невольно опять вспомнил о Плетневе, о том, как он занимался умерщвлением... И я решил пойти на умерщвление Жданова А..А.».

Оказавшись на грани жизни и смерти, Виноградов вынужден был уступить домогательствам истязателей и подписал подготовленное ими «признание» в своей «шпионско-террористической деятельности».

Будучи в еще более тяжелом состоянии, начали «признаваться» во вредительской деятельности и остальные подследственные. Только в конце января 1953 г., после систематических побоев и ареста его жены, а также угрозы арестовать дочь и ее мужа, боевого морского офицера, проф. М.С. Вовси сделал «признания» о существовании групп «еврейских буржуазных националистов» в целом ряде столичных медицинских учреждений – в Центральном институте усовершенствования врачей, в Центральном рентгенологическом институте им. Молотова, в Клинике лечебного питания, в 1-й Градской больнице, во 2-м Московском медицинском институте им. Сталина (140). Из него выбили «признание» и в том, что он возглавлял «террористическую группу врачей – еврейских националистов», в которую входили Б.Б. Коган с Я.С. Темкиным, и что его руководителем был сначала С.М. Михоэлс, а после его смерти он получал вплоть до конца 1948 г. прямые указания о террористической деятельности от Б.А. Шимелиовича (51).

Из протокола допроса М.С. Вовси:

«Да, у нас была террористическая группа. В этой группе были врачи, среди которых были еврейские националисты – Коган Борух Борисович и Темкин Яков Соломонович.

Я, Вовси, был вдохновителем группы. В террористическую группу из числа кремлевских врачей входили Темкин Я.С., Коган Б.Б. и я – это была националистическая группа, сформированная как вражеская по отношению к Советской власти с самого начала, т. е. ее участники решили бороться с Советской властью такими крайними мерами, как неправильное лечение с целью ухудшения здоровья лидеров государства.

Я ранее говорил, что Шимелович приблизительно в 1948 г. отдавал первые распоряжения. С этого времени мы, не задавая вопросов, вели подрывную работу с целью сократить жизни конкретных лидеров».

«Я признаю, что вся националистическая работа правого крыла Еврейского антифашистского комитета, под этим названием скрывавшая подрывную работу против Советского государства, шла под руководством англо-американских империалистических кругов».

Несмотря на столь значительные «успехи», новая следственная бригада не укладывалась в отведенный ей Сталиным график. Ситуация осложнялась для руководства следствием еще и тем, что Б.Б. Коган, А.И. Фельдман, А.М. Грин-

штейн, а также и другие врачи не давали признательных показаний, касающихся их связей с «еврейской буржуазно-националистической организацией “Джойнт”», категорически отрицали террористическую деятельность и разведывательные действия. А без этих составляющих не мог состояться судебный процесс, который запланировал Сталин (51).

Хрущев вспоминает, как Сталин «руководил» следствием:

«Тогда министром госбезопасности был Игнатъев. Я лично слышал, как Сталин не раз звонил ему. <...> В то время у него случился инфаркт, и он сам находился на краю гибели. Сталин звонит ему (а мы знали, в каком физическом состоянии Игнатъев находился) и разговаривает по телефону в нашем присутствии, выходит из себя, орет, угрожает, что он его сотрет в порошок. Он требовал от Игнатьева: несчастных врачей надо бить и бить, лупить нещадно, заковать их в кандалы» (185).

Ведь по ЕГО планам этот показательный политический суд над «врачами-вредителями» – только один из составляющих в его постоянной и не прекращавшейся уже 30 лет борьбе за единоличное господство над страной. Почти готовы были и другие составляющие всеобъемлющего террора, и их пора было запускать в дело – разнузданную травлю евреев в печати и по радио, серию судебных процессов, показывающих разветвленную сеть вредителей и саботажников против власти и народа и, наконец, погромы и депортацию. Но запустить в дело их надо было в точно отмеренное ИМ время и только после суда над врачами, а тот запаздывал из-за противостояния профессоров-врачей.

РАЗГУЛ АНТИСЕМИТИЗМА

В январе (на этот раз – 21-го, время не терпит, надо спешить!) 1953 г., кроме уже названного сообщения ТАСС, газеты опубликовали еще один официальный документ, связанный с арестом «врачей-вредителей»: указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении Л.Ф. Тимашук орденом Ленина «за помощь, оказанную правительству в деле разоблачения врачей-убийц». За свой патриотический поступок она была принята Г. Маленковым (что говорит о том, что он, как и в «Деле ЕАК», был главным куратором от ЦК «Дела врачей-вредителей», а значит доверенным лицом самого Сталина) и награждена орденом Ленина (173).

В эти же январские дни начались аресты жен арестованных. Были взяты на Лубянку В.Л. Вовси, А.И. Тер-Захарян (жена Б.Б. Когана), А.И. Темкина, Л.М. Певзнер, Р.Г. Коган (жена М.Б. Когана) и др. Они сразу же подверглись допросам и наравне с мужьями прошли все муки следственного ада.

Следственная «телега» с трудом тащилась к поставленной цели: к открытому показательному обличительному процессу. Сталин был почти у заветной цели. Он ждал этого момента больше пяти лет! «Следствие будет закончено в ближайшее время».

За стенами тюрем эти «успехи» обозначились усилением идеологического нажима на общество (см. рис. № 2 на стр. 38). Агитационно-пропагандистская машина уже работала на полные обороты (по Пинкису – это четвертый этап эскалации антиеврейской политики советского руководства. – См. стр. 66). Идеологическая обработка населения приняла истерический характер, схожий с истерией конца 30-х годов, но сейчас она носила явно антисемитскую направленность. Резко активизировался партийный аппарат в центре и на периферии – партийные собрания на заводах, в больницах, в институтах; обкомовские и райкомовские комиссии по проверке деятельности в основном работников еврейской национальности; организация писем протеста.

В травлю включились писатели, журналисты, рабочие, служащие, военные, колхозники и т.д. и т.п. Особой оригинальности в статьях и выступлениях не было, все они перепевали сообщение ТАСС, соревнуясь между собой в ругани и обливании грязью. Еще не было суда, а подследственные уже были «подлыми убийцами», «подонками человеческого общества», «людьми с обросшими шерстью сердцами», «зверьми в обличье врачей», «трижды проклятыми убийцами», «изуверами», «иудиной шайкой», «преступной и омерзительной бандой»... Вот он, основной закон советского судопроизводства – презумпция невиновности, трансформированная в сталинском понимании в презумпцию виновности, вот она – гарантия законности в советском обществе, вот они – результаты юридических «научных» изысканий А.Я. Вышинского, проверенные на процессах 30-х годов. Приговор готовящегося суда был вынесен заранее, как, впрочем, и во всех предыдущих процессах.

Многие слепо верили каждому печатному слову, и пропаганда делала свое дело, обрабатывая обывателя в нужном режиме направлении. Вот отрывки из письма, полученного И. Эренбургом от «еврея, советского гражданина»:

«...уж совершенно невозможно отрицать того ужаснейшего, вопиющего факта, что среди советских евреев нашлись люди, которые смогли за доллары и фунты пойти на самое гнусное из преступлений – на покушение на жизнь руководителей советского государства. Очевидно, у партии и правительства имеются серьезные основания для недоверия к советским гражданам еврейского происхождения... Устранение евреев из руководящего аппарата государства, партии и промышленности и является той мерой предосторожности, которая необходима <...>. Жаль, что из-за наличия в еврейском народе кучки отщепенцев, предателей советской родины, презренных буржуазных националистов <...> остальные евреи вынуждены нести моральную ответственность за их гнусные действия» (16).

Думаю, это не подстроенная МГБ фальшивка. Скорее всего – это яркий образец действенности запущенной на все обороты, хорошо отлаженной пропагандистской машины.

Не обошлось и без теоретического подкрепления подготовляемых мероприятий. Как и в 1937 – 1938 гг., нашлись «ученые», которые рьяно принялись выполнять сталинский заказ. Эту работу возглавил штатный философ при ЦК ВКП(б) Д.Н. Чесноков, включенный на только что прошедшем XIX съезде партии в состав Президиума ЦК ВКП(б). Он приготовил к началу февраля «научный» труд в виде брошюры и ждал момента, когда она должна была выйти в свет. А тем временем в прессе выступили его достойные ученики и последователи. Им предоставили свои страницы такие журналы, как «Коммунист», «Новый мир», «Огонек» и даже «Крокодил». «Теоретические» статьи обосновывали наличие сионистских корней в преступных деяниях разоблаченных «врачей-террористов», направляющую роль крупной еврейской буржуазии Запада и стоявших за ее спиной монополий США и Англии (189).

Обосновывалась и общность классовых интересов сионистов и «врачей-шпионов» в борьбе против трудящихся масс Советского Союза. «Дело врачей-убийц показывает, как далеко зашли в своей человеконенавистнической деятельности американские и английские империалисты» (из редакционной заметки журнала «Огонек» – 1953, № 4, с.1). Конечно, в «теоретических» трудах не обошлось без ссылок на работы корифея науки – Сталина. Так, Н. Козев, обосновывая наличие внутренних врагов в стране при капиталистическом окружении и сообщая, что эти внутренние враги, «носители буржуазных взглядов и буржуазной морали, поддерживаемые империалистами, будут и впредь вредить нам» (117), подтверждает свой тезис цитатой из Сталина: «Тут, – указывает товарищ Сталин, – все увязано в узел классовой борьбы международного капитала с Советской властью, и ни о каких случайностях не может быть и речи».

Другой «теоретик», К. Нефедов, поддерживает этот же тезис другим высказыванием Сталина: «Помнить и никогда не забывать, что пока есть капиталистическое окружение – будут и вредители, диверсанты, шпионы, террористы, помнить об этом и вести борьбу с теми товарищами, ... которые недооценивают силы и значения вредительства» (207).

Немало писали и о «пережитках капитализма в сознании людей», которых стремятся использовать в своих целях враги Советской власти, о том, что «агенты иностранных разведок усиленно ищут слабые и уязвимые места среди некоторых неустойчивых слоев нашей интеллигенции, пораженных язвами низкопоклонства и космополитизма» (189). Именно в отношении этих людей призвала быть бдительными передовая «Известий» от 13 января 1953 г. (323). Влились в антисемитскую кампанию и такие классики соцреализма, как М. Шолохов и М. Бубеннов. А Николай Грибачев прямо призывал к расправе:

«Вероятно, пойманы еще не все... Таких народ будет учить, будет призывать к ответу, потому что ротозейство есть пособничество врагу, преступление» (93)

Авторы этих статей и высказываний были идейными пособниками Сталина, его опорой. Но, вероятно, были и другие, не нашедшие в себе силы отказаться от заказа «сверху» или не понимавшие, что катастрофа надвигается не только на советское еврейство, но и на весь советский народ. Своими высказываниями, статьями, поведением они то ли по недомыслию, то ли из-за страха помогали Сталину осуществлять его грязные дела.

Страх, как вирус, завладел всеми, и ни служебное положение, ни образование, ни специальность не гарантировали от поражения этим вирусом. Вирус страха внедрился в гены, и за более чем тридцатилетнее существование советского режима (время смены одного поколения людей) стал генетически обусловленным. А страх может заставить человека сделать все, что от него требуется. Человек, оравленный страхом, безволен и очень опасен для окружающих. Такой человек невольно творит зло, которое, в свою очередь, порождает страх. Есть два противоядия против страха: свобода совести, охраняемая законами государства, и нравственное чувство порядочности внутри каждого, осознание добра и зла каждым человеком, способность распознать качество поступка, отвращающее от лжи и ведущее к добру. Вот такое моральное состояние общества и понимание, что является добром, а что — злом, было почти уничтожено в советской стране.

Страхом за свою карьеру и благополучие я объясняю появление знаменитых очерков Е. Кононенко: «Патриотка Лидия Тимашук», и О. Четкиной: «Почта Лидии Тимашук» (311). Это их вклад в Последний политический процесс Сталина. Охваченная общей истерией, усиленно ее поддерживая, Кононенко писала: «Группа врачей оказалась продажными тварями, которые прятали под белоснежными халатами нож и яд... У этой своры расставлены свои люди... Но вот, наконец, разоблачили эту искусно замаскированную шайку. Впервые за много месяцев Лидия Федосеевна спокойно заснула: убийцы пойманы». А Ольга Четкина подхватывала: «Она (Лидия Тимашук – Ф.Л.) помогла сорвать маску с американских наймитов, извергов, использовавших белый халат врача для умерщвления людей». Не совесть, а страх водил и пером художника-карикатуриста Бориса Ефимова (кстати, чистокровного еврея, родного брата Михаила Кольцова – журналиста, редактора газеты «Правда», арестованного Сталиным и расстрелянного в 1938 г.). Его пошлые, циничные рисунки, изображавшие евреев, забавляли читателей и делали свое черное дело на страницах ведущих центральных печатных изданий – «Крокодила» и газеты «Правда». Вклад Б. Ефи-

мова в создание образа еврея-убийцы не так уж мал. Страхом, а не злым умыслом хотелось бы мне объяснить то, что на общем собрании Академии наук СССР, в докладе о задачах Академии в свете решений XIX съезда партии, президент Академии А.Н. Несмеянов в конце выступления упомянул о «подлой банде врачей-вредителей, продавшей иностранной разведке» (213). Таких примеров множество. Перелистайте советские газеты за январь – февраль 1953 г., поговорите с оставшимися в живых свидетелями событий того времени, где бы они тогда не жили, где бы они тогда не работали или учились, и тогда узнаете, как готовили к тому, что сейчас называют «беспределом».

Все вольные и невольные исполнители сделали одно грязное дело – наметили ориентиры, по которым следовало вести огонь. Они сформулировали объект травли для «черной сотни», превратившейся в мгновение ока в «черные тысячи» и грозившие стать «черными миллионами». Но Сталину и этого было недостаточно: он потребовал, чтобы группа ученых, общественных деятелей еврейской национальности написала покаянное письмо, оправдывающее его планы. Об этом рассказал И.Г. Эренбург в частной беседе с З. Шейнисом, подробно описанной последним в статье «Грозил депортация» (318). И такое письмо было составлено. Вопрос о выселении евреев из Москвы и других городов уже был решен Сталиным. В письме содержалась нижайшая просьба. Врачи-убийцы, эти изверги рода человеческого, разоблачены. Справедлив гнев русского народа. Может быть, товарищ Сталин сочтет возможным проявить милость «охранит евреев от справедливого гнева русского народа» и под охраной выселит их на окраины государства. Авторы письма униженно соглашались с депортацией целого народа.

А. Борщаговский пишет, что возглавили список подписавших письмо Мехлис и Каганович (48). М. Альтшулер указывает, что под «коллективным письмом» поставили свои подписи все, от кого это требовалось, за исключением Марка Рейзена, Якова Крейзера, Вениамина Каверина и Ильи Эренбурга (16). К этим достойным уважения именам могу добавить также имена академиков Е.С. Варги, И.А. Трахтенберга и проф. А.С. Ерусалимского. В те дни это был акт героизма. Своим отказом подписать раболепствующее послание они тоже притормозили машину уничтожения, задержали ее ход на день, на два, когда счет шел уже не на дни, а даже на часы. В то время это было очень много. *(Подробнее этот вопрос разбирается в главе «Высокопоставленные евреи пишут письмо в «Правду» см. стр.398)*

СПЕШАТ ПРИОБЩИТЬСЯ

Город Харьков в 1953 г. являлся одним из крупнейших медицинских центров Советского Союза. Процент врачей еврейской национальности был в городе весьма высок. Так, в Институте общей и неотложной хирургии среди руководителей отделов, лабораторий и старших научных сотрудников евреи составляли 55%, а среди научных работников, имеющих ученые степени, евреев было 64,3%. В Медицинском институте, в многочисленных больницах и поликлиниках Харькова работали сотни талантливых врачей-евреев. Именно поэтому в Харькове в январе – марте 1953 г. разыгрались трагические события, организованные местными структурами КПСС и МГБ в качестве составной части общесоюзной антисемитской кампании по «Делу врачей» (52).

Сразу после публикаций в центральной прессе об аресте врачей Харьковский горком партии провел инструктаж секретарей райкомов партии, ведущих отделами здравоохранения и народного образования. В свою очередь, райкомы произвели «промывку мозгов» парторгам поликлиник, главврачам, лекторам и пропагандистам избирательных участков. Так начал раскручиваться механизм новой кампании разоблачения «врагов народа». На этот раз под подозрение были поставлены все медработники-евреи.

Уже 13 января 1953 г., через несколько часов после публикации сообщения ТАСС об аресте «убийц в белых халатах», на партбюро Харьковского медицинского института Мерцалова заявляла: «У нас есть люди, которые порочат институт. На кафедру нервных болезней принят на работу врач Клейф. Считаю неправильным, что его приняли. На кафедре педиатрии работает Гильман. Он также не на своем месте». В протоколе остались и слова Кононенко: «Профессор Шмундак воспитывал шпиона, который сейчас находится в Израиле. Он учился в нашем институте, жил у Шмундака, по окончании института в 1947 г. выехал сначала в Польшу, а затем в Израиль». После этого профессор Шмундак уже не работал в институте.

Резкой критике были подвергнуты также профессор Цейтлин и его кафедра – клиника хирургии. Парторг Грищенко сообщал на партбюро: «В городе говорят о том, что в этой клинике много случаев смерти. Профессор Цейтлин часто отлучается на частные консультации. Не видно, чтобы он стремился перестроить работу кафедры в лучшую сторону. Лечение больных проводится неправильно, безответственно».

С. Бриман нашел в архиве города Харькова три секретные докладные записки из райкомов партии о реакции местного населения на аресты «врачей-убийц». Секретари районных комитетов партии уже 25 января 1953 г. докладывали: «Среди жителей района появилось отрицательное отношение к вра-

чам-евреям; <...> высказывались мнения, чтобы всех евреев выслать в Биробиджан; <...> не позволять врачам-евреям делать прививки детям в детских садах и школах; <...> ведутся разговоры о том, что детей заражают туберкулезом. Трудящиеся района выражают ненависть и презрение к врачам-убийцам и единодушно высказывают мнение, чтобы к ним была принята высшая мера наказания» (52).

Главным вдохновителем антисемитской кампании в Харькове стал секретарь обкома партии А.Д. Скаба. 27 января 1953 г. он дважды держал антисемитскую речь – одну на пленуме горкома партии, вторую – на партактиве всех вузов Харькова. Вот фрагменты его выступления: «В Харькове в 1924 г. была организована “Джойнт”, чтобы оказывать помощь “бедному” еврейскому населению. Организация сугубо националистическая. Раз она была в Харькове, то есть и живые люди, состоявшие членами этой организации, и совершенно неправильно, чтобы представителей этой организации вскрывали только органы госбезопасности, а партийные организации были бы непричастные к этому делу». «США создали специальное шпионско-диверсионное государство Израиль, которое имеет целью засылку диверсантов в Советский Союз и страны народной демократии. Против проявлений еврейского буржуазного национализма – сионизма – надо направить все острие своей борьбы, как против агентуры американского империализма». Не ограничиваясь теоретической разработкой вопроса, А.Д. Скаба взялся за практическую очистку харьковских институтов и учреждений от евреев. Главный удар был нанесен по Харьковскому медицинскому институту. Необходимо заметить, что усилия партийных властей попали на подготовленную и благодатную почву недоброжелательства и скрытой зависти. 28 января 1953 г. была создана особая комиссия горздравотдела по проверке кадров медицинских работников в городе Харькове (43).

В первые же дни кампании органами госбезопасности был арестован профессор Виктор Моисеевич Коган-Ясный, заведующий кафедрой терапии Харьковского мединститута. Он был обвинен в клевете на бойцов Советской армии: на лекции привел случай с солдатом, который заболел базедовой болезнью после того, как отделение пошло в атаку. Профессору припомнили, что он в 1930 г. «с расистских, националистических позиций напечатал работу о патологии эндокринной системы у евреев». В.М. Коган-Ясный сразу после ареста был переправлен в Киевское управление МГБ, где подвергся жесткому нажиму со стороны следствия. За ним был арестован Милитарев (Шлемензон) Шлема Мордухович, начальник кожвендиспансера. Его обвинили в неправильном, слишком долгом лечении гонореи.

Начались увольнения врачей-евреев с работы. Прежде всего, с важнейших оборонных заводов: Шильман был уволен с Тракторосборочного завода, Альтшулер – с завода № 201, Меерович – с завода п/я 61. Из 2-го тубдиспансера был уволен Бронштейн. Антисемитский психоз, нагнетавшийся партийными властями

ми, быстро распространился в городе и области. По свидетельствам многих современников, в январе – марте 1953 г. в городе царил гнетущая атмосфера предпогранных ожиданий.

Характерным явлением в феврале 1953 г. стал переход от разоблачения медиков-евреев к гонениям на евреев вообще, независимо от их профессии и места работы. В публичной библиотеке АН УССР была организована выставка литературы «Американский империализм – злейший враг мира, демократии и социализма», где особое внимание устроители уделили разделу «”Джойнт” – филиал американской разведки». Были организованы коллективные посещения выставки для студентов и учащихся техникумов и общеобразовательных школ (43). Мощная кампания травли прокатилась по преподавателям и профессорам евреям в Харьковском государственном университете. На закрытом партсобрании в ХГУ 18 февраля 1953 г. основной удар был нанесен по профессорам физико-математического факультета Дринфельду и Ахиезеру. Они были обвинены в написании протеста против снятия с работы в Одесском университете математика Крейна «за связь с буржуазной сионистской организацией».

Кампания разоблачительства затронула и другие научные институты Харькова. Так, 25 февраля 1953 года в Институте переливания крови на закрытом партсобрании Коваленко говорил: «Враги злобствуют на наши успехи. Скрытые враги – Гешвантнер – всячески вредят нам. Это могло произойти только потому, что наши отдельные люди продались американской разведке».

На 6-м пленуме Кагановичского райкома партии новый руководитель Института неотложной хирургии Орленко возмущался по поводу «еврейского застоя» в институте: «Несомненно, можно было бы более целесообразно осуществлять подбор и расстановку кадров, если бы директор института Динерштейн не развивал широко принцип “незаменимости” ненужных работников». На том же пленуме (30 января 1953 г.) пример партийного отношения к разоблачению «убийц в белых халатах» подал секретарь Кагановичского райкома Крупка. Он заявил: «Шипя и злобствуя против успехов Страны Советов, американские людоеды всеми средствами пытаются помешать процветанию народов. Разоблачение шайки врачей-отравителей, этих презренных выродков, продавшихся врагам, явилось сокрушительным ударом по американо-английским поджигателям войны. Зав. райздравотделом Гордейчик перемещает медработников, якобы скомпрометировавших себя, с одного места на другое. Так был направлен в 27-ю больницу врач Альтшулер, который на заводе п/я 201 допустил грубые нарушения при проведении прививок рабочим».

Продолжая выискивание евреев в учреждениях Кагановичского района, Крупка 10 февраля 1953 г. на 7-м пленуме райкома партии призывал покончить «с порочной практикой подбора работников по признаку землячества». А чтобы было понятно, что имеются в виду евреи, Крупка привел в пример «Хартопст-

рой», где работали Фердман (зам. управляющего), Фридман (зам. начальника техснабжения), Голосовкер, Кример, Гольдин, Брискина и др. Даже в невинной организации «Укрфото» Крупка разоблачал затаившихся евреев – агентов империализма: «В “Укрфото” длительный период работает мастером Шейнман М.И., который в 20-х годах являлся руководителем еврейской националистической и антисоветской организации сионистов, а в 1945 году, скрыв это, вступил в КПСС». Антиеврейская кампания проходила под аккомпанемент статей и других материалов откровенно черносотенного содержания, печатавшихся в республиканских и областных газетах.

В статьях арестованные врачи представлялись как «подонки рода «человеческого», «изверги», «убийцы», которые имели цель «углубить холодную войну», «еще более усилить международную напряженность и враждебные отношения между СССР и США». Во всех украинских газетах во второй половине января и в течение всего февраля были опубликованы статьи: «США – центр реакции и агрессии», «Империалисты США – душители демократии», «Помнить и никогда не забывать о капиталистическом окружении».

Серия статей была посвящена развенчанию благотворительной цели организации «Джойнт», отождествлению ее с «реакционным сионизмом», с «воинствующим американским империализмом». Вот некоторые названия статей: «“Джойнт” – филиал американской разведки», «Сионистская агентура доллара», «Сионисты – агенты американского империализма», «Сионистская агентура американского империализма». Звучали призывы: «Покончить с ротозейством в наших рядах», «Быть всегда бдительным», «Повысить политическую бдительность советских людей», «Революционная бдительность – наше боевое оружие». И, конечно, акцентировалось внимание на непримиримую борьбу против «пятой колонны» – еврейских националистов, агентов сионизма... Для этого использовалась не только печать. Материалы антисемитского содержания передавались по республиканскому радио (43).

Но не все происходило так гладко, как того хотели устроители. К примеру, М. Альтшулер сообщает, что в секретных докладных, которые поступили на имя секретаря обкома КП Украины А.П. Кириленко из Павлограда, Днепро-дзержинска и Днепропетровска, сообщалось, что в ряде случаев присутствовавшие на собрании евреи высказывали тревогу и недоверие к газетным сообщениям. На подавляющем количестве собраний евреи сохраняли молчание, и это расценивалось в докладных как акт сопротивления (16). И такие случаи не были единичными. В секретной докладной Дергачевского райкома партии г. Харькова его секретарь сообщает, что медперсонал районной поликлиники «осудил врачей-предателей, однако никто из евреев-врачей не выступил» (52).

В конце января 1953 г. на заседании Ученого совета Харьковского медицинского института выступил Зиновий Давидович Горкин, профессор, заведующий кафедрой гигиены. Он с сожалением говорил об аресте профессора А.М. Гринштейна, который ранее много лет работал в Харьковском медицинском институте. В итоге на профессора Горкина было заведено персональное дело, и он 17 февраля был исключен из партии.

В Украинском институте ортопедии и травматологии им. проф. М.И. Ситенко врач Гесина после разгромного доклада парторга Погребняка заявила, что опубликованные в прессе материалы о ворах и расхитителях, о повышении бдительности напечатаны для того, чтобы вызвать гонения на евреев, и что она не может перенести этого. В строительном техникуме 13 января 1953 г. преподавателю Перцовскому на уроке был задан провокационный вопрос о шпионско-вредительской деятельности врачей. Тот ответил, что еще не точно знает об этом. В этот момент ученик Переверзев громко сказал на всю аудиторию: «Все евреи продажные». По словам очевидца Гаврилова, «т. Перцовского взорвало, он быстро ответил: “Некоторые евреи продаются за золото, а русские – за бутылку водки”». В итоге Перцовский был исключен из партии и уволен из техникума.

Антисемитский разгул захватил не только Москву, Ленинград, Харьков. Так, например, в Челябинске были арестованы профессора-медики – И. Лившиц, Г. Благман, Г. Поллак, Р. Дымшиц. Главной фигурой этого судебного дела был М.В. Бургсдорф, которого обвинили в убийстве директора Магнитогорского металлургического комбината из-за неправильных медицинских рекомендаций. Бургсдорфу предъявили обвинение в том, что руководимый московскими врачами-убийцами его уральский филиал получил задание истребить руководство военной промышленности. И это было не местное творчество областных управлений МГБ, как считает М. Хейфец (299), а выполнение инструкций из центра. Нет и не было «инициативы без директивы» в советском государстве вообще, а уж тем более в органах безопасности.

В январско-февральские дни 1953 г., в связи с призывом о необходимости очистить советское общество от «пятой колонны», через так называемые первые отделы (а фактически спецслужбы КГБ) давались указания о мерах притеснений евреев. Не только в медицинских учреждениях и вузах, но и на предприятиях, в государственных учреждениях было проведено массовое увольнение евреев как с руководящих должностей, так и работников среднего звена.

В Белоруссии также нарастали антисемитские акции, подогреваемые газетой «Правда». Естественно, что начали с медиков. Накалялось противостояние между пациентами и врачами-евреями. Орша была из первых, где на общих собраниях «выводились на чистую воду» медики-евреи. Подверглись шельмова-

нию известные в городе врачи Геннадий Семенович Левин, Циля Вульфовна Окунь, Евгения Марковна Ласкина, Мария Михайловна Жуховицкая, Мария Семеновна Кокина. В те дни медработникам то и дело настоятельно предлагали подписываться под всевозможными «коллективными письмами», призывавшими заклеить «врачей-убийц». Требовалось настоящее мужество, чтобы отказаться от таких предложений. Среди тех, кто проявил его, была работавшая в Орше старейший педиатр Белоруссии, заслуженный врач Александра Григорьевна Заводчикова. Не раз вызывали ее по этому поводу «в инстанции», и не раз разочаровывала она высоких начальников. Совесть не позволяла ей поставить свою подпись под «документом», который в числе других называл платным агентом империалистических разведок профессора Вовси. Ведь это был ее однокурсник по медицинскому факультету Московского университета. Как и она, в грозном 1919-м, сразу после получения диплома, отправился он на гражданскую войну. Десятки лет связывала их тесная дружба. Она знала его как человека светлого ума, кристальной честности и порядочности. Собственно, эти качества были присущи и ей самой.

Нельзя не отметить, что в то смутное время немало врачей, русских и белорусов, солидаризировались со своими коллегами – евреями. Это неизменно ощущалось в словах и делах главврача горбольницы Михаила Петровича Усевича и помогало, что называется, на дальних подступах останавливать воинствующих антисемитов (220).

Еще более ужесточилось отношение к евреям-преподавателям и студентам. Студентам-евреям демонстративно занижали оценки, часть из них была исключена из вузов за «академическую неуспеваемость». Проваливали диссертации, возвращали рукописи книг из издательств, изымались статьи из уже подготовленных к изданию журналов. Из библиотек были изъяты книги арестованных авторов и с фамилиями «еврейского звучания». Увеличилось количество так называемых персональных дел коммунистов и комсомольцев еврейской национальности. Трагически сложилась судьба ряда смешанных семей – они распались. Разрушалась годами продолжавшаяся дружба между отдельными людьми, семьями.

Все это происходило в рамках непродолжительного периода – чуть более полутора месяцев, однако «работа» была весьма интенсивной. Сказались сталинские методы натравливания людей друг на друга. Вылилось это и в расширение юдофобии. Сталин еще раз продемонстрировал, что может расправляться с теми, кто верой и правдой ему уже отслужил и теперь должен сгинуть. Теперь Сталину нужен был последний аккорд для насаждения страха в стране и развития террора – к оголтелой антисемитской кампании нужно добавить громкий, показательный судебный процесс над раскаявшимися врачами-убийцами.

СДОХ КАК СОБАКА

Подготовка к открытому судебному процессу над врачами со скрипом, но подходила к концу. По всему чувствовалось, что надвигается что-то неотвратимое. Такого мнимого покоя, который был раньше, уже не было и в помине. Кто с ужасом, а кто и с нетерпением ждал развязки. По Москве поползли слухи.

Младшая дочь С.М. Михоэлса, Нина вспоминает о тревожных днях начала 1953 г.: «В воздухе пахло погромом. По слухам, процесс над врачами собирались устроить открытым. После чего, спасая еврейское население центральных городов от “справедливого народного гнева”, спровоцированного процессом над “врачами-убийцами”, должны были вывезти всех евреев на Дальний Восток. Бараки уже ожидали “спасаемых”» (69).

«Готовилось “добровольно-принудительное” выселение евреев из Москвы» – это слова одного из самых близких сталинских соратников: А.И. Микояна (165).

Я сам хорошо помню, как «доброхоты» меня предупреждали, что на запасных путях Москвы стоят пустые товарные эшелоны, как-то странно охраняемые. «Не для евреев ли?» – спрашивали меня, будто я был хорошо осведомлен о планах власть предержавших. А планы были скрупулезно разработаны.

Академик Е.В. Тарле – весьма приближенная личность к верхам – был вполне осведомлен о планах Сталина. Он говорил: «Операция была разработана во всех подробностях: уже было назначено, кому погибнуть “от народного гнева”, кому достанутся ценные коллекции московских и питерских евреев-коллекционеров, а кого ждали наспех сооруженные в районах вечной мерзлоты бараки со стенами в одну доску, и первые потери по ориентировочным подсчетам Устроителя должны составить 30-40 процентов отсюда добравшихся» (332).

Сталин спланировал по дням распорядок действия: суд над врачами 5 – 7 марта, казнь 11 – 12 марта. Но исполнители в этот график не укладывались. Не все ладилось в застенках на Лубянке: следствие еще не было закончено, и подсудимых еще таскали на допросы, строительство бараков еще не было завершено и наполовину. «Правда, задержка в строительстве не могла лимитировать акцию», – сообщил бывший в то время секретарем комиссии по депортации Н.Н. Поляков (316). Хуже всего обстояло дело со списками для депортации, которые составлялись по месту работы и по месту жительства. Причем составлялись два списка: отдельно для чистокровных евреев, отдельно для полукровок. Списки задерживали всю эту акцию.

Сталин нервничал. Он не любил неисполнительных подчиненных. А подчиненными были все. И он всех ненавидел. Ненависть и злоба переполняли его.

К тому же и самочувствие его ухудшилось. Фактически он остался без врачебной помощи, без лечения. Верил он только ветеринарному фельдшеру из своего ближайшего окружения. Тот его и лечил, согласно своим знаниям и опыту. Недуг неуклонно прогрессировал: гипертоническая болезнь на фоне далеко зашедшего атеросклероза сосудов сердца и головного мозга. Мучительные головные боли, боли в области сердца не отпускали его. Помочь ему могли установленная опытным врачом лекарственная терапия и охранительный режим. Но своих врачей он пересажал, а другим не доверял, и остался один на один с болезнью и со всепоглощающим страхом за свою жизнь. Смерть приближалась. От нее не могла спасти ни охрана, ни бронированные двери. А забот было так много! Задумано грандиозное мероприятие, дело семи последних лет его жизни. Он чувствовал, как впустую уходит время. Он был в гневе: опять срываются планы! Сейчас, когда он был так близок к их завершению! Все идет, наконец, как задумано. Но медленно, не так, как он хотел... (25)*.

Открытый судебный процесс должен был проходить в Колонном зале Дома Союзов. Говорят, что уже видели отпечатанными пригласительные билеты-пропуска. И Москва была полна зловещих слухов. Приговор суда – разумеется, смертная казнь – должен был приводиться в исполнение при всем народе. Приговоренных должны были повесить на Манежной площади или на Лобном месте, на Красной площади.

Н. Булганин (ему, думается, можно верить – это не слухи, а свидетельство тогдашнего Министра обороны – *Ф.Л.*) сообщает о том, что казнь должна была совершиться не столько чтобы «покарать преступников», сколько чтобы воздействовать на широкие массы населения, спровоцировать погромы и разгул националистических страстей, и не только в Москве. «Профессоров предполагалось публично повесить на центральных площадях в Москве, Ленинграде, Киеве, Минске, Свердловске и других крупнейших городах. Причем составлена была своего рода разрядка, где было заранее расписано, в каком конкретном городе будет казнен тот или иной профессор» (328).

Опубликовано очень важное свидетельство писателя В. Орлова. В 60-х годах, во время его поездки по Хабаровскому краю с комсомольским секретарем крайкома Латышевым, тот показал ошеломленному писателю целый город из бараков, предназначенных для евреев, которые должны были быть переселены сюда после окончания «Дела врачей». «Товарищ Сталин, – сказал Латышев, – все предусмотрел. Он решил спасти евреев от справедливого гнева русского народа. Если бы “Вожь народов” прожил еще полгода, вы, ребята, тоже бы сгнили в этих бараках». Но комсомольский хозяин Хабаровского края не знал, что много

* См. сноску на с. 48. Вторая серия – кадры с 43 м. 46 сек. до 54 м. 00 сек.

евреев и не доехало бы до предназначенных для них барачков. «Планировалось организовать крушения железнодорожных составов, “стихийные” нападения на поезда с евреями, с тем, чтобы расправиться с ними в пути». Это свидетельство Н. Булганина, одного из исполнителей планируемого геноцида, получившего эти указания лично от Сталина (328).

Напряжение нарастало и у меня дома. Я узнал, что на месте моей бывшей работы в режимном институте, где проводились медико-биологические исследования по обеспечению производства ядерного оружия и откуда меня выбросили после ареста моей матери, состоялось закрытое партийное собрание. На нем было объявлено, что я шпион, агент «Джойнта», внедрен в атомную промышленность моим родственником М.С. Вовси и по его заданию осуществлял шпионскую деятельность на атомных объектах. Это тоже была отработанная методика: до ареста проводить обработку общественного мнения среди сослуживцев. Мне об этом сообщили, и я начал готовиться к аресту не только морально, но и вполне практически: собрал «допровскую корзинку», в которую уложил смену белья, варежки, сшитые из старой меховой детской шубки, мыльные принадлежности. Ждал звонка в дверь.

Вечер 28 февраля. Суббота. Мы с женой – она после учебы, а я после работы – возвращаемся домой. Настроение препоганое. В кухне, на столе, вместо скромного ужина на большом праздничном блюде странные треугольной формы пирожки с маком. Откуда? Что за праздник? И моя 80-летняя бабушка, мать уже полгода сидевшей на Лубянке мамы, от которой я за всю жизнь не слышал ни одного еврейского слова, вытаскивает старинную, издания 1887 г., книгу на древнееврейском языке и рассказывает нам о сегодняшнем еврейском празднике Пурим, об Амани, об Эсфири и о чудесном избавлении евреев от уничтожения, задуманного злобным Амани, и о позорной его гибели. Пирожки вкусные, а рассказ на нас с женой действует мало, мы его пропускаем мимо ушей. У нас свои заботы, нам не до сказок.

...Ночь с 28 февраля на 1 марта. Ближняя дача Сталина в Кунцево. Сегодня на очередное застолье с обильной выпивкой приглашены соратники: Маленков, Берия, Хрущев, Булганин. Обычное пьяное веселье, но веселье показное. Все присутствующие боятся, надо всеми витает страх. Недавно прошел Пленум ЦК КПСС, на котором Сталин выразил недоверие Молотову и Микояну. Под подозрением находятся Ворошилов, Берия (319). Свое отношение к соратникам Сталин выражал открыто. У всех в памяти, как он разделался со старыми большевиками, с которыми когда-то был вместе в ссылке, готовил революцию, воевал в гражданскую, которые помогли ему подняться на вершину власти; все

помнят, как он расправился даже с теми, кто состоял с ним в родстве. Никого не щадил этот недочеловек. Страшно ехать к нему на дачу, страшно не быть приглашенным. Но не только приглашенных обуревают страх. Во власти страха сам создатель страха. Он ежедневно ощущает, как ухудшается его здоровье.

Как врач, я очень хорошо могу себе представить его самочувствие в этот вечер. Последние дни он чувствовал себя особенно плохо. Утром был промежуток времени, примерно часа два, когда вдруг появилась слабость в правой руке. Он даже выронил стакан с боржомом. Рука к вечеру отошла, но оставалось чувство онемения. Временами появлялись сжимающие боли в области сердца. А к вечеру появилось постоянно нарастающее чувство страха смерти. А главное – головные боли в затылке. Зелье, которым потчует его доморощенный лекарь, не помогает. После него даже хуже. Перед глазами расходятся какие-то яркие круги. Эти грозные признаки надвигающейся катастрофы повергают больного Сталина в ужас. Три часа ночи, все ушли. Наконец он один. Нет, не один – а наедине со **страхом...**

...Утро 3 марта. Встаем с женой рано. Она идет в институт, я – на работу. Дел много. Но самое главное – сегодня день, когда я хожу в приемную МГБ, что в невзрачном домике на Кузнецком мосту, напротив зоомагазина, сделать денежную передачу (100 рублей) и спросить о матери. Хотя ответ один и тот же: «Следствие продолжается». Как всегда, включаю радио:

«...в ночь на 2-е марта у товарища Сталина, когда он находился в Москве, в своей квартире, произошло кровоизлияние в мозг, захватившее важные для жизни области мозга. Товарищ Сталин потерял сознание. Развился паралич правой руки и ноги. Наступила потеря речи. Появились тяжелые нарушения деятельности сердца и дыхания. Для лечения товарища Сталина привлечены лучшие медицинские силы...»

Остальное мы знаем...

Я не верующий, но и не воинствующий атеист. К религиям отношусь с познавательным интересом. Предсказания, астрологическую предопределенность не признаю. И все же не оставляет мысль о Пуриме... Уж больно часты в еврейской истории такие «совпадения».

Так закончилась одна из мрачных страниц в печальной книге истории России. Сталин захлебнулся в своих злодеяниях и сдох как бездомная собака, один, без элементарной помощи, почти сутки провалявшись на полу.

ПЕРЕДЫШКА

Важно знать не только, когда началось «Дело врачей», но и когда оно кончилось, и насколько его окончание связано со смертью Сталина. По свидетельству Я.Я. Этингера (327), допросы В.Н. Виноградова, М.С. Вовси и В.Ф. Зеленина прекратились примерно за неделю до смерти Сталина. «Они утверждали, что 25 – 26 февраля произошел какой-то перелом». З. Шейнис считает, что отбой дал сам Сталин. И сделал он это под давлением западных общественных, политических и научных деятелей, назвавших «Дело врачей» провокацией века. Мировые светила зарубежной медицины начали организовывать Международный комитет по изучению обвинений, предъявляемых советским врачам. Шейнис упоминает о письме И. Эренбурга на имя Сталина, якобы сыгравшем роль тормоза в «Деле врачей-вредителей». Суть этого письма состояла в следующем: гонения на евреев приведут к тягчайшим политическим и международным последствиям. Мы потеряем друзей во всем мире, от нас отвернутся все цивилизованные страны. Может быть, такое письмо и дошло до Сталина, но не думаю, что эти аргументы могли так повлиять, чтобы он отказался от с таким трудом состряпанного им дела. Такое наивное утверждение выдает полное непонимание личности Сталина как главы тоталитарного режима.

Если допустить, что сам Сталин «дал отбой», тогда непонятно, почему начатое еще в 1949 г. очищение писательских рядов от «безродных космополитов», к концу февраля – началу марта 1953 г. продолжало набирать обороты (по Пинкусу – четвертый этап эскалации антиеврейской политики советского руководства – *см. стр.* 66). Прошли и многочисленные аресты среди врачей.

Есть и такая версия, будто Л. Берия был инициатором прекращения «Дела врачей-вредителей» еще при жизни Сталина, боясь «стать следующей жертвой сразу после евреев» (44). Мне кажется, что это предположение тоже не выдерживает критики, как и то, что Берия «помог Сталину умереть». Не стоит удивляться тому, что теперь, спустя пятьдесят лет после описываемых событий, в печати регулярно появляются «исследования», авторы которых пытаются как-то реабилитировать Сталина и его пособников – малых и больших. Современным мракобесам нужны свои герои, свои боги. А где их взять? Отыскать на свалках истории, очистить, обелить и вновь водрузить на пьедестал.

К таким неуклюжим попыткам относятся и высказывания дочери Сталина – Светланы и сына Берии – Серго, которые хотят свалить бремя ответственности на других, а своих родителей представить агнцами божьими. Я имею в виду телевизионный сериал Ады Петровой и Дмитрия Лещинского «Светлана, дочь Иосифа» и книгу сына Берии об отце (44, 129, 222). И если Светлана с экрана вещала о том,

как тяжело было Сталину «нести тяжелый крест власти», о злых людях, сваливших на отца всю вину за беззакония и кровавые расправы над населением страны, то Серго манипулировал документом, который, по его замыслу, должен был представить отца таким борцом за правду и справедливость. Речь идет о секретном письме Л. Берии в Президиум ЦК КПСС об истинном инициаторе и исполнителях убийства С.М. Михоэлса (216), о незаконности операции по физической ликвидации Михоэлса, об аресте и привлечении к уголовной ответственности убийц и об отмене (как это важно!) указа о награждении их орденами...

Серго забыл только взглянуть на дату, когда его отец подписал документ. А подписал он его 2 апреля 1953 г., то есть через месяц после смерти Сталина, за два дня до освобождения «врачей убийц и вредителей», когда следователи по особо важным делам сами уже сидели в Лефортово и давали показания о своей противозаконной деятельности. Вот если бы Лаврентий Берия потребовал наказания «истинных виновников преступления» хотя бы 28 февраля и дал бы его прочитать на последней попойке Сталину – ну тогда бы ему, то есть документу, не было бы цены! Или если бы Лаврентий Берия подписал другой свой приказ по министерству за № 0068 не 4 апреля 1953 г., а хотя бы за месяц до смерти Сталина, можно было бы ему многое простить. Вот выдержки из этого приказа:

«В МГБ было принято широкое применение различных способов пыток: жестокие избиения арестованных, круглосуточное применение наручников на вывернутые за спину руки, продолжавшееся в отдельных случаях в течение нескольких месяцев, длительное лишение сна, заключение арестованных в раздетом виде в холодные карцеры и др. ...

Приказываю... Ликвидировать в Лефортовской и Внутренних тюрьмах организованные руководством б. МГБ СССР помещения для применения к арестованным физических мер воздействия, а все орудия, посредством которых осуществлялись пытки, уничтожить» (271).

Сегодня же эти документы говорят только о том, что Лаврентий Берия, главный «надзиратель» от партии и ее ЦК и ярый исполнитель сталинских репрессивных планов в течение пятнадцати самых крошечных лет, спешил уничтожить своих подручных и скрыть преступления, и не только свои, а всей сталинской клики, уничтожить улики! На что рассчитывают все эти современные обелители? На нашу короткую память?

О том, что инициатива прекращения «Дела врачей» исходила не от Сталина и не от Берии, говорит и письмо самого Берии, арестованного и уже сидящего в бункере штаба Московского военного округа. Предчувствуя гото-

вещающую над ним расправу, он 1 июля 1953 г. пишет на имя Маленкова просительное письмо о пощаде, где, помимо извинения за ряд поступков, которые он сам охарактеризовал как глупость и политическое недомыслие, признает, что он только поддержал предложение Н.С. Хрущева по «реабилитации врачей» и других арестованных по другим делам, которые были организованы Сталиным (126).

Абсурдно считать, что кто-то из ближайших друзей и соратников Сталина осмелился бы робко заметить, что с «Делом врачей» надо повременить или вообще свернуть его» (318). Такое сказать Сталину не осмелились бы «друзья и соратники» даже в подпитии, во время гульбищ, которые устраивались на даче у Сталина для особо доверенных. Все они дрожали за свою шкуру, и о заступничестве за других не могло быть и речи, даже если бы зашел разговор о престиже государства. По крайней мере, еще не описано случая, чтобы Сталину кто-то безнаказанно возражал или давал советы.

Есть и попытки представить, будто «Дело врачей-вредителей» было прекращено по инициативе органов советской власти. Так, Н.Н. Месяцев в интервью И. Саркисяну сообщил, что в начале 50-х годов Сталин поручил ему расследование получившего широкую огласку «Дела врачей-отравителей». Далее Н. Месяцев говорит:

«В присутствии министра МГБ СССР С. Игнатьева и секретаря ЦК А. Аристова Г. Маленков, тогда второе лицо после Сталина в государстве, мне сказал: “ЦК партии путают, вводят в заблуждение. Тов. Сталин просит, чтобы Вы докопались до истины”. Мы изучали дело и делали выводы на свой страх и риск. А это значило – пойти против сил, которые сказали свое слово и которые были заинтересованы использовать Дело врачей в нагнетании страха в обществе. [...] Сталин не дожил до освобождения врачей из-под стражи».

Н. Месяцев явно не в ладах с действительностью. Вспомните, что говорил Колобанов, направленный вместе с Месяцевым самим Сталиным на работу в МГБ: «Следчасть работает медленно, как скрипучая телега, и надо в нее вдохнуть свежую струю комсомола». Таким образом, Месяцев в интервью просто лжет, чтобы обелить себя и своих хозяев, рассчитывая на то, что никто никогда не узнает правды. А правда такова – «Дело врачей-вредителей» вели и завершили, фабрику самооговоры в терроре, убийстве, неправильном лечении и шпионаже, Игнатьев как министр госбезопасности, его заместитель С.А. Гоглидзе, В.С. Рясной и С.И. Огольцов, а также Н.Н. Месяцев, Соколов и И.М. Коняхин как возглавляющие группу следователей.

Большее доверие вызывает высказывание Н.С. Хрущева в докладе на XX съезде КПСС:

«Но мы чувствовали, что дело с арестом врачей – это нечистое дело. Многих из этих людей мы лично знали, они лечили нас. И когда после смерти Сталина мы посмотрели, как создавалось это “дело”, то увидели, что оно от начала до конца ложное. Это позорное “дело” было создано Сталиным, но он не успел его довести до конца (в своем понимании), и поэтому врачи остались живыми».

Но с предположением о том, что «Дело врачей-вредителей» окончилось до 1 марта 1953 г., т.е. до момента начала смертельного заболевания Сталина, я ни в коем случае не могу согласиться. Только его смерть освободила врачей. Только после 5 марта сидевшие на Лубянке подследственные почувствовали некоторую растерянность следователей.

Наталья Михоэлс – одна из первых, кто виделся с освобожденным семейством Вовси: Мироном Семеновичем и его женой Верой Львовной, – свидетельствует:

«Постепенно, шепотом она начала рассказывать, что девятого марта, т.е. в день похорон Сталина, всех врачей и их жен начали по одному вызывать к следователю и объявили им о скором освобождении. Пять дней их не трогали, а четырнадцатого вызвали снова и предложили писать все “как было на самом деле”» (69).

Вот еще одно неоспоримое доказательство того, что «Дело врачей-вредителей» было остановлено только после смерти Сталина. Л. Васильева изучала следственное дело П. Жемчужиной, проходившей по «Делу врачей», и вот что она пишет: «Весь февраль 1953 г. Жемчужину допрашивали на Лубянке. И вдруг второго марта все прекратилось...» (63).

В течение марта продолжался весь арсенал «следственных действий» над арестованной месяц тому назад врачом М.Е. Вейцман – сестрой первого президента государства Израиль, уже признавшей себя виновной в пропаганде сионистских идей, в клевете на советскую власть и лично на Сталина, и в том, что имела намерение выехать из Советского Союза в Палестину. Но на допросе 20 марта 1953 г. всплывает новое обвинение:

Известно, что вы в силу своей враждебности докатились и до террористических высказываний против руководителей советского правительства, даже “высказывали пожелание смерти Сталину”.

И Мария Евзоровна «призналась»: «Действительно, злорадствовали, и верно – желали». Стало быть – террористические намерения налицо... (41)

Дискуссия о причине и времени окончания «Дела врачей-вредителей» представляется бессмысленной после опубликования в 1992 г. книги Е. Чазова «Здоровье и власть». Чазов – «кремлевский врач», как он сам себя называет – приводит высказывание Ю. Андропова (в то время – генсека ЦК КПСС): «Как можно было решиться на уничтожение цвета советской медицины? Хорошо, хоть смерть Сталина их спасла» (306).

Угар первых бессталинских дней начал угасать. Кончились разговоры о «Ходынке», устроенной в день его похорон. Прогнозировать что-то в нашей судьбе и судьбе арестованных было невозможно. Берия, с именем которого мы не без основания связывали творимые в стране беззакония, так и оставался вторым человеком в государстве. В выступлениях Г. Маленкова, Л. Берии и других на мавзолее, во время пышных похорон, не проскальзывало ничего, никаких намеков, которые могли бы помочь нам понять, что ожидает наших близких, находившихся на Лубянке. По-прежнему от нас принимали денежные передачи и сообщали, что следствие продолжается. Тщательное изучение газет, читавшихся между строк, не давало никакой обнадеживающей информации. И вдруг в 12 часов, в ночь на 4 апреля, в моей квартире раздался звонок по телефону. Чей-то женский срывающийся голос произнес: «Ждите сегодня ночью маму, ждите маму! Читайте завтра газеты!!!». На той стороне провода телефонная трубка брошена. Кто была эта женщина и откуда звонила, я так и не узнал. В ту ночь всех, проходивших по делу врачей, освободили... Кроме моей мамы.

3 апреля 1953 г., в 12 часов дня, Президиум ЦК КПСС вынес постановление об освобождении 37-ми врачей и членов их семей, сидевших по «Делу врачей-вредителей», и в ночь на 4 апреля всех их развезли по домам на черных легковых машинах. Видимо, на тех же, на которых их почти полгода тому назад свозили на Лубянку. И в том же сопровождении.

К концу апреля начали выпускать врачей из тюрем и на периферии. Вернулся домой и Коган-Ясный. Его переодели и, посадив в вагон-люкс, отправили домой в Харьков по личному распоряжению министра внутренних дел СССР Л.П. Берия. Но так просто украинское МГБ не могло и не хотело отпустить невиновного. Ему «пристегнули» сексуальные извращения с женщинами и мужчинами и подвели под «маленковскую амнистию». В июне 1953 г. В.М. Коган-Ясный безуспешно пытался вновь устроиться на работу в харьковский мединститут, но партбюро во главе с Г.Е. Ткаченко приняло убийственную резолюцию – отказ. В Челябинске профессоров выпустили 1 мая и прямо из камер тюрьмы отправили на Первомайскую демонстрацию.

Только со смертью Сталина 5 марта 1953 г. остановилась «скрипучая телега следствия», сорвался уже почти подготовленный открытый судебный процесс над «врачами-вредителями», остались непостроенными виселицы, оказались без дела погромщики, не заполнились эшелоны смерти, не сгнил в Сибири ни в чем не повинный еврейский народ. Тиран умер сам, без посторонней помощи, под грузом собственных злодеяний (жаль лишь, что поздно!), и только поэтому не совершилось спланированное им последнее злодеяние.

Сгинул Сталин, страх немного отпустил и «соратников». Они начали дышать свободнее, сон стал спокойнее. Можно и народ немного освободить от страха. Но не слишком! Правители хорошо понимали, что советское государство без карательных органов существовать не может.

Так, по моему мнению, протекал

ПОСЛЕДНИЙ НЕУДАВШИЙСЯ

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС

СТАЛИНА,

который свел тирана в могилу.

Вот так еврейский народ, почти случайно, избежал

ЮДОЦИДА.

Случайно ли? А может, в этом рука Провидения?

Скорее всего, это результат героизма нескольких людей, противопоставивших себя, свою жизнь черной силе Сталина!

ВЕЧНАЯ ИМ ПАМЯТЬ И БЛАГОДАРНОСТЬ!

МАМА – НЕСОСТОЯВШИЙСЯ ОБЛИЧИТЕЛЬ

Назад в прошлое

*

1952 – Лубянка – 1999

*

Маленький винтик в большой аванюре

*

Лубянский ад (в круге первом)

*

Самоубийство!

*

Лубянский ад (в круге втором)

*

История болезни с грифом «Секретно»
(в круге третьем)

*

Бой не на жизнь, а на смерть
(в круге четвертом)

*

Победа даром не дается
(в круге пятом)

*

Из суда – что из пруда: сухим не выйдешь
(в круге шестом)

*

Лубянка «навынос»
(в круге седьмом)

*

Порядочность

Не отзывайся о ближнем своим ложным свидетельством.

Из 10 заповедей. ШМОТ, 20 (1-17)

Хорошие книги создают человеческие документы.

Эдмон Гонкур

Вдумайтесь: это ужас, которого нет ужаснее.

Владимир Жаботинский

*Здесь нужно, чтоб душа была тверда,
Здесь страх не должен подавать совета.*

Данте Алигьери

Представленные документы
вписывают новые
и неизвестные страницы
противостояния властям
при фабрикации
«Дела врачей-вредителей»

НАЗАД В ПРОШЛОЕ

Начну с конца. Сажу у себя дома, в мягком кресле, в уютной квартире, перед открытым настежь окном. За окном – в ярком солнечном свете – зелень деревьев, радостная пестрота многоцветья. На дворе – январь 2000 года, Иерусалим!

А там, в недавно оставленной после поездки Москве, холодно, пасмурно, неочищенные от снега тротуары, пронизывающий ветер. Контраст не только географический и погодный. Контраст не столько внешний, сколько внутренний – ты приехал домой... Там, в Москве, уже не дом, хотя встречи с родными, друзьями, сослуживцами по бывшей работе были очень теплыми, а порой и плодотворными.

Главной целью моей поездки в Москву было знакомство со следственным делом моей мамы. У меня была заранее оформленная договоренность с ФСБ – теперешним МГБ.

2000 год – новое тысячелетие! Прошла целая жизнь, почти полстолетия с того момента, когда пришли арестовывать маму. И вот передо мной на столе лежит папка, в ней копия ее следственного дела. В папке – ордер на арест, который был нам предъявлен ночью 4 июня 1952 г., протоколы допросов, тексты экспертиз, обвинительное заключение и другие документы.

– Зачем тебе это нужно? – спросил очень близкий мне человек. – Все изменилось, и возврата к прошлому нет и не будет. Не бреди душу... Тот мир уходит в прошлое, другая эпоха, другие интересы, другие заботы, другие тревоги... Сталинский террор? В ответ скука и безразличие! Молодое поколение считает, что для них наступило новое время, не связанное с проклятым сталинским, которое пережили их отцы и деды.

Может быть, и правда – зачем? Для чего ворошить старое, уже многократно пережитое и не влияющее на мою сегодняшнюю жизнь и жизнь моей многочисленной семьи. У молодых свои заботы, свои планы, свои воспоминания. Мои дети и внуки только понаслышке знают, кто такой Сталин, им ничего не говорят аббревиатуры СССР, ВКП(б), КГБ, ЗК, ЧСИР или ГУЛАГ. А они-то и определяли в свое время мои, наши поступки; мои, наши мысли; мое, наше существование. Страшная машина, нависшая над всей жизнью государства и способная раздавить любого, где бы он не был, кем бы он не был. Сейчас все в прошлом, так почему я потерял покой, лишился сна, а голову будоражат мысли полувековой давности?

Действительно, давайте прислушаемся к советам современных интеллектуалов: хватит, надоело о сталинщине, забудем события тех давних лет, не будем омрачать свое сознание и сознание своих близких! А я – зачем я вообще влез в другую специальность? В истории, как науке политизированной, вряд ли можно добиться настоящей правды. Я на это и не претендую. Но я претендую на ту правду, за которую боролись люди, попавшие в руки бандитов из МГБ, бандитов, творивших политику Сталина. Я за мамину правду. Ей и только

ей посвящается эта глава. Вот почему мне пришлось обратиться в сегодняшние органы госбезопасности, находящиеся все там же, на Лубянке, где хранятся дела и документы страшной сталинской эпохи.

«Дело врачей-вредителей» – вопрос не только личный: это проблема наших обязательств перед ушедшими в мир иной и лично пережившими страшные события тех мрачных лет, которые получили название «сталинщины». Это и наш долг перед подрастающими поколениями, которые обязаны знать свою, порой весьма нелицеприятную историю. И если я и взялся за этот труд, то надо пойти на Лубянку.

1952 – ЛУБЯНКА – 1999

Лубянка в течение всей моей жизни олицетворяла карательную систему страны и постоянно вселяла чувство страха. С самого начала моей сознательной жизни, когда вдруг начали исчезать в никуда мои одноклассники, взрослые знакомые и друзья моих родителей. Это «никуда» имело точный адрес – Лубянка. Тогда ходил анекдот: на вопрос какой самый высокий дом в Москве? – отвечали: Лубянка (хотя в 1938 году здание, где располагался Наркомат государственной безопасности, было всего пятиэтажным). – Почему? – наивно вопрошал непосвященный. – Потому что из его подвалов Соловки видны...» (опять-таки для непосвященных: «Соловецкий лагерь особого назначения» (СЛОИ) – праотец ГУЛАГА – был расположен в помещении бывшего монастыря на Соловецких островах в Белом море).

Так я начал постигать страшное и кровавое существо Лубянки и тюрьмы, скрывшейся за ее фасадом. И как бы ее не называли: ЧК, ВЧК при СНК РСФСР, ГПУ при НКВД РСФСР, ОГПУ СССР, ГУГБ НКВД СССР, НКГБ СССР, МГБ СССР, – сущность этого заведения оставалась неизменной: Лубянка была приводным ремнем карательной машины Кремля, а значит, партии, а значит, ее ЦК, а значит, Сталина. Любая диктатура, и сталинская в том числе, не может существовать без тайной полиции, вынюхивающей, вылавливающей и карающей всех, а не только инакомыслящих.

Эпоха «больших политических процессов» тридцатых годов прошла у меня на глазах, однако тогда о ее бесчеловечности я не догадывался: мал был и свято верил в необходимость «ежовых рукавиц». Для меня, пионера, ученика 5-го класса, такие понятия, как «революция», «советская власть», «партия», «Сталин», были святыми, а частушка, где-то услышанная и до сих пор сидящая в памяти, звучала для меня в то время как лестный отзыв о способах борьбы с «врагами народа»:

*Был на Марсе ты!
Что ж оттираешься?
Вот к Ежову попадешь, –
Там признаешься.*

Время шло, росли мы, росло и здание на Лубянке. Основание его оделось в темно-красный мрамор, а само оно росло и вширь, и вверх. Кроме осуществления карательных мер, методическим разработчиком и реализатором которых она стала с начала правления большевиков, Лубянка концентрировала у себя информацию обо всех аспектах существования страны, обо всех, кто так или иначе участвовал в ее жизни. Адресат и заказчик этой информации был один – вождь и хозяин великой коммунистической Империи – Иосиф Виссарионович СТАЛИН. Только ОН держал в руках все рычаги управления этим всепроникающим и всесильным аппаратом. Его контроль и управление были повседневными, ежечасными, поминутными. И если в ряде редких случаев деятельность Лубянки не отвечала ЕГО запросам, гнев Хозяина был беспощаден. Кадровые чистки сметали нерадивых. Ягоду сменил Ежов, Ежова – Берия, Берию – Меркулов, Меркулова – Абакумов, Абакумова – Игнатьев. Только последний не поплатился жизнью... Это то, что касается тех, кто были руководителями карательных органов в 1934 – 1953 гг. (ОГПУ, МВД, МГБ, ГУЛАГ).

Я специально поинтересовался судьбой их заместителей. Это подельники подельников и непосредственные исполнители заплочных сталинских беззаконий. Их я насчитал 35 (118, 134, 284) Из них: расстреляны – 17 (Агранов Я.С., Акулов И.А., Артузов А.Х., Балицкий В.А., Бельский Л.Д., Берман М.Д., Бокий Г.И., Гай М.И., Деканозов В.Г., Жуковский С.Б., Заковский Л.М., Леплевский И.М., Мессинг С.А., Николаев-Журид Н.Г., Плинер И.И., Прокофьев Г.Е., Фриновский М.П.); убит во время следствия – 1 (Рыжов М.И.); отравлен – 1 (Слуцкий А.А.); застрелились – 2 (Курский В.М. и Масленников И.И.). Остались живы и продолжали занимать ответственные и малоответственные посты – 6 (Баштаков Л.Ф., Бочков В.М., Круглов С.Н., Филаретов Г.В., Фитин П.М., Чернышев В.В.). Сведений о судьбе 8-ми не нашел (Баламутов А.Д., Волков М.А., Кишкин В.А., Копытцев А.И., Михеев А.И., Петров Г.А., Шанин А.М. и Шапиро И.И.).

Чекистский кулак Сталина сливал, разливал, снова сливал детище Ф.Э. Дзержинского согласно своим зловещим задачам. И надо отдать ему должное – правил им умело, расправляясь поочередно с неугодными, уничтожая сотни и тысячи ни в чем не повинных, сея страх в миллионах.

Со временем начали умнеть и мы – во всяком случае, я начал многое понимать и оценивать по-другому, чем это вбивалось в нашу голову, начиная с первых классов школы. Поэтому, проходя по площади Дзержинского и глядя на это здание, я начинал испытывать мистическое чувство страха. Начиная с 1949 г. оно еще усугубилось тем, что там оказался отец моего самого близкого друга, Левы Шимелиовича, а в июне 1952 г. за его стенами очутилась и моя мать. Со всем рядом, рукой подать – но недосыгаема. Это очень страшное ощущение, чувство полной беспомощности перед теми, кто управляет твоей судьбой.

Лубянка – от одного упоминания которой душа обывателя, да и не только обывателя, уходила в пятки. **Лубянка** – перед которой все двери распахивались настежь. **Лубянка** – синоним вседозволенности, сверхбеззакония и сверхбезнаказанности...

Трижды в моей жизни мне пришлось переступить порог этого заведения. Первый раз в 1952 – 1953 гг., когда мама сидела там во внутренней тюрьме по «Делу врачей-вредителей» и я регулярно справлялся о ее судьбе в справочном бюро. Второй раз – в сентябре 1953 г., по вызову тех, кто вел ее дело. И третий, надеюсь, последний раз – в конце 1999 г. для знакомства со следственным делом мамы. Вот уж меньше всего мечтал я вновь обратиться с какой-то просьбой к этому учреждению. Но пути Господни неисповедимы.

И вот я вновь на Лубянке. Сталина уже давно нет, развалился и СССР, а в голове рефреном стучало: хоть ты и в новой коже, а сердце у тебя – все то же. С улицы Большая Лубянка поворачиваю налево, спускаюсь вниз по Кузнецкому мосту до подъезда с вывеской «Приемная ФСБ» (Федеральная служба безопасности – тогдашнее и нынешнее название МГБ).

Захожу не без трепета. Сюда, в этот подъезд (Кузнецкий мост, дом № 24), я ходил регулярно в течение года полвека тому назад. Тогда за входной дверью сразу начиналась унылая, довольно грязная лестница, на которой стояла очередь таких же, как я, внезапно осиротевших людей. И все ради того, чтобы услышать, как сотрудник МГБ из окошка бросит мне дежурную фразу: «Лившиц, Евгения Федоровна. Да, у нас, идет следствие, новых сведений нет».

Сейчас предо мной был большой вестибюль, отделанный темно-коричневыми деревянными панелями, со многими дверями, у одной из которых пост, снабженный П-образной стойкой для проверки входящих. Объявляю постовому причину моего здесь появления. Он связывается с кем-то по телефону и предлагается подождать, указав на мягкое кресло около журнального столика. Пытаюсь сосредоточиться, сконцентрировать свое внимание на предстоящей встрече со следственным делом мамы и с тем (или теми), кто его мне даст для ознакомления. Как это будет происходить, сколько времени мне дадут для этого, можно ли будет сделать выписки из него, оставят ли меня одного с материалом или рядом будет присутствовать сотрудник ФСБ? На всякий случай, рассчитывая на худший вариант, я подготовился: в карманах стопки чистых, размером с игральные карты, листочков бумаги и карандаш.

Вспоминаю, как копировал десять лет тому назад мамину историю болезни того страшного времени, когда она, будучи под следствием, была помещена в Институт судебной психиатрии им. Сербского. Тогда (в 1986 г.) я был приглашен Семеном Давидовичем Арановичем участвовать в задуманном им фильме о «Деле врачей», и возникла необходимость подтвердить документами факт пребывания мамы в Институте психиатрии за ее попытку самоубийства во Внут-

ренной тюрьме на Лубянке. И я увидел, я держал в руках историю болезни моей мамы, Евгении Федоровны Лившиц, когда ее уже не было в живых, спустя без малого 40 лет.

Добрался я до маминой истории болезни в первом отделе (секретном) Минздрава СССР. Естественно, что я хотел не только ознакомиться с историей болезни, но и попытаться сделать из нее выписки, хотя и знал, что делать выписки из документа, полученного для ознакомления в первом отделе, категорически воспрещается. Тогда я вспомнил свою детскую сноровку в изготовлении шпартгалок. По этой части я слыл в школе большим мастером. Я заготовил бумажки и огрызок карандаша такого размера, чтобы они незаметно умещались на ладони. Получив историю болезни, я нашел укромное, не очень просматриваемое место, и начал читать, переписывая на клочки бумаги необходимые мне места. Всю историю болезни скопировать не удалось, хотя очень хотелось. Но и то, что я переписал, представляло для меня, и не только для меня, большой интерес: я был готов воспользоваться, если придется, отработанной методикой.

Ждать пришлось минут десять, когда в приемной появился человек в штатском, приятной наружности, с чемоданчиком-дипломатом. Представился сотрудником архива М. (фамилию не сообщаю, так как не имею на то его согласия) и предложил следовать за ним. Опять выходим на улицу, поворачиваем налево, к дому № 22, к самому обычному парадному, облепленному объявлениями, сообщающими, что здесь находятся какие-то конторы, ничего общего с ФСБ не имеющие. По широкой замызанной лестнице поднимаемся на бельэтаж к двери без вывески, но со звонком и следами каждодневного опечатывания помещения. (Знакомая картина соблюдения закрытости, если не секретности!) После звонка нам открывают, и мы входим в помещение, в котором 10-15 индивидуальных столиков с уютными лампочками, на полах ковровые дорожки – любимая мною обстановка библиотеки. Дополняют это впечатление стенды с книгами на стенах, столик с выкладкой журналов и сегодняшних газет. Потом я разглядел все это в подробностях. А подробности заслуживают внимания!

На стендах, помимо книг, – вырезки из газет о разных аспектах реабилитации жертв политических репрессий. Из изданий мое внимание привлекли: «Расстрельные списки» – два тома; Библиографический указатель изданий общества «Мемориал» от 1995 года; Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий (1993); «Не предать забвению – книга памяти репрессированных в 30-е – 40-е и в начале 50-х гг. в Ярославской области» (1993). Книгу открывает карта ГУЛАГа.

Особый интерес у меня вызвало отдельное издание сборника документов, открывающегося письмом Ленина к Зиновьеву от 26 мая 1918 г., где Ленин «протестует решительно» против того, что Зиновьев лично удержал желание рабочих ответить массовым террором на убийство Володарского, и завершаю-

щегося главой «Особенная часть УК РСФСР», в которой перечислены государственные преступления, подпадающие под знаменитую 58-ю статью.

На отдельной полке, в открытом доступе: два тома альманаха «Звенья» (1991), подготовленного и изданного научно-исследовательским и просветительским центром «Мемориал» и посвященного репрессиям сталинской эпохи; книга Ш. Редлиха «Еврейский антифашистский комитет в СССР» (1996); подшивка журнала «Служба безопасности» за два последних года... Мистика, да и только. Вот чего не ожидал, так это того, что под крышей Лубянки такое может сотвориться, даже в постсоветское время!

Дарственная надпись на книге «Мартиролог расстрелянных и захороненных на полигоне НКВД – Объект Бутово 8 августа 1937 – 19 октября 1938»: «*В читальный зал Центр. Архива ФСБ РФ от руководителя издания М.Б. Миндлина*» подвигла меня на невероятный, с точки зрения нашего замороченного сталинского мышления, поступок: подарить свою, незадолго до того изданную в Иерусалиме книгу «Последний политический процесс Сталина, или несостоявшийся геноцид» им, работникам Лубянки! Что я и сделал... (Правда, это было сделано несколько позже, через некоторое время после того, как я стал там регулярным посетителем и читателем.)

А в тот момент сопровождавший меня сотрудник М. открыл чемодан-дипломат и выложил на стол 4 тома маминого следственного дела. Я сразу попросил полностью скопировать все содержимое и сообщил, что все финансовые издержки я беру на себя, вне зависимости от цены. В ответ на это архивист М. мне любезно сообщил, что во-первых, рациональнее мне подробно ознакомиться со всем делом и выбрать то, что меня заинтересует, так как в ряде допросов следователи многократно возвращаются к одним и тем же темам и вопросам, и их копирование нерационально. Во-вторых, по их правилам, я могу получить копии только 10% следственного материала. В-третьих, я могу получить копии только тех допросов и других документов дела, где фигурирует моя мама, и только. (Если в протоколе допроса указаны другие фамилии, то я смогу получить эти документы лишь с письменного разрешения самих лиц, там указанных, или их родственников.) В-четвертых, временем для знакомства со следственным делом я не ограничен и волен делать из него любые выписки. Попутно замечу, что из разговоров с родственниками людей, проходивших по «Делу ЕАК» и «Делу врачей-вредителей», я знал, что ранее на знакомство со следственными протоколами отводили определенный, довольно ограниченный срок и не разрешали делать выписки.

В заключение, прежде чем оставить меня одного с четырьмя томами следственного дела мамы, М. сообщил, что ФСБ – не коммерческая организация и

никаких денег с клиентов не берет, но в связи с создавшимся в стране финансовым крахом (дефолт 1998 года) испытывает финансовые затруднения. И поэтому, если я им помогу с бумагой и специальной краской для копировальных машин, это очень поможет им в их повседневной работе.

В «Независимой газете» от 19 декабря 1997 г., накануне восьмидесятилетнего юбилея Лубянки, было напечатано интервью с директором ФСБ РФ генерал-полковником Н. Ковалевым, в котором на вопрос о финансировании первоочередных нужд Лубянки был такой ответ:

«...Мы не претендуем на исключительность, учитывая общую экономическую ситуацию в стране. Конечно, хотелось бы стабильного финансирования. Сегодня у нас есть задолженность перед личным составом <...>. Однако наши сотрудники терпеливо ждут возврата долгов, и я отдаю им должное».

Я эту информацию принял к сведению и регулярно приносил пачки машинописной бумаги и специальный копировальный порошок в расчете на индивидуальный подход к моим просьбам о копировании маминого дела. В результате из 500 пронумерованных страниц четырех томов я наметил 200, а получил 100 листов, что тоже неплохо. Единственный минус – это были плохие, почти слепые копии, так что специальный копировальный порошок, видимо, пошел не на мои личные нужды... Но самое главное – доброжелательный М. поставил меня в известность о моих возможностях при знакомстве с маминым делом, и я приступил к работе. Сначала прочел все четыре тома, не отрываясь. Бумажку за бумажкой, протокол допроса за протоколом, документ за документом. И осознал, что следственное дело мамы выходит за рамки семейного интереса, что это документ эпохи «позднего сталинизма» и заслуживает тщательного изучения, хотя и понимал, что он не отражает всего, что происходило в комнате следователя и за ее стенами, в камере тюрьмы, по коридорам и лестницам зданий, в карцере. Весь режим Лубянки – это единая, хорошо продуманная и тесно взаимосвязанная и взаимообусловленная система.

Потом мне стало ясно, что мамино следственное дело необходимо опубликовать в как можно более полном виде, потому что подобных публикаций, связанных с подготовкой «Дела врачей-вредителей», нет, а также потому, что каждый вопрос следователя и каждый ответ подследственного вскрывает механизм фальсификации судебных дел на Лубянке. И еще один важный аргумент заставил меня прийти к решению опубликовать без купюр все следственное дело – в нем ярко отражена умственная ограниченность, элементарная юридическая и грамматическая безграмотность и жалкая трусость тех, кто за ширмой секретности казались гражданам СССР всемогущими и могучими.

Итак, перед вами подлинное, без купюр следственное дело МГБ начала 50-х годов...

На грязно-голубой обложке каждого из четырех томов текста:

СЛЕДСТВЕННОЕ ДЕЛО № 5522*

С С С Р

Министерство государственной безопасности

Дело № 5522

По обвинению Лившиц Евгении Федоровны

Начато 5 июня 1952 г.

Окончено (дата не проставлена – Ф.Л.)

В 4-х томах.

Никаких пометок о том, что это дело надо «хранить вечно», о чем часто упоминают журналисты, я не нашел.

Открываю 1-й том. Передо мной – постановление на арест:

«УТВЕРЖДАЮ»

ЗАМ. МИНИСТРА ГОСБЕЗОПАСНОСТИ СССР

Генерал-лейтенант (Рясной)

4 июня 1952 года.

«АРЕСТ САНКЦИОНИРУЮ»

ЗАМ. ГЕНЕРАЛЬНОГО ПРОКУРОРА СССР

Генерал-майор юстиции ХОХЛОВ

4 июня 1952 года.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

/ на арест /

Гор. Москва, 1952 года, июня «4» дня

Я, пом. нач. отделения Отдела 2 Главного Управления МГБ СССР – майор ИВАНОВА, рассмотрев материалы в отношении преступной деятельности ЛИВШИЦ Евгении Федоровны, 1900 года рождения, уроженки г. Орши, еврейки, гражданки СССР, беспартийной, врача поликлиники 2-го Московского Медицинского института, проживающей по Можайскому шоссе, д. № 52/70, кв. 24.

НАШЕЛ:

Имеющимися в МГБ СССР материалами ЛИВШИЦ изобличается в том, что, работая в течение нескольких лет в Лечсанупре Кремля, она применяла порочные методы в лечении детей членов правительства, в связи с чем состояние больных ухудшалось. В целях сокрытия своего преступного отноше-

* Тексты «Дела...» воспроизводятся без изменений орфографии и пунктуации.

ния к лечению больных ЛИВШИЦ допускала фальсификации историй болезней больных.

ЛИВШИЦ враждебно настроена по отношению к существующему строю. В беседах со своими родственниками и знакомыми допускает злобные выпады по адресу руководителей ВКП/б/ и Советского правительства, распространяет гнусные измышления о положении в стране, проводит антисоветскую националистическую агитацию.

ПОСТАНОВИЛ:

ЛИВШИЦ Евгению Федоровну подвергнуть аресту и обыску.

ПОМ. НАЧ. ОТДЕЛА 2 ГЛАВН. УПРАВЛ. МГБ СССР

Майор Иванова

«СОГЛАСЕН»

ЗАМ. НАЧАЛЬНИКА 2 ГЛАВН. УПРАВЛЕНИЯ МГБ СССР

Полковник (подпись неразборчива. Ф.Л.)

Далее в деле подшиты:

«Ордер № Ш-25 от 4 июня 1952 г., который был выдан майору Воронову Н.С. на производство ареста и обыска Лившиц Е.Ф.»;

«Талон ордера на арест», в котором предписывается начальнику Внутренней тюрьмы МГБ принять арестованную Лившиц Е.Ф., подписанный Зам. министра государственной безопасности Союза ССР (подпись неразборчива – Ф.Л.);

Список обвиняемых, привлеченных по следственному делу № 5522, в котором указана только мама (видимо, для того, чтобы в ее тюремной камере не оказалось ее подельников Ф.Л.), и подписанный ее будущим следователем – Зотовым;

Бланк с отпечатками пальцев;

Фотографии мамы в фас и профиль;

Постановление об избрании меры пресечения, в котором мама подозревается в преступлениях, предусмотренных статьями 58-7 и 58-10 ч. II УК РСФСР и, принимая во внимание, что ЛИВШИЦ, находясь на свободе, может уклониться от суда и следствия, руководствуясь ст. 145 и 158 УПК РСФСР постановил мерой пресечения способов уклонения от следствия и суда ЛИВШИЦ Е.Ф. избрать содержание под стражей, о чем в порядке ст. 146 УПК РСФСР объявить арестованной под расписку о настоящем постановлении.

Мама этот документ подписала на второй день пребывания на Лубянке, только после 16-ти часов допросов.

«Постановление о принятии дела к следственному производству» и о необходимости «уведомить наблюдающего за делом прокурора и отдел “А” МГБ СССР».

Опять подписи различных генералов от МГБ, юстиции и прочих всяких майоров и полковников.

Все строго в рамках «закона»!!! Я, правда, все никак не могу уразуметь: к чему такая «законность» при вопиющем сталинском беззаконии? Для кого был нужен этот спектакль? Для арестованного? Для тюремщиков? Для следователей?

МАЛЕНЬКИЙ ВИНТИК В БОЛЬШОЙ АВАНТЮРЕ

Итак, мама вступила под своды Лубянки одной из первых подследственных по разворачивающемуся «Делу врачей-вредителей»: 4 июня 1952 года. До начала арестов по этому делу еще полгода. Сценарий спущен сверху, разработан в деталях начальником следственного отдела Рюминым и утвержден министром Игнатьевым. Пора претворять его в жизнь. По опыту, накопленному в предыдущих политических процессах, начинать надо с «обличителя», который должен вывести на чистую воду всех этих «подонков» нашего социалистического общества, этих «убийц», «террористов», действующих под маской профессорско-врачей, которые уже много лет как «сокращают жизнь», «неправильно, преступно» лечат наших руководителей партии и государства, наших доблестных генералов. И все это делается по заданию американских агрессивных кругов, которые ненавидят нашу страну, идущую семимильными шагами к светлому будущему – коммунизму. Сталин, наш вождь и учитель, неоднократно напоминает народу и карательным органам о «вражеском окружении». Товарищ Сталин наголову разбил оппортунистическую теорию о затухании классовой борьбы по мере наших успехов. «Это не только гнилая теория, но и опасная теория, ибо она усыпляет наших людей, заводит их в капкан...», говорит товарищ Сталин. Вот она, идеологическая основа будущего «Дела врачей-вредителей». Им, сотрудникам следственного отдела 2-го Главного управления МГБ СССР, выпала высокая честь «всемерно усиливать революционную бдительность и зорко следить за происками врага». Пора претворять в жизнь предначертания нашего вождя, Великого Сталина...

Майор Зотов, которому поручено вести дело моей мамы, хорошо ориентирован о предстоящих планах Лубянки: в будущем «Деле врачей-вредителей» врач-педиатр Лившиц Евгения Федоровна должна исполнить важную роль – роль обличителя. Она, Лившиц Евгения Федоровна, очень подходила для осуществления первого, подготовительного этапа «Дела врачей-вредителей». Врач-педиатр, последнюю половину своей врачебной деятельности – десять лет – работала в Лечебно-санитарном управлении Кремля, в поликлиническом его отделе, в так называемой «нулевой группе», обслуживающей отпрысков наиболее видных деятелей партии и правительства. По роду своей деятельности она об-

служивала больных и здоровых детей на дому. Как сейчас мне стало известно из следственного дела (в то время я ее пациентами не интересовался, да и мама дома никогда о них не говорила), среди ее пациентов были дети и внуки:

Сталина И.В. – в то время Генерального секретаря ЦК, Председателя Совета Министров СССР, члена Политбюро ЦК;

Первухина М.Г. – в то время заместителя Председателя Совета министров СССР, члена Президиума ЦК;

Тевосяна И.Ф. – в то время заместителя Председателя Совета министров СССР и одновременно министра черной металлургии СССР, кандидата в члены Президиума ЦК;

Димитрова Г. – к тому времени недавно (1949 г.) умершего деятеля болгарского и международного коммунистического движения, члены семьи которого оставались на обслуживании в Лечсанупре Кремля;

Попова Г.М. – в то время председателя Мосгорисполкома и 1-го секретаря МК и МГК. Одновременно секретаря ЦК ;

Кагановича Л.М. – в то время бывшего зам. Председателя Совета Министров СССР и одновременно председателя Госснаба СССР, члена Политбюро ЦК КПСС;

Пonomаренко П.К. – в то время секретаря ЦК и одновременно министра заготовок СССР;

Дзержинского Ф.Э. – участника Октябрьской революции, председателя ГПУ, ОГПУ, умершего в 1926 году, члены семьи которого оставались на обслуживании в Лечсанупре Кремля;

Андрианова В.М. – в то время члена ЦК КПСС;

Андреева А.А. – в то время заместителя Председателя Совета Министров СССР, члена Политбюро ЦК КПСС;

Щербакова А.С. – в то время начальника Главполитуправления Советской Армии, зам. наркома обороны, начальника Совинформбюро, члена Политбюро ЦК;

Маленкова Г.М. – в то время секретаря и члена Оргбюро ЦК КПСС и Председателя Совета Министров СССР;

Жукова Г.К. – в то время маршала СССР, Главкома сухопутных войск и зам. министра вооруженных сил;

Сафонова Г.Н. – в то время Генерального прокурора СССР;

Микояна А.И. – в то время заместителя Председателя Совета Министров СССР, члена Политбюро ЦК, члена Президиума ЦК;

Малика Я.А. – в то время зам. министра иностранных дел СССР, представителя СССР в Совете Безопасности ООН, кандидата в члены ЦК;

Жданова А.А. – в то время уже умершего, занимавшего до смерти пост секретаря ЦК по идеологическим вопросам, Председателя Верховного Совета СССР, члена Политбюро ЦК, семья которого оставалась на обслуживании в Лечсанупре Кремля.

Из ее пациентов, не попавших в следственное дело, дети и внуки:

Сталина В.И. – в то время генерала авиации, командующего ВВС Московского военного округа;

Бонч-Бруевича В.Д. – видного партийного и государственного деятеля;

Куйбышева В.В. – в то время уже умершего, занимавшего до смерти пост зам. Председателя СНК, члена Политбюро ЦК, семья которого оставалась на обслуживании в Лечсанупре Кремля; и др.

Так что по замыслу организаторов «Дела» террористическая деятельность Е.Ф. Лившиц и осуществление ею предумышленного, вредительского лечения, нанесения вреда здоровью пациентов непосредственно касались самого священного объекта – детей наших руководителей партии и правительства! Это – первое.

Второе, очень важное обстоятельство, выдвинувшее мою маму на роль «обличителя», это то, что наша семья в течение многих лет была связана дружескими и профессиональными узами с Мироном Семеновичем Вовси – будущим «руководителем» выдуманной МГБ «террористической организации».

Мирон Семенович был добрым гением нашей семьи. Он очень помогал мудрыми и дельными советами профессиональному становлению отца как врача-клинициста и ученого-медика. Благодаря Мирону Семеновичу с первых дней Отечественной войны папа занимал должности Главного терапевта ряда фронтов, потом, по его рекомендации, в чине полковника медицинской службы был Главным терапевтом Главного госпиталя Советской армии им. Н.Н. Бурденко, а перед самой своей смертью – научным руководителем медицинской службы поликлиники Лечсанупра Кремля. Умер папа внезапно в 1946 году, в 46-летнем возрасте, «в своей постели». Я более чем уверен, что если бы не преждевременная смерть папы, его фамилия красовалась бы в знаменитом «Сообщении ТАСС» от 13 января 1952 г.

Мы часто бывали в хлебосольном и открытом доме «Вовсей» (так мы дома называли семью Мирона Семеновича) и на даче в Кратово, где, по версии следствия, происходили «сходки участников террористической группы».

С другими «врачами-террористами» мама также поддерживала дружеские отношения. Яков Соломонович Темкин. Его многочисленная семья жила рядом с квартирой Вовси, на одной лестничной клетке в доме № 5 по Серебряному переулку. И быть у Вовси и не зайти к Темкиным и, наоборот, быть у Темкиных и не зайти к «Вовсям», хотя бы на минутку, считалось неприличным. Мама, а потом и я, всегда получали от Якова Соломоновича и от Анны Израилевны дельные советы и сочувственное отношение к нашим проблемам, с которыми мы не раз обращались к ним. То же можно сказать и о семье Бориса Борисовича Когана и его жены Аси Ивановны. «Криминальные связи» мамы с «террористической группой врачей-вредителей», с точки зрения устроителей «Дела врачей», налицо – не отопрешься...

Основанием ареста было обвинение в порочных методах лечения детей членов правительства, т.е. то, что в дальнейшем инкриминировалось «врачам-вредителям». Что означает статья 58-10, знал каждый обыватель в нашей стране. Это была всем известная «разговорная» статья, еще ее называли «балалаечной», а вот статья 58-7 была ух как грозной!

Статья 58-7 УК РСФСР: «Подрыв государственной промышленности, транспорта, торговли, денежного обращения или кредитной системы, а равно

кооперации, совершенный в контрреволюционных целях путем соответствующего использования государственных учреждений и предприятий или противодействия их нормальной деятельности, а равно использование государственных учреждений и предприятий или противодействие их деятельности, совершаемое в интересах их бывших собственников или заинтересованных капиталистических организаций, влекут за собой меры социальной защиты, указанные в статье 58 пункт 2 настоящего Кодекса».

Статья 58-7-2 УК РСФСР : «Высшая мера социальной защиты – расстрел или объявление врагом трудящихся с конфискацией имущества и с лишением гражданства союзной республики и, тем самым, гражданства Союза ССР и изгнанием из пределов Союза ССР навсегда, с допущением, при смягчающих обстоятельствах, понижения до лишения свободы на срок не ниже трех лет, с конфискацией всего или части имущества».

Итак, статья, по которой обвинялась мама, была «расстрельной» и предназначалась для «вредителей» с объявлением осужденных врагами народа. Эту статью применяли в том случае, когда обвиняемому приписывались правонарушения, ведущие к подрыву основ государства, и совершались они в контрреволюционных целях. Таким образом, задача следствия заключалась в том, чтобы добиться от подсудимой признания в том, что она, врач-педиатр, преступно вела лечение своих пациентов и делала это под руководством вражеской группы профессоров-врачей из Лечебно-санитарного управления Кремля.

ЛУБЯНСКИЙ АД (в кругу первом)

Начинаю внимательно читать следственное дело.

Первый допрос в 12 часов дня в день ареста – 5 июня. Вопросы сугубо анкетные: кем были родители, кто близкие родственники и где они живут, «покажите о вашей трудовой деятельности» (почему вместо «расскажите» в протоколе все время пишется «покажите», я не могу понять! – *Ф.Л.*), «причины увольнения из Лечсанупра Кремля»...

Допрос продолжался 4 часа и был оформлен на 4-х машинописных страницах. Вечером того же дня (в 22.50), перед самым отбоем, когда можно было лечь на койку и отдохнуть (днем и вечером до отбоя пребывание на койке не разрешали!), она была вызвана на второй допрос, на котором уточнялся круг ее знакомств. Помимо ее подруг в протокол допроса внесены врачи – проф. Вовси, проф. Темкин, проф. Пасынков, д-р Баринблат и д-р Кабаков.

На вопрос: «Какой характер носили ваши взаимоотношения с названными лицами?», мама ответила: «Это мои хорошие знакомые».

Допрос был окончен в 3 часа ночи.

Примерно через час мама вновь в своей тюремной камере. Можно было лечь на койку, заснуть, забыться, снять напряжение от угнетавших ее раздумий. Не знаю, удалось ли ей это, но знаю точно, что в 6 часов был подъем...

В 14.10 она опять на допросе. Допрос ведет по-прежнему тот же «ПОМ. НАЧ. ОТД. СЛЕД. ГЛ. УПР. МГБ СССР» майор госбезопасности Зотов. Необходимо отметить, что каждый протокол допроса просматривал заместитель начальника следственного отдела 2-го Главного управления МГБ СССР подполковник Панкратов, о чем свидетельствует его подпись. Часть допросов проходила в его присутствии. В особо важные моменты к допросам подключался подполковник Остапишин – другой заместитель начальника того же следственного отдела (см. протоколы от 20, 25 и 26 сентября 1952 г.).

Вопрос: Работая врачом-педиатром Лечсанупра Кремля, вы с кем-нибудь делились по делам своей службы?

Ответ: В силу большой перегруженности работой я очень редко виделась со своими знакомыми. А если и встречалась, то старалась не говорить о делах службы, тем более, что это категорически запрещалось делать.

Вопрос: Однако вы допускали отклонения от этого правила?

Ответ: Того, что не положено было мне говорить, я не говорила.

Вопрос: В разговорах с родными и знакомыми вы называли им свой лечащий контингент? (так в протоколе – Ф.Л.)

Ответ: Нет, не называла. Я лечила членов семей руководителей партии и правительства, а также других ответственных работников и об этом контингенте людей среди своих знакомых не распространялась. Сына своего я видела очень мало и о делах службы с ним никогда не говорила.

Вопрос: Известно, что вы допустили оскорбительные выражения в адрес Дзержинской (невестка Феликса Эдмундовича. – Ф.Л.).

Ответ: Не помню.

Вопрос: Потрудитесь вспомнить.

Ответ: Что-то я не припомню.

Вопрос: Вы просто не хотите их называть. Известно, что вы систематически возводили клевету в адрес контингента, который вы обслуживали, работая в Лечсанупре Кремля.

Ответ: Этого не было.

Вопрос: Неправда. Следствие также располагает данными о том, что вы клеветали на руководителей партии и Советского правительства. Подтверждаете это?

Ответ: О нет, что вы. Этого никогда не было.

Вопрос: Вновь показываете неправду. В распоряжении следствия имеются точные данные, свидетельствующие о том, что вы оскорбительно, в клеветническом духе отзывались о руководителях партии и Советского государства. Предлагаем об этом дать открытые показания.

Ответ: Признаюсь, что я действительно допускала клеветнические высказывания в адрес руководителей ВКП(б) и Советского правительства.

Вопрос: Какую преступную цель вы преследовали этим?

Ответ: Преступной цели у меня не было.

Допрос окончен в 3 ч. 50 м.

Протокол допроса мною прочитан, записан с моих слов верно, *Лившиц.*

Допросил ПОМ. НАЧ. ОТД. СЛЕД. 2 ГЛ. УПР. МГБ СССР, *Майор Зотов.*

8 июня – воскресенье, у майора Зотова заслуженный отдых. Отдыхает от допросов и мама – арестованная Лившиц Е.Ф., проведшая трое суток без сна!

«ПОМ. НАЧ. ОТД. СЛЕД. ГЛ. УПР. МГБ СССР» майор Зотов рьяно принялся за порученное ему ответственное задание. Ведь он должен был не только изобличить маму в «содеянных преступлениях», но и обязан был раскрыть их корни, заставить маму покаяться перед судом и всем советским народом, и, что самое главное, – обличить тех, кто ее толкнул на преступления, руководил ею. Он – Зотов – был горд порученным ему делом. У него не было сомнения, что он с ним справится с честью. Ведь от этого, как говорилось на последнем заседании у его начальника Рюмина, зависел успех всего «Дела врачей-вредителей».

Подготовка к нему шла уже более полугода. Вновь просматривались протоколы допросов профессора Я.Г. Этингера, не выдержавшего допросов и умершего год тому назад. Однако в них практически ничего не было, что требовалось для планируемого Сталиным «Дела врачей-вредителей». Ничего путного не смогли добиться и от врача С.Е. Карпай, несмотря на то, что ее подвергали пыткам, содержали в холодной камере. Несмотря на нажим со стороны нового министра Игнатьева, сменившего арестованного Абакумова, специально созданная для подготовки «Дела» группа следователей буксовала.

Его, Зотова, и всю группу следователей, готовившую «Дело врачей», обязали присутствовать на закрытом судебном процессе над деятелями Еврейского антифашистского комитета. Благо ходить далеко не надо – суд проходил рядом, в клубе МГБ, только дорогу перейти. Зотов очень ответственно отнесся к этому заданию и просидел почти на всех заседаниях с первого дня, с 8 мая до дня ареста врача Лившиц Е.Ф. Не только поприсутствовал, но и записал ряд вопросов судей и ответов подсудимых. Ведь у этого дела и будущего «врачебного» дела много общего. И здесь, и там основой преступления против страны и народа были буржуазный национализм, ненависть к советскому строю и к руководителям партии и государства. Подсудимые из ЕАК предстали перед судом как руководящий, координирующий центр националистической и шпионской деятельности. «Дело врачей-вредителей» будет развиваться по тому же сценарию, только вместо шпионажа профессора-врачи должны будут предстать на открытом судебном процессе как террористы, убийцы, отребье рода человеческого. Таков заранее подготовленный детальный план, утвержденный руководством.

И еще одно очень важное обстоятельство требовало присутствия следователя Зотова на слушании «Дела ЕАК». В нем участвовал обличитель, и на него возлагались большие надежды – как у следователей, готовивших это дело, так и у судей, проводивших судебные заседания. Таким обличителем был член прав-

ления ЕАК, поэт Фефер. С него и начался процесс, его допрашивали первым, и он с первого же заседания определил обвинительный характер суда.

На первый же вопрос председательствующего – «Признаете себя виновным?» Фефер без колебаний объявил: «Признаю». Один-единственный из всех 15-ти, сидящих на скамье подсудимых. Допрос Фефера, который полностью признавал все обвинения, предъявленные ему следователями, длился целых два дня. Он подтвердил также все показания, изобличающие других подсудимых, данные им на предварительном следствии. Свое задание следователи из группы Рюмина, а они все были в зале заседаний, выполнили на высоком уровне. Вот и ему, Зотову, надо было представить суду такого же обличителя. И его обличитель должен стать основной фигурой обвинения, должен стать ключевым в будущем судебном процессе над врачами. Он, обличитель, вернее она, врач Лившиц Евгения Федоровна, по плану Рюмина должна была задать тон всему процессу, чтобы сломить волю всех остальных обвиняемых. Правда, времени на реализацию было отпущено немного – всего месяц, максимум два. Поэтому «ПОМ. НАЧ. ОТД. СЛЕД. ГЛ. УПР. МГБ СССР» сразу «берет быка за рога» и назначает маме «специальный режим», чтобы показать силу МГБ. Пока, на первом этапе, – принудительная бессонница.

Система принудительной бессонницы на Лубянке была четко продумана и осуществлялась по предписанию следователя. Ночные допросы начинались сразу после отбоя. Подследственный едва успевал раздеться и лечь на койку, как его поднимали, чтобы вести на допрос. Процедура передачи арестанта из камеры внутренней тюрьмы в следственный отдел и обратно занимала значительное время. После прихода к следователю допрос, как правило, начинался не сразу. Подследственного усаживали или оставляли на ногах, в то время как следователь мог заниматься своими делами. Иногда это время затягивалось на несколько часов. Это делалось специально для того, чтобы в издевательской форме не давать спать. Допрос кончался ближе к утру. После допроса, даже если он кончился в середине ночи, вернуться в камеру и добраться до койки нет возможности, так как драгоценное время уходит на хождение по коридорам и лестницам между тюрьмой и следственным кабинетом. Если и удастся раздеться и лечь на койку, смежить глаза, то через несколько минут окрик – «подъем!». Поэтому заключенный спешил улечься на койку не раздеваясь, чтобы хоть несколько лишних минут отдохнуть. Надзиратель(ница) этой вольности не допускал(а) – «не положено, надо лечь в постель до подъема раздетым» – тоже издевательство. Надо лишить заключенного даже нескольких минут сна!

После подъема, в 6 часов, под наблюдением надзирателя необходимо было заправить постель и принять сидячее или вертикальное положение. В 7 часов завтрак, часы раздумий перед вызовом к следователю. Как правило, это мучительное время тянется до обеда, а иногда и после него, изматывая заключенно-

го. Надзиратели через каждые несколько минут заглядывали в глазок. Не давали не только спать, но даже принять горизонтальное положение. Злой окрик: «Встать с койки, лежать днем не разрешается». Когда сидишь – нельзя прислоняться к стене. Можно ходить, но крайнее изнеможение валит с ног. Отдаться освежающему сну сидя или даже стоя тоже нельзя. Резкий окрик ворвавшегося в камеру надзирателя: «Откройте глаза!» приводит в шоковое состояние. Непослушание или повторные попытки закрыть глаза – карцер.

За несколько минут до отбоя надзиратель объявляет – «на допрос». И нет даже разрешенных кратковременных минут, чтобы принять горизонтальное положение после отбоя. Иногда вызов на допрос объявляется через несколько минут после того, как арестанту разрешается лечь на койку и успокоить измученные тело и мозг. И вновь по коридорам и лестницам в комнату следователя. И так сутками, иногда неделями, а если упорствуешь, то и дольше. Это и называется «спецрежимом».

Нормальная продолжительность сна для взрослого – не менее 9 часов. По тюремному режиму – 7. Сон для человека жизненно необходим. Нарушение ритма сна и бодрствования ведет к нарушению умственной деятельности, снижению концентрации внимания на самых простых вещах (например, невозможно расставить буквы в алфавитном порядке), резко падает зрительная способность, появляется резкая постоянная головная боль (ощущение тугой повязки на голове). Уже на третий день бессонницы прибавляются галлюцинации. Если и дальше подследственному не давать спать, то, как правило, развивается болезненный психический статус, характеризующийся потерей правильного осмысленного поведения, отсутствием критического отношения к своему состоянию, изменением в осознании собственного «я», алогичностью, разорванностью мышления, бредом, апатией, абулией (отсутствием мотиваций), социальной дезадаптацией, суицидными мыслями и намерениями. Отсутствие сна действует на человека быстро и безотказно. Человека можно сломать всего за несколько дней. На 5-е – 6-е сутки «бодрствования» психика приходит в полный упадок, и подследственный с трудом понимает, спит он или нет. Резко изменяется биохимический статус организма: увеличивается выделение стероидных гормонов, натрия, калия. Эндокринная система начинает вырабатывать гормон, близкий по составу к наркотику.

Сон – хронобиологический процесс. Как только наступает темнота или мы закрываем глаза, организм начинает вырабатывать «сонное» вещество – мелатонин, который запускает процесс сна. Долговременное бодрствование, когда при ночном допросе подследственному в лицо направлен яркий свет или бьет в глаза незатухающая электрическая лампочка в камере, приводит к разболтанности в системе выработки организмом мелатонина, что пагубно влияет на психологическую функцию. Гораздо легче не есть и даже не пить.

Лубянка в лице 2-го ОТД. СЛЕД. ГЛ. УПР. МГБ СССР и лично майора Зотова имела уже немалый практический опыт в такого рода пытках, а потому применила его с первых же дней пребывания мамы в заключении. Муки смертельной усталости были бесконечны, а необходимого сна, который позволил бы поддержать уходящие силы, следователи не давали. Для подавления воли и сознания человека применялся хорошо продуманный и научно обоснованный режим. Лишение сна – это самое мощное оружие в процессе следствия.

С этого и начал дознание следователь Зотов, и использовал этот метод постоянно. Пытка отсутствием сна невольна, но четко документирована и заверена подписью следователя, а иногда и прокурором, наблюдающим за «законностью» проведения дознания, и подтверждена пытаемым. В каждом протоколе допроса имеются следующие строчки:

Протокол
Арестованный ...(Ф.И.О.)
От (дата)
Допрос начат в (указано время в часах и минутах)
Допрос окончен в (указано время в часах и минутах)
Протокол допроса мною прочитан, записан с моих слов верно
(подпись заключенного)
Допросил: звание и должность следователя (подпись)

Это документ, составленный по всем правилам, имеющий право быть представленным как в любом научном историческом исследовании, так и на суде, где следователь МГБ, применявший пытку бессонницей, должен был бы ответить за содеянное. А подсчитать время, проведенное перед следователем, и сопоставить его с временными показателями внутреннего распорядка дня в тюремной камере можно, обладая арифметическими познаниями третьего класса средней школы. Правда, я что-то таких судов не припомню...

Понедельник 10/VI. «Рабочий день» начался в 14 часов дня, а окончился в 3 ч. 20 мин. ночи с перерывом от 16 ч. 30 мин. до 22 часов вечера, когда у подследственного имеется право наконец лечь на койку. У мамы этого права не было, ее опять доставили в кабинет Зотова для допроса.

На трех машинописных страницах помимо серии вопросов обо мне (где я работаю, характер моей работы) – важное признание мамы, явный результат психологического воздействия с запугиванием о возможных репрессиях против меня.

Вопрос: Известно, что вы клеветали на советскую действительность. Покажите об этом.

Ответ: Я признаю, что клеветала на советскую действительность.

Вопрос: Говорите конкретнее.

Ответ: Я говорила о том, что советский народ в основной своей массе якобы живет плохо, испытывает материальные лишения.

Вопрос: Показывайте обо всем откровенно.

Ответ: Я не помню, по каким еще вопросам я клеветала на советскую действительность. По мере припоминания я покажу об этом.

В последующих 7-ми протоколах допросов в основном муссируется та же тема – «клевета на советскую действительность». И мама начинает уступать. Это результаты отсутствия сна, психологического, а может быть, уже начавшегося и физического нажима. (См. рис. № 3 на стр. 158)

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА
арестованной ЛИВШИЦ Евгении Федоровны
от 13 июня 1952 года

ЛИВШИЦ Е.Ф., 1900 года рождения, уроженка г. Орши, еврейка, гр-ка СССР, беспартийная, с высшим образованием, до ареста работала врачом поликлиники 2-го Московского медицинского института.

Допрос начат в 22 часа 50 мин.

Вопрос: На прошлом допросе вы признались в том, что клеветали на советскую действительность, однако не дали на этот счет развернутых показаний. Предлагаем сейчас показать об этом.

Ответ: Я готова изложить следствию все откровенно. Признаюсь, что я клеветала на советскую действительность, на положение в стране, изображая все в тенденциозном, извращенном виде. Так, касаясь вопроса о положении трудящихся в Советском Союзе, я клеветнически утверждала, что советские люди якобы в подавляющей массе живут плохо, влачат жалкое существование.

Я возводила клевету и по адресу карательной политики Советского государства. Так, я распространяла небылицу о том, что в СССР имеется якобы семнадцать миллионов заключенных. Клеветала я и на советский суд. Не отрицаю и того, что я иногда очень злобно, в оскорбительной форме, отзывалась об отдельных руководителях партии и Советского правительства.

Вопрос: Известно, что вы возводили клевету и в адрес вождя советского народа. Почему умалчиваете об этом?

Ответ: Да, я клеветала и на вождя советского народа.

Вопрос: В кругу кого вы распространяли эту гнусную клевету?

Ответ: Только мать моя была свидетельницей моих антисоветских клеветнических высказываний.

Вопрос: Неправда. Следствию известно, что антисоветскую клевету вы распространяли и среди своих знакомых. Почему скрываете это?

Ответ: Сейчас я не могу утвердительно ответить, кому из своих знакомых я высказывала антисоветскую клевету, так как не помню. Как вспомню, так скажу, скрывать не буду.

**Рис. № 3. График допросов подследственной Е.Ф. Лившиц
Первый этап дознания. Июнь 1952 г.**

Часы	День																		Ночь					
	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24	1	2	3	4	5
	п о д ъ е м	з а в т р а к					о б е д							у ж и н			о т б о й							
4/VI																								
5																								
6																								
7																								
8																								
9																								
10																								
11																								
12																								
13																								
14																								
15																								
16																								
17																								
18																								
19																								
20																								
21																								
22																								
23																								
24																								

Примечания:

 - время, в течение которого проходил допрос.

8, 15, 22 - жирным шрифтом выделены воскресные дни.

За 9 дней следствия проведено 14 допросов, из них 7 - ночных.
Вместо 72-х часов сна, отведенных тюремным режимом, маме было отпущено всего 8 часов.

Вопрос: Предлагаем на следующем допросе дать откровенные показания о лицах, среди которых вы возводили клевету на советскую действительность. Допрос окончен в 2 час. 40 мин.

Протокол допроса мною прочитан, записан с моих слов верно (*ЛИВШИЦ*)
Допросил: ПОМ. НАЧ. ОТД. СЛЕДОТДЕЛА 2 ГЛАВН. УПРАВЛ. МГБ СССР
Майор (*ЗОТОВ*)

Ну что ж, можно поздравить майора Зотова с несомненным успехом. Методика, им примененная, привела к желаемым результатам. Она сломала маму. Осталось дожидаться завтрашнего допроса, когда следствию будут представлены «откровенные показания о лицах», среди которых она «возводила клевету на советскую действительность». Пусть выспится. Она заслужила сон. А завтра он, майор Зотов, заслужит похвалу от начальства из ОТД. СЛЕДОТДЕЛА 2 ГЛАВН. УПРАВЛ. МГБ СССР, а может быть, от кого и повыше. Ведь это только первый этап, первый шаг к формированию «обличителя». За ним – куда большие планы! Правда, времени мало, график, спущенный начальством, не выполняется: почти две недели на такой пустяк, как антисоветская пропаганда. Но ничего, он наверстает упущенное время. Завтра на допросе он заставит...

Но завтрашнего допроса не получилось!

ВНУТРЕННЯЯ ТЮРЬМА. СЕКРЕТНО

16 июня 1952

НАЧ. СЛЕДОТДЕЛА

2 ГЛ. УПРАВЛЕНИЯ МГБ СССР

ПОЛКОВНИКУ Тов..... (фамилия вымарана – *Ф.Л.*)

Сообщаю, что з/к ЛИВШИЦ Евгения Федоровна в ночь на с 14 на 15 июня 1952 года пыталась покончить жизнь самопокушением путем удушения косынкой, перекрутив ее зубной щеткой, лежа на койке.

Самопокушение было предотвращено, госпитализации не требуется.

Начальник внутренней тюрьмы МГБ СССР –

Полковник ... (фамилия вымарана – *Ф.Л.*)

САМОУБИЙСТВО!

Это не импульсивный ответ на физический, психологический и моральный прессинг, которым мама подверглась со стороны Лубянки и лично следователя Зотова. Попытка уйти из жизни была совершена мамой совершенно сознательно. Надо было уйти любыми средствами от опасности натворить непоправимое, подвести своих друзей, коллег, о которых она уже поименно знает из жестких допросов и о том, что им инкриминируется. Она уже понимает, что одной антисоветской пропагандой дело не ограничится, а силы на исходе. Она боится, что

она, женщина, к тому же больная, не сможет противостоять здоровым мужикам из 2-го СЛЕД. ОТД., не сможет выдержать методики принуждения, отработанной годами в ГЛ. УПР., возглавляемого бандитами из МГБ СССР.

На всех ранее проведенных допросах от нее уже домогались признания в том, что она неправильно, халатно, преступно вела опекаемых ею детей, ненавидела их, так как это были дети видных деятелей страны, к которой она относилась враждебно. Но самое главное – от нее добивались признания в том, что всем этим руководит «злодейская шайка» в лице ее близких друзей, коллег по профессии: Вовси, Темкина и Когана.

У нее уже не было сил противостоять круглосуточному давлению. Она уже «призналась» в антисоветской агитации и пропаганде, во враждебном отношении к партии и правительству. Она уже подписала протоколы допросов с этими признаниями. Расстаться с жизнью – это единственный реальный путь не сломаться...

Даю небольшую справку: история Внутренней тюрьмы на Лубянке знает только два таких случая. В обнаруженной в архиве НКВД книге регистраций происшествий Внутренней тюрьмы ГУГБ НКВД СССР с декабря 1934 г. по март 1937 г. зафиксирована попытка покончить жизнь самоубийством М.Н. Рютиным и А.Н. Слепаковым (сентябрь 1936 г.). В дальнейшем ни одного подобного случая зафиксировано не было (231). Я же нашел в воспоминаниях И. Шихеевой-Гайстер описание такого случая, произошедшего в камере на Лубянке (320). Режим Внутренней тюрьмы был перестроен так, что исключал всякую возможность самоубийства подследственного. Наблюдение над заключенными в камерах Внутренней тюрьмы производилось неусыпно, ежеминутно, круглосуточно. Арестованный лишен был всякой возможности как-то оборвать свою жизнь: у него отбирали ремень, брючные подтяжки, бюстгальтер, срезали все пуговицы (чтобы не мог проглотить), отбирали шнурки от ботинок, не говоря уже о режущих предметах, а очки выдавали по мере необходимости, под контролем охранника. 14 июня 1952 года не на высоте оказались многоопытные тюремщики из Внутренней тюрьмы МГБ СССР на Лубянке!..

ВРАЧЕБНАЯ СПРАВКА. (СЕКРЕТНО)

По заданию начальника внутренней тюрьмы МГБ СССР, осмотрена заключенная Лившиц Евгения Федоровна, рождения 1900 г.

Причем обнаружено следующее: в связи с понижением зрения и общим реактивным состоянием, заключенная со следователем работать в течении 7 дней не может.

Диагноз - по-русски (*не проставлен – Ф.Л.*)

Выводы для сведения... Нач. Санчасти Внутренней тюрьмы МГБ СССР подполковник медслужбы (*подпись неразборчива – Ф.Л.*)

Врач – майор медслужбы (*подпись неразборчива – Ф.Л.*) 18 VI 1952 г.

Здесь же подшит следующий документ:

ПОСТАНОВЛЕНИЕ
/ о приостановлении следствия /
Гор. Москва, 1952 года, июня, "18" дня

Я, пом. Начальника Отд. Следотдела 2 Гл. Управления МГБ СССР – майор Зотов, рассмотрев материалы следственного дела № 5522 по обвинению ЛИВШИЦ Евгении Федоровны, 1900 года рождения, урож. г. Орши, еврейки, гр-ки СССР, беспартийной, до ареста работавшей врачом в поликлинике 2 медицинского института, в совершении преступлений, предусмотренных ст.ст, 58-7 и 58-10 ч.1 УК РСФСР,

НАШЕЛ:

Арестованная ЛИВШИЦ Е.Ф. в настоящее время находится в болезненном состоянии, что удостоверяется справкой санчасти Внутренней тюрьмы МГБ СССР от 18 июня 1952 года, в силу чего присутствовать на допросах не может, а поэтому, руководствуясь ст. 202 п. «б» УПК РСФСР

ПОСТАНОВИЛ:

Следствие по делу ЛИВШИЦ Евгении Федоровны производством приостановить до ее выздоровления, о чем копией настоящего постановления уведомить Прокурора, наблюдающего за делом.

ПОМ. НАЧ. ОТД. СЛЕДОТДЕЛА 2 ГЛ УПР МГБ СССР
Майор – /ЗОТОВ/

«УТВЕРЖДАЮ» 18 июня 1952 года.
НАЧАЛЬНИК СЛЕДОТДЕЛА 2 ГЛ УПР МГБ СССР
Полковник – (подпись вымарана Ф.Л.)

В результате мама отнимает у следствия десять так нужных им дней. Но какой ценой! Мама говорила мне, что у нее была слепота на оба глаза, потеря речи и тяжелейшие головные боли – симптоматика кровоизлияния (или ишемии) в области базальных отделов головного мозга. Я врач, проработавший почти полвека в Институте нейрохирургии, и подобная симптоматика мне знакома не понаслышке. Косвенно подтверждает тяжелое поражение мозговой ткани и дальнейшая судьба мамы – она страдала от постоянных головных болей и умерла через 10 лет от злокачественной опухоли головного мозга.

Больше «медицинских» документов в тюремном деле моей мамы я не нашел. Тюремное дело, по моей настоятельной просьбе, предоставил мне тот же работник архива. В нем-то я и нашел те «медицинские» документы о попытке суицида, которые помещены выше. В следственном деле никаких следов о попытке совершения мамой самоубийства нет.

Как прошли эти десять дней, я не знаю. Мама избегала говорить о времени своего пребывания на Лубянке, а я не настаивал. Мы все хотели забыть этот нечеловеческий период ее жизни. Как и когда к ней вернулись речь и зрение? Смогла ли она компенсироваться морально и психически от пережитого? Вряд ли. Следственное дело моей мамы свидетельствует, что последующее оказалось еще более страшным, чем пережитое.

ЛУБЯНСКИЙ АД (В круге втором)

Дантовский Ад «Божественной комедии» по сравнению с Лубянским адом – детские игрушки. Дантовский Ад сотворен Богом, Лубянский – Сталиным. Дантовский Ад предназначался для уже умерших, Лубянский – для еще живых. Дантовский Ад был уготован для грешников, вероотступников, убийц, прелюбодеев, воров и насильников, обманщиков и предателей. Сталин же бросал в тюремные камеры и следственные кабинеты Лубянки верных соратников, помогавших ему подняться на вершину власти; ученых – гордость отечественной и мировой науки; военачальников, обеспечивших оборонный потенциал страны; рядовых трудящихся, строивших социализм и беззаветно веривших в коммунистическое светлое будущее; честных людей, замечательных производственников, обеспечивших расцвет экономики страны и победу в самой кровопролитной войне против самого коварного врага. В Дантовской преисподней работали Черты, Монстры, Ядовитые Змеи и прочие слуги Сатаны, а в Лубянском – Homo Sapiens, что в переводе означает «Человек разумный»...

О Лубянском аде мы сегодня еще многого не знаем. Но знаем, что он ни в какое сравнение не идет с Дантовским с его поджариванием медленным огнем на сковородках, в кипящих котлах, огненных озерах или во льдах (97).

.....
*Был грозен срыв, откуда надо было
Спускаться вниз, и зрелище являл,
Которое любого бы смутило.
Вдоль берега, над алым кипятком,
Вожатый нас повел без прекословий.
Был страшен крик варившихся живьем.
Я видел погружившихся по брови.
Кентавр сказал: «Здесь не один тиран,
Все, кто насильем осквернил свой сан».*

Дантовский Ад не идет ни в какое сравнение и со способами пыток, применявшихся над несогласными в ЧК, в период становления большевистской власти. Тогда взбесившиеся, дорвавшиеся до власти чекисты сажали на кол и отпиливали конечности; клали в гроб с полуразложившимся трупом, хоронили заживо, а потом через полчаса откапывали, скальпировали череп и сдирали кожу с кистей рук, выжигали на лбу пятиконечную «звезду», а пленным белогвардейским офицерам «погоны», сажали пытаемых голыми в бочки, утыканные гвоздями, и катали до тех пор, пока пытаемый не «сознавался» (188). Такие методы дознания носили доморощенный характер, высшими эшелонами власти не поощрялись и отошли в историю, в мало кому из-

вестную страницу истории большевиков. Теперь же, во времена «позднего сталинизма», использовались уже научно обоснованные методы дознания. Какие же из них были применены к маме из «джентльменского набора», находившегося на вооружении Лубянского ада?

Наручники с заведением рук за спину были изготовлены таким образом, что незначительное движение руками затягивало полукольца и железо впивалось в запястье. Этот пыточный метод широко применялся к подследственным, о чем поведал бывший начальник Внутренней тюрьмы МГБ СССР (той, где была мама) А.Н. Миронов.

Из протокола допроса А.Н. Миронова от 23 декабря 1953 г.

ВОПРОС: Скажите, с разрешения кого во Внутренней тюрьме МВД СССР (так в протоколе – Ф.Л.) применялось физическое воздействие в период производства предварительного следствия в отношении арестованных?

ОТВЕТ: Во Внутренней тюрьме МВД СССР бить арестованных начали в декабре 1952 г., а до этого от нас работники направлялись в Лефортовскую тюрьму с 6 ноября 1952 г. по указанию заместителя министра государственной безопасности РЮМИНА и его заместителей. Также с этого времени применялись и наручники в период производства предварительного следствия в отношении арестованных. В отношении каждого человека было указание того или иного заместителя министра. Учет применения физического воздействия к арестованным мы вели в тюрьме. Но в отношении каждого арестованного на каждый конкретный случай имелось разрешение от заместителя министра соответствующего, т.е. который наблюдал за определенными управлениями. Применяли непосредственно физическое воздействие работники тюрьмы: были вовлечены два человека – БЕЛОВ И КУНИШНИКОВ – лейтенанты. <...> Били арестованных резиновыми палками. Что касается применения наручников к арестованным, то я вел список с указанием, кто назначил наручники и на сколько суток. Назначал наручники только заместитель министра, который наблюдал за соответствующим управлением. Список о применении наручников хранился в столе у дежурного. <...> Прекратили применение наручников в марте 1953 г. (333).

Избиения с нанесением ударов резиновыми дубинками по особо чувствительным местам – не исключаю. Этот метод воздействия на подследственного уже широко применялся во время подготовки к процессам конца тридцатых годов при Н. Ежове (1936 – 1938 гг.) и при сменившем его Л. Берии (1938 – 1941 гг.). Вот свидетельство всемирно известного режиссера Всеволода Мейерхольда, находившегося под следствием в 1939 году:

«Меня клали на пол лицом вниз, резиновым жгутом били по пяткам и по спине; когда сидел на стуле, той же резиной били по ногам (сверху, с большой

силой) и по местам от колен до верхних частей ног; когда эти места ног были залиты обильным внутренним кровоизлиянием, то по этим красно-синезелтым кровоподтекам снова били этим жгутом, и боль была такая, что казалось, что на больные чувствительные места ног лили крутой кипятком (я кричал и плакал от боли). Руками меня били по лицу».

Главного прокурора Андрея Януарьевича Вышинского, как и наркома внутренних дел Лаврентия Павловича Берию, подобным удивить было трудно. Они хорошо знали, какими методами добивались показаний на Лубянке. На суде, состоявшемся 1 февраля 1940 г., Мейерхольд, обвиненный в шпионаже в пользу Японии, по заданию которой он будто бы готовил теракт против Сталина, утверждал, что «врал на себя благодаря лишь тому, что меня избивали всего резиновой палкой. Я решил тогда врать и пойти на костер».

Здесь же уместно вспомнить о том, как избивали Б.А. Шимелиовича при В. Абакумове (см. стр. 77, 80) и В.Н.Виноградова при С. Игнатъеве (стр. 111)

Широко и повсеместно избиениями пользовались во время подготовки «Дела врачей-вредителей». Как уже упоминалось, сам Сталин требовал от следователей: «Бить, бить и бить!». Доказательством этому служит официальный документ, которым снабдили П.С. Жемчужину, когда ее 10 марта 1953 г. освобождали из-под стражи. В этом документе была черным по белому напечатана фраза: «В настоящее время установлено, что находящиеся в деле Жемчужиной показания Когана и Вовси сфальсифицированы и получены в результате вымогательства, грубого принуждения и избиения арестованных». Так что мама вряд ли избежала избиений. Ее вряд ли спасло от этого метода «дознания» то, что она женщина.

Шантаж и психологический прессинг – этого было более чем достаточно.

Многочасовые и многодневные «стойки», когда подследственный стоит на вытяжку, не имея права на что-либо опереться, когда отекают органы брюшной полости, а ноги становятся как тумбы и кожа на них лопается, и все это сопровождается мучительными болями в спине, пояснице, ногах, – эти издевательства применялись к ней систематически.

Площадная ругань – банальный, но действенный прием следователей. Этот метод воздействия на психику подследственного бытует в МГБ еще с времен ОГПУ, и цель его – унижить человеческое достоинство и свести его до нулевой отметки. Действует он безотказно, превращая академика, ученого, врача, инженера, артиста из человека, обладающего багажом знаний и жизненного опыта, в ничто.

Проведение в соседней комнате избиений, пыток с истошными криками и воплями истязаемых для устрашения подследственных – это, несомненно, не миновало и маму.

Карцер – по особому распоряжению следователя – применялся несколько раз. Есть карцер с крысами, есть с водой по щиколотку, есть карцер-холодильник.

Примерно за полгода до того, как маме «прописали» карцер, в нем оказался сам бывший министр госбезопасности Абакумов. И он, теперь уже экс-министр, такой же, как мама, подследственный, на своей шкуре ощутил то, на что обрекал тысячи «рядовых» заключенных в подведомственной ему тюрьме. 18 апреля 1952 г. стальные нервы мужика, профессионального убийцы Абакумова сдали, и он в одном из писем к Берии и Маленкову сообщал:

«Со мной проделали что-то невероятное. Первые восемь дней держали в почти темной, холодной камере. Далее в течение месяца допросы организовывали таким образом, что я спал всего лишь час-полтора в сутки, и кормили отвратительно. На всех допросах царит сплошной мат, издевательства, оскорбления, насмешки и прочие зверские выходки. Бросали меня со стула на пол... Ночью 16 марта меня схватили и привели в так называемый карцер, а на деле, как потом оказалось, это была холодильная камера с трубопроводной установкой, без окон, совершенно пустая, размером два метра. В этом страшилище, без воздуха, без питания (давали кусок хлеба и две кружки воды в день), я провел восемь суток. Установка включилась, холод все время усиливался. Я много раз... впадал в беспамятство. Такого зверства я никогда не видел... Этот каменный мешок может дать смерть, увечье и страшный недуг. 23 марта это чуть не кончилось смертью – меня чудом отходили и положили в санчасть...»

Разновидность пытки карцером определял следователь. В карцер можно было попасть из-за перебранки со следователем, за отказ дать нужные следователю показания, за перестукивание с соседней камерой и т. д. А главное – за непризнание в вымышленных преступлениях. Вся пайка в карцере сводилась к 300 г. хлеба и двум кружкам кипятку. Бетонная кровать с матрасом, а в особых случаях и его нет. Мама провела в таких изматывающих тело и душу условиях многие сутки. До какого состояния доводит подследственного пребывание в карцере видно из приводимой ниже справки на экс-министра МГБ, в данном случае подследственного, Абакумова, составленной 24 марта 1952 г. начальником санчасти Лефортовской тюрьмы (252):

«Заключенный № 15 (под этим номером значился Абакумов – Ф.Л.) еле стоит на ногах, передвигается с посторонней помощью, жалуется на боли в сердце, слабость, головокружение... Бледен, губы и слизистые с цианотичным оттенком...».

В таком виде покинул карцер 44-летний крепкий мужик, что же говорить о больной, сломленной горем молодой женщине – моей маме.

В «Тюремном деле» мамы есть талончики желтого цвета, документирующие ее движение из камеры в кабинет к следователю, перевод из камеры в другую камеру. Приведу копию такого талончика:

Внутренняя тюрьма МГБ
Старший по корпусу II
Выдайте тов. Пономареву, Кострикову
Заключенную из комнаты № 562а

Для допроса к тов. Зотову – 2 Гл. Упр.

Дежурный пом. Нач. тюрьмы

6 / VI – 52 г.

На обороте:

На допрос с корпуса убыл – 14 ч. 15 мин.

С допроса прибыл – 17 ч. 25 мин.

Старший по корпусу

С допроса сопровождал конвоир *(две подписи)*

Были в этом наборе талончиков и такие: в «помещение №...». Сопоставление дат показало, что переводы в помещение №... совпадало с днем, когда не проводилось дознания. С чего это вдруг следователь дал маме «отдых» 30 июня и 13 июля, да еще и прихватил по рабочему дню? И в том, и другом случае для следователя воскресный день отнюдь не пропадал – карцер выполнял возложенную на него работу! *(См. рис. № 4 на стр.195)*

Но вернемся к следственному делу мамы. Зотов переходит к следующему этапу следствия – получению признания во вредительском лечении. Время не ждет. «Сверху» требуют от него «следственной продукции». И, не теряя более ни одного дня, следователь начинает допросы, причем их характер резко изменяется. Зотова уже не интересуют те, среди которых мама «возводила клевету на советскую действительность». Эти второстепенные данные никому не нужны. Нужно переходить к главному, ради чего ее водворили на Лубянку. Следствию нужны показания о вредительском лечении в Лечсанупре Кремля, о медицинском терроре, о сговоре, о «направляющей руке», задумавшей уничтожить путем неправильного лечения всех наших руководителей и лично товарища Сталина. Вот какая роль была отведена маме. Она должна была изобличить перед всей страной, перед всем миром «убийц в белых халатах».

После непредвиденного перерыва следователю был дорог каждый час, а потому Зотов без санкции врачей (в следственном и тюремном деле я никаких документов о медицинском статусе и разрешении вести допросы не нашел) приступает к изнурительным допросам, продолжительностью днем от 4-х до 10-ти часов и ночью от 4-х до 7-ми часов с продолжением и на следующее утро после бессонной ночи еще в течение 5-ти часов. Надо как можно быстрее оформить в виде признательного протокола «факты ее вредительской деятельности» *(см. рис. № 4 на стр.195)*.

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

арестованной ЛИВШИЦ Евгении Федоровны

от 25 июня 1952 года.

Допрос начат в 13 час. 45 мин.

Вопрос: Вам предъявлено обвинение в том, что, в силу своего враждебного отношения к советскому строю, вы проводили антисоветскую пропаганду, распространяли клевету на руководителей партии и Советского правительства и на советскую действительность. Работая в Лечсанупре Кремля и в других лечебных учреждениях в качестве врача, применяли порочные методы

лечения больных, допускали фальсификацию историй болезней, то-есть в совершении преступлений, предусмотренных ст. 58-7 и 58-10 ч. I УК РСФСР. Вам понятно существо предъявленного обвинения?

Ответ: Да, понятно.

Вопрос: Вы признаете себя виновной в предъявленном обвинении?

Ответ: Признаю, но не полностью, а частично.

Вопрос: В чем конкретно вы признаете себя виновной?

Ответ: Я признаю себя виновной в том, что проводила антисоветскую пропаганду, клеветала на советскую действительность и руководителей партии и Советского правительства. Об этом в ходе следствия я уже дала правдивые показания. Что касается второй части обвинения, согласно которой я обвиняюсь в порочных методах лечения больных, фальсификации историй болезней, то это я отрицаю. Работала я врачом честно и добросовестно, так, как меня в свое время учили в стенах учебного заведения.

Вопрос: В распоряжении следствия имеются данные, свидетельствующие о том, что вы, работая в Лечсанунпре Кремля в качестве врача-педиатра, применяли порочные методы лечения больных. Предлагаем показать об этом откровенно? *(так в протоколе – знак вопроса стоит в конце этого повелительного предложения – Ф.Л.)*

Ответ: В практике своей работы в Лечсанунпре Кремля я не применяла порочных методов лечения больных. Коли я затруднялась в выборе того или иного средства для лечения своих пациентов, то я в таких случаях прибегала к помощи профессоров-консультантов. Кстати сказать, я часто приглашала к своим больным таких опытных врачей, как главного педиатра Лечсанунпра Кремля ДОМБРОВСКУЮ, профессоров-консультантов: МОЛЧАНОВА, РОЗАНОВА, ЦИМБЛЕРА и других.

Вопрос: Являясь опытным врачом, вы не так уж часто прибегали к помощи профессоров-консультантов и многие вопросы лечения больных решали самостоятельно, допуская при этом порочные методы работы. Показывайте об этом.

Ответ: В течение двадцати восьми лет я работаю врачом-педиатром и никогда не прибегала к порочным методам работы. Хоть я и опытный врач, тем не менее, я частенько пользовалась услугами профессоров-консультантов, в частности, при тяжести заболевания, для уточнения диагностики, при малой эффективности назначения или при решении вопроса о госпитализации больного. Делала я это для того, чтобы принять правильное решение при лечении того или иного больного.

Допрос окончен в 17 час.

Протокол допроса мною прочитан, записан с моих слов верно, *(ЛИВШИЦ)*.

Допросил: ПОМ. НАЧ. ОТД. СЛЕДОТДЕЛА 2 ГЛ. УПР. МГБ СССР МАЙОР *(ЗОТОВ)*.

* * *

Ночной допрос практически аналогичен дневному: с теми же вопросами следователя и с теми же ответами подследственной. Привожу протокол допроса, проведенного на следующий день:

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА
арестованной ЛИВШИЦ Евгении Федоровны
от 26 -го июня 1952 года.
Допрос начат в 15 час. 40 мин.

Вопрос: Вернемся к вопросу о вашей антисоветской деятельности. Покажите откровенно, какую преступную работу против Советского государства вы проводили?

Ответ: Моя преступная работа против государства состояла в том, что я, в силу своих антисоветских взглядов, проводила среди своих родственников и знакомых антисоветскую агитацию, опорачивала советскую действительность, клеветала на руководителей партии и Советского правительства. Как это выглядело конкретно, я показала на прошлых допросах.

Вопрос: Ваша преступная деятельность, как известно, не ограничивалась антисоветской агитацией. Показывайте о всей вашей преступной работе.

Ответ: Других преступлений против Советской власти я не совершала.

Вопрос: Неправда. Ваша работа в Лечсанупре Кремля носила преступный характер. Вот и показывайте об этом.

Ответ: Этого я показать не могу, так как моя работа в Лечсанупре Кремля не была преступной. К выполнению своих обязанностей лечащего врача-педиатра я относилась честно.

Вопрос: Известно, что к лечащему контингенту и его родственникам вы относились с большой неприязнью. Подтверждаете это?

Ответ: Подтверждаю. Действительно, я питала большую неприязнь к лечащему мною контингенту и, в первую очередь, к родителям и родственникам детей, которых я лечила.

Вопрос: И это чувство вы открыто выражали, не так ли?

Ответ: Совершенно верно. Обычно, приходя домой усталая, раздраженная, я подчас очень злобно высказывалась в адрес родителей и родственников детей, которых я лечила.

Вопрос: А вы, как известно, лечили детей и внуков членов правительства, помимо детей других ответственных работников?

Ответ: Да.

Вопрос: Эта неприязнь выражалась у вас в силу вашего враждебного отношения к советскому строю. Так ведь это?

Ответ: Да, так.

Вопрос: Теперь показывайте, во что это выливалось в вашей врачебной деятельности.

Ответ: В силу своего враждебного отношения к родственникам детей, которых я лечила, а среди них были и члены правительства, работала я «без души», без любви к тому, что я делаю, как говорится, «не за совесть, а за страх».

Вопрос: Говорите уж прямо – вы преступно относились к выполнению своих обязанностей.

Ответ: Этого я сказать не могу, так как к работе я относилась не преступно:

Допрос окончен в 19 час.30 мин.

Протокол допроса мною прочитан, записан с моих слов (ЛИВШИЦ).

Допросил: ПОМ НАЧ ОТД СЛЕДОТДЕЛА 2 ГЛАВ УПРАВЛ МГБ СССР Майор (ЗОТОВ).

Никак не получается у профессионального МГБэшника склонить маму к самооговору и признаться в «преступном методе лечения» своих маленьких пациентов. Это в протоколе. А что в следственном кабинете происходит в течение тех пяти часов, пока длится допрос, чтобы заставить маму, слабую женщину, не оправившуюся после внутрочерепного кровоизлияния с поражением мозговых структур, измученную отсутствием сна, даже трудно себе представить...

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА
арестованной ЛИВШИЦ Евгении Федоровны
от 27-го июня 1952 года.
Допрос начат в 14 час.

Вопрос: На прошлом допросе вы показали, что в силу своего враждебного отношения к родственникам детей, которых вы лечили, работали вы «без души», «не за совесть, а за страх». Объясните, как же выглядело такое лечение?

Ответ: Я не знаю, что сказать на это.

Вопрос: Вам понятен поставленный вопрос?

Ответ: Понятен.

Вопрос: В таком случае отвечайте на него.

Ответ: Несмотря на большую неприязнь к ряду родителей детей, которых я лечила, это не отражалось на моей работе. Ко всем детям-больным я относилась с уважением, не перенося на них своей неприязни к родителям.

Вопрос: Неправда. Ваша неприязнь к родителям переносилась и на детей, которых вы лечили. Так как же вы лечили таких детей, говорите откровенно.

Ответ: Повторяю, моя неприязнь к родителям из числа лечащего мной контингента не передавалась на детей, которых я лечила.

Вопрос: Вы продолжаете лгать.

Ответ: Я не лгу, а говорю то, что было на самом деле.

Вопрос: Факты, имеющиеся в распоряжении следствия, как раз говорят об обратном. Свою ненависть к родителям вы переносили и на детей. Напрасны ваши попытки скрыть это от следствия.

Ответ: К детям, которых я лечила, у меня не было чувства неприязни. Ко всем таким детям я относилась с уважением.

Вопрос: Вернемся к вашему заявлению о том, что в Лечсанупре Кремля вы работали «без души», «не за совесть, а за страх»: Раскройте смысл этих слов.

Ответ: С начала 1943 года я работала в Спецсекторе Лечсанупра Кремля в качестве врача-педиатра. В мои обязанности входило обслуживать детей и внуков членов Политбюро. Работа в Спецсекторе особенно тяготила меня, так как я питала враждебное чувство к обслуживаемому мной контингенту. В эти семьи я шла без всякого желания, больше того, с тяжелым чувством, лишь в силу своих обязанностей. Надо мной постоянно довлело чувство страха, так как я отвечала за жизнь и здоровье детей, которых я лечила, а ведь это были дети больших людей.

Вопрос: Если это так, то как же вы лечили этих детей?

Ответ: Лечила я детей честно, причем, часто прибегала к помощи профессор-консультантов, в частности, ДОМБРОВСКОЙ, МОЛЧАНОВА.

Вопрос: О какой честности в лечении детей вы можете говорить, когда вы лечили их, как это сами подтверждаете, «без души», «не за совесть, а за страх».

Ответ: Я лечила детей честно.

Вопрос: Ваш ответ свидетельствует о нежелании говорить правду. Так и расценивает его следствие, имейте это в виду.

Ответ: Я говорю правду. Детей я лечила честно, причем, в случае тяжелого заболевания того или иного ребенка, я всегда приглашала к больному опытного специалиста-консультанта.

Вопрос: Похоже на то, что вы хотите спрятаться за спину профессор-консультантов, скрывая порочные стороны лечения ваших клиентов.

Ответ: Нет, я не хочу этого делать. Я лишь хочу подчеркнуть, что важные вопросы, связанные с лечением детей, я разрешала с помощью профессор-консультантов.

Допрос окончен в 19 час.15 мин.

Протокол допроса мною прочитан, записан с моих слов верно: (ЛИВШИЦ).

Допросил: ПОМ. НАЧАЛЬНИКА ОТД. СЛЕДОТДЕЛА 2 ГЛ. УПР. МГБ СССР Майор (ЗОТОВ).

Оторвемся опять от чтения протоколов. Следователь Зотов в тяжелом положении. Он, получив это дело, совсем не ожидал такого отчаянного сопротивления со стороны слабой женщины. Все методы, которым его здесь учили пользоваться для того, чтобы сломать сопротивление подследственных, не сработали. Прошел почти месяц, а докладывать начальству нечего. Следователь Зотов начинает паниковать. Он боится не столько того, что может лишиться всяких социальных привилегий, не столько проработки у начальника или на партийном собрании (конечно, плохо, но это как-то можно пережить), а того, чем только что кончилось с самим бывшим министром Абакумовым и со всей его следственной бригадой. Из истории «органов» майор Зотов знает, как Сталин безжалостно выбраковывает своих подручных. Абакумов-то еще живой, хоть и сидит в особой сухановской тюрьме, а его помощников всех расстреляли. Думаю, что Страх вселился в жалкую душонку Зотова.

Протоколы допроса – единственные дошедшие до нас документы, по которым мы можем судить о том, что происходило непосредственно в «черном ящике» Лубянки. Когда я их читал и многократно перечитывал, сидя на Лубянке, меня бросало то в жар, то в холод, руки у меня дрожали, голова раскалывалась от боли и сердце сжималось от жалости к маме и от гордости за ее героическое поведение. Передо мной был документ, в котором отражена та титаническая борьба за правду, которую выдержала моя мать. А читал я уже причесанную писанину, которой полностью и верить-то нельзя.

Теперь несколько слов о том, с чем нам сейчас позволяет ознакомиться Лубянка, разрешая родственникам, а иногда и историкам, журналистам пере-

листья тома следственных дел. Я не раз слышал от родственников тех, кто проходил по «Делу врачей-вредителей», что им после знакомства с протоколами не становилось яснее, в чем обвиняли их родных, или какими средствами достигались их признательные показания. То, до чего нас допускают, рисует картину очень далекую от той страшной действительности, которую пережили арестованные в стенах Лубянки. И вот почему. Во-первых, при кратковременном знакомстве с материалами понять и осмыслить все, что написано в деле, просто невозможно. Его надо изучать, вчитываясь в каждое предложение, оценивая каждое слово. А возможностей для этого нет. Ты первый раз видишь и ощущаешь живое слово твоих близких, которых уже нет и которые пришли к тебе сейчас, через несколько десятков лет, из ада – в полном смысле этого слова. Ты – в стрессе, и не всегда есть силы его преодолеть.

Во-вторых, следственные дела беспардонно фальсифицированы. Из них изъяты протоколы допросов, которые в той или иной степени изобличали следователей в так называемых незаконных методах дознания. Ведь вскоре после смерти Сталина, когда решили реабилитировать арестованных и остановить почти оформленное и подготовленное к судебной расправе «Дело врачей-вредителей», следственная бригада начала замечать следы фальсифицированного дела.

Давайте вспомним, что писала 6 апреля 1953 г. «Правда»:

«Презренные авантюристы типа Рюмина сфабрикованным им следственным делом пытались разжечь в советском обществе, спянном морально-политическим единством, идеями пролетарского интернационализма, глубоко чуждые социалистической идеологии чувства национальной вражды. В этих провокационных целях они не останавливались перед оголтелой клеветой на советских людей. Тщательной проверкой установлено...»

Рюмин вначале отрицал предъявляемые ему обвинения, однако вскоре вынужден был сдаться. Произошло это после того, как допрашивавшим его следователям надоели пустопорожние препирательства, и они применили такой действенный метод добывания нужных показаний, как пытка строптивного заключенного пребыванием в раздетом виде в холодном карцере. 7 июля 1954 г. военная коллегия Верховного суда СССР вынесла Рюмину расстрельный приговор, который был приведен в исполнение 22 июля.

Понесли наказание и другие бывшие руководители МГБ, причем, думается, не столько за попрание «социалистической законности», допущенное ими в ходе борьбы с «еврейским национализмом», сколько за свои прошлые интриги против Берии. Боясь репрессий, они изымали из следственных дел протоколы допросов. И все равно они не избежали возмездия: их всех пересажали, а некоторых расстреляли.

В-третьих, внимательное изучение протоколов проведенного дознания можно было бы произвести по копиям, которые можно изучить в спокойной обстановке. Но вам дается только десятая часть материалов, а те протоколы, в

которых указаны проходящие по делу лица, или, как у мамы, где указаны фамилии тех, кого она якобы преступно лечила, вам для изучения недоступны.

С любезного согласия проф. Э.С. Любошица я смог подробно ознакомиться с ксерокопированными документами из Дела № 149931 по обвинению проф. В.М. Коган-Ясного по статьям 54-7, 54-10, 54-11 УК УССР, которое вели майор Погребной и капитан Крячко из следственного отдела 4-го Управления МВД Украинской ССР.

Проф. В.М. Коган-Ясный, арестованный 7 февраля 1953 г., был обвинен в том же, в чем обвиняли участников «Дела врачей-вредителей» – в антисоветской агитации, национализме и вредительской деятельности в области медицины. В ксерокопическом варианте, который был представлен родственникам Коган-Ясного, содержится только несколько протоколов допросов, связанных с антисоветской пропагандой и еврейским национализмом. Ни одного протокола с дознанием о его «вредительской» врачебной деятельности в материалах следствия, представленных для ознакомления родственникам, нет. Если в течение первой недели, когда рассматривались вопросы, не связанные с вредительской деятельностью в области медицины, скопированы протоколы пяти допросов (от 7, 8, 11, 12 и 13 февраля), то за следующую неделю, в разгар подготовки «Дела врачей», когда следствие уже домогалось от профессора признания во врачебном вредительстве, только 3 протокола (от 16, 19 и 24 февраля), а за два следующих месяца – всего пять протоколов (от 4, 11, 13, 27 марта и 28 апреля).

Есть у меня предположение, что первоначальный вариант следственного дела проф. В. Коган-Ясного тоже был «освобожден» от потерявших актуальность обвинений во врачебных преступлениях. Грубая фальсификация видна невооруженным глазом: нумерация страниц подчищена, к тому же неаккуратно (спешили!), так что первоначальный номер просматривается (*см. стр. 174*).

И это не все. Внешне протоколы допросов похожи на документально зафиксированный диалог двух интеллигентных людей, направленный на выяснение истины. Это обманчивое впечатление для наивных, и оно у меня вскоре испарилось без остатка. То, что подшито к следственному делу, перепечатано (не всегда), пронумеровано, подписано следователем и заверено личной подписью подозреваемого, отражает только последнюю, третью, завершающую часть допроса. Две предыдущих части – подготовка и проведение самого допроса «за кадром». Но при внимательном взгляде эти предварительные стадии просматриваются, так как именно они и составляют сущность следственного действия. О методах подготовки к допросу мы уже писали. Эти типично сталинские методы, далекие от норм цивилизованного общества, широко использовались и искусственно обострялись следователями с целью вызвать состояние эмоционального перенапряжения у допрашиваемого. Уговоры, обещания, обман – это только сначала. Потом угрозы, запугивания. Затем – пытки, бессоница, «стойки», избиения, карцер, наручники. Все пытки назначал сам

следователь. Из протоколов также видно, что у следователя имелся подстрочник допросов, который ему готовило его непосредственное начальство, направлявшее следствие в нужном ему русле. Нет необходимости говорить, насколько важно было получить следствию «доказательный материал» для готовящегося процесса еще до того, как основные его фигуранты окажутся за решеткой. Арест мамы и был обусловлен тем, что от нее хотели добиться подтверждения основных пунктов сценария, предписанного Сталиным, по готовившемуся делу об «убийцах в белых халатах».

Само проведение допроса тоже далеко от цивилизованного. Смешно сейчас говорить о соблюдении законов юриспруденции, несмотря на то, что Советский Союз подписал Женевские конвенции (1949 г.) и признал Всеобщую декларацию прав человека (1948 г.), в которых пытки запрещены и считаются незаконными приемами следствия. Но этот бесчеловечный метод допроса – излюбленное орудие тиранов всех времен, и Сталин – не исключение. Далее следователь оформляет протокол. Пишет он его собственноручно и только то, что нужно ему по ходу следствия. Очень часто в него вносится лишь малая толика того, о чем шла речь в течение многочасового допроса. Среднее время продолжительности допросов у мамы 4 – 8 часов. Количество страниц протокола – от 3-х до 5-ти. Очень интересная зависимость бросается в глаза: чем длиннее протокол, тем меньше времени уходит на допрос, и наоборот – многочасовое бдение в кабинете следователя, а протокол одно-двухстраничный.

Но для меня даже эта профильтрованная вершина следственной пирамиды, хоть я учитывал ее относительную ценность, имела немаловажное значение. Ввиду того, что я боялся в конце концов не получить необходимого для столь серьезных выводов материала, я законспектировал все следственное дело мамы, затратив на эту работу месяц, благо меня никто из работников ФСБ не торопил.

Уже сейчас, описывая начальный период следственного дела, я сделал для себя очень важный вывод: ввиду того, что мама не пошла на самооговор, не призналась в преступном лечении, не оговорила ни одного из будущих подследственных по «Делу врачей-вредителей», ее исключили из этого сфальсифицированного дела, следственные папки и находящиеся там материалы не претерпели «чистки» и прочих изъятий, а потому наиболее достоверно отражают первый этап подготовки к «Делу врачей-вредителей». Я на это обращаю внимание только для того, чтобы охарактеризовать историческую важность представленного здесь материала. Однако понимание этого придет гораздо позже, а сейчас мы вернемся в июль – август 1952 г., когда «Дело врачей-вредителей» было в стадии подготовки и сотрудникам Следственного отдела МГБ нужно было выполнять приказания начальства как можно быстрее...

245
С т е н о г р а м м а

В. Коган-Ясно

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

арестованного КОГАНА-ЯСНОГО Виктора Моисеевича.

От 4 марта 1953 года, гор. Киев

Допрос начат в 19-30

ВОПРОС: Где вы находились в период Отечественной войны ?

ОТВЕТ: С 1941 года по февраль 1943 года я проживал в гор. Фрунзе Киргизской ССР и работал заведующим кафедрой медицинского института. С февраля 1943 года по январь 1944 года я работал в Москве в Московском областном научно-клиническом институте т.н. "Моники".

ВОПРОС: Чем был вызван ваш выезд в Москву в феврале 1943 года ?

ОТВЕТ: Министерство здравоохранения Союза ССР из Киргизского медицинского института меня отозвало в связи

В. Коган-Ясно

Страница из протокола допроса проф. Когана-Ясного, предоставленная родственникам. Хорошо видна неаккуратная подчистка номера страницы: вместо 354 написана стр. 240.

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА
арестованной ЛИВШИЦ Евгении Федоровны
от 28 июня 1952 года.
Допрос начат в 12 час. 45 мин.

Вопрос: В числе своих связей вы назвали ВОВСИ Мирона Семеновича. Когда и где вы познакомились с ним?

Ответ: Впервые ВОВСИ я увидела примерно в 1925 году на улице в Москве, прогуливаясь со своим мужем. На вопрос, заданный мной мужу, с кем он поздоровался, последний ответил: «Это Мирон Семенович ВОВСИ, ассистент медико-биологического института». В этом институте мой муж являлся аспирантом. Лично с ВОВСИ я познакомилась примерно в 1932 году у него на квартире в день рождения его дочери, куда мы были приглашены с мужем. Жили они тогда на Арбате, по Серебряному переулку, в доме № 5. С тех пор с ВОВСИ и его женой у меня установились приятельские взаимоотношения.

Вопрос: Что сблизило вас с ВОВСИ и его женой?

Ответ: С женой ВОВСИ – Верой Львовной – я познакомилась еще в 1928 году. Знакомство наше началось с того, что мой муж попросил меня сходить на дом к ВОВСИ и посмотреть их ребенка, чтобы определить ему режим питания. Я пошла туда и познакомилась с женой ВОВСИ. В последующее время с ней у меня установились хорошие отношения, чему в немалой степени способствовало то, что дети наши учились в одной школе.

Муж мой в свою очередь сблизился с ВОВСИ Мироном Семеновичем на почве совместной работы. В результате у нас установились дружеские отношения, мы периодически встречались домами. Особенно близкие отношения с ВОВСИ у меня стали за время Отечественной войны.

Вопрос: В чем они выражались?

Ответ: В 1943 году мой сын – Федор Миронович, будучи на учебе в Самарканде в числе слушателей Военно-медицинской академии, сильно заболел абсцессом легкого. Благодаря мужу, при активном содействии ВОВСИ, сын был доставлен в Москву и помещен на лечение в Центральный госпиталь Советской Армии. В течение пяти месяцев мой сын находился в крайне тяжелом положении, между жизнью и смертью, и все это время ВОВСИ принимал активное участие в его лечении. В результате сын мой был спасен, чему я была очень признательна ВОВСИ, который в то время являлся главным терапевтом Советской Армии.

Мой муж с начала Отечественной войны был на фронте армейским терапевтом, а позже – терапевтом Карельского, а затем 4-го Украинского и 3-го Прибалтийского фронтов и все это время находился в подчинении ВОВСИ.

Вопрос: С помощью ВОВСИ, как известно, ваш муж был отозван с фронта и устроен на «теплое местечко» в Москве. Не так ли?

Ответ: Действительно, в 1944 году мой муж вернулся с фронта в Москву и стал работать в Центральном госпитале Советской Армии, кажется, в качестве заведующего клиникой института питания Советской Армии. А вскоре его назначили главным консультантом всего госпиталя.

Вопрос: А почему вы умалчиваете о том, что все это было сделано при активном содействии ВОВСИ?

Ответ: Не отрицаю, что мой муж с фронта был отозван ВОВСИ и устроен в Центральный госпиталь Советской Армии.

Вопрос: Чем объяснить столь чуткое и внимательное отношение к вам и вашему мужу со стороны ВОВСИ?

Ответ: Я объясняю это тем, что ВОВСИ ценил моего мужа как незаурядного специалиста, энергичного человека.

Вопрос: Разве только этим?

Ответ: Других причин к этому я не видела.

Вопрос: Надо полагать, вы и ваш муж не оставались в долгу перед ВОВСИ?

Ответ: Мы платили ему хорошим отношением. В мае 1949 года у ВОВСИ появился внук. Я навещала его и давала матери необходимые советы. Ребенок развивался нормально. ВОВСИ был благодарен мне за это.

Вопрос: Что вам известно о прошлом ВОВСИ?

Ответ: Кто были родители ВОВСИ, мне неизвестно. Знаю лишь, что проживали они в г. Двинске. Во время Отечественной войны от рук гитлеровцев погибли отец ВОВСИ, брат – Борис Семенович, жена брата /имени ее не знаю/ и их сын. Мать ВОВСИ, насколько мне известно, умерла еще до войны. У ВОВСИ был двоюродный брат – известный артист еврейского театра МИХОЭЛС, который погиб в г. Минске, примерно, в 1948 году, став жертвой автомобильной катастрофы.

Вопрос: Покажите о политических убеждениях ВОВСИ?

Ответ: Они мне неизвестны, так как на политические темы мне с ним разговаривать не приходилось.

Вопрос: Вы показываете неправду. ВОВСИ является убежденным еврейским националистом, и вам известно об этом.

Ответ: Повторяю: политические взгляды ВОВСИ мне неизвестны, ибо мне не приходилось говорить с ним по вопросам политики. Националистических высказываний от него я не слышала.

Допрос окончен в 17 час.30 мин.

Протокол допроса мною прочитан, записан с моих слов верно (ЛИВШИЦ).

Допросил: ПОМ. НАЧ. ОТД. СЛЕДОТДЕЛА ГЛ. УПР. МГБ СССР МАЙОР ГОС-БЕЗОПАСНОСТИ (ЗОТОВ).

* * *

30 июня на Лубянку приглашается свидетельница Новоселова Анисья Кирилловна, медицинская сестра из Лечсанупра Кремля.

Вопрос: Дайте характеристику врачу Лившиц Е.Ф., с которой вы уже много лет работаете вместе.

Ответ: Лившиц – очень неуравновешенный человек, вечно чем-то недовольна, криклива, ворчлива. Семьи ею были недовольны, но конкретных претензий не высказывали.

Вопрос: Вам известны случаи ее неправильных диагнозов?

Ответ: Мне такие случаи неизвестны.

* * *

1 июля на Лубянку приглашается свидетель Елена Яковлевна Синай – врач, ранее работавшая в Лечсанупре Кремля.

Вопрос: Охарактеризуйте врача Лившиц Е.Ф.

Ответ: Опытный специалист. К своим обязанностям относилась серьезно. Случаев расхождения в диагнозе не было.

Вопрос: Могли бы вы привести случай неправильного лечения?

Ответ: Не могу.

Вопрос: Расскажите о политических убеждениях Лившиц.

Ответ: Ничего не могу сказать.

Вопрос: Высказывала ли Лившиц неприязнь к «Нулевой группе»?

Ответ: Не высказывала.

* * *

Из протокола допроса подследственной Лившиц Е.Ф. от 1 июля 1952 г.

Допрос начат в 13.00.

Вопрос: Продолжайте показывать о Вовси.

Ответ: Преклоняюсь перед авторитетом М.С. Вовси. О националистических взглядах никогда не слышала, вполне советский человек, своих антисоветских высказываний при нем не допускала.

Допрос окончен в 19.15.

* * *

Из протокола допроса подследственной Лившиц Е.Ф. от 2 июля 1952 г.

Допрос начат в 13.15.

Вопрос: О дружественных связях с Темкиным Я.С. в Москве и Кашине. Темкин – убежденный еврейский националист, вы знаете и скрываете связи с Темкиным и Вовси и общность националистических убеждений.

Ответ: Политические убеждения как Темкина, так и Вовси мне неизвестны. Подтверждаю, что они симпатизировали друг другу. Темкин – крупный специалист.

Окончен в 19.00.

* * *

Из ночного протокола подследственной Лившиц Е.Ф. от 2 июля 1952 г.

Допрос начат 23.00.

Вопрос: О дружественных связях с Баринблатом Исааком Григорьевичем.

Ответ: О националистических высказываниях не слышала.

Окончен в 2 часа.

* * *

Из протокола допроса подследственной Лившиц Е.Ф. от 3 июля 1952 г.

Допрос начат в 12.10.

Вопрос: О лечении сына Димитрова – Мити. Осложнения на почки после гриппа.

Ответ: Я лечила его правильно и в его смерти не повинна. Умер от токсической дифтерии и паралича сердца. В этот период его лечил д-р Круть Г.Ив. (*к тому времени уже умерший – Ф.Л.*)

Окончен в 18.00.

Ночной допрос 3 июля на эту же тему начат в 22.00. Окончен – в 3.20.

* * *

**ПРОТОКОЛ ДОПРОСА
арестованной ЛИВШИЦ Евгении Федоровны
от 4 июля 1952 года.
Допрос начат в 15 часов.**

Вопрос: На прошлых допросах вы не дали откровенных показаний о вашей преступной деятельности против Советского государства. Предлагаем сейчас показать об этом.

Ответ: Как я уже показывала ранее, моя преступная деятельность заключалась в том, что я клеветала на советскую действительность, на руководителей партии и Советского государства. Я это признавала раньше и признаю сейчас.

Вопрос: Разве только в этом состояла ваша преступная работа?

Ответ: Только в этом.

Вопрос: А почему вы умалчиваете о своей преступной деятельности в области медицины?

Ответ: В этой области преступлений я не совершала.

Вопрос: Нет, совершали, и потрудитесь дать на этот счет правдивые показания.

Ответ: Преступлений по работе я не делала.

Вопрос: Выше вы показали, что занимались клеветой в адрес руководителей партии и Советского государства. Делали вы это в силу своего враждебного отношения к ним, чего, видимо, вы не будете отрицать?

Ответ: Не буду, так как это соответствует действительности.

Вопрос: Вместе с тем, вы бывали в семьях руководителей партии и Советского правительства. Не так ли?

Ответ: Бывала.

Вопрос: И больше того, вы являлись лечащим врачом?

Ответ: Да, я лечила детей как их, так и близких родственников.

Вопрос: Лечили вы их преступно. Вот и показывайте об этом.

Ответ: Детей я лечила не преступно, а честно.

Вопрос: И вы, будучи настроенной враждебно к советской действительности, к руководителям партии и Советского государства, смеете еще говорить о какой-то честности в работе.

Ответ: Повторяю, я лечила детей не преступно, мои антисоветские настроения не мешали мне честно относиться к исполнению своих служебных обязанностей.

Вопрос: На ряде прошлых допросов вы признали, что лечили детей «без души». Объясните, что это означало?

Ответ: Я выполняла свой долг врача без любви.

Вопрос: Как же выглядело такое выполнение долга. Покажите об этом наглядно.

Ответ: Я не знаю, что вам ответить на это. Во всяком случае, вредительством я не занималась.

Допрос окончен в 18 ч. 30 мин. Протокол допроса мною прочитан, записан с моих слов верно (*ЛИВШИЦ*). Майор Госбезопасности (*ЗОТОВ*).

* * *

Из протокола допроса арестованной ЛИВШИЦ Евгении Федоровны от 5 июля 1952 г. На допросе присутствовал Афанасьев – пом. Нач. след. отдела 2 гл. упр. МГБ СССР; допрос начался в 14.20.

Вопросы: Об антисоветских настроениях. О вредительской работе в области медицины.

Ответ: Признаю себя виновной, в силу антисоветских убеждений вела антисоветскую агитацию, распространяла гнусные измышления с 1950 г. Клеветала на вождя. Работая врачом, я вредительством не занималась.

Допрос окончен в 15.45.

* * *

**ПРОТОКОЛ ДОПРОСА
арестованной ЛИВШИЦ Евгении Федоровны
от 7 июля 1952 года.
Допрос начат в 13 часов.**

Вопрос: Признавшись на ряде прошлых допросов в том, что вы в силу своих антисоветских убеждений клеветали на советскую действительность, на руководителей партии и Советского правительства, однако вы до сего времени не дали правдивых показаний на вопрос о причинах, в силу которых вы стали врагом Советской власти. Сейчас вы намерены показать об этом?

Ответ: У меня не было для этого никаких причин.

Вопрос: Из вашего ответа нетрудно понять, что вы не желаете дать на этот счет правдивых показаний.

Ответ: У меня, повторяю, не было причин к тому, чтобы я была противницей Советской власти.

Вопрос: Значит, по-вашему выходит, что антисоветским человеком вы стали безо всяких причин. Так вас следует понимать?

Ответ: Да, так. Только моя повышенная нервозность способствовала этому.

Вопрос: Ваши ответы не только не убедительны, а просто смешны и свидетельствуют об одном – нежелании говорить правду.

Ответ: Я хочу говорить правду, но не знаю, что сказать.

Вопрос: Вам есть чего сказать. Кончайте говорить нелепости и показывайте откровенно: в силу каких причин вы стали врагом Советской власти?

Ответ: Мне нечего показать на этот счет. Никто не оказывал на меня влияние в смысле формирования моих антисоветских взглядов. Они появились сами по себе.

Допрос окончен в 17 ч.10 мин.

Протокол допроса мною прочитан, записан с моих слов верно. (ЛИВШИЦ)

Допросил: ПОМ. НАЧ. ОТД. СЛЕДОТДЕЛА 2 ГЛ.УПР.МГБ СССР Майор Госбезопасности (ЗОТОВ).

8 и 9 июля, как днем, так и ночью, шли изнуряющие допросы. 4 допроса заняли в общей сложности 20 часов и заканчивались таким образом, чтобы подследственная попала в камеру перед самым подъемом. В протоколах зафиксированы только высказывания мамы о «злых клеветнических выпадах в адрес вождя». Требования следователя признать, что в ее «антисоветской деятельности» кто-то ею руководил, отвергаются мамой категорично и бесповоротно. А Зотову нужно как можно скорее доложить начальству о «руководстве», осуществляемом М.С. Вовси Я.С. Темкиным и Б.Б. Коганом.

Допрос 10 июля о том же и с тем же результатом длился с 11.45 утра до 3.50 ночи и продолжался 11 июля практически целый день. Свое «преступление» мама ограничивала только антисоветскими разговорами с О.Г.Мазур (приятельница, оказавшаяся сексотом), двоюродной сестрой Ю.Я Ногаллер и соседом по лестничной клетке врачом М.Г. Шнейдеровичем.

В заключение этой серии допросов, вымотавших до конца маму, следователь Зотов в протоколе от 12 июля фиксирует:

Вопрос: Вы не даете показаний о совместной вредительской работе с Вовси и Темкиным и о своей антисоветской деятельности?

Ответ: Я даю откровенные показания, но я затрудняюсь привести факты об их антисоветской деятельности. Меня подводит память.

Чтобы сломить сопротивление мамы, в качестве подготовки к нажиму с целью признания ее террористической деятельности в Лечсанупре Кремля и наличии руководства в ее «преступной вредительской деятельности в медицине», ее отправляют в карцер. Но безрезультатно!..

После двухсуточного карцера и следовавшего затем 4-часового ночного допроса Зотов оформляет протокол:

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

арестованной Лившиц Евгении Федоровны

от 14-го июля 1952 года.

Допрос начат в 23 часа.

Вопрос: На ряде прошлых допросов вы признались в том, что в силу своего враждебного отношения к советскому строю вы вели среди своего окружения антисоветскую националистическую агитацию.

Показывайте о других совершенных вами преступлениях?

Ответ: Действительно, я в силу своего враждебного отношения к существующему в СССР строю, возводила клевету на советскую действительность, на руководителей партии и советского правительства.

В этом состоит моя преступная деятельность. Других преступлений я не совершала.

Вопрос: А почему вы обходите молчанием свою преступную деятельность в области медицины?

Ответ: Преступной деятельностью в этой области я не занималась.

Вопрос: Нет, занималась. Предлагаем показать об этом откровенно?

Ответ: Я говорю правду. Преступную работу в области медицины я не вела.

Вопрос: В распоряжении следствия имеются данные, свидетельствующие о том, что вы к выполнению своих обязанностей – лечащего врача – относились преступно. Показывайте об этом?

Ответ: Работала я честно и на этот счет мне больше сказать нечего.

Вопрос: И это вы – ЛИВШИЦ, убежденный противник советской власти, смее-те говорить о какой-то «честности» в выполнении обязанностей врача?

Ответ: Я честно лечила детей. Мои антисоветские настроения не мешали этому.

Вопрос: Ложь!

Ответ: Я не лгу, а говорю правду.

Допрос окончен в 2 ч. 20 м.

Протокол допроса мною прочитан, записан с моих слов верно (ЛИВШИЦ).

Допросил: ПОМ. НАЧ. ОТД. СЛЕДОТДЕЛА 2 ГЛ. УПР. МГБ СССР (ЗОТОВ).

Суконный язык протокола не может скрыть борьбу за каждую фразу, за каждое слово. У следователя непростая задача – ему надо так сформулировать протокол, чтобы подследственный его подписал и не увидел поставленную им ловушку. Но мама, несмотря на тяжелое состояние, непреклонна. Следователь Зотов теряет выдержку. В протоколах допросов он фиксирует ранее не заносимые им предложения: «Вы лжете!», «Ложь», «Продолжаете лгать»...

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

арестованной ЛИВШИЦ Евгении Федоровны

от 15 июля 1952 года.

Допрос начат в 13 ч. 15 мин.

Вопрос: Предлагаем дать откровенные показания о проводимой вами преступной работе в области медицины.

Ответ: Преступлений в области медицины я не совершала.

Вопрос: Не лгите.

Ответ: Я не лгу, а говорю правду.

Вопрос: Неправда. Вы преступно относились к лечению больных тогда, когда вы работали в Лечсанупре Кремля. Следствие требует от вас правдивых показаний по этому вопросу.

Ответ: В Лечсанупре Кремля я работала честно и преступлений не совершала.

Вопрос: Следствие еще раз обращает ваше внимание на то, что вы не хотите давать правдивые показания о вашей преступной деятельности в области медицины и предлагает сделать из этого соответствующие выводы.

Допрос окончен в 17 ч.

Протокол допроса мною прочитан, записан с моих слов верно (*ЛИФШИЦ*).

Допросил: ПОМ. НАЧ. ОТД. СЛЕДОТДЕЛА 2 ГЛ. УПР. МГБ СССР майор Госбезопасности (*ЗОТОВ*).

Ниже я приведу несколько протоколов, показывающих стойкость мамы, несмотря на изнурительные допросы, пытку карцером, отсутствием сна, стойкам и наручникам. Протоколы однотипны и даже однофразны. Читая их, я видел измученную маму и разъяренного следователя, теряющего терпение и пассивного перед женщиной. Силы на исходе – уже почти месяц без сна и отдыха, постоянные издевательства, запугивания.

Из протоколов видно, как постепенно ее дожимали, ловя на слове. Она плавменяема, но, собрав остатки воли, ломает все построения следователей.

* * *

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА
арестованной ЛИВШИЦ Евгении Федоровны
от 16 июля 1952 года.
Допрос начат в 14 часов.

Вопрос: Следствие требует от вас правдивых показаний о всех совершенных вами преступлениях в области медицины.

Ответ: На поприще медицины я преступлений, повторяю, не совершала.

Вопрос: Вы, как и прежде, вопреки фактам, имеющимся в распоряжении следствия, пытаетесь скрыть преступную работу, которую вы проводили в Лечсанупре Кремля, отсюда и ваше нежелание давать показания. Так расценивает ваше поведение следствие. Учтите это.

Ответ: Еще раз заявляю следствию: преступлений по своей непосредственной работе – врача, в Лечсанупре Кремля – я не совершала. О своей преступной деятельности на прошлых допросах я дала подробные показания и готова их повторить.

Вопрос: Признавшись в ходе следствия во враждебном отношении к Советской власти, в распространении клеветы в адрес руководителей партии и Советского правительства, вы, однако, упорно скрываете свою вражескую работу в области медицины. Показывайте об этом.

Ответ: Я не совершала больше никаких преступлений, кроме тех, о которых я уже показала. Возможно, в своей работе я допускала серьезные ошибки, и если следствие напомним мне о них, я готова дать по ним правдивые объяснения.

Вопрос: Следствие требует от вас показаний не об ошибках, допущенных вами по работе, а о преступной деятельности, которой вы занимались в силу своего враждебного отношения к советскому строю.

Вот и показывайте об этом.

Ответ: Таких показаний я дать не могу. Каких-либо сознательных преступных действий при лечении больных я не допускала, а поэтому в моем распоряжении нет таких фактов. Свои антисоветские убеждения я не переносила на больных.

Допрос окончен в 16 ч.50 м.

Протокол допроса мною прочитан, записан с моих слов (ЛИВШИЦ).

Допросил: ПОМ. НАЧ. ОТД. СЛЕДОТДЕЛА 2 ГЛ. УПР. МГБ СССР майор Госбезопасности (ЗОТОВ).

* * *

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА
арестованной ЛИВШИЦ Евгении Федоровны
от 16 июля 1952 года.
Допрос начат в 22 ч. 30 мин.

Вопрос: Несмотря на неоднократные требования со стороны следствия, вы до сих пор не дали показаний о проводимой вами вражеской работе в области медицины. Сейчас предлагаем показать об этом.

Ответ: Вражеской работы в области медицины я не проводила.

Вопрос: И это говорите вы – ЛИВШИЦ, являясь убежденным противником Советской власти.

Ответ: Не отрицаю этого, однако преступной работы на поприще врача я не проводила.

Вопрос: В распоряжении следствия имеются и другие факты, подтверждающие вашу преступную деятельность как врача Лечсанупра Кремля. Показывайте об этом откровенно, в противном случае вы будете изобличены.

Ответ: Преступной деятельностью в Лечсанупре Кремля я не занималась и поэтому не могу привести на этот счет никаких конкретных фактов.

Вопрос: В ходе следствия вы признались в том, что в силу своих антисоветских националистических убеждений вы враждебно относились к руководителям партии и Советского правительства. – Не так ли?

Ответ: Да, это так.

Вопрос: Ваша ненависть к руководителям партии и Советского государства внешне выражалась в гнусной и злобной клевете в их адрес. Видимо, вы и этого не будете отрицать?

Ответ: Не буду, так как это соответствует действительности.

Вопрос: Как же, в таком случае, вы осуществляли медицинское обслуживание семей руководителей партии и Советского правительства, а также других ответственных работников, говорите откровенно?

Ответ: Мои антисоветские настроения, моя вражда к руководителям партии и Советского правительства не переносилась на их детей и родственников. К своей непосредственной работе в Лечсанупре Кремля я относилась добросовестно.

Вопрос: Будучи врагом Советской власти, да еще обслуживая семьи руководителей партии и Советского государства, вы не могли добросовестно относиться к выполнению своих обязанностей врача. Бросьте лгать и показывайте откровенно о вашей преступной деятельности в области медицины.

Ответ: Повторяю, я добросовестно лечила своих больных, невзирая на свои антисоветские убеждения.

Вопрос: Продолжаете лгать?

Ответ: Нет, я не лгу.

Вопрос: На ряде прошлых допросов вы признались в том, что в силу своего враждебного отношения к руководителям партии и Советского правительства к обслуживанию членов их семей вы относились «без души». Объясните, как выглядело такое обслуживание.

Ответ: Я формально выполняла свой долг врача.

Вопрос: А что значит «формально выполнять свой долг врача». Как это выглядело у вас практически?

Ответ: Я не знаю, что ответить на это.

Вопрос: Вам что вопрос не понятен?

Ответ: Нет, понятен.

Вопрос: В таком случае, отвечайте на него.

Ответ: Я не знаю, что мне ответить.

Вопрос: Отвечайте, что означало ваше «бездушное отношение» к работе при обслуживании членов семей руководителей партии и Советского правительства?

Ответ: Не знаю, как ответить мне на этот вопрос.

Вопрос: Вы сознательно не хотите отвечать на него, в противном случае вам бы пришлось дать показания о вашей преступной деятельности на посту врача.

Ответ: Я не занималась преступной деятельностью в бытность врачом Лечсанупра Кремля.

Вопрос: Следствие вновь обращает ваше внимание на нежелание с вашей стороны показывать правду и предлагает сделать из этого соответствующие выводы.

Допрос окончен в 3 ч. 20 мин.

Протокол допроса мною прочитан, записан с моих слов (*ЛИВШИЦ*).

Допросил: ПОМ. НАЧ. ОТД. СЛЕДОТДЕЛА 2 ГЛ. УПР. МГБ СССР майор Госбезопасности (*ЗОТОВ*).

Мама на грани срыва. За прошедшие три недели три трехдневных карцера и 11 бессонных суток. Из положенных по тюремному распорядку 170-ти часов для сна ей удалось, если удалось, поспать не больше 50-ти (*см. рис. № 4 на стр. 195*). Зотов теряет терпение, и это проявляется в беспримерной грубости, запугивании, шантаже. Ноги от стоек распухли, кожа на них лопается. Тело как мешок костей. Запугивают, что если будет продолжать запирается и не давать признательных показаний, ей наденут кандалы, уничтожат сына, разделаются с матерью. И она начинает сдаваться. Не сразу, а постепенно, шаг за шагом.

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА
арестованной ЛИВШИЦ Евгении Федоровны
от 17 июля 1952 года.
Допрос начат в 13 ч. 30 мин.

Вопрос: На прошлом допросе, как и на ряде предыдущих допросов, вы признались в том, что к обслуживанию семей руководителей партии и Советского правительства, то есть семей охраняемых, вы, как лечащий врач, относились «без души», однако не дали вразумительного ответа на вопрос: как же фактически выглядело такое обслуживание. Показывайте сейчас об этом.

Ответ: Я формально относилась к лечению детей охраняемых.

Вопрос: Как вас следует понимать?

Ответ: Я не знаю, что мне сказать.

Вопрос: От вас требуется объяснить, как вы относились к лечению детей охраняемых.

Ответ: Я не могу ничего ответить.

Вопрос: Почему?

Ответ: Так как не знаю, что ответить.

Вопрос: Следствие добивается от вас правдивого ответа на вопрос – как вы лечили детей охраняемых? Говорите правду!

Ответ: Я их лечила не преступно.

Вопрос: Выше вы показали, что детей охраняемых вы лечили «без души». Раскройте смысл этих слов.

Ответ: Я ничего не могу сказать.

Вопрос: Вы сознательно избегаете прямых ответов на поставленные вопросы, чтобы скрыть от следствия преступные стороны своей работы. Так расценивает следствие ваше поведение на допросе.

Ответ: Я не совершала преступлений.

Вопрос: Неправда, подлогами, фальсификациями историй болезней, а также другими преступными делами вы занимались в Лечсанупре Кремля.

Ответ: Признаюсь, что я, работая в Лечсанупре Кремля, допускала фальсификации историй болезней.

Вопрос: Приведите конкретные факты.

Ответ: Сейчас я их не помню. Разрешите мне собраться с мыслями и на следующем допросе я постараюсь привести конкретные факты.

Вопрос: Хорошо. По этому вопросу вы еще будете допрошены, а сейчас вернемся к разбираемому нами вопросу, как вы относились к лечению детей охраняемых. Отвечайте.

Ответ: Не преступно.

Вопрос: Но «без души»?

Ответ: Да, «без души».

Вопрос: А что значит «без души»?

Ответ: Формально.

Вопрос: А что значит «формально»?

Ответ: Без любви.

Вопрос: А это что значит?

Ответ: Я не могу больше ничего сказать.

Вопрос: Ваш ответ свидетельствует об одном – нежелании говорить правду.

Ответ: Я говорю правду.

Допрос окончен в 18 ч. 30 м.

Протокол допроса мною прочитан, записан с моих слов (ЛИВШИЦ).

Допросил: ПОМ. НАЧ. ОТД. СЛЕДОТДЕЛА 2 ГЛ. УПР. МГБ СССР майор Госбезопасности (ЗОТОВ).

Достигнутый, хоть и мизерный, успех надо закрепить. Ночной допрос ведут уже двое: Зотов и Панкратов.

Здесь работник лубянского архива выполнил свое условие и не дал мне протоколов, так как в них были указаны фамилии маминых пациентов, но я сделал краткие выписки и могу их представить.

* * *

Из протокола ночного допроса этого же 17 июля 1952 г. Допрос начат в 23 ч., продолжался всю ночь и весь следующий день (18 июля) до 16 ч. и после часового перерыва продолжался до 21 ч. 45 мин.

Вопрос: Вы, будучи лечащим врачом, относились к своим пациентам «без души»?

Ответ: Я формально относилась к лечению детей. Но я их лечила не преступно. Признаюсь, что работая в Лечсанупре Кремля, я допускала фальсификацию историй болезней.

Вопрос: Вы не желаете говорить правду.

Ответ: Больше того, что я сказала, я не могу ничего сказать.

Вопрос: Давайте правдивые показания о порочных методах работы во время лечения Тани Поповой (дочь Г.М. Попова, в то время – председателя Мосгорисполкома и 1-го секретаря МК и МГК. Одновременно – секретаря ЦК – Ф.Л.)

Ответ: Прошу следствие напомнить мне детали. Признаю, что ряд историй болезней детей и внуков членов правительства исправляла в выгодном для меня свете, диагноз по которым я устанавливала неточно, или с большим опозданием, преступная халатность. Так, например, я не вписала пульс в историю болезни Тани Поповой.

Вопрос: Учтите, что на следующем допросе вам придется дать показания о других фактах вашей преступной деятельности.

* * *

**Из протоколов допроса от 19, 21, 22 и 23 июля 1952 г.
Допросы начинались примерно в 13 час.**

Вопрос: Показывайте следствию о том, как ставился диагноз медиастенита у Розы Тевосян.

Ответ: Я допустила порочные методы лечения Розы Тевосян. Правильный диагноз был поставлен только через год проф. ВОВСИ. Проф. ДОМБРОВСКАЯ поставила диагноз медиастенита ревматического происхождения, а

ВОВСИ решил, что это медиастенит туберкулезной этиологии. Но ВОВСИ оставил в истории болезни диагноз ДОМБРОВСКОЙ, чтобы не обижать ДОМБРОВСКУЮ, но направил в санаторий Барвиха, где ребенка лечили от ТВС.

Вопрос: В каких случаях ВОВСИ давал ложные заключения и какие результаты лечения Розы Тевосян?

Ответ: О результатах противотуберкулезного лечения Розы Тевосян не знаю, так как была уволена из Лечсанупра. О ложных заключениях проф. ВОВСИ я ничего не знаю.

Мама начала давать показания, более угодные следствию, и, воспользовавшись этим обстоятельством, следователь Зотов продолжает нажим, несмотря на явное ухудшение психического состояния мамы. Помимо глубокой подавленности и нарушения адекватного восприятия действительности, начались галлюцинации, бред, временами спутанность сознания, патологическое возбуждение сменялось полной апатией. Но ПОМ. НАЧ. ОТД. СЛЕДОТДЕЛА 2 ГЛ. УПР. МГБ СССР майор госбезопасности Зотов продолжает допросы...

Из-за плохого состояния мамы допросы, как правило, проходили только днем, а заканчивались к отбою.

Из протоколов допроса от 24, 25 июля 1952 г.

Вопрос: Показывайте откровенно о преступно-халатном лечении Толика (записал имя неотчетливо – Ф.Л.) Кагановича.

Ответ: Допустила оплошность при лечении внука Кагановича, назначив ему прививку, в то время, как он был после перенесенной скарлатины. Я допустила преступную халатность.

* * *

Из протоколов допроса от 26, 28, 29, 30 июля и 1 августа 1952 г.

Вопрос: К производству прививок вы относились халатно.

Ответ: Я отнеслась халатно при противодифтерийной прививке дочери Пономаренко Зине.

Вопрос: Следствию известно, что к лечению внука Ф. Дзержинского вы отнеслись преступно. Вы не посетили больного при высокой температуре.

Ответ: Это халатность с моей стороны, преступная халатность. Но я лечила его правильно.

Вопрос: Дайте показания о лечении Миши Андрианова.

Ответ: Я халатно отнеслась к лечению Миши Андрианова. Я лечила на дому инфекционную болезнь (дифтерию).

Вопрос: Продолжайте показания.

Ответ: Сама припомнила – внучку А. Андреева я лечила от гриппа, а было воспаление легких. Я просмотрела пневмонию, а ДОМБРОВСКАЯ поставила правильный диагноз.

Вопрос: Продолжайте показания о неправильном лечении внука Маленкова.

Ответ: Сережу Маленкова я лечила правильно, но я похитила настольный календарь и маленькие ножницы.

Часть заказа, который был спущен «сверху» ПОМ. НАЧ. ОТД. СЛЕДОТ-ДЕЛА 2 ГЛ. УПР. МГБ СССР, майор госбезопасности Зотов выполнил – довел маму до признания в неправильном, преступном лечении детей «охраняемого контингента», «лечащего контингента». (*Формулировки-то какие! Ф.Л.*) Теперь надо переходить к следующему этапу: выявить руководителей ее преступной деятельности «в области медицины».

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА
арестованной Лившиц Евгении Федоровны
от 5 августа 1952 г.
Допрос начат в 12 час. 30 мин.

Вопрос: На ряде прошлых допросов вы признались в том, что работая в Лечсанупре Кремля вы преступно относились к лечению больных. Чем это было вызвано?

Ответ: Халатным отношением к работе, чрезмерной перегруженностью, не-сознательностью.

Вопрос: Как это далеко от истины.

Ответ: Я показываю правду.

Вопрос: А почему вы сбрасываете со счета свои антисоветские взгляды. Раз-ве они не оказывали влияния на вашу работу?

Ответ: Не оказывали.

Вопрос: Ваш ответ свидетельствует о явном нежелании говорить правду.

Ответ: Я буду говорить правду.

Вопрос: Говорите?

Ответ: Не отрицаю, что мои антисоветские взгляды влияли на мою работу в Лечсанупре Кремля.

Вопрос: Каким образом?

Ответ: Они дезорганизовали меня.

Вопрос: Как вас следует понимать?

Ответ: Они притупили чувство бдительности и ответственности.

Вопрос: Непонятно. Объясните как следует?

Ответ: Я не знаю, что мне ответить.

Вопрос: Дайте вразумительный ответ на вопрос: какое влияние оказывали на вашу работу в Лечсанупре Кремля ваши антисоветские убеждения?

Ответ: Мои антисоветские взгляды безусловно оказывали отрицательное влияние на мою работу в Лечсанупре Кремля.

Вопрос: Говорите конкретнее.

Ответ: В силу своих антисоветских убеждений я нечестно относилась к своим обязанностям врача Лечсанупра Кремля.

Вопрос: Опять вы говорите слишком обще.

Ответ: Буду говорить конкретнее. Исходя из своих враждебных советской власти взглядов, я работала «без души», не проявляла любви и интереса к работе, не глубоко, а подчас очень поверхностно вникала в болезнь того или ино-го ребенка, которого мне приходилось лечить. Бывали случаи, когда я шла к боль-ному, не зная заранее перенесенного им заболевания и не считала нужным за-

глядывать в историю болезни. Частенько я вообще выезжала к больным без истории болезни, а потом заполняла их.

Вопрос: Что же это было за лечение. Объясните?

Ответ: Я преступно лечила больных. Приведенные в ходе следствия факты являются свидетельством этому.

Вопрос: Теперь ответьте на такой вопрос: что значит преступно лечить больных?

Ответ: Это значит наносить вред их здоровью.

Вопрос: Вы признаете, что следствием вашего преступного лечения являлось ухудшение здоровья больных?

Ответ: Признаю.

Вопрос: Вы это делали сознательно, исходя из своих вражеских замыслов. Говорите правду?

Ответ: Нет, я это делала бессознательно, не преследуя каких-либо вредительских целей.

Вопрос: Неправда. Учтите, ЛИВШИЦ, что по этому вопросу вам придется дать откровенные показания.

Допрос окончен в 18 час. 15 мин.

Протокол допроса мною прочитан, записан с моих слов (ЛИВШИЦ).

Допросил: ПОМ. НАЧ. ОТД. СЛЕДОТДЕЛА 2 ГЛ. УПР. МГБ СССР майор Госбезопасности. (ЗОТОВ)

* * *

В ту же ночь...

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА
арестованной ЛИВШИЦ Евгении Федоровны
от 5 августа 1952 г.
Допрос начат в 22 час.

Вопрос: На прошлом допросе вы показали о том, что вы преступно относились к лечению больных Лечсанупра Кремля в силу своих антисоветских взглядов, сознавая, что вы этим причиняете вред их здоровью. Наряду с этим, в конце допроса, вы заявили, что делали это бессознательно. Почему вы так непоследовательны в своих показаниях?

Ответ: Не отрицаю, что я преступно относилась к лечению больных, но делала я это без злого умысла, не преследуя цель причинить им вред. Все это являлось следствием моего халатного отношения к исполнению своих обязанностей.

Вопрос: А в чем были корни вашей халатности?

Ответ: В моей перегруженности по работе. Ко мне было прикреплено очень много больных.

Вопрос: Какое наивное объяснение. Кстати сказать, на прошлом допросе по существу затронутого вопроса вы показывали иначе, причем, тогда вы были более откровенны. Так будьте же последовательны до конца.

Ответ: Я преступно халатно относилась к лечению больных, но вред, который я им причиняла ввиду этого, не был сознательным.

Вопрос: Разве вы, как врач, не сознавали, что следствием вашего преступно халатного отношения к лечению больных наносился вред их здоровью.

Ответ: Сознавала.

Вопрос: Раз вы это сознавали, так почему же вы преступно относились к своим обязанностям лечащего врача Лечсанупра Кремля?

Ответ: Умышленно я не хотела вредить.

Вопрос: Выходит по вашему, вы вредили неумышленно?

Ответ: Да, неумышленно. Я не хотела вредить.

Вопрос: Странно. Вредить не хотели, а вредили. Где же логика?

Ответ: Я преступно халатно относилась к лечению больных.

Вопрос: Почему, что мешало вам честно исполнять свои обязанности?

Ответ: Ничего мне не мешало.

Вопрос: А почему же вы преступно относились к своим обязанностям?

Ответ: Благодаря тому, что я не сознавала ответственности, которая на мне лежала.

Вопрос: На вас лежала одна ответственность – честно, со знанием дела, лечить больных. Как вы могли не сознавать это?

Ответ: Я сознавала необходимость честно выполнять свой долг – врача.

Вопрос: Что же препятствовало этому?

Ответ: Ничего не препятствовало.

Вопрос: Почему же, в таком случае, вы преступно относились к лечению больных?

Ответ: Это явилось следствием моих антисоветских настроений.

Вопрос: Почему вы сразу не показали об этом, а вели себя так неискренно?

Ответ: Боязнь ответственности мешала мне честно, с самого начала показать об этом.

Допрос окончен в 2 ч.15 мин.

Протокол допроса мною прочитан, записан с моих слов (*ЛИВШИЦ*).

Допросил: ПОМ. НАЧ. ОТД. СЛЕДОТДЕЛА 2 ГЛ. УПР. МГБ СССР майор госбезопасности (*ЗОТОВ*).

* * *

В то время, когда мама не давала нужные следствию показания (с 25 июня до 21 июля), она трижды в течение 150-ти часов была в карцере. В этот же период за 27 дней следствия был проведен 31 допрос, из них 12 – ночных. Вместо 220-ти часов сна, отведенных тюремным режимом, маме было отпущено всего 75 часов. Видимо, мама была в очень плохом физическом и психическом состоянии, и Зотов ей дает день отдыха – 6 августа. О ее состоянии можно судить по записи в истории болезни Института судебной психиатрии им. Сербского, куда она попала через два дня, и врачебной справки начальника санчасти Внутренней тюрьмы МГБ СССР. Но несмотря на это состояние, следовательно Зотов добивает ее изнурительными дневными и ночными допросами, протоколы которых представлены ниже. Копии протоколов, дневного и ночного, мне не были даны, так как в протоколах указывались фамилии ее пациентов, поэтому представляю мои выписки из протокола допроса, проведенного 7 августа 1952 г. Дневной допрос продолжался почти пять часов (с 12.00 до 16.45), а ночной – более трех часов (с 22.00 до 1.45).

Вопрос: Показывайте о преступном лечении дочки Жукова?

Ответ: Лечение Эллы Жуковой, страдавшей искривлением позвоночника, проводилось мною правильно.

Вопрос: Дайте показания о преступном лечении Алексея Сафонова.

Ответ: Не отрицаю, что я преступно халатно отнеслась к лечению этого ребенка. Я лечила его от гриппа, а у него появились подозрения на дифтерию.

Вопрос: Вы не даете откровенных показаний о преступной деятельности, ограничиваясь лишь приведением отдельных фактов.

Ответ: Мои антисоветские взгляды идут от родителей. Они были убежденными еврейскими националистами. Это моя мать и мой дед.

Допросы вел ПОМ. НАЧАЛЬНИКА ОТД. СЛЕДОТДЕЛА 2 ГЛ. УПР. МГБ СССР майор ЗОТОВ.

* * *

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА
арестованной ЛИВШИЦ Евгении Федоровны
8 августа 1952 года.
Допрос начат в 14 ч. 20 мин.

Вопрос: Вы до сего времени не дали откровенных показаний о вашей преступной деятельности, ограничившись лишь приведением отдельных фактов. Предлагаем полностью показать об этом.

Ответ: Не скрою, до сего времени, я на следствии вела себя недостаточно откровенно. Сейчас, как и впредь, я обещаю давать искренние показания о всей своей преступной деятельности, хоть мне это и не легко делать. Начну со своих политических убеждений. Они у меня безусловно антисоветские.

Вопрос: Кстати, когда они у вас появились?

Ответ: Мне трудно ответить на этот вопрос. Бесспорно лишь одно, что антисоветские взгляды появились у меня не сразу, а в течение многих лет. Масса причин способствовала этому. Я даже не могу сбросить со счета такого обстоятельства, что мой дедушка ГУДСОН, у которого я воспитывалась с детства, был убежденным еврейским националистом. А если взять мою мать, то ведь она тоже еврейская националистка.

За последние годы я окружила себя лицами, настроенными против советской власти, еврейскими националистами, которые безусловно оказали на меня большое влияние в смысле формирования моих антисоветских взглядов.

Нельзя сбросить со счета и такие обстоятельства: я имею в виду потерю моей матерью в 1920 году своего магазина в Рыбинске, который был конфискован советской властью. А в 1926 году мать была лишена избирательных прав. Эти события также в какой-то степени настроили меня против советской власти. Короче говоря, я стала противницей советского строя. Все советское мне стало чуждым. Любое мероприятие партии и Советского правительства вызывало у меня ненависть и озлобление. Я жила двойной жизнью. Находясь среди советских людей, я надевала на себя личину советского человека, но я бежала от коллектива, от общественной жизни, так как все это шло в разрез с моей враждебной советскому строю идеологией.

Вопрос: Переходите к изложению своей преступной деятельности?

Ответ: В силу своих враждебных взглядов я среди своего окружения, в частности упоминавшихся ранее МАЗУР и НОГАЛЛЕР, вела разнузданную антисоветскую агитацию. Я клеветала на советскую действительность, на политику партии и Советского правительства. В своей неумеренной злобе на Советскую власть, я дошла до того, что возводила невероятно злобную клевету в адрес руководителей партии и Советского правительства.

Вопрос: Но ведь этим не ограничивалась ваша преступная деятельность.

Ответ: Не ограничивалась. Помимо того, что я занималась антисоветской агитацией, я преступно относилась к лечению больных в бытность мою на работе в Лечебно-санитарном Управлении Кремля, чем безусловно, причиняла вред здоровью. Об этом я уже дала показания, подтвердив свою преступную деятельность в этой области конкретными фактами.

Ряд фактов моего преступного лечения больных изгладился из моей памяти в силу их давности, но я по мере припоминания дам по ним откровенные показания, ничего не скрывая от следствия. Прошу поверить мне в этом.

Допрос окончен в 18 ч. 20 мин.

Протокол допроса мною прочитан, записан с моих слов (*ЛИВШИЦ*).

Допросил: ПОМ. НАЧ. ОТД. СЛЕДОТДЕЛА 2 ГЛ. УПР. МГБ СССР майор Госбезопасности (*ЗОТОВ*).

* * *

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА
арестованной ЛИВШИЦ Евгении Федоровны
от 8 августа 1952 года

Вопрос: На прошлом допросе вы заявили о том, что намерены давать следствию откровенные показания о всей своей преступной деятельности. Показывайте.

Ответ: Как я уже показывала на прошлом допросе, я в силу своего враждебного отношения к советскому строю проводила антисоветскую агитацию, охаивала советскую действительность, возводила клевету в адрес руководителей партии и Советского правительства. Работая в Лечсанупре Кремля, я преступно относилась к лечению больных.

Вопрос: Обо всем этом вы уже показывали на прошлых допросах. Следствие интересуют новые факты из вашей преступной деятельности, о которых вы еще не показывали.

Ответ: Разрешите мне собраться с мыслями и завтра я обещаю следствию дать искренние показания по тем фактам, которые еще не нашли отражения в ходе моих допросов.

Вопрос: Следствие удовлетворяет вашу просьбу, но учтите, что завтра вам надлежит дать правдивые показания о всей проводимой вами антисоветской работе.

Допрос окончен в 1ч. 15 мин.

Протокол допроса мною прочитан, записан с моих слов (*ЛИВШИЦ*).

Допросил: ПОМ. НАЧ. ОТД. СЛЕДОТДЕЛА 2 ГЛ. УПР. МГБ СССР майор госбезопасности (*ЗОТОВ*).

Вот здесь-то и просчитался следователь Зотов. Мама, несмотря на тяжелый психический статус, смогла оценить ситуацию, в которую вогнал ее следственный процесс со стойками, карцером, побоями, отсутствием сна. И она, в дополнение к тяжелейшему физическому и психическому состоянию, аггравировала (*aggravatio* – сознательное преувеличение болезненных явлений) свой медицинский статус и представила тюремщикам-следователям и тюремным медикам такой букет симптоматики в течении трех последующих дней, что те от нее вынуждены были отступить. Другого выбора у нее не было. Она была высококвалифицированным врачом и начала разыгрывать перед следователями спектакль.

ВРАЧЕБНАЯ СПРАВКА

СЕКРЕТНО

По заданию начальника Внутренней тюрьмы МГБ СССР осмотрена заключенная Лившиц Евгения Федоровна, рождения 1900 года. Врачом обнаружено следующее: за время пребывания в тюрьме у з/к наблюдались колебания в настроении: состояние возбуждения, сопровождавшееся агрессивными действиями в отношении себя – попытка к самоубийству, сменялось подавленным настроением, заторможенностью, безразличием к окружающему, недоверием. З/к отказывалась от приема лекарства и пищи под страхом, что ее отравляют, иногда жаловалась на галлюцинации, что якобы на нее действуют гипнозом через дверь. Неоднократно наблюдались припадки истерического характера.

Нач. Санчасти Внутренней тюрьмы МГБ СССР

Врач майор медслужбы Колганов (*фамилия неточная – Ф.Л.*)

И следователь Зотов вместо протокола допроса, на котором маме по его плану «надлежит дать правдивые показания» о всей проводимой ею «антисоветской работе», пишет нижеприводимое постановление:

"УТВЕРЖДАЮ»
УБР МГБ СССР
ЗАМ. НАЧАЛЬНИКА 2 ГЛ. УПР. МГБ СССР
Полковник /Лялин/
12 августа 1952 года

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

/о направлении обвиняемой на судебно-психиатрическую экспертизу и о приостановлении следствия/

гор. Москва, 1952 года, августа «11» дня

Я, пом. начальника отделения Следственного отдела 2 Главного Управления МГБ СССР, майор ЗОТОВ, рассмотрев материалы следственного дела № 5522 по обвинению ЛИВШИЦ Евгении Федоровны, 1900 г. рождения, уроженки г. Орши, еврейки, гр-ки СССР, беспартийной, с высшим образованием, до ареста работавшей врачом-педиатором в поликлинике 2 Московского Ме-

дицинского института, в совершении преступлений, предусмотренных ст. ст. 58-7 и 58-10 ч.1 УК РСФСР,

НАШЕЛ:

ЛИВШИЦ Е.Ф. арестована 5 июня 1952 года по обвинению во вредительской деятельности. Как на следствии, так и вне его, ЛИВШИЦ проявляет признаки душевного расстройства, что подтверждается справкой санотдела Внутренней тюрьмы МГБ СССР от 11 августа 1952 г., в связи с чем вызывается необходимость в направлении ее на стационарную судебно-психиатрическую экспертизу на предмет определения ее психического состояния, а поэтому, руководствуясь ст. 202 п «б» и 203 УПК РСФСР,

ПОСТАНОВИЛ:

1. ЛИВШИЦ Е.Ф. направить на стационарную судебно-психиатрическую экспертизу при Московском Центральном Научно-исследовательском институте судебной психиатрии им. Сербского.

2. Расследование по следственному делу № 5522 на время производства судебно-психиатрической экспертизы приостановить. Копию настоящего постановления направить прокурору, наблюдающему за делом, и в отдел «А» МГБ СССР.

ПОМ. НАЧ. ОТД. СЛЕДОТДЕЛА 2 ГЛ. УПР. МГБ СССР майор (ЗОТОВ)

«СОГЛАСЕН»: НАЧ. СЛЕД. ОТДЕЛА 2 ГЛ. УПР. МГБ СССР полковник (РУБЛЕВ)

* * *

14 августа 1952 г. *Совершенно секретно*

СЛУЖЕБНАЯ ЗАПИСКА

Начальнику ДПН Внутренней тюрьмы
ст. лейтенанту тов. Мартынову;
Начальнику Института Сербского

Арестованную Лившиц Евгению Федоровну отправьте в институт им. Сербского, примите из Внутренней тюрьмы и поместите на стационарное лечение, изолировав от арестованных. Установите строжайшее наблюдение, склонна к самопокушению. Приложение: Постановление в 2-х экз. Основание – с/з 2 главн. Управления.

Арестованного числить за 2-м Гл. Упр. МГБ СССР.

Начальник Внутренней тюрьмы МГБ СССР

Полковник (*подпись замазана*)

Что это значит для подготовки «Дела врачей»? Опять затяжка! Обещание начальству к сентябрю подготовить «обличителя» под угрозой срыва. И тогда на Лубянку вызывают Тимашук Л.Ф. А для мамы наступил следующий круг непрекращающегося Лубянского ада – «закрытое» отделение Института судебной психиатрии им. Сербского.

**Рис. № 4. График допросов подследственной Е.Ф. Лившиц
Второй этап дознания. Июнь-август 1952 г.**

Насы	День												Ночь										
	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24	1	2	3	4
	п о д ъ е м	з а в т р а к					о б е д							у ж и н		о т б о й							
25/VI																							
26																							
27																							
28																							
29	X	X	X	X	X	X	X	X	X	X	X	X	X	X	X	X	X	X	X	X	X	X	X
30	X	X	X	X	X	X	X	X	X	X	X	X	X	X	X	X	X	X	X	X	X	X	X
1/VII	X	X	X	X	X	X	X																
2																							
3																							
4																							
5														X	X	X	X	X	X	X	X	X	X
6	X	X	X	X	X	X	X	X	X	X	X	X	X	X	X	X	X	X	X	X	X	X	X
7	X	X	X	X	X	X																	
8																							
9																							
10																							
11																							
12																	X	X	X	X	X	X	X
13	X	X	X	X	X	X	X	X	X	X	X	X	X	X	X	X	X	X	X	X	X	X	X
14	X	X	X	X	X	X	X	X	X	X	X	X	X	X	X								
15																							
16																							
17																							
18																							
19																							
20																							
21																							
22																							
23																							
24																							
25																							
26																							
27																							
28																							
29																							
30																							
31																							
1/VIII																							
2																							
3																							
4																							
5																							
6																							
7																							
8																							
9																							
10																							
11																							
12																							
13																							
14																							

Примечания:

 - время, в течение которого проходил допрос.

XXXXXXXXXX - время, проведенное в карцере.

29, 6, 13 и др. - жирным шрифтом выделены воскресные дни.

В то время, когда мама не давала нужные следствию показания (до 21 июля), она трижды в течение 150-ти часов была в карцере. Всего за 45 дней следствия было проведено 50 допросов, их них 16 - ночных. Вместо 360-ти часов сна маме было отпущено не более 80-ти.

ИСТОРИЯ БОЛЕЗНИ С ГРИФОМ «СЕКРЕТНО»

(В кругу третьем)

С Историей болезни мамы из Института судебной психиатрии им. Сербского я познакомился в начале периода так называемой «гласности». Вот как это было.

В дни ноябрьских праздников 1987 года мне позвонил по телефону Лень Коган, сын профессора Б.Б. Когана – одного из основных обвиняемых по «Делу врачей», и сообщил: «Мы с Виктором (сыном М.Б. Когана, родным братом Б.Б. Когана, тоже упоминавшемся в сообщении ТАСС от 13 января 1953 г., – *Ф.Л.*) встречаемся завтра в гостинице “Будапешт” с Семеном Арановичем – режиссером из Ленинграда, который хочет ставить фильм о “Деле врачей”. Поедем!» (Причиной такого приглашения было и то, что погода в эти дни была отвратная: снег, слякоть, пронзительный ветер. Виктор был в полуболезненном состоянии, а я на зиму свой «Запорожец» не консервировал, что упрощало наш визит в дни праздника, да и жил я с Виктором в соседних подъездах.) Большого энтузиазма это приглашение у меня не вызвало: те две-три публикации, которые появились в газетах о «Деле врачей», меня разочаровали: непонимание места и значения этого дела в антиеврейской политике Сталина, излишняя сенсационность, неточность фактов и т.д. И все же я решил поехать.

Приехали, расположились в небольшом гостиничном номере. Нас встретил Семен Аранович. Поскольку я не был в числе приглашенных, он обратился ко мне с вопросом, какое я имею отношение к этому делу. Я сказал ему, что моя мать была арестована, как я считал, по «Делу врачей», но потом ее дело было выделено в отдельное. Главное же, я не был согласен с тенденцией тогдашних публикаций, где «Дело врачей» подавалось как эпизод, хоть и страшный, но отдельный эпизод в работе карательных органов. У меня было иное видение событий тридцатилетней давности. В частности, я считал, что «Дело врачей» было задумано лично Сталиным и тесно связано как с убийством С.М. Михоэлса, так и с делом ЕАК, о котором мало кто осведомлен, и что в спасении нас, евреев, от запланированной Сталиным депортации немалую роль сыграло противодействие, оказанное членами Еврейского антифашистского комитета, арестованными еще в 1949 г. Рассказал я Семену Давидовичу и о вечере 28 февраля 1953 г., когда моя бабушка, мамина мать, отметила праздник Пурим, что совпало с моментом, когда у Сталина произошло кровоизлияние в мозг.

Аранович и присутствовавшие при разговоре его помощники с вниманием отнеслись к моим словам, что в дальнейшем повлияло на весь ход подготовки фильма. Так я приобщился к работе кинодокументалистов. В общей сложности перед кинокамерой я наговорил около часа. Многие из того, что я хотел тогда донести до будущих зрителей, было для создателей фильма ново и требовало документальных подтверждений. Политическая обстановка в стране как будто благоприятствовала этому: гласность делала свои первые шаги, пошли разговоры, что

будут открывать архивы и даже (неслыханно для нашего замороченного сознания) можно будет ознакомиться со следственными делами!

В газетах появились заметки под интригующими названиями: «КГБ предлагает сотрудничество», или «КГБ приветствует парламентское расследование», где ставился вопрос о возможности «доступа к архивам КГБ, потерявшим со временем свою секретность».

Я предложил Арановичу добиться, чтобы ему разрешили ознакомиться со следственными делами и протоколом закрытого судебного процесса над деятелями ЕАК, и только тогда решать вопрос, стоит ли использовать предлагаемую мною концепцию при работе над фильмом. Мне же предстояло найти документальное подтверждение участия моей мамы в «Деле врачей». О том, чтобы добраться до ее следственного дела, в то время нельзя было и мечтать, но я вспомнил, что мама через два месяца после ареста, в августе 1952 г., была помещена в Институт судебной психиатрии им. Сербского. А что, если заполучить ее тамошнюю Историю болезни?! Будучи врачом, регулярно консультировавшим в этом институте, я надеялся на успешную реализацию этой идеи. Думалось, что в ее истории болезни я смогу найти подтверждение причастности мамы к «Делу врачей-вредителей», а также ответы на ряд вопросов, которые возникли в процессе подготовки фильма.

Из рассказов мамы после ее возвращения я узнал, что следователи предъявили ей обвинение в совершении «тяжелых государственных преступлений», требовали дать показания о ее «террористической деятельности» в период работы в Лечебно-санитарном управлении Кремля. В письмах из лагеря она писала, что следователи добивались от нее показаний о заведомо неправильном лечении своих пациентов – детей и внуков высокопоставленных чинов партии и правительства – по указке М.С. Вовси, Я.С. Темкина и Б.Б. Когана. От Якова Соломоновича Темкина и его жены Анны Израилевны, проходивших по «Делу врачей», я получил подтверждение, что мама участвовала в этом «Деле», но никаких документальных доказательств этого у меня не было.

В то же время мама не была освобождена, как все врачи, 4 апреля 1953 г., а была осуждена Особым совещанием в июне 1953 г. на 7 лет лагерей по статье 58-10 за антисоветскую агитацию и пропаганду. Требовал документального подтверждения и рассказ мамы о совершенной ею попытке самоубийства в камере Внутренней тюрьмы в здании Министерства госбезопасности на Лубянке. Еще мама рассказывала, что перед отправкой ее из тюрьмы в Институт психиатрии следователь строго-настроено предупредил, что если она разгласит существование инкриминируемого ей дела, то будут уничтожены не только она, но и ее мать и сын. И все же мама, рассчитывая на врачебную коллегиальность, пыталась через своего лечащего врача передать на волю сведения о готовящемся в стенах Лубянки деле и возможном аресте ряда врачей. А лечащий врач ей ответила, что это плод ее больного воображения и явного психического расстройства, так как все перечисленные ею профессора-врачи М.С. Вовси, Я.С. Темкин и Б.Б. Коган здравствуют, на свободе и нормально работают.

Мне необходимо было видеть Историю болезни Евгении Федоровны Лившиц. И я увидел, держал ее в руках, спустя без малого 40 лет после тех событий, когда мамы уже не было в живых! Несколько слов о том, как мне удалось получить Историю болезни на руки. Я работал в Институте нейрохирургии им. академика Н.Н. Бурденко. Как это принято при консультации больных в нашем институте, я начал с устного запроса в архив Института общей и судебной психиатрии им. Сербского (в названии к 1987 г. уже появилось слово «общей») на Историю болезни больной Лившиц Е.Ф., конечно, не сообщая, что это моя мать (благо, фамилии разные). Но не тут-то было. Мне ответили, что История болезни этой больной находится в особом архиве, и получить ее можно только по специальному разрешению первого (секретного) отдела Министерства здравоохранения СССР, и то только после санкции КГБ.

Мне пришлось раскрыть, что интересующая меня больная – моя мать, и выдумать причину, почему я хочу ознакомиться с ее медицинскими документами. Через несколько месяцев хождений, ходатайств, переговоров меня пригласили в первый отдел Министерства здравоохранения СССР и выдали Историю болезни. После беглого просмотра, сославшись на занятость, я попросил перенести работу с этим документом (сотрудники первого отдела, конечно, не подозревали, что это История болезни моей мамы) на следующий день: я хотел не только ознакомиться с Историей болезни, но и попытаться сделать из нее выписки. Всю Историю болезни скопировать не удалось, хотя очень хотелось. Но и то, что я переписал, представляет, как мне кажется, большой интерес. Ниже привожу мои выписки.

На суперобложке из белой плотной бумаги, пожелтевшей и по краям истрепанной, было обозначено:

СЕКРЕТНО

756/52

ЛИВШИЦ ЕВГЕНИЯ ФЕДОРОВНА

Поступила 14 августа 1952 г.

переведена 19.9.1952 г. во внутреннюю тюрьму МГБ СССР

Ведущие врачи – Фаворская, Москвичева.

Опись документов:

Сведения о больной

Консультации

Анамнез

Психическое состояние

Первичный осмотр

Дневник

Дневник мед. надзирателя

Акт 252/с

Далее – лист стандартной Истории болезни (формального направления в Истории болезни нет. – *Ф.Л.*).

Режим:

обычный – зачеркнуто, особо строгий (слово «особо» вписано чернилами над строкой. – *Ф.Л.*)

Психическое состояние:

В первые дни тревожна, плохо спит, отказывается от пищи, назойлива, требует беседы с врачом, следователем, которому должна сообщить что-то очень важное. Грозил, если не выполнят ее просьбу, то она доведет себя до смерти бессонницей и отказом от пищи. Демонстративно, в присутствии персонала, совершала попытки к самоубийству, стонала, плакала. Обвиняет себя в тяжелых государственных преступлениях, помимо тех, что указаны в инкриминируемых ей статьях. В тюрьме была попытка суицида.

Направлена: психопатия, перенесла реактивное состояние истерического характера.

Обвиняется по статьям 58-7, 58-10 ч.1.

Дневник

(Это мои выписки из дневниковых записей врача *Ф.Л.*)

15-16.08. Ломает руки, беспокоится о будущем сына. Лежит, обхватив руками ноги. Угнетена, просит свидания с сыном.

17-18.08. Плохо ест. Мединал, бромурал на ночь.

19.08. Больная уверяет, что совершенно «потеряла память», «отчего были ошибки на работе». «Только теперь поняла, какие ошибки и преступления совершила в жизни». Amit. natria – 0,2; Bromural – 0,3; – 5 дней на ночь.

20.08. Требуется свидания с врачом наедине. Потом сообщила, что ничего врачу сказать не может, будет говорить только со следователем. При врачебном осмотре заявила, что был паралич воли, поэтому она не понимала тех «намёков», которые делались в тюрьме и могли ее выручить. Что это за намеки, отказалась объяснить. Многозначительно повторяла, что «много узнала». Считала себя шпионкой и было еще многое другое, о чем рассказать отказалась.

21.08. Тревожна, все спуталось, беспокоят плохие мысли.

23.08. Требовала встречи с врачом, чтобы он вызвал следователя, которому она может все рассказать. Ее ждет смерть, так как она узнала многие тайны, узнала систему работы и поэтому она будет уничтожена. Призналась врачу, что «в тюрьме делались намеки, диктовалось поведение, но она не поняла из-за психоза». Угрожает самоубийством, делает попытки удавиться.

24.08. Кричит – моего сына расстреляли. У всех на глазах накидывает на шею халат и полотенце.

25.08. Больная сообщила, что «поняла все, что требовали от нее на следствии. В связи с психозом давала неправильные примитивные показания. В голове все перевернулось». Просила помочь ей, так как здесь продолжается тюрьма, окружающие – подставные лица.

26.08. Тревожна. Из-за нее погиб сын, его расстреляют. Умоляет его спасти. Просит его ей показать, позвонить по телефону. Ломает руки. Она все поняла – здесь продолжается тюрьма. Окружение не больничное, посаженные люди, врач – следователь.

29-31.08. Стала тише. Просит, чтобы спасли ее сына в ее предсмертный час.

1.09. Сползла на пол и начала произносить причитания и молитвы, обращенные к партии и правительству. Мешала другим больным. Черкасова начала дергать ее за волосы, после чего она успокоилась. Боится агрессивности со стороны больных.

3.09. Запах ацетона изо рта. Накормлена после дачи барбамила.

4.09. Состояние лучше.

5.09. Помылась. Стала уравновешенной. Объявила, что «от ее жизни зависит жизнь сына. Ее во что-то вовлекли во время следствия, она много знает, поэтому не должна умереть».

9-10.09. В отношении правонарушения считает, что ничего не совершала. Были только врачебные промахи от рассеянности. Приписываемые тяжелые преступления не совершала.

14-15.09. Обход зав. отделением. Стала лучше, сообщила, что психоз прошел. Боится, что признают шизофрению и отправят на «вечную койку». Просила сделать комиссию.

17.09. Консультация зав. отделением. Больная считает, что она здорова и не больна шизофренией. Считает, что у нее был психоз, который в настоящее время прошел. Больная вменяема.

19.09. Говорила сестре о проступке, который ей вменяется, – это оплошность, ошибка. Беспокоится о сыне.

Выписывается и переводится в место лишения свободы.

Дневник мед. надзирателя

(Мед. надзиратель пишет дневник каждый день о поведении больной. Судя по почерку, у нее сменилось три мед. надзирателя. – *Ф.Л.*)

5.09. Днем плаксива. Ночью не спала, ныла, гудела. Ей пригрозила Черкасова, если не прекратит гудеть, избыю сейчас. Пришлось перевести больную в изолятор. После приема vegonal 0,3 заснула до утра.

9.09. Состояние лучше. Говорила, что нужно заняться зарядкой. Когда Черкасова заставила подмести пол – выполнила.

Утверждаю АКТ Секретно

Зам. директора Центрального
Института Судебной Психиатрии
им. Сербского
доц. А.Г Маслеев
20.09.52 г.

Акт № 252/С
Судебно-психиатрической экспертизы
на испытуемую ЛИВШИЦ Е.Ф.

Мы, нижеподписавшиеся, 18/IX 1952 г. в Центр. НИИ Судебной Психиатрии им. проф. Сербского в присутствии зам. нач. следственного отдела 2-го Главного управления МГБ СССР подполковника госбезопасности Панкратова свидетельствовали Лившиц Евгению Федоровну, 1900 г. рождения, обвиняемую по ст. 58-7 и 58-10 ч.1 УК РСФСР.

На судебно-психиатрическую экспертизу направлена согласно постановлению Следственного отдела 2-го Главного Управления МГБ СССР от 11/VIII 52 г. в связи с возникшим сомнением в психической полноценности испытуемой.

В Институте находилась с 14/VIII 52 г. О себе испытуемая сообщила следующее: росла и развивалась правильно, по характеру всегда была общительной, энергичной, настойчивой. В 1918 г. окончила гимназию с медалью. По окончании гимназии начала работать в качестве счетовода. В дальнейшем поступила учиться в I Московский Медицинский Институт, до 3 курса совмещала работу с занятиями в Институте. В 1921 г. вышла замуж, семейная жизнь ее сложилась хорошо, от брака имеет сына.

В 1925 г. окончила Медицинский институт. С этого времени работала в различных медицинских учреждениях в качестве врача-педиатра. С 1935 по 1939 гг. она жила и работала по своей специальности в г. Иркутске, где муж занимал кафедру терапии. Климат Сибири испытуемая перенесла тяжело, часто болела, в связи с чем вместе с семьей вернулась в Москву. Во время Отечественной войны испытуемая некоторое время была в эвакуации, не работала. Жила в тяжелых материальных условиях, однако явлений дистрофии и каких-либо заболеваний в этот период времени не переносила.

С 1944 г. до последнего времени работала в поликлинике Медицинского института. Сообщает, что в последнее время в связи с перегрузкой в работе уставала, стала более раздражительной, плаксивой, однако с обязанностями справлялась.

Сообщает, что в 1935 г., после неприятностей, у нее появилась тревога, бессонница, много плакала, отказывалась от пищи. Отмечалось по ее выражению стеснение в груди, были мысли о смерти. Лечилась амбулаторно у психиатра. После устранения неблагоприятных условий все явления прошли. В дальнейшем никогда к врачам-психиатрам не обращалась.

О настоящем заболевании испытуемая сообщает следующие сведения: после ареста в тюрьме у нее, так же как в 1935 г., появилась тревога, страх,

бессонница, много плакала, появились мысли о самоубийстве. С этой целью совершила суицидальную попытку, которая была предупреждена.

При обследовании в Институте в настоящее время обнаружено: испытуемая среднего роста, правильного телосложения, пониженного питания. Границы сердца в пределах нормы. Тоны сердца несколько приглушены. Кровяное давление 110/65. Остальные внутренние органы без особых отклонений. Со стороны нервной системы: зрачки правильной формы, равномерные. Реакция зрачков на свет и конвергенцию живая. Лицо симметрично. Сухожильные рефлексы равномерные, живые. Патологических рефлексов нет. В позе Ромберга – покачивание. Реакция Вассермана в крови – отрицательная.

Психическое состояние – испытуемая в первые дни пребывания в Институте была тревожна, плохо спала, отказывалась от пищи. В поведении отмечались черты назойливости, непрерывно просила беседы с врачом, требовала вызвать к ней следователя. Во время обследования плакала, стонала, охала. Монотонным страдальческим голосом жаловалась на бессонницу, потерю аппетита, тоскливое настроение. Много говорила о своих переживаниях. Указывала, что еще до ареста, в связи с переутомлением, у нее появился паралич воли, логики, внимания. Таким образом она объясняла совершенные ею «ошибки». Заявляла, что «паралич» довел ее до «психоза».

Высказывала подозрения, что в Институте за ней наблюдают, следят, окружающие ее люди не больные, а подставные лица. Постепенно стала спокойнее, исчезла тревога, улучшился сон, стала лучше питаться.

В настоящее время испытуемая спокойна, много лежит, держится в стороне от окружающих. Тяготеет пребыванием в Институте. В беседу с врачом вступает охотно. Критически относится к своим прежним высказываниям. Указывает, что состояние, наблюдавшееся в тюрьме и в первые дни пребывания в Институте, было болезненным. Ищет сочувствия, просит полечить ее. Высказывает беспокойство о своем будущем и своем сыне.

Память на происходящее сохранена. Запас знаний соответствует полученному образованию. Суждения правильные, последовательные. Мышление не нарушено. Критика к своему состоянию и создавшейся ситуации сохранена.

На основании изложенного комиссия приходит к заключению, что Лившиц Евгения Федоровна душевными заболеваниями не страдает, обнаруживает психотические черты характера со склонностью к истерическим реакциям. После ареста перенесла реактивное состояние, которое в настоящее время прошло. Как не душевнобольную в отношении инкриминируемого ей деяния, совершенного вне какого-либо болезненного расстройства психической деятельности, Лившиц Евгению Федоровну следует признать вменяемой.

В настоящее время в дальнейшем пребывании в Институте не нуждается.

Председатель комиссии

Психиатр-эксперт – *проф. Бунеев*.

Член комиссии Главный консультант – *проф. Молочек*

Врач-докладчик психиатр-эксперт – *научн. сотр. Москвичева*.

БОЙ НЕ НА ЖИЗНЬ, А НА СМЕРТЬ (В кругу четвергом)

С 19 сентября мама вновь на Лубянке.

19 сентября 52 г. Примите из Института им. Сербского Лившиц Е.Ф. и поместите в одиночную камеру.

Основание – указание тов. Панкратова.

Талончик, подшитый в тюремном деле:

19 сентября 52 г.

Принял з/к Лившиц Е.Ф. и посадил в комн. № 6 в 15 час. 15 мин.

Из института им. Сербского ее сопровождает Акт № 252/с судебно-психиатрической экспертизы, на основании которого оформляется нижеприводимое постановление:

«УТВЕРЖДАЮ»

ЗАМ НАЧ. СЛЕДОТДЕЛА 2 ГЛ. УПР. МГБ СССР

ПОДПОЛКОВНИК ГОСБЕЗОПАСНОСТИ /ПАНКРАТОВ/

19 сентября 1952 г.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

/о возобновлении следствия и принятии дела к производству/
гор. Москва, 1952 года, сентября «19» дня

Я, Зам. Нач. Отделения Следотдела 2 Главного Управления МГБ СССР, подполковник госбезопасности ОСТАПИШИН, рассмотрев следственное дело № 5522 по обвинению ЛИВШИЦ Евгении Федоровны, 1900 года рождения, еврейки, беспартийной, с высшим образованием, в совершении преступлений, предусмотренных ст.ст. 58-7 и 58-10 ч.1 УК РСФСР.

НАШЕЛ: ЛИВШИЦ была арестована 5 июня 1952 года за вражескую работу. Материалами следствия и признанием арестованной установлено, что ЛИВШИЦ, будучи враждебно настроенной, проводила среди своего окружения злобную антисоветскую агитацию, клеветала на политику ВКП/б/ и советского правительства, распространяла гнусные измышления в отношении руководителей партии и советского государства.

Являясь врачом Лечсанупра Кремля, ЛИВШИЦ преступно относилась к лечению членов семей руководителей ВКП/б/ и советского правительства. Желая скрыть свои порочные методы лечения, ЛИВШИЦ фальсифицировала истории болезни.

За последнее время было отмечено странное поведение ЛИВШИЦ, удостоверяемое врачебной справкой санчасти Внутренней тюрьмы от 11 августа 1952 года, в связи с чем следствие по ее делу 12 августа с/г. было приостановлено, и она 14-го августа с/г. была направлена на стационарную судебно-психиатрическую экспертизу в Институт имени проф. Сербского.

18 сентября 1952 года комиссия судебно-психиатрической экспертизы отметила, что ЛИВШИЦ душевным заболеванием не страдает и ее следует считать вменяемой. Комиссия также указала, что после ареста ЛИВШИЦ перенесла реактивное состояние истерического характера, которое в настоящее время прошло, и она в дальнейшем пребывании в Институте не нуждается.

Учитывая необходимость дальнейшего проведения расследования по делу, руководствуясь ст. ст. 205 и 110 УПК РСФСР,

ПОСТАНОВИЛ: Следствие по делу арестованной ЛИВШИЦ Евгении Федоровны возобновить с 19 сентября 1952 года и принять с сего числа к своему производству.

ЗАМ. НАЧ. СЛЕДОТДЕЛА 2 ГЛ. УПР. МГБ СССР
ПОДПОЛКОВНИК ГОСБЕЗОПАСНОСТИ (М. Остапишин)

Следотдел 2-го Главного управления Министерства госбезопасности СССР спешит. Потерян для следствия целый месяц. Начальство нервничает. Тимашук готова дать материал для раздувания ненависти против «врачей-убийц». Но дать следственный материал о наличии руководящего начала со стороны М.С. Вовси, Я.С. Темкина, Б.Б. Когана ей «не по плечу», и выступить в качестве «обличителя» она не может. Не потому, что не сможет – сделает она все, что от нее потребуют. Но какие у нее, рядового лабораторного работника, связи с «террористической головкой»? Никаких. Она может сыграть на будущем открытом процессе роль «доносителя», но не «обличителя». Следователь Зотов нервничает и, как это говорится в шахматных репортажах, начинает и проигрывает. Привожу протокол:

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА
арестованной ЛИВШИЦ Евгении Федоровны
от 20 сентября 1953 г.
Допрос начат в 13 час. 20 мин.

Вопрос: На допросе 8 августа 1952 года вы просили предоставить вам возможность собраться с мыслями с тем, чтобы вы смогли дать развернутые показания о своей преступной деятельности. Такая возможность у вас была. Что желаете сообщить следствию?

Ответ: Я дала следствию подробные показания о всех совершенных мною преступлениях и дополнить чем-либо свои показания не могу.

Допрос окончен в 16 час. 15 мин.

Показания с моих слов записаны верно и мною прочитаны (ЛИВШИЦ).

ПОМ. НАЧ. ОТД. СЛЕДОТДЕЛА 2 ГЛ. УПР. МГБ СССР ПОДПОЛКОВНИК ГОСБЕЗОПАСНОСТИ (ЗОТОВ).

После трехчасового допроса протокол короткий и максимально ясен! «Ничего вам со мной, врачом-педиатором Лившиц Евгенией Федоровной, сделать

не удалось! Ни пытки Лубянки, ни психушка Сербского меня не сломили. Так и доложите вашему начальству!» – видимо, так во время допроса думала про себя моя мама...

И еще одна особенность этого протокола, на которую я обратил внимание, – это то, что протокол подписан не майором, а *подполковником* Зотовым. Это была единственная Зотовская «подполковничья» подпись! Потом пошли протоколы опять с «майором» Зотовым. Поспешил Зотов реализовать повышение в звании за свои прошлые заслуги на nive дознаний. Задержали ему радость носить подполковничьи погоны. Может быть, мама и была этому причиной.

Там, на Лубянке, когда знакомился со следственным делом мамы, я раз десять перечитал этот протокол, и еще десять раз перечитал его сейчас, когда пишу эти строки, через полстолетия после того, как он был написан. Сказать, что я мамой гордился, значит ничего не сказать...

Понятно, что у лубянских тюремщиков была другая реакция: они с новой силой возобновили нажим на непослушную, строптивую подследственную. Заключение психиатров дало им формальное право на насилие – она не психическая больная, она отвечает за свои поступки, значит, она четыре месяца водила за нос следствие...

У следователей кончилось терпение, тем более что следствие по готовящемуся врачебному делу вплотную приближалось к аресту основных фигурантов этого дела, а на них материала от мамы нет как нет. И тут в бой вступил еще один подполковник из следственного отдела 2-го Главного управления МГБ СССР – Остапишин. Судя по документам, можно сделать заключение, что он и есть то самое начальство майора Зотова. Следующие два допроса 25 сентября (днем в течение 6-ти часов) и 26 сентября (ночью в течение 5-ти часов) проводит он. Для мамы эти допросы, видимо, были очень тяжелыми. Наверняка против нее был использован весь имеющийся в распоряжении Лубянки арсенал воздействия. Но...

Из протоколов допросов:

Вопрос: Давайте показания о преступном отношении к лечению членов семей руководства партии и советского государства.

Ответ: Я уже на предыдущих допросах все сообщила о Кагановиче, Тевосяне, Пономаренко. Других фактов припомнить не могу.

Вопрос: Какую цель вы преследовали, применяя преступные методы лечения.

Ответ: Я занималась вредительской деятельностью, выражавшейся в преступных методах лечения.

Вопрос: Какие побуждения были у вас при проведении преступного лечения.

Ответ: Я была враждебно настроена, поэтому занималась вражеской деятельностью в области медицины.

Вопрос: У вас были единомышленники?

Ответ: Вредительской деятельностью я занималась одна и единомышленников не имела.

Следователей наверняка не удовлетворили показания подследственной, и ее опять помещают в карцер. Силы у мамы на исходе.

Из протоколов двух ночных допросов 30.09 (с 22 час. 10 минут до 2 час. 25 мин.) и 01.10 (с 21 час. 30 мин. до 3 час. 40 мин.):

Вопрос: Предлагаем дать откровенные показания о проводимой вами вредительской деятельности в бытность на работе в Лечсанупре Кремля?

Ответ: Как я уже показывала на прошлых допросах, в силу своего враждебного отношения к советскому строю, к руководителям партии и советского правительства, я занималась преступной деятельностью в области медицины.

Вопрос: Говорите конкретнее?

Ответ: Работая в Лечебно-Санитарном Управлении Кремля в качестве лечащего врача-педиатра, я обслуживала семьи руководителей партии и советского правительства, а также других руководящих партийных и советских работников.

Вопрос: Приведите конкретные факты.

Ответ: Моя работа преступная, а по существу вредительская. Так например я пришла к больному без истории болезни. Больше к моим показаниям добавить нечего.

* * *

Мама не отступает ни на йоту. «Она сама вредила, но ею никто не руководил». Естественно, что следователям этого мало, и добавляется еще день пыток и круглосуточный допрос (см. рис. № 5 на стр. 208).

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

арестованной ЛИВШИЦ Евгении Федоровны

от 3 октября 1952 года.

Допрос начат в 13 час. 30 мин.

Вопрос: Продолжайте показание о вражеской вашей деятельности против советского государства.

Ответ: На прошлых допросах, в особенности в начале следствия, я вела себя неискренно. Боязнь ответственности мешала мне дать правдивые показания о своих преступных делах.

Сейчас я с каждым днем нахожу в себе достаточно силы воли, чтобы откровенно рассказать о своей преступной деятельности.

Вопрос: Показывайте.

Ответ: Воспитывалась я в купеческой еврейской семье. Мать моя была торговкой, дед, который принимал немалое участие в моем воспитании, также занимался торговлей. Но это еще не все. Среда, в которой я жила и воспитывалась, была пропитана к тому же духом еврейского национализма. Вот в такой обстановке я получила воспитание.

Советская власть, ее установление были враждебно восприняты моими родственниками, которым пришлось лишиться частной торговли. Не трудно понять, что такая обстановка, царившая в семье, оказала на меня свое отрицательное воздействие. Мало того, что во мне быстро развились такие поро-

ки как жадность, стремление к наживе, торгашеству, но и, что самое главное, из меня стал формироваться человек, которому была чужда советская действительность. В первые же годы существования советской власти, это было в 1919 году, я поступила учиться в Московский университет. Казалось бы, мне ли не быть благодарной советской власти, которая дала мне возможность учиться, раскрыв стены лучшего учебного заведения страны. Но этого не получилось. Видимо, пороки начального воспитания сказались сильнее всего. Даже учеба в университете не увлекла меня, не приобщила к общественной жизни, которой жили мои товарищи по учебе. Я была не похожа на них и сторонилась их, сторонилась коллектива. Так я стала отщепенцем общества.

Шли годы, а советская действительность становилась мне не по нутру. И в результате из меня сформировался антисоветский человек. Этому в значительной степени способствовало, как я уже показала ранее, то, что я окружила себя такими же, как и я, противниками советского строя из числа еврейских националистов. Мои антисоветские убеждения, питаемые средой меня окружавшей, за последнее время окрепли настолько, что я стала вести махровую антисоветскую агитацию.

Вопрос: Переходите к даче показаний о вашей практической антисоветской деятельности.

Ответ: Питая злобу на советскую власть, я среди своего окружения вела разнузданную антисоветскую агитацию, Я не скупилась на выражения, чтобы оболгать и оклеветать советский строй, советскую действительность. В своей ненависти к советской власти я дошла до того, что стала возводить гнуснейшую клевету в адрес Вождя народа и других руководителей партии и советского правительства. Этим не ограничивалась моя антисоветская деятельность. Работая в Лечебно-санитарном Управлении Кремля, питая ненависть к руководителям партии и советского государства, я занималась вредительской деятельностью.

Вопрос: Каким образом?

Ответ: Я устанавливала неправильные диагнозы, лечила детей и внуков членов правительства и других ответственных работников не от тех болезней, которыми они страдали, делала противодифтерийные прививки детям, которым они были противопоказаны. Такими действиями я причиняла вред их здоровью. На прошлых допросах об этом я дала подробные показания.

Вопрос: По заданию кого вы занимались вредительской деятельностью?

Ответ: Заданий заниматься вредительской деятельностью я ни от кого не получала.

Вопрос: Лжете.

Ответ: Нет, я говорю правду.

Вопрос: Вы намеренно скрываете своих единомышленников по вражеской деятельности. Требуем назвать их!

Ответ: Повторяю, у меня не было единомышленников по вредительской деятельности. Ею я занималась одна в силу своего враждебного отношения к советскому строю, к руководителям партии и советского правительства.

Допрос окончен в 17час.00 мин.

Протокол допроса мною прочитан, записан с моих слов верно /ЛИВШИЦ/
Допросил: ПОМ. НАЧ. ОТД. СЛЕДОТДЕЛА 2 ГЛ. УПР. МГБ СССР МАЙОР
ГОСБЕЗОПАСНОСТИ СССР /ЗОТОВ/.

Часы	День											Ночь												
	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24	1	2	3	4	5
1/XI																								
2																								
3																								
4																								
5																								
6																								
7																								
8																								
9																								
10																								
11																								
12																								
13																								
14																								
15																								
16																								
17																								
18																								
19																								
20																								
21																								
22																								
23																								
24																								
25																								
26																								
27																								
28																								
29																								
30																								
1/XII																								
2, 3																								
4																								
5																								
6																								
7, 8																								
9																								
10-19																								
20																								
18.1.53																								
19.2.53																								

Примечания:

 - время, в течение которого проходил допрос.

XXXXXXXXXX время, проведенное в карцере.

2, 9, 16 и др. - жирным шрифтом выделены воскресные дни.

Общее количество дней карцера - 20 дней, т.е. более 400 часов!
 Массированные ночные допросы - с 20 октября по 9 декабря 1952 г.
 В этот период за 51 день следствия было проведено 32 допроса,
 из них 20 ночных. Вместо 240 часов сна, отведенных тюремным
 режимом, маме была отпущена только половина.

Прочел я этот вздор, который из уст мамы не мог появиться, будь она в нормальном психическом состоянии. И не знал, что мне делать, смеяться или плакать. Казенная советская фразеология, списанная из передовиц «Правды», могла родиться только в мозгу тупого МГБэшника, но никак не у мамы, владевшей замечательным русским языком и умевшей излагать свои мысли куда культурнее, чем этот следователь. Подписать этот протокол она могла только будучи в состоянии, когда способность отдавать себе отчет в своих поступках, чувствах и поведении сломана, или полностью затупевана способность разобраться в окружающей действительности. Но, несмотря на это, главного в протоколе опять нет. Нет вражеского руководства, так нужного следствию.

Только теперь мне стало ясно, до какого состояния доводят подследственных в подвалах Лубянки. Только тогда, когда я много раз прочел эту фальсификацию, мне воочию стало ясно, от какого быдла зависели наша жизнь, наша судьба.

Взяв на себя антисоветчину, вредительское лечение, она отвергла то, ради чего находилась на Лубянке. «Повторяю, у меня не было единомышленников по вредительской деятельности». Доведя маму до такого состояния, они решают ее добить и сразу после отбоя опять волокут на допрос.

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА
арестованной ЛИВШИЦ Евгении Федоровны
от 3 октября 1952 года.
Допрос начат в 22 ч. 30 мин.

Вопрос: Следствие не удовлетворено вашими показаниями в части вредительской деятельности, которой вы занимались, будучи врачом Лечебно-санитарного управления Кремля. Показывайте все до конца.

Ответ: На мой взгляд, о вредительской деятельности, проводимой мной в бытность на работе в Лечсанупре Кремля, я показала все на ряде прошлых допросов, и вряд ли я что-то смогу добавить к сказанному ранее.

Вопрос: Приведенными ранее деталями не ограничивалась ваша вредительская деятельность в Лечсанупре Кремля. Вам надлежит полностью рассказать о всех вредительских актах.

Ответ: Я право затрудняюсь привести какие-либо новые факты моей вредительской деятельности, помимо тех, о которых я сообщила следствию. Во всяком случае, я уже не ставлю перед собой цели скрыть от органов следствия какие-либо факты своей преступной деятельности.

Протокол допроса мною прочитан, записан с моих слов верно /ЛИВШИЦ/.

Допросил: ПОМ. НАЧ. ОТД. СЛЕДОТДЕЛА 2 ГЛ. УПР. МГБ СССР МАЙОР /ЗОТОВ/.

Интересно, что это первый протокол, в котором забыли обозначить время окончания допроса, – в таком напряжении были тюремщики. Но и маму они довели до такого состояния, которому, по их мнению, должен соответствовать строптивый заключенный. В этом критическом состоянии, наступившем после

пяти месяцев невыносимых испытаний, мама начала себя оговаривать... Но прежде чем приступить к самому главному – оформлению заговора организации, целью которой являлась террористическая деятельность против деятелей партии, правительства и лично Сталина, маму отправили на неделю в карцер.

Вот то, ради чего все затевалось. Мама их мало интересовала – мелкая рыбешка, на ней показательного процесса не сделаешь, даже если она во всеулышанье объявит, что она травила детей и внуков «охраняемого контингента». Формулировку о ее террористической деятельности из нее уже вытащили. Но пока у нее еще оставались силы, она отрицала, что ею кто-то руководил.

На допросы дневные: 7-го (в течение 7-ми часов), 8-го (в течение 4-х часов), 18-го (в течении 3-х часов), и ночные: 13-го (в течение 6-ти часов) и 17-го (в течение 4-х часов) ее таскали прямо из карцера (см. рис № 5 стр 208). Все документы для ареста профессоров-врачей готовы, вот-вот начнутся их допросы, а «обличителя» как не было, так и нет. Один Зотов уже не справляется, и на помощь подключаются Панкратов и Остапишин.

Вот основные темы, за которые ее истязали:

Вопрос: Давайте правдивые показания о лечении Кости Щербакова. Вы преступно «просмотрели» заболевание печени?

Ответ: Я его лечила правильно, но потом пошла на попятную, но специальной вредительской цели я не преследовала.

Вопрос: Покажите конкретные факты о преступном лечении Сергея Щербакова.

Ответ: Я редко навещала больного с ангиной, так как его лечил отоларинголог.

Вопрос: Вы лечили детей Маленкова Егора и Андрея преступно.

Ответ: Это халатное отношение к моим врачевным обязанностям, а не преступление.

Вопрос: Приведите конкретные факты о вредительстве при лечении Андреевой Лены.

Ответ: Я ее лечила правильно.

Вопрос: Возвращаюсь к вопросу о вашей вредительской деятельности.

Ответ: Мне ничего не остается, как повторить все слово в слово.

Вопрос: Показывайте о том, кто руководил вашей вредительской деятельностью?

Ответ: Моей преступной деятельностью никто не руководил.

Вопрос: Вы намеренно скрываете своих единомышленников по вражеской деятельности. Требуем назвать их?

Ответ: Заданий заниматься вредительской деятельностью я ни от кого не получала.

Вопрос: Это не соответствует действительности. Показывайте о преступной деятельности Вовси и Когана и их руководства вашей вредительской деятельностью при лечении детей и внуков руководителей партии и правительства?

Ответ: Я никогда не слышала от Когана или Вовси разговоров, которые бы проливали свет на их преступную работу в области медицины. Я же также никогда не посвящала их в свою преступную деятельность, какую я проводила, работая в Лечсанупре Кремля.

Вопрос: Следствие вам не верит. Учтите это – Лившиц.

Еще два дня беспрецедентного нажима. Уже пошла третья неделя карцера, и в следственном деле мамы появляется:

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА
арестованной ЛИВШИЦ Евгении Федоровны
от 21 октября 1952 года.
Допрос начат в 14 час. 30 мин.

Вопрос: Приведенными вами ранее фактами, как известно, не ограничивалась ваша преступная деятельность в Лечебно-санитарном Управлении Кремля. Показывайте правду до конца.

Ответ: Мне очень тяжело говорить о своих преступлениях, так как они слишком велики и омерзительны. Последние два-три дня я особенно много думала о своем деле, анализировала свою прошлую жизнь и работу в Лечебно-Санитарном Управлении Кремля.

К какому выводу я пришла? Я пришла к одному выводу – я мерзкий человек, я преступница. Мою работу в Лечебно-Санитарном Управлении Кремля нельзя иначе расценить, как только вредительство. Да, именно вредительство. Что стоили мои мелкие попытки отрицать это на следствии, как я это делала раньше. Впредь обещаю говорить только правду, называя вещи своими именами.

Правда состоит в том, что мои антисоветские взгляды все время росли и за последние годы стали настолько велики, что я уже не ограничивалась клеветой на советскую действительность, в адрес руководителей партии и советского государства, я обратила свою злость, ненависть на детей, которых я лечила. Я стала лечить их преступно, нанося вред здоровью. Как это выглядело практически, я показала как на прошлом допросе, так и на предыдущих допросах. Сейчас я затрудняюсь привести новые факты моей вредительской деятельности, так как не могу припомнить их. Но по мере припоминания я буду называть такие факты. Прошу дать мне время подумать.

Вопрос: Хорошо, думайте.

Допрос окончен в 17 час. 30 мин.

Протокол допроса мною прочитан, записан с моих слов верно /ЛИВШИЦ/.

Допросил: ПОМ. НАЧ. ОТД. СЛЕДОТДЕЛА 2 ГЛ. УПР. МГБ СССР МАЙОР /ЗОТОВ/.

Таков документ, показывающий состояние мамы к этому моменту. Изнуренная, изруганная, охваченная смертельным страхом за себя, за меня, за мою только что созданную семью, за свою мать...

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА
арестованной ЛИВШИЦ Евгении Федоровны
от 23 октября 1952 года.
Допрос начат в 14 час. 15 мин.

Вопрос: Показывайте о новых фактах вашей вредительской деятельности в бытность врачом Лечебно-Санитарного Управления Кремля.

Ответ: Я как ни старалась напрячь свою память, чтобы вспомнить другие факты моего преступного лечения, но ничего из этого не получилось.

Вопрос: Следствие вам не верит. Вы просто не хотите называть другие факты вашей преступной работы.

Ответ: Я больше ничего не могу скрывать от следствия. Как только я припомню новые факты своей преступной деятельности, так покажу о них.

Вопрос: Вспоминайте.

Допрос окончен в 17 час.30 мин.

Протокол допроса мною прочитан, записан с моих слов верно /ЛИВШИЦ/.

Допросил: ПОМ. НАЧ. ОТД. СЛЕДОТДЕЛА 2 ГЛ. УПР. МГБ СССР МАЙОР /ЗОТОВ/.

Еще небольшой нажим, и можно включать ее в «Дело врачей-вредителей» как соучастника. Но «обличитель» из нее не получился. А он очень нужен. Ведь по плану ее назначили на эту роль. Профессоров вот-вот начнут сажать и свозить на Лубянку. Прямой начальник следователя Зотова заместитель министра М. Рюмин рвет и мечет.

Из протоколов допроса 29, 30, 31 октября, 1, 4 ноября 1952 г.:

Вопрос: Показывайте об антисоветских разговорах, которые вы вели со Шварцманом (*Анатолий Шварцман – мой сокурсник, с которым я находился в товарищеских отношениях, оказался сексотом – Ф.Л.*)

Ответ: Я не помню, какие высказывания у него были.

Вопрос: Нам известно, что Шварцман проявлял интерес к личной жизни руководителей партии и Советского государства, детей которых вы лечили.

Ответ: Я ему сказала, где эти семьи получают продукты, чем выдавала государственную тайну.

Вопрос: Вы не находите странным, что антисоветские разговоры с рядом лиц вы помните, а вот с Вовси вы не помните.

Ответ: С Вовси антисоветских разговоров не вела. Вовси не реагировал на мои националистические высказывания. Да, не помню о его антисоветских разговорах. Странно, но факт.

Вопрос: Вы намерены дать правдивые показания о вашей преступной связи с Вовси.

Ответ: Я не была связана с Вовси по моей преступной работе.

Вопрос: Следствие вам не верит. Предлагаем дать откровенные показания о преступной связи с Вовси.

Ответ: У меня не было с Вовси преступной связи. С Вовси я не делилась о том, что, работая в Лечсанупре Кремля, занималась преступной работой.

* * *

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

арестованной ЛИВШИЦ Евгении Федоровны

6 ноября 1952 года.

Допрос начат в 17 час. 20 мин.

Вопрос: Признавшись во вредительской деятельности, вы однако до сего времени не назвали своих единомышленников по преступной работе. Предлагаем назвать их.

Ответ: У меня не было единомышленников по преступной работе. Вредительством я занималась одна.

Вопрос: Неправда, у вас были единомышленники, и вы их сознательно скрываете.

Ответ: Единомышленников по вредительской работе я не имела.

Вопрос: Вы обещали следствию показывать правду. Почему не сдерживаете своего обещания?

Ответ: Я показываю правду. Я никого не могу назвать своим единомышленником, поскольку таковых у меня не было.

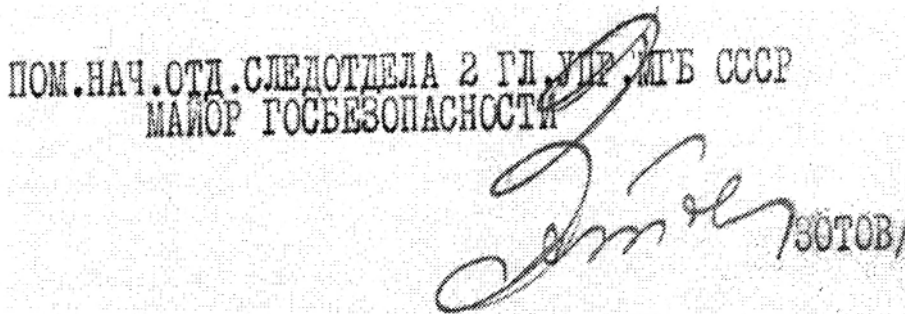
Вопрос: Они у вас были и вам придется назвать их.

Допрос окончен в 19 час.30 мин.

Протокол допроса мною прочитан, записан с моих слов верно /ЛИВШИЦ/.

Допросил: ПОМ. НАЧ. ОТД. СЛЕДОТДЕЛА 2 ГЛ. УПР. МГБ СССР МАЙОР /ЗОТОВ/.

Для любопытствующих представляю факсимиле подписи следователя:

Я на него вдоволь насмотрелся!

* * *

В трудном положении оказалась следственная группа 2-го Главного управления Министерства государственной безопасности СССР, его глава М. Рюмин в должности зам. министра и сам министр С. Игнатьев. Им поручил лично товарищ Сталин подготовить к открытому показательному процессу «Дело врачей-вредителей», а дело не клеится.

Б.А. Шимелиович – главный врач больницы им. Боткина, под началом которого работали основные будущие обвиняемые (М.С. Вовси, М.Б. Коган, Э.М. Гольдштейн), три месяца тому назад расстрелян после закрытого суда над деятелями Еврейского антифашистского комитета.

Я.Г. Этингер – врач-терапевт, тесно связанный дружески и профессионально с будущими «террористами», больше года тому назад умер здесь, на Лубянке, не выдержав пыток.

М.Б. Коган – тоже видный терапевт, заведующий кафедрой, коллега М.С. Вовси и кандидат на роль одного из руководителей «тайного врачебного заговора», ускользнул от следствия – успел умереть дома.

С.Е. Карпай – бывшая заведующая электрокардиографическим кабинетом в Кремлевской больнице и уже два года там не работающая, уже сидит на Лубянке по делу об «умышленном умертвлении Щербакова и Жданова», однако

ничего путного против главных заговорщиков от нее добиться до сих пор не смогли. И это несмотря на то, что все время ее пребывания на Лубянке она содержалась в одиночке, а последние полгода в наручниках с руками, связанными за спиной, в холодной камере. Вела она себя на допросах с исключительным мужеством, не подписала никаких обвинений в свой адрес. Да и трудно ей было приписать прямое участие в смерти Жданова, так как «инфаркт миокарда», диагностированный на ЭКГ Л. Тимашук, возник и протекал тогда, когда Карпай была на отдыхе в Сочи.

Бывший начальник Лечсанупра Кремля **А.А. Бусалов** и настоящий его начальник **П.И. Егоров** уже два месяца как на Лубянке, но и они не дают нужных для следствия показаний. Да и еврейских националистов из них не сделаешь – оба русские.

Яша Этингер, сын профессора Я.Г. Этингера, – тоже неподходящий кандидат на соучастника и тем более на «обличителя»: он – студент исторического факультета МГУ. Ранее осужденный за антисоветскую агитацию и возвращенный из особого лагеря МВД, что на Колыме, он уже многократно допрашивался следователями Родоновским, Герасимовым, да и самим Рюминым. Увы, шесть месяцев допросов, а толку пшик. Наручники, избиения, карцер – все впустую. Да и чем мог «помочь» следствию студент-историк?

В трудном положении оказались и мамыны истязатели, готовившие для процесса над врачами «обличителя», – Зотов, Панкратов и Остапишин. До их личного сведения довели, что 2 ноября Сталин вызывал «на ковер» в Кремль всех руководителей следствия над врачами Игнатьева, Гоглидзе, Рюмина, и разразился грубыми ругательствами, упрекнув в том, что «следователи работают без энтузиазма, что они неловко используют противоречия и недомолвки заключенных, неудачно формулируют вопросы, не ловят заключенных на крючок при каждой возможности, даже малейшей, чтобы схватить их и сжимать в тисках». Сталин лично приказал передать следователям, что необходимо бить заключенных смертным боем, заковать в цепи и кандалы, применять пытки при допросах, указав, что «особенно это необходимо в расследовании дела врачей Лечсанупра Кремля». Зотов и до этого полностью использовал для его подследственной Лившиц Евгении Федоровны весь арсенал средств принуждения, и все безрезультатно. Но еще есть время, «Дело врачей-вредителей» только в начале. И Зотов вновь, подстрекаемый его руководителями, уже теперь ссылаясь на самого Сталина, принимается за дело. А ситуация в стенах министерства и особенно в следственном отделе накаляется до предела.

14 ноября 1952 г. Рюмина отстраняют от следствия и увольняют из органов. Сталин, раздраженный главным образом медлительностью «следственной телеги», приказал Игнатьеву «убрать этого шибздика» из МГБ. Безграмотное ведение следствия, выколачивание Рюминым из заключенных бессмысленных показаний, невозможность добиться от врачей признания в сионистском заговоре, необходимом Сталину, вывело вождя из себя. И ОН разражается грозным «Постановлением Совета министров СССР»:

13 ноября 1952 г. Совершенно секретно

Правительство несколько раз указывало, как Министру госбезопасности, так и особенно начальнику следственной части по особо важным делам МГБ СССР, что при расследовании таких важных, связанных с иностранной разведкой антисоветских дел, как дело о вредительской работе Абакумова – Шварцмана и дело о террористической деятельности врачей из Лечсанупра, – нельзя ограничиваться выяснением частных и формально-юридической стороны дела, а нужно добираться до корней дела, до первоисточников преступлений.

Однако, несмотря на эти указания Правительства, следственная часть по особо важным делам МГБ СССР, ввиду порочной установки ее начальника тов. Рюмина, сводящей дело к выяснению формально-юридической стороны дела, оказалась неспособной выполнить эти указания Правительства, и оба упомянутых выше дела все еще остаются нераскрытыми до конца.

В связи с этим Правительство приняло решение:

1) Снять т. Рюмина с поста начальника следственной части по особо важным делам МГБ СССР и освободить его от обязанностей заместителя Министра государственной безопасности СССР, с направлением его в распоряжение ЦК КПСС.

2) Обязать Министра государственной безопасности СССР т. Игнатъева лично проследить за тем, чтобы указания Правительства по делу Абакумова – Шварцмана и врачей из Лечсанупра проводились со всей точностью.

3) Предложить т. Игнатъеву представить кандидатуру на должность начальника следственной части по особо важным делам МГБ СССР, способную выполнять указания Правительства.

Перепуганный Игнатъев после увольнения Рюмина ждал, что сталинский гнев вот-вот сметет и его. Выход был только один – срочно «долепить» дело о заговоре сионистов. В распоряжении Игнатъева были показания Я.Г. Этингера, за полтора года до этого умершего, было письмо Л. Тимашук четырехлетней давности. Однако для Сталина этого недостаточно. Он же приказал, сосредоточив все внимание на «Деле врачей-вредителей», вывести из него и сионистский заговор, и злое участие в этом буржуазных разведок. Только такой разворот следствия может удовлетворить Сталина. Подготовительный этап провалился. Из мамы, Лившиц Евгении Федоровны, несмотря на «старание» следствия, обличителя пока не получилось. А резерв времени, отпущенный Сталиным, истощается.

Начальником следственной части и прямым руководителем следствия по «Делу врачей-вредителей» вместо Рюмина назначается С. Гоглидзе. Он, по приказу вождя, усугубляет предлагаемую Сталиным вину только что собранных на Лубянке профессоров-врачей и инкриминирует им «шпионский антигосударственный заговор», руководимый западными спецслужбами. При таком повороте следствия роль «обличителя» становится еще более значимой. Еще раз требуют от Зотова, чтобы он добыл признание от Лившиц Е.Ф. в том, что в ее

вражеской деятельности было руководство. На следователя Зотова возлагается колоссальная партийная и государственная ответственность, и он с еще большей рьяностью принимается за дело. На последнем оперативном совещании, перед самым началом арестов первой группы профессоров-врачей, министр передал напутствие самого Сталина: «Нужно снять белые перчатки и с соблюдением осторожности прибегнуть к избиениям арестованных». И так, вперед, не таких ломали! (51).

ПОБЕДА ДАРОМ НЕ ДАЕТСЯ **(В круге пятом)**

Победы бывают разные. Полное поражение противника может быть и тогда, когда победителя не возносят с триумфом на пьедестал почета, не увешивают медалями, не вручают почетные грамоты. Победить можно и тогда, когда остаешься униженным и разбитым. В тюрьме успех в битве с более сильным противником – это не поддаться уговорам, увещаниям, запугиванию, пыткам. Вот такую победу одержала мама. Она добилась успеха там, где мало кто мог на него рассчитывать. Она этого достигла. Она преодолела. Она одержала победу!

Я позволю себе высказать мысль, что ее победа была обусловлена тем, что она отделалась от чувства страха перед тюремщиками. Их поведение и нескрываемая злоба позволили ей решить, что страх начали испытывать они, следователи, так как она разрушила их планы сострять с ее помощью обличительный материал против своих многолетних друзей и коллег по профессии. Она уже поняла, что готовится нечто грандиозное, и осознала меру своей ответственности. В то же время она увидела, что ее притеснитель, который прежде ей казался страшным и всесильным, – мелкий и трусливый человечешко, дрожащий за свое жалкое существование, и ничего более. Все чаяния бандитов из МГБ вытащить из мамы показания о вредительской деятельности будущих подследственных не осуществились. Не получилось вовлечь маму в разоблачение Б.Б. Когана, М.С. Вовси и Я.С. Темкина как руководителей террористического центра по уничтожению методами неправильного лечения наших славных деятелей партии и правительства. Это была ее личная победа. Мама вряд ли понимала, как оказала и оказала ли влияние ее победа на готовящееся дело «врачей-вредителей». Сейчас мне совершенно ясно, что она сорвала их планы. Может быть, развитие событий несколько задержалось. Но ненадолго. Уж очень сильная и массивная была сталинская репрессивная машина. Хотя, как знать?!

И несмотря на то, что из нее не получился «обличитель», следователи не собирались сдаваться, не хотели смириться с поражением. Знаменательно, что представленный читателю последний допрос происходил день в день, час в час, когда были подписаны ордера на арест будущих «убийц в белых халатах». И тогда начался следующий, самый беспощадный акт Лубянского ада. Это было противостояние хорошо налаженному, проверенному десятилетиями механизму

насилия со стороны надломленной больной женщины, измученной почти полугодовым тюремным издевательством, побоями, постоянными «стойками», «конвейером», бессонницей и карцером... Весь комплекс пыток был применен в полной мере. Ведь на Лубянку уже свозят профессоров-врачей.

С 10 ноября до конца месяца был проведен 21 допрос, причем 7 дневных и 14 ночных. Что такое ночные допросы, мы уже знаем, – это трехнедельная пытка без сна. Что такое «конвейр» – это когда один допрос продолжается сутками, а следователи меняются каждые 3 – 4 часа. Но мама не сдается. За записанными в протоколе допроса фразами: «Вы говорите неправду!», «Вы лжете!», приказаниями: «Давайте показания!», угрозами: «Следствие вам не верит!», «Прекратите лгать! Показывайте правду!» скрывается отборный мат, истошные крики следователей, побои и весь иной арсенал насилия, чем в обилии владела сталинская Лубянка.

О том, как это реализуется на практике, написано много и многократно. И все же приведу свидетельство начальника охраны самого Сталина, служившего ему верой и правдой в течение десятилетий, генерала-лейтенанта Н.С. Власика, арестованного в эти же дни (2 декабря 1952 г.) по делу «врачей-вредителей» и обвиненного в «потакательстве врачам-отравителям».

Допросы вели Л. Берия, Б. Кобулов, А. Влодзимирский. (А говорят, что Берия не участвовал в «Деле врачей-вредителей» *Ф.Л.!!*)

После вызова на допрос к Берии я понял, что, кроме смерти, мне ждать больше нечего, т.к. еще раз убедился, что они обманули Главу правительства (*так Власик называет Сталина – Ф.Л.*) ... За отказ от показаний ... мне сказали – подождешь в тюрьме... Ко мне было применено недопустимое издевательство. При моем возрасте и состоянии здоровья я не мог выдержать. Получил нервное расстройство, полное потрясение и потерял абсолютно всякое самообладание и здравый смысл... Я не был даже в состоянии прочитать составленные ими мои ответы, а просто под ругань и угрозы, в надетых острых, вьезшихся до костей наручниках, был вынужден подписывать эту страшную для меня компрометацию... в это время снимались наручники и давались обещания отпустить спать, чего никогда не было, потому что в камере следовали свои испытания... (73).

Для мамы кромешный ад со всеми его атрибутами продолжается:

12/XI – ночь. Начало допроса – 22.30, конец допроса – 2.40.

Вопрос: Показывайте о вашей преступной деятельности совместно с Вовси.

Ответ: Мне не известно, что Вовси занимался вредительской деятельностью.

Вопрос: Известно, что Вовси занимался вредительской деятельностью, почему вы обходите этот факт молчанием. Вы скрываете преступную деятельность Вовси.

Ответ: Мне не приходилось слышать от Вовси об антисоветской и националистической деятельности.

Вопрос: Вы говорите неправду.

* * *

13/XI – день. Начало допроса – 13.30, конец допроса – 17.00.

Вопрос: Мы предлагаем дать показания о преступной деятельности и националистических высказываниях Вовси.

Ответ: На этот счет ничего нового не могу сказать. Кроме того, что его окружают евреи, ничего сказать не могу.

* * *

13/XI – ночь. Начало допроса – 21.30, конец допроса – 1.30.

Вопрос: В числе ваших антисоветских связей был Темкин. Что вам известно о его антисоветской деятельности. Говорите о Темкине откровеннее.

Ответ: Ничего мне кроме его антисоветских высказываний. Например, он сказал, что арестовали Этингера, чтобы забрать его картинную галерею.

* * *

14/XI – день. Начало допроса – 14.30, конец допроса – 18.00.

Вопрос: Вы не дали откровенных показаний об антисоветских проявлениях Темкина?

Ответ: Дело в том, что для Темкина было характерной манерой говорить не пространно, а лаконично, что затрудняет воспроизвести в памяти его антисоветские высказывания.

* * *

14/XI – ночь. Начало допроса – 23.00, конец допроса – 3.00.

Вопрос: Продолжайте показания. Вы не дали откровенных показаний.

Ответ: Я как ни старалась припомнить конкретные факты антисоветских высказываний Темкина из этого пока ничего не получилось. Как вспомню, так назову.

* * *

17/XI – ночь. Начало допроса – 22.45, конец допроса – 3.40.

Вопрос: Сообщите следствию о ваших взаимоотношениях с Коганом Борух Берковичем. Следствию известно о преступной связи Вовси и Когана – убежденными еврейскими националистами и что их, как и всех вас, связывала преступная деятельность против Советского государства.

Ответ: О преступной связи Когана и Вовси мне ничего не известно и в преступной связи с ними не состояла.

* * *

18/XI – день. Начало допроса – 15.30, конец допроса – 18.45.

Вопрос: Сообщите о вашей преступной связи с Вовси и Коганом. Следствие не верит вашим показаниям. Учтите это, Лившиц.

Ответ: Повторяю, я никогда не слышала от Когана или Вовси разговоров, которые бы проливали свет на их преступную деятельность в области медицины. Я же также никогда не посвящала их в свою преступную деятельность, какую я проводила, работая в Лечсанупре Кремля.

* * *

18/XI – ночь. Начало допроса – 22.15, конец допроса – 3.15.

Вопрос: Показывайте о вашей вражеской работе с Вовси и Коганом.

Ответ: Я не была связана ни с Вовси, ни с Коганом по преступной работе.

Вопрос: Вы скрываете своих единомышленников. Прекратите лгать. Показывайте правду.

Ответ: Я ничего не скрываю.

Передо мной парадоксальный документ, в котором профессиональный мучитель в звании майора госбезопасности собственноручно оформлял свою несостоятельность в потугах добиться самооговора («Мне не приходилось слышать от Вовси об антисоветской и националистической деятельности», «Я не была связана ни с Вовси, ни с Коганом по преступной работе» и т.д.), а страдающая от насилия врач самолично продолжает свои мучения («Протокол допроса мною прочитан, записан с моих слов верно. Лившиц»).

Невероятное сочетание. Парадокс МГБ, не укладывающийся в сознании нормального человека, продолжается.

19/XI – ночь. Начало допроса – 22.30, конец допроса – 4.20.

Вопрос: Кто направлял вашу вражескую деятельность при назначении Светлане Сталиной противодифтерийной сыворотки?

Ответ: Это было в 1943 г., когда Светлане было 17 лет. У Светланы были налеты в горле, которые я расценила как дифтерию. Больную консультировала с Бусаловым и Преображенским. Заболевание оказалось ангиной. Введение противодифтерийной сыворотки грозит опасностью развития шока. Но за моей спиной никого не было.

* * *

20/XI – ночь. Начало допроса – 23.00, конец допроса – 5.00.

Вопрос: Каково политическое лицо Преображенского?

Ответ: Крупный специалист, отоларинголог.

Вопрос: Его отношение к введению противодифтерийной сыворотки Светлане Сталиной?

Ответ: Диагноз дифтерии был спорным. Был сделан анализ слизи из зева, но палочки Лефлера не было определено. Но это не значит, что не было дифтерии.

* * *

21/XI – ночь. Начало допроса – 22.30, конец допроса – 3.00.

Вопрос: Называйте ваших единомышленников по вражеской работе в Лечсанупре Кремля.

Ответ: У меня не было единомышленников.

Вопрос: Ложь. Кто направлял вашу деятельность.

Ответ: Действовала одна в силу своих антисоветских убеждений.

* * *

24/XI – ночь. Начало допроса – 22.30, конец допроса – 5.10.

Вопрос: Дайте правдивые показания о выдаче заключения по поводу медиастенита Тевосян Розы и о консультации Вовси и Домбровской.

Ответ: Как это было, я показала на прошлых допросах. Я зафиксировала в истории болезни диагноз, который выставила Домбровская – медиастенит ревматического происхождения, хотя Вовси диагностировал медиастенит туберкулезного происхождения и был прав.

* * *

25/XI – ночь. Начало допроса – 22.30, конец допроса – 4.10.

Вопрос: Называйте ваших единомышленников по вражеской работе в Лечсанупре Кремля.

Ответ: У меня не было единомышленников.

Вопрос: А Вовси?

Ответ: Вовси не был моим единомышленником.

Вопрос: Вовси направлял вашу вражескую деятельность?

Ответ: Нет, от Вовси никаких установок не получала.

Силовой нажим на маму не сработал. Зотову было приказано ознакомить маму со следующим «Официальным заявлением следствия», которое было предъявлено в эти дни всем подследственным по готовящемуся «Делу врачей-вредителей»:

«Мы имеем поручение руководства передать вам, что за совершенные вами преступления вас уже можно повесить, но вы можете сохранить жизнь и получить возможность работать, если правдиво расскажете, куда ведут корни ваших преступлений и на кого вы ориентировались, кто ваши хозяева и сообщники. Нам также поручено передать вам, что, если вы пожелаете раскаяться до конца, вы можете изложить свои показания на имя вождя, который обещает сохранить вам жизнь в случае откровенного признания вами всех ваших преступлений и полного разоблачения своих сообщников. Всему миру известно, что наш вождь всегда выполнял свои обязательства» (140).

Но и эта униженная просьба была отвергнута мамой!

Пора докладывать «наверх» о сформированной группе врачей-террористов для представления их на суд советской и мировой общественности. В нее должны войти те, кто сможет и должен на открытом судебном процессе взять на себя ответственность за вредительское лечение руководителей нашей партии и правительства. И Гоглидзе, принявший на себя ведение расследования «Дела врачей» после заболевания Игнатьева и устранения от следственных дел Рюмина, готовит документ, который представляет Сталину 24 ноября 1952 г.

«Следствие установило, <...> враждебную группу, действовавшую в поликлинике Кремля, которая стремилась оборвать жизни руководителей партии и правительства медицинскими методами.

Эта вражеская, террористическая группа врачей работала совершенно так же, как врачи в недалеком прошлом – Плетнев и Левин, убив В. В. Куйбышева, В. Р. Менжинского, А. М. Горького и его сына, М. А. Пешкова.

Они – Егоров, Виноградов, Василенко, Федоров, Майоров и Карпай – вели террористическую деятельность путем прописывания пациентам такого лечения, чтобы оно разрушало их здоровье, усложняло болезнь и вело к их смерти. <...> Егоров, Виноградов, Василенко, Майоров и Федоров признались в том, что в прошлом были врагами партии и Советского государства <...>

Во время допроса Вовси и Коган (Б.Б.) сознались, что они оба, будучи еврейскими националистами, поддерживали вражеские связи с главами еврейского националистического подполья, действовавшего под маской Еврейского антифашистского комитета» (51).

Сталину докладывают о «победах», но они далеки от действительности. Сталина боятся и ему врут в надежде «исправиться». Даже здесь, в этом перечне, мама не фигурирует, хотя по планам врач-педиатр, преступно лечившая детей и внуков наших партийных и государственных руководителей, очень украсила бы список террористов и показала бы коварство их планов. Но организаторы гигантского зловещего заговора не отчаиваются и продолжают беспрецедентный нажим.

Протокол от 26 ноября удалось получить в копии, поэтому и привожу его полностью:

**ПРОТОКОЛ ДОПРОСА
арестованной ЛИВШИЦ Евгении Федоровны
от 26 ноября 1952 года.
Допрос начат в 22 часа.**

Вопрос: Продолжайте показания о вашей вражеской деятельности.

Ответ: Я уже не раз показывала об этом и сейчас готова вновь повторить сказанное. Правда состоит в том, что в силу ненависти на Советскую власть (так в протоколе – Ф.Л.), я возводила гнусную клевету на советскую действительность. Клеветала я неудержимо по самым различным вопросам политики партии и Советского правительства.

Пожалуй, не найти такую область в советской действительности, которую бы я не обогала. Так, я клеветала на материальное положение трудящихся, рисуя его в мрачных красках. Я возводила ложь и клевету на советские карательные органы, обвиняя их в жестокости и несправедливости. Я клеветала на национальную политику, проводимую Советским правительством, обвиняя его в «преследовании» евреев, «гонении» на них.

Говоря о советской печати, я клеветнически утверждала, что якобы она неправдива и не отражает действительного положения вещей.

К довершению ко всему этому я возводила невероятно гнусную клевету в адрес членов Советского правительства и вождя народа.

(Не могу удержаться, чтобы не отметить, что это не мамины слова, а суточные фразы следователя Зотова, перекочевавшие из газетных статей в ма-

мин протокол. Более аполитичного человека я не знал, да и газеты она не читала. Больные дети, работа и только работа с утра до ночи, с ночи и до утра.)

Вопрос: И не только в этом выражалась ваша вражеская работа.

Ответ: Да, не только в этом. Скрыв свое чуждое социальное прошлое, я обманым путем пробралась на работу в Лечебно-санитарное управление Кремля, где занималась вредительской деятельностью. Я преступно лечила членов семей руководителей партии и Советского государства, а также ответственных работников, чем безусловно причинила вред их здоровью. Как это выглядело практически я подробно излагала на прошлых допросах.

В целях сокрытия следов своей преступной работы в Лечебно-санитарном управлении Кремля я прибегала к фальсификации историй болезней.

Вопрос: Кто направлял вашу вражескую деятельность. Говорите правду.

Ответ: Никто. Преступления я совершала самостоятельно.

Вопрос: Не лгите, а показывайте правдиво: кто стоял за вашей спиной?

Ответ: За моей спиной никого не было, прошу поверить мне в этом, ибо я говорю правду.

Вопрос: Следствие вам не верит.

Допрос окончен в 4 часа.

Протокол допроса мною прочитан, записан с моих слов верно /ЛИВШИЦ/.

Допросил: ПОМ. НАЧ. ОТД. СЛЕДОТДЕЛА 2 ГЛ. УПР. МГБ СССР МАЙОР ГОСБЕЗОПАСНОСТИ СССР /ЗОТОВ/.

* * *

Следователь Зотов заметно отстает от своих сотоварищей. В соседних кабинетах явные успехи. Вновь назначенный зам. министра С.А. Гоглидзе и только что вернувшийся в лоно Лубянки из Узбекистана С. Огольцов добились признания от П.И. Егорова, В.Х. Василенко, Г.И. Майорова и В.Н. Виноградова о «злонамеренном лечении». Это дает основание направить на имя Сталина документ, в котором министр С.Д. Игнатъев при непосредственном содействии Л.П. Берии утверждает, что «МГБ владеет информацией, что лечение товарища Жданова А.А. было проведено с преступными намерениями (как и лечение Щербакова)» (51). У следователей, «работающих» с мамой, таких успехов нет. Поэтому следует новый нажим, и они с удвоенной интенсивностью продолжают изобличать маму в ее врачебной злонамеренности. Но их опять ждет неудача.

1 декабря Сталин собрал чрезвычайное расширенное заседание Президиума ЦК, где объявил, что органы раскрыли террористическую группу врачей, орудовавших в Кремлевской больнице, и главное, их связь с еврейскими националистически настроенными заговорщиками (51). На этом совещании Сталин во всеуслышание объявил: «Любой еврей-националист – это агент американской разведки. Среди врачей много евреев-националистов».

Зотову надо отрабатывать заказанный его начальством миф о «руководстве террором», и он выкладывает последний «козырь» в арсенале террористических обвинений – «покушение» на здоровье Сталина.

**2 декабря 1952 г. Допрос арестованного Бусалова Алексея Андреевича,
бывшего начальника Лечсанупра Кремля:**

Вопрос: Дайте показания о привлечении врача Лившиц Е.Ф. к лечению Светланы Сталиной.

Ответ: Врач Лившиц оказывала Светлане Сталиной медицинскую помощь.

Вопрос: По чьему указанию она была направлена к Светлане Сталиной?

Ответ: По распоряжению генерала Власика.

Вопрос: Почему Светлана Сталина не была госпитализирована?

Ответ: Потому что она категорически отказалась от госпитализации.

Вопрос: Оставив ее дома, это же угроза здоровью главе Советского государства.

Ответ: Полностью исключено. Были созданы соответствующие условия. Больная оставлена дома с ведома и разрешения отца.

Не получилось у Зотова организовать «руководство террором» главой Лечсанупра Кремля. И он решил задействовать это «руководство» мамой на более низком уровне. Мирон Семенович Вовси, Борис Борисович Коган и Яков Соломонович Темкин — здесь, рядом, на Лубянке. От них уже добиваются показаний о их связи с английскими и американскими посольствами, ведущими подрывную деятельность в стране. Полгода тому назад мама не дала никакого следственного материала против них. Надо срочно исправлять эту следственную недоработку. Тем более, что Гоглидзе, новый руководитель всей следственной группы, на оперативном совещании ознакомил следователей с только что вышедшим постановлением ЦК. В постановлении Центрального Комитета от 4 декабря 1952 г. говорилось о раскрытом бдительными советскими людьми и доблестными чекистами заговоре врачей.

«Президиум Центрального Комитета партии подтвердил, что в Лечсанупре Кремля группа преступников действовала в течение долгого времени. Прежние руководители Лечсанупра Бусалов и Егоров вступили в эту преступную группу, куда уже входили врачи Виноградов, Федоров, Василенко, Майоров, еврейские националисты Коган, Карпай, Этингер, Вовси и др. Сверхзадача этой группы — совершение террористических действий против лидеров Коммунистической партии и правительства.

Под давлением доказательств участники группы признали, что они устанавливали неправильные диагнозы, предписывали и осуществили неверные методы лечения, и эти меры привели их пациентов к летальному исходу. Преступники признали, что этими средствами они успешно воспользовались при убийстве А. А. Жданова и А. С. Щербакова».

Далее в постановлении говорилось следующее:

«...была ли возможность быстрого раскрытия и отстранения от должностей этой вражеской группы в Лечсанупре? Да, такие возможности были. Еще в 1948 г. МГБ имело информацию о явно неудовлетворительной ситуации в Кремлевской клинике. Доктор Тимашук обратилась в МГБ с письмом, в котором на основании электрокардиограмм она подтверждала, что диагноз

тов. Жданова А.А. при назначении лечения был неправильно установлен, что принесло ему несомненный вред. Если бы МГБ добросовестно исследовало бы это исключительно важное заявление, это, конечно, предотвратило бы злодейское убийство тов. Жданова А.А. Это помогло бы и заблаговременно ликвидировать террористическую группу докторов. Увы, так не случилось, потому что оперативники МГБ с преступной халатностью отнеслись к своей работе, отдав письмо Тимашук в руки Егорова – участника террористической группы. Далее, в 1950 г. прежний министр государственной безопасности Абакумов, имея прямые факты о медицинских преступлениях, получив от следователей МГБ результаты допросов арестованного доктора Этингера, одного из консультантов Лечсанупра, скрыл это от Центрального Комитета партии и прекратил дознание по делу. Прежний руководитель главного управления охраны Власик, который должен был осуществлять контроль за работой Лечсанупра, что входило в его прямую обязанность, впал в запой вместе с теперь уже раскрытыми и арестованными лидерами Лечсанупра и стал слепым инструментом в их руках. Министр здравоохранения СССР тов. Смирнов вместо осуществления контроля за деятельностью штатных работников Лечсанупра, которым было доверено лечение и контроль за здоровьем первых лиц государства, большей частью пьянствовал с руководством Лечсанупра. Естественно, ему было не до видимых уже невооруженным глазом дефектов в лечебной работе, он не проявлял бдительности или принципиального поведения.

После замены руководства МГБ СССР в июле 1951 г. Центральный Комитет партии счел необходимым напомнить новому руководству, что доктора типа Плетнева и Левина в недалеком прошлом под руководством иностранных разведок отравили В.В. Куйбышева и А.М. Горького. Так что та преступная группа врачей-убийц получила свое продолжение в лице новых – еврейских националистов.

Центральный Комитет ВКП(б) тогда потребовал, чтобы МГБ использовал все возможности, чтобы раскрыть и вывести на чистую воду эту группу вражеских докторов. Однако новое руководство МГБ неудовлетворительно выполнило директивы партии и правительства, продемонстрировав медлительность, плохую организацию расследования этого тяжкого преступления против народа, так что в итоге много времени было потрачено впустую.

Центральный Комитет постановил:

1. Необходимо направлять деятельность МГБ следующим образом:

а) выявить до конца террористические действия группы врачей, активизировавшихся в Кремлевской поликлинике, ее связи с американскими и английскими резидентами;

б) в ходе расследования разяснить, какими средствами и какими действиями следует парализовать деятельность врачей-убийц, и исправить ситуацию в лечсануправлении, добиться по-настоящему добросовестного лечения пациентов.

2. Снять товарища Смирнова Е.И. с поста министра здравоохранения на основании неудовлетворительного руководства и политической близорукости. Случай тов. Смирнова должен быть передан для обсуждения в Комитет партийного контроля.

3. Ускорить работу бюро Президиума Центрального Комитета партии:
а) назначить нового министра здравоохранения СССР;
б) принять меры для исправления ситуации в Лечсанупре» (51).

Грозно, и очень. Зотову совсем не хочется числиться среди оперативников МГБ, относящихся к своей работе с преступной халатностью. Надо еще раз нажать и попытаться выявить террористические действия врача-педиатра Лившиц Е.Ф., попытаться выдавить у нее хоть какие-нибудь дополнительные сведения, ее компрометирующие.

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА
арестованной ЛИВШИЦ Евгении Федоровны
от 6 декабря 1952 года.
Допрос начат в 14 ч.15 мин.

Вопрос: Известно, что ваш муж ЛЯСС Мирон Акимович был в близких отношениях с ВОВСИ М.С.

Ответ: Да, это так. Как мой муж, так и я, были многому обязаны ВОВСИ Мирону Семеновичу и питали к нему большое уважение. Знакомство мужа с ВОВСИ началось еще в 1923 году. Тогда ВОВСИ работал ординатором в госпитальной терапевтической клинике, руководимой профессором ПЛЕТНЕВЫМ.

Вопрос: Это тот ПЛЕТНЕВ, который впоследствии был разоблачен как враг народа?

Ответ: Совершенно верно. В этой клинике работал тогда и мой муж в качестве экстерна. В 1926 году ВОВСИ и мой муж работали в медико-биологическом институте. ВОВСИ являлся ассистентом, а муж – аспирантом. К этому времени относится и мое знакомство с семьей ВОВСИ. В результате у нас установились дружеские отношения, мы стали бывать друг у друга. Все праздники мы проводили вместе. Дети наши тоже дружили и больше того, жена ВОВСИ – Вера Львовна – рассчитывала выдать свою дочь Любу замуж за моего сына – ЛЯСС Федора Мироновича.

В годы Отечественной войны, как известно, ВОВСИ являлся главным терапевтом Советской Армии. При активном содействии ВОВСИ и муж мой сделал военную карьеру. Так, в начале войны он был армейским терапевтом, а затем стал главным терапевтом Карельского фронта и получил чин полковника.

Вопрос: С помощью того же ВОВСИ ваш муж и был отозван с фронта и устроен на теплое местечко в Москве. Не так ли?

Ответ: Действительно, в 1944 году мой муж был отозван с фронта и с помощью ВОВСИ устроен в Центральный госпиталь Советской Армии в качестве заведующего отделением Института питания. А вскоре он был назначен главным терапевтом главного госпиталя Советской Армии. Все это время он находился в непосредственном подчинении ВОВСИ.

ВОВСИ мы были обязаны и спасением жизни нашего сына – Федора Мироновича, тяжело заболевшего в 1943 году. Сам Мирон Семенович принимал активное участие в его лечении.

Когда умер мой муж, то ВОВСИ и ТЕМКИН Яков Соломонович дали мне обещание заменить моему сыну – Федору – отца. И действительно, со стороны их, в особенности со стороны ВОВСИ, я всегда встречала поддержку и сочувствие.

Вопрос: Объясните причины такого большого расположения ВОВСИ как к вашему мужу, так и ко всей вашей семье.

Ответ: Затрудняюсь объяснить это. Мне самой непонятно, почему ВОВСИ при его положении был так внимателен к мужу и ко мне, ибо мы не представляли собой тех людей, в дружбе с которыми ВОВСИ мог быть заинтересован. Что касается моего мужа, то он просто благоговел перед ВОВСИ.

Вопрос: Не наивничайте, ЛИВШИЦ. Ваша дружба с ВОВСИ, как и дружба вашего мужа с ним, основывалась на почве общности антисоветских убеждений. Что вы скрываете это?

Ответ: Я частенько бывала в обществе ВОВСИ вместе со своим мужем, но никогда они при мне не вели разговоров антисоветского характера. Обычной темой их бесед была область медицины. Я лишь однажды слышала от мужа высказывание антисоветского содержания. Это было, если мне не изменяет память, весной 1946 года. В Москве проходили выборы в Верховные органы власти. И вот когда мы с ним шли голосовать, касаясь выборов, он тихо, чтобы не слышали другие, сказал: «Обманываем весь мир». Других антисоветских высказываний от мужа мне слышать не приходилось.

Вопрос: Ложь.

Ответ: Нет, я не лгу.

Вопрос: Известно, что ваш муж был в близких отношениях с ТЕМКИНЫМ и КОГАНОМ Б.Б. Подтверждаете это?

Ответ: Да, муж мой был в очень хороших отношениях с ТЕМКИНЫМ Яковом Соломоновичем. Их дружба началась еще с 1928 года и продолжалась до последних дней жизни мужа. Что касается КОГАНА Борух Берковича, то муж мой недолюбливал его.

Вопрос: Это однако не мешало им общаться друг с другом.

Ответ: Да, они общались друг с другом. Дело в том, что КОГАН дружил с ВОВСИ и ТЕМКИНЫМ, бывал у них. Поскольку и мы с мужем бывали в гостях у ВОВСИ, то там встречались и с КОГАНОМ. Кажется один раз, это было 2 мая 1946 года, КОГАН с женой были у нас в гостях. Тогда же были приглашены и ВОВСИ с ТЕМКИНЫМ.

Однажды, после возвращения мужа с фронта в Москву, мы были у КОГАНА. Других встреч с КОГАНОМ я не припоминаю.

Вопрос: Не только с ВОВСИ, но и с КОГАНОМ и ТЕМКИНЫМ вашего мужа объединяла вражда к Советской власти. Почему умалчиваете это?

Ответ: Этого я не знаю. Повторяю, при мне никто из этих лиц антисоветских разговоров не вел. Мы говорили только на медицинские темы.

Допрос окончен в 19 ч.20 м.

Протокол допроса мною прочитан, записан с моих слов верно /ЛИВШИЦ/.

Допросил: ПОМ. НАЧ. ОТД. СЛЕДОТДЕЛА 2 ГЛ. УПР. МГБ СССР МАЙОР ГОСБЕЗОПАСНОСТИ СССР /ЗОТОВ/.

Опять ничего не получилось, опять Зотов не выполнил приказания начальства. Что с мамой было в течение второй и третьей декады января и почти всего февраля, я не имею представления. Документов, проливающих свет на этот период, когда над «врачами-вредителями» шли самые активные следственные действия, я не знаю. Согласно следственному делу № 5522, маму на допросы не вызывали. Но при этом необходимо учитывать, что в следственном управлении МГБ существовала и такая практика – следственные действия продолжались, но протоколы допросов в дело не подшивались (278). А проконтролировать по ее «Тюремному делу», когда оно было в моих руках, покидала ли мама свою одиночную камеру № 6, я не додумался. Думается, что нажим на маму продолжался в течение всего декабря и января, но ввиду того, что новых, а тем более обличающих ее и ее коллег показаний она не давала и ни в чем не сознавалась, протоколы допросов не оформлялись. Правда, еще одну попытку получить от мамы сведения о «руководителях» и ее вредительской деятельности Зотов предпринял 20 января 1953 г., но опять безрезультатно. Мама заявила: «Ничего добавить не могу, других фактов, кроме указанных ранее, не имею».

Все!

Нет, не все!

На этом не оканчивается единоборство мамы с Лубянккой. На этом этапе мама победила! Она не дала сделать из себя «обличителя» в «Деле врачей-вредителей». Она сломала планы Лубянки. Для того, чтобы адекватно оценить, что совершила мама, надо вспомнить, что в это время творилось на Лубянке. Это были самые жаркие дни по фабрикации «Дела врачей-вредителей». Весь основной состав подследственных (В.Н. Виноградов, В.Х. Василенко, М.С. Вовси, Б.Б. Коган, А.И. Гринштейн, А.И.Фельдман и Я.С.Темкин) был уже на Лубянке, и из них выбивали показания о преступном лечении, вредительстве, руководстве террористической деятельностью в Лечсанупре Кремля. Это было тогда, когда Сталин требовал от Игнатьева: «Бить, бить, и бить», и тот, выполняя волю Сталина, требовал от своих подчиненных выбить из «тайных отравителей» в обличии профессоров-врачей «доказательства» их вредительской деятельности. Это были дни, когда МГБ занималось изобретением глобального «заговора» западных спецслужб, стремящихся посредством врачебного террора вывести из строя руководителей партии и государства. Фабрикация «Дела» была в полном разгаре, а отсутствие обличительных показаний мамы не помогло МГБ состряпать антисемитский процесс.

Мама претерпела все эти мучения в процессе подготовки «Дела врачей-вредителей». Весь следственный процесс над мамой происходил тогда, когда на Лубянке, в кабинете начальника Внутренней тюрьмы полковника А.Н. Миронова, занимавшего эту должность с 1937 г., было оборудовано и начало действовать специально приспособленное для пыток помещение, снабженное ширмами, металлическими столами и прочим инквизиторским реквизитом, напоминавшим по внешнему виду оборудование то ли прозекторской, то ли операци-

онной. Тогда же для битья подследственных резиновыми палками была создана специальная команда из числа дюжих молодчиков, в которую входили лейтенанты Ф.И. Белов и П.В. Кунишников. На Лубянке стали регулярно применять такую пытку, как многосуточное содержание подследственных в металлических наручниках. Причем в дневное время руки сковывались, будучи заведенными за спину, а в ночное – в положении спереди, при этом каждое неверное движение болезненно стягивало руки железными зазубренными скобами наручников.

Это было тогда, когда Сталин торопил исполнителей своего замысла. Вызывая к себе министра С. Игнатьева, он в припадке злобной подозрительности угрожал ему всеми возможными карами, а их у НЕГО было много и министр с ними был знаком не понаслышке.

С.Д. Игнатьев:

«За все время существования этой группы не было достигнуто ничего, и к концу января 1953 г. почти во всех разговорах с тов. Сталиным я слышал не только острую брань, но и угрозы приблизительно такого характера: «Если вы не раскроете террористов, американских агентов среди врачей, то вы будете там, где сейчас находится Абакумов», «Я – не МГБэшник. Я могу требовать и прямо заявлять вам об этом, если вы не выполняете моих требований», «Мы будем управлять вами как баранами» и т. д. (51).

А тут эта строптивая женщина, выдержав все изощренные методы воздействия, взяв на себя антисоветскую пропаганду, националистические высказывания и «преступную деятельность в области медицины», категорически отказывалась от наличия руководства. Пройдя все ужасы Лубянки, все стадии подготовки сталинского плана создания политического процесса против самой гуманной специальности, она оказалась честной перед собой, перед семьей, перед друзьями, перед коллегами, перед своей профессией.

Мама не была одинокой в сопротивлении. В это же время С.Е. Карпай, несмотря на то, что она долго содержалась в холодной камере, где ей не давали спать, не призналась в «преступном лечении А. Жданова». Не дали признательных показаний арестованные по делу Я.С. Темкин, Б.Б. Коган, А.И. Фельдман, А.М. Гринштейн, а также другие врачи. Они категорически отрицали «связь с еврейской буржуазно-националистической организацией “Джойнт”» и не признавались в террористических целях и шпионаже. Не работали на сталинские руководящие указания о наличии врачебного заговора против деятелей партии и показания уже умершего Я.Г. Этингера. Не было каких-либо подтверждений утверждениям Рюмина, что Я.Г. Этингер был террористом. Никто из следователей не мог сказать, будут ли такие показания вообще (51).

Сталину была нужна «организованная и направляемая из-за рубежа банда американских прихвостней», а не одиночки. Не выполнив возлагавшуюся на нее МГБ сверхзадачу, мама оказалась ненужной в затеваемом деле. Но от нее не отстают. Не получив желаемого напрямую, следственный отдел привлек помощников. На 18 января назначили медицинскую экспертизу на 9 историй болезней ее пациентов из Лечсанупра Кремля. Надо было, чтобы профессио-

налы-медики сказали свое веское слово. Следователи рассчитывали получить возможность уличить врача Лившиц в террористической деятельности под руководством профессоров-врачей... Над работниками Следотдела Главного разведывательного управления Министерства государственной безопасности и, в частности, над полковником госбезопасности Панкратовым и майором Зотовым нависла опасность строгих санкций за «неудовлетворительное выполнение директив ЦК, демонстрацию медлительности, плохую организацию расследования этого важного случая, из-за чего в итоге много времени было потрачено впустую в выявлении террористической группы в Лечсануправлении». Эти слова Сталина, высказанные в адрес заболевшего С. Игнатьева, были на слуху всех исполнителей, готовящих «Дело врачей-вредителей» (51).

«Утверждаю»

Зам. СЛЕДОТДЕЛА УПРАВЛЕНИЯ ГРУ МГБ СССР
ПОЛКОВНИК ГОСБЕЗОПАСНОСТИ ПАНКРАТОВ
«22» января 1953 года.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

/о назначении медицинской экспертизы/
гор. Москва, 1953 года, января «18» дня

Я, Пом. Нач. отделения Следотдела Управления ГРУ МГБ СССР – майор госбезопасности ЗОТОВ, рассмотрев материалы следственного дела № 5522 по обвинению ЛИВШИЦ Евгении Федоровны, 1900 года рождения, уроженки г. Орши, еврейки, беспартийной, бывшего врача-педиатора Лечебно-Санитарного Управления Кремля, –

НАШЕЛ:

В ходе следствия получены данные о том, что ЛИВШИЦ, работая в Лечебно-Санитарном Управлении Кремля с 1942 по 1951 год в качестве детского врача, преступно относилась к лечению детей, чем наносила вред их здоровью. Принимая во внимание, что для расследования преступной деятельности ЛИВШИЦ в Лечсанупре Кремля требуются специальные медицинские познания, руководствуясь ст. ст. 63, 189-172 УПК РСФСР, –

ПОСТАНОВИЛ:

1. Назначить медицинскую экспертизу.
2. Экспертизу поручить:
Директору Московского института педиатрии доктору медицинских наук тов. КАЗАНЦЕВОЙ М.Н.;
Профессору 2-го Московского Медицинского института ВЛАСОВУ В.А.;
Главному врачу детской больницы № 17 ЧЕНЦОВОЙ О.А.
3. В распоряжение экспертов предоставить фотокопии историй болезни детей за №№ 8623, 5673, 3400, 1333, 11923, 11922, 282, 941, 777, а также анализы и исследования к ним.
4. На разрешение экспертов поставить следующие вопросы:
 - а) Является ли нормальным такое положение, когда врач выезжал к больным без историй болезни и даже больше того, хорошо не зная, чем был болен ребенок в последнее время, какие ему делались назначения и каковы были результаты различного рода исследований и анализов.

- б) Является ли нормальным, когда врачом результаты осмотра и назначения вносились в историю болезни по памяти и даже не в день осмотра больного, или это недопустимо в медицине.
- в) Как можно расценивать такие действия врача и к чему они могут привести.

Далее следуют на 8-ми машинописных листах конкретные вопросы к приложенным фотокопиям перечисленных выше историй болезни. 27 января мама была ознакомлена с этим постановлением, о чем имеется ее расписка.

Но время не ждет, начальство сверху торопит, и 19 февраля маму вновь, после большого перерыва, вызвали на ночной допрос. От врача-педиатра необходимо получить признание не в халатном отношении к ее маленьким пациентам, не в ошибках, совершенных по небрежности. Надо показать, как это написано в передовой «Правды» (газета лежит у Зотова в верхнем ящике его рабочего стола), что ею руководила «банда убийц и отравителей», которая опасна для всего населения страны. Эти недочеловеки, эти коварные животные, маскирующиеся под людей, не просто нанесли вред вождям нашей страны. Их намерения нанести вред всему человечеству.

В течение 6-ти часов следователь Зотов пытался вырвать из нее сведения о преступных связях Б.Б. Когана с Я.С. Темкиным. 5 страниц протокола затрачен на один-единственный ответ мамы:

«Мне не было известно, что между ними существуют связи по преступной деятельности».

ИЗ СУДА, ЧТО ИЗ ПРУДА – СУХИМ НЕ ВЫЙДЕШЬ...

(В круге шестом)

Начался март. Уже полных 9 месяцев как она в заточении в камере № 6. За это время, кроме тюремных надзирателей, своего следователя и его помощников, никого не видит, ни с кем не имеет возможности перекинуться нормальными человеческими словами. От надзирателей – только окрики: «Встать!», «Руки назад!», «Выходи!», «Не положено!»; от следователя – грубость, площадная ругань, одни и те же требования: «Показывайте», «Говорите конкретнее», «Неправда», «Ложь», «Продолжайте показания о вашей вражеской деятельности» и т.п. Читатель смотри протоколы допросов.

Никаких симптомов или даже намеков, что Сталин «сыграл в ящик», внутри Лубянки не наблюдается. Маму после того, как она ознакомилась за месяц до того с постановлением о назначении медицинской экспертизы, никуда не вызывают. И хотя она и отдохнула от изнуряющих допросов и всего, что их сопровождало, неизвестность и ничего хорошего не сулившая будущность ее самой и ее семьи была невероятно тягостна. Теперь ее мучила собственная бессонница из-за непрекращающихся головных болей и разрывающих голову мыслей.

16 марта начался процесс реабилитации профессоров-врачей. В следственном деле мамы подшита выписка из показаний М.С. Вовси. В ней сказано:

Следствие обсуждало вопрос о том, что я «покрыл» из националистических соображений якобы порочное лечение врачом Лившиц.

Зная Лившиц, я не допускаю и мысли, чтобы она в своей работе допускала порочное, а тем более преступное лечение. Это чрезвычайно честный и самоотверженный врач. Мне ничего не известно о ее националистических убеждениях и оснований для этого у меня не было и нет.

Конечно, следователь Зотов маму с этим, очень важным для нее документом, не познакомил. Он уже знал, что следствие против профессоров-врачей приостановлено, а о судебном процессе над врачами, даже закрытом, не может быть и речи. Зотов был в курсе того, что вновь назначенный министр внутренних дел Л. Берия сместил начальника следственной части В.Г. Цепкова, его непосредственного начальника в подготовке «Дела врачей-вредителей», и вновь созданная следственная группа вызывает на собеседование, не на допрос, а на собеседование арестованных врачей и просит – просит, а не требует! – подробно изложить претензии к следствию, так как руководство страны не сомневается в их невиновности. В объяснительных записках (он, Зотов, сам их читал) все узники написали о применении к ним физического и психологического насилия и отказались от прежних показаний, в которых признавались в преступном лечении руководителей партии, правительства и лично Сталина. Отказались они и от обвинения своих коллег в тяжких преступлениях. Отказались они и от показаний о создании Центра по руководству преступной деятельностью в Лечсанупре Кремля. А 17 марта, мне думается, стало совсем муторно на душонке у Зотова: был арестован М. Рюмин – главный исполнитель подготовки сталинского заказа и его непосредственный начальник и руководитель следствия. Надо было как можно быстрее отмежеваться от «Дела врачей-вредителей». И тут, ну совсем не к месту, пришел результат экспертизы Историй болезни, в которых эксперты с медицинских позиций должны были уличить врача-педиатра Лившиц Е.Ф. в преступном методе лечения своих пациентов. И уличили. Как же они могли не уличить, если 13 января, всего два месяца тому назад, газета «Правда» сообщила на весь мир, что «террористическая группа врачей» уже созналась во «вредительском» лечении. А то, что в это время «Дело врачей-вредителей» раскручивается в обратном направлении, эксперты и помышлять не могли. Заказ надо выполнять!

«Заключение экспертов» – любопытный документ. 23 страницы явных потуг экспертов найти хоть какой-нибудь криминал в представленных «Историях болезни» детей, которых лечила Лившиц Е.Ф., и в финале – безнравственное заключение о преступном методе лечения. Если я ограничусь в этой книжке только первыми двумя страницами и последней, то любому читателю, даже не имеющему никаких медицинских знаний, будет все ясно. Итак:

ЗАКЛЮЧЕНИЕ ЭКСПЕРТОВ
гор. Москва, 1953 года, марта «23» дня

Согласно постановления Следственного отдела I Главного Управления МВД СССР от 18 января 1953 года о назначении медицинской экспертизы по след. делу № 5522, мы, эксперты: директор Всесоюзного института педиатрии Академии медицинских наук СССР, доктор медицинских наук, профессор КАЗАНЦЕВА М.К., профессор 2 Московского медицинского института ВЛАСОВ В.А. и главный врач детской больницы № 17 ЧЕНЦОВА О.А., исследовав представленные нам истории болезни, на поставленные следствием вопросы даем следующие заключения:

Вопрос: Является ли нормальным такое положение, когда врач выезжал к больным без историй болезни и даже, больше того, хорошо не зная, чем был болен ребенок в последнее время, какие ему делались назначения и каковы были результаты различного рода исследований и анализов?

Ответ: Такое положение считается неправильным, врач при посещении больного должен знать, чем он был болен в последнее время, какие ему были сделаны назначения, какие проведены анализы.

В результате несоблюдения этих положений может быть постановка неправильного диагноза заболевания, а отсюда и неправильное лечение.

Вопрос: Является ли нормальным, когда врачом результаты осмотра и назначения вносились в историю болезни по памяти и даже не в день осмотра больного, или это недопустимо в медицине?

Ответ: Считаем недопустимым, когда врач по памяти заносит данные осмотра и назначения в историю болезни и тем более не в тот же день.

Вопрос: Как можно расценивать такие действия врача и к чему они могут привести?

Ответ: Такие действия врача можно расценивать как невнимательное, небрежное отношение к своим обязанностям, что может повести к неправильному диагнозу, а отсюда и к неправильному лечению, что, в свою очередь, может нанести вред больному ребенку.

Далее идут 22 страницы, на которых эксперты заносят ответы на поставленные вопросы вышеприведенного содержания для каждой Истории болезни. На последней странице – общее заключение.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ :

Можно сказать, что обслуживающий врач или мало разбирающийся в заболеваниях, или небрежно преступно относящийся к своим обязанностям.

Далее идут подписи.

Отвлечемся от заключения экспертной комиссии, которая решила бы судьбу мамы, не умри Сталин, и представим читателю эпизод, который разыгрался в работе такой же экспертной комиссии, рассматривавшей «вредительское» лечение больных другими арестованными врачами. Как и в случае с мамой, для оформления обвинительного заключения были выделены эксперты и необходимые для следователей акты были подписаны. Фамилии экспертов мне неизвестны. Неизвестен мне и результат их работы. Во всяком случае, Министерство внутренних дел при «тщательной проверке всех материалов предварительного следствия и других данных по делу группы врачей, обвинявшихся во вредительстве, шпионаже и террористических действиях в отношении активных деятелей Советского государства» в связи с решением о реабилитации «врачей-вредителей» (4 апреля 1953 г.) на реабилитирующие заключения, говорившие о грамотном, а не злонамеренном лечении больных, не опиралось. Но об одном члене вышеназванной экспертной комиссии поведать необходимо. О директоре института фармакологии, профессоре Василии Васильевиче Закусове рассказывает проф. С.Э. Шноль (321).

...К нему обратились с просьбой подписать экспертный анализ рецептов на лекарства, которые выписывали «врачи-вредители, чтобы ускорить смерть своих больных». Василий Васильевич, взяв перо, четко и спокойно написал: «Лучшие врачи мира подпишутся под этими рецептами». И был арестован. Легенды говорят, что в тюрьме он совсем «распоясался» и стесняться в выражениях перестал совершенно. Во всяком случае, ничего для пользы следствия от него не добились. Он знал, с кем имеет дело. Но это знание не повлияло на его поступки.

Василий Васильевич Закусов отстоял честь врачей. К сожалению таких врачей в экспертной комиссии, рассматривавшей медицинские документы мамы не оказалось!

Но вернемся к заключению экспертной комиссии, рассматривающей Историю болезни врача Лившиц Е.Ф. Заказ выполнен, но с запозданием. Заключение о том, что мама лечила своих больных «ПРЕСТУПНО», уже никому не нужно. Не нужно оно прежде всего следователю Зотову, не нужно оно и его начальству. Нет Сталина, сидит Рюмин, начали сажать следователей из его группы, и «ПРЕСТУПНОГО ЛЕЧЕНИЯ» как не бывало. Коллеги Зотова дрожат, дрожит и он. Еще более его насторожило требование прокурора о свидании с Лившиц Е.Ф., но с прокурором можно договориться – свой человек. Ему, Зотову, он поможет избежать возмездия от содеянного над врачом Лившиц Е.Ф. за ее бескомпромиссное упорство и категорический отказ от того, чего он добивался так долго, упорно, но безрезультатно. В антисоветской агитации она признала себя виновной – это и должно стать основой ее следственного дела. О «преступном лечении» надо было как можно быстрее забыть.

Из протоколов допроса арестованной Лившиц Е.Ф.

26 марта 1953 г. Допрос начат в 22.00, окончен в 1.30.

Вопрос: В чем вы признаете себя виновной?

Ответ: В преступном лечении моих маленьких пациентов я себя не признавала и сейчас не признаю. Я допускала высказывания антисоветского клеветнического характера.

Допрос вел следователь Зотов.

30 марта 1953 г. Допрос начат в 15.00, окончен в 16.35.

(Допрос в присутствии следователя Зотова вел военный прокурор Т. Кузайкин.)

Вопрос: Вы обвинялись во вредительском лечении больных детей руководителей партии и правительства. В чем вы признаете себя виновной?

Ответ: В преступном лечении моих пациентов я не признавалась и сейчас виновной себя не признаю. Вредительством не занималась. Призналась в клевете на советскую власть. Дополнительно заявить прокурору ничего не могу. В настоящее время жалоб не предъявляю.

И Зотов, и Кузайкин не могли не знать, что завтра, 1 апреля, в адрес Председателя Совета Министров Г.М. Маленкова (кстати, лично знавшего маму, так как она лечила его внуков и была в хороших отношениях с его матерью), и еще через два дня (3 апреля) в ЦК КПСС, будет направлено письмо от их нового министра Берии Л.П. по поводу фальсифицированного «Дела врачей», где черным по белому будет написано:

«В свете особой важности этого дела министерство провело тщательное расследование, которое выявило, что с начала и до конца оно было преднамеренной провокацией, замышленной Рюминым». «Вставший на путь обмана и фальсификации, целенаправленно вводивший в заблуждение Центральный Комитет, Рюмин использовал все возможные средства, чтобы добиться от врачей признания, включая самые ужасные физические пытки: руководство МГБ использовало в следственной практике различные виды пыток, ужасные избиения, применялись наручники, вызывавшие мучительную боль, а также длительное лишение заключенных сна. Необходимо отметить, что в Министерстве государственной безопасности имелись все условия, способствующие этим нарушениям».

Я прерву чтение этого документа и напомним читателю о том, что Рюмин был отстранен от следственного процесса как раз тогда, когда профессора-врачи только-только были арестованы. Вся его изуверская деятельность, о которой говорилось в этом документе, была направлена на А.А. Бусалова, Я.Я. Этингера, С.Е. Карпай и маму – Е.Ф. Лившиц в подготовительный период. В документе Берия подтасовывает факты, сваливая все на Рюмина. «Самые ужасные физические пытки» продолжали применять к профессорам-врачам теми же следователями, но уже под руководством С.А. Гоглидзе, сменившем Рюмина. Но Гоглидзе

зе – друг Берии, и этим все сказано. Далее в этом документе Берия сформулировал 7 пунктов, из которых 5 прямо относились к следователю Зотову:

- «1) нужно полностью реабилитировать врачей и арестовать всех бывших работников МГБ, ответственных за создание этого дела;
- 2) нужно подтвердить текст документа, который должен быть опубликован от имени Центрального Комитета по поводу дела;
- 3) нужно потребовать от Игнатъева, теперь уже бывшего министра госбезопасности, дать полный отчет о том, как развивалось дело и почему министерство допустило столь вопиющие нарушения;
- 4) нужно принять во внимание меры, предпринятые новым министром, для предупреждения повторения подобных нарушений в будущем;
- 6) удалить Игнатъева с его должности в Центральном Комитете на основании глубокой некомпетентности».

Следователю Зотову надо было срочно переоформить следственное дело № 5522, чтобы спасти свою шкуру. И мама второй раз была исключена из «Дела врачей-вредителей», исключена тогда, когда оно могло дать ей свободу, которую обрели подследственные 4 апреля 1953 г. Но для этого у следователя Зотова должны были бы быть хоть зачатки чести и совести. Но их-то и не было.

Из протокола допроса арестованной Лившиц Евгении Федоровны.

7 апреля 1953 г. Допрос начат в 22.45, окончен в 0.15.

(Допрос вел майор Зотов.)

Вопрос: Вернемся к вопросу о проявлении вами ХАЛАТНОСТИ В ЛЕЧЕНИИ и сокрытии пороков неправильного лечения.

Первый раз в тексте допросов я сделал исключение и выделил слово «халатность», в связи с чем даю свои комментарии.

Использовать слово «преступное лечение» Зотов боится. Если у мамы было преступное лечение, то она должна была бы быть в составе «Дела врачей-вредителей», и ее надо было отпустить на волю три дня тому назад, а ему, Зотову, придется отвечать, а может быть, и сесть, как только что были посажены следователи, во главе с Рюминым, фабриковавшие, как и он, «Дело врачей-вредителей». И следователь Зотов опять дрожит за свою жалкую шкуру, как дрожал совсем недавно за то, что не смог вытянуть у мамы признания в преступном лечении. Жалкие личности работали на Лубянке, да к тому же и подонки.

Обращаю внимание на то, что мама ничего не знает ни о смерти Сталина, ни о прекращении «Дела врачей-вредителей», ни о том, что они все уже дома в окружении родных. Она по-прежнему в камере Внутренней тюрьмы МГБ. Ее ответ, зафиксированный в протоколе допроса, такой, какой нужен Зотову.

Вопрос: Вы подтверждаете, что вы вели антисоветские разговоры?

Ответ: Да, подтверждаю.

И на следующий день Зотов спешит откреститься от «Дела врачей-вредителей».

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

8/IV-1953 г.

Об изменении квалификации обвинения Лившиц Евгении Федоровны, 1900 г. рождения, еврейки, гражданки СССР, с высшим образованием, работавшей в Лечебно-санитарном управлении Кремля.

В ходе следствия обвинение во вредительском лечении по статье 58-7 УК РСФСР не нашло подтверждения, но проводила клевету на политику КПСС и Советского правительства. Это преступление квалифицируется по ст. 58-10 ч.1 УК РСФСР.

Постановили: привлечь в качестве обвиняемой по ст. 58-10 ч.1 УК РСФСР. Обвинение по ст. 58-7 УК РСФСР за недоказанностью отменить.

Следователь Зотов. Согласен: Пом. Нач. Следотдела 1 Гл. Упр. МВД СССР. (Подпись неразборчива)

Трусливые подонки спешат скрыть свои преступления. В тот же день, еще не просохли чернила на Постановлении о переквалификации обвинения, в 12.30 ее вызывают в кабинет следователя Зотова.

«Гражданка Лившиц Е.Ф. Вам предъявлено постановление об изменении квалификации обвинений. Признаете себя виновной в предъявленных вам преступлениях?»

«Да, признаю», – с облегчением ответила мама. Ничего не зная о том, что творится за стенами Лубянки, и до конца не понимая, почему вдруг следователь Зотов снял с нее обвинения в преступном лечении, она дала подробные показания о «гнусных измышлениях о руководстве партии и правительства». 10 апреля 1953 г. «Дело № 5522» было закончено.

Но мытарства мамы по местам заключения только начались!

ЛУБЯНКА «НАВЫНОС»

(В круге седьмом)

С глаз долой – из сердца вон. Скорее, скорее надо было отделаться от неудобной арестованной, чтобы она не мозолила глаза своим присутствием во Внутренней тюрьме. Вдруг до нее дойдет слух о закрытии дела «врачей-вредителей», вдруг она напишет жалобу и потребует пересмотра ее дела, начнет доказывать, что от нее домогались признания во вредительстве, терроре против руководителей партии и государства и в преступном лечении? В протоколах все эти формулировки есть, написаны рукою следователя Зотова и им подписаны. И хотя она наотрез от них отказывалась, шла-то она по «Делу врачей-вредителей», требовали-то от нее признания в том, что руководили ее «преступлениями» М.С. Вовси, Я.С. Темкин и Б.Б. Коган! А они-то уже дома, с них-то полностью

сняты все обвинения... Убрать ее с Лубянки, и чем быстрее, тем лучше... Но не на волю, а в лагерь и подальше. А здесь еще напасть – прошли слухи, что Особое Совецание ликвидируют. Без него совсем хана. Надо спешить, а то суд ее оправдает, как пить дать...

В своем доме, ну как не порадовать родному человеку. И 16 апреля Зотовым составляется два документа.

ОБВИНИТЕЛЬНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Утверждено 24 апреля 1953 г.

Зам. Министра Внутренних дел СССР

Установлено.

В силу враждебного отношения к советскому строю Лившиц Евгения Федоровна проводила в 1951 – 1952 гг. среди своего окружения антисоветскую агитацию, клеветала на советскую действительность, распространяла гнусные измышления в адрес руководителей Коммунистической Партии и Советского правительства; ложь и клевету на советскую печать; о карательной политике Советского государства; гнусные выпадения в адрес вождя.

Обвинительное заключение утвердить. Дело направить на рассмотрение Особого Совецания при МВД СССР.

(составлено 16 апреля 1953 г.)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

(о направлении в лагерь)

Утверждаю. гор. Москва

Нач 1 Гл. Управления /Федотов/

1953 г. апреля 16 дня

Я, следователь Зотов, нашел: Лившиц Е.Ф. (*далее – абзац с ее анкетными данными – Ф.Л.*) вела антисоветскую пропаганду, и за совершение преступлений по ст. 58-10 ч.1 постановил избрать местом отбытия наказания за проводившуюся ею антисоветскую деятельность – общий лагерь МВД СССР.

Ст. следователь следотдела 1 Гл. Упр. МВД СССР

Майор /Зотов/

Резолюция на этом документе:

«Согласен» Зам. Нач. Следотдела 1 Гл Упр. МВД СССР
полковник /Маклаков/

* * *

Последний документ вообще не лезет ни в какие юридические ворота. Еще не было не только суда, но даже и заседания ОСО, а следователь, не прокурор, уже определил меру наказания!

4 мая 1953 г. дело № 5522, Обвинительное заключение и Постановление о направлении в лагерь отправляют в ОСО при МВД СССР.

16 мая 1953 г. мама переведена в Бутырскую тюрьму под строгое наблюдение, так как в документе указано, что она склонна к самопокушению. И маму осуждают по статье 58-10, ч.1. Особым Совещанием 9 июня 1953 г. на 7 лет лагерей.

**Выписка из протокола № 24а Особого Совещания
при Министре Внутренних дел Союза ССР от 9 июня 1953 г.**

Слушали:

Дело № 5522 1-го Главного управления

По обвинению Лившиц Е.Ф.

Обвиняется по ст.

58-10 ч.1 УК РСФСР

Постановили:

Лившиц Евгению Федоровну за проведение антисоветской агитации заключить в исправительно-трудовой лагерь сроком на семь лет, считая срок с 5 июня 1952 г.

Процедура следователя Зотова выполнена на все возможные в тот конкретный момент 100% – осудили на 7 лет с тем, чтобы она не подпала под Маленковскую амнистию, освободившую тех, кто был осужден на 5 лет, и запрятали ее в концентрационный лагерь.

Только после того, как маму перевели в Бутырскую тюрьму, только после моих двукратных с ней свиданий она сориентировалась в тех изменениях, которые произошли в стране после смерти Сталина и ареста Берия и оценила подлость ее следователя Зотова. Тогда и было написано следующее заявление, выдержки из которого я привожу. Заявление написано от руки, четким маминым убористым почерком на 10-ти страницах. И еще прошу читателя сравнить стиль, форму и лексику заявления мамы с оными, зафиксированными в протоколах допросов следователем Зотовым.

Министру Внутренних дел СССР

Г-ну Круглову С.Н.

(Копия Председателю Совета Министров СССР

Г-ну Маленкову)

от з/к Лившиц Евгении Федоровны,

Рожд. 1900 г., осужденной 9/IV 53 г.

по ст. 58-10 ч.1 на 7 лет.

Осуждена ОСО.

Ранее работала врачом-педиатром

в Лечебно-санитарном Управлении Кремля.

ЗАЯВЛЕНИЕ

Прошу о пересмотре моего дела, так как Особому Совещанию представлены ложные сведения обо мне, по ложным и провокационным материалам. Мое осуждение я расцениваю, как желание скрыть

настоящих преступников-вредителей и провокаторов, чтобы скрыть настоящую правду от Руководства.

Я честно работала врачом-педиатром в течение 28 лет и всегда знала ту огромную ответственность, которую несла по лечению детей. Особо ответственную и почетную работу я несла последние 9 с половиной лет в Л.С.У.К.

.....
Далее в заявлении мама подробно разбирает истории болезней своих пациентов и логично доказывает, что применявшиеся ею методы обследования и лечения проводились на высоком врачебном уровне. Далее она пишет в заявлении:

.....
К каждому ребенку я подхожу, как к своему собственному, и этот инстинкт матери меня никогда не обманывал за все время моей врачебной практики.

В моем требовании к следствию показать мне истории болезни, по которым я обвинялась – мне было отказано, в то время как в распоряжении следствия находились фотоснимки всех историй болезней.

.....
Не приложены к делу также рекомендации от советских людей, характеризующие меня, как честного и советского человека, бывшие в распоряжении следствия.

.....
Несколько фраз, сказанных моей матери, чисто обывательского характера и под которыми ставился знак вопроса, истолкованы следствием ложно как антисоветская агитация.

.....
Следствие использовало достаточно методов своего воздействия, чтобы получить от меня ложные показания на себя и отчасти на др. людей – искажение фактов под нажимом следствия. Вначале следователь просто называл меня «жидовкой». Но следствию не удалось получить от меня ложных показаний на честных людей (профессоров и врачей Л.С.У.К.), якобы стоящих за моей спиной по вредительской работе.

Мне известно, что все они уже освобождены, а виновные наказаны. Я так же, как и они, ни в чем не виновата. Я пыталась пойти и рассказать сама обо всем зам. министра внутренних дел, но была предупреждена следствием и прокурором, чтобы ни словом не обмолвилась об обвинении во вредительстве.

.....
Боясь за судьбу моего честного сына и морально подавленная, я решила не жить. Покушением на самоубийство я нанесла себе значительный вред наружным и внутренним кровоизлиянием. Кроме того, я перенесла еще тяжелый психоз. В тюрьме я нахожусь уже 1 г. и 2 месяца. Побывала я и в психиатрической больнице.

Я надеюсь, что при пересмотре моего дела будет отброшена та ложь, которую я вынуждена была подписывать, чтобы спасти свою семью.

Я – честный человек. Прошу вернуть меня в мою честную семью за все то хорошее, что я сделала людям. Я прошу о полной своей реабилитации, как реабилитировали др. врачей Л.С.У.К.

28/VII –53 г. / *Е. Лившиц* /

Заявление на имя Круглова и Маленкова (входной № Л-6166) было написано 29 июля в пересыльной тюрьме гор. Москвы на Красной Пресне. Но мама уже попала в отлаженный Лубянской конвейер. Она прошла этап в КАРЛАГ – Карагандинские лагеря. Забитый арестантами столыпинский вагон – в купе на 5-6 человек 25-30 заключенных. Мучительное путешествие через грязные, перенаселенные, голодные пересыльные тюрьмы Куйбышева, Челябинска, Петропавловска, Павлодара до Долинки. Затем примерно 100-километровый пешеходный этап, в окружении собак и охранников (шаг в сторону считался побегом), в Сарепту. Там, в голой степи, продуваемой зимними ветрами и летним палящим солнцем, окруженный тремя ограждениями из колючей проволоки с многочисленными сторожевыми вышками, находился женский исправительно-трудовой лагерь.

Заявления мамы Маленкову и Круглову, мои многочисленные заявления тому же Маленкову, Ворошилову и Первухину, еженедельные походы в Прокуратуру СССР с жалобами на бывших сотрудников упраздненного МГБ возымели действие. Прошел год, и маму отозвали в Москву на пересмотр дела.

12 марта 1954 г. В Военную коллегияу верховного суда Союза ССР

ПРОТЕСТ

(в порядке надзора)

По делу Лившиц Евгении Федоровны

9 июня 1953 г. ОСО при МВД СССР осуждена на 7 лет

По обвинительному заключению Лившиц признана виновной в том, что она проводила антисоветскую агитацию, клеветала и делала гнусные выпады в адрес вождя.

Решение ОСО по делу подлежит отмене, а дело обращено к рассмотрению по следующим основаниям.

Виновность Лившиц основана на ее самопризнаниях и оперативными материалами МВД СССР.

Показания свидетеля Шнейдеровича – впоследствии от своих показаний отказался и дело в отношении его прекращено.

Лившиц в различных жалобах полностью отказалась от показаний, данных на предварительном следствии.

Ногаллер Ю.Я., Амнуэль Ф.Г., Мазур О.Г. и мать Лившиц в процессе следствия не допрошены.

ПРОШУ:

Решение ОСО от 9 июня отменить и дело обратить к доследованию со стадии предварительного следствия.

Генеральный прокурор /Руденко/.

* * *

Секретно. Весьма срочно.

**Министерство Внутренних дел
Начальнику Карлага МВД СССР
1 Спец. Отдел полковнику тов. Волкову
11 мая 54 г. с. Долинское Караганд. области
№ 40/8 – 18735**

Копия: нач 2 отдела следств. Управл. Комитета Госбезопасности при Совмине СССР полковнику тов. Рублеву
На № 17/2-10 от 6 мая 1954 г.

Содержащаяся в лагере заключенная Лившиц Евгения Федоровна, согласно прилагаемому постановлению, срочно этапировать в г. Москву во внутреннюю тюрьму КГБ СССР в распоряжение следственного управления КГБ при Совмине и 1 спец. Отдела МВД.

Нач 1 спец.отдела МВД СССР /Сиротин/

* * *

2 июня 1954 г. Начальнику следовательского
2-го отдела След. Упр. КГБ
капит. Кашину

Указание по следственному делу Лившиц Е.Ф.

1/ Допросить знакомых Лившиц Е.Ф., с которыми она вела разговоры: Ногаллер Ю.Я, Битман, Шварцман А, Лившиц Ф.Л.

2/ Допрос указанных лиц провести до прибытия заключенной, чтобы ускорить срок следствия.

3/ По необходимости провести очные ставки.

Военный прокурор /Дашин/

18 июня 1954 г. мама прибывает в Москву под конвоем в «воронке», направляется на Лубянку и помещается в 44-ю камеру Внутренней тюрьмы.

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

з/к Лившиц Евгении Федоровны.

От 28 июня 1954 г.

Допрос начат в 15 час. окончен в 17 час.

Вопрос: Вы обвинялись в проведении антисоветской агитации. Виновной себя признаете?

Ответ: Нет, не признаю. Антисоветских разговоров ни с кем не вела.

На следствии я дала на себя ложные показания под нажимом следствия.

Клеветой на советскую действительность не занималась.

Протокол допроса мною прочитан, записан с моих слов верно /ЛИВШИЦ/.

Допросил: Зам. нач. отдела капитан /Кашин/.

Внутренняя тюрьма 3 сентября 54 г.

ЗАМ. НАЧАЛЬНИКА УЧЕТНО-АРХИВНОГО ОТДЕЛА ГБ при СМ СССР
Полковнику тов. ... (фамилия замарана Ф.Л.)
На № 16/7-5522 от 2.1X.

Сообщаем, что ЛИВШИЦ Евгения Федоровна, 1900 г.р., из-под стражи освобождена 2 сентября 1954 г. Расписка о получении ею документов прилагается.
НАЧАЛЬНИК ВНУТРЕННЕЙ ТЮРЬМЫ КГБ при Совете Министров СССР –
подполковник ... (фамилия замарана Ф.Л.)
НАЧАЛЬНИК СЕКРЕТАРИАТА мл. лейтенант ... (фамилия замарана Ф.Л.)

Справка об освобождении

С С С Р КОМИТЕТ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ при СОВЕТЕ МИНИСТРОВ СССР		<u>С П Р А В К А</u>
Тюрьма		
2 " сентября 1954 г.		
№ 2600		
гор. Москва		
При отъезде сослуживца на имя № и число. ПАСПОРТ ВЫДАН 7/2534-2СМ/5522/1 В.О.С.И.Ф.	Выдана гр-ке ЛИВШИЦ Евгении Федоровне, 1900 года рождения, уроженке гор. Орши, по национальности еврейке, гражданке СССР, в том, что она с 5 июня 1952 года по 2 сентября 1954 года содержалась в местах заключения МВД СССР.	
	Дело в отношении ЛИВШИЦ Е.Ф. в соответствии со ст. 204 п. "б" УПК РСФСР - прекращено.	
	НАЧАЛЬНИК ТЮРЬМЫ 	

**ГЕНЕРАЛЬНАЯ
ПРОКУРАТУРА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**
103793, ГСП, Москва,
ул. Б. Дмитровка, 15а

27. 10.97. № 13-321-97

СПРАВКА О РЕАБИЛИТАЦИИ

Гр. Лившиц Евгения Федоровна, 1900 года рождения, уроженка г. Орши, до ареста проживала по адресу: г. Москва, Можайское шоссе, 52-70, кв. 24 и работала в поликлинике 2-го Московского медицинского института в качестве врача-педиатра, арестована 05.06.52, репрессирована 09.06.53 Особым совещанием при МВД СССР по ст. 58-10 ч. 1 УК РСФСР на 7 лет заключения в ИТЛ.

Определением Военной коллегии Верховного Суда ССР от 10.04.54 решение Особого совещания от 09.06.53 отменено.

Постановлением 2 отдела Следственного управления КГБ при Совете Министров СССР от 02.09.54 уголовное дело в отношении Лившиц Е.Ф. производством прекращено с освобождением ее из-под стражи.

Лившиц Евгения Федоровна реабилитирована.

Помощник Генерального прокурора
Российской Федерации

[Handwritten signature]
А.И.Врублевский

Документ о реабилитации мамы мне вручили на Лубянке после ознакомления со следственным делом. Мама уже не было в живых 35 лет.

ПОРЯДОЧНОСТЬ

Меня долго мучил вопрос: что подвигнуло маму на ее образ действий в стенах Лубянки? Значительно легче для нее было бы уступить нажиму следователей, пойти на соглашение с ними и не подвергать себя испытаниям всеми кругами Лубянского ада. Это избавило бы ее от мучений, которые она претерпела. Так поступали многие. Некоторые сразу же «признавались» во всем, что нужно было следствию, как только оказывались в тюрьме, некоторые после того, как претерпели насилие. Читая мамино следственное дело, я попытался разобраться и в том, почему ее следователь(и) проводил(и) многочасовые и многодневные допросы, чтобы добиться от нее «признания в совершенных преступлениях» против партии, правительства, ее маленьких пациентов, хотя прекрасно понимал(и), что каждое слово в этих «признаниях» чистейшая ложь. И пришел к такому заключению: таково было приказание, исходившее лично от Сталина еще тогда, когда по его наущению проводились довоенные процессы против руководящих деятелей партии, военных и пр. Потом эту «плодотворную идею» теоретически обосновал корифей советской юридической «науки» А.Я. Вышинский, представив в своих работах постулат: «Признание обвиняемого – царица доказательства» (75). За это нововведение в юридическую науку, позволившее Сталину с успехом провести все открытые и закрытые политические процессы тридцатых годов, Вышинский получил Сталинскую премию. Сейчас требовалось применить ту же методику, и в этом опять же проявился его, Сталина, криминальный почерк.

Я долго пытался уразуметь: в чем причина, в чем корень ее многомесячного сопротивления домогательствам отлаженной следственной машины? Квалифицировать поведение мамы как героизм, смелость, мужество в данном случае не подходит. И вот, когда я обсуждал с Ангелиной Константиновной Гуськовой*, моим учителем и другом события времен «Позднего сталинизма», она мне подарила единственно правильное объяснение для решения этой задачи, дала мне ключ, который приблизил к решению мучившей меня проблемы: «Понятия добра и зла относительны. Абсолютно понятие **порядочности**».

В «Божественной комедии» Данте Алигьери награждает этим качеством только души тех блаженных призраков, которые достигли шестого из семи небес Рая, только тех, кто «сражался за торжество истинной веры», только тех, кто были «образцами чести, добропорядочности и справедливости» (97).

*... Так в ярком свете дав блуждать очам,
Я озираю ряды ступеней стройных,
То в высоту, то вниз, то по кругам.*

* А.К. Гуськова – в настоящее время академик Российской медицинской академии, профессор, руководитель Отдела радиационной медицины Института биофизики Минздрава Р.Ф. – мой друг, коллега и учитель в области радиационной медицины.

*Я видел много лиц, любви достойных,
Украшенных улыбкой и лучом,
И обликов почтенных и спокойных...*

Порядочность! Честь! Они знаменуют не заслугу, а качество человека, его внутреннее нравственное достоинство. Честь и порядочность можно потерять, но приобрести их нельзя. И я понял, что эти качества были для мамы защитой от зла, от посягательства неправды не только на нее саму, но и на ее семью, на родных и близких, на коллег, на саму профессию врача.

Совершенно неверна предпосылка, что порядочность является прерогативой тех, кто не спасовал перед нажимом следователей МГБ, и что те, другие, не выдержавшие пыток и унижений, были не порядочными или бесчестными людьми. Я лично знал многих из тех, кто дал обличающие показания на себя и на своих коллег и в то же время были высоко честными и порядочными людьми. Я считаю, что мы не вправе судить их, тем более осуждать за поступки или даже проступки, проявленные в обстоятельствах, в которых нам не пришлось быть. Я не знаю, как бы я поступил после двух недель карцера, с затемненным сознанием после недельной бессонницы, с руками, отечными от врезавшихся в предплечья кандалов. Более того, я думаю, что ни одному человеку из живших при сталинском режиме не дано права брать на себя роль судьи над современниками, ибо в создании и поддержке этого режима повинны все мы бывшие граждане СССР, без исключения.

Конечно, можно утешать себя тем, что «вклад» в жизнеспособность сталинского режима был неоднозначен, значит, и степень вины разная. Нельзя все-таки мерить одной меркой следователя Министерства госбезопасности и бухгалтера хлебозавода, начальника концентрационного лагеря и артиста театра, работягу с завода и сотрудника МГБ, творившего расправу над заключенными. Но это утешение слабое. Нет сомнения в том, что в той или иной степени мы все были виноваты. Даже те, которые не занимались никакой деятельностью, не ходили на демонстрации, умудрялись не голосовать на выборах, а просто молчали, тоже трудились на сталинский режим. Как это ни страшно признать – мы все работали на тирана, работали на его произвол и террор. Работали и судьи, и обвиняемые, весь народ, даже лучшие его представители. И те, кто понял тогда и по достоинству оценил деспотизм Сталина, его безграничную жажду власти, – молчали и этим тоже работали на Сталина. Нет такого права и у будущих поколений: они не были в шкуре своих отцов и матерей, а потому не могут сказать, как они повели бы себя на месте последних. Не суди другого, если не был на его месте! Моральные принципы и оценивающие их критерии – не отвлеченные понятия. Они должны увязываться с конкретным временем. А время было страшное.

А раз все мы «не в белых одеждах», то и оценку того времени надо делать корректно, с учетом всех привходящих обстоятельств. Нельзя сбрасывать со счета того, что страх, как вирус, владел всеми, и ни служебное положение, ни образование, ни специальность не гарантировали от поражения этим вирусом. Вирус

страха внедрился в гены, и за более чем тридцатилетнее существование советского режима (время смены одного поколения людей!) стал генетически обусловленным. А страх может заставить человека сделать все, что от него требуют. Человек, отравленный страхом, безволен и очень опасен для окружающих. Такой человек невольно творит зло, которое, в свою очередь, порождает страх.

Есть два противоядия против страха: свобода совести, охраняемая законами государства, и нравственное чувство собственного достоинства. Сталин выкорчевал эти человеческие качества с корнем.

Была и другая прослойка населения – это обманутые настойчивой советской пропагандой в разветвленной системе парткабинетов, семинаров, собраний, радио, газет и журналов, ослепшие от лжи и обмана, верившие в каждое слово официальной пропаганды. Сталин определил, что высшим законом и критерием коммунистической этики является только борьба за построение коммунистического общества, и эта эфемерная идея отодвинула остальные понятия нравственности на задний план. Семья, друзья, профессия – все подчинено главному: построению коммунистического общества. Для Сталина – это тоталитарная власть, ЕГО власть, так как только он один знает и ведает, каков путь к этой высшей цели. Это вбивалось в головы настойчиво, регулярно и было воспринято массами беспрекословно. Очень немногие способны были понять, что наш «вождь и учитель» не только не богоподобное существо, но страшный тиран и профессиональный убийца. Сомневающихся, неуверенных было очень мало.

Значительная часть населения страны, желавшая уцелеть в смертельном водовороте сталинского режима, пошла на предательство и доносительство по отношению к ближним. И не по идейным соображениям, а из чувства животного страха. Желание остаться честным перед собой, перед семьей, друзьями, сослуживцами натыкалось на так называемое общественное мнение. Насаждаемое сверху, оно сводило на нет ту обеспокоенность, которая вызывалась тотальными арестами, шельмованием честных людей, неприкрытым шовинизмом с явной антисемитской окраской.

Трусость – логическое продолжение страха, который был повсеместно насажден сталинским террором. Если судьба была безжалостна и человеку пришлось вступать в контакт с органами госбезопасности, то трусость легко переходила в подлость. Если кто-либо оказывался арестованным, исключенным из партии, уволенным с работы, то единственным способом обезопасить себя, свою семью и близких было дальнейшее прекращение связи с репрессированным и его семьей. Женам арестованных рекомендовали добиваться развода, а детям – отказываться от родителей. От сослуживцев требовали или покаяния за научные, производственные связи, или осуждения репрессированных на всеобщих собраниях и митингах.

Человек стремится выжить – это естественный посыл, и трудно его в этом упрекнуть. Всем хотелось «совпасть», вернее, слиться с окружением, стать незаметными. Мы мимикрировали фамилиями, именами, поведением, поступками... Если в обыденном нашем существовании, несмотря на повседневный

страх и беспросветность, был какой-то шанс повлиять на свою долю и оставалась хоть небольшая, но возможность выбора между Добром и Злом, то в условиях Лубянки выбора не было – оставалось только Зло. Жизнь дома давала хоть малую, но возможность свободно мыслить, Лубянка начисто исключала эту возможность, и право выбора было сведено практически к нулю.

Все подразделения МВД и МГБ использовались не для соблюдения законности и безопасности в стране, а для воплощения в жизнь тотальной власти одного человека – Сталина. ОН единолично определял, кто в данный момент будет врагом. Основная задача «органов» – не раскрывать преступления, а получив заказ, искать повод для ареста, а скорее всего, изымать из жизни без всякого повода. Следователям МГБ была отведена роль исполнителей без права на варианты, и любое «преступление», родившееся в голове Сталина, должно было быть раскрыто и наказано. Лубянка – дьявольская система, и никто не в праве осуждать тех, кто туда попал. Это было за гранью человеческих отношений. Подследственный был поставлен в экстремальные условия, которые длились месяцами, годами, а защитные возможности организма ограничены. Никому не дано права бросить упрек тем, кто сломался в тех нечеловеческих условиях под нажимом следствия, пошел у него на поводу, начал давать показания о якобы своих прегрешениях против партии, родины, государства и подписывал показания, навязанные ему следователями. Нет у нас таких прав. Но воздать должное тем, кто противостоял насилию, мы не только вправе – мы обязаны это сделать! Быть может, мое представление о природе противостояния кажется наивным. Но, надеюсь, не настолько, чтобы им пренебречь. Мой опыт тех лет подтверждает это положение.

Я считаю, что у моей мамы, Евгении Федоровны Лившиц, врача-педиатра с почти тридцатилетним врачебным стажем, испытавшей глубочайший страх, помноженный на особый режим Лубянского ада, нашлись силы противостоять Злу и Насилию, что в ее сознании, со временем накопления «лубянского опыта», преобладающими стали воспитание, честь, совесть и порядочность. Они то и определяли ее действия и поведение во внутренней тюрьме МГБ СССР на Лубянке. Эти человеческие качества не дали следствию заполучить от нее признания против М.С. Вовси, Я.С. Темкина и Б.Б. Когана как «руководителей террористической организации», направленной на подрыв здоровья ведущих членов Коммунистической партии и Правительства СССР и, якобы, действовавшей по указке американских, английских и немецких разведывательных служб.

Эти же чисто человеческие качества позволили сослуживице мамы, врачу Елене Яковлевне Синай преодолеть ужас, которое вселяло в нас одно название «МГБ», и не «наговорить» на маму того, что от нее требовали следователи, ведущие мамино «дело».

Эти же качества были определяющими у профессоров Якова Соломоновича Темкина, Мирона Семеновича Вовси, Владимира Никитовича Виноградова, Борис Борисовича Когана, Александра Исидоровича Фельдмана, Александра Марковича Гринштейна, Софьи Ефимовны Карпай и других, когда они начали

активно противиться участвовать в готовящемся Сталиным всенародном судилище с покаяниями в своей антиврачебной деятельности.

Это же чисто человеческое свойство было противопоставлено человеконенавистническим планам Сталина ведущими деятелями ЕАК, – Борисом Абрамовичем Шимелиовичем, Соломоном Абрамовичем Лозовским, Перцем Давидовичем Маркишем, Вениамином Львовичем Зускиным, Лейбом Моисеевичем Квитко и другими.

Воспитание, честь, совесть и порядочность определили право не только иметь, но и открыто объявлять свое собственное, не навязанное большевистской властью мнение о том, что творилось тогда в нашем государстве. Это Николай Федорович Гамалея, Александра Григорьевна Заводчикова, Михаил Петрович Усиевич, Василий Васильевич Закусов, Зиновий Давидович Горкин, Гесина, Илья Григорьевич Эренбург, Павел Григорьевич Антокольский, Аркадий Самсонович Ерусалимский, Вениамин Александрович Каверин, Марк Осипович Рейзен, Юрий Карлович Олеша и другие, пока не распознанные.

Я считаю, что эти же человеческие качества – честь, нравственность и порядочность – были определяющими среди той части моего окружения, которое поддержало меня в тяжелые годы, когда мама была арестована, находилась под следствием, была осуждена и отбывала свой срок в концентрационном лагере. Не всё в те годы было черным и беспросветным на том этапе моего жизненного пути. На нем оказались люди с высоким, я бы сказал, высочайшим человеческим качеством, и я обязан о них рассказать.

На первое место в этом, для меня очень славном списке, я хочу поставить семью моей жены. А меру порядочности пусть определит читатель с учетом того времени, когда эта порядочность стала не потенциальным качеством, а реальностью. И так, отец жены – **Александр Абрамович Закошанский**. Ортодоксальный коммунист, член партии с 1917 г. Делал революцию, активно участвовал в Гражданской войне, боготворил Сталина и все его начинания. В то время, когда забрали маму, он работал на ответственной должности в Министерстве внешней торговли. При благоприятном для Сталина развитии событий загремел бы на Лубянку одним из первых за связь и доноительство на меня как агента вражеских служб в атомной промышленности. Мать жены – **Эсфирь Моисеевна Закошанская** – тоже член партии, исповедовавшая ее идеи неукоснительно. Заведовала отделением в самой крупной в Москве детской больнице им. Филатова. Наверняка понимала, что в случае процесса над «врачами-вредителями» грозная ниточка обвинений во вредительстве на почве медицины дотянется и до нее. Со стороны тестя и тещи никогда, в течение этих крошечных двух лет, я не получил не только упрёка, но и косоного взгляда. Только помощь – моральная и материальная. Для меня слово «теща» означает доброту, самоотверженность, высокий врачебный профессионализм и порядочность. И это тогда, когда я вверг эту семью в круговорот событий 1952 г., через два месяца после моей женитьбы на их единственной и обожаемой дочери.

Жена – **Лариса**. Полюбил до, любил и уважал тогда, любил и уважал после, уважаю и люблю сейчас. А вместе мы 50+. Ее поведение в то сложное время по отно-

шению ко мне и моей репрессированной маме было безукоризненным. Ни полслова упрека за мое увольнение с работы, за мотание по тюрьмам и лагерям, где находилась мама, за безденежье, неясность перспектив нашей дальнейшей жизни. При этом то, что я мог быть в любую минуту арестован, для нее не было секретом. Наоборот, она всячески старалась создать благоприятную обстановку в нашем доме, чтобы с меньшими потерями можно было пережить то трудное время. Мы прожили совместно нелегкую жизнь, воспитали двоих детей и троих внуков. Однако чувство благодарности за то время меня не покидает и всегда живет во мне...

Семья Марины Яковлевны Ходас. Маша, Машенька, так я ее называл, сама обрекла себя на роль изгоя в советском обществе, выйдя замуж за сына Шимелиовича – Леву, став спутником в его нелегкой жизни ЧСИРа – члена семьи изменника родины. Марина внесла в его семью дух бодрости и оптимизма.

Родители Марины – **Яков Семенович и Фаня Григорьевна** – знали, чем грозит ей замужество, так как по роду своей работы в «органах» НКВД в качестве хозяйственника ее отец непосредственно видел, что такое «сибирские лагеря». Вся ее родня, включая тетю, **Рахиль Григорьевну**, и ее мужа, **Иосифа Марковича Боришанских**, стали единой сплоченной семьей в преодолении свалившихся на них бед. Эта семья и для нас была местом, где, кроме тепла и сочувствия, мы получали дельные житейские советы.

Семья молодых врачей **Михаила Григорьевича Яновицкого**, моего друга по учебе в Военно-медицинской Академии им. С.М. Кирова, и его жены – **Дианы Семеновны** (Даночки). В любое время дня и ночи их дом был и нашим домом, где велись, как у всех на кухне за бутылкой жаркие споры о политической ситуации в стране. Эти споры укрепили во мне понимание истинной роли Сталина как единственного организатора террора в нашей стране и методов его насаждения. Вот тогда-то и зародилось понимание тогдашней реальной ситуации, получившее отражение в этой книге.

Мать Миши – **Розалия Григорьевна Пруслина** – провизор высочайшего уровня, заведующая аптекой в Москве, добрейший по натуре человек, всегда готовая придти на помощь, готовая выслушать и посоветовать.

Ангелина Константиновна Гуськова и Григорий Давыдович Байсоголов – мои коллеги по работе на суперсекретном атомном объекте, где производился оружейный уран и плутоний, – не прерывали со мной дружеской и профессиональной связи, несмотря на опасности, которые грозили им со стороны «органов безопасности», постоянно следивших за всеми работниками объекта. Их общение со мной, сочувствие и доброе отношение очень помогли мне в тот период моей жизни. А ведь для меня «органы» готовили роль шпиона, пробравшегося по заданию Б.А. Шимелиовича и М.С. Вовси на объект, где в суперсекретных условиях ковалось атомное оружие (в полном смысле этого слова, так как на объекте делались металлические блочки для атомного заряда). В Институте биофизики, из которого меня уже выгнали, прошло общее институтское партийное (в партии я не состоял ни до, ни после) собрание, где во всеуслышание об этом было объявлено. Так что в среде медиков-радиологов, а их насчитывались единицы, это не было секретом. Морально меня поддержал и замдиректора Института биофизики **Николай Александрович Краевский**.

Яков Алексеевич Филипцев и его супруга **Галина Павловна**. Филипцев был моим непосредственным начальником по работе в качестве зав. здравпунктом на

«Заводе В» секретного атомного объекта, где шла наработка металлического плутония, а также изделий из высокообогащенного урана-235. В начале 1952 г., уже переведенный в Москву и занимавший ответственный пост в Средмаше он, как только узнал об аресте моей мамы, пригласил меня и жену к ним домой. Сочувствие и внимательное отношение было очень важным для меня в то время. О наших «медицинских» связях МГБ не знать не могло. Помимо совместных разработок по радиационной безопасности объекта, он был моим больным, когда лежал в закрытой клинике по поводу хронической лучевой болезни и лучевого пневмосклероза. Когда при разговоре с ним я спросил, откуда он узнал об аресте мамы, он мне прямо сказал, что его информировали соответствующие органы и предупредили о той роли, которую я выполнял, работая на его объекте. И несмотря на это предупреждение, он вытащил меня к себе домой. Жил он тогда в особоохраняемых коттеджах на Воробьевых горах. Как только мама вернулась из заключения, первым, кому я сообщил об этом, был Яков Алексеевич.

Ардашников Соломон Наумович – крупный радиобиолог, фактически создатель этого направления в экспериментальной радиационной медицине, и его милая супруга **Фаня Ароновна** – сотрудник кабинета функциональной диагностики Института курортологии Минздрава СССР. Интереснейшая и многоплановая семья, взявшая надо мной шефство в моих профессиональных скитаниях после ареста мамы. Соломон Наумович в те тяжелые дни сам был без работы, гонимый со всех официальных служб за приверженность к «научной генетике». Ученый с большой буквы, приверженец тогда только начинавшегося математического анализа в радиобиологических и клинических исследованиях, фактический автор «кислородного эффекта» при воздействии ионизирующей радиации на живые объекты, он вел со мной, неоперившимся радиологическим младенцем, долгие беседы на равных. Перед изгнанием с секретной работы я занимался проблемой воздействия на человека естественной радиоактивности, и Соломон Наумович вселял в меня надежду к возврату в специальность и возможность опубликования моих исследований. Помимо единого мнения о создавшейся в стране обстановке и обсуждения вопросов радиационной медицины, нас сблизило и общее увлечение русской баней. Регулярно, еженедельно мы парились то в Сандунах, то в Центральных. Он мастерски умел создать в парилке хлебный жар с примесью мяты и эвкалипта. После банной процедуры мы «пропускали по маленькой», запивая дежурной кружкой пива, что хотя бы на время избавляло от плохих мыслей о невеселом грядущем.

Непорент (с моему стыду, не помню его имя и отчество) заведовал рентгенологической службой на кафедре факультетской терапии Первого медицинского института, как раз на той кафедре, которую возглавлял В.Н. Виноградов (один из главных обвиняемых по делу «врачей-вредителей»). Непорент был как профессионально, так и дружески связан с моими родителями. Я с ним познакомился по его инициативе уже после ареста мамы и «отлучения» от моей секретной специальности радиолога. Он помог мне овладеть основами рентгенологии, которые преподавал мне индивидуально. Занятия не прервались и после арестов врачей-профессоров.

Исаак Григорьевич Баринблат – один из первых клиницистов-эндокринологов, друг отца и матери, ранее работавший в Лечсанупре Кремля. Здроаво относясь к моей возможной перспективе быть арестованным и сосланным, преподал мне курс фитоте-

рапии, так как логично считал, что в лагере мне поможет выжить умение лечить нетрадиционными методами, в том числе травами. Его фитотерапевтические наборы я и сейчас рекомендую больным и получаю замечательные лечебные эффекты.

Макс Кушаковский – наш с Левой Шимелиовичем сокурсник по Военно-медицинской академии им. Кирова – в то время молодой военврач, при любом посещении Москвы (тогда он проходил службу в Красноводске), пренебрегая опасностью, встречался со мной, волнуясь за судьбу Левы и мою.

Не могу не упомянуть о **Владимире Владимировиче Седове**, ответственном сотруднике Средмаша, к которому пришла на экспертизу моя картотека по иностранным библиографическим источникам, связанным с темой моей диссертации. На специальный запрос МГБ Владимир Владимирович признал ее допустимой для содержания в домашних условиях. Это было очень важно, так как мне могли поставить в вину нарушение секретности и что я раскрываю тематику моей работы в секретном учреждении...

Еще одного порядочного человека я хочу отметить особо – это нашу несостоявшуюся родственницу, бывшую жену папиного родного брата **Эсфирь Исаевну Слоботкину**. Вся мамина переписка со мной, когда она отбывала свой срок в концентрационном лагере Карлага., шла через нее. Острота ситуации заключалась в том, что Эсфирь Исаевна работала секретарем главного редактора «Правды». Работала она в этой должности многие годы, и ее высоко ценили как тогдашний редактор Д. Шепилов, так и бывшие, начиная с Мехлиса, который и взял ее работать на эту должность. Хотя это уже было время после смерти Сталина и в воздухе запахло «оттепелью», опасность репрессий со стороны КГБ не исчезла, и передача родственникам нелегальных писем из мест заключения могла кончиться для Эсфири Исаевны очень печально.

Таких людей было не так уж много, но они все же были – те, кто сумел преодолеть страх и чьи поступки можно определить скромными и высокозначимыми словами – **ПОРЯДОЧНОСТЬ, ЧЕСТЬ, СОВЕСТЬ**.

Государство должно обеспечивать своим гражданам **БЕЗОПАСНОСТЬ, МАТЕРИАЛЬНОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ, ДУХОВНЫЕ СВОБОДЫ**. Сталин пограл их ради своей единоличной власти над всеми гражданами нашей многострадальной родины. Мама – одна из них. Она волею судьбы попала в эпицентр кровавого водоворота, и приведенный в этой главе документальный материал повествует об этом. Следственное дело врача-педиатра Евгении Федоровны Лившиц – важный документ, повествующий о подготовке карательными органами, по указке Сталина, «Дела врачей-вредителей». Последний акт сталинского произвола во всех его аспектах – моральном, юридическом, социальном – не должен кануть в Лету.

Сталинские апологеты очень этого хотят – сгинут палачи, забудут о жертвах, замолчат свидетели, и сталинские злодеяния канут в небытие. Мы, очевидцы тех страшных лет, не должны допустить этого. У сталинских преступлений нет срока давности, нет предельного времени, когда его преступления будут сданы в архив.

ДНИ, ЧАСЫ, МИНУТЫ

Первый удар (13 января 1949 года)

*

Обыск (4 июня 1952 года)

*

У замминистра здравоохранения
(30 декабря 1952 года)

*

День рождения (7 февраля 1953 года)

*

ЧСИР (12 марта 1953 года)

*

Справедливость не для мамы (4 апреля 1953 года)

*

Пустые просьбы (июнь 1953 года)

*

Свидание в «Бутырках» (7 июля 1953 года)

*

У Бойченко (начало сентября 1953 года)

*

Мамин следователь (22 сентября 1953 года)

*

К маме в лагерь (7 марта 1954 года)

*

Страх (21 марта 1954 года)

*

Мама – дома! (4 сентября 1954 года)

Писать надо только тогда, когда каждый раз, обмакивая перо, оставляешь в чернильнице кусок мяса.

Л.Н. Толстой

Прошло полвека, а я не знаю покоя
и продолжаю всматриваться
в то страшное время.
До сих пор не могу всерьез
поверить, что все то,
что с нами происходило, —
было в действительности.

ПЕРВЫЙ УДАР

13 января 1949 года. Сегодня я с моим другом Левой приглашен на семейное торжество к Любочке Вовси. Нас связывают с этим домом, с Мироном Семеновичем и Верой Львовной Вовси, работа и дружба наших родителей. А с Любочкой я вообще «рос в одной коляске». В их доме меня в шутку называли «зятек». Договорились, что после работы я заскочу к Левке домой, и мы вместе отправимся на вечеринку, благо идти недалеко – с Большой Молчановки до Серебряного переулка. Так получилось, что на работе я освободился раньше назначенного срока и, чтобы застать дома Леву, звоню по телефону.

– Левушка, я выезжаю. Что купить?

На той стороне сдавленный голос друга:

– Давай встретимся на Арбатской площади, там решим. . .

Почему надо было встречаться на Арбатской площади, а не дома? До вечеринки еще часа два, погода не ахти, дождь с мокрым снегом... Но раз просит, значит, так надо. Прихожу в условленное место. Лева там.

– Я к Вовсям не пойду. Сегодня ночью арестовали папу. Да и нам, видимо, надо прекратить встречаться. Ты ведь работаешь в секретном учреждении. Я и мама думаем, что все очень скоро выяснится, и папа будет дома. А ты иди, нельзя не идти. Там ничего не говори.

Иду по извилистому родному Арбату. В голове мешанина. Почему его забрали? В моем представлении Борис Абрамович – человек высочайшей честности, преданный своей больнице, которую сделал ведущим лечебным учреждением не только в Москве, но и во всей стране. В голове мелькают картинки немногочисленных встреч с ним в их большой темноватой квартире. Однотонные, покрытые масляной краской стены, спартанская обстановка. Предметом постоянных шуток был старый Левкин диван с выпирающими пружинами. Я всегда с трудом укладывал свой зад между ними. Запомнились строгие пронзительные глаза Бориса Абрамовича, казалось, видевшие тебя насквозь. Однажды, перед очередными выборами в Верховный Совет, я принес Левке новый предвыборный анекдот. Борис Абрамович дома. Спешу рассказать анекдот и ему: протягиваю папиросную коробку, открываю крышку со словами – «прошу вас, выбирайте», а в коробке одна-единственная папироса... Борис Абрамович поднимает глаза. В них – осуждение, упрек. Мне становится неловко за мальчишество по отношению к чему-то мною непонятому и неоцененному, за бестактность. Я быстро ретируюсь в комнату Левки, вечер испорчен. Поскорее сматываюсь домой.

...Почему-то всплывает картина похорон Михоэлса. Год тому назад. Все семейство Шимелиовичей едет прощаться с великим артистом в еврейский театр на Малой Бронной. Берут и меня с собой. Семья Шимелиовичей в почетном карауле, я – рядом с Юлей, сестрой Левы, стою у гроба. Передо мной лицо покойника с толстыми слоями грима. Множество народу. В зале, в первом ряду, знакомые лица – Вовси Мирон Семенович, подальше Вера Львовна. Ищу гла-

зами Любочку. Не вижу. Потом вспоминаю – она в Ленинграде. На траурный митинг не остался. Далеко я был от всего того, что там говорилось...

...Заворачиваю в Серебряный, подхожу к подъезду. Сзади подкатывает машина с Мироном Семеновичем.

– А, зятек! Чего так поздно? Я звонил домой – все уже в сборе. А где Лева? Мы входим в темный подъезд.

– Мирон Семенович, я наверх не пойду, не могу. Сегодня арестовали Бориса Абрамовича.

Я увидел, как лицо Мирона Семеновича стало сначала бледным, потом белым, потом серым, а потом мертвым. В глазах растерянность. Это было страшно, очень страшно. Он как-то весь сник, сгорбился и, не говоря ни слова, потащился наверх.

ОБЫСК

4 июня 1952 года. Почти рассвело. Вот уже четыре часа как идет обыск. Переворачивают все вверх дном. Копаются в столах, перетряхивают постельное белье, прощупывают (слава богу, не вспарывают) подушки. Каждую книжку (а библиотека у нас довольно большая) просматривают по страничке. Методика просмотра книг у них отработана: какое-то движение, и страницы книги раскрываются веером, и если между ними лежит какая-то бумажка, она тут же вылетает. Отодвинуты все шкафы, тахта поставлена набок и снизу сорвана ткань, прикрывавшая пружины. Мою комнату обыскивает молодой оперативник. Временами наведывается еще один, главный над ними.

Маму увели сразу. Вся процедура ареста не заняла и десяти минут. Позволили в дверь, как только в квартире выключили свет. Открыл дверь – на лестничной площадке человек десять крепко сколоченных верзил в штатском, растерянный домоуправ и молодой, почти мальчишка, солдатик. Отталкивают меня от двери, предъявляют ордер на арест. Короткое прощание с мамой, взаимные заверения в том, что это ошибка, что все выяснится очень скоро. И последние слова мамы: «Вот она – благодарность за честную работу».

Процедура обыска отработана и соблюдается неукоснительно. Нас – меня, Лору, мою жену (мы только два месяца как женаты) и бабушку 74-х лет – распределяют по разным комнатам: меня – в кабинет, бабушку – в столовую, где в алькове стоит ее кровать, Лору – в мамину спальню. Общение исключено. Выйти из комнаты можно только в сопровождении и то по особому разрешению старшего. От нервного напряжения часто хожу в туалет. Моего охранника это раздражает. Процедура похода тоже отработана: дверь открыта настежь, сзади стоит страж. Ну, а если приспичило справить большую нужду, то он впереди, вкушает все удовольствия. Ничего не поделаешь – инструкция.

Любая вещь, которая у них вызывает подозрение или намечена на изъятие, кладется на большой обеденный стол, что стоит в столовой. Там в первую очередь оказались записные книжки – мамины, мои, бабушкины, портативная пи-

шущая машинка, мамыны врачебные принадлежности: фонендоскоп, прибор для измерения кровяного давления, халат и книги с латинским шрифтом.

Обшарили и меня, хотя все на виду, я как был в пижаме, так в ней и остался. Слышу, как отодвигают мебель в столовой. О чем-то говорят с бабушкой. Жену не вижу – она в дальней маминной комнате, где перебирают платяной шкаф.

Часов в восемь утра приезжают две МГБэшницы,, проходят к бабушке. Слышу, она что-то им говорит. Долго не задерживаются и уезжают. Время от времени слышу, как бабушку тоже водят в уборную. Она просит закрыть дверь, но они непреклонны, и старая женщина справляет нужду под бдительным оком молодого мужика.

Мне все эти игры кажутся смешными, и я отпускаю шуточки. Пытаюсь держаться спокойно, даже иногда бравирую, что вызывает неудовольствие у моего охранника. Ну что они могут у нас найти? И вся процедура такого тщательного обыска вызывает у меня злорадство по поводу их бесплодных попыток что-либо найти. Зря тратят время.

Начальник и «мой» сотрудник перебирают библиографическую картотеку с названиями статей, связанных с моей работой. Требуют перевода карточек и рефератов, написанных не по-русски.

Из столовой слышу голос:

– Товарищ майор, здесь нашли иностранные деньги.

– Клади их на стол, я потом подойду, сейчас занят!

Деньги? Иностранные? И вдруг в памяти всплывает более чем десятилетней давности довоенный случай, когда я, еще мальчишкой, зачем-то роюсь в платяном шкафу, наткнулся на пачку долларов, обернутую в тряпочку. Тогда я даже не понял, что это за деньги. А теперь осознал, чем грозит эта находка. У мамы – доллары! Не надо совершать никаких антигосударственных проступков. Доллары дома, да хоть бы одна долларовая бумажка – антисоветская крамола, неоспоримая улика шпионажа, вредительства и всего того, что тебе захотят приписать. Черт их знает, зачем они нам понадобились, эти доллары, зачем их хранили столько лет, видимо, и в эвакуацию таскали. Что на них можно купить? Вот вляпались, так вляпались! Наигранного спокойствия как не бывало. Нужно всеми способами проникнуть в столовую и самому увидеть эти проклятые доллары на столе, где собираются все улики против мамы.

Но предлога зайти в столовую, хоть умри, нет. Увеличивается лишь частота посещений уборной.

Часа через три в сопровождении МГБэшника меня вызывают в столовую присутствовать при опечатывании маминной комнаты. Бросаю взгляды на стол – долларов не видно, наверно, они под наваленными вещами.

Обыск окончился часам к пяти вечера. Мы все собираемся в столовой. Бабушка как лежала на своей кровати, так и лежит, временами издавая стоны и что-то бормоча. Еще бы! Арестовали дочь, с которой она прожила всю жизнь. А жизнь ее была нелегкой. Очень рано осталась вдовой с тремя детьми на руках, без образования. Детей надо было выводить в люди, и она, выучившись на

фармацевта, во времена НЭПа приобрела аптеку. А потом ходила в «лишенках» – был такой термин для лиц, лишенных выборных прав. Вот оттуда, видимо, и доллары – остатки бывшего труда и иллюзорного благополучия.

Оформляют протокол изъятых вещей, все по списку берут со стола и складывают в мешок. Вот и пункт: «Деньги иностранные»... На столе кучка металлических монет. Это папино детское увлечение нумизматикой. Несколько медных и алюминиевых монеток. Где же их нашли? А я-то думал, что нашли доллары. Вот это обыск, вот это специалисты! Я об их существовании забыл. А они откопали! Ну и мастера!

Все волнения из-за долларов, мучившие меня почти все время обыска, мгновенно улетучились. Я с радостью подписываю протокол, услужливо помогаю собрать реквизируемые вещи и даже выражаю благодарность за корректное поведение при обыске. И правда – никакого хамства с их стороны не было.

Уходят, хлопает дверь – и мы одни. Разор дома страшный. Начинаем все приводить в порядок, ставить на место.

– Послушай, бабушка, я еще до войны случайно наткнулся на пачку долларов. Слава богу, что их не было. Вот был бы ужас, если бы они сохранились до сих пор и их бы нашли.

– Вот они, – и бабушка вынимает из-под ночной рубашки и протягивает мне трясущейся рукой пачку, завязанную в ту же тряпицу, которую я видел когда-то.

– Доллары! У тебя? Тебя же обыскивали те две бабы, что приезжали утром. И как же тебе удалось?..

– Как только они пришли арестовывать, я успела вытащить их из шкафа и держала под подушкой, а когда ходила в уборную, прятала под рубашку, а в это время они обыскивали кровать. А когда были эти женщины, деньги опять лежали под подушкой.

И тут со мной случился самый настоящий истерический припадок – я хохотал, целовал бабушку, кричал на нее, плакал, опять хохотал. Да, смеялся! Старая бабка водила за нос все МГБ! Вот так бабушка! История должна о ней знать – Фаня Львовна Лившиц, по паспорту – Фейга Лейбовна.

Держу пачку в руках а вдруг... вдруг они вернутся?

Бегу в уборную. Скорее, скорее. Вот сейчас раздастся звонок в дверь, а доллары у меня в руках. Рву на части, бросаю в унитаз, спускаю воду. А куча разорванных долларов не сливается, а только всплывает. Дергаю цепочку опять – нет воды!

Черт побери, вода набирается слишком медленно. Рукой проталкиваю деньги. Еще раз дергаю цепочку, вода заполняет унитаз, но не проходит. Деньги забили слив. Шарю взглядом по уборной, чем бы протолкнуть. Но, слава богу, на сей раз вода уносит доллары в канализацию. Ноги не держат, сажусь на унитаз.

...Сколько там было долларов – не помню. Кажется, много. Вот бы их сейчас!

У ЗАММИНИСТРА ЗДРАВООХРАНЕНИЯ

30 декабря 1952 года. Этот год поломал все мои планы: из Института биофизики, где я с успехом набрал значительный клинический материал по воздействию инкорпорированных радиоактивных веществ на человека, меня выгнали; эксперимент, который должен был подтвердить мои клинические разработки, застыл, а мои крысы, на которых были поставлены опыты, передохли; аппарат для оценки величины поглощенной дозы в облучаемом этими радиоактивными элементами теле человека, уже почти собранный, пылится в мастерской института... Мама сидит на Лубянке уже полгода. Зачем, для чего и почему – полное неведение! Только ежемесячные сторублевые передачи.

Доступ в институт мне закрыли просто и эффективно – аннулировали пропуск на проходной. Институт ведь секретный. Методика эта мне была уже знакома по тому, как меня выбросили из объекта № 3 на Челябинске-40, где я работал завздравпунктом. Тогда попытка связаться с местным начальством от завобъектом до начальника режима была безрезультатной – обращайтесь к своему непосредственному начальству, а мы, мол, ничего не знаем и говорить нам с вами не о чем. Секретность и еще раз секретность! (Потом мне конфиденциально сообщили, что вычеркнул меня из списка сотрудников, обладающих доступом к «Особой папке» – есть такая высшая ступень секретности, – самолично Л. Берия. Он лично курировал работу этого объекта, так как на нем готовили плутониевый и урановый заряд для атомных бомб. А моя работа по контролю за здоровьем сотрудников объекта без дозиметрических данных, хранящихся в этом документе, была бессмысленна.)

В то время моим прямым начальником был генерал Аветик Игнатьевич Бурназян, замминистра здравоохранения СССР, начальник 3-го Главного управления. Его кабинет находился в свободно посещаемом здании министерства на Рахмановском переулке, в центре Москвы, и вход к нему был свободный. Только секретарша, милая, доброжелательная Анастасия Петровна, преграждала путь в кабинет Аветика Игнатьевича. Она нас, сотрудников Клинического отдела Института биофизики, хорошо знала, так как приходилось бывать на совещании у замминистра неоднократно. Да и деньги за работу мы, ординаторы клиники, ежемесячно получали в министерстве.

В сентябре, после того, как арестовали маму и меня уволили из Института биофизики, я прямиком и пошел к Бурназяну. Принял он меня сразу, как только от него вышли очередные посетители. Зная его хорошее ко мне лично и к моей работе отношение, я попросил помочь мне устроиться на работу в каком-нибудь лечебном учреждении Москвы и сделать это служебным переводом. Так, чтобы «за кадром», для будущих моих медицинских начальников, осталась причина моего ухода из престижного института. Второй моей просьбой было зачислить меня в ЦИУ (Центральный институт усовершенствования врачей) на курсы специализации по рентгенологии, так как я на тот момент остался без врачебной специальности. Ведь о деле, каким я занимался в его ведомстве, никто не знал и не должен был знать. В медицине я был никто, и мои

знания и опыт по лечению лучевой болезни были тогда никому не нужны, так как официально и такой болезни в мире не существовало. Аветик Игнатьевич очень сочувственно отнесся к моим просьбам, а также к той ситуации, в которой я очутился.

И действительно, благодаря его личному вмешательству я был определен служебным переводом на работу врача-терапевта поликлиники № 58 Киевского района г. Москвы, благо она была рядом с домом. Кроме того, он обещал меня включить в группу специализации по рентгенологии, которая начинает учебу 2 января, и мне остается только за день до начала учебы подойти к нему лично за направлением в ЦИУ. О маме он искренне посочувствовал, и на мои бодрые заверения, что она ни в чем не виновна и вот-вот ее освободят, подбодрил меня несколькими теплыми словами. Крепко пожав друг другу руки, мы расстались. Я был в полной уверенности, что моя будущая специализация в области рентгенологии вполне реальна.

И вот в канун нового 1953 года я пошел к замминистру здравоохранения за обещанным направлением на курсы рентгенологов. Вход в Министерство свободный, вход в приемную замминистра свободный, и я в предвкушении получения бумажки появляюсь перед светлыми очами милой Анастасии Петровны. Она все знает, она все помнит и сейчас доложит «шефу». Я даже не стал усаживаться на гостеприимно предоставленный мне стул в расчете на быстрое улаживание моей просьбы.

Анастасия Петровна появляется через несколько минут от Бурназяна и сообщает мне, что «шеф» занят и принять меня не может.

Как это не может? Ведь послезавтра начинаются занятия на рентгенологических курсах, куда он обещал меня направить. Может быть, бумажка уже готова, тогда я не буду его беспокоить своим присутствием?

Опять поход Анастасии Павловны в кабинет к «шефу» и с тем же результатом: принять не может, говорить мне с ним не о чем!..

Как это «не о чем»? Почти пять лет я вкалывал в его ведомстве и, говорят, неплохо. Мотался по командировкам по объектам, выполнял все его задания, числился в неплохих сотрудниках. А теперь, без специальности, остаюсь «на бобах». Мотаться по вызовам на дом, высиживать многочасовые приемы и оказывать помощь страждущим не зазорно, но я хочу быть рентгенологом. И он обещал. Всего-то и прошло три месяца, и вдруг – «разговаривать нам не о чем». Ничего себе новогодний сюрприз – «достойное» завершение этого недостойного года. Удар «поддых»! Когда его не ждешь – он особенно болезнен. И от кого удар – от самого Аветика (так мы его за глаза называли). Выше уже некуда. Значит, надо добиться, чтобы он меня принял, и напрямую выяснить отношения.

Хотя о каких «отношениях» может быть речь? Я только опережающийся врач без специальности – он генерал, всеми уважаемый замминистра, глава всего медицинского обеспечения атомной проблемы страны. Неужели уходить несолоно хлебавши? Но ведь он мне обещал, лично меня заверил, что все будет в порядке с моим рентгенологическим обучением. И ведь выпол-

нил он свое обещание с моим служебным переводом из института в районную поликлинику. Что же сейчас изменилось? И я решил ждать. Ведь рабочий день еще только начинается, и он наверняка появится в приемной. Вот тогда я и смогу задать ему мои вопросы.

Сижу. Сижу час, два. Была попытка написать ему письменную просьбу, но тоже окончившаяся безрезультатно. Он то принимает посетителей, то надолго остается один в кабинете. Но меня не принимает. Я сижу. Милая Анастасия Петровна нервничает. Несколько раз она обращалась ко мне с просьбой не настаивать на свидании с «шефом», освободить приемную от моего присутствия. Нет, я никуда не тронусь, мне необходимо пообщаться напрямую с замминистра.

Среди посетителей много знакомых, много сослуживцев по Москве, по Челябинску-40, по Лаборатории № 2, по Большой Волге. Часа в четыре, после очередного совещания, ко мне подходит Моисей Павлович Домшлак (мой идейный руководитель, один из ведущих радиологов страны) и просит не настаивать на свидании с Аветиком Игнатьевичем. Но его аргументация для меня невразумительна, и я вынужден ему в его просьбе отказать. Более того – пересел на стул рядом с выходной дверью, чтобы оказаться лицом к лицу, как только Аветик Игнатьевич захочет покинуть свою резиденцию.

Проходит еще пару часов. Сижу, но чувствую себя очень неудобно. Рабочий день на исходе. Последнее совещание уже длится около полутора часов. Приемная пуста – только я возле выходной двери да не смотрящая на меня надушенная Анастасия Петровна. Выйти даже на минутку не решаюсь, хотя давно уже необходимо облегчиться: организм-то работает, несмотря на ситуацию. Но ведь и Аветик Игнатьевич в таком же положении. Туалета у него в его кабинете нет и дополнительного выхода тоже. Я это точно знаю. Есть раковина для мытья рук. Может быть, он в нее...? Низ живота саднит, голова начинает кружиться от голода. Утром я даже не перекусил, спешил к началу рабочего дня на прием к замминистру. Жена наверняка волнуется – я же обещал отлучиться ненадолго. Злость постепенно и уверенно заполняет всего меня. Но обида диктует – сиди и жди, ты должен ему высказать все, что накопилось в связи с арестом мамы, увольнением из института, сломом всех планов.

Правда, в глубине сознания копошится мыслишка, что не все так просто с отказом Аветика принять меня для разговора. Ведь взял он меня в управление на работу после рекомендации М.С. Вовси и Б.А. Шимелиовича. Сейчас они тоже, как и мама, сидят на Лубянке. Вовси уже два месяца как арестован, а Б.А. Шимелиович третий год там, и о нем ни слуху, ни духу! Ну, они арестованы, а я-то здесь при чем? Скажи мне напрямую, а не через секретаршу или подсылаемых и уважаемых мною лиц. Я прошу теперь уже не о направлении, а о человеческом отношении. С рентгенологией покончено, во всяком случае сейчас, но мы ведь люди, есть же какие-то человеческие взаимоотношения.

Двери его кабинета открываются и, окруженный плотным кольцом прозаседавшихся, защищенный от меня их мощными телами, в приемной появляется Аветик Игнатьевич. Группа сплоченным строем движется к дверям.

Я подсакиваю со своего стула, кладу руку на ручку двери, преграждая им движение. «Защитная» группа распадается, и я остаюсь с глазу на глаз с Аветиком Игнатьевичем.

– Что ты от меня хочешь? Я тебе ничего не обещал, и разговаривать нам не о чем.

Срывающийся на визг голос Аветика и его дрожащая и что-то пытающаяся объяснить мне рука. От прежнего Аветика Игнатьевича – гордого, властного, не терпящего возражений – не осталось и следа. Передо мной ссутулившийся жалкий тип с трясущимися руками и губами, злым взглядом.

Я с силой распахиваю дверь из приемной.

– Труса празднуете! Небольшая цена слову замминистра. Идите, вы свободны от своего обещания!!

Бурназян проскальзывает мимо меня в коридор. Я остаюсь наедине с обескураженной Анастасией Петровной.

Домой я еле доплелся, правда, сразу же облегчился в первой же темной подворотне на Неглинной. Дома выпил фужер водки и завалился спать. Говорить я ни с кем не мог.

А теперь о том, что знал глубокоуважаемый мною Аветик Игнатьевич и что не знал я, и узнал только много времени спустя. Конечно, принять меня и говорить со мной он не мог и, обладая чувством самосохранения, не должен был. Мое поведение было глупым мальчишеством, и объяснялось оно непониманием грозящей всем нам опасности, смертельной опасности. Готовилось дело против меня лично, и Бурназян не мог этого не знать, так как был прямым шефом нашего института. Я должен был бы предстать в очень скором времени как резидент М.С. Вовси в атомной медицине, как шпион и вредитель, работающий по его заданию. Об этом было во всеуслышанье сказано на партсобрании в моем институте в конце января, после опубликования знаменитого сообщения ТАСС.

Дамоклов меч расправ докатился и до руководителей союзного Министерства здравоохранения. В те дни, когда я так настырно рвался на прием, министр здравоохранения Ефим Иванович Смирнов был приказом отстранен от занимаемой должности. И приказ был ох какой строгий!! Разве я мог знать то, что знал Аветик Игнатьевич?

А знал он вот что: 4 декабря 1952 г. ЦК КПСС принял постановление «О вредительстве в лечебном деле», где было указано, что в медицине длительное время орудовала группа преступников, что министр здравоохранения СССР Е.И. Смирнов вместо осуществления контроля и руководства Лечсанупром, входившим в систему Министерства здравоохранения, на почве пьянок сросся с ныне разоблаченным руководством Лечсанупра и, несмотря на наличие сигналов о неблагополучии в Лечсанупре, не проявил бдительности и принципиальности. ЦеКа, а не какая-то второстепенная структура, т.е. САМ Сталин постановил снять Смирнова с поста министра, а самое главное – дал

указание вскрыть террористическую деятельность врачей и принять активные меры для того, чтобы исправить лечебное дело в стране*.

И вот тут объявляюсь я у самого главного медицинского атомщика Советского Союза. Лучшего подарка подарка МГБэшникам, фабрикующим дело о вредительстве в атомной промышленности, и не придумаешь!

Прошло два года. Жизнь начала входить в старую, наезженную колею. Вернулась мама из концентрационного лагеря. Я уже работал рентгенологом в поликлинике. Не знаю, по чьей инициативе, через моего бывшего сослуживца, Семена Городинского, я получил приглашение вновь вернуться на старую работу. Но я наотрез отказался от столь лестного предложения, так как вновь связывать свою медицинскую деятельность с секретностью не хотелось. А заняться мирным атомом было моей мечтой еще во время работы в специальной секретной Больнице № 6 и в Институте биофизики. Там я занимался налаживанием методик использования радиоактивных изотопов при исследовании функции щитовидной железы и скорости кровотока совместно с Н.А. Габеловой – ближайшим сотрудником академика Г.М. Франка. Так что какой-то опыт у меня уже был. И вот, в конце 1955 года, я получил приглашение от Бориса Григорьевича Егорова, директора Института нейрохирургии им. Н.Н. Бурденко, – развернуть этот раздел в его институте. При нашем разговоре о моих возможностях и планах реализации этого нового направления медицинских исследований в его институте он меня спросил – кто же мне может дать характеристику как специалисту и как врачу, так как пришел я к нему для разговора, прямо скажем, «с улицы». А объем поставленных задач перед институтом был серьезным и требующим определенных капиталовложений. Единственный, кого я мог тогда назвать, был Аветик Игнатьевич Бурназян, так как он один был легальным представителем в этой области медицины. И хотя мне могли в этом деле содействовать такие корифеи от медицины, как Г.М. Франк, Н.А. Куршаков, И.С. Глазунов, Е.М. Тареев, Б.Н. Тарусов, я их упомянуть не имел права, так как их места работы были секретными, а я в свое время дал соответствующую подписку. Поэтому с опаской, но я был вынужден упомянуть только А.И. Бурназяна.

Прошла неделя после моего разговора с проф. Егоровым, и вот я вновь в его кабинете.

– Начинать работать. Аветик Игнатьевич дал вам очень лестную характеристику. Просил обращаться напрямую в случае возникновения трудностей организационного порядка.

В последующие два года, по рекомендации Бурназяна, я принял участие в устройстве стенда по мирному атому в медицине в первом в мире атомном павильоне на ВДНХ, такой же стенд сделал и в Праге. И вот, будучи по каким-то делам в Министерстве, я столкнулся с ним в коридоре.

– Извините, Аветик Игнатьевич! Я давно хотел повиниться перед вами за мой недостойный поступок. Очень сожалею, что так некрасиво получилось...

Он подошел ко мне, обнял меня за плечи и сказал:

Да, страшное было время. Ну, не будем поминать старое!

* Полный текст «Постановления...» см. на с. 224 – 226 наст. издания.

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

7 февраля 1953 года. Мой день рождения. Мне 28. Друзья поздравили по телефону. Настроения созывать гостей нет, да и дома не было культа праздников – ни дней рождения, ни других светлых и памятных дат никогда не отмечали. Не знаю, почему, но так повелось.

Сидим с Лорчиком (если кто забыл – моей молодой женой, год знакомства и год семейной жизни, а она по-прежнему молодая жена!) на кухне. Тепло, тлеет газ в конфорках печи. На тарелке кольца любительской колбасы, мне – толстые ломти, Лоре – тонко нарезанные круги. Кто что любит. Бутылка «Кингсмараули» уже почти пуста. Но винного бодрящего эффекта не наступает. Да и откуда ему взяться? Лорка с двумя дипломами в кармане безуспешно обивает пороги. Первое, визуальное, знакомство с работодателем почти всегда приносит положительный результат, второе, анкетное – неизменно отрицательный. Мои же взаимоотношения с бывшей моей работой резко осложнились. В институте, откуда меня «вежливо попросили выйти вон», вчера прошло общеинститутское партийное собрание. На нем я стал «шпионом», внедренным в секретные атомные объекты моим «родственником» Мироном Семеновичем Вовси и главным проводником шпионских заданий американской шпионской организации «Джойнт» – Шимелиовичем Борисом Абрамовичем. Руководил же мною, оказывается, Яков Соломонович Темкин. Все люди высокого положения в медицине, всемерно уважаемые профессора. Хоть я хорохорился перед женой, пытаюсь скрыть страх, охвативший меня, от «бодренького» настроения не осталось и следа.

Вспомнилось, что когда полгода тому назад арестовали маму и нам через десятые лица сказали: ее арест вызван тем, что она плохо лечила своих кремлевских подопечных, я, как ни странно, успокоился. Слух шел из семьи не последнего человека в государстве – Первухина, чей отпрыск был маминым пациентом. Пройдет немного времени, думал я, все выяснится, и мама вернется домой. За всю ее врачебную практику в Лечсанупре Кремля у нее не было ни одного случая ошибочного диагноза и тем более не было ни одного случая летального исхода. Ее ценило начальство (свидетельством тому ворох почетных грамот за отличную работу), уважали высокопоставленные родители ее маленьких пациентов. Она в течение многих лет была врачом так называемой «спецгруппы», или, как ее называли, «нулевой группы», и мне тогда казалось, что родители этих детей не могут не вмешаться в ее судьбу самым благородным образом. Она должна была, по моему разумению, вот-вот появиться дома.

Но когда в ноябре пятьдесят второго начались повальные аресты среди профессоров-медиков, когда на Лубянку начали свозить врачей, отмеченных высокими наградами и почетными званиями, я понял, что затеяна небывалая провокация в государственном масштабе. А вот кому это нужно и зачем, кто инициатор такого беспредела, я понять не мог. Одно мне было ясно, что большая и главная вина лежит на Сталине. Если даже не он инициатор, то должен был знать, как глава государства, что творится в нем. А если он этого не знает,

то плохой он правитель. Январское же «Сообщение ТАСС» окончательно убило всякие надежды. От этого всё-подминающего-под-себя-катка нет пощады. Если такие лица задействованы, то спасения нет ни для мамы, ни для меня и нашей семьи, ни для тех, кто уже там.

Что мы можем и должны сделать? На узком семейном совете с женой, натужно подшучивая, мы решили, что остается только подготовить «допровскую корзинку». Для подзабывших блистательную эпопею Ильфа и Петрова «Двенадцать стульев» напомним, что ДПР – это Дом предварительного заключения. Вышеназванная «корзинка» всегда была наготове у коммерсанта Кислярского – владельца одесской бубличной артели «Московские баранки» в Старгороде и члена Остап-Бендерского «Тайного общества Меча и Орала».

В нашей молодой семье жена повышала мое эстетическое образование, таская на выставки, концерты, театры, встречи, а я начал посвящать ее в медицинские проблемы на «живых примерах» тех, кого свезли на Лубянку.

У меня не было ни тени сомнения в том, что в «Сообщении ТАСС» нет ни слова правды. Многих из них, «врачей–вредителей», я знал, уважал и почитал не меньше, чем своих родителей, в честности и порядочности которых не сомневался. И было за что.

Мирон Семенович Вовси – добрый гений нашей семьи. Я и мама, а когда был еще жив и папа, часто бывали у них дома на Арбате, в Серебряном переулке, и на даче в Кратово. Дом Мирона Семеновича и его жены Веры Львовны был гостеприимный и хлебосольный. С Любочкой, их дочерью, я начинал свое школьное образование в специально организованной нашими родителями группе, которую вела старая гимназическая учительница. В группе было всего пятеро: Любочка, Лада (дочь Б.Б. Когана), сын главного режиссера театра им. Вахтангова Рубена Симонова – Жора, еще один мальчик, потерянный моей памятью, и я. Занятия проходили попеременно у каждого на дому, благо мы все жили рядом, в районе Арбата. Усидчивостью мы не отличались и хулиганили на уроках каждый в силу своих способностей. Исключением была Любочка, которая всегда была отличницей.

Детская память не сохранила облика Мирона Семеновича тех лет, но в полной мере оценить его я смог, когда начал, окончив институт, работать в его отделении Боткинской больницы. У постели больного из разрозненных симптомов, сбивчивых жалоб и многочисленных лабораторных показателей он мог почти мгновенно, переработав колоссальное количество информации, безошибочно определить диагноз. Он блестяще читал лекции, обладал редким даром обобщения. После его заключительного слова на разного рода конференциях становилось ясно, что хотел сказать докладчик, в чем новизна исследования и каково место обсуждаемой проблемы в клинической медицине. Он мыслил концептуально.

Врачебный дар Мирона Семеновича спас и мне жизнь, когда я тяжело заболел абсцессом легкого, а в медицинской практике еще и не слышали об антибиотиках.

Мои обвинители из Института биофизики в одном оказались почти правы: когда приписали Якову Соломоновичу Темкину роль моего руководителя. Но, конечно, не в том бредовом шпионском амплуа, в котором по сценарию – мне нужно было сыграть. Нет. Он и его супруга, Анна Израилевна, действительно были мои, как теперь бы сказали, советчиками «по жизни», особенно после ранней смерти отца. Я часто прибегал к их помощи, когда не мог разобрататься в каких-то жизненных хитросплетениях. Их опыт, мудрая голова Якова Соломоновича и жизненная смекалка Анны Израилевны и общая доброта всегда были к месту. Яков Соломонович не давил советами, можно было соглашаться с ним или нет, но всегда приходилось задумываться. Вспоминаю, как, получив врачебные дипломы, мы с моим другом Левой Шимелиовичем пришли к Темкиным в надежде сорвать аплодисменты. И наткнулись на колючий вопрос Я.С.: «А все-таки, кем вы собираетесь стать?» – «Как кем? Вестимо, врачами». – «Какими?» – «Терапевтами». «Ну и дураки. Терапия неохватна. Надо взять из нее что-то поменьше». И он был прав. Время показало, что из нас двоих только Левка смог поднять непосильную тяжесть терапии. Я «скатился» до медицинской радиологии.

Из двух братьев медиков-профессоров Коганов мои родители были близко знакомы с семьей Бориса Борисовича, или Бор-Бора (как его величали за глаза): с ним и его женой Асей Ивановной. С их детьми я встречался довольно редко: моя одноклассница и сокурсница по медвузу Лада очень тяжело болела, а Леня ходил в малолетках.

На 5-м курсе я посещал лекции Бориса Борисовича по госпитальной терапии – суховатые, но предельно информативные, что я с благодарностью оценил на государственных экзаменах. Он приохотил меня и к занятиям наукой, включив в свою научную разработку по нефрогенной теории гипертонической болезни.

Михаил Борисович избег участия лубянского сидельца – он «успел» за год до посадок умереть, не испытав того, что выпало на долю брата.

...Время уже далеко за полночь. Кухонное ночное сиденье с телефонным аппаратом, прикрытым подушкой, кажется безопасней для разговоров. Многие так считали. Отсюда, может быть, и пошла привычка кухонных посиделок. Как мы все заблуждались! Вернувшаяся домой мама говорила, что именно разговоры на «безопасной» кухне ей предьявлялись на допросах.

А тогда, в день моего рождения, волнуясь, обсуждали недавнее свидание с Машей. Маша – жена моего самого близкого друга Левы Шимелиовича. В целях конспирации (ха!) встретились в трамвае, шедшем по Дорогомиловке. Маша буквально огорошила, сообщив, что 27 января арестован Левка, в Калуге, где он работал врачом. Было ясно «кольцо» сжимается.

Уже три года, как арестован Борис Абрамович, отец Левы. И никаких сведений о нем. А что я вообще знал о Борисе Абрамовиче? Хотя часто бывал у них дома и проводил там долгие часы, с Борисом Абрамовичем я встречался очень редко. Он постоянно был на работе, в своей родной Боткинской больнице. Мне трудно сказать, каким он был в семье, но на работе он слылся справедливым, но жестким администратором. Я смог в этом убедиться, когда прохо-

дил предврачебную практику и ординатуру ЦИУВ. Современные (по тогдашним меркам) методы обследования, новейшие лечебные мероприятия, вышколаченность врачей, сестер и нянечек благоприятно отличали эту больницу от других клинических стационаров Москвы. Попасть сюда на лечение уже было гарантией того, что все будет на высочайшем уровне. Вот тогда я понял, что такое главврач больницы.

В жену Бориса Абрамовича, мать Левы – Хиену Наумовну, можно было влюбиться с первого взгляда. «Стержнем» семьи была именно она – тоже врач, обаятельная, милая, доброжелательная, с чудесной детской улыбкой, сохранившая былую красоту, несмотря на то, что ей тогда уже было около 60-ти лет и жизнь ее не баловала, особенно последние годы.

Маша появилась в этой семье в тревожное время и связала свою судьбу с Левой в тот опасный период его жизни, когда самым неизбежным ее продолжением были тюрьма и ссылка, что в скором времени и произошло. Маша разделила судьбу семьи Бориса Абрамовича. Думается, что одно это обстоятельство освобождает меня от описания ее человеческих качеств. В этой семье каждый был личностью. Младшая сестра Левы – Юлия унаследовала, видимо, от отца, саркастический склад ума, независимость суждений, смелость, чему свидетельствовала тема ее – тогда студентки филфака университета – диплома: творчество Салтыкова-Щедрина, не очень почитаемого партийными идеологами сатирика. Ведь слишком много параллелей просматривалось между его «Историей одного города» и нашей действительностью.

Много и о многих было нами говорено в тот именинный вечер. И тех не забыли, кто в январское «Сообщение» не попал, но были уже доставлены на Лубянку. Это были наши соседи по подъезду. Арестован был В.Ф. Зеленин председатель нашего жилищного кооператива, аккуратный, обходительный, с налетом благообразности иных времен; Владимир Филиппович Зеленин – знаменитый московский профессор, замечательный врач, придумавший капли для помощи больным с различной сердечной патологией. Ко мне, должен сказать, он относился очень доброжелательно. Ведь он был первым медицинским шефом моего отца, и они были соавторами монографии «Пороки сердца».

Еще репрессированы были, кроме мамы и Зеленина, наш сосед по лестничной площадке доктор М.Г. Шнейдерович (бывший личный доктор Сталина, но об этом он, естественно, молчал), с которым ежедневно по утрам вместе отправлялись на работу и по дороге до станции метро «Киевская» успевали обсудить разные новости, в том числе и медицинские, а также профессор Б.А. Егоров тоже арестованный по врачебному делу, что жил над нами, всегда угрюмый и малоконтактный.

...Вот и выяснили мы за именинным столом, в каком врачебно-вредительском окружении находимся. И зачем нужна «допровская карзинка». Далеко за полночь. Уже полвторого. Когда за мамой пришли, было 12. Сегодня наверняка уже не придут. Заболтались. Бутылка пуста, колбаса съедена. Пора спать.

ЧСИР («член семьи изменника родины»)

12 марта 1953 года. Звонок по телефону, снимаю трубку.

– Рыжий, это я, Марина. Ты можешь приехать в пятницу после работы?

– А что случилось?

– Распечатывают Левкину квартиру на Молчановке. Она будет открыта с двенадцати до пяти. Потребовали освободить ее от вещей.

(Рыжий – это я, в то время мои волосы и вправду были ярко-красного цвета. Марина – жена Левы Шимелиовича.)

– Нет проблемы. Как только кончу работать, сразу приеду, да и Лорка поможет. Она после Гнесинки сразу придет туда, благо рядом.

Марина – единственная из семьи Шимелиовичей в Москве. Всю остальную семью: Хиену Наумовну, Юлю и Леву, как семью ЧСИР, этапом отправили в ссылку в город Балхаш. Марина готовится ехать туда, и мы ее называем «декабристкой».

Закончил работу пораньше, сославшись на необходимость быть в райздраве. Сейчас легко удрать, не то, что раньше, когда работал в Институте биофизики, где уход и приход контролировался особыми органами. Сейчас работаю профврачом на здравпункте рубероидного заводика. Самое большое преимущество – сам себе хозяин. Когда хочу, тогда прихожу, когда надо – ухожу.

...Двери квартиры открыты настежь. Маринка уже разбирает вещи – в этот сундук то, что поедет в Балхаш, главным образом теплое. Женщины много взять с собой не смогли, а Левку в чем был отправили этапом прямо из Калуги, где его арестовали. Необходимо было обеспечить их всем необходимым, и не на одну зиму.

К этой стене – все, что перевезут к тете Рахили. У нее хоть и маленькая, но отдельная квартирка. Родители Марины живут в одной плотно заставленной мебелью крошечной комнате в коммуналке – по комнате можно продвигаться только боком, протискиваясь между столом и тахтой.

А это неплохо бы продать: фотоувеличитель, велосипед, утварь, стеклянную тару и еще кое-какое барахло. Приходят соседи, прицениваются, кое-что покупают. Постепенно вещи покидают дом.

Появился какой-то мужчина с мальчиком. Паренек вожделенно осматривает фотоувеличитель, крутит ручки. Мужчина спрашивает:

– А хозяин, что, арестован?

– Да.

– Нет, не могу взять, хотя и очень нужен. Пойдем отсюда, сынок. Здесь ничего брать нельзя, грех это!

В кутерьме сборов появляется дама в роскошной черной каракулевой шубке. Ходит по комнатам, внимательно все осматривает. Лорка сразу определила в ней возможную новую хозяйку квартиры. Ей тоже, видимо, сообщили, что квартиру открыли на несколько часов, и она пришла оценить предлагаемое жилье.

Братъ – не братъ? Лорка не выдержала и сказала: «На чужом несчастье не выстроишь свое счастье!» И черная шубка враз слиняла.

Работы нам выдалось не так уж много. Небогато жил главный врач самой большой клинической больницы города Москвы. А по городу распространяли слухи, будто под обоями у этого «шпионского наймита» Шимелиовича все стены долларами обклеены. А у него-то и обоев нет. Стены покрыты масляной краской. Грустно шутим по этому поводу.

Управились задолго до срока, есть время сдать пустые бутылки и консервные банки – какие ни есть, а все же деньги. Договорился в соседнем магазине, но после первой же партии бутылок приемщик заартачился:

– Нет, братъ не буду. Я думал, винно-водочные, а здесь молочные и из-под боржома.

С трудом уговорил взять за треть цены, но подряд без разбора. Началась челночная операция по тасканию стеклотары. С каждым походом все больше косяшек на счетах у приемщика перемещаются справа налево. А мы таскаем и таскаем. Все! Округляем итог – косяшки на нижней перекладине отбрасываем вправо. Неплохо. И довольные возвращаемся в квартиру.

Нет, еще не все. А что будем делать с картиной? Она висит в маленькой комнате, занимая весь простенок около двери. Ее видно, когдаходишь в комнату. Но тогда уже оторвать глаз нельзя. Яркий солнечный день в осеннем саду. Какая-то феерическая игра света. Картина излучает тепло. Мазки толстые, грубые, а лепестки нежные, прозрачные, и солнце, солнце, солнце сверху, снизу, с боков. Большая, яркая, она в этой небольшой комнате кричала – не мое это место! А теперь, одинокая, в пустоте комнаты, она вообще выглядела странно-вызывающе. Что с ней делать? Братъ с собой – кому она нужна? Не до нее. Сами ждем, что вот-вот арестуют, в лучшем случае – вышлют. Сами готовим «допровскую корзинку», прислушиваемся к каждому стуку лифта, вздрагиваем от каждого неурочного звонка в дверь. Не до картины нам. У Лорки мысль: а что если попробовать ее продать? Комиссионный рядом, на Арбате. Хоть что-то, но получим.

Сказано – сделано. Картину прикрываем простыней и по улице Вахтангова – на Арбат. В магазине, сразу за прилавком, маленькая комнатка заведующего. С трудом устанавливаем картину на столик и снимаем простынь. Оценивающий взгляд специалиста. Мы замираем. Неужели зря тащили?

– Принять ее не могу.

– Почему? Плохая?

– Да нет, хорошая, даже замечательная. Да художник не тот. Малевич! Вы что, не знаете, что он запрещен, даже фамилию упоминать нельзя.

– Ну, все же, – настаиваем, – сколько за нее можно получить?

– Нет для нее разумной цены.

– То есть как?

– Вот так, бесценная... Это же Малевич!

– Ну и берите, если бесценная. Продадите потом.

– Не разрешат мне выставить ее на продажу.

Как ни настаивали, уговорить не смогли. Так и потащили картину обратно, плотно обернув простыней, чтобы никто не увидел произведения крамольного художника. Что с ней делать? Может, оставить где-нибудь по дороге, осторожно прислонив к стене дома? Жаль, рука не поднимается. А обратно зачем? В пустую, теперь совершенно чужую квартиру. Входим в подъезд. Сверху спускается какой-то дядька интеллигентной наружности. Я с ходу:

– Купите картину!

– Что за картина? Кто художник?

Я (извиняющимся тоном):

– Какой-то Малевич. Какое это имеет значение, главное, что на ней нарисовано!

– Дайте посмотреть.

Спешим освободить ее от простыни, и в темном подъезде картина обдает нас теплым, мягким солнечным светом.

– Ну, и сколько вы за нее хотите?

Используя опыт продажи барахла, назначаю цену в 800 рублей.

– Нет, таких денег нет. Двести.

Это хоть и вдвое больше, чем выручили за пустые бутылки и банки, но считаю, что нужно поторговаться.

– Давайте четыреста – и все. Смотрите, какая красивая, сколько солнца, сколько радости.

– Ладно, будь по-вашему. Отдаю свои, кровные.

Гордые блестяще закончившейся операцией возвращаемся в квартиру. У подъезда сигналист грузовая машина.

Уже здесь, в Израиле, попал мне в руки каталог всемирно известного аукциона «Сотби». Из него я узнал, что цена любого шедевра кисти Малевича, даже самого малого по размеру, в долларах выражается в шестизначных цифрах...

СПРАВЕДЛИВОСТЬ НЕ ДЛЯ МАМЫ

4 апреля 1953 года. 12 часов ночи. Телефонный звонок. Поднимаю трубку. Срывающийся женский голос: «Ждите сегодня ночью маму, ждите маму, читайте завтра газету!» И бросила трубку...

Как бы неправдоподобна ни была весть, надо ее передать другим. В нашем подъезде, кроме мамы, арестованных еще четверо – сосед по этажу, врач, ранее работавший в Кремлевке, Мирон Григорьевич Шнейдерович. Сидит и сын его – Борис. Выше нас, на восьмом этаже – Егоров, профессор-терапевт, тоже консультировал в Кремлевке. И внизу, на третьем этаже – Владимир Филиппович Зеленин, профессор, заведующий кафедрой, медицинское светило, начинатель метода электрокардиографии в России, крупный клиницист, предложивший знаменитые капли, избавляющие от ряда сердечных недугов и носящие его имя. Также консультировал в Кремлевке.

Я только недавно поднялся от Зелениных. У его сына Алика, студента медицинского института, пневмония, и я делаю ему уколы пенициллина. После этой маленькой медицинской процедуры еще какое-то время задерживаюсь у них, беседуя с Зинаидой Лазаревной, женой Владимира Филипповича. Она в удрученном состоянии. Взяли Владимира Филипповича прямо с кровати – отлеживался после тяжелого сердечного приступа. Было подозрение на инфаркт. Пытаюсь успокоить ее, а у самого на душе кошки скребут – мама тоже не первой молодости, как она там со своими болячками?

Кладу трубку и сразу бегу к Зелениным. Осторожно, чтобы зря не обнадежить (а вдруг звонок – провокация?), сообщаю о звонке. Зинаида Лазаревна мечется по квартире в ночной рубашке.

Поднимаюсь на свой этаж – стучу к Шнейдеровичам. Его жена Клавдия Петровна не отвечает. То ли нет ее, то ли боится открыть дверь (как потом оказалось, она боялась любого стука в дверь).

Профессор Егоров живет бобылем этажом выше, в квартире никого нет, она опечатана.

Сидеть дома не могу. В чем был, накинув пальто, выбегаю на улицу. Можайское шоссе (так в то время назывался Кутузовский проспект) пусто. Каждая редкая машина, идущая из центра, мне кажется, везет маму. Потом начинаю с надеждой следить только за черными «Волгами». Но они равнодушно проезжают мимо.

Замерз, бегу домой. Одеваюсь потеплее и снова на улицу. Не могу стоять, тянет навстречу машине. Потихоньку перемещаюсь вперед, а как только появляется впереди у Дорогомиловской заставы машина, бегу к нашему дому. Так вот и бегал, пока не вымотался. Решил пойти домой попить горячего сладкого чая, чтобы подкрепиться.

Сижу на кухне, а дверь на лестничную клетку открыл, прислушиваюсь. Хлопает дверь парадного, хлопает дверь лифта. Выскакиваю на лестницу, смотрю в шахту лифта. Кабина останавливается внизу. Бегу вниз – точно, пришел Зеленин. Значит, не наврала, значит, надо встречать маму!

Опять бегу на улицу. Опять встречаю машины и, как только вижу их огни, бегу назад к дому.

Часа в три привезли Егорова. Я к нему с вопросами. Он, не отвечая, поднимается к себе наверх.

Светает. К почте, которая рядом с нашим домом, подъезжает машина с пачками газет. Умоляю дать прочесть «Правду».

Судорожно ищу. Наконец! Вот! Строчки скачут перед глазами: «Сообщение Министерства внутренних дел СССР». «...Проверка показала, что обвинения, выдвинутые против перечисленных лиц, являются ложными, а документы ...несостоятельными ...применение недопустимых и строжайше запрещенных ...приемов следствия ...привлеченные по этому делу полностью реабилитированы ...из-под стражи освобождены».

Я – домой. Сообщаю Лоре и бабушке радостную весть. Но мамы нет. Спускаться вниз не имеет смысла. Утренний поток машин заполняет шоссе. Днем позвонили Темкины. Профессор Яков Соломонович Темкин и его жена Анна Израилевна дома. Дома уже и Вовси – Мирон Семенович и Вера Львовна.

А мамы – нет. Ну, может быть, еще сегодня отпустят – день велик. Сидеть дома – не могу. На работу идти – не могу. Сослался на плохое самочувствие. Нет ее и завтра, и послезавтра. Надежда тает...

Бегу на Кузнецкий, 24, где берут денежные передачи. Как и раньше, сверив по списку, принимают положенные сто рублей. Все по-старому. Праздник справедливости не для нас...

ПУСТЫЕ ПРОСЬБЫ

Июнь 1953 года. На мои заявления – ни ответа, ни привета. Как в прорву. Что-то надо делать. А что? И тогда я решаю попытать счастья у маминых пациентов. Хоть мама дома никогда не говорила о своей работе, о своих больных, но по телефонным звонкам можно было понять, кто они. Основным поставщиком информации была бабушка. Вечером, когда мама приходила с работы, бабушка докладывала: «Звонили от Первухиных, сообщали, что ребенку лучше, температура спала». Или: «Пусть позвонит, как придет, Маленковым». Вот к этой семье я и решил обратиться. Во-первых, потому, что к маме там хорошо относились, во-вторых, Георгий Максимилианович Маленков сейчас первый человек в государстве, в-третьих, к его жене – директору Института истории техники – легко попасть. Институт находится в здании Политехнического музея, что на площади Дзержинского, и там нет никаких вахтеров, вход свободный. Прихожу, она в командировке или в отпуске, не помню. Будет не раньше, чем через недели три. Решаю не ждать и поехать к матери Маленкова. Как ее зовут, узнал у бабушки, которой восьмой десяток, но она помнит, как зовут не только родителей, бабушек-дедушек всех маминых пациентов, но и все номера телефонов. Благодаря ей мы восстановили изъятые при обыске телефонные книжки.

А я вот, хоть мне и нет бабушкиных лет, забыл, как зовут эту почтенную даму. Она – директор профсоюзного санатория в Удельной, в тридцати километрах от Москвы. Об этом санатории много говорят, какой он ухоженный, благополучный и даже фешенебельный. А отдыхает и лечится там простой люд, обычные работяги. Вся территория санатория обнесена краснокирпичным узорчатым забором. На него смотреть – наслаждение, а тянется он аж на километра два вокруг санатория, выделяясь своим видом среди окружающих его хилых дачных построек.

Вход в санаторий свободный. Живет мать Маленкова в большом бревенчатом доме. А вокруг дома ходит стадо цесарок, штук сорок. Гордо выхаживают по территории. По всему видать – это предмет особой любви и гордости хозяйки.

Встретила она меня сама, вспомнила маму, долго говорила, какой она внимательный врач. Заранее написанного на имя ее сына заявления не взяла. Сказала, что посоветуется, и чтобы я приехал через недельку.

Через недельку я опять в Удельном. Подхожу к ее дому, стучусь, хотя дверь открыта. Выходит какая-то старушка, говорит, что хозяйки нет дома. Будет ли сегодня – не знает. Уехала в Москву по делам. Назавтра опять тот же разговор с той же старушкой и тот же ответ.

Через день опять еду. Решил, перед тем как пойти к дому, понаблюдать за территорией. Через узорчатый кирпичный забор вижу, как мать Маленкова из корпуса прошла домой. Я за ней – опять старушка. Опять – уехала в Москву, когда будет – неизвестно. И хотя я уже понимаю, что у меня ничего не выйдет, делаю еще одну попытку: с заявлением в руках перехватываю ее, когда она одна вышла из своего дома. Она смотрит на меня с ужасом.

– Ничего не могу, ничего не знаю. Перестаньте меня преследовать.

Так, с первой мадам государства – мамашей Маленкова не получилось.

Может, не сорвется со второй – жена Лазаря Моисеевича Кагановича тоже из прямых родственников маминых маленьких пациентов. Она – председатель профсоюза текстильщиков. Иду в «Большой дом профсоюзов», что на Калужском шоссе.

– Скажите, здесь Мария Марковна?

– Да.

– Попросите ее принять меня по личному делу. Я сын врача Евгении Федоровны Лившиц. Моя мать лечила ее внуков. Мария Марковна хорошо ее знает.

Секретарь удаляется в кабинет, долго оттуда не возвращается.

– Мария Марковна принять вас сейчас не может. Она занята.

– Ничего, я подожду. Я ненадолго, – всего на 3-4 минуты.

Проходит час, два, три. Я сижу в приемной, не отлучаясь ни на минуту. За это время в кабинет заходят и выходят одиночки, группы, опять одиночки. Временами она остается одна, но меня не принимает. Четыре часа ожидания. Напоминаю о себе.

– У Марии Марковны нет времени вас принять. Видите, как она занята.

– Ничего, я дождусь здесь до конца ее работы. Мне нужно всего несколько минут ее драгоценного времени.

Через 6 часов сидения опять прошу напомнить о себе, но с тем же результатом. К 8-ми часам вечера все пустеет. Дверь в ее кабинет открыта. Вижу ее сидящей за столом. Сижу, жду. В крайнем случае, перехвачу в приемной. Наконец слышу: «Пройдите».

– Да, я хорошо помню врача Лившиц. Вы уверяете, что она проходила по прекращенному «Делу врачей». Все вернулись, а она – нет. Значит, она виновна. У нас невиновных не наказывают. Видите, профессоров выпустили. Мы полностью доверяем Лаврентию Павловичу Берии.

Вопросов у меня нет. Поворачиваюсь и, не прощаясь, ухожу.

А через три дня Берию арестовали.

СВИДАНИЕ В «БУТЫРКАХ»

7 июля 1953 года. Пришел домой позже, так как утром, до работы, виделся с дядей, родным братом отца. Он – юрист, работает в Верховном суде СССР. Я часто обращался к нему со всякими юридическими вопросами. Обычно я просил встречи, а сегодня он вызвал меня. Отведя в сторонку, сообщил:

– Арестовали Лаврентия Павловича Берию. По слухам, он и его компания при аресте устроили перестрелку.

Ничего себе новости! Целый день не находил себе места. А вдруг это байка, каких много ходит по Москве? А если правда, то как повлияет это событие на мамину судьбу, мою судьбу? Прошло уже три месяца, как вернулись домой арестованные по делу врачей. У меня же по-прежнему принимают денежные передачи на Лубянке и каждый раз повторяют, что следствие по делу моей матери продолжается.

3 часа дня. Я только пришел, как зазвонил телефон:

– Вы можете получить свидание с вашей матерью.

От неожиданности сердце чуть не выпрыгнуло из груди.

– Где? Когда? Как?

– В 5 часов в Бутырской. Пропуск заказан.

– Что можно взять с собой?

– Ничего.

– Можно ли сделать передачу?

– Нет.

Ехать недалеко, но я хватаю такси. Через 15 минут я на Новослободской у окошечка бюро пропусков. К окошку, в котором маячит голова выписывающего пропуск, ведет прорубленный в толстой стене туннель. И вот я на проходной. Молодой парень в застиранной гимнастерке с мятыми зелеными погонями долго смотрит на пропуск, на меня, на паспорт. Потом куда-то звонит.

– Рано пришли, ждите.

Выхожу на улицу, выдерживаю минут пятнадцать, опять к солдату.

– Рано, ждите.

Опять улица, опять томительное ожидание. В голове сумятица. Что с мамой, какой я ее увижу? Зачем вызывали? Не связано ли это со слухами об аресте Берии? И как ей передать их? И надо ли передавать, как бы самому там не остаться – уж больно важен и страшен субъект, да и слухи неправдоподобные. А все же сказать необходимо. Но как? Написать бумажку и незаметно сунуть. А вдруг будут обыскивать?

Третий раз иду в проходную.

– Проходите.

Иду узким проходом между зданием самой тюрьмы, смотрящей окнами с намордниками на улицу, и высокой стеной. Невзрачная дверь, поворот направо, опять дверь. Открываю – стоит охранник, проверяет пропуск.

– Сидите, вас вызовут.

В комнате я один. Сидеть не могу, хожу из угла в угол. В голове опять прокручиваю все вопросы. Почему не пришла со всеми 4 апреля? Что было в Институте судебной психиатрии им. Сербского год назад, смогла ли немного отдохнуть от допросов – ведь находилась в медицинском учреждении и сама врач? Как себя чувствует – все вернувшиеся были подавлены, долго отходили от кошмара. Что с ней будет дальше? Что делать мне?

Проходит почти час, в душу закрадывается страх от неизвестности. В голове те же вопросы без ответов.

Открывается дверь, прохожу в узкий темный коридор с целым рядом дверей по одной стороне. Одна из них приоткрыта. Меня туда и направляют. Оказываюсь в большой комнате, перегороденной поперек решеткой. Передо мной густая металлическая сетка, за ней массивная решетка из железных прутьев, толщиной в палец. За решеткой узенький коридорчик, по которому прохаживается небольшого роста мужичок без знаков различия. А дальше опять такое же устройство из толстых железных прутьев, обтянутых густой металлической сеткой, отделяет довольно большую светлую комнату с большим ярким окном.

Сопровождающий объявляет:

– Вам предоставлено свидание с гражданкой Лившиц Евгенией Федоровной, – смотрит на мой паспорт, на меня, на бумажку, которую держит в руке, опять в мой паспорт, на меня...

– Почему у вас другая фамилия?

– Мама фамилию не меняла, это ее девичья фамилия.

– Гм... свидание с гражданкой Лившиц, осужденной по статье 58-10...

Как молния, мысль – значит, осудили, значит, мои надежды на ее возвращение домой пустые, значит... значит...

Бесцветный голос:

– Время свидания 45 минут. Запрещается разговаривать о деле, сообщать сведения о знакомых, называть фамилии, адреса...

– А о чем можно?

– О здоровье близких родственников...

В той дальней части большой комнаты, которая за двумя рядами решеток и прохаживающимся в коридорчике между ними надзирателем, открывается небольшая дверь, и в сопровождении двух охранников по бокам выходит мама. Все трое в ряд идут к решетке и, не доходя двух-трех шагов, останавливаются. Мама пытается подойти поближе, но ее не пускают. Стоим, смотрим друг на друга. Она не очень изменилась. Лицо, правда, бледное, несколько одутловатое. Руки сцеплены, все время нервно перебирает пальцами.

– Здравствуй, сынок.

– Здравствуй, мама.

Молчание. Бок о бок с ней охранники, между нами охранник, и за моей спиной охранник – тот, кто давал мне инструкции...

– Как ты себя чувствуешь?

– Ничего. Сейчас хорошо (пальцы сжимаются крепче). Как Лорочка, мама?

– Бабушка молодец, привет тебе большой, здорова, ведет хозяйство. Лорочка сдает экзамены, живем мы хорошо, дружно. Она у меня молодец, помогают ее родители.. Слушай, только что мне здесь сказали, что тебя осудили за...

– Да, на Особом совещании, только что. Дали 7 лет за антисоветскую агитацию.

– Но ведь ты проходила по делу врачей. Они уже все дома. Почему ты не вернулась со всеми? Я вижу с Темкиными, они говорят...

За спиной:

– О деле не говорить, фамилии не сообщать!

Молчание. Вижу, что мама хочет что-то сказать, глаза начинают нервно бегать из стороны в сторону, от охранника к охраннику, она как-то вся съезживается.

– Мне здесь сказали, что надо мне подать на помилование. Я написала прошение на имя Ворошилова...

Мама лечила внуков Ворошилова от приемного сына – родного сына В.М. Фрунзе. Говорила, что его жена очень милая женщина.

– Но когда ответ будет, не знаю. Тяжело здесь. Наверно, скоро отправят отсюда. Говорят, дадут еще одно свидание на пересылке. Принеси туда теплые вещи.

В голове – Лаврентий Павлович Берия. Как сообщить? Чувствую, что сведения о его посадке очень важны для мамы, ее дела, ее поведения. Как раз сейчас, сегодня.

– Мама, ты помнишь Лавра, Лаврюшку?

– Нет, не помню.

– Ну, как не помнишь? Ну, Лаврюшку, ты его знаешь. Ну, вспомни! Так он сейчас там, с тобой...

– Нет, не помню – какого Лавра, какого Лаврюшку? Ты знаешь, у меня что-то с головой. Много забываю. Плохо сплю.

– Вспомни, ты лечила его внуков.

– Нет, не помню.

Опять мама как-то вся сморщивается, глаза нервно бегают по охранникам.

– Пойди к Ворошилову, к его невестке, напомни обо мне, я ни в чем не виновата, я все написала. Когда будет ответ? Тяжело мне...

– О деле не говорить, – голос за спиной приобретает металлический оттенок.

– А где я ее найду?

– Она живет на улице Серова, в доме, где магазин «Птица», квартира 23...

За спиной неумолимое:

– Свидание прерывается!

Как по команде, двое стоящих рядом с мамой охранника подхватывают ее подмышки и, как куль, тащат из комнаты. Ноги волочатся по полу. Слетает одна туфля. Дверь захлопывается.

– Вы нарушили инструкцию. Свидание прерываю. Дайте отмечу ваш пропуск.

Свидание длилось не больше пятнадцати минут. На той стороне, за решетками, посредине комнаты упавшая мамина туфля...

У БОЙЧЕНКО

Начало сентября 1953 года. А слухи ходят по Москве самые невероятные. Говорят, например, что всех арестованных по делу Еврейского антифашистского комитета засудили и отправили в какой-то дальний сибирский лагерь, но американцы высадили на самолетах свой десант и вывезли их в Америку.

Слух, конечно, невероятный, но судьба их продолжает многих волновать. Достоверных сведений никаких. С января 1949 г. гробовое молчание.

...Прошел слух, что Борис Абрамович Шимелиович лежал в тюремной больнице, а по поводу чего – неизвестно.

Семья Шимелиовичей сослана в Балхаш. Связи с ними практически нет. Скупые сведения получаю от очаровательных родителей Марины, жены Левы: Шимелиовичи там, в ссылке, понемногу обживаются и даже начали работать. После долгих мытарств им разрешили работать врачами в поликлинике. О судьбе Бориса Абрамовича и других вместе с ним арестованных по-прежнему сведений нет.

И вдруг еще один слух дошел до меня: вернулся из тюрьмы Бойченко, и он встречался там, на Лубянке, то ли в Лефортовской тюрьме, с Шимелиовичем...

Кто же не знает имени Семена Бойченко! Кумир молодежи, заслуженный мастер спорта, многократный чемпион и рекордсмен Союза по плаванию, красавец, атлет. Его имя исчезло с афиш соревнований где-то в конце 1949 г. Говорили, что его засадил за решетку сын Сталина, Васька. В чем-то не сошлись характерами.

Если слух не пустой, и Бойченко действительно видел Бориса Абрамовича, то он может что-то знать. Такой случай упустить никак нельзя. И я решил. Узнав номер телефона, звоню, прошу о встрече.

– Зачем? Кто говорит?

Объясняю, кто я и зачем его беспокою.

– Приезжайте.

– Когда?

– Сейчас. Я жду.

Улица Горького, напротив Центрального телеграфа. Здесь живет привилегированная публика. Вход со двора. Взбегаю на 5-й этаж – не до лифта. Звоню. Открывают дверь. Из кухни в плавках, так что видна атлетически сложенная фигура, выходит Бойченко, извиняясь за свой вид. Говорит, что пришел с тренировки. Присаживаемся. И он рассказывает.

– Да, я сидел вместе с Борисом Абрамовичем в одной камере почти четыре месяца, в Лефортове. Но это было уже больше двух лет назад. О его деле я ничего не знаю. Могу только сказать, что иногда, возвращаясь после допросов, он не мог даже прилечь. Так и стоял на кровати на локтях и коленях всю ночь. Ходить по камере ночью нельзя. Только на койке. Все время следят в глазок. О дальнейшей судьбе его ничего не знаю. Из камеры он ушел в тюремную больницу. Он очень страдал от фурункулеза. Он много мне рассказывал о своей семье и всегда называл ласковыми словами свою жену, Хиену. Очень волновался за их судьбу.

Я себе представил в одной камере Семена Бойченко – двухметровую махину, каждая мышца на его тренированном теле – муляж для художника, красивое с прямым греческим носом лицо, узкий маленький гладкий лоб, немного косноязычный (во всяком случае, со мной он объяснялся не изысканной речью), и Бориса Абрамовича Шимелиовича – небольшого роста, угловатого, с типичной еврейской внешностью, на крупноватом носу очки с толстыми стеклами, с язвительной улыбкой, отточенной речью, красивыми длинными пальцами. Как они там были вдвоем?

– Вы знаете, это время, которое мы провели вместе... для меня... Только тогда я понял и почувствовал, что такое большевик, что такое человек... Только там, только с ним я понял, что такое человеческое достоинство.

Голос его сорвался, голое тело все покрылось мурашками, руки дрожали...

– Вот и все, что я могу о нем сказать. Для меня он был больше, чем сокамерник. Для меня он был школой и университетом. Благодаря ему я и сам изменился. Он – великий человек.

МАМИН СЛЕДОВАТЕЛЬ

22 сентября 1953 года. – С вами говорят из Комитета государственной безопасности. Нам нужно с вами побеседовать. Можете явиться к нам сегодня в три часа? Да, Лубянский проезд, подъезд 4. С собой иметь только паспорт.

Звонок не испугал меня и не удивил. Я даже почти ждал его. Должен же быть ответ на мои многочисленные заявления с просьбами и требованиями о пересмотре дела. Я уже многое знаю из газет и от чудом возвратившихся из застенков наших друзей, проходивших по «Делу врачей-вредителей». Мама из ссылки переслала нелегальными путями письма, где сообщала фамилии тех следователей, которые вели ее дело, мучили ее, добиваясь признания во вредительской деятельности. Писала она и о стукачах, которые ее окружали, о тех, которые внедрялись в нашу семью, о допросах, где требовали давать показания на М.С. Вовси, Я.С. Темкина, Б.Б. Когана и других.

Если в первых заявлениях я только просил о пересмотре дела, то потом писал и о незаконных методах ведения следствия, указывал фамилии и звания следователей и требовал привлечь их к ответственности.

Писал, что дело, по которому проходила мать, признано полностью сфальсифицированным, арестованных по нему освободили всех, кроме матери. Писал не менее 2-х – 3-х заявлений в месяц в разные адреса – Верховный Совет СССР, канцелярию Шверника, Министерство юстиции, в Прокуратуру СССР, в КГБ, в секретариат Маленкова... Не оставалось организаций и людей, хоть как-то могущих помочь в деле матери, куда и к кому я бы не обращался. И вот первая реакция. Со мной пошла жена. Она, конечно, нервничала, не хотела отпускать туда меня одного. Но зайти вместе, присутствовать на беседе нельзя – пропуск выписан на меня одного. Договорились, что она меня проводит до подъезда, а потом останется ждать моего возвращения в отделе электротоваров в ЦУМе, он близко к Лубянке.

– Если через два часа я не вернусь, то...

– То что?

– Ну, в общем, больше двух часов ждать меня в отделе электротоваров уже не надо...

Маленькая дверь, ведущая в здание на Лубянском проезде. Пропуск на меня лежит под прессом на столе охранника. Никаких формальностей. Просят пройти на 5-й этаж по этой лестнице, в комнату 523 (а может, и другой номер, сейчас точно не помню). Поднимаюсь по лестнице со стертymi каменными ступенями, настороженно осматриваюсь. Между 3-м и 4-м этажами на лестничной площадке сбоку какая-то дверь, непонятно зачем. За окном – здание с окнами, закрытыми «намордниками». Так вот зачем дверь: там внутренняя тюрьма, а через эту дверь водят заключенных на допросы. Мое предположение подтверждают сетки на всех лестничных пролетах – чтобы арестант не бросился вниз в пролет.

Коридор на пятом этаже длинный, застеленный красной дорожкой. По бокам большие массивные двери. Ищу нужный мне номер. Стучу.

– Входите.

Представляюсь.

– Да, я вас жду.

За большим старомодным столом с зеленым сукном и замысловатым письменным прибором сидит, вальяжно полуразвалившись в кресле, молодцеватый, холеный человек средних лет в сером костюме.

– Мы внимательно изучили дело вашей матери и ваши многочисленные заявления.

Слава Богу, думаю, не зря писал. Но почему мои заявления скопились здесь? Ведь я на хозяев этого дома и жалуюсь, прошу отменить их приговор.

– Мы предлагаем вам, как предлагали и вашей матушке, написать заявление о помиловании. Если вы хотите получить (так и сказал – «получить») вашу мать, то это наиболее реальный путь. Она лечила детей и внуков наших руководителей. К ней в ее врачебной деятельности у нас (так и сказал – «у нас») нет никаких претензий, и ей наверняка помогут родители ее пациентов. Можете написать заявление о ее помиловании здесь, и мы его передадим по адресу.

Я немного освоился, пока выслушивал его речи. Даже успел оглядеть эту небольшую комнату, с нескороаемым шкафом за его спиной и небольшим столиком с пишущей машинкой рядом с его столом. У другой стены увидел круглый высокий стул, стоящий как-то непонятно почти посреди комнаты. Окно смотрит на площадь Дзержинского и на Лубянский проезд. За окном – солнечный, светлый день. На стене – портрет Дзержинского в профиль. На окнах тяжелые красного цвета шторы.

Перед хозяином кабинета лежит пухлая папка. Вверху на обложке много разных номеров и пометок. И фамилия мамы.

– Спасибо. Я удовлетворен, что делом моей матери, наконец, заинтересовались люди, которые могут в нем объективно разобраться. Об этом я и просил в своих заявлениях. Конечно, я хочу, чтобы мама скорей вернулась в семью. Судя по письмам, ей очень трудно в лагере. Но если писать прошение о помиловании, то по принятой форме начинать его надо фразой: «Признаю себя виновной ... прошу о снисхождении ... и в связи с тем-то и тем-то прошу меня помиловать». Но ведь она ни в чем не виновна. Все то, что ей инкриминировалось: убийство, вредительство, неправильное лечение – все клевета, блеф, вранье. Это уже признано официально, написано в газетах. Нет, я просил не о помиловании, а о реабилитации (это слово только начало входить в наш лексикон). Я также требую наказать виновных в неправильных методах следствия. К тому же, если маму и помилуют, судимость все равно остается. А судимость матери – это каинова печать не только на ней, но и на мне, на моей семье, даже и на моих будущих детях. Нет, не об этом я прошу, не этого требую.

Вальяжный мужчина за столом обстоятельно объясняет мне, что моя мама к «Делу врачей-вредителей» не имела никакого отношения, и осуждена она только за антисоветскую пропаганду и агитацию.

А я опять:

– По моим сведениям, которые она сообщила в письмах, ей с первого часа пребывания в этих стенах предъявлялось обвинение в неправильном лечении детей и внуков руководителей нашего государства и партии. Она писала, что в ее деле есть акты, подписанные ее бывшим шефом по Кремлевской больнице академиком Юлией Домбровской, об ошибках (умышленных) в назначении лекарств внукам Сталина (детям от первой и последующих жен Василия Сталина), внукам Кагановича, Маленкова, Первухина, Димитрова...

– Нет, у вас неверные сведения. Кроме агитации и пропаганды антисоветской направленности, ей ничего не инкриминировалось, и сейчас ей это простят. Время изменилось. Ворошилов ее помнит, – упорствует он.

Я не сдаюсь, он уговаривает (да, уговаривает!) написать ей письмо с предложением подать просьбу о помиловании. И письмо обещает переслать сам, дескать, так быстрее и вернее. Я решаю пока не настаивать, чтобы не оборвать вдруг появившуюся связь с людьми, которые доброжелательно отнеслись к моим бедам.

– Дайте мне подумать, я позвоню.

Телефон он любезно мне пишет на бумажке, прося лишь напомнить, по поводу чего я звоню, и он мигом разберется. Несколько общих фраз. Сегодня матч «Динамо – Спартак». Он на него спешит, надо еще заехать домой пообедать. Он, конечно, болельщик «Динамо». Я – тоже. Вспоминаем наиболее интересные матчи, делаем прогнозы на сегодняшнюю встречу. Протягиваю пропуск. Он в нем расписывается, отмечает время. Весь наш разговор занял не более двадцати минут, и я опять на лестнице, опять в окне здание внутренней тюрьмы, опять сетки в пролетах. Отдаю пропуск вахтеру и совершенно автоматически смотрю на подпись в пропуске и вижу – каллиграфическим почерком выведено: «майор Зотов». Как Зотов! Как же так! Это же тот самый Зотов, который, как писала в письмах мама, вел ее дело и был самым страшным ее мучителем. Ведь на него я и жалуюсь, в каждом заявлении требую суда над ним!

Выхватываю из рук ошалевшего охранника пропуск, невнятно объясняю что-то о забытом наверху портфеле и через две ступеньки – на пятый этаж, к знакомой двери. Без стука, дверь нараспашку, влетаю в кабинет и натываюсь на высокий табурет, который стоит посередине комнаты. Ударяюсь коленкой – табурет ни с места. Привернут к полу!

Вальяжный майор Зотов уже готов уйти. Папки с маминым делом на столе нет.

– Извините, но что же это получается?! Я на вас жалуюсь, вы виновны во всех мытарствах матери, вы – тот, который чинил беззакония, и вы же сейчас решаете ее судьбу, требуете от нее признания вины и просьбы о снисхождении. Нет уж, извините, так дело не пойдет. Никакого футбола вам не будет.

И все началось заново. Я ему – о «Деле врачей-вредителей» и невинности матери, он мне – об антисоветской пропаганде и прощении о помиловании, я ему – об участии в издевательствах и фабрикации дела, он мне – об ошибочном понимании дела врачей и роли в нем моей матери.

Разница лишь в том, что теперь я говорю на повышенных тонах, а от его былой вальяжности не осталось и следа. Взгляд злой, глаза со стальным блеском, голос жесткий. Дискуссия приобретает неуправляемый характер. Уже на исходе два часа, отведенные мной Лоре. Через несколько минут она начнет не на шутку волноваться. Объявляю ему, что я сделаю все, чтобы он лично и иже с ним (а фамилии я знаю) понесли наказание и сели на скамью подсудимых, как Рюмин и компания. Начинаю всем нутром чувствовать, что спор меня занес слишком далеко, и реальность не прийти на свидание с женой в отдел электротоваров в ЦУМе возрастает с каждой моей запальчивой фразой, с каждым моим опрометчивым высказыванием. Я даже инстинктивно взглянул на ту самую высокую привинченную к полу табуретку, на которой вполне мог бы и очутиться, и колено у меня сильнее заболело.

Нет, все бесполезно. Его ничем не проймешь. Да и зачем? Надо уносить ноги, пока цел. Молча протягиваю пропуск, он молча ставит новое время, и я ухожу. Спускаюсь, еще не полностью уверенный, что безнаказанно покину это милое зданьице.

Взглянул на часы – о, ужас! – просрочил условленное время почти на полчаса. По Кузнецкому мосту, лавируя между пешеходами, машинами и троллейбусами, несусь к ЦУМу. Вбегаю в магазин. Лорка зеленого цвета стоит на условленном месте.

...Домой пошли пешком, чтобы как-то сбросить с себя напряжение последних двух часов. Подробно ей рассказываю о моем посещении Госбезопасности. Только теперь начинаю осмысливать наш с Зотовым непростой разговор...

Через год, на следующий день после возвращения мамы домой (4 сентября 1954 г.) я пошел на прием в Военную прокуратуру – учреждение, занимавшееся реабилитацией политических заключенных. Я пошел, чтобы поблагодарить полковника Г.А. Терехова за те усилия, которые он приложил к пересмотру дела и освобождению матери. В Прокуратуру я навещался регулярно, как на работу, больше 8-ми месяцев. Носил свои очередные заявления-протесты. Только здесь я, наконец, получил какую-то достоверную информацию, только здесь мне сказали, что дело пошло на пересмотр, только здесь я встретил человеческое отношение, от которого отвык за последние два года.

– Поздравляю с освобождением вашей мамы, – полковник Терехов меня узнал: намозолил я ему глаза за это время.

– Спасибо. Но я принес заявление о возбуждении судебного дела на майора госбезопасности Зотова за незаконное ведение им следствия, издевательства и применение недозволённых пыток.

Бумага, оформленная по всем правилам, – консультировал мой дядя-юрист, – ложится на его стол. Он внимательно читает, протягивает ее мне обратно и говорит:

– Вы получили вашу мать – ну и скажите спасибо. Я вам не советую заводить это дело. Да, они виновны. Но вся их вина в том, что они были излишне дисциплинированы.

Да, так и сказал – «излишне дисциплинированы».

Вот так!

К МАМЕ В ЛАГЕРЬ

7 марта 1954 года. Перекресток дорог на краю поселка Долинка. Стою здесь с 7-ми часов утра, а сейчас уже 12. Припекает солнце. Небо синее-синее, ни облачка. Мне, одетому в довольно тяжелую шубу с меховым воротником и меховой шапкой, жарко.

Перекресток дорог – это колоссальное месиво грязной жижи, в которой утопают по верхний край колес редкие, осторожно едущие грузовики. Легковушек не видно, да они здесь и не пройдут. От этой лужи одна из дорог ухо-

дит в яркое, покрытое белым слепящим снегом пространство – то ли в степь, то ли в пустыню. Это та единственная дорога, которая мне нужна.

Машины появляются редко, очень редко. И на каждую я смотрю с трепетом – может, моя... Некоторые подъезжают ко мне, стоящему на берегу этого грязного месива, другие останавливаются на середине.

– Хозяин, до Сарепты довезешь?

– Не, не туда.

Жарко, голод дает о себе знать, и я достаю (какая предусмотрительность!) из черного чемодана кусок хлеба с колбасой. В чемодане валенки и продуктивно-вещевая передача маме: печенье, сухари, лимоны, сахар, банка варенья вперемешку с теплыми носками, шерстяной кофтой... Чемодан большой, тяжелый. Для него нет места на узкой обочине, и я его забрасываю на большой снежный сугроб. С каждой удаляющейся машиной тают мои надежды на встречу с мамой. Причем тогда, когда казалось, что все трудности позади и осталось всего ничего – добраться от поселка, где разместилось Управление карагандинскими лагерями (КАРЛАГа), до того лагеря, где уже почти год отсиживает свою 58-ю статью мама.

Я должен до нее добраться. Мне необходимо с ней переговорить и предостеречь от непоправимых ошибок. Наши старания объяснить ей ситуацию и линию ее поведения в письмах ничего не дают. То ли она чего-то недопонимает, то ли письма до нее не доходят. Письма перлюстрируются лагерными начальниками. Это мы точно знаем и боимся ей навредить своими советами.

А в Москве многое переменилось. Уже год, как нет Сталина; полгода, как расправились с Берией; перестреляли тех, кто варил следственную «кашу» в «Деле врачей»; из мест заключения и ссылок начали возвращаться отсидевшие свои сроки и, несмотря на «минус» в паспорте (то есть запрет на проживание в целом ряде городов центра страны), они как-то пристраиваются даже в Москве. За ними нет слежки, им не устраивают облав. В воздухе запахло тем, что впоследствии Эренбург назовет «оттепелью».

Есть сдвиги и в делах тех, кто еще находится в лагерях и ссылке. Нашими делами начала заниматься военная прокуратура, и доброжелательно (во всяком случае, внешне, что тоже очень важно) принимают просительные ходатайства, вежливо разговаривают. Самое приятное впечатление производит полковник Г.А. Терехов – высокий, статный, с интеллигентным лицом и хорошими манерами. Он принимает еженедельно, разговаривает не спеша, не прерывает. И обещает разобраться в деле. Он возглавляет назначенную самим ЦК партии группу по пересмотру судебных дел и реабилитации невинно осужденных. Появилась реальная возможность что-то сделать для мамы. Новое слово – «реабилитация» – у всех на устах.

В январе мне официально сообщили, что дело мамы пошло на пересмотр, однако в ее деле есть заявление с просьбой о помиловании, и это мешает решению вопроса о пересмотре дела. Необходимо ее заявление о пересмотре дела и отмене приговора Особого совещания (как мне сказали в военной прокуратуре, это

было последнее заседание ОСО* перед его роспуском: успели-таки гады засудить напоследок!), а его-то и нет в деле. Получается, что она сама хочет не пересмотра дела, а помилования. Нужно ехать. Нужно добиться свидания и получить мамино личное заявление о пересмотре дела. Это рекомендует мне сделать Терехов. Даже сказал, что начинать добиваться получения свидания нужно в Главном управлении лагерей, ГУЛАГе, и порекомендовал, к кому обратиться.

Интересно, знает ли кто-нибудь из репрессированных и их семей, где в Москве располагалась эта страшная организация, перемоловшая миллионы ни в чем не повинных людей. Сомневаюсь. Где КГБ, ЦК, Прокуратура, знают – туда обращались часто и, как правило, безрезультатно. А вот опыта обращения в ГУЛАГ у моего многосведущего окружения не было, и никто не знал, где этот ГУЛАГ в Москве находится.

А находился он в самом центре столицы и, проходя мимо него, никто, даже заинтересованный, не знал, что ГУЛАГ здесь, на Садово-Триумфальной, 3, наискосок от прославленного концертного зала имени Чайковского, в большущем доме, где теперь разместился ресторан и гостиница «Пекин». Это учреждение себя не афишировало, и потому с улицы никакой вывески не было. Незвразное парадное со скромной вывеской выходило во двор.

Хождение по длинным коридорам ГУЛАГа завершилось довольно быстро и безрезультатно. Очередной начальник не разрешил, но и не отказал: «Разрешить вам свидание с матерью может только Управление карагандинских лагерей, где она находится. Мы – не можем».

Но все же на моем заявлении написал «Не возражаю» и поставил загогулину вместо подписи. Честно говоря, я думал, что это ничего не значащая отписка, чтобы избавиться от назойливого посетителя. Оказалось, что я ошибся. Загогулина сыграла решающую роль в Управлении КАРЛАГом в Долинке, куда я приехал поздним вечером 5 марта (помню этот день точно: годовщина смерти Сталина).

Опять двухдневное хождение по коридорам, на сей раз – приземистого барачного здания Управления КАРЛАГом, и... свидание разрешено! Еще одна резолюция с загогулиной на моем заявлении.

В Долинке долго искал место ночевки. Никто не принимал. Я представлялся командировочным из Москвы, и всюду получал довольно грубый отказ. Наконец, в местной, с позволения сказать, гостинице я вымолил место на

* ОСО – Особое совещание – специальный внесудебный орган по осуждению за «государственные преступления». Организован Сталиным для внесудебной расправы с гражданами СССР. На ОСО судебная процедура исключалась. К смертной казни, тюрьме, каторжным работам в лагерях и ссылкам приговаривали заочно, без слушания дела. Оформление приговора велось в виде списка, в котором нередко значились десятки и сотни осужденных. Подписывала этот документ «тройка», как правило, работники МГБ.

койке в углу коридора и то – только на одну ночь. Правда, спал я там две ночи: надо мной уборщица жалилась.

И вот теперь, когда я близок к цели, когда до мамы рукой подать, все рушится. Что делать, как преодолеть последнее препятствие? Не у кого спросить, как добраться до Сарепты, далеко ли она, что это – село, поселок, зона?.. Тогда, в Управлении, побоялся уточнять и быстро ретировался: а вдруг передумают и заберут разрешение. И сейчас расплачиваюсь за эту поспешность: почти пять часов – и ни с места!

Из-за сугроба грязного снега, покачиваясь, появляется полуторка. Отчаянно машу руками.

– Хозяин, мне нужно в Сарепту. Как до нее добраться, помоги! Надо до зарезу!

Молодой парень приостанавливает свой полуразвалившийся драндулет.

– Ну, туда не добраться! Дороги развезло, машины туда не идут уже неделю. Завтра праздник. Нет, туда не добраться.

– А после праздника?

– И после праздника не добраться, дорог туда не будет еще месяца полтора-два, пока не стает снег.

– А сколько до этой самой Сарепты?

– А кто его знает. Смотря как ехать. Летом, напрямик по степи, километров сто будет, а по дорогам больше намного. Хочешь, я тебя подкину до... (название забыл). Это километров тридцать.

– А там?

– Будешь искать, может, потрафит!

И я решил. Другого выхода нет. Не стоять же здесь, и на тридцать километров ближе к цели. Забрасываю свой большущий чемодан в кузов и усаживаюсь на вылезшие наружу пружины переднего сиденья. Дверца привязывается веревкой – замка нет. И мы, в буквальном смысле скрипя, трогаясь... Таких дорог я не видел никогда, да, наверное, никогда и не увижу. Узкий тоннель в снегу. Черная грязь на дороге сделала свое дело, и снег в колее протаял, образовав глубокое ущелье в высоченном навале яркого белого снега по бокам. Высота снежных стен, за которые то и дело цепляются бока кузова, иногда достигает крыши кабины. Так и тянемся по этому ущелью. Через каждые пять – десять метров машину подбрасывает на очередном ледяном ухабе, и ты подскакиваешь на сиденье так, что головой ударяешься в потолок кабины. меховая шапка спасает от ударов, предвидеть которые нет никакой возможности. Но самое сложное в передвижении – встречный транспорт. Нам, почти за шесть часов езды, дважды пришлось решать эту сложную дорожную проблему. О том, чтобы разъехаться, и думать нечего. Значит, кто-то должен пятиться назад до предусмотрительно сделанного «кармана» в снежной стене.

...Вот мой водитель прислушался, остановился и задом вернулся в такой «карман», который мы только что проехали. Сидим, ждем. Где-то что-то урчит.

– А ты чего в Сарепту-то?

И тут я вместо того, чтобы объявить ему, что еду как командировочный, как это делал в Долинке, просясь на ночлег, сам не знаю почему говорю:

– На свидание с матерью.

– На свиданку?! – В его голосе недоумение, недоверие. – Разрешили?!

Я вытаскиваю мое заявление с резолюциями и подписями-загогулинами. Он внимательнейшим образом все читает, тычет грязным пальцем в загогулину, поставленную в Управлении КАРЛАГа, и, поднимая глаза к потолку кабины, говорит:

– О-го-го! Такого никогда не было. Ты, наверно, первый получил свиданку.

Он смотрит на меня с большим уважением и любопытством. И я ему, первому встречному, в этом снежном кармане рассказываю все о «Деле врачей-вредителей», о моих мытарствах и попытках вызволить маму на свободу, о слухах и первых шагах разрядки в тотальном терроре. В ответ мой спутник рассказывает, что он сам зэк, отсиживающий еще свой срок, сейчас шоферит за зоной, но к поверке должен вернуться.

О том, что его пассажир едет на свиданку с матерью, он сразу же сообщает бородатому водителю трактора, который через полчаса появился из-за снежного поворота. С этого момента все вокруг меня словно бы преобразилось. Слух о том, что кто-то едет на свиданку, обогнал меня, и меня встречали на каждом этапе моего пути к маме. А таких этапов было четыре. Машина, трактор, сани-розвальни, опять трактор. Две ночевки у незнакомых людей. Меня передавали из рук в руки, кормили, ласкали, расспрашивали, расспрашивали, расспрашивали...

Здесь, в безбрежных степях Казахстана, набитых лагерными зонами, мало что изменилось. Лагерная жизнь, а другой здесь нет, и все, что с ней связано, оставалось прежним. Хотя отмечали, что режим стал помягче, кое-кто уехал из отсидевших. Но ведь пишут, что и там, на воле, трудно: на работу не берут, с жильем проблемы. А здесь все стало привычным, в конце концов, РЕЖИМ, он всюду РЕЖИМ! Познакомился я с одной вновь образованной семьей. Сошлись здесь, живут в глинобитном домике (приглашали на ужин), уезжать не собираются, боятся, да и некуда. Там все разрушено. А здесь он работает бухгалтером, она – уборщицей в столовой для вольнонаемных. Сыты! Расспросы, расспросы, расспросы...

Я проехал путь, который мама, пятидесятилетняя больная женщина, прошла пешком дважды. Один раз – в августовскую жару, другой – в ноябрьскую стужу. С мешком за плечами, с ночевками впал в этапных бараках, практически без еды. Все это мне рассказывали и показывали мои доброжелательные хозяева и проводники.

...Наконец, сидим с мамой на завалинке вахты, в зоне, где она отбывает свой срок. Действительно, я здесь первый родственник, получивший свидание. Смотрят на нас с любопытством. Приветствуют мамины «товарки» из-за колючей проволоки или из строя возвращающихся с работы. Мамина зона – жен-

ская. Работа «непыльная» – на огородах. Что это такое – не понял, понял лишь, что это легкое и привилегированное место. Маму на работу не гонят, она – врач. А это очень значительная фигура в местных условиях. Живет за занавеской, спит не на общих нарах, а на своей кровати. В общем, местная «аристократия». Она оказывает первую доврачебную помощь. Говорила, что ей досаждают блатные, требуют от нее мандрены от игол, чтобы делать себе «мастырки» – наколы, от которых образуются нарывы, освобождающие от работы. Если бы не блатные, то жить можно.

Сидим на завалинке, греет мягкое солнце, разговариваем. Мать явно подавлена, к своей дальнейшей судьбе почти безразлична, писать заявление о пересмотре дела боится. Прошение о помиловании написала по рекомендации начальства, которое к ней «благосклонно». О том, что было во время следствия, говорит мало, повторяет то, что было написано в письмах, иногда плачет. В разговоре постоянно возвращается к предавшей ее профессору Домбровской. С ней она вела всех пациентов, и без ее визы, личной подписи, не назначала ни одного лекарства, ни одной процедуры, не делала ни одного медицинского заключения. Рассказала о «подсаженных» к нам ее самой близкой приятельнице Ольге Мазур и моем товарище Толе Шварцмане.

Отвлекусь от повествования, чтобы сказать несколько слов о сексоте Толе Шварцмане. За полгода до ареста мамы он попросился пожить у нас, и, несмотря на то, что он был болен туберкулезом, мама согласилась, лечила и выхаживала его несколько месяцев. Он переживал арест мамы, по крайней мере, внешне. А в «Деле» мама прочла его показания против нее. Приехав в Москву, после свидания в лагере, я вызвал Толю для разговора к памятнику Гоголя. Не помню, что говорил ему, только помню, что вид у него был – врагам своим не пожелаю. Спустя много лет, с началом волны эмиграции, одна из центральных газет поместила письмо, подписанное А. Шварцманом, уже из Америки, где он обличал приютившую его страну во всех смертных грехах!

Подбадриваю маму рассказами о людях, не бросивших нас, о друзьях и, главное, ориентирую ее в новых политических веяниях и наступивших переменах. К концу второго дня наших посиделок (потом охранники вынесли нам табуретки, на которых сидеть удобнее, чем на узкой завалинке) пишем вместе заявление с просьбой о пересмотре ее дела. Пишем два варианта. Один – подробный, с фамилиями, датами, перечислением этапов следствия, упоминаниями о «незаконных методах следствия» (именно так, другой формулировки она боится, а эта уже узаконена), трудностях лагерного быта, незаслуженности наказания. Другой вариант – короткий, в несколько фраз. Посмотрим, какой возьмут (взяли короткий).

Мимо нас строим с одним охранником сбоку колонны, поднимая пыль (снега в поселке не видно), проходят на обед заключенные. Из вахты выходит какой-то чин, перед которым мама сразу вытягивается в струнку, и доброжелательно, но твердо сообщает:

– Ну, хватит, и так засиделись. Разрешили одно свидание, а вы второй день сидите. Больше нельзя, прощайтесь!

Вечером в том домике, где я остановился, не переставая хлопала входная дверь. Шли и шли люди. Опять те же разговоры, те же вопросы. Письма, просьбы, напутствия, адреса...

Утро. Еще темно. Перед мазанкой стоят розвальни. Скрежеща по песку и камням, добираемся до края Сарепты, а там по санной дороге, по целине напрямиком до Долинки. Везет меня приятнейший мужчина по кличке Орел. А может, это не кличка, а фамилия, – не знаю. Через него шли от мамы те «нелегальные» письма на разные адреса. Кстати, все письма, все заявления, всю переписку я хранил в отдельной папке долгие годы. Случайно мама на них наткнулась и все их уничтожила. Что это – урок, извлеченный из общения с госбезопасностью, страх или убеждение, что РЕЖИМ так и останется РЕЖИМ-МОМ? Скорее всего – все вместе взятое.

...Полдороги проспал, так как в Сарепте было не до сна. Временами, чтобы согреться, бегу за санями, иногда проваливаясь по колено в снег. Вот где пригодились валенки. Лошадка трусит быстро, и поздно, почти ночью, мы у той же гостиницы, где меня сначала прогнали, а потом все же приютили на ночь. Орел куда-то ушел, оставив меня у лошади. Через минут пятнадцать появляется в сопровождении той, которая мне довольно грубо отказала в первый раз. А сейчас:

– Пожалуйста, проходите вон в тот номер. Там тепло. Сейчас принесу чаю, небось, проголодались и наголодались. Дорога-то длинная. Эх вы, что ж тогда-то не сказали, что на свиданку к матери! А то – командировочный!

СТРАХ

21 марта 1954 года. Самолет, выполняющий рейс «Балхаш – Караганда – Свердловск – Москва», мягко подпрыгивая на неровностях летного поля, медленно останавливается. В маленьком квадратном окошке вижу уже знакомое неказистое здание Карагандинского аэропорта. Из кабины пилотов выходит один из команды и объявляет то, что я уже знаю, – остановка на три часа, вещи из багажного отделения можно не брать. Вместе с небольшой группой пассажиров по шаткой лесенке, выброшенной с борта самолета, спускаюсь на грешную землю. В маленьком здании аэропорта толчея. Мест, где можно было бы посидеть, нет. Даже газетного киоска не видно. Наконец натыкаюсь на дверь с вывеской «Буфет». Это как раз то, что мне надо. Проголодался изрядно. Завтракал рано утром еще в Балхаше у Хиены Наумовны (жены Б.А. Шимелиовича), перед отъездом на аэродром.

Буфет полупустой. В витрине – если стеклянный ящик, взгроможденный на столе, можно назвать витриной – тарелка с бутербродом: толстый кусок черного хлеба, на нем толстый квадратный кусок обжаренной вареной колба-

сы и тонкий квадратик масла. Все это мавзолейное сооружение венчает кружок соленого огурца, уже подернутый беловатым налетом. Рядом, на тарелке, что-то белое. Спрашиваю – что это такое? Оказывается – манты. Манты – это хорошо! Особенно на их родине, в Казахстане. Вспомнил, как лакомился мантами в московском ресторане «Узбекистан». Здесь они должны быть лучше, вкуснее, с национальным ароматом. С дымящейся от пара тарелкой удаляюсь в уголок и начинаю священнодействовать гнушейся алюминиевой вилкой с отломанным зубцом. После первых глотков понимаю несъедобность этого варева: тесто недоваренное, склизкое, а то, что должно быть мясом, – какая-то черная слизь да еще с тухловатым запахом. Нет, так дело не пойдет, здоровье дороже, и я обращаю свои взоры к «мавзолейному» бутерброду и чашке бледного спитого чая. Все-таки меньше риска для жизни. Устраиваюсь поудобней и принимаюсь за трапезу. Черствый хлеб и малоаппетитная колбаса не могут испортить приподнятого настроения. В чемодане аккуратно уложенные в папочку подписанные мамой заявления о пересмотре дела. Думаю, что и для нее мое посещение не пройдет бесследно. К концу второго дня она стала как-то живее, активнее, разговорчивее. Не зря я сделал и небольшой, всего около тысячи километров, крюк и заехал в Балхаш к Шимелиовичам. Три дня я втолковывал в моего пессимистически настроенного друга, что в Москве многое меняется, что его отец вот-вот объявится, как появляются из лагерного небытия люди, пропавшие много лет тому назад, что надо писать, тормошить, просить, требовать. На меня пусть посмотрит: принимают заявления, разговаривают, советуют, обещают. Разве это не признаки нового? Я полон радужных надежд. А моя поездка, легко полученное разрешение на свидание разве не говорят о сдвигах? Но Лева саркастически улыбается в ответ и отказывается что-либо предпринимать: он не видит никаких существенных сдвигов. По-прежнему он, Хиена Наумовна и сестра Юля раз в неделю регулярно ходят в местное КГБ отмечаться, как положено ссыльным. Мои слова его не убеждают.

И все же поездку в Балхаш к Шимелиовичам считаю удачной. Во-первых, привез им в подарок пять лимонов. Во-вторых, повидались, в-третьих, посмотрел новый город Балхаш. Город грязный, приземистый, угрюмый. Незабываемое впечатление оставил базар, куда я ходил с Хиеной Наумовной за репчатым луком. Несколько пустых прилавков. Только за одним маячила сгорбленная фигура старика. Мы подошли к этому единственному продавцу, перед которым в кепке лежало одно яйцо. Тоже познавательная картинка в копилку моих жизненных наблюдений. Но, конечно, самое главное впечатление произвели разговоры с Левкой. Я ему о том, как ходил по инстанциям, о встречах в приемной прокуратуры. Он – о том, как мытарился по пересылкам, как встретился с мамой и сестрой. А арест его обставили таким образом. Вызвали из Москвы в Калугу, где он работал, отобрали партбилет, а потом на обратном пути на вокзале перед посадкой в вагон разыграли комедию ареста. Зачем было разыгрывать сцену из детективного фильма?

В буфете я по-прежнему один, даже буфетчица куда-то ушла. Тихо, тепло. А перед глазами картина из окна самолета: на белом поле грязные, черные пятна со щупальцами подходящих к ним дорог. В центре каждого такого грязного пятна правильные параллелепипеды бараков, и четко видна зона, а иногда и вышки по краю зоны. Черные пятна на белом. Их очень много, одно за другим, одно сменяет другое все время, пока летим от Балхаша до Караганды. Гениально назвал Солженицын – Архипелаг ГУЛАГ!

...Снаружи в буфет доносится голос диктора, время от времени сообщающего об отлете или посадке самолетов. В основном это местные рейсы. Слушаю не очень внимательно, так как прошло не больше часа из трех часов ожидания отлета. Спешить некуда. Можно расслабиться. Все же дни были напряженные.

Вдруг мне показалось, что кто-то произнес мою фамилию. Что такое? Диктор повторяет объявление: «Пассажира рейса №... “Балхаш – Москва” Лясса просят пройти в комендатуру аэропорта».

Первое, что я ощутил, – это чувство страха. Страх, возникший где-то под ложечкой, окутывает все тело, ноги стали ватными.

Каждое слово молотком ударяет по нервам. Сразу всплывает в памяти рассказ Левки об аресте на железнодорожном вокзале. Все точно. Все так же. Кому я здесь, в Караганде, нужен, как не им? Кто еще здесь обо мне знает? Но зачем таким вот образом? Зачем это объявление по радио? Ну как же: у них приказ меня арестовать, а меня они не знают, фотокарточки нет, вот и выманивают. Я сам и представлюсь тем, кто меня ищет: «Вот он я!» Нет, фигу. Не дамся. В буфете пусто, здесь я в безопасности, где я, они не знают. Что делать? Звонить в Москву! Сразу Москву не дадут, да и есть ли отсюда телефонная связь с Москвой? Незаметно убежать и потихоньку поездом до дому. Глупо. Там меня схватят, да и денег практически не осталось. Ладони покрылись влажным липким потом. Сразу отбило желание жевать мавзолейный бутерброд. Заберут, обыщут, а в чемодане мамины заявления и письма, целый пакет писем! А в письмах наверняка строчки не для глаз МГБ. Как я всех подвел! Дурак, поддался на провокацию. Обрадовался, что дали свидание так легко и просто, почти без хлопот и там в Москве, и здесь, в Долинке. Здорово же они меня разыграли, а я, болван, поверил им: «Есть изменения, все улучшается, все образуется, все вернется»... И Терехов – подлец, провокатор, указал даже адрес. Теперь всем в зоне, кто связался со мной, и самой маме добавят. Точно, добавят. И уничтожить «улики» невозможно: они в чемодане, а чемодан в самолете. И здесь дал маху. Был бы чемодан со мной, спокойно все уничтожил бы, а потом можно и сдать. Все легче, чем быть невольным передатчиком такого количества «нелегальных» писем. Вот Левка – молодец, ничего мне не написал, никакого заявления. Прав, как всегда! Нельзя им верить. А я-то, дурак, поверил, расслабился: все будет хорошо, наши скоро вернутся...

Четкие слова, словно тяжеловесные гири: «Пассажир Лясс, следующий рейсом №... “Балхаш – Москва”, вас просят пройти в комендатуру аэропорта».

Ощущение загнанного зверя, обложенного со всех сторон, податься некуда. Выход один: им в лапы. Выхожу из буфета. В зале все по-старому, людей тьма. Вот и комендатура. Открываю дверь. В комнате за столом сидит мужчина в

штатском, на голове фуражка с аэрофлотовским гербом. Рядом на стуле – толстый субъект с бобровым воротником, явно не гэбэшного вида. И больше никого. Ожидаемых мальчиков в серых пальто и серых шляпах не видно. Прячутся, значит, разыгрывают комедию. Любят они дешевые эффекты.

Говорю, что по радио просили явиться.

– А, вы – Лясс? Очень хорошо. У нас к вам просьба. Ваш рейс имеет посадку в Свердловске. А товарищу как раз нужно в Свердловск, но больше туда сегодня самолетов не будет. А вот через пятнадцать минут вылетает самолет прямо на Москву через Куйбышев. Не будете ли вы любезны поменяться с этим товарищем билетом. Да и вам легче, не нужно ждать еще два часа, и в Москве будете часов на пять раньше. Мы просим вас, пожалуйста...

Выдерживаю паузу, чтобы перевести дух.

– Ну что ж, отвечаю, особых возражений нет. Но в том самолете у меня в багаже чемодан.

Вместе с комендантом бегом за чемоданом и с чемоданом к другому самолету. Меня подхватывают подмышки и поднимают в салон. Чемодан вталкивают следом. Дверь захлопывается. Предлагают «взлетную» конфетку. Очень кстати: во рту все пересохло...

МАМА – ДОМА!

4 сентября 1954 года. В начале августа помощник полковника Г.А. Терехова (фамилию не помню) объявил мне, что дело пересмотрено и мать реабилитирована. Остались какие-то формальности, и маму, находящуюся сейчас во внутренней тюрьме на Лубянке, выпустят. Больше того, дают мне номер телефона того, кто ведет сейчас дело по реабилитации и оформляет дело мамы на Лубянке, и просят обращаться прямо к нему. Неслыханно, но факт. Звоню.

Да, все так.

– Принципиально решение принято, остались формальности.

– Ну и когда же вы выпустите маму?

– Позвоните через неделю.

Звоню в назначенный срок.

– Нет, еще не оформлено. Чувствует она себя хорошо, передает привет.

Позвоните через неделю.

– Могу я с ней поговорить хотя бы по телефону?

– Нет, не положено. Не волнуйтесь, все будет в порядке. Звоните, лучше утром, часов до десяти.

Неделя проходит в нервном ожидании. Работать не могу. В голове прокручивается все, что было. Наконец мама будет дома. Она будет не помилована, а реабилитирована. Надо будет взять отпуск и увезти ее на юг, к морю. Там она отдохнет, начнет приходить в норму. Не понравилась она мне на свидании в Сарепте, какая-то заторможенная, безынициативная, опустившаяся. Такой я ее никогда не видел. Сломалась. Вернее, ее сломали. Как бы не наделала глупостей сейчас, как бы не сорвалась, когда уже так близко освобождение.

Звоню в договоренное время – длинные гудки, никто не отвечает. Через полчаса – длинные гудки. Еще через час – никого. Назавтра – никого, еще день – пус-

то. Связь прервалась. Бегу на Кирова, 41, к моему прокурору, Г.А. Терехову. Принимает по-прежнему доброжелательно. Значит, ничего не изменилось за эти дни. Звонит куда-то.

– Тот, кто сейчас ведет дело вашей матушки, в командировке. Будет через пару недель. Звоните по тому же телефону.

4 сентября. Звоню утром из автомата перед работой. Слава Богу, на месте! Меня узнает сразу.

– Да, это я, очень рад, что вы вернулись. Когда же вы отпустите маму? Какие еще там недоделки? У меня уже куплены для нас билеты на поезд. Да, уезжаем на юг. А как вы думаете, она заслуживает отдых? Два года у вас. Сейчас каждый день имеет значение, каждый час, а вы тянете уже больше месяца после решения прокуратуры о ее реабилитации.

В ответ какие-то малозначащие, ничего не объясняющие фразы.

– Когда же мне опять звонить?

– Да нет, звонить не надо. Скоро вы получите вашу мать. Она и нам здесь достаточно досаждала.

Начинаю прием. Больных много. Минут через двадцать просят подойти к телефону в кабинет заведующей поликлиникой. Прошу подождать, так как за экраном больной. Прервать исследование нельзя. У пациента подозрение на рак. Поспешить – пропустишь. Работа ювелирная, надо проследить весь ход складок слизистой желудка. А в голове: откуда звонок? Отсылаю лаборантку к телефону, прошу узнать откуда.

Звонит бабушка из дому, просит позвонить. Конечно, она волнуется. Ждет дочь. Все напряжены, а каково ей под старость пережить столько?!

Кончаю исследование – и к телефону. Звоню. Мама дома!

Как я кончил работать, как смотрел больных, как добирался, не помню.

Звоню, открывают дверь. Мама в обычном для нее халате убирает в доме. Посуда уже вся перемыта. Сейчас натирает пол. Поза и движения почти профессиональны.

– Что ты делаешь?! Ложись, отдохни!

– Ничего. У вас здесь грязновато. А я научилась очень хорошо натирать полы. На Лубянке, в камере, пол паркетный, и нас заставляли его натирать ежедневно до блеска. Охранники очень за этим следили. Знаешь, я там некоторое время сидела с сестрой Вейцмана.

И добавила совсем тихо, почти шепотом, вскинув глаза к вентиляционной решетке:

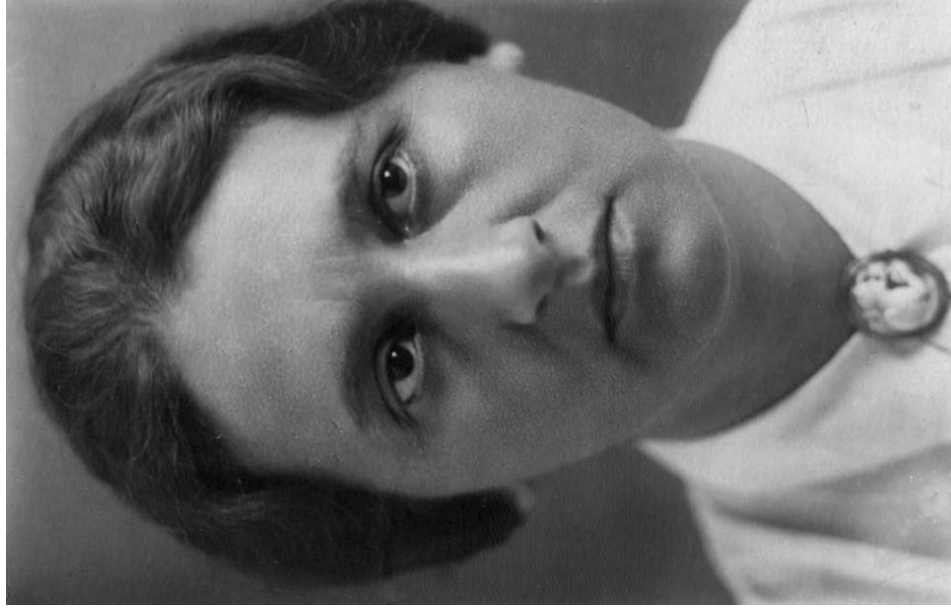
– Да, того самого, – и одними губами, – президента Израиля.

И снова обычным голосом:

– Очень интересная женщина, мы с ней подружились. Так когда ее привели в камеру ко мне, она прежде всего сказала: «Ну, слава Богу, пол натерт, а то я боялась, что придется мне самой его натирать».

**С тех пор прошло много лет, но те дни, часы и минуты
в памяти – навсегда...**

За одной фотографией - тысяча слов...

*Мама - Евгения Федоровна Лившиц - врач-педиатр
Лечебно-санитарного Управления Кремля. 1944 г.*

*Мамина пациентка Светлана - дочь Василия
Сталина и его второй жены Е. Тимошенко
(дочери маршала С.К. Тимошенко). 1946 г.*

15372 Лившиц Евгения Федоровна 1900

*Мама в первый день во Внутренней тюрьме
МГБ (на Лубянке). 5 июля 1952 г.*

Папа - Мирон Акимович Лясс - главный терапевт Главного военного госпиталя Красной армии им Н.Н. Бурденко. 1945 г.

Бабушка - Фейга Лейбовна Лившиц, мать мамы. 1949 г. Во время обыска она обвела вокруг пальца следователей МГБ...

Федор Лясс и Лариса Закоманская - молодожены. Апрель 1952 г., за два месяца до ареста мамы.

Из письма дочери Мирона Семеновича Вовси - Любочки, так мы ее по-прежнему называем, несмотря на то, что ей уже за 80...(Апр., 2006 г.)

Милые Лорочка и Федя.

Пользуюсь okazjiей, чтобы послать памятные материалы и кое-какие фотографии. Папина фотография последняя уже с пониманием сути болезни ...

В последние месяцы он напряженно работал над двумя итоговыми книжками: лекциями по кардиологии и томом по нефрологии (в многотомном руководстве Г.Ф. Ланга).

На столе гора папок. Это в кабинете на площади Восстания. Договора об издании этих книг он получил в самые последние дни, когда лежал в своем кабинете в Боткинской б-це; его это очень тревожило, и он был почти счастлив (насколько это было возможно в его ужасном состоянии), когда все формальности были улажены. <...> Конечно, книги такого рода быстро устаревают.

Ведь 5 июня уже исполнилось 43 года, как его нет. <...>

Сделала копию с фотографии с 1947 года около «Красной стрелы» в Ленинграде. На этом съезде были два студента, как отметила мандатная комиссия. Это был ты севой. <...> Люба.

Фотография М.С. Вовси за год до смерти, последовавшей 5 июня 1960 г. от саркомы костей голени. Ему было всего 63 года. Опухоль появилась через 6 лет после перенесенных побоев во время следствия во Внутренней тюрьме МГБ на Лубянке.

(Добавлю: моя мама умерла в 1961 г. от злокачественной опухоли головного мозга (метастаз меланомы), ей было 60 лет. Опухоль появилась тоже через 6 лет после перенесенных побоев во время следствия. Появление злокачественных опухолей костей и кожи онкологи связывают с перенесенной физической травмой в трети случаев с латентным периодом 4-7 лет. - Ф.Л.)

Делегаты из Москвы, прибывшие на 13-й Всесоюзный съезд терапевтов. 1947 г. Спереди - М.С. Вовси и Б.Б. Коган. Между ними их супруги: Вера Львовна и Ася Ивановна.

Великая отечественная война. Москва, 1943 год. Участники совещания главных терапевтов фронтов в Главном военном санитарном управлении Красной армии.

Сидят, слева направо: **В.Х. Василенко** (Северо-Кавказский и 1-й Украинский фронты); **А.Н. Новодворский** (Войско Польское); **Б.А. Залкинд** (2-й Белорусский); **А.Н. Николаев** (Южный, Северо-Кавказский, 2-й Белорусский); **Е.И. Смирнов** (начальник Гл. военно-санитарного упр. Красной армии); **М.С. Вовси** (гл. терапевт Красной армии); **Э.М. Гельштейн** (Ленинградский); **М.Ф. Рябов** (Донской, Центральный и 1-й Белорусский). Стоят, слева направо: **В.А. Равич-Щербо** (Сталинградский, Южный и 4-й Украинский); неизвестное лицо; **Н.С. Молчанов** (Волховский, Карельский, 1-й Дальневосточный); **М.А. Лясс** (Карельский, 3-й Прибалтийский); **А.В. Круковеров** (Воронежский, 1-й Украинский и 2-й Белорусский); **П.И. Егоров** (зам. гл. терапевта Красной армии, гл. терапевт Западного Ленинградского ф-тов).

(Жирным шрифтом выделены фамилии тех, кто был арестован или связан с «Делом врачей-вредителей».)

ДОКУМЕНТЫ СВИДЕТЕЛЬСТВУЮТ

Кровавое начало Еврейского антифашистского
комитета

*

Было ли «Крымское дело» крымским?

*

Расстрельные списки Сталина не для «Дела ЕАК»

*

«Убийцы в белых халатах» и их вклад
в советское здравоохранение

*

Лидия Тимашук как символ

*

Высокопоставленные советские евреи пишут
письмо в газету «Правда»

*

Советским евреям депортация предстояла!

*

Как начался Последний политический
процесс Сталина, и завершился ли он?

*

Когда Всевышний на жизни
Сталина поставил точку?

Имей мужество пользоваться собственным умом.

И. Кант

*Будь тверд в своих убеждениях,
как твои противники в своих.*

С. Дубнов

Если кто-либо захочет упрекнуть меня в том, что я выступаю в тоне обвинителя против тиранов и их разбойничьей шайки, или что я изливаю свое горе над несчастьем моей отчизны, то да простит он мне это отступление от законов историографии, являющееся следствием моего душевного настроения...

Иосиф Флавий

Научно-публицистические заметки
об эпохе «Позднего сталинизма»,
ее организаторе и вдохновителе,
а также о людях, вовлеченных
в водоворот трагических событий
конца 40-х — начала 50-х гг.

КРОВАВОЕ НАЧАЛО ЕВРЕЙСКОГО АНТИФАШИСТСКОГО КОМИТЕТА (Осень 1941 года)

О конце Еврейского антифашистского комитета (ЕАК) теперь известно многое. Через пять лет после зверского убийства С.М. Михоэлса, трех с половиной лет заточения и изнурительного следствия в застенках Лефортова и Лубянки, а затем закрытого суда тринадцать евреев – известные ученые, общественные деятели, поэты, писатели – были расстреляны 12 августа 1952 г. Кровавый финал членам ЕАК организовал Сталин.

А каково было начало? Как создавался ЕАК? Все ли было так гладко, как это описывается в различных статьях, книгах и энциклопедиях? Нет, на деле было совсем не так гладко. Более того, первые шаги ЕАК тоже были обгажены кровью.

Речь пойдет о событиях, предшествовавших созданию Еврейского антифашистского комитета, о двух известных на Западе еврейских политических деятелях – Генрихе Эрлихе и Викторе Альтере, которым была навязана роковая роль в политической игре советского руководства.

Еврейский антигитлеровский комитет

Сентябрь 1939 года. Началась Вторая мировая война. Польша попала в тиски немецких и советских войск. В числе беженцев, спасающихся от немецких фашистов, были Генрих Эрлих и Виктор Альтер. Видные деятели Бунда, социалисты, участники Февральской революции 1917 года в России, известные журналисты и профсоюзные деятели. Они перед войной были гражданами Польши. Оказавшись на территории, занятой советскими войсками, уже через месяц после начала Второй мировой войны они были арестованы органами НКВД: Эрлих – 4 октября в Брест-Литовске, а Альтер неделей раньше – в Ковеле. Следствие велось два года. Им было предъявлено обвинение в сотрудничестве с международными буржуазными элементами, с польской контрразведкой и с якобы действующим в СССР бундовским подпольем. В частности, одним из пунктов обвинения была критика пакта Молотова – Риббентропа.

Карательная машина НКВД сработала только к лету 1941 года. Через несколько недель после нападения Гитлера на Советский Союз Эрлиха и Альтера приговорили к смертной казни, но заменили ее десятью годами лагерей. На них не распространили указ Президиума Верховного Совета СССР от 12 августа 1941 г. об амнистии арестованным на советской территории польским гражданам, бежавшим от Гитлера. Они так и остались в лагерях.

И вдруг в середине сентября 1941 г. их этапом привезли в Москву и после кратковременного пребывания во внутренней тюрьме на Лубянке освободили. Поместили их в комфортабельных номерах лучшего по тем временам отеля –

«Метрополь», в центре Москвы, рядом с Лубянской, где находилось здание НКВД, в лапах которого они провели два предшествующих года. Что же так изменило судьбу этих активных политических деятелей, руководителей польского Бунда, не скрывавших в довоенное время своего отрицательного отношения к большевистскому режиму и лично к Сталину? Чем объясняется такой крутой поворот в их судьбе?

Положение в начале войны в СССР складывалось катастрофическое. Немецкая армия, не встречая серьезного сопротивления, продвигалась на восток, занимая один город за другим, окружая и уничтожая крупные армейские группировки Красной армии. Обстановка вынуждала советскую власть резко изменить внешнюю политику по отношению к западным демократиям, бывшим своим противникам. Нужно было срочно искать союзников. Поэтому желательно было как можно быстрее привлечь на свою сторону зарубежные культурные и национально-религиозные объединения, влиятельных общественных деятелей, писателей, ученых с мировым именем, широкую общественность. В такой момент было уже не до экспорта коммунистических идей.

Роль ходатаев перед зарубежной еврейской общественностью предназначалась Генриху Эрлиху и Виктору Альтеру. Их решили использовать для мобилизации еврейских финансов стран Запада на поддержку военных усилий СССР. Этим и объясняется крутой поворот в их судьбе.

С ними начали вести переговоры, в которых участвовал и сам нарком внутренних дел, генеральный комиссар госбезопасности, заместитель председателя Государственного комитета обороны, заместитель председателя Совета народных комиссаров СССР Л. Берия и ряд ответственных работников НКВД. В ходе этой «обработки» возникла мысль создать Еврейский антигитлеровский комитет (ЕАГК). Эта идея попала на уже подготовленную почву – 24 августа 1941 г. состоялся первый радиомитинг «Представителей еврейского народа». Вот что о нем писала «Правда» на следующий день.

«С речами выступили народный артист СССР С.М. Михоэлс; еврейский поэт Перец Маркиш; участник боев с германскими фашистами, боец Красной Армии Ероним Кузнецов; еврейский писатель Давид Бергельсон; русский ученый, действительный член Академии наук СССР, член Английского королевского общества, лауреат Сталинской премии профессор П.Л. Капица; заслуженный деятель искусств, известный кинорежиссер С.М. Эйзенштейн; лауреат Сталинской премии, академик архитектуры Б.М. Иофан; немецкий писатель Т. Пливье; писатель С.Я. Маршак; писатель Илья Эренбург; сотрудник американской еврейской прессы Шахно Эпштейн. Возволнованно и страстно звучали речи ораторов. Они призывали евреев всего мира к священной борьбе против фашистских убийц и насильников, заливающих города и села Европы кровью народов».

Было принято обращение к мировому еврейству:

«Братья-евреи во всем мире!

<...> Наш призыв несется к вам вместе с голосом невинной пролитой крови миллионов евреев. Наше слово несется к вам как сигнал, вызывающий к сопротивлению и мести. Пусть каждый день приближает вас к часу расплаты с врагом! Пусть с каждым часом все ярче разгорается в вашем сердце священное пламя мести! Пусть каждая минута ваша будет исполнена готовности к действию. <...> Человечество освободится от коричневой чумы!

Ваш долг – помочь ее выжечь! Пусть и ваша доля будет в этой священной войне!»

Согласно документам, опубликованным Ш. Редлихом (247), евреи, организовавшие и замечательно прошедшие вышеупомянутый митинг, не собирались создавать такой общественный орган, как Еврейский антифашистский комитет. Их задача была значительно скромнее: добиться возрождения еврейской газеты на идиш «Дер Эмес», закрытой в 1938 г. И по настоятельному предложению С. Михоэlsa, П. Маркиша, С. Галкина, Д. Бергельсона, Л. Квитко, И. Нусинова, В. Зускина, Э. Фининберга и других такая газета была создана под названием «Эйникайт». Ее выпуск приурочивался ко Второму всееврейскому радиомитингу, который намечалось провести 24 мая 1942 г.

В начале сентября 1941 г. появилась «Записка Управления пропаганды и агитации в Секретариат ЦК ВКП(б)». Вот ее содержание:

«Группа еврейских писателей, артистов и научных работников обратилась в ЦК ВКП(б) с просьбой организовать в Москве издание центральной еврейской газеты. До войны еврейские газеты издавались на Украине, в БССР и в прибалтийских республиках. Сейчас в СССР издается только одна еврейская газета – в Биробиджане.

Управление пропаганды вносит предложение организовать с 15 октября 1941 года издание еврейской газеты в гор. Москве, периодичностью один раз в неделю, тиражом 10 тыс. экз.

На издание газеты до конца 1941 г. потребуется 3,5 тонны бумаги.

Проект постановления ЦК ВКП(б) прилагается.

Зам нач. Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) А. Пузин»

О создании Еврейского антифашистского комитета в этой «Записке» – ни слова, только просьба о газете, на что имеется резолюция А.А. Андреева (председателя Комиссии партийного контроля): «А. Щербакову. Сомневаюсь, нужно ли?».

В то же время, в сентябре 1941 г., общественный орган под названием «Еврейский антигитлеровский комитет» (ЕАГК) родился не на митингах, а в недрах НКВД, на Лубянке. По освобождению из тюрьмы Эрлих и Альтер на квартире Маркиша познакомились со многими представителями еврейской общественности СССР, в том числе с С. Михоэлсом и И. Фефером. Там-то и был намечен состав президиума будущего комитета: Эрлих – председатель, Михоэлс – вице-председатель, Альтер – секретарь.

Первейшей задачей нового комитета было ведение антинацистской пропаганды, помощь беженцам из Польши, содействие в мобилизации их в состав польской армии под командованием генерала Андерса. Были планы создать в США еврейский легион, который затем вошел бы в состав Красной армии и начал бы активно сражаться с гитлеровцами на советско-германском фронте.

События развивались стремительно, и уже через месяц после выхода из тюрьмы Эрлих и Альтер, по предложению Берии, который лично обсуждал с ними проект, письменно обратились к Сталину. Берия, будучи в то время наркомом внутренних дел, судорожно искал выход из катастрофического положения, создавшегося из-за того, что Сталин и Молотов пошли на сговор с Гитлером, предварительно уничтожив почти поголовно квалифицированные военные кадры. Вот выдержка из обращения Г. Эрлиха и В. Альтера к Сталину о создании Еврейского антигитлеровского комитета:

Глубокоуважаемый Иосиф Виссарионович!

Никогда еще цивилизованное человечество не стояло перед лицом такой опасности, как сейчас: Гитлер и гитлеризм стали смертельной угрозой для всех завоеваний человеческой культуры, для независимости всех стран и для мира всех народов.

Судьба рабочего движения и всего человечества зависит от исхода гигантских сражений, что ведутся сейчас на огромной территории Советского Союза. <...> Гитлер стремится поработить всех без исключения – страны и народы. Однако евреи – это те, кого он преследует с особой свирепостью <...> Видимо, его цель состоит в уничтожении всего еврейского народа. Поэтому понятно, почему еврейские массы должны участвовать в битве против гитлеризма с особой энергией и духом самопожертвования. Это относится к еврейским гражданам тех стран, в которых гитлеровское варварство превратилось из угрозы в страшную реальность. Это относится в равной степени к гражданам и других стран.

Поэтому, нижеподписавшиеся, как типичные представители еврейского населения стран, павших жертвой гитлеровской агрессии, в качестве отправной точки считают необходимым учредить специальный еврейский антигитлеровский комитет, и в качестве инициативной группы обращаются к Вам, глубокоуважаемый Иосиф Виссарионович, как Председателю Совета Народных Комиссаров Советского Союза, с просьбой, чтобы Вы разрешили учреждение на Советской территории такого комитета. <...>

С социалистическим приветом
Г. Эрлих, В. Альтер

Как только Эрлих и Альтер выпустили из застенков НКВД, они начали активную общественную деятельность и развернули подготовительные работы для начала деятельности Еврейского антигитлеровского комитета: готовили помещение, организовали вызовы в Москву его будущим сотрудникам. Эрлих и Альтер приняли советское гражданство и начали активно действовать, поверив увещаниям прикрепленного к ним бывшего их следователя полковника Аркадия (он им представился как Арон) Волковысского и капитана Хазановича, которые просили бывших заключенных считать прежнее жестокое обращение

ние с ними досадной ошибкой. Эрлих и Альтер поверили извинительным речам наших прожженных НКВДэшников и начали действовать по западным демократическим правилам.

Они задумали создать в странах, которые были против гитлеровской Германии, антифашистские еврейские комитеты, заручиться поддержкой лидеров Бунда в организации материальной помощи воюющему Советскому Союзу, для чего запланировали поездку в Англию и США. Они надеялись своими действиями в стране и за рубежом смягчить сталинский режим и направить его по пути демократизации. У них были настолько наивные представления о стране, в которой они находились, они настолько не понимали ее, что поставили перед «кураторами» из НКВД условие: им предоставят возможность действовать самостоятельно.

Но и этого показалось им мало. Альтер и Эрлих наладили постоянные контакты с послом Великобритании С. Криппсом и послом Польши С. Котом и начали выполнять задания эмигрантского правительства Польши, находившегося в Лондоне. Разыскивая пропавших польских военных, они тем самым затронули один из самых больших секретов, охраняемых Сталиным и Берией, – расстрел польских офицеров в Катynie и Медном.

К началу октября 1941 г. немцы подошли к Москве. В Москве началась массовая эвакуация учреждений, в том числе дипломатического корпуса, а 16 октября вошел в историю как день всеобщей паники. Накануне из Москвы в Куйбышев эвакуировались вместе с советскими партийными ответственными работниками и иностранными дипломатами Альтер и Эрлих.

Организация ЕАГК застопорилась, хотя все было почти готово: представленный Эрлихом и Альтером проект ЕАГК был одобрен, и со дня на день ждали окончательного решения Сталина. Уже говорили о дате открытия Комитета, в который предполагалось привлечь в качестве почетных членов представителей советского правительства, а также польского, английского и американского посольств. Удрученные вынужденным бездействием, Эрлих и Альтер обратились к начальнику управления НКВД г. Куйбышева с просьбой устроить им срочную встречу с теми сотрудниками НКВД, которые вели с ними переговоры еще в Москве. Ведь они еще до эвакуации из Москвы написали Л. Берии:

«Глубокоуважаемый Лаврентий Павлович!

Согласно разговору с Вами мы провели ряд обсуждений, имевших целью выработку деталей в соответствии с принципами, в отношении которых мы достигли с Вами взаимопонимания. Результатом этих размышлений стало обращение к председателю Совета Народных Комиссаров инициативной группы в отношении учреждения Еврейского антигитлеровского комитета, соединенное с просьбой о разрешении создать такой комитет на территории Советского Союза. <...> Одновременно мы обращаемся к Вам, глубокоуважаемый Лаврентий Павлович, с просьбой в достижении этой цели, чтобы она была рассмотрена быстро и решена положительным образом.

С социалистическим приветом Г. Эрлих и В. Альтер».

Ответ Сталина

3 декабря 1941 г. к ним в гостиницу позвонил Хазанович и пригласил Г. Эрлиха и В. Альтера в местное управление НКВД, известив, что приехал из Москвы представитель, ранее участвовавший в переговорах. Он привез ответ от Сталина и попросил зайти ознакомиться с ним. Уверенные, что пришел конец вынужденному бездействию, они направились в НКВД, надеясь, что там они получат долгожданный ответ от Сталина о начале работы ЕАГК и о поддержке их планов.

Больше их никто не видел. Они исчезли.

Попытки западных друзей и соратников Эрлиха и Альтера – людей, хорошо известных в кругах социалистов, – выяснить их судьбу ни к чему не привели. На просьбы президента Американской федерации труда У. Грина и А. Эйнштейна, обращенные к В. Молотову, МИД СССР ответил, что «...в октябре-ноябре 1941 года Эрлих и Альтер систематически вели предательскую деятельность, призывая войска прекратить кровопролитие и немедленно заключить мир с фашистской Германией», и на основании приговора Военной коллегии Верховного суда СССР были казнены. А на запрос польского посла в СССР С. Кота замнаркома иностранных дел Вышинский заявил, что они «германские агенты» и цинично добавил: «Варшава обойдется без Эрлиха и Альтера».

Теперь, благодаря работе Ш. Редлиха (247), нам стала доподлинно известна судьба этих незаурядных людей, фактических инициаторов организации еврейского антифашистского движения.

Они действительно получили ответ из Москвы. Более того, он пришел лично от Берии, которого они считали своим «другом и соратником». Это был ордер на арест, предъявленный им полковником Л.Ф. Райхманом. К ордеру было приложено предписание эвакуированному в Куйбышев 1-му спецотделу НКВД СССР немедленно водворить руководителей Бунда в одиночные камеры внутренней тюрьмы, имена их засекретить и впредь называть только по номерам камер, в которых они сидели, – «41-й» и «42-й».

Попытки арестованных узнать причину их ареста оказались безуспешными. Работники Куйбышевского УНКВД действительно ничего не знали о причинах ареста. Все шло через Берию напрямую от Сталина. Альтер в жалобе на имя Берии написал: «<...> Сам я не мог догадаться ни о какой разумной причине столь неожиданного финала наших переговоров, основанных на взаимном доверии <...>», а Эрлих, апеллируя к Президиуму Верховного Совета СССР, сообщает: «<...> Постановления об аресте мне до сих пор не предъявлено и даже устно не объяснено, в чем я обвиняюсь <...>».

Профессор Шимон Редлих подробно проанализировал новый материал из архивов КГБ, стараясь найти причины повторного ареста Эрлиха и Альтера. Он высказывает несколько версий. Первая – Сталин и Берия решили, что это

лучший способ предотвратить личную встречу посетившего Советский Союз премьер-министра польского правительства в эмиграции Сикорского с Эрлихом и Альтером и возможную утечку через них информации о судьбе польских офицеров, пропавших весной 1940 г. Вторая – слишком независимое поведение Эрлиха и Альтера, тесные связи с сотрудниками английского и американского посольств и желание выехать в Америку. Третья – Сталин решил отказаться от идеи создания международной еврейской организации во главе с «неуправляемыми» бундовцами. Возглавляемый Эрлихом и Альтером еврейский комитет был бы политически опасным. Сталину нужна была внутренняя, сугубо пропагандистская еврейская организация, полностью подконтрольная советским властям. Международный Еврейский антигитлеровский комитет его не устраивал, и его нужно было уничтожить в зародыше.

Еврейский антифашистский комитет – начало

Эрлих и Альтер исчезли. После этого было дано распоряжение подключить «евреев творческого труда» к созданию чисто советской еврейской организации. Для осуществления такого замысла ни Эрлих, ни Альтер не годились, что и определило их судьбу (25)*. Через 10 дней после ареста Эрлиха и Альтера заместитель начальника Совинформбюро, заместитель наркома иностранных дел С.А. Лозовский послал С.М. Михоэлсу следующую телеграмму:

«15 декабря 1941г. С.М. Михоэлсу
Вы утверждены председателем Еврейского антифашистского комитета.
Просьба держать с нами непосредственную повседневную связь.
Лозовский».

Еврейский антигитлеровский комитет – конец

Как же сложилась судьба Эрлиха и Альтера? Об этом мы узнаем из приведенных в книге Ш. Редлиха и Г. Костырченко (247) неизвестных ранее документов:

18 мая 1942 г. Совершенно секретно. Донесение руководству НКВД СССР о самоубийстве Г. Эрлиха.

Тов. Бутенко доложил из Куйбышева N 9072 от 16 мая 1942 г., что в 20.00 14 мая было обнаружено в камере в Куйбышевской внутренней тюрьме, что арестованный 4-го Отдела 2 Управления НКВД Эрлих Герш-Вольф Моисеевич повесился на оконной решетке.

Старший оперуполномоченный
2 Отдела 4 Управления НКВД
лейтенант госбезопасности Мансапов.

* * *

* См. сноску на с. 48. Первая серия, кадры с 5 мин. 40 с. до 6 мин. 40 с.

17 февраля 1943 г. *Совершенно секретно.*

Донесение о казни В. Альтера.

Только лично. Заместителю народного комиссара внутренних дел Союза ССР, комиссару государственной безопасности 1 ранга тов. В.Н. Меркулову.

Доношу, что Ваше распоряжение о расстреле арестованного № 41 выполнено 17 февраля 1943 года, о чем составлен акт, который при этом направляю с личным делом.

Все документы и записи, относящиеся к арестованному N 41, мною из внутренней тюрьмы и 1 спецотдела изъяты. Вещи сожжены.

Начальник Куйбышевского областного управления НКВД, старший майор государственной безопасности Огольцов.

Это тот самый Огольцов, который дослужился до заместителя министра госбезопасности и в январе 1948 г., по распоряжению Сталина, организовал убийство С.М. Михоэлса. Он же фальсифицировал «сионистские корни» для фабрикуемого «Дела врачей-вредителей». С этой целью 10 февраля 1953 г. Огольцов дал указание арестовать шестидесятилетнюю М.Е. Вейцман, работавшую врачом Госстраха, сестру первого президента Государства Израиль. Под его личным наблюдением проводились изнурительные ночные допросы старой, больной женщины и издевательства над ней, с тем, чтобы она рассказала о якобы существовавшей связи между ее братом и Михоэлсом во время их встреч в 1943 г. в Америке, о получении Михоэлсом от ее брата «вражеских установок» и вовлечении ее, М.Е. Вейцман, в террористическую деятельность. После смерти Сталина Огольцов был арестован, но вскоре освобожден и дожил до 1977 г.

Так начиналось благое дело – создание Еврейского антифашистского комитета, много сделавшего для возрождения нашего национального самосознания, вписавшего славные страницы в историю российских евреев. Но из этого времени ни в коем случае нельзя исключать краткий, но очень значимый этап, когда Генрих Эрлих и Виктор Альтер пытались создать организацию, в задачу которой входило решение очень важных, связанных с войной, проблем попавших в беду евреев, этап, длившийся всего несколько месяцев осени 1941 г.

История ЕАК началась кроваво, так же кроваво и кончилась.

А что во времена правления Сталина не было замешано на крови?

Воистину Иосиф Кровавый!

БЫЛО ЛИ «КРЫМСКОЕ ДЕЛО» КРЫМСКИМ?

Свое официальное название «Дело Еврейского антифашистского комитета» («Дело ЕАК») получило в 1989 г. при публикации материалов о нем в 12-м номере возобновленного журнала «Известия ЦК КПСС» (123). В недрах МГБ оно шло под № 2354. В этой публикации упоминалось о том, что Г.М. Маленков и М.Ф. Шкирятов домогались у С.А. Лозовского признания в проведении им преступной деятельности. В качестве криминала фигурировало письмо, направленное И.В. Сталину за 5 лет до того, 15 февраля 1944 г., за подписью С. Михоэlsa, Ш. Эпштейна, И. Фефера (членов ЕАК) и отредактированное С. Лозовским, с предложением создать на территории Крыма Еврейскую социалистическую республику. Из текста можно было предположить, что это всего лишь одно из обвинений, предъявленных арестованным, и отнюдь не самое главное.

Следует отметить, что первая и наиболее полная информация по пунктам обвинения содержится в книгах Б. Пинкуса, изданных в 1984 и 1988 гг. в США на английском языке (224, 225). Вот эти пункты:

- 1) Подготовка вооруженного восстания с целью отторжения Крыма от Советского Союза и установления там еврейской капиталистической и сионистской республики, которая будет использоваться как оплот для американского империализма (статья 58-2 Уголовного кодекса РСФСР, максимальная мера наказания – смертная казнь).
- 2) Шпионаж в пользу иностранных государств (статья 58-6 Уголовного кодекса, карается смертной казнью).
- 3) Буржуазная националистическая и антисоветская пропаганда (статья 58-10 Уголовного кодекса, предусматривающая в особых случаях смертный приговор).
- 4) Организационная деятельность, направленная на подготовку преступлений против государства, и участие в ней (статья 58-11 Уголовного кодекса).

Следующая и наиболее полная информация о пунктах обвинения, по которым подсудимые «Дела ЕАК» были осуждены на расстрел, опубликована только в 1994 г. В.П. Наумовым в стенографическом отчете судебного процесса над членами Еврейского антифашистского комитета (202). В приговоре среди перечисления «преступных антисоветских действий руководителей ЕАК, свидетельствующих о том, что ЕАК превратился в шпионский и националистический центр», есть такие абзацы:

«...Михоэлс и Фефер договорились о мероприятиях по усилению националистической деятельности в СССР, причем Розенберг* потребовал от Михоэlsa

* Джеймс Н. Розенберг – американский миллионер, один из руководителей еврейской благотворительной организации «Джойнт». В 20-х – 30-х гг. финансировал создание в северном Крыму еврейских сельскохозяйственных колоний.

и Фефера взамен оказания материальной помощи добиться у Советского правительства заселения евреями Крыма и создания там Еврейской республики, в чем, как заявил Розенберг, американские евреи заинтересованы не только как евреи, но и как американцы.

<...> Выполняя задание Розенберга, Михоэлс, Фефер, Эпштейн и Шимелиович, с ведома и согласия своих сообщников, составили письмо в адрес Советского правительства, в котором поставили вопрос о заселении Крыма евреями и создании там Еврейской республики, причем письмо это перед отправлением в адрес правительства было отредактировано Лозовским».

Есть и другое название политического процесса над деятелями ЕАК, бывавшее в начале 90-х гг. прошлого века и иногда появляющееся сейчас среди историков и журналистов – «Крымское дело». Судя по пунктам обвинения, приведенным выше, для такого названия есть основание.

Впервые я столкнулся с этим названием только в конце 1990 г. Тогда в Москве открылась долгодействующая выставка «Книги Израиля». В небольшом помещении Министерства сельского хозяйства на Новокировском проспекте была представлена разнообразная по тематике литература об Израиле, иудаизме, истории евреев, науке, искусстве и т.д. Естественно, меня туда сразу потянуло, и первой книгой, которую я взял в руки, оказался 1-й том Краткой еврейской энциклопедии, а первая статья, которую я прочел, была «Антифашистский комитет еврейский» (с. 156 – 159). Последний абзац статьи меня озадачил:

«На состоявшемся в 1952 г. тайном процессе ведущие деятели комитета были обвинены в заговоре, имеющем, якобы, целью отделить Крым от СССР и превратить его в еврейскую буржуазную республику, которая должна была бы послужить плацдармом для врагов СССР (“Крымское дело”)».

Для меня словосочетание «Крымское дело» в связи с ЕАК и его судебным делом было новостью. В советской прессе времен перестройки упоминаний о «Крымском деле» вообще не было. И лишь приехав в Израиль, я снова встретился с упоминанием о «Крымском деле». В августе 1991 г., в преддверии проводимой ежегодно памятной встречи в Иерусалиме у обелиска с именами расстрелянных 12 августа 1952 г. деятелей ЕАК, в еженедельнике «Пятница» (приложении к газете «Наша страна») на целом развороте была помещена статья Якова Айзенштата об этой горькой дате под заголовком крупным шрифтом: «Крымское дело», и шрифтом поменьше в скобках: (Дело Еврейского антифашистского комитета) (5). Такое заглавие статьи не соответствовало тому, что я знал о «Деле ЕАК». И я опять обратился к «Краткой еврейской энциклопедии». В 4-м томе (с. 602) есть статья «Крымское дело». В ней повторено почти дословно определение, данное этому «Делу» в 1-м томе:

«...условное название антиеврейского закрытого судебного процесса в Москве (июль 1952 г.), где "подсудимые были обвинены в заговоре, ставившим целью отделить Крым

от Советского Союза и основать там буржуазную сионистскую республику, которая должна стать базой для американского империализма».

Периодическая печать, как в бывшем Союзе, так и в Америке и Израиле, то и дело использовала и продолжает использовать это название для обозначения «Дела ЕАК». Под таким названием вышли статьи Матвея Гейзера (82), Якова Айзенштата (5) и Шимона Редлиха (247). Этим же термином неоднократно пользуется Б. Пинкус в своем фундаментальном труде, посвященном евреям Советского Союза (224). Термин, переходя из материала в материал, получал право гражданства.

Право каждого исследователя выбрать термин, однако он должен соответствовать строгим научным критериям и наилучшим образом характеризовать выражаемое понятие, не вызывая неправильных ассоциаций. А термин «Крымское дело» применительно к «Делу ЕАК» как раз и вызывает такие ассоциации. И все же я вряд ли начал бы терминологический спор о предложенном рядом историков и подхваченном журналистами названии, если бы новое обозначение не несло ошибочную смысловую нагрузку, если бы это название не привело к неправильной нравственной оценке деятельности членов ЕАК. В ряде журналистских статей прозвучали обвинения деятелей ЕАК в попытке воспользоваться выселением крымских татар для размещения на освобожденных землях Еврейской автономии. Более того, их обвиняли в том, что они были причиной выселения татар.

Ладно, если бы эти упреки исходили от юдофобов, шовинистически настроенных недоброжелателей, во всем видящих козни евреев и жидомасонов, скажем, от Б. Антонова, который в своей статье «Палец Сиона в татарском пироге» (22) утверждает, что инициаторами выселения татар из Крыма были евреи, и это решение было принято с целью колонизации ими Крыма. Эту же версию с упреками в нечистоплотности евреев поддерживает идеолог русофильского движения, историк, постоянный автор газеты «Русский вестник» А.М. Иванов (121). Уже сейчас, в начале XXI века, спустя 60 лет после описываемых событий Еврейскому антифашистскому комитету вменяется как политическое преступление «отторжение Крыма» в пользу евреев. Станислав Куняев, редактор журнала «Наш современник», проповедник нынешнего российского антисемитизма, считает оправданным уничтожение С.М. Михоэлса и расстрел членов правления ЕАК, так как они «злонамеренно посягнули отобрать у России Крым» (217).

К большому сожалению, не разобравшись в существе вопроса, к этим напакам присоединились и вполне уважаемые авторы, отнюдь не зараженные бациллой антисемитизма. «Негоже претендовать на земли изгнанных в Сибирь крымских татар», – пишет И. Косинский (138). В том же ключе, не менее эмоционально, пишет о попытке еврейских активистов использовать «уникальный шанс, открыв своему многострадальному народу двери в райский уголок», Аркадий Ваксберг (58): «Уникальность шанса состояла в том, что Крым только что подвергся варварской акции Сталина, депортировавшего в глубь страны по облыжному обвинению в тотальной измене все коренное население – крымских татар...». Далее

А. Ваксберг замечает, что решать судьбу одного гонимого народа за счет другого, тоже гонимого, было совершенно недопустимо: «На чужих костях, на чужом горе, на чужой беде свое счастье не построишь» (53). В статье М. Гейзера «Крымское дело» читаем: «Почему Крым? Если только из-за того, что Крым оказался свободным (незадолго до этого выселили татар), тогда это письмо кощунство» (82).

Но этого мало. Уже в 2000 г. Ю. Власов (цит. по 92) конкретизирует, как он считает, «постыдную просьбу» евреев и доводит ее до того, что выселение татар из Крыма было осуществлено по их просьбе:

«...евреи просят отдать земли, занятые другим народом. Следовательно, они предлагают выселить, изгнать этот народ, а освободившееся место отдать им (все закручивалось по совпадающим признакам будущей палестинской трагедии, но на землю Палестины у евреев имелись хотя бы библейские права, а Крым с какого бока?). Это типично сионистская постановка вопроса...

Таковы факты, что там ни толкуй, ни пиши, а под документом три подписи; среди них... Михозлса, воплощения иудейской чистоты и талантливости. И уже совершенно иной предстает деятельность Еврейского антифашистского комитета, и его разгон с последующими репрессиями. Тот, кто звал на изгнание другого народа, иначе говоря, подавление его без этого так просто целый народ не выселить сам оказался в положении тех, от кого намеревался «очистить» благословенный край...»

Если бы дело обстояло так, как его представили вышеупомянутые авторы, то тогда, действительно, руководители ЕАК задумали коварно использовать бедственное положение татарского народа для своих корыстных целей, тогда упреки в их моральной нечистоплотности были бы оправданы. На чем же основывается эта версия, какими документами подтверждается желание евреев занять кусочек благодатного крымского побережья – курортной жемчужины страны, принадлежавшего другому народу? Таких документов в цитированных статьях я не нашел, как не нашел ни одной попытки докопаться до сути этой проблемы.

Попробуем разобраться в этом. Первое упоминание о «Крымском деле» относится к 1967 г. Автором этого термина был американский историк Р. Конквест (R. Conquest). В приложении к своей работе «Власть и политика в СССР» (135) Конквест приводит выдержку из статьи лидера канадских коммунистов Дж. Зальцберга (J.B. Salzberg) в «Morgen Frayt» об официальном приеме 29 августа 1956 г. делегации канадской коммунистической партии Хрущевым, Суловым и Пономаревым. «В течение двух часов, – пишет Конквест, – они обсуждали различные аспекты еврейского вопроса. Хрущев сказал, что согласен со Сталиным, что Крым, который в конце гитлеровской войны был очищен от населения (в статье – had becom depopulated), не может стать центром еврейской колонизации, так как в случае войны он будет превращен в военный плацдарм против Советского Союза. Он также сказал, что товарищ Лозовский был замешан в “Крымском деле”». На основании этой информации Конквест называет «Дело Еврейского антифашистского комитета» «Крымским делом» и выносит его в

заголовок. Р. Конквест – маститый и уважаемый автор, очень серьезный историк-советолог. Конечно, его авторитет и анализ скрытых механизмов борьбы за власть в СССР, начиная с Октябрьского переворота до наших дней, сделал его формулировки непререкаемыми [см. работы Ш. Редлиха (246) и Ю. Гильбоа (89)]. Таким образом, сказанная Хрущевым фраза стала основой не только для названия, но и для предвзятого отношения к руководителям ЕАК.

Обращение руководства ЕАК к И. Сталину

Естественно, что ключом к раскрытию истинных намерений членов ЕАК является сам документ, который в литературе фигурирует под различными названиями: «письмо-записка Сталину», «крымское письмо», «письмо-ходатайство», «обращение-меморандум». Только тщательное изучение его текста дает ответ на вопрос, как и где представляли себе организацию автономии ее просители. Историки давно пытались найти это письмо, и до последнего времени существовало несколько версий о том, где, когда и кем оно было написано, кто его нашел первым и где оно было впервые опубликовано.

Из архива М.С. Жидовецкого (113) известно, что примерно в конце 1943 г., не позже начала 1944 г. С. Михоэлс обратился к нему и, ссылаясь на предложение, исходящее с «самого верха», попросил помочь составить текст обращения в правительство и лично к Сталину о создании в Крыму еврейской автономии. Такое письмо было написано в деловом тоне, отражало бедственное положение оставшегося в живых еврейского населения, распыленного войной по Средней Азии, Сибири, центру России и Уралу. Как явствует из материалов этого архива, в письме говорилось также о росте антисемитизма в стране как результате разжигания «этого пагубного явления фашистскими агентами с целью подрыва важнейшего достижения советской власти – дружбы народов». Отмечалось, что созданная в 1937 г. еврейская автономия в Биробиджане не оправдала возложенных на нее надежд, в то время как «национальные еврейские районы в Крыму и на Херсонщине успешно развивались». И в заключение: «В силу всего изложенного считаем своевременным и целесообразным в порядке обсуждения послевоенных проблем, поставить вопрос о создании Еврейской Советской Республики в одной из областей, где это, по политическим соображениям, возможно. Мы бы считали, что подобными областями могли бы оказаться либо территория бывшей республики немцев Поволжья, либо в Крыму» (113).

Первая публикация текста письма руководителей ЕАК к Сталину (с предложением создать в Крыму еврейскую автономию) принадлежит Шимону Редлиху (S. Redlich). Он опубликовал его в 1990 г. в журнале «Jews and Jewish topics in Soviet Union and Eastern Europe» (на англ. яз.) (246). Проф. Редлих обнаружил текст обращения в Центральном государственном архиве Октябрьской революции СССР. Этот документ напечатан на пяти машинописных листах. На нем шифр архивного дела – ЦГАОР СССР, ф. 8114, оп. 1, д. 792, лл. 167 – 170. В этот архив письмо попало вместе с другими документами ЕАК, изъя-

тыми МГБ во время ареста членов ЕАК в 1949 г., а затем, по окончании следствия, отданными на хранение со всеми материалами ЕАК в архив.

Начинается письмо с обычного обращения: «Председателю Совета Народных Комиссаров СССР тов. Сталину И.В. Дорогой Иосиф Виссарионович...». Далее идет текст, который практически полностью повторяет текст письма из архива М. Жидовецкого. Он слегка отредактирован, но отдельные абзацы переписаны слово в слово. Наличие в нем опечаток исключает возможность того, что это непосредственная машинописная копия письма. Вероятно, это один из черновых вариантов. Через неделю такое же письмо было передано через П. Жемчужину непосредственно В. Молотову. Молотов прочитал «Записку о Крыме» и познакомил с ее содержанием Маленкова, Микояна, Щербакова и Вознесенского. Молотов получил «Записку о Крыме» 21 февраля 1944 г., и уже 23 февраля на тексте записки появилась резолюция: «В архив. Тов. Щербаков ознакомлен». На экземпляре «Записки о Крыме», который был 15 февраля направлен Сталину, не было никаких пометок. Г.В. Костырченко предполагает, что Сталин все же прочитал обращение ЕАК, но предпочел не фиксировать свое мнение.

Считаю целесообразным привести здесь записку ЕАК о Крыме (с небольшими купюрами).

15 февраля 1944 г. Председателю Совета
Народных Комиссаров СССР
тов. Сталину И.В.

Дорогой Иосиф Виссарионович!

В ходе Отечественной войны возник ряд вопросов, связанных с жизнью и устройством еврейских масс Советского Союза. До войны в СССР было до 5 миллионов евреев, в том числе приблизительно полтора млн. евреев из западных областей Украины и Белоруссии, Прибалтики, Бессарабии и Буковины, а также из Польши. Во временно захваченных фашистами советских районах, надо полагать, истреблено не менее 1,5 млн. евреев.

За исключением сотен тысяч бойцов, самоотверженно сражающихся в рядах Красной Армии, все остальное еврейское население СССР расплыено по среднеазиатским республикам, Сибири, на берегах Волги и в некоторых центральных областях РСФСР.

В первую очередь, естественно, ставится для эвакуированных еврейских масс, равно как и для всех эвакуированных, вопрос о возвращении на родные места. Однако в свете той трагедии, которую еврейский народ переживает в настоящей войне, это не разрешает во всем объеме проблемы устройства еврейского населения СССР.

Во-первых, в силу необычайных фашистских зверств, в особенности в отношении еврейского населения, поголовного его истребления во временно оккупированных советских районах, родные места для многих эвакуированных евреев потеряли свое материальное и психологическое значение. Речь идет не о разрушенных очагах – это касается всех возвращающихся на родные места.

Для огромной части еврейского населения, члены семей которого не успели эвакуироваться, речь идет о том, что родные места превращены фашистами в массовое кладбище этих семей, родных и близких, которое оживить невозможно. Для евреев же из Польши и Румынии, ставших советскими гражданами, вопрос о возвращении вообще не стоит. Оставшиеся там родственники их истреблены, и стерты с лица земли все следы еврейской культуры. <...>

Фактически прекратилась политико-воспитательная и культурно-просветительная работа среди еврейских масс на родном языке. Имеющееся незначительное количество культурных еврейских учреждений (несколько театров, одно издательство и одна-единственная еженедельная газета) не в состоянии удовлетворить культурные нужды и потребности более чем 3-миллионного еврейского населения.

Оставление огромной массы населения в распыленном виде, без политического и культурного воспитания на родном языке, создает свободное поле для происков чуждых и враждебных влияний.

В ходе войны обострились некоторые капиталистические пережитки в психике отдельных прослоек различных народностей, включая и часть их интеллигенции. Одним из наиболее ярких выражений этих пережитков являются новые вспышки антисемитизма. Эти вспышки всячески разжигаются фашистскими агентами и притаившимися вражескими элементами с целью подрыва важнейшего достижения советской власти – дружбы народов.

Эти нездоровые явления воспринимаются крайне болезненно всеми слоями еврейского населения СССР, которые показали себя подлинными патриотами родины героизмом своих лучших сынов и дочерей на фронтах Отечественной войны и в тылу. Проявление антисемитизма вызывает острую реакцию в душе каждого советского еврея без исключения еще и потому, что весь еврейский народ переживает величайшую трагедию в своей истории, потеряв от фашистских зверств в Европе около 4 млн. человек, т.е. около 1/4 своего состава. Советский Союз – единственная же страна, которая сохранила жизнь почти половине еврейского населения Европы. С другой стороны, факты антисемитизма в сочетании с фашистскими зверствами способствуют росту националистических и шовинистических настроений среди некоторых слоев еврейского населения.

С целью нормализации экономического положения всех слоев еврейского населения и дальнейшего роста и развития еврейской советской культуры, с целью максимальной мобилизации всех сил еврейского населения на благо Советской Родины, с целью полного уравнивания положения еврейских масс среди братских народов, мы считаем своевременной и целесообразной, в порядке решения послевоенных проблем, постановку вопроса о создании Еврейской Советской Социалистической Республики. <...>

Нам кажется, что одной из наиболее подходящих областей явилась бы территория Крыма, которая в наибольшей степени соответствует требованиям как в отношении вместительности для переселения, так и вследствие имеющегося успешного опыта в развитии там еврейских национальных районов.

Создание еврейской советской республики раз и навсегда разрешило бы по-большевистски, в духе ленинско-сталинской национальной политики, проблему государственно-правового положения еврейского народа и дальнейшего развития его вековой культуры. Эту проблему никто не в состоянии был раз-

решить на протяжении многих столетий, и она может быть разрешена только в нашей великой социалистической стране.

В строительстве еврейской советской республики оказали бы нам существенную помощь и еврейские народные массы всех стран мира, где бы они ни находились.

Исходя из вышеизложенного предлагаем:

1. Создать еврейскую советскую социалистическую республику на территории Крыма.
2. Заблаговременно, до освобождения Крыма, назначить правительственную комиссию с целью разработки этого вопроса.

Мы надеемся, что Вы уделите должное внимание нашему предложению, от осуществления которого зависит судьба целого народа.

С.М. МИХОЭЛС, ШАХНО ЭПШТЕЙН, ИЦИК ФЕФЕР

Найденный в архивах текст письма, адресованный Молотову, был полностью опубликован в конце 1991 г. в журнале «Родина» с комментариями историков Сергея Козлова и Геннадия Костырченко (Из секретных архивов ЦК КПСС. Лаконный полуостров. Записка о Крыме // *Родина*. 1991. № 11–12, с. 15 – 17).

В июле 1993 г. в Иерусалиме, в Еврейской национальной и университетской библиотеке, на выставке «История евреев СССР в документах Государственного архива Российской Федерации» (19) был экспонирован вариант письма от 15 февраля 1944 г., очень похожий на тот, который был обнаружен Ш. Редлихом. На первом листе два адресата: первый – Сталин, и второй, написанный от руки в левом верхнем углу: «Дорогой Вячеслав Михайлович...». В машинописный текст обращения вписано от руки множество исправлений, видимо, это еще один черновик. В этом документе три фамилии: С. Михоэлса, Ш. Эпштейна и И. Фефера, но подписей только две. Собственноручной подписи С.М. Михоэлса нет.

И, наконец, появилось заявление А. Ваксберга. В «Литературной газете» от 7 июля 1993 г. (№ 27) он сообщает, что подлинник письма по поводу создания в Крыму Еврейской ССР был зарегистрирован 24 февраля в секретариате Молотова под номером М-2314. Ваксберг также сообщает, что это письмо в окончательной редакции (полный его текст в заметке не приводится) было отправлено 21 февраля и начиналось: «Дорогой Вячеслав Михайлович...», т.е. уже было адресовано не Сталину, а только Молотову. Ваксберг пишет, что смена адресата и кое-какие поправки в тексте были сделаны С. Лозовским (куратором ЕАК) по совету самого Молотова. Ваксберг приводит целый абзац из письма, текст которого идентичен экспонированному на выставке в Иерусалиме.

Текст «Письма трех», как называет А. Борщаговский обращение С. Михоэлса, Ш. Эпштейна и И. Фефера в своей книге «Обвиняется кровь» (48), цитируется по сохранившемуся в ЦГАОР СССР экземпляру, но приводится другой архивный номер дела и другие листы хранения: ЦГАОР СССР, ф. 8114, оп. 1, д. 970, лл. 33 – 35.

Существовал еще один проект письма-обращения о создании в Крыму Еврейской автономии, который по просьбе С.М. Михоэлса «набросал» Б.А. Шимелиович, но он не был принят из-за слишком якобы националистического характера текста.

Подводя итог изучению всех приведенных вариантов, можно утверждать, что в них не было и намека на организацию новой еврейской автономии на южном берегу Крыма, т.е. на землях, принадлежавших искони здесь живущим крымским татарам. К этому же выводу можно придти, если проанализировать историю еврейского заселения Крыма.

В еврейской истории есть «крымские страницы», по образному выражению С.В. Образцова (82). Современные исследователи-этнографы считают, что еврейская община Крыма существовала еще с I века до н.э., образовавшись на основе слияния еврейской общины, мигрировавшей из Малой Азии, с местными иудейскими прозелитами и мигрантами из других регионов еврейской диаспоры северного Причерноморья (88).

Важным моментом этнической истории евреев Крыма стал захват региона в конце VII века могущественным Хазарским каганатом, властители которого в VIII веке приняли иудаизм. С этого времени еврейская община Крыма, получившая позднее, в XIX веке, название общины крымчаков, увеличивалась как за счет других этнических групп каганата, принявших иудаизм (тюркоязычные хазары, ираноязычные аланы и другие), так и за счет еврейских мигрантов из Византии и Арабского халифата. В позднем средневековье крымские евреи широко расселились по северному Причерноморью – в районе Симферополя и Белогорска (в древности Карасубазар). Крымчаки жили также в Бахчисарае, Кафе, Мангупе, Темрюке и Тамани.

Во второй половине XIII века образовалась секта караимов Крыма. Караимы обосновались в северном Крыму, в нескольких километрах от Бахчисарая (в свое время столицы Крымского ханства), в поселении греческих христиан и татар. Со временем караимы превратили его в город Чуфут-Кале (в переводе – Иудейская крепость) – крупный торговый и ремесленный центр западного Крыма, и стали преобладающим населением города. Секта караимов, возникшая в недрах иудаизма еще в VIII веке, чтит Библию (Танах), но не признавала Талмуд. Эта этнически обособленная группа создала свой язык, весьма близкий к половецкому, иврит же служил ей только для культовых отправления. К 1920 г., когда в Крыму установилась советская власть, численность крымчаков составляла 6 тысяч человек. Во время Отечественной войны фашистский геноцид нанес тяжелый удар по общине крымчаков – было уничтожено 70% ее состава и полностью уничтожены ашкеназийские евреи. Их расстреляли в декабре 1941 г., и они покоятся в братской могиле возле Симферополя, на 10-м километре феодосийского шоссе. Караимов немцы не тронули (88).

Позволю себе сделать небольшое отступление и поделиться тем впечатлением, которое произвело на меня посещение развалин Чуфут-Кале и Мангупа в 1988 г., во время путешествия по Крыму. Поднимаясь из Бахчисарая к цели нашего путешествия, мы сначала наткнулись на заросшее мелким лиственным лесом вперемешку с колоссальными дубами еврейское кладбище. Оно потрясает даже больше, чем знаменитое еврейское кладбище в Праге. Непривычные глазу замшелые белые надгробья с надписями на иврите и орнаментом, к которым сквозь густые заросли с трудом пробивались солнечные лучи.

Первые погребения на караимском кладбище относятся к середине XIII века. Продираясь сквозь заросли, переступая через разрушенные и разбросанные камни надгробий, мы достигли входа на кладбище, постояли под полуразрушенной каменной аркой, а затем по крутой каменной лестнице, вырубленной в скале, вошли в развалины самого Чуфут-Кале. В нем сохранилось несколько зданий, мощеные камнем улицы с тротуарами, колодцы, культовые сооружения не только караимов, но и греков, армян, татар. Сохранился и жилой дом известного караимского ученого Авраама Фирковича (1786 – 1875) – собирателя древних рукописей, библейских текстов, датированных IX – XIV веками. Об этом сообщает простая фанерка, прибитая над притолокой глухо заколоченной калитки в высокой глинобитной стене. Еще большее впечатление оставляют развалины города Мангуп – основания зданий и микв, остатки синагоги, хорошо сохранившиеся мощеные камнем дороги.

Не случайно я позволил себе этот экскурс в прошлое. Как мне кажется, планы создания еврейской автономии в северном Крыму имеют свое основание и в далекой, и в ближней истории. Идея размещения еврейской автономии в Крыму не нова. Еще в 20-е – 30-е гг. при обсуждении «еврейского вопроса» в СССР рассматривался вариант создания еврейской автономии не только в Хабаровском крае, но и в Крыму, в «северном Причерноморье» (113, 139). Ю. Ларин – видный в то время советский государственный деятель, экономист (настоящее имя – Михаил Залманович Лурье) – в противовес Биробиджанскому проекту ратовал за еврейскую автономию в северном Крыму и приазовских плавнях с центром в Керчи, несмотря на засушливый климат этого района и малоплодородные солончаковые почвы. Хочу сразу обратить внимание на то, что тогда предполагалось размещение еврейской автономии в малонаселенных районах страны, в частности, в малонаселенных районах Крыма, причем особо оговаривалась «необходимость полного учета потребностей татарского и прочего крымского населения». Вот постановление Комитета по земельному устройству трудящихся евреев от 2 июня 1924 года:

«В качестве районов поселения еврейских трудящихся наметить в первую очередь свободные площади, находящиеся в районе существующих еврейских колоний на юге Украины, а также Северный Крым».

В 1927 году Ю. Ларин и деятели ОЗЕТ (Общество землеустройства евреев-трудящихся) обсуждали планы осушения Сиваша и днепровских плавней и организацию поселений в северных, почти не заселенных степных районах Крыма. На Всесоюзном съезде этой организации было объявлено о создании в северном Крыму национальной еврейской республики.

Тогда, в начале двадцатых годов, на месте бежавших от большевиков немецких и болгарских колонистов, с помощью организаций «Джойнт»^{*} и

^{*} «Джойнт» (American Jewish Joint Distribution Committee) – Американский объединенный еврейский комитет по распределению фондов.

ЕКО** были созданы еврейские сельскохозяйственные артели. Тогда же прошли слухи, что здесь, в северном Крыму, будет создана еврейская автономия. Эти колонии обслуживались, при полной поддержке советских властей, «Агро-Джойнтом» – отделом благотворительной ассоциации «Джойнт». Финансировалась организация поселений, ремесленных училищ, медицинских пунктов, и не только в Крыму, но и на Украине. Была оказана помощь 14-ти тысячам еврейских семей. Однако небольшая еврейская община (всего 1% населения полуострова) еще до 1930 года распалась. Остатки общины были рассеяны среди поселений северного Крыма, в основном около Крымского перевала. Деятельность «Агро-Джойнта» резко сократилась в 30-е гг., а в 1938 г. прекратилась вовсе. Поселения распались. На их месте были организованы колхозы. О таких колхозах упоминает С.М. Михоэлс, когда говорит о письме Сталину: «Существует версия о том, что поднимался в Комитете вопрос о создании в Крыму, где раньше находилось несколько колхозов, Еврейской автономной республики вместо Биробиджана» (69) .

Таким образом, исторические, экономические и культурные «еврейские корни» существовали, но только в северном Крыму, и никогда не распространялись на его южное побережье – место проживания крымских татар. Причем стоит особо отметить, что во все многовековое сосуществование евреев и татар в Крыму не было между ними никаких этнических, национальных, религиозных столкновений или недоброжелательности. Естественно, что этого не могли не знать и не учитывать члены ЕАК. По моему глубокому убеждению, в поданном письме-обращении речь могла идти только о северном Крыме, относительно незаселенной части полуострова, и, как уже говорилось, имевшей определенные «еврейские корни».

И, наконец, еще один веский аргумент в пользу того, что ЕАК не просил устроить еврейскую автономию на землях крымских татар: датировка написания письма-обращения. В «Известиях ЦК КПСС» читаем: «Сталину было направлено письмо с предложением о создании на территории Крыма Еврейской Социалистической республики 15 февраля 1944 г.» (123). Эту же дату приводят и другие источники, где обрушиваются на расстрелянных деятелей ЕАК и убитого Михоэлса, обвиняя в «нечистоплотности» их «поступка». Итак, письмо писалось в конце 1943 – самом начале 1944 г., подписано и отправлено Сталину 15 февраля 1944 г. Копия письма на имя Молотова отправлена адресату 21 февраля и зарегистрирована в его канцелярии 24 февраля 1944 г. А это значит, что письмо-обращение было направлено в правительство до освобождения Крыма от немецких оккупантов, т.е. до 12 мая 1944 г.

Получается по И. Косинскому, А. Ваксбергу, М. Гейзеру, А. Иванову, Б. Антонову, Ю. Власову и иже с ними – в Крыму еще фашисты, советские войска

** ЕКО – Еврейское колонизационное общество – филантропическая организация для содействия евреям-эмигрантам.

ведут ожесточенные бои на юге Украины, а С.М. Михоэлс, Ш. Эпштейн и И. Фефер просят Сталина отдать земли, населенные татарами. На каком основании? Никто в то время, естественно, не мог знать, что произойдет с крымскими татарами через несколько месяцев. Депортацию крымских татар как «возмездие за сотрудничество с немецко-фашистскими оккупантами» Сталин осуществил сразу же после освобождения Крыма, практически через несколько дней после того, как кончилась Крымская военная операция (152). Сталин держал свои планы в строжайшем секрете, и они не могли быть известны ни Михоэлсу, ни Лозовскому, ни Феферу, ни Эпштейну... Даже после стремительно проведенного (в несколько часов) войсками НКВД под начальством Серова поголовного выселения татар из Крыма эта тема оставалась под запретом, и мало кто знал в стране о несчастье, постигшем татарское население Крыма.

Простое сопоставление дат и элементарное знание хода событий в Крыму в конце Отечественной войны начисто снимает обвинение с авторов письма в безнравственности и желании воспользоваться чужим несчастьем. Жаль, что обличители, распространившие столь серьезное обвинение, отнеслись к своим изысканиям столь несерьезно.

Письмо-обращение о Крыме – провокация Сталина

Итак, всякие обвинения деятелей ЕАК в желании захватить чужие земли, воспользоваться чужим несчастьем ради благополучия народа, который они представляли, несостоятельны. Более того, на основании новейших публикаций возникает уверенность, что письмо-обращение было задумано как явная провокация, и инициатором ее был Сталин. Борщаговский считает, что инициатива исходила от Берии (47). Все, имевшие отношение к этому письму, полагали, что С.А. Лозовский лично беседовал со Сталиным (113). Но Сталин переадресовал составителей «обращения» к Молотову. Так, известно, что для обсуждения вопроса о новой автономии к Молотову и Кагановичу были приглашены (приглашены, а не просили их принять) С.М. Михоэлс и И.С. Фефер. Особенно настаивал на написании письма И.Фефер, который, как мы теперь знаем, был тесно связан с органами безопасности и выполнял их задания. Из уст Фефера Михоэлс услышал, что «там» обращение поддержат В.М. Молотов, Л.М. Каганович, К.Е. Ворошилов. Эти лица не зря упоминаются Фефером – у всех у них есть те или иные связи с евреями: у Молотова и Ворошилова жены – еврейки, национальность Кагановича не вызывает сомнения. Опять в этом проглядывает опытная рука Сталина: получить письмо, а заодно повязать своих ближайших соратников. И то, и другое в нужный момент сможет сыграть роль козырной карты.

Из литературных источников, мемуаров, свидетельств очевидцев становится ясным, что письмо Сталину составлялось в очень тяжелых условиях, и писавшие относились к нему неоднозначно. С.М. Михоэлс сомневался в необходимости просить правительство о создании еврейской автономии на юге

страны. В своих воспоминаниях А.П. Михоэлс пишет: «Помню бессонные ночи весной 1944 г., мучительные и страшные... Часами его уговаривали И. Фефер и Ш. Эпштейн подписать это письмо, а Перец Маркиш убеждал, что делать этого нельзя...». С.М. Михоэлс неоднократно советовался по этому поводу с А.Н. Толстым, И.Г. Эренбургом, С.В. Образцовым. П. Маркиш же вместо Крыма предлагал передать евреям земли бывшей республики немцев Поволжья с центром в г. Энгельс. Это, по мнению П. Маркиша, было бы актом «величайшей исторической справедливости» после всего того, что немецкий народ причинил еврейскому» (178). Эренбург был еще более категоричен: «Какого черта вы хлопчете о создании “гетто”. Никто вас не гонит в гетто, а вам все нейдет» (47).

Теперь, благодаря работам А. Борщаговского, В. Наумова и Г. Костырченко прибавилась очень важная информация о так называемой Еврейской автономии и о том, что происходило во время следствия и на закрытом судебном процессе.

1. Арестованным членам ЕАК инкриминировались попытки создания в Крыму еврейской автономии с помощью США. Следователи собирали материал о том, что эмиссары ЕАК С. Михоэлс и И. Фефер, «будучи в Америке, еще в 1943 году вошли в тайный сговор с американскими спецслужбами для создания плацдарма политической и военной экспансии Америки против СССР, торговали там крымской землей, обещая отвоевать у Советского правительства Крым».

Эту фальшивку на судебном заседании полностью разоблачил С. Лозовский, охарактеризовав ее как фантастическое «мифотворчество». Из показаний на суде С. Лозовского:

«С. Михоэлс и И. Фефер, после поездки по странам Запада, были приняты В.М. Молотовым, который с ними беседовал в течение двух часов. Они говорили о возможности заселения евреями территории немцев Поволжья или северной части Крыма. По поводу первого варианта В.М. Молотов сказал, что территория немцев Поволжья исключительно сельскохозяйственная область, и вряд ли что выйдет с вопросом ее заселения евреями. По поводу Крыма он сказал: “Что же, напишите на мое имя и на имя Сталина докладную записку, посмотрим”».

По поводу письма о создании еврейской автономии С. Лозовский сообщил на суде следующее:

«Вообще у меня были сомнения насчет практического осуществления, но у меня не было никаких политических сомнений. Я в этом не видел национализма и каких бы то ни было планов против Советского Союза. Кроме того, я им (С. Михоэлсу и И. Феферу – Ф.Л.) сказал, что они не имеют права писать от имени Еврейского антифашистского комитета, так как ставится вопрос, выходящий за пределы функций и задач Комитета. Но как советские граждане они могут послать свое предложение или просьбу в Советское правительство от своего имени.

В обвинительном акте довольно наивно сказано, что “они требовали и от Советского правительства передачи евреям территории Крыма”. Это даже читать нехорошо. На самом же деле они обратились по совету В.М. Молотова к

Советскому правительству с предложением, которое было отвергнуто, по каким соображениям, я не знаю. Еще раз говорю, что я не видел в этом каких-то далеко идущих враждебных планов и пр.

Я Михоэлсу и Феферу сказал, что Еврейский антифашистский комитет не должен обращаться в правительство с такими вопросами. И в результате этого под этим письмом стоят подписи трех советских граждан: Эпштейна, Фефера и Михоэлса, а не Антифашистского комитета.

Имеют же право три советских гражданина написать в свое правительство. Раз они имеют право, они написали, правильно ли, нет, но шпионаж тут ни при чем, продажа Крыма ни при чем...»

2. По «Делу ЕАК» в качестве свидетеля проходила П.С. Жемчужина (жена В. Молотова, в то время заместителя Председателя Совета Министров СССР). Ей инкриминировалась, как соучастнице в преступлениях ЕАК, активная роль в «крымском проекте».

Ей делают очные ставки с И. Фефером, который, отрабатывая роль «обличителя» и выполняя задание следствия, пытается связать ее с «крымским проектом». Но в результате эта версия не прошла, и на суд П. Жемчужина не вызывалась. В это время она отбывала ссылку.

Во время следствия только однажды был поднят вопрос о выселенных из Крыма татарах. В протокол «обличителя» Фефера следователи вписывают слова, якобы сказанные П. Жемчужиной: «Из Крыма уже выселены татары, и если мы промедлим, Крым может оказаться занятым». Однако кто-то «наверху», а может быть, и сам Сталин увидел эту грубейшую ошибку в датах, сделал выговор безграмотным исполнителям и приказал исправить протокол. 21 февраля 1949 г. Фефер корректирует свои показания: «...из Крыма в скором времени должны быть выселены татары...». В конце судебных заседаний Фефер понял, куда его завела ложь, и «по поводу Крыма» объявил, «что это формулировка следователя».

3. Из материалов, представленных А. Борщаговским, В. Наумовым и Г. Костырченко, явствует, что ни на этапе следствия по «Делу ЕАК», ни на закрытом судебном процессе не разрабатывалась версия о размещении еврейской автономии на землях, заселенных татарами, а тем более на территории южного берега Крыма. В планы ЕАК входило создание еврейского очага только в северных, полупустынных, степных районах полуострова, на месте разрушенных фашистами бывших еврейских колхозов и ранее существовавших еврейских поселений.

Итак, никаких территориальных посягательств на земли татар у членов ЕАК не было. Даже когда следователи заставляли подследственных после невероятных пыток и издевательств подписывать обличающие их признательные протоколы, даже тогда не разрабатывалась идея связать просьбу руководителей ЕАК о создании очага для оставшихся в живых, разбросанных войной евреев на землях, очищенных Сталиным от татар.

Вот несколько выдержек из протоколов допросов, заимствованных из книги А. Борщаговского (48) и В.П. Наумова (202). С.А.Лозовский: «...закрепившись на земле, ранее находившейся под еврейскими колониями...»; И.С. Ватенберг: «Для создания Еврейского государства... эти силы рассматривали еврейские колонии в Крыму и на юге Украины как свою вотчину»; Л.Я. Тальми: «Осушить Сиваш и днепровские плавни, присоединить их к северной части Крыма и таким образом создать сплошной массив, на котором можно было бы устроить еврейские колонии...»; Л.М. Квитко: «Я специально выезжал в Евпаторийский, Джанкойский и Калайский районы, где до войны размещались еврейские колонии... есть дополнительная возможность для размещения здесь эвакуированных из Крыма евреев», или: «Шахно Эпштейн сказал мне, что он, Михоэлс и Фефер подписали письмо в правительство с просьбой предоставить степной район Крыма для заселения евреев».

К этому остается добавить, что в 1955 г. Верховный суд СССР под председательством А.А. Волина своим Определением № 0065/52 за отсутствием в действиях расстрелянных деятелей ЕАК «состава контрреволюционного преступления» на основании ст. 10, п. 5 УПК РСФСР дело прекратил. В 1988 г. Комиссия Политбюро ЦК КПСС реабилитировала в «судебном и партийном порядке лиц, проходивших по так называемому «Делу Еврейского антифашистского комитета» (123). Так что с них сняты все обвинения, в том числе и обвинение в попытках создания «плацдарма для американской военщины в Крыму». Зачем же в 1992 г. Ваксбергу, Косинскому и Гейзеру понадобилось обвинить представителей еврейской элиты в «грязных помыслах по отношению к репрессированному татарскому населению Крыма»? Откуда у вышеперечисленных газетчиков такая обличительная прыть? Ради газетной сенсации? Все это очень смахивает на профессиональную недобросовестность!

Прошло более полувека, но еще не все точки над «i» поставлены в истории с письмом-обращением. Так, неясно, почему в состряпанном процессе ЕАК просьба о создании еврейской автономии не оказалась ведущей. У следствия единственная и явная «улика» против членов ЕАК – это письмо-обращение с бесспорным националистическим замыслом. И такому юридически удобному факту в деле ЕАК отводится явно второстепенное место! По мнению И. Косинского (138) и Г. Костырченко (140), «крымская карта» не была разыграна из-за того, что Кремль не определил свою политику по отношению к только что образовавшемуся Государству Израиль, и неверный ход мог привести к непредсказуемым дипломатическим последствиям. Другая версия того же И. Косинского состоит в том, что автор и исполнители дела ЕАК изменили акценты в ходе следствия и решили не ограничиваться только обвинениями в притязаниях евреев на Крым, а представить дело как «еврейский заговор» с целью захвата власти во всем государстве, уничтожения правительства и совершения государственного переворота.

Итак, приведенные данные позволяют считать, что руководители ЕАК, хотя и написали Сталину (и Молотову) письмо о создании еврейской автономии в Крыму, не строили планов занятия «татарских земель» на Южном побережье Крыма, и называть «Дело Еврейского антифашистского комитета» «Крымским делом» нельзя, а упреки деятелям ЕАК об их поползновениях на земли крымских татар абсурдны.

РАССТРЕЛЬНЫЕ СПИСКИ СТАЛИНА НЕ ДЛЯ «ДЕЛА ЕАК»

Этап первый (январь 1949 г. – март 1950 г.)

Начало 1950 года. Больше года прошло с тех пор, как члены Еврейского антифашистского комитета оказались в застенках Лубянки. Попытки, систематические избиения, лишение сна, карцер, моральное давление, шантаж, издевательства – вот ежедневные будни подсудимых.

В чем же их обвиняли, каким было основное направление следствия? Оказывается, им инкриминировалось руководство еврейским национальным подпольем, активная еврейская националистическая деятельность и шпионаж с передачей информации в США о различных аспектах жизни в СССР. Этими обвинениями занимались в течение года следователи Министерства государственной безопасности, возглавляемые лично министром Абакумовым под непосредственной опекой Сталина. Руководство МГБ регулярно докладывало ему о ходе следствия, посылая специальные доклады, записки, а также протоколы допросов арестованных. Только за первые два месяца следствия Сталину было послано около 20-ти протоколов допросов.

За год интенсивного следствия, к марту 1950 г., следственная бригада выполнила свою «работу» – выбила из членов ЕАК признание в еврейском национализме и шпионской деятельности. Правда, не так гладко, как хотелось (к примеру, Б.А. Шимелиович так и не признал свою вину и не подписал ни одного протокола!), и не так быстро, как того требовал Сталин. (Тут уместно напомнить, что до войны в организованных Сталиным наиболее крупных политических процессах следственные группы управлялись за 3 – 6 месяцев...)

В марте 1950 г. всем арестованным по «делу № 2354» было объявлено об окончании следствия, в присутствии прокурора предъявлено обвинение и выполнена статья 206 ГПК. Теперь состряпанное с таким трудом «дело» можно было отправлять в карательный орган. Для Военной коллегии Верховного суда СССР все было оформлено. Но перед тем, как переправить туда материалы для «судебного разбирательства», необходимо было получить личное одобрение Сталина. Такая процедура была принята в тридцатые годы, и ее следовало соблюдать неукоснительно. Абакумов направил Сталину следующий документ:

В ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ ВКП(б).

№ 6596/А «23» марта 1950 года товарищу СТАЛИНУ И.В.

Докладываю, что после того, как 14 марта с.г. в ЦК ВКП(б) вызывались министр юстиции СССР тов. ГОРШЕНИН, председатель Верховного Суда СССР тов. ВОЛИН и Генеральный прокурор СССР тов. САФОНОВ, они теперь понимают и считают правильным, что в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 12 января 1950 года они должны рассматривать дела на лиц, подпадающих под Указ, и применять смертную казнь к изменникам родины, шпионам, подрывникам-диверсантам, исходя из тяжести их преступления, независимо от времени его совершения, но не осужденных до дня опубликования этого Указа.

В связи с этим, Министерство государственной безопасности СССР вновь пересмотрело законченные следствием дела и представляет список на 85 арестованных изменников родины, шпионов, подрывников и террористов, дела на которых велись в центральном аппарате МГБ СССР и по нашему мнению подлежат рассмотрению в Военной коллегии Верховного Суда СССР с применением к перечисленным в списке арестованным смертной казни.

Заседания Военной коллегии, по опыту прошлого, считает необходимым провести без участия сторон в Лефортовской тюрьме, с рассмотрением дел на каждого обвиняемого в отдельности, без права обжалования, помилования и с приведением приговора суда в исполнение немедленно. Рассмотрение дел в Военной коллегии намечаем начать 27 марта с.г. Прошу Вашего разрешения.

АБАКУМОВ

Читатель, обратите внимание на последний абзац письма: «по опыту прошлого», «провести без участия сторон», «без права обжалования, помилования и с приведением приговора суда в исполнение немедленно». Поэтому я и поставил словосочетание «судебное разбирательство», использованное в предыдущем абзаце, в кавычки.

Это письмо фактически официально возобновляет карательные действия широчайшего масштаба, без судебного разбирательства, как это положено в юриспруденции, подобные тому, как это практиковалось в середине 30-х годов и получило название «Большой террор». Все идет по указке Сталина, по его сценарию, оказавшемуся эффективным в его борьбе за власть. Возрождается то, что в исторической литературе получило название «Расстрельные списки Сталина».

Для того, чтобы по достоинству оценить этот шаг министра МГБ, необходимо вернуться в советскую историю к 1934 г., к моменту убийства С.М. Кирова. Выстрел в Смольном, если и не был направлен самим Сталиным, то дал долгожданный повод для расправы не только с теми, кто иначе, чем ОН, мыслил, но и с преданными ему партийными кадрами для их острастки, да и просто с народом, никакого отношения к политике не имеющим и желавшим лишь спокойно существовать. Террор – на то и террор, чтобы сеять страх среди всего населения страны. Только тогда будет действительна политика упрочения его, Сталина, личной и беспредельной власти. Пришло время напомнить стране, кто в ней хозяин. А методика отработана и результаты налицо.

Немедленно после убийства Кирова, 1 декабря 1934 г., в ЦИК и СНК СССР утвердили специальный закон, согласно которому следствие по делам террористических организаций и террористических актов должно было вестись в ускоренном порядке (до десяти дней!), а судебное слушание производиться без участия сторон и без вызова свидетелей. Закон этот не допускал ни кассационного обжалования приговоров, ни подачи ходатайств о помиловании. Смертные приговоры по таким делам должны были приводиться в исполнение немедленно.

Всего на месяц раньше, 5 ноября 1934 г., постановлением ЦИК и СНК СССР для быстрого и заочного рассмотрения дел было создано «Особое СовеЩание» (ОСО). Особое СовеЩание формировалось из пяти человек: самого наркома или его первого заместителя, начальника милиции, Генерального прокурора или его заместителя и двух других высокопоставленных чиновников. Вначале советское «Особое СовеЩание» обладало не только правом ссылки и высылки на срок до 5-ти лет, но и правом заключения в исправительно-трудовые лагеря на срок до 5-ти лет. В условиях начавшегося в 1937 году террора ОСО получило право лишения свободы на срок до 8-ми лет. Через ОСО, без суда и даже без следствия отправили в ссылку и в лагеря членов семей «врагов народа», «социально опасных» бомжей, бывших дворян, выселяемых из Ленинграда и Москвы. Поскольку потоки репрессированных были слишком большими, ОСО были также созданы при наркоматах внутренних дел союзных республик, а иногда и в областях, причем они стали просто «тройками», состоявшими из трех лидеров республик – первого секретаря соответствующего партийного комитета, генерального прокурора и начальника милиции или республиканского наркома внутренних дел. В начале войны постановлением Государственного Комитета Обороны от 17 ноября 1941 г. Особому СовеЩанию при НКВД, если оно заседало с участием прокурора, было дано право выносить любые меры наказания, вплоть до расстрела. Эти чрезвычайные внесудебные карательные полномочия сохранились и в послевоенное время и широко использовались Сталиным в конце сороковых и начале пятидесятых годов. Каждый месяц Сталин получал два или три рапорта о работе Особого СовеЩания МВД. В одно заседание это совещание рассматривало обычно от 200 до 400 дел, а иногда цифры могли быть и выше. Например, 8 мая 1947 г. были рассмотрены дела на 575 человек. А всего в это время через Особое СовеЩание при МВД СССР проходило около 15-ти тысяч дел ежегодно.

Для осуществления «Большого террора» был установлен лимит в 250 000 человек, подлежащих осуждению по первой (расстрел) и второй (десять лет лагерей) категории. Так, например, «упрощенный порядок» был использован осенью 1936 г., когда 4 октября Политбюро «опросом» санкционировало судебную расправу с активными участниками «троцкистско-зиновьевской контрреволюционной террористической организации», по первому списку в количестве 585 человек. На подлиннике решения стояли подписи «за»: Каганович, Молотов, Постышев, Андреев, Ворошилов, Ежов. Сталин в этот момент отдыхал в Сочи.

Таким образом, закон, принятый 1 декабря 1934 г., давал возможность не усложнять процедуру прохождения карательных списков излишними формальностями и, так сказать, «спрямить» ее, перенеся центр ответственных судебных решений из судебных органов в Политбюро. Такие приговоры в карательной вакханалии конца тридцатых годов стали широко применяться при осуществлении «высшего партийного правосудия». Судя по результатам, единственно правильной мерой наказания члены Политбюро считали расстрел.

С февраля 1937 г. начали уже регулярно утверждать в Политбюро списки лиц, чьи приговоры (чаще всего расстрельные) должна была потом оформлять Военная коллегия Верховного суда. При этом процедура стала еще более упрощенной, чем в 1936 г.

Просмотр и утверждение пофамильных списков с заранее намеченной мерой наказания осуществлял сам Сталин. Формальные решения по спискам Политбюро больше не принимались, их роль выполняли резолюции «за» и подписи на самих списках. В основном, кроме Сталина, свои подписи ставили Молотов, Каганович, Микоян, Ворошилов, Жданов. Наиболее активными «читателями» обнаруженных к настоящему времени списков были Сталин и В.М. Молотов, причем по частоте подписей лидировал последний – им завизировано 372 списка. Собственноручные резолюции «за» и подписи Сталина сохранились на 357 списках, Л.М. Каганович подписал 188, К.Е. Ворошилов – 185, А.А. Жданов – 176, А.И. Микоян – 8, а впоследствии расстрелянный С.В. Кошир – 5 списков.

После подобного утверждения списков, как правило, дела уже не рассматривались в Военной коллегии Верховного суда, а людей просто расстреливали. Таким образом, подписи Сталина и его ближайших соратников имели силу окончательного приговора и не нуждались в формальном подтверждении юридических органов. Но даже если лица, обозначенные в «списке», доходили до суда, собственно судебная процедура, упрощенная до предела, была лишь формальностью. Вся документация готовилась заранее, а само слушание дела одного человека продолжалось 5-10 минут (в редких случаях до получаса). За это время трое судей якобы успевали разъяснить подсудимому его права, огласить обвинительное заключение, разъяснить сущность обвинения, выяснить отношение обвиняемого к «совершенным преступлениям», выслушать его показания и последнее слово, уединиться в совещательной комнате, написать там приговор и, вернувшись в зал судебного заседания, объявить его... Суд стал в руках Сталина полнейшей фикцией. Смертные приговоры подсудимым не объявлялись – они узнавали о своей судьбе непосредственно перед казнью.

В первых списках в основном были имена видных оппозиционеров, давно находившихся в заключении или ссылке. Но, начавшись с расправы над бывшими политическими противниками, механизм упрощенного рассмотрения дел был вскоре распространен и на руководящих работников партийных, советских, комсомольских и профсоюзных органов, а также на наркомов и их заместителей, крупных хозяйственных руководителей, видных военных работ-

ников, писателей, руководителей культуры и искусства, арестованных в ходе развернувшейся широкой чистки управленческих структур. Именно к этим категориям принадлежит подавляющее большинство лиц, включенных в списки. Реальное число людей в списках, по подсчетам общества «Мемориал», в период «Большого террора» – 43.768.

В 1936 – 1938 гг. «списочный» механизм осуждения применялся наиболее часто. За эти годы Сталин и его холоуи-прислужники в ранге членов Политбюро рассмотрели и подписали 383 списка, представленные тогдашним наркомом внутренних дел Ежовым и прокурором Вышинским. Естественно, ответственность за это беззаконие ложится не только на Сталина, но и на всех тех, кто помогал ему в совершении преступления, – тех, кто воспользовался методом списочной расправы с неугодными им лицами.

Этот упрощенный карательный метод применялся и в 1940 году. Сейчас обнаружено два списка – список от 16 января 1940 г. на 457 человек и список 6 сентября 1940 г. на 537 человек, представленных Сталину сменившим Ежова на посту наркома Берией и тем же Вышинским. В сопроводительной записке № 265/6 к первому списку репрессированных Берия сообщил, что НКВД считает необходимым передать их дела в Военную коллегия Верховного суда для рассмотрения в соответствии с законом от 1 декабря 1934 г., причем 346 человек следует приговорить к ВМН (высшей мере наказания – расстрелу), а 111 – на сроки не менее 15 лет. «Просим Вашей санкции», – завершал записку Берия. В этом списке среди 346 человек, подлежащих расстрелу, были Исаак Бабель, Михаил Кольцов, Надежда Бухарина-Лукина, Всеволод Мейерхольд. Решение было принято Политбюро уже на следующий день – 17 января (№ П11/208-оп). Причем и на этот раз, как и в 36 – 38 гг., предложение Берии приняли без каких-либо поправок и изменений.

Даже во время войны (!) осуществлялись «списочные расстрелы». Тогда многие функции Политбюро, как известно, были возложены на Государственный Комитет Обороны (ГКО). 6 сентября 1941 г. Сталин подписал решение ГКО № 634сс, санкционировавшее расстрел заключенных Орловской тюрьмы. В нем говорилось: «Применить высшую меру наказания – расстрел – к 170 заключенным, одновременно осужденным за террористическую, шпионско-диверсионную и иную контрреволюционную работу. Рассмотрение материалов поручить Военной коллегии Верховного суда СССР». В январе 1942 г. Сталину был представлен список на 46 человек. Резолюция: «Расстрелять всех поименованных в списке. И. Сталин».

После такого экскурса в прошлое еще раз посмотрим, как выглядит последний абзац письма Абакумова к Сталину № 6596/А от 23 марта 1950 г. Он текстуально повторяет то, что записано в Законе от 1 декабря 1934 года. Все как положено. Надо только возобновить сталинский сценарий, что и было осуществлено. Процессуальные нормы позволяли выносить смертные приговоры по политическим делам без лишней волокиты, сохраняя при этом видимость судебной процедуры. Важно отметить, что реальным (хотя и скрытым) регуля-

тором механизма осуждения, как тогда, так и в 1950 г. выступает Политбюро ЦК ВКП(б): рассмотрение дел «в упрощенном порядке» требовало его обязательной предварительной санкции, оформленной специальным решением.

И вот в 1950 г. министр госбезопасности Абакумов, наверняка по инициативе Сталина, возобновил списочный метод террора по примеру «Большого террора» тридцатых годов. Сталин «работал» по проверенному методу, в его планах было вновь посеять СТРАХ среди народа, который несколько распустился после победы над гитлеровской Германией. Такой список с теми же задачами – расстрелять – и был подан Сталину 23 марта 1950 г. Абакумовым. Система была отлажена, и в 1950 году должна была сработать безотказно: МГБ формирует и представляет списки; Сталин и члены Политбюро утверждают; прокуратура санкционирует рассмотрение дел в порядке закона от 1 декабря 1934 г.; завершает судебный фарс Военная коллегия Верховного суда СССР; расстрел производится сразу же, в тот же час или в крайнем случае в тот же день.

В качестве дополнения к вышеприведенному письму Абакумова к Сталину был приложен поименный список с рекомендацией применения смертной казни, и в этом списке были перечислены под №№ 33 – 48 члены ЕАК: Лозовский, Фефер, Юзефович, Теумин, Ватенберг, Квитко, Гофштейн, Нусинов, Шимелиович, Брегман, Зускин, Спивак, Бергельсон, Маркиш, Ватенберг-Островская, Штерн. Всего – 16 человек.

Ниже приведу несколько выдержек из списка, представленного Сталину:

41. ШИМЕЛИОВИЧ Борис Абрамович, до ареста – главный врач московской городской больницы им. Боткина, 1892 года рождения, еврей, бывший член ВКП(б) с 1920 года, до этого являлся бундовцем.

Арестован 12 января 1949 года.

Обвиняется в шпионской деятельности. Активный еврейский националист. Будучи связан по вражеской работе с МИХОЭЛСОМ, был одним из инициаторов установления преступной связи с еврейскими реакционными кругами Америки и превращения Еврейского антифашистского комитета в очаг американского шпионажа против Советского Союза.

Послал в Америку так называемое «Письмо за океан», представляющее из себя шпионский материал.

В 1945 – 1946 гг. установил шпионскую связь с американскими разведчиками ГОЛЬДБЕРГОМ и НОВИКОМ.

Вместе с главарями Еврейского антифашистского комитета активно добивался образования самостоятельной еврейской республики в Крыму, вражеский план создания которой был продиктован американцами.

Изобличается показаниями арестованных ЛОЗОВСКОГО, ФЕФЕРА, БРЕГМАНА, ЮЗЕФОВИЧА, МАРКИША и КВИТКО.

43. ЗУСКИН Вениамин Львович, до ареста – художественный руководитель Московского Государственного еврейского театра, 1899 года рождения, еврей, беспартийный.

Арестован 24 декабря 1948 года.

Обвиняется в шпионской деятельности. Активный еврейский националист. Вместе со своими сообщниками МИХОЭЛСОМ и ФЕФЕРОМ возглавлял вражескую националистическую деятельность Еврейского антифашистского комитета.

Направлял в Америку шпионские материалы о выпускаемой оборонными заводами продукции, некоторых проблемах, разрабатываемых научно-исследовательскими институтами, а также ряд клеветнических статей о положении искусства в Советском Союзе.

Изобличается показаниями арестованных ЛОЗОВСКОГО, ФЕФЕРА, БЕЛЕНЬКОГО и ПЕРСОВА.

44. СПИВАК Илья Григорьевич, он же Эля Гершович, бывший директор кабинета еврейской культуры в г. Киеве, 1890 года рождения, еврей, беспартийный, в 1907 – 1917 гг. состоял в еврейской буржуазно-националистической партии «Поалей-Цион».

Арестован 13 января 1949 года.

Обвиняется в шпионской деятельности. Активный еврейский националист. Являясь врагом Советской власти, на протяжении многих лет группировал вокруг себя еврейских националистов, вместе с которыми вел борьбу против партии и Советского правительства.

В 1943 году вместе со своими сообщниками МИХОЭЛСОМ, ФЕФЕРОМ и ЭПШТЕЙНОМ установил враждебную связь с еврейскими организациями Америки, направлял американцам шпионские сведения о евреях-ученых, работавших в Академии наук УССР, а также о перспективах развития еврейской культуры и возможностях усиления националистической деятельности в условиях Украинской ССР.

В 1946 году дважды встречался в Киеве с американским разведчиком ГОЛЬДБЕРГОМ, которого информировал о работе кабинета еврейской культуры и других еврейских организаций Украины.

Изобличается показаниями арестованных ФЕФЕРА, ГОФШТЕЙНА, КАГАНА, ЛОЙЦКЕРА, МАРКИША и ГОНТАРЯ.

46. МАРКИШ Перец Давидович, еврейский писатель, 1895 года рождения, еврей, бывший член ВКП (б) с 1939 года.

Арестован 28 января 1949 года.

Обвиняется в шпионской деятельности. Активный еврейский националист. Враждебно восприняв установление Советской власти в России, в 1921 году нелегально бежал в Польшу, где поддерживал связь с еврейскими националистами и печатал в варшавской реакционной еврейской прессе свои националистические произведения.

В 1926 году, возвратившись в СССР, установил преступную связь с еврейскими националистами, вместе с которыми до последнего времени вел подрывную работу против советского государства.

В 1945 году имел несколько встреч с приехавшим в СССР американским разведчиком ГОЛЬДБЕРГОМ, которому передал сведения о положении еврейских писателей в СССР и обсуждал с ним вопрос о созыве в Европе еврейского конгресса.

Изобличается показаниями арестованных НУСИНОВА, ФЕФЕРА, СПИВАКА, КОТЛЯРА, ЮЗЕФОВИЧА и других в количестве 10 человек.

48. ШТЕРН Лина Соломоновна, бывш. директор Научно-исследовательского института физиологии Академии Наук СССР и заведующая кафедрой физиологии 2-го Московского медицинского института, 1878 года рождения, еврейка, из крупной купеческой семьи, бывший член ВКП(б) с 1938 года, до 1925 года проживала в Швейцарии.

Арестована 28 января 1949 года.

Обвиняется в шпионской деятельности. Активная еврейская националистка. В 1946 году установила преступную связь с издателем журнала «Американ-

ское обозрение советской медицины» – ЛЕСЛИ, снабдив его шпионской информацией о научных проблемах, над разрешением которых работали советские ученые, а также за вознаграждение передала ему сборники научных трудов «Проблемы биологии в медицине».

В 1945 году установила связь с пресс-атташе английского посольства в Москве ТРИПП, которую информировала о постановке научной работы в институте физиологии. Вместе с ТРИПП неоднократно выезжала в санаторий «Узкое» Академии Наук СССР и там знакомила ее с советскими учеными.

Общаясь с иностранцами, информировала их о результатах применения разработанных в СССР и имеющих серьезное практическое значение методов лечения заболеваний мозга, мозговых оболочек, травматического шока и столбняка, а также о других достижениях советской науки.

Являясь членом президиума Еврейского антифашистского комитета, выступала на его заседаниях с антисоветскими националистическими речами.

Изобличается показаниями арестованных ЛОЗОВСКОГО, ФЕФЕРА, ЮЗЕФОВИЧА и НУСИНОВА.

В такой же форме в этом списке значились ЛОЗОВСКИЙ Соломон Абрамович, ФЕФЕР Исаак Соломонович, ЮЗЕФОВИЧ Иосиф Сигизмундович, ТЕУМИН Эмилия Исааковна, ВАТЕНБЕРГ Илья Семенович, КВИТКО Лейба Моисеевич, ГОФШТЕЙН Давид Наумович, БРЕГМАН Соломон Леонтьевич, ВАТЕНБЕРГ-ОСТРОВСКАЯ Чайка Семеновна, которые квалифицировались как активные еврейские националисты, обвинялись в шпионской деятельности и были «изобличены показаниями» – имя рек. Не признались, а изобличались...

Все шло по накатанной Сталиным дорожке, и вдруг – сбой с утверждением списка! Сталин просматривает список и не подписывает поданное Абакумовым письмо. История не знала такого случая. Ошибка Абакумова заключалась в том, что он в этот список для расстрельной расправы вставил фамилии членов Еврейского антифашистского комитета. Инициатива Абакумова на сей раз не нашла поддержки у Сталина, так как у него были другие планы – организовать против них специальный, громкий на всю страну судебный процесс, а не уничтожать скрытно «каждого обвиняемого в отдельности», как предлагал Абакумов. Причем открытый политический судебный процесс должен был пройти – по примеру политических процессов тридцатых годов над троцкистами, зиновьевцами и бухаринцами – публично, принародно, с собственным признанием обвиняемых в их шпионской деятельности, под аккомпанемент самобичевания, с их покаянием за еврейский национализм. Нужно было не расстрелять их поодиночке, а организовать такой всенародный процесс, который всколыхнул бы весь народ, нет – все народы СССР, вызвал бы народный гнев и ненависть не только к подсудимым, но и ко всему еврейскому народу, ко всем евреям, где бы они не находились! Следствие должно было подготовить такой судебный процесс, чтобы любому, будь ты высоколобым интеллектуалом или полуграмотным работягой, стало ясно, что на скамье подсудимых перед нашим самым праведным и гуманным судом сидят презренные личности, чтобы показать их националистическую сущность, под маской которой и по наущению американских агрессоров должны были оторвать от страны ку-

сок территории, осудить их обширный заговор против партии и народа. Особо отмечу, что когда 11 апреля 1950 г. Абакумов внес на утверждение Сталину исправленный список, из которого были исключены обвиняемые по «делу № 2354», Сталин его тут же утвердил. Всех названных в этом повторном списке осудили и расстреляли в апреле 1950 г.

Однако у руководства МГБ и у следователей, готовивших «Дело № 2354», не было уверенности в том, что удастся провести открытый судебный процесс, да еще с такими сталинскими задачами. Вспомните документ, который был представлен Сталину: «изобличены», а нужно – «признались». Над подследственными евреями нужно еще «работать и работать», для того, чтобы «подготовить» их к открытому судебному процессу с публичными признаниями обвинений, предъявляемыми следствием, и не в комнате следователей, а перед Военной коллегией Верховного суда СССР, и не с глазу на глаз, а на показательном открытом процессе.

Этим, собственно, и заканчивается первый этап следственных действий против деятелей ЕАК. Абакумов получил задание исправить ошибку и в короткий срок подготовить подследственных евреев к показательному политическому процессу. Так начался второй этап следственного процесса фабрикуемого «Дела ЕАК» (см. рис № 2).

Этап второй (март 1950 г. – август 1951 г.)

Проходит еще почти полтора года. Все сроки, отведенные для подготовки следователями открытого судилища, уже прошли, а судебный процесс так и не начинался.

Что же творится в это время в «черном ящике» под названием МГБ?

Вот как оценивает Г. Костырченко этот период пребывания еврейской элиты в застенках Лубянки и Лефортова:

«До начала 1950 года проводились интенсивные допросы и очные ставки обвиняемых, которым, по распоряжению Абакумова, в марте было официально заявлено о прекращении следствия по их делам. В последующие месяцы интерес руководства следственной части по особо важным делам к арестованным лидерам ЕАК заметно снизился. В это время все силы следственного аппарата МГБ были брошены на создание новой антисемитской мистификации – “дочернего” дела о шпионаже М.С. Айзенштадт-Железновой, Н.Я. Левина, С.Д. Персова и других, работавших в редакции ЕАК, и их “преступных связях” с руководителями “сионистской” группы, разоблаченной на Московском автомобильном заводе им. Сталина (о тех и других речь пойдет ниже). В это же время Абакумов и его подручные активно подготавливали судебную расправу над арестованными партийными и государственными деятелями, принадлежавшими к так называемой ленинградской группировке. До томившихся на Лубянке “еаковцев” просто не доходили руки. <...>. Поэтому расследование дела ЕАК оказалось спущенным на тормозах» (139).

Действительно, следствие, которое готовило «Ленинградское дело» и «Дело ЕАК», осуществлялось одной и той же группой, куда входили министр гос-

безопасности В.С. Абакумов, начальник следственной части по особо важным делам А.Г. Леонов, его заместители М.Т. Лихачев и В.И. Комаров, начальник секретариата И.А. Чернов и его заместитель Я.М. Броверман. И методы «работы» с подследственными были идентичными. В сборнике «Реабилитация, политические процессы 30-50 годов» (231) было написано о том, как готовили «Ленинградское дело», на котором расправились с Н.А. Вознесенским, А.А. Кузнецовым, М.И. Родионовым, П.С. Попковым, Я.Ф. Капустиным и П.Г. Лазутиным:

«Более года арестованных готовили к суду, подвергали грубым издевательствам, зверским истязаниям, угрожали расправиться с семьями, помещали в карцер и т.д. Психологическая обработка обвиняемых усилилась накануне и в ходе самого судебного разбирательства. Подсудимых заставляли учить наизусть протоколы допросов и не отклоняться от заранее составленного сценария судебного фарса. Их обманывали, уверяя, что признания «во враждебной деятельности» важны и нужны для партии, которой необходимо преподать соответствующий урок на примере разоблачения вражеской группы, убеждали, что каким бы ни был приговор, его никогда не приведут в исполнение и он явится лишь данью общественному мнению».

При такой интенсивной следственной деятельности вести сразу два дела трудно. Можно посочувствовать мастерам заплечных дел. Но «Ленинградское дело» практически было закончено в сентябре 1950 года. 26 сентября 1950 г. старший помощник Главного военного прокурора Н.Н. Николаев написал, а А.П. Вавилов утвердил официальный текст обвинительного заключения, 29 – 30 сентября 1950 г. в Ленинграде состоялся судебный процесс, 1 октября 1950 г. в 0 часов 59 минут был оглашен приговор, а в 2 часа 1 октября 1950 г., то есть через час после оглашения приговора, Н.А. Вознесенский, А.А. Кузнецов, П.С. Попков, Я.Ф. Капустин и П.Г. Лазутин были расстреляны.

Итак, с бывшими партийными и советскими работниками Ленинграда, бывшими членами Политбюро, Оргбюро, Секретариата ЦК ВКП(б) следственная бригада, возглавляемая министром Абакумовым, в сентябре 1950 года уже разделалась. Можно было вновь, после так необходимого уставшим следователям кратковременного отдыха (дела-то государственные, и под личным контролем Сталина!), приниматься за евреев из ЕАК. Однако все силы следственного аппарата МГБ были брошены на создание новой антисемитской мистификации – «дочернего» «Дела ЕАК» о шпионаже М.С. Айзенштадт-Железновой, Н.Я. Левина, С.Д. Персова и других, работавших в ЕАК, и их «преступных связях» с руководителями «сионистской группы, разоблаченной на Московском автомобильном заводе им. Сталина». Абакумов бросил все силы на второстепенное «дочернее» дело, но не в ущерб главной заботе Сталина – показательному политическому процессу. Он планировал на базе этих дел с новой силой взяться за подготовку к открытому суду томящихся уже два года подследственных по «Делу ЕАК». Однако в распоряжении следователей не было достаточных фактов, не было документов, что срывало график подготовки открытого, да еще и показательного судебного процесса. Закончился один год следствия, пошел другой, а результатов нет. Это был беспрецедентный

случай в практике МГБ. Абакумов, в связке со своими подручными следователями, способными заставить заговорить и мертвых, оказались неспособными сломить евреев из ЕАК и претворить в жизнь замыслы Сталина. Они не смогли воспользоваться отведенным вождем временем – почти годом, – чтобы исправить положение.

Сталину это надоело, и он освобождается от министра и его следственной бригады. Делается эта операция руками подполковника М.Д. Рюмина. Выбор пал на Рюмина не случайно: он был уличен в том, что скрыл от органов свое «социально чуждое» происхождение, и на него только что было наложено строгое дисциплинарное взыскание за небрежное отношение к секретным документам. Личность грязная, а для своей карьеры в МГБ он готов был выполнить все, что прикажут сверху, даже очень опасную махинацию, цель которой – свалить своего министра!

Эту операцию Сталин проворачивает через Маленкова. Рюмина вызывают к помощнику Маленкова Д.Н. Суханову, и под его диктовку и с его помощью 2 июля 1951 г. пишется на имя Сталина письмо о том, что он, Рюмин, обладает сведениями о противозаконной деятельности своего шефа – министра Абакумова. В письме Рюмин обвинил руководство МГБ и, прежде всего, министра Абакумова в сознательном укрывательстве террористических замыслов националистов и вражеской агентуры, направленных против советского руководства. Помимо прочего, Рюмин «уличал» шефа тайной полиции в том, что тот намеренно свернул расследование дела антисоветской молодежной организации «троцкистского типа», известной как «Союз борьбы за дело революции», и тормозил расследование террористической деятельности врачей.

«...Суханов держал Рюмина в приемной около шести часов, постоянно консультируясь по телефону с Маленковым по поводу содержания письма Рюмина. <..> Рюмин был настолько необразован и безграмотен, что письмо с обвинениями Абакумова переписывалось одиннадцать раз...» (281). Вот наиболее важные фрагменты из этого письма:

Товарищу СТАЛИНУ И.В.

2 июля 1951 г. Совершенно секретно.

От старшего следователя МГБ СССР подполковника Рюмина М.Д.

В ноябре 1950 года мне было поручено вести следствие по делу арестованного доктора медицинских наук, профессора Этингера. На допросах Этингер признался, что он являлся убежденным еврейским националистом и вследствие этого вынашивал ненависть к ВКП(б) и советскому правительству. Далее, рассказав подробно о проводимой вражеской деятельности, Этингер признался также и в том, что он, воспользовавшись тем, что в 1945 году ему было поручено лечить тов. Щербакова, делал все для того, чтобы сократить последнему жизнь. <...>

Во время «допроса», вернее, беседы с Этингером, тов. Абакумов несколько раз намекал ему о том, чтобы он отказался от своих показаний о злодейском убийстве тов. Щербакова. Затем, когда Этингера увели из кабинета,

тов. Абакумов запретил мне допрашивать Этингера в направлении вскрытия его практической деятельности и замыслов по террору, мотивируя тем, что он – Этингер – «заведет нас в дебри». Этингер понял желание тов. Абакумова и, возвратившись от него, на последующих допросах отказался от всех своих признательных показаний, хотя его враждебное отношение к ВКП(б) неопровержимо подтверждалось материалами секретного подслушивания и показаниями его единомышленника, арестованного Ерозолимского<...>

Я должен отметить, что после вызова тов. Абакумовым арестованного Этингера для него установили более суровый режим, и он был переведен в Лефортовскую тюрьму, в самую холодную и сырую камеру. Этингер имел преклонный возраст – 64 года, и у него начались приступы грудной жабы, о чем 20 января 1951 года в следственную часть поступил официальный врачебный документ, в котором указывалось, что «в дальнейшем каждый последующий приступ грудной жабы может привести к неблагоприятному исходу». Учитывая это обстоятельство, я несколько раз ставил вопрос перед руководством следственной части о том, чтобы мне разрешили по-настоящему включиться в дальнейшие допросы арестованного Этингера, и мне в этом отказывалось. Кончилось все это тем, что в первых числах марта Этингер внезапно умер и его террористическая деятельность осталась не расследованной. <...>

Считаю своим долгом сообщить Вам, что тов. Абакумов, по моим наблюдениям, имеет склонности обманывать правительственные органы путем замалчивания серьезных недочетов в работе органов МГБ. <...>

Попутно несколько слов о методах следствия. В следственной части по особо важным делам систематически и грубо нарушается постановление ЦК ВКП(б) и Советского правительства о работе органов МГБ в отношении фиксирования вызовов на допрос арестованных протоколами допроса, которые, кстати сказать, почти по всем делам составляются нерегулярно и в ряде случаев необъективно.

Наряду с этим Абакумов ввел практику нарушений и других советских законов, а также проводил линию, в результате которой, особенно по делам, представлявшим интерес для правительства, показания арестованных под силой принуждения записывались с недопустимыми обобщениями, нередко искажающими действительность.

Я не привожу конкретных фактов, хотя их очень много, поскольку наиболее полную картину в этом отношении может дать специальная проверка дел с передопросом арестованных.

В заключение я позволю себе высказать свое мнение о том, что тов. Абакумов не всегда честными путями укреплял свое положение в государственном аппарате, и он является опасным человеком для государства, тем более на таком остром участке, как Министерство государственной безопасности. Он опасен еще и тем, что внутри министерства на наиболее ключевые места и, в частности, в следственной части по особо важным делам поставил «надежных», с его точки зрения, людей, которые, получив карьеру из его рук, постепенно растеривают свою партийность, превращаются в подхалимов и угодливо выполняют все, что хочет тов. Абакумов.

РЮМИН (51).

В тот же день Сталин получил это письмо, а уже 4 июля лично принял у себя Рюмина. В срочном порядке была назначена комиссия Политбюро в составе Г.М. Маленкова, Л.П. Берии, М.Ф. Шкирятова и С.Д. Игнатъева, и в этот же день Абакумова отстранили от обязанностей министра, а 11 июля приняли постановление Политбюро «О неблагоприятном положении в Министерстве государственной безопасности СССР», которое через два дня в виде закрытого письма зачитывалось на закрытых партсобраниях. 12 июля Абакумова арестовали и отправили в «Особую тюрьму». Там же оказалось и все руководство следственной частью. В этот же день С. Игнатъев стал представителем ЦК ВКП(б) в МГБ СССР, а 9 августа – министром МГБ. 19 октября Рюмина произвели в генералы (перепрыгивая через звание полковника), назначили начальником следственной части и заместителем министра. Вот как молниеносно перетасовывались кадры центрального аппарата МГБ для того, чтобы дать новый импульс «Делу ЕАК». Начинается третий этап следственного процесса над членами ЕАК.

Этап третий (август 1951 г. – апрель 1952 г.)

Новому министру придается новая следственная бригада: уже упомянутый выше М. Рюмин и П. Гришаев, а также присланный из аппарата ЦК ВКП (б) Н. Коняхин (48). К уже бывшим обвинениям в шпионаже и национализме по инициативе Рюмина прибавляется террор, на котором концентрируется особое внимание следователей. Значительно интенсифицировались следственные мероприятия с применением методик, уже описанных выше. Однако «разоблачить» деятелей ЕАК в инкриминируемых поступках так и не удалось. Не пошли евреи на самооговор, не пошли они на сделки с совестью, не получился у Сталина открытый показательный политический процесс.

Ниже приведем результаты расследования работавшей в 1987 году «Комиссии Политбюро ЦК КПСС по дополнительному изучению материалов, связанных с репрессиями, имевшими место в период 30-х – 40-х и начала 50-х годов» в разделе «Еврейский антифашистский комитет»:

«...Установлено, что следствие велось с грубыми нарушениями закона и применением недозволённых методов для получения “признательных показаний”. Несмотря на это, на допросах С.А. Лозовский и другие отрицали свою враждебную деятельность. Затем всех, кроме Б.А. Шимелиовича, вынудили “признать” себя виновными и дать показания о проводимой членами ЕАК шпионской и антисоветской деятельности.

Назначенный министром Госбезопасности СССР С.Д. Игнатъев, после ознакомления с материалами следствия, в письме от 24 августа 1951 г. на имя Г.М. Маленкова и Л.П. Берии сообщал, что “почти совершенно отсутствуют документы, подтверждающие показания арестованных о проводившейся

ими шпионской и националистической деятельности под прикрытием ЕАК», а также информировал о намечающемся расширении мероприятий по делу.

3 апреля 1952 г. С.Д. Игнатьев направил И.В. Сталину обвинительное заключение, копии которого были посланы Г.М. Маленкову и Л.П. Берия. В сопроводительном письме высказывалось предложение о мере наказания – расстрел для всех обвиняемых, за исключением Л.С. Штерн».

Третий этап следствия над деятелями ЕАК окончился так же бесславно для МГБ, как и два предыдущих. Не смогли они, как ни старались, организовать открытое судилище над евреями. Дело было направлено 7 апреля 1952 г. на закрытое заседание в Военную коллегия Верховного суда СССР.

Этап четвертый (май 1952 г. – июль 1952 г.)

Закрытый суд во главе с председателем Военной коллегии А.А. Чепцовым, без участия представителей государственного обвинения и защиты, проходил с 8 мая по 18 июля 1952 г. У состава суда возникли сомнения в полноте и объективности расследования дела, в связи с чем оно подлежало направлению на доследование, но сделано этого не было. Еще до начала процесса С.Д. Игнатьев и его заместитель М.Д. Рюмин сообщили А.А. Чепцову, что по их докладу на Политбюро ЦК ВКП(б) было принято решение о расстреле всех обвиняемых, кроме Л.С. Штерн.

Во время разбирательства в закрытом суде «Дела ЕАК» Чепцов говорил, естественно, в своем кругу, о недостатках и нарушениях, допущенных во время следствия, однако Чепцов критиковал это дело не за то, что оно вообще сомнительно, а за то, что арестованные не разоблачены и корни преступлений не вскрыты. Когда суд пытался возратить это дело на доследование, руководство МГБ, в лице министра С.Д. Игнатьева и его заместителя М.Д. Рюмина, настаивало на том, чтобы был вынесен приговор по имеющимся в деле материалам.

О необходимости проведения дополнительного расследования А.Чепцов докладывал Генеральному прокурору СССР Г.Н. Сафонову, председателю Верховного суда СССР А.А. Волину, Председателю Президиума Верховного Совета СССР Н.М. Швернику, секретарю ЦК ВКП(б) П.К. Пономаренко, председателю КПК при ЦК ВКП(б) М.Ф. Шкирятову, однако поддержки у них не получил. Все они рекомендовали обратиться по этому вопросу к Г.М. Маленкову. А.А. Чепцов, в присутствии С.Д. Игнатьева и М.Д. Рюмина, был принят Г.М. Маленковым и высказал соображения о необходимости направления дела на дополнительное расследование. Однако Г.М. Маленков ответил: «Этим делом Политбюро ЦК занималось три раза, выполняйте решение Политбюро». Обвинение невиновных людей и вынесение несправедливого приговора было предопределено заранее вышестоящим руководством.

О сопротивлении, оказанном подсудимыми несправедливому суду, написано немало. На страницах, посвященных этому процессу, обращают внимание блестящие речи интеллектуалов, защищающих не только себя, но и свою нацию против безграмотных с юридической точки зрения и ограниченных в общечеловеческом понятии служителей сталинского произвола.

Военная коллегия приговорила С.А. Лозовского, И.С. Фефера и других – всего 13 человек – к расстрелу, а Л.С. Штерн – к лишению свободы на 3 с половиной года с последующей ссылкой на 5 лет.

В заключение этой главы очень важные дополнения. В 1955 г. была организована дополнительная проверка уголовного дела С.А. Лозовского, Б.А. Шимелиовича, И.С. Фефера и других. Изучались документальные материалы, хранящиеся в партийных и государственных архивах, были опрошены многие лица, причастные к событиям тех лет. «В результате проверки установлено, что дело по обвинению Лозовского С.А., Шимелиовича Б.А., Юзефовича И.С., Теумин З.И., Ватенберга И.С., Квитко Л.М., Гофштейна Д.Н., Брегмана С.Л., Зускина В.Л., Бергельсона Д.Р., Тальми Л.Я., Маркиша П.Д., Ватенберг-Островской Ч.С., Штерн Л.С. и Фефера И.С. являлось сфабрикованным, а признания обвиняемых на следствии получены незаконным путем. Определением Военной коллегии Верховного суда СССР 25 ноября 1955 г. приговор в отношении С.А. Лозовского и других, осужденных 18 июля 1952 г. по так называемому «Делу Еврейского антифашистского комитета», по вновь открывшимся обстоятельствам был отменен и дело в уголовном порядке прекращено за отсутствием состава преступления».

Надо еще сказать и о том, что оставляют без внимания многие историки, пишущие о «Деле ЕАК». В 1948 – 1952 гг., в связи с «Делом Еврейского антифашистского комитета», были арестованы и привлечены к уголовной ответственности по обвинению в шпионаже и антисоветской националистической деятельности многие другие лица еврейской национальности, в том числе партийные и советские работники, ученые, писатели, поэты, журналисты, артисты, служащие государственных учреждений и промышленных предприятий – всего 110 человек. Из числа репрессированных были приговорены к высшей мере наказания – 10 человек, к 25-ти годам исправительно-трудовых лагерей – 20, к 20-ти годам – 3, к 15-ти годам – 11, к 10-ти годам – 50, к 8-ми годам – 3; умерло в ходе следствия – 5. Все они сейчас реабилитированы.

Такова краткая история о том, как группа евреев восстала против тирании Сталина, противопоставила честность, порядочность – злу и насилию, сумев сломать машину террора, будучи в застенках большевистского режима.

Честь им и Слава!

«УБИЙЦЫ В БЕЛЫХ ХАЛАТАХ» И ИХ ВКЛАД В СОВЕТСКОЕ ЗДРАВООХРАНЕНИЕ

Кем же в действительности были эти «врачи-вредители», «варвары в белых халатах», «злостные отравители», «врачи-убийцы, ставшие извергами рода человеческого, растоптавшими священное знамя науки», «подонки человеческого общества», «трижды проклятые убийцы, изуверы, иудина шайка, преступной и омерзительной бандой», «сердца которых обросли шерстью», «подлые шпионы и убийцы под маской врачей» и т.д. и т.п., которые только тем и занимались, что «вредительским лечением»... (26, 311).

Процесс, готовившийся против врачей и нашумевший на весь мир, до сих пор – а прошло уже больше половины века – находится в сфере интересов историков и журналистов. Но не медиков. Они почему-то молчат. К сожалению, это не случайность. Профессионалы-медики отстранились от обсуждения этой темы, а журналисты и историки не нуждаются в их помощи и полностью самодостаточны. Из статьи в статью, из книги в книгу переключиваются одни и те же лица, одни и те же характеристики, одни и те же фразы. А ведь существуют вопросы, которые без врачей решить трудно, а иногда и невозможно.

По «Делу врачей-вредителей» было арестовано куда больше медиков, чем это было указано в центральной прессе, в знаменитом «Сообщении ТАСС» от 13 января 1953 г. Свидетели того времени не могут не помнить вал арестов, который в конце 1952 и в начале 1953 гг. прокатился по Москве, захватил Харьков, Челябинск и другие города. По моим неточным подсчетам, эта цифра перевалила за 100. Очень важно отметить – на периферии арестами, увольнением с работы, шельмованием в местной прессе подверглись только врачи-евреи.

Ниже, в алфавитном порядке, я перечисляю врачей, подвергшихся репрессиям в связи с «Делом врачей-вредителей» – арестам, заключениям в тюрьмы и лагеря, шельмованиям в прессе, увольнениям с работы, отлучением от врачебной и научной деятельности. В этом скорбном, отнюдь не полном списке **жирным шрифтом** я выделил тех, кто был назван в центральной печати, в сообщении ТАСС («Правда», 1953, 13 янв.) и в сообщении Министерства внутренних дел СССР («Правда», 1953, 4 апр.). **ЗАГЛАВНЫМИ БУКВАМИ** выделены те, с кем я был знаком лично, учился у них, работал с ними, или с кем наши семьи поддерживали тесные дружеские и профессиональные отношения.

Авербах М.М. – доцент клиники 2-го ММИ им. Сталина (Москва).

Бадалькес С.И. – зав. клиники питания Центр. ин-та курортологии (Москва).

БАРИНБЛАТ И.Г. – доцент клиники 1-го ММИ им. Сеченова (Москва).

Беленький ?? – врач, поселок Лопань, Дергачи (Украина).

Берлин Л.Б. – зав. кафедрой терапии (лечебного питания) ГИДУВ (Москва).

Благман Г.Ф. – зав. кафедрой терапии мединститута (Челябинск).

Брауде И.Л. – директор акушерско-гинекологич. клиники (Москва).

Бременер С.М. – зав. приемным покоем Ин-та питания (Москва).

Бургсдорф М.В. – проф., зав. кафедрой терапии мединститута (Челябинск).
Бусалов А.А. – начальник Главсанупра Кремля (Москва).
Василенко В.Х. – проф., зав. кафедрой терапии 1-го ММИ им. Сеченова (Москва).
Вейцман М.Е. – врач Соцстраха (Москва).
Вигдорчик В.Я. – врач-стоматолог (Рига).
Вильк Н.Л. – зав. терапевтич. отделением районной б–цы (Москва).
ВИНОГРАДОВ В.Н. – проф., зав. кафедрой факультетской терапии 1-го ММИ им. Сеченова (Москва).
ВОВСИ В.Л. – врач-лаборант, арестована как жена М.С. Вовси (Москва).
ВОВСИ М.С. – проф., зав. кафедрой терапии ЦИУ врачей, действ. член АМН СССР (Москва).
Волох С. – врач-гинеколог (Тбилиси).
Гельштейн Э.М. – проф., зав. терапевтич. клиникой в Боткинской б–це (Москва).
Глазман ? – врач (Украина).
Григорьева-Беренштейн А.Г. – руководитель отдела Ин-та эпидемиологии и микробиологии им. Л. Пастера МЗ РСФСР (Ленинград).
Гринштейн А.М. – проф., зав. кафедрой нервных болезней 2-го ММИ им. Сталина (Москва).
Гордон О.Л. – зав. отделением Ин-та питания (Москва).
Дризин И. – главврач городской больницы (Рига).
Дымшиц Р.А. – зав. кафедрой патофизиологии мединститута (Челябинск).
ЕГОРОВ Б.А. – проф., консультант центральной поликлиники ЛСУК (Москва).
Егоров М.Н. – научный руководитель 2-й больницы ЛСУК (Москва).
Егоров П.И. – нач. 4-го Главного управления МЗ СССР (Москва).
Жарковская Т.С. – врач.
ЖОРОВ И.С. – зав. кафедрой хирургии 1-го ММИ им. Сеченова (Москва).
Зайдман ? – стоматолог (Кишинев).
Закусов В.В. – проф., директор Ин-та фармакологии (Москва).
Заславский Л.Д. – проф., зав. кафедрой факультетской хирургии мед. ин-та (Архангельск).
Засосов Р.А. – врач, преподаватель в Военно-морской академии (Ленинград).
ЗБАРСКИЙ Б.И. – проф., действ. член АМН СССР, директор лаборатории при Мавзолее В.И. Ленина, зав. кафедрой биохимии 1-го ММИ им. Сеченова (Москва).
ЗЕЛЕНИН В.Ф. – проф., зав. кафедрой терапии 2-го ММИ им. Сталина (Москва).
Идина М.С. – научн. сотр. Ин-та эпидемиол. и микробиол. им. Л. Пастера МЗ РСФСР (Ленинград).
Каганская Е.С. – ст. научн. сотр. Ин-та эпидемиол. и микробиол. им. Л. Пастера МЗ РСФСР (Ленинград).
Каджардузов Г.А. – врач.
Карпай С.Е. – врач Лечсанупра Кремля (Москва).
Карцовник И.И. – зав. кафедрой неврологии ИУВ (Новокузнецк).
КЕЧКЕР И.Х. – зав. лечебной частью Ин-та. терапии АМН СССР (Москва).
Киришенблат Д. – врач-кардиолог (Тбилиси).

Клячко Н.С. – зав. лаб. Ин-та эпидемиологии и микробиологии им. Л. Пастера МЗ РСФСР (Ленинград).

КОГАН Б.Б. – зав. кафедрой госпитальной терапии 1-го ММИ им. Сеченова (Москва).

КОГАН М.Б. – проф., каф. внутр. болезней ЦИУ врачей (Москва).

Коган Р.Г. – врач-спец.; арестована как жена М.Б. Когана (Москва).

Коган-Ясный В.М. – проф., зав. кафедрой терапии. мед. ин-та (Харьков).

Красник-Орлик Ф.И. – зав. лаб., ст. научн. сотр. Ин-та эпидемиологии и микробиологии им. Л. Пастера МЗ РСФСР (Ленинград).

Левин Б.С. – зав. отд. лечебного питания Центр. ин-та курортологии и физиотерапии (Москва).

ЛИВШИЦ Е.Ф. – врач-педиатр поликлиники Лечсанупра Кремля (Москва).

Лившиц И. – врач (Челябинск).

Лимчер Л.Ф. – проф., зав. отделением клиники Ин-та питания (Москва).

Магильницкий С.Х. – зав. каф. глазных болезней Латвийского ун-та (Рига).

Мазель Я.И. – ассистент клиники 2-го ММИ им Сталина (Москва).

Майоров Г.И. – врач-терапевт Лечсанупра Кремля (Москва).

Макаревич О.Б. – врач.

Милитарев (Шлеманзон) Ш.М. – нач. кожвендиспансера (Харьков).

Могилев М.В. – зав. каф. акушерства и гинекологии ИУВ (Новокузнецк).

Могилевский М.С. – зав. лаб. Ин-та эпидемиологии и микробиологии им. Л. Пастера МЗ РСФСР (Ленинград).

Мошковский Ш.Д. – проф., зав. каф. мед. паразитологии, зам. дир. по науч. части ЦИУВ (Москва).

НЕЗЛИН В.Е. – доц. терапевтич. клин. ЦИУ врачей (Москва).

Незлин С.Е. – проф., консультант московской поликлиники № 63 (Москва).

Нейман ? – врач, поселок Лопань, Дергачи (Украина).

Певзнер Л.М. – арестована как жена М.И. Певзнера (Москва).

Певзнер М.И. – проф., директор Ин-та питания АМН СССР (Москва).

Перельман Е.Б. – врач.

Поллак Г.? – врач (Челябинск).

Полонский Я.Н. – проф., зав. каф. акушерства и гинекол. мед ин-та (Чкалов).

Попова Н.А. – проф., ЛСУК (Москва).

Преображенский Б.С. – проф., зав. кафедрой отоларингологии 1-го ММИ им. Сеченова (Москва).

Рабинович Н.П. – доцент кафедры терапии ЦИУВ (Москва).

РАПОПОРТ Я.Л. – проф., зав. лаб. сердечно-сосудист. патологии Ин-та нормальной и патологической морфологии АМН СССР (Москва).

Розенберг А.Р. – проф., зав. каф. микробиологии ИУВ (Новокузнецк).

Рыжиков Р.И. – врач Лечсанупра Кремля (Москва).

Серебрянский И.Я. – проф., зав. каф. педиатрии мед. ин-та (Ростов).

Серейский М.Я. – зав. клиникой Ин-та психиатрии МЗ РСФСР (Москва).

Табак ? – хирург городской б-цы (Кишинев).

ТЕМКИН Я.С. – проф., зав. ЛОР–кафедры сангигиенического ф–та
1-го ММИ им. Сеченова (Москва).
ТЕМКИНА А.И. – врач; арестована как жена Я.С. Темкина (Москва).
ТЕР-ЗАХАРЯН А.И. – врач-терапевт; арестована как жена Б.Б. Когана (Москва).
Топчан А.Б. – проф., ректор 2-го ММИ им. Сталина (Москва).
Фаерман И.Л. – проф., зав. каф. пропедевтической хирургии ММИ МЗ РСФСР
(Москва).
Федоров А.Н. – врач-патологоанатом Лечсанупра Кремля (Москва).
Фейгель И.И. – проф., зав. гинекол. отд. Ин-та акушерства и гинекологии МЗ
СССР (Москва).
Фельдман А.И. – проф., зав. каф. отоларингологии ЦИУ врачей (Москва).
Фидельман А.Д. – врач (Черновцы).
Фридман М.Е. – проф., зав. кафедрой хирургии Киргизского мед ин-та (Фрунзе).
Фридман Э.А. – научн. сотр. Ин-та эпидемиологии и микробиологии
им. Л. Пастера МЗ РСФСР (Ленинград).
Хаит К.М. – научн. сотр. Ин-та эпидемиологии и микробиологии
им. Л. Пастера МЗ РСФСР (Ленинград).
Цодыкман Е. – лаборант Ин-та эпидемиологии и микробиологии
им. Л. Пастера МЗ РСФСР (Ленинград).
Шерешевский Н.А. – проф., директор Всесоюзн. ин-та экспериментальной
эндокринологии МЗ СССР (Москва).
ШИМЕЛИОВИЧ Б.А. – главврач клинической б–цы им. Боткина (Москва).
ШЛЯХМАН А.Л. – доцент каф. 1–й терапии ЦИУВ (Москва).
ШНЕЙДЕРОВИЧ М.Г. – врач-консультант в больницах г. Москвы.
Штерн Л.С. – акад., физиолог, зав. отдела физиологии Ин-та биофизики
АН СССР (Москва).
Эйнис В.Л. – проф., директор Московского НИИ туберкулеза (Москва).
Эпштейн Г.Я. – проф., зав. каф. травматологии Ленинградского ИУВ, руково-
дитель отдела в Ин-те травматологии им. Вредена (Ленинград).
Этингер Я.Г. – проф., зав. кафедрой пропедевтики внутренних болезней
педиатрического ф-та 2-го ММИ им. Сталина (Москва).

К этому прибавьте не поддающиеся учету увольнения под тем или иным предлогом врачей-евреев со своих должностей, оклеветанных, униженных, оставшихся без куска хлеба. Политсобрания, чтение сообщения ТАСС, выступления «партайтрегеров» с цитированием наиболее беспринципных и оскорбительных абзацев из передовых и редакционных статей центральных газет всегда оканчивались поклепом на сотрудников-евреев и освобождением их от работы из-за «потери доверия», «низкой профессиональной подготовки», за незначительные ошибки.

Организованная Сталиным и раскрученная его холоуями кампания на всех уровнях государственных и партийных структур нанесла серьезнейший удар, подорвала доверие, а в определенных разделах за какой-то месяц развалила советское здравоохранение: от первичного звена – районных поликлиник, до

высшего – научно-исследовательских институтов Академии медицинских наук. Была подорвана вера в профессиональную честность всех врачей и особенно евреев. Медицинские кадры, с таким трудом созданные и воспитанные, были враз оклеветаны, а руководство обезглавлено. Обезглавлено потому, что Сталин нанес удар по наиболее активной прослойке медиков, вклад которых в развитие и становление отечественной медицины неоспорим. Несколько примеров:

КАРДИОЛОГИЯ. М.С. Вовси, В.Ф. Зеленин, Я.Г. Этингер и М.В. Бургдорф входили в плеяду клиницистов – ученых, разрабатывавших актуальные проблемы того времени (кстати, и сейчас остающиеся злободневными), как гипертоническая болезнь, инфаркт миокарда, коронарная болезнь и другие поражения сердечно-сосудистой системы. Ими тогда, полстолетия тому назад (!), была поднята проблема профилактики как основы снижения уровня заболеваемости при поражении сердечной мышцы сосудистого генеза. Эта проблема выдвинулась на первое место по причине высокой смертности населения цивилизованных стран. Большое внимание было обращено на функциональную диагностику, тогда только выходящую на уровень решения клинических задач. Были предложены и клинически апробированы новые методы лечения стенокардии, среди которых заметное место заняла рефлексогенная терапия внутрикожными новокаиновыми блокадами. Не обошли они своим вниманием и ревматические пороки сердца, занимавшие значительное место в сердечной патологии по инвалидизации молодого поколения.

ТУБЕРКУЛЕЗ. В те годы, в связи с военными невзгодами, туберкулез, во всех его проявлениях, поражал работоспособное население страны, создавая эндемические районы. С.Е. Незлин и В.Л. Эйнис проделали колоссальную лечебную и организационную работу, в результате которой, и не без их помощи, это заболевание было искоренено по всему Советскому Союзу. Раннее выявление и успешное излечение больных туберкулезом мочеполовой системы были обязаны работам Н.Л. Вилька. Об успешном лечении туберкулезного менингита – абсолютно смертельного заболевания, которым он был до применения Л.С. Штерн эндолюмбального введения пенициллина, известно всему просвещенному миру. Она как основоположник учения о гематоэнцефалическом барьере возвратила к жизни сотни обреченных детей.

НЕФРОЛОГИЯ. Ведущей проблемой в научных исследованиях М.С. Вовси является патология почек. Он внес фундаментальный вклад в развитие нефрологии. Основным направлением нефрологических исследований являлась проблема нефрита, где им было выявлено значение инфекционных и неинфекционных факторов и обосновано применение кортикостероидов при определенных формах течения заболевания. Г.Ф. Благман, М.С. Вовси и Б.Б. Коган сконцентрировали свои медицинские интересы на роли почек в возникновении гипертонической болезни, что в те годы было новым и прогрессивным направлением в лечении этого заболевания.

АКУШЕРСТВО И ГИНЕКОЛОГИЯ. В предвоенное, а также в послевоенное время бушевало постановление о запрете аборт. Это было вызвано тем, что женщины первой в мире страны социализма из-за тяжелых материальных и социальных условий не хотели иметь детей. Резко возросло количество нелегальных операций в подпольных абортариях, а также самодельных криминального свойства – спицы, крючки. Противоабортное постановление прервало жизнь многим тысячам молодых женщин. Разрешение на аборт предоставлялось только абортным комиссиям, а прервать беременность разрешалось только по медицинским показаниям. Для того, чтобы спасти попавших в безвыходное положение женщин, специальные медицинские комиссии писали фиктивные диагнозы. Акушеры и гинекологи начали бить тревогу. М.М. Авербах, И.Л. Брауде и И.И. Фейгель сделали максимально возможное, чтобы на совещании в Минздраве СССР обосновать указ Президиума Верховного Совета СССР «Об отмене запрещения абортов».

ДИЕТОЛОГИЯ И ТЕРАПИЯ ЗАБОЛЕВАНИЙ ЖЕЛУДОЧНО-КИШЕЧНОГО ТРАКТА. Институт питания был организован в 1930 г. В нем были проведены важнейшие исследования по влиянию факторов питания на сенсбилизацию организма, на механизмы развития ревматизма, гипертонической болезни, поражений печени, желудка и других заболеваний. Организатором института и его бессменным руководителем был М.И. Певзнер – заслуженный деятель науки РСФСР, крупный терапевт, основатель научной диетотерапии и инициатор внедрения лечебного питания в лечебно-профилактические учреждения нашей страны. Под его руководством широкое развитие получили научные исследования по изучению питания как лечебного и профилактического средства при самых различных заболеваниях – сердечно-сосудистой системы, пищеварительного тракта, обмена веществ (при ожирении и сахарном диабете), почек и суставов, были разработаны основные лечебные диеты, с успехом применяемые и в настоящее время.

Будучи одним из крупнейших отечественных гастроэнтерологов, М.И. Певзнер вместе с учениками разрабатывал вопросы классификации и дифференцированной терапии язвенной болезни, гастритов, гепатитов, энтеритов и колитов, впервые обосновав целесообразность полноценного белково-витаминного питания при острых и хронических заболеваниях печени. Большая заслуга М.И. Певзнера с сотрудниками – изучение воздействия диетотерапии на целостный организм и его реактивность. Ими были внедрены в клиническую практику противовоспалительные и гипосенсибилизирующие диеты, так называемые «калиевая» и «магниева». Это позволило ввести лечебное питание в качестве существенного элемента в комплексную терапию не только болезней органов пищеварения, но и ревматизма, гипертонической болезни и атеросклероза, туберкулеза, болезней почек и обмена веществ. Сотрудниками клиники – Л.Б. Берлиным, С.М. Бременером и О.Л. Гордоном были разработаны тесты по дифференциальной диагностике заболеваний печени и отработке

методов их лечения, что снизило количество осложнений, заканчивающихся тяжелейшим смертельным циррозом печени.

В 1950 – 1952 гг. весь коллектив института был, в прямом смысле этого слова, затравлен бесконечными проверками и различными комиссиями. Ведущих научных сотрудников института – О.Л. Гордона, С.М. Бременера, Л.Ф. Лемчиера, Л.Б. Берлина, Б.С. Левина уволили, а потом и арестовали. Сам М.И. Певзнер, не выдержав напряжения и обуреваемый страхом перед неминуемым арестом, скоропостижно скончался в мае 1952 г.

ПРОФПАТОЛОГИЯ. Б.Б. Коган и Я.С. Темкин приняли активное участие в создании этого нового направления в медицине, научно обосновав мероприятия по профилактике и лечению заболеваний, вызванных у работников, находящихся в контакте с вредными веществами. Охрана здоровья на производстве в период индустриализации страны имела первостепенное значение.

ОТОЛАРИНГОЛОГИЯ. А.И. Фельдман ввел в практику хирургических вмешательств эндоскопический контроль – метод, который только в последнее десятилетие получил признание в общей хирургии, и обосновал так называемый эндоскопический метод хирургических вмешательств.

«Врачи-вредители» в своем большинстве не только лечили больных, не только принимали активное участие в разработке научно обоснованных методов лечения различных заболеваний, но и возглавляли учебные кафедры в системе медицинских вузов и институтов усовершенствования врачей. Эта колоссальная по трудоемкости работа обеспечивала преемственность поколений, передачу молодым врачам накопленного клинического опыта и богатого наследия Боткина, Захарьина, Пирогова, Мудрова, чем славилась российская медицина. Вот их имена по алфавиту, так как никому нельзя отдать предпочтение или, наоборот, поставить на второй план, поскольку значимость их работы, где бы они не заведовали кафедрами – в центральных вузах Москвы и Ленинграда, или провинциальных – Свердловска, Иркутска или Челябинска, их преподавание всегда было на высочайшем уровне: М.В. Бургсдорф, Н.Л. Вильк, В.Н. Виноградов, М.С. Вовси, Э.М. Гельштейн, Р.А. Дымшиц, Б.И. Збарский, Б.Б. Коган, М.Б. Коган, В.С. Коган-Ясный, С.Е. Незлин, В.Е. Преображенский, М.Я. Серейский, А.Б. Топчан, И.Л. Фаерман, Н.А. Шерешевский, В.Л. Эйнис, Я.Г. Этингер и др.

А вот краткий перечень написанных в разное время «врачами-вредителями» учебников, которые были настольными книгами многих поколений советских врачей:

- «Руководство по внутренним болезням»;
- «Основы терапии и лечебной профилактики»;
- «Руководство по частной хирургии», 3 тома;
- «Частная патология внутренних болезней»;
- «Гипертоническая болезнь, клиника, генез и лечение»;

«Руководство по ЭКГ»;
«Клиническая ЭКГ»;
«Здоровье женщины и материнство»;
«Диагностика и терапия болезней желудочно-кишечного
тракта и обмена веществ»;
«Язва желудка и двенадцатиперстной кишки»;
«Основы лечебного питания»;
«Терапия психических заболеваний»;
«Профессиональные болезни и травмы уха»;
«Клиническая эндокринология»;
«Тиреотоксикозы»;
«Биохимия».

Только перечень названий руководств и монографий говорит о широте и глубине знаний их авторов по клиническим дисциплинам современной для того времени медицины. Вот такими они были – «врачи-вредители», «убийцы в белых халатах», «враги народа». Вот так им отплатила страна за их вклад в здоровье советских людей; за то, что каждый из них вложил в становление советской медицины и здравоохранения; за их талант ученого, знания врача-клинициста и самоотверженность педагога.

Ниже приведу очень краткие сведения о профессиональной деятельности «врагов народа», проходивших по «Делу врачей-вредителей», а также тех врачей, которые подверглись репрессиям и гонениям в связи с развернувшейся антисемитской и антиврачебной кампанией конца 1952 – начала 1953 гг.*

АВЕРБАХ Михаил Михайлович (1902 – 1955). Акушер гинеколог, доц. Декан лечебного факультета 2 го ММИ им Сталина. Крупный клиницист, автор 2 х монографий и более 70 ти научных работ.

БАДЫЛЬКЕС Соломон Иосифович (1900 – 1957). Терапевт, проф., дмн. Доц. каф. терапии 2 го ММИ (1935 – 1941), зав. каф. терапии Московского стоматологического ин та РСФСР (1941 – 1950), гл. терапевт МЗ РСФСР, зав. клин. лечеб. питания Центр. ин та курортологии (1951 – 1957), Соч.: «Язвенная болезнь желудка и 12 перстной кишки». М., 1956.

БЕРЛИН Лев Борисович (1896 – 1955). Терапевт, проф., дмн. (1940), полковник мед. службы., зав. кафедры терапии (лечебного питания) (1939 – 1941) ГИДУВ, Ленинград. Уч к 2 й Мировой войны, армейский терапевт 8 й армии Ленинградского и Волховского фронтов, зав. отделения Ин та пия АМН СССР (с 1945), одновременно старший научный сотрудник Клинического ин та МЗ СССР. Авт. более 40 науч. работ. Соч.: «Клиника и лечебное питание хронических неязвенных колитов». Дисс. докт. М., 1940, «Хронические колиты». М., 1951.

БЛАГМАН Григорий Фалкович (1903 – 1957). Терапевт, проф., дмн., майор мед. службы. Гл. терапевт 12 й армии Южного. фронта (1941 – 1945). С 1945 зав. каф. терапии Челябинск. мед. ин та. Авт. более 30 ти науч. работ, в т.ч. монографии, посвященной заболеванию почек, послеопераци онным осложнениям легких и др. Один из пионеров применения радиоактивных изотопов для ди агностики заболеваний. Соч.: «Гистогенез острого диффузного нефрита». 1939; «Нефрит и нефро зы». М., 1995 (в соавт.).

* Основная часть информации взята из готовящейся к изданию рукописи «Медики и биологи-евреи в жизни России за последние 200 лет» (сост. проф. Э.С. Любошиц), а также из БМЭ и других научно-справочных изданий.

БРАУДЕ Исаак Леонтьевич (1882 – 1961). Акушер гинеколог, проф. (1922), д-р мед. (1908), заслуженный деятель науки. До 1914 г. работал в Берлине. Ученый 1-й мировой войны – военврач. Зав. кафедр акушерства и гинекологии 2-го Моск. университета (1921–1931), в 1930 г. – рук. сектора родовспоможения и гинекологии в ЦНИИ охраны материнства и младенчества. Зав. кафедр акушерства и гинекологии ЦИУВ (1937–1941), зав. кафедр акушерства и гинекологии 2-го ММИ (1943–1953), одновременно зав. кафедр в Моск. мед. институте МЗ РСФСР. Основатель и первый гл. ред. журн. «Акушерство и гинекология». Поч. чл. Всесоюзного общества акушеров гинекологов, председатель центрального науч. коммиссии по борьбе с абортными. Авт. 100 науч. работ, в т.ч. 5-ти моногр., 5-ти рук. в обл. оперативной и неоперативной гинекологии; ранней диагностики злокачественных опухолей в женской половой сфере, усовершенствованного метода кольпотомии, предложил новые методики гинекологических операций. Под его руководством выполнено 11 докт. дисс. Соч.: «Раннее распознавание рака матки». М., Л., 1928 (в соавт.). «Женские консультации». М., Л., 1939 (в соавт.). «Неоперативная гинекология». М., 1957; «Оперативная гинекология». М., 1959; «Неотложная помощь при акушерско-гинекологической патологии». М., 1962 (в соавт.).

БРЕМЕНЕР Соломон Михайлович. Терапевт-витаминолог, к.м.н. В 1959 г. зав. клин. отд. НИИ витаминологии МЗ СССР. Соч.: «Материалы для санитарно-просветительного бюллетеня о язве желудка и 12-перстной кишки». Дисс. канд. Челябинск, 1950. «Витамины». М., 1959.

БУРГСДОРФ Михаил Вениаминович (1897 – 1972). Терапевт, проф., д.м.н. Во время 2-й мировой войны консультант терапевт эвакогоспиталя, затем консульт. в центр. б-це МЗ РСФСР, М. С 1944 г. зав. кафедр. терапии Челябинск. мед. ин-та, с 1970 г. проф. консультант этого ин-та. Чл. правл. Всесоюз. об-ва кардиологов, председатель Челябинск. обл. об-ва терапевтов. Авт. 112-ти науч. работ в обл. сердечно-сосудист. патологии: клиники и патоморфолог. ревматического кардита и ревматических пороков сердца, клиники и лечения сердечно-сосудистых заболеваний в пожилом возрасте и пр.. Под его руководством вып. 4 докт. и 17 канд. дисс. Соч.: «О некоторых закономерностях течения митрального порока сердца» (докт.дисс.).

ВИЛЬК Наум Львович. Терапевт, доц., д.м.н. Обл. науч. интересов: нефрология. Соч.: «К вопросу о постинфекционных заболеваниях плеригландулярного характера». М., 1928.

ВАСИЛЕНКО Владимир Харитонович (1897 – 19??). Терапевт, полковник медицинской службы, Герой Социалистического труда, академик АМН, проф., д.м.н. С 1935 г. заведовал кафедрой терапии Киевского института усовершенств. врачей, с 1948 г. зав. кафедр. пропедевтики и частной патологии 1-го ММИ им. Сеченова. Член правления Всесоюзного, Всероссийского и Московского терапевтических обществ. Участник 2-й мировой войны – главный терапевт 1-го Украинского фронта. Опубликовано более 150-ти научных работ по патологии почек, систем дыхания и пищеварения. Им предложена новая квалификация недостаточности сердечно-сосудистой системы.

ВОВСИ Мирон Семенович (1897 – 1960). Терапевт, проф., д.м.н. (1938), действ. чл. АМН СССР (1948), заслуженный деятель науки (1943). Врач в Красн. Армии (1919–1922), генерал-майор мед. службы (1943). Ст. научн. сотр. Мед. биологическ. ин-та при 1-м МГУ, в 1934 г. дир. терапевтического отд. б-цы им. Боткина в Москве, зав. кафедр. терапии ЦИУВ (1935–1960). Ученый 2-й мировой войны – гл. терапевт Советской Армии (1941–1950). Ред. журн. «Вестник медицины», «Терапевтический архив», «Клиническая медицина», соред. терапевт. разделов БМЭ и др. энциклопедических изданий, редактор отд. «Терапия» в многотомном изд. «Опыт советской медицины в ВОВ (1941–1945)». Чл. президиума, зам. председателя Всесоюз. и Московск. научн. об-ва терапевтов, чл. учен. совета МЗ СССР, предс. комитета по б-бе с ревматизмом и забол. суставов при Учен. Совете МЗ СССР. Авт. около 60-ти науч. работ, в т.ч. 7-ми моногр., посвященных физиологии и патологии почек, легких, сердца, печени, болезней в системе кровообращения, разработке основных положений военно-полевой терапии, поискам новых методов диагностики и лечения заболеваний внутренних органов у раненых, разработке оригинальных методов функциональных исследований при нефритах. Один из видных организаторов военно-полевой терапии. Возглавил разработку методов лечения б-ных в войсковых, армейских и фронтовых районах. Под рук. Вовси М.С. защищено 8 докт. и 31 канд. дисс., опубликовано 160 науч. работ. Соч.: «Острый нефрит». М., 1945; «Нефриты и нефрозы». М., 1955 (в соавт.); «Болезни системы мочеотделения» М., 1960; «Руководство по внутрен. б-ням». М., 1960; «Клинические лекции (болезни сердца и сосудов)». М., 1961; «Острая коронарная недостаточность»; «Военно-полевая терапия».

ГЕЛЬШТЕЙН Элизар Маркович (1897 – 1955). Терапевт, проф., д-р мед. наук, заслуженный деятель науки, полк. мед. службы. Уч. к 2 й миров. войны до 1944 г. гл. терапевт Ленингр. фр. та. Зав. каф. терапии 2 го ММИ (1931 – 1941; 1944 – 1952). Зам. ред. журн. «Клиническая медицина», «Терапевтический архив». Чл. правл. Всесоюз. и Моск. терапевт. об. в. Авт. 70 ти науч. работ, в т.ч. монографий и учебников, посвященных функциональному изучению сердца при помощи рентгенокимографии; со временной клинической химиотерапии, пробл. ревматизма, особенностям течения б.ней в военное время; разработке клинической дифференции двух основных форм инфекционных желтух: энтеро-геморрагического спирохетоза, б.ней Боткина. Соч.: «Клиническое значение рентгенокимографии сердца». М., 1937. «Острый ревматизм. Курс инфекц. б.ней». М., Л., 1938, т. 2. «Инфаркт миокарда». М., 1948. «Частная патология и терапия внутренних болезней». М., 1950 (в соавт.), и др.

ГРИНШТЕЙН Александр Михайлович (1881 – 1959). Невропатолог, проф., д-р мед. (1910), заслуженный деятель науки (1945), акад. АМН СССР (1945). Асс. в клинике нервных бол.ней Московских высших женских курсов., зав. кафедрами нервн. болезн. Воронежск. ун-та (1921 – 1924), затем Харьковск. мед. ин-та (1924 – 1940), с 1932 г. дир. 1 й неврологическ. клин. и лаб. физиологическ. анатомии нервн. системы, зав. каф. нервн. болезн. 2 го ММИ (1940 – 1955). Авт. 137 ти науч. работ, в т.ч. 1 й моногр., посв. нейроинтоксикации, воен. неврологии, топики диагностическ. направлен. в вегетопатологии. Впервые установил топику ряда симптомов поражения гипоталамуса и продолговатого мозга; теор. обосновал возможн. лечен. гипертоническ. болезн. и облитерир. эндартериита оперативным пресечен. симпатическ. преганглион. волокон и дока зал его эффективность. Под рук. Г. вып. 30 докт. и канд. дисс.

ГОРДОН Осип Львович (1898 – 1958). Терапевт, гастроэнтеролог, проф., д-р мед. Доц. каф. лечебного питания ЦИУВ, зав. отд. болезней ЖКТ Ин-та питания (1931 – 1958). Авт. 100 науч. работ, в т.ч. нескольких монографий, посвященных физиологии органов пищеварения, гастроэнтерологии и лечебного питания при заболеваниях ЖКТ. Соч.: «Клиническое значение нарушений нейругомуральной регуляции при некоторых патологических состояниях желудка». Л., 1948; «Осложнения у язвенных больных после гастроэнтероскопии и резекции желудка». М., 1949; «Хронический гастрит и так называемые функциональные заболевания желудка». М., 1959.

ДЫМШИЦ Рафаил Аронович (1899 – 1981). Патологический физиолог, проф., д-р мед. (1937). Уч. к 2 й миров. войны. Ст. научн. сотр. отд. эксперимент. морфологии ин-та экспериментальн. биологии и патологии. С 1937 г. зав. каф. патологической физиологии 2 го Киевск. мед. ин-та, зав. каф. патологической физиологии Челябинск. мед. ин-та (1944 – 1970), с 1975 г. науч. консультант этой кафедры. Чл. правл. Уральского филиала Всесоюз. об-ва патологических физиологов. Авт. 100 науч. работ в области расстройства функций органов дыхания и методов лечения токсического отека легких, иммунитета к злокачественным опухолям, экспериментальной гематологии, роли селезенки в условиях нарушения эритропоэза. Под его руководством выполнено 5 докт. и 20 канд. дисс. Соч.: «Острая кровопотеря». Челябинск, 1953.

ЕГОРОВ Петр Иванович (1899 – 1967). Терапевт, проф., д-р мед. Член корр. АМН СССР. Генерал-майор медицинской службы, руководитель Лечсанупра Кремля. Возглавлял кафедру факультетской терапии ВМА им. Кирова. С первых дней ВОВ в действующей армии в качестве глав. терапевта Западного, а потом Ленинградского фронтов. Принимал участие в создании многотомного труда «Опыт советской медицины в ВОВ 1941 – 1945 гг.». Перу Егорова принадлежит более 100 научных трудов и 6 монографий. Егоров по праву считается основоположником авиационной медицины в нашей стране. Под его руководством защищено более 30 ти диссертаций.

ЖОРОВ Исаак Соломонович (1898 – 1976). Хирург, создатель школы анестезиологии, проф. (1938), д-р мед. (1937), полковник мед. службы. Доц. каф. хирургии и топ. анатомии, дир. Кубанского мед. ин-та (1929 – 1931). Зав. каф. хирургии и топ. анатомии 1 го ММИ (1937 – 1941). Уч. к 2 й Мировой войны, гл. хирург армии, был контужен, попал в плен, бежал, руководил партизанским отрядом. В 1943 – 1945 гг. ст. инспектор хирург. эвакуационного госпиталя 2 го Белорусск. фронта. Зав. каф. хирургии 1 го ММИ (1947 – 1973). В связи с «Делом врачей-вредителей» в 1953 г. был уволен из 1 го ММИ. Почетный член Всесоюзного об-ва хирургов и анестезиологов-реаниматологов и зарубежных науч. обществ. Зам. ред. ж. «Хирургия», участвовал в редактировании БМЭ. Создатель школы анестезиологов. Авт. 360 ти работ, в т.ч. 7 ти монографий, руководства практической хирургии и анестезиологии; предложил новые методы неингаляционного наркоза, занимался вопросами лечения огнестрельных травм. Рук. 19 ти докт. и 55 ти канд. дисс. Соч.: «Ингаляционный наркоз в хирургии». М., Л., 1938, 1940. «История обезболивания в России и СССР». 1951. «Общее обезболивание в хирургии». М., 1959.

ЗАКУСОВ Василий Васильевич (1903 - ???). Академик АМН СССР. Проф, дмн, зав. каф. фармакологии Ленингр. и 1 го Московского мед. институтов, с 1954 г. возглавлял Ин-т фармакологии и химиотерапии АМН СССР. Автор 2-х монографий и более 60-ти научных трудов, посвященных фармакологии сердечно-сосудистой и нервных систем. Руководитель обширных исследований, позволивших установить закономерности влияния наркотиков, анальгетиков, стимуляторов на синаптическую передачу нервного возбуждения.

ЗАСЛАВСКИЙ Исаак Лев Давидович (1903 - 1971). Хирург, проф., дмн (1940). С 1940 г. по 1951 г. зав. каф. факультетской и госпитальной хирургии Архангельского мед. ин-та., член противоракового комитета СССР, руководитель онкологического диспансера в г. Архангельске. Тема док. дис.: «Аутолиз печени». Авт. более 50-ти науч. публикаций в обл. хирургического лечения злокачеств. опухолей.

ЗАРСКИЙ Борис Ильич (1885 - 1954). Биохимик, проф., д-р мед. (1911), заслужен. деятель науки, Герой Соц. труда (1945), действ. чл. АМН СССР (1944), чл. презид. АМН СССР, лаур. Гос. премии (1944). Окончил Женевский ун-т (1911). Совместно с А.Н. Бахом организовал химический ин-т им. Л.Я. Карпова (1918). Организовал и работал в Биохимическом ин-те НКМЗ (ныне Биохимический ин-т АН СССР) (1920 - 1930). Зав. кафедрами биохимии в педологической ин-те (с 1923), затем во 2-м ММИ. Бальзамировал тело В.И. Ленина, директор лаборатории при Мавзолее В.И. Ленина (с 1924). Организатор и директор Ин-та питания (1930 - 1954), зав. кафедрой биохимии 1-го ММИ (1934 - 1954), зав. лаборатории биохимии рака АМН СССР (1945 - 1952). Организатор центральной химической лаборатории при ВСНХ. В 1926 г. основал журнал «Экспериментальная биология и медицина», в 1931 - «Вопросы питания», участвовал в редактировании. 1-го изд. БМЭ. Автор 70-ти науч. работ, посвященных проблеме обмена и биологической функции белков, химизму иммунитета, биохимии рака; разработал оригинальный способ производства хлороформа. Соч.: «Роль эритроцитов в обмене белков». М., 1949 (в соавт.), «Биологическая химия». М., 1951.

ЗЕЛЕНИН Владимир Филиппович (1881 - 1968). Терапевт, дмн, профессор, действ. член АМН СССР, заслуженный деятель науки. Основатель и директор Клинического ин-та функциональной диагностики и экспериментальной терапии; заведующий госпитальной терапевтической клиникой 2-го ММИ, зам. директора Ин-та терапии АМН СССР. Первым в России творчески разработал клиническую электрокардиографию.

Автор 80-ти научных работ по экспериментальной и научной клинической кардиологии, автор учебника «Внутренние болезни», 1935 г., и «Частная патология и терапия внутренних болезней», 1950 (совместно с Гельдштейном), монографии «Пороки сердца», 1932 г. (совместно с Лясс М.А.).

КАРПАЙ Софья Ефимовна (1903 - 1955). Специалист по электрокардиографическому исследованию, зав. кабин. функциональной диагностики ЛСУК. Автор методических разработок. Соавтор первого в СССР Атласа по ЭКГ, вместе с Незлиным В.Е. Научно-клинические исследования в области механизма болей при заболеваниях сердца.

КЕЧКЕР Иона Хецкелевич (1898 - 1972). Терапевт, кмн, подполковник мед. службы. Начальник военно-морского факультета 1-го Ленингр. мединститута (1937 - 1941). Участник 2-й Мировой войны нач. эвакуационных госпиталей на ряде фронтов. Зав. лечебной частью Ин-та терапии АМН СССР.

КОГАН Борис Борисович (1896 - 1967). Терапевт, профпатолог, проф. (1939), дмн. (1939), заслуженный деятель науки (1960). Уч-к Гражданской войны, председатель Житомирского РКВ. Секретарь Волынского губкома РКПб. Доцент (1931), проф., зав. кафедрой госпитальной терапии (1939 - 1966) 1-го ММИ; директор медико-биологического ин-та (1930 - 1932); консультант Лечсанупра Кремля. Председатель Всесоюз. общ-ва терапевтов, секретарь Моск. терапевт. общ., чл. президиума Всерос. кардиологич. общества. Зам. ред. журн. «Терапевтический архив» (1930 - 1941). Авт. 130-ти науч. работ, в т.ч. монографий, посвященных патоморфологии бронхиальной астмы, болезням печени и желчных путей, наследственности в этиологии аллергических заболеваний, про мышленным отравлениям, истории медицины; описал разновидности легочного сердца при карциноматозе, хорионэпителиоме, синдроме Пиквика. Соч.: «Легочное сердце». 1944. «Бронхиальная астма». М., 1950. «Советские терапевты в ВОВ». «Некоторые проблемы современной клиники».

КОГАН Михаил Борисович (1893 – 1951). Терапевт, проф. (1940), дмн. С 1938 г. работал в ЦИУВ: проф. каф. внутр. болезней, зав. каф. терапии, зам. дир. по научной части (1944), одновременно руководитель центр. поликлиники Лечсанупра Кремля. Обл. научных интересов: сердечно-сосудистые заболевания, в т.ч. гипертоническая болезнь; инфаркт миокарда; заболевания суставов, легких. Им был предложен термин «коронарная болезнь». Соч.: «Гипертоническая болезнь. Клиника, генезис и лечение». М., 1946.

КОГАН-ЯСНЫЙ Виктор Моисеевич (1889 – 1958). Терапевт, эндокринолог, проф. (1930), дмн. (1924), заслуж. деятель науки (1941). Уч. к 1 й миров. войны: врач в действ. армии (1914 – 1917). В 1919 г. – один из основателей Украинск. ин-та эндокринологии в Харькове. С 1925 г. – приват-доцент факульт. терапевтич. клин., с 1930 г. – зав. каф. терапии Харьковск. мед. ин-та; в 1930 г. – организатор и директор первой в СССР эндокринологической клиники в Харькове. Гл. терапевт МЗ Украины. Организатор и гл. редактор журн. «Врачебное дело», участвовал в редактировании БМЭ. Авт. 175-ти науч. работ, в т.ч. 4-х моногр., 40 пособий, учебн. и справочн. в обл. клинич. эндокринологии, диабета, базедовой болезни, нарушения обмена веществ, гипертонической болезни, сифилиса. Впервые в России в 1922 году (одновр. с Бантингом и Бестом) выделил инсулин и внедрил его в практику. Под его руковод. вып. 15 докт. и 35 канд. дисс. Соч.: «Некоторые данные об инсулине, его приготовлении и применении», 1923; «Основы терапии и лечебной профилактики», 1934 (в соавт.); «Висцеральный сифилис». Киев, 1939; «Диабет», 1945; «Сахарная болезнь», 1957.

ЛЕВИН Б.С. Диетолог, кмн. В 1965 г. – зав. отд. лечебн. питания Центр. ин-та курортологии и физиотерапии, М.

МОШКОВСКИЙ Шабсай Давидович (1895 – 1982). Паразитолог, эпидемиолог, химиотерапевт, проф., дмн., чл. корр. АМН СССР (1946). Вел курс протозоологии МГУ (1949 – 1965). Организатор и зав. каф. мед. паразитологии (1935 – 1968), одновременно в течение 40 лет зав. отд. протозоологии, зам. дир. по науч. части ЦИУВ (1935 – 1950), науч. консультант Ин-та мед. паразитологии и тропической медицины. Руководитель и член ряда науч. общественных организаций по борьбе с инфекционными болезнями в СССР и за рубежом, а т.ж. по линии ВОЗ. Участник и руководитель многих экспедиций по изучению малярии, москитной лихорадки и др. б.ней. Внес большой вклад в теорию общей и количественной эпидемиологии. Авт. около 370-ти науч. работ, в т.ч. ряд руководств и 2-х монографий, 6-ти авторских свидетельств, посвященных широкому кругу вопросов паразитологии, лекарственной устойчивости малярийных паразитов, особенности эпидемиологии амёбной дизентерии; ввел понятие функциональной паразитологии, сформулировал принцип филогенетической имитации. Соч.: «Аллергия и иммунитет». М., 1947. «Основные закономерности эпидемиологии малярии». М., 1950. «Краткий справочник по инфекцион. и паразитарн. б.ням жарких стран». М., 1957 (в соавт.).

НЕЗЛИН Вениамин Ефимович (1894 – 1975). Терапевт, кардиолог, проф. (1951), дмн. (1939). Доц. терапевтич. клин. ЦИУВ (1939 – 1940), уч. к 2 й Миров. войны – гл. терапевт Воронежск. воен. округа (1944 – 1946), одновременно зав. каф. терапии Воронежск. мед. ин-та, работ. в ИУВ, М. (1947 – 1950), зав. каф. бальнеологии и терапии ИУВ в Кисловодске (1951 – 1959), зав. терапевт. отд. НИИ сердечно-сосудист. хирургии АМН СССР (1960 – 1965), консультант этого ин-та (1965 – 1973). Авт. науч. работ в обл. ревматизма, инфаркта миокарда, пороков сердца, ишемической болезни, вопросов курортного лечения. Соч.: «Ревматизм», 1947; «Руководство по ЭКГ», 1948; «Коронарная болезнь», 1951; «Нарушение венозного кровообращения», 1955; «Ревматические пороки сердца», 1968.

НЕЗЛИН Соломон Ефимович (Хаимович) (1892 – 1990). Фтизиатр, проф. (1952), дмн. (1946). В 1923 г. основал и заведовал в теч. 25-ти лет соц. гигиенич. отд. Центр. туберкул. ин-та в Москве, зав. оргметодделом Моск. туберкул. ин-та (1953 – 1955), одновременно зам. дир. Львовск. ин-та туберкул. (1952 – 1953), затем туберкул. отд. ЦИЭТИН, зав. науч. частью Киргизск. туберкул. ин-та (1962 – 1963). Чл. Всесоюзн. и Всероссийск. об-в фтизиатров, чл. правл. Моск. об-ва фтизиатров. Чл. редкол. журн. «Вопросы туберкулеза». Авт. 350-ти науч. работ, посвященных патологии и клинике туберкулеза. Под рук. Н. вып. 20 дисс. Соч.: «Изучение туберкулеза среди национальностей СССР», 1930; «Туберкулез легких в пожилом возрасте», 1948; «Экспертиза трудоспособности и трудоустройство больных туберкулезом легких», 1960, и др.

ПЕВЗNER Михаил Исаакович (1872 – 1952). Терапевт, диетолог, проф. (1927), заслужен. деятель науки (1936). С 1900 г. стажировался в клин. Германии, с 1908 г. работ. в госпитальн. терапевтич. клин. Моск. ун-та, вел курс б.ней ЖКТ. В 1921 г. орг. отдел. б.ней органов пищеварен. и лечебн.

питания при курортн. клин. НКМЗ РСФСР, с 1927 г. проф. каф. болезней органов пищеварения и диететики ин та курортологии, с 1932 г. зав. каф. лечебного питания ЦИУВ. Организатор и дир. Клиники лечебн. питания в Ин те питания АМН СССР, организатор лечебного питания на курортах Кавказских минеральных вод. Участвовал в редактировании БМЭ. Создатель современной диетологии, научной школы гастроэнтерологов диетотерапевтов. Авт. более 200 науч. работ, в т.ч. свыше 10 ти монографий, посвященных проблемам гастроэнтерологии, лечебного питания при ряде заболеваний внутренних органов, диететике и диетотерапии. Инициатор внедрения лечебного питания в практику лечебно профилактических учреждений и в систему обществен. питания. Соч.: «Рациональное диетическое и лечебное питание». 2 т., 1930 1932; «Основы лечебного питания», 1937, 1958; «Диагностика и терапия болезней ЖКТ и обмена веществ», 1945; «Язва желудка и двенадцатиперстной кишки», 1946; «Лечебное питание в комплексной терапии туберкулеза», 1948 и др.

ПОЛОНСКИЙ Яков Натанович (1903 1956). Акушер гинеколог, проф., дмн. (1943). Работал асс., приват доцентом каф. акушерства и гинекологии 1 го ММИ (1935 1937), зав. акушерской клиники Моск. областного НИИ акуш. и гинекологии (1937 1939), нач. военных госпиталей и маневренных хирургических групп (1939 1943), нач. научно исследов. отдела ВММА (1943 1946), зам. дир. по научной части Свердл. ин та охраны материнства и младенчества (1946 1951); проф. каф. акушерства и гинекологии Свердловского мед. ин та, зав. каф. акушерства и гинекол. Чкаловского мед. ин та. Автор более 70 ти работ, соавтор 3 томного медицинского словаря справочника. Переводчик монографий: Герман ??, «Гармонотерапия в гинекологии и акушерстве» (1927), Фабр ??, «Акушерство» (1929), Штенкель ??, «Основы акушерства» (1933).

ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ Борис Сергеевич (1892 19??). Отоларинголог, заслуж. деятель науки, действительный член АМН СССР. Завед. кафедрой болезней уха, горла и носа 2 го ММИ. Автор более 100 научных работ, посвященных изучению проблем ангины и тонзиллита, профессиональной глухоты, глухонемой у детей. Принимал активное участие в разработке номенклатуры и классификации заболеваний уха, горла и носа. Соавтор учебника для врачей по оториноларингологии.

РАПОПОРТ Яков Львович (1898 1996). Патологоанатом, проф. (1938), заслуж. деятель науки. Декан и зам. дир. по науч. части 2 го ММИ (1937 1942); участник 2 й Миров. войны: с 1942 г. гл. патологоанатом Карельского и Прибалтийского фронтов; с 1945 г. зав. лаб. сердечно сосудист. патологии Ин та нормальн. и патологическ. морфологии АМН СССР, зав. лаб. патоморфологии Гос. науч. контрольн. ин та (1951 1958) и Ин та сердечно сосудистой хирургии АМН СССР (1958 1973). Чл. ред. и отв. секр. ж. «Архив патологии». Авт. 200 науч. работ, посвященных патологии пересаженного сердца, систематике осложнений в кардиохирургии, патогенезу кожного туберкулеза, патологии миокарда. Под его руководством. вып. 22 докт. и канд. дисс. Соч.: «Курс патологии». М., 1950; «На рубеже двух эпох. Дело врачей 1953 года», 1988.

СЕРЕЙСКИЙ Марк Яковлевич (1885 1957). Психиатр, биохимик, эндокринолог, проф., дмн. (1926). Изучал медицину в Мюнхене (после 1910). В теч. 13 ти лет работал в психиатрич. клин. 1 го ММИ под рук. П.Б. Ганнушкина, в течение ряда лет в биохимич. ин те НКМЗ РСФСР (в последств. Ин т биохимии АН СССР) под рук. А.Н. Баха (1919 1922), в эндокринологической клинике Медико биологического ин та; зав. каф рами психиатрии Гос. дефектологического ин та, Москва (с 1925), Ростовск. н/д. мед. ин та (1930 1934) и ЦИУВ (1935 1951), одновременно в 1949 г. зав. клин. экспериментальной терапии психозов Центр. ин та психиатрии МЗ РСФСР, зав. клин. ин та психиатрии МЗ РСФСР (1951 1957). Во время 2 й Мировой войны (1941 1945) организовал первую в Таджикистане психиатрическую б цу и первый в СССР тыловой специализированный госпиталь для раненых в голову. Авт. 200 науч. работ, в т.ч. ряда монографий, посвященных эпилепсии, разработке метода лечения психических расстройств сном, освещению механизма действия инсулиновой конвульсивной терапии психозов. Им разработана типология ремиссий при шизофрении, предложена лечебная смесь для терапии эпилепсии (смесь С.) и комбинированной терапии шизофрении. Соч.: «Проблемы монголоидизма в связи с учением о внутренней секреции», 1925; «Учебник психиатрии», 1928, 1946 (5 е изд.) (в соавт.); «Стимуляторы нервной системы», 1943; «Новые пути диагностики и лечения эпилепсии», 1945; «Терапия психических заболеваний», 1948 и др.

ТЕМКИН Яков Соломонович (1896 1976). Отоларинголог, проф. Работал в Ин те профзаболеваний (1924 1933), зав. ЛОР каф. сан. гигиеническ. ф та 1 го ММИ (1931 1952), одновр. зав. отд. клиники профзаболеваний Моск. НИИ гигиены. Уч к 2 й Мировой войны. По его инициативе был создан отоларингологический госпиталь, где он был ведущим хирургом и научным руководителем

(1941–1942). Консультант в поликлин. МПС (1953–1975), одновременно научный руководитель отд. отоларингологии НИИ гигиены (1958–1968), консультант этого ин-та (1968–1975). Зам. пред. Моск. об-ва отоларингологов. Один из основоположников аудиологии в СССР. Авт. 120-ти науч. работ, в т.ч. ряда моногр., учебн., посвященных физическим, гигиеническим и клиническим сторонам профессиональной глухоты, сульфамидотерапии отогенного менингита, клинике тугоухости, пластике среднего уха, лечен. внутречерепн. осложнений. Под его руководством выполнены 3 докт. и 3 канд. дисс. Соч.: «Профессиональная глухота», 1931; «Воздушная контузия», 1947; «Глухота и тугоухость», 1962 (в соавт.); «Руководство по клинической аудиологии» (в соавт.), 1962; «Профессиональные болезни и травмы уха», 1968, и др.

ТОПЧАН Абрам Борисович (1900–1959). Уролог, проф. (1938), д-р (1937), зав. каф.?? (1937–1959), ректор 2-го ММИ (1937–1951). Председатель правления Всесоюзн. об-ва урологов. Обл. научной деятельности: проблемы опухолей и туберкулеза мочеполовой системы; методы рентгенодиагностики урологических заболеваний; исследование влияния эстрогенов на простату, применение их для лечения аденомы и рака предстательной железы. Им предложен метод консервативного лечения недержания мочи, установлены показания для лекарственного и оперативного лечения туберкулеза почек. Соч.: «Рентгенологич. атлас по урологической диагностике», 1947 (в соавт.); «Рак предстательной железы и его лечение синэстролом», 1949 (в соавт.); «Профилактика, раннее выявление и лечение больных туберкулезом мочеполовой системы», 1962.

ФАЕРМАН Илья Львович (1890–1964). Хирург, проф. (1935), д-р (1925), заслуж. деятель науки. Учк 1-й Миров. войны – воен. врач. Зав. каф. пропедевтической хирургии 2-го МГУ (1929–1930), зав. хирургич. отделения б-цы (1931–1935), зав. каф. общ. хирургии 1-го ММИ (1935–1941), гл. хирург эвакогоспиталя, зав. каф. общей хирургии 2-го ММИ (Омск) (1941–1943), зав. каф. пропедевтич. хирургии ММИ МЗ РСФСР (с 1950 г. Рязанск. ММИ) (1943–1954), рук. хирургическ. отделения. ЦНИИ экспертизы трудоспособности и организации труда инвалидов (1954–1964). Чл. правл. хирургическ. об-ва Моск. обл. Авт. 60-ти науч. работ, в т.ч. монографии в обл. хирургической инфекции, хирургии селезенки, пластической хирургии, заболеваний сосудов, экспертизы трудоспособности. Одним из первых в СССР примен. биопсию в целях диагностики, первым осуществ. операцию по созданию искусственного влагалища. Под его руководством защищено 13 докт. и канд. дисс. Соч.: «Материалы к хирургии селезенки». Дисс. докт. Баку, 1926; «Болезни селезенки», 1928; «Облитерирующий эндартериит и тромбоз флебит», 1958; «Вопросы экспертизы трудоспособности при множествен. хронич. заболеван. суставов», 1972 (в соавт.).

ФЕЙГЕЛЬ Иосиф Исаакович (1899–?). Акушер-гинеколог, проф. (1931), д-р. Работал в Ленинградск. ин-те акушерства и гинекологии (1921–1931); асс., доц.; зав. каф. акушерства и гинекологии 2-го ММИ (1931–1941, 1945–1951) и Калининск. мед. ин-та. (1955–1959), зав. гинекологическим отд. ин-та акушерства и гинекологии МЗ СССР (1951–1955). Соредатор БМЭ. Учк 2-й Миров. войны – гл. гинеколог Западн. и 3-го Белорусск. фр-тов (1941–1945). Авт. 130-ти науч. работ, в т.ч. монографий, посвященных мертворождаемости (демографич., социальн. и клинич. аспекты), анатомо-физиологическим особенностям нормального послеродового периода, реакциям на антиген при гонорее. Под его рук.: 5 докт. и десятки канд. дисс. Соч.: «Мертворождаемость», 1929; «Диагностика женской гонорреи реакцией на гонококковый антиген», 1941; «Здоровье женщины и материнство», 1960.

ФЕЛЬДМАН Александр Исидорович (1880–1960). Отоларинголог, проф. (1940), д-р (1934), заслуж. деятель науки. Оконч. мед. ф-т ун-та в Лозанне (Швейцария). С 1923 г. – зав. ЛОР-клин. МО НИКИ до 1952 г., в 1931 г. создал на ее базе кафедру болезней уха, горла и носа ЦИУВ, зав. этой кафедрой. Зам. пред. Моск. науч. об-ва отоларингологов. Авт. 120-ти науч. работ, в т.ч. 4-х моногр. Им предложен способ регионарной анестезии крылонебного узла; впервые разработал вопрос о мастоидитах старческого возраста; занимался проблемой отогенного сепсиса, острых воспалений среднего уха. Способствовал развитию эндоскопии и хирургических методов в отоларингологии. Под его рук. выполнено 6 докт. и 21 канд. дисс. Соч.: «Болезни уха и верхних дыхательных путей в детском возрасте», 1945; «Болезни пищевода», 1949; «Острый мастоидит», 1949.

ШЕРЕШЕВСКИЙ Николай Адольфович (1885–1961). Терапевт, эндокринолог, проф. (1933), д-р мед. (1914), заслужен. деятель науки. Стажировался в Германии (1913–1915). С 1921 г. – доц. курса клинич. эндокринологии 2-го МГУ, зав. клиники эндокринологических заболеваний Всесоюзн. ин-та экспериментальн. эндокринологии Наркомздрава (1932–1934), дир. этого ин-та (1934–1954), с 1953 г. – зав. кафедрой эндокринологии ЦИУВ. Предложил создать Центральную противозобную комиссию при МЗ СССР и был ее председателем. Возглавил фармакологический комитет

МЗ СССР. Один из основоположников отечественной эндокринологии. Авт. более 100 науч. работ, посв. клин. эндокринологии, тиреотоксикозам. Описал синдром Тернер Шерешевского. Соч.: «Клинич. наблюден. над ваготонией» (докт. дисс.), 1914; «Тиреотоксикозы», 1951; «Клиническая эндокринология», 1957.

ШИМЕЛИОВИЧ Борис Абрамович (1892–1952). Кмн., засл. врач РСФСР, зав. Моск. горздрава (1929–1930), главврач клин. б. цы им. Боткина, Москва (1930–1949). Чл. през. ЕАК.

ШЛЯХМАН Александр Львович (189?–19??). Терапевт, кмн., доц. Дир. Иркутского мед. ин-та (1933–1938). Доцент каф. 1-й терапии ЦИУВ. Один из первых клиницистов применил на практике метод радиоактивных маркеров для диагностики заболеваний.

ШНЕЙДЕРОВИЧ Мирон Григорьевич (1899–1973). Терапевт, кмн., полковник мед. службы. Работал в Лечсанупре Кремля в Сочи (осуществлял контроль за состоянием здоровья И.В. Сталина). Уч. к 2-й Мировой войны.

ШТЕРН Лина Соломоновна (1878–1968). Физиолог, проф. (1917), док. мед. (1903), акад. АН СССР (1939) и АМН СССР (1944), Гос. прем. (1943), заслуж. деятель науки (1934). Оконч. Женевский ин-т, работала доц. там же с 1906 г. С 1917 г. – зав. каф. физиологич. химии Женевск. ун-та; с 1925 г. в СССР, зав. каф. физиологии 2-го ММИ (1925–1948), руководитель отд. биохимии Моск. ин-та инфекцион. болезн. (1926–1928), зав. отделом биохимии Московского медико-биологического ин-та (1926–1930), орг. и рук. отдела возрастной физиологии ЦНИИ материнства и младенчества (1929–1938). Организатор и директор ин-та физиологии Наркомпроса РСФСР (АН СССР) (1929–1948), руководитель отдела общей физиологии ВИЭМ, зав. отдела физиологии ин-та биофизики АН СССР (1954–1968). Почетный доктор Женевского ун-та. Член многих советских и зарубежных научных обществ. Организатор и главный редактор журнала «Бюллетень экспериментальной биологии и медицины», участвовала в редактировании БМЭ 1-го и 2-го изданий. Основательница учения о гематозенцефалических барьерах. Авт. 500 науч. работ, в т.ч. нескольких монографий в обл. физиологии дыхания и кровообращения, гуморальной регуляции функций организма, особенно стей функционирования гематозенцефалического барьера и его роли в формировании функциональных состояний различных нервных центров, изучения механизмов гомеостаза, нейрогуморальных механизмов, регуляции сна и бодрствования, патогенеза и терапии шока. Предложила эффективный метод лечения туберкулезного менингита. Соч.: «Гематоэнцефалический барьер», 1935 (в соавт.). «Избранные труды», 1960.

ЭЙНИС Владимир Львович (1890–1978). Фтизиатр, проф. (1929), дмн. (1934), заслуженный деятель науки. Окончил мед. факультет Фрейбургского ун-та. Орг. и рук. Северо-Кавказского ин-та туберкулеза (1921–1926), зав. кафедрой семиотики Кубанского мед. ин-та, Краснодар (1923–1926). Организатор и директор Московского НИИ туберкулеза (1928–1956). Организатор и зав. кафедрой туберкулеза при 2-м ММИ (1929–1952), зав. терапевтическим отделом ЦНИИ туберкулеза МЗ СССР (1956–1978). Действительный член Международного союза по борьбе с туберкулезом. Председатель Всесоюзного и Московского научн. обществ фтизиатров. Редактор журнала «Проблемы туберкулеза», участвовал в редактировании БМЭ 2-го и 3-го изд., ответственный редактор многотомного руководства по туберкулезу. Авт. 200 науч. работ, в т.ч. нескольких монографий, учебника по туберкулезу для студентов. Один из создателей классификации туберкулеза, разработки критериев его клинического излечения. Под его рук. вып. 35 дисс. и около 100 научн. работ. Соч.: «Лечение большого легочным туберкулезом», 1949, 1956; «Туберкулез», 1961, 1965.

ЭТИНГЕР Яков Гиляриевич (1887–1951). Терапевт, кардиолог, проф. (1935), дмн. (1937). Учился в Берлине. Уч. к 1-й мировой войны – ординатор воен. госп. Приват-доц. каф. пропедевтики внутр. б. ней 1-го ММИ (1929–1931); организатор и зав. каф. пропедевтики внутренних б. ней (1932–1942) педиатрического ф-та 2-го ММИ, зав. терапевтической клиники на этом ф-те до 1949 г. Член правл. Всесоюзн. об-ва терапевтов. Области научных интересов: функциональные м-ды исследований сердечно-сосудистой системы, диагностика ревматизма и пороков сердца, инфаркта миокарда.

Приведенные сведения свидетельствуют о том, что «врачи-вредители» были типичными представителями того поколения медицинских работников, которое активно участвовало в становлении советской медицины в ее практической и научной части, в подготовке и воспитании кадров врачей. Они быст-

ро выдвинулись в первые ряды деятелей творческой медицины, и не было ничего неожиданного в том, что они заняли в ней руководящие роли.

Дезорганизация медицинской службы, вызванная арестом перечисленных выше врачей, хорошо видна на московских примерах.

В качестве *первого примера* начну с 1-й Градской больницы. Это одна из старейших и крупнейших городских больниц Москвы. В течение многих десятков лет (с начала прошлого века) отделения больницы служат базой для клиник 2-го Московского медицинского института (тогда имени И.В. Сталина). Во главе этих клиник стояли выдающиеся ученые-медики, заложившие лучшие традиции лечебной, научной и педагогической работы. Десятки тысяч врачей получали свое образование в этих клиниках.

Среди учителей, от которых студенты воспринимали великую мудрость врача, были и «врачи-вредители»: терапевты Э.М. Гельштейн, Я.Г. Этингер; офтальмолог М.И. Авербах; невропатолог А.М. Гринштейн; отоларинголог Б.С. Преображенский; акушеры-гинекологи И.Л. Брауде, И.И. Фейгель. Добавьте к этому изгнанных из института ассистентов этих ученых, и на примере одной только этой клинической больницы увидите, какое опустошение в рядах виднейших представителей медицины внесло «Дело врачей-вредителей».

Во главе больницы, ее главным врачом был профессор Абрам Борисович Топчан. Одновременно он был заведующим урологической клиникой, а с 1937 г. – ректором 2-го Московского медицинского института. Старый (по стажу) член партии, доброжелательный человек с большим тактом, он пользовался любовью студенчества и уважением профессоров и преподавателей. Он был последовательно уволен со всех должностей. При увольнении его в 1951 г. с последней должности – ректора 2-го Московского медицинского института – долго не могли найти более или менее обоснованную формулировку приказа об увольнении.

Второй пример. Институт питания, который занимался комплексным изучением вопросов питания здорового и больного человека. Коллектив шел непроторенным путем, так как осуществлял абсолютно новое направление в медицине и здравоохранении, в социальной гигиене. На основе проделанных научных разработок в стране были открыты аналогичные учреждения в Ленинграде, Киеве, Харькове, Ростове-на-Дону – всего 10 институтов. Материалы, накопленные в институте, сыграли большую роль, когда при гигиенической секции Лиги Наций был создан специальный комитет питания, и рекомендации института были признаны наиболее экспериментально обоснованными и научно оправданными. Институт стал ведущим центром научно обоснованного питания. В 1952 г., в связи с подготовкой «Дела врачей-вредителей», были «изъяты» из системы лечебного питания директор института М.И. Певзнер, заведующие клиническими отделениями Л.Б. Берлин, О.Л. Гордон, а также специалисты из других медицинских учреждений: С.М. Бремер, Б.С. Левин и Б.И. Збарский, разработавший биохимические основы рациональных диет при различных заболеваниях. И научные учреждения враз превратились в заштатные больницы.

Третий пример. Московская городская клиническая больница им. Боткина, являвшаяся клинической базой Центрального института усовершенствования врачей. Сразу после ареста М.С. Вовси в ЦИУВ начала работать комиссия по проверке врачебных кадров. Эта комиссия, составленная почему-то из чиновников Министерства путей сообщения, заседала в специально отведенной комнате в деканате ЦИУВ, который располагался в старинном здании на площади Восстания. Вызывали очередную жертву – в торце длинного стола был специальный стул. Проверяемыми были врачи, но не только. Но все исключительно еврейской национальности. Из «личного дела» зачитывали какие-то бумаги, задавали невнятные вопросы. Затем за закрытыми дверями что-то обсуждали и постановляли: «Для работы в ЦИУВ непригоден». Было совершенно бесполезно спорить, говорить о своих правах или тем более о достоинствах и заслугах. Все, кроме двух, были уволены с работы. Одним был лаборант кафедры медицинской радиологии, вторым – кладовщик материального склада.

Преподавательский состав ЦИУВ был взбуродражен. Вслед за М.С. Вовси были арестованы: Л.Б. Берлин и О.Л. Гордон, сотрудники кафедры терапии лечебного питания; И.Л. Брауде, бывший зав. кафедрой акушерства и гинекологии, работавший во 2-м ММИ; видный паразитолог страны Ш.Д. Мошковский – заведующий учебной частью института; терапевты В.Е. Незлин и А.Л. Шляхман; заведующий кафедрой эндокринологии Н.А. Шерешевский. Аресты внесли опустошение в руководящий состав ведущего института страны, призванного развивать отечественное здравоохранение. Вокруг этих врачей и ученых раздувались слухи, что евреи-врачи «прививают рак», «злоумышленно залечивают своих пациентов». Все были подавлены страхом. И врачи, и больные. Не выдержав ожидания ареста, покончил самоубийством декан факультета терапии, значительное лицо института – Н.П. Рабинович. Никто не решался идти на его похороны. Он не был арестован, но... почему покончил с собой? В сумрачный ноябрьский день за гробом декана медленно шли лишь две пожилые женщины – руководитель Института усовершенствования врачей Вера Павловна Лебедева и ее верный секретарь.

Примеры можно продолжать и продолжать. Нормальный человеческий мозг, даже затуманенный многолетней обработкой в коммунистическом духе, не мог вместить то, что было опубликовано в газете «Правда» 13 января. Представители гуманнейшей профессии – врачи, ее руководящее звено, оказались, по уверению наших славных «органов», «террористической группой врачей, ставящей своей целью путем вредительского лечения сокращать жизнь...» своим пациентам. Нам, близко их знавшим, работавшим с ними бок о бок многие годы, учившимся у них, газетное сообщение казалось бредом сумасшедшего. Но дебильное «Сообщение ТАСС» сделано было не дебилами – оно было сделано для дебилов, какими и оказались миллионы советских людей. Они в своем подавляющем большинстве, в том числе и, увы, медики, поверили в существование «врачей-извергов», «убийц в белых халатах». Панический ужас перед врачами, особенно перед врачами-евреями, обуял всех,

кто был вынужден к ним обратиться за помощью. Медицинский мир был не только подавлен, он был почти раздавлен.

Но вернемся к истинному положению вещей и рассмотрим, какое же участие в процессе развития отечественной медицины принимали «врачи-убийцы». Оказывается, очень активное, а в отдельных случаях «врачи-убийцы» были и первопроходцами.

В предвоенные, военные и послевоенные годы на пути развития отечественной медицины (так в мое время называли советское здравоохранение) встречалось много экстраординарных проблем – чума, холера, эпидемия сыпного тифа, всплеск заболеваемости туберкулезом. Надо особо отметить, что эти проблемы были решены на высоком профессиональном и научном уровне, и возглавляли их решение наравне с врачами различных национальностей и евреи, а среди них и будущие «давнишние агенты... разведок» английских, американских и немецких. На двух таких экстраординарных задачах, вставших перед советскими медиками, я хочу остановиться подробнее.

Военно-полевая терапия в Отечественной войне 1941 – 1945 гг.

Необходимость создания организации, обеспечивающей оказание терапевтической помощи в вооруженных силах, а также широкое привлечение врачей-терапевтов к лечению болезней, встречающихся среди личного состава войск, как на фронте, так и в тылу в колоссальных масштабах, возникла с первых дней нападения гитлеровцев. Процесс формирования, становления и развития системы организации терапевтической помощи в действующей армии протекал под непосредственным руководством виднейших и высококвалифицированных терапевтов страны и при активном участии сотен клиницистов и тысяч практических врачей. На ответственные должности главных терапевтов фронтов были назначены замечательные ученые-клиницисты: В.Х. Василенко, Б.Е. Вотчал, Э.М. Гельштейн, Е.М. Гинзбург, П.О. Дмитриев, П.И. Егоров, Б.В. Ильинский, М.А. Лясс, Н.С. Молчанов, С.А. Поспелов, Д.Н. Яновский и др. Главным терапевтом Красной армии был назначен М.С. Вовси, а главным терапевтом Военно-морского флота – А.Л. Мясников*.

В этой связи представляет интерес процесс подбора кандидата на должность Главного терапевта Красной армии, по поводу чего Ефим Иванович Смирнов, который был в то время начальником Главного военно-санитарного управления Красной армии, пишет:

* Основная информация взята из статьи генерал-полковника медицинской службы, начальника Центрального военно-медицинского управления Министерства обороны СССР Е.И. Смирнова – «Военно-полевая терапия и современные проблемы советской медицины» (154), из многотомного издания «Опыт советской медицины в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 гг.» (215) и книги «Главные терапевты фронтов и флотов в Великой Отечественной войне (11).

«Решая вопрос о подборе кандидата на должность главного терапевта Красной армии, я считал нужным посоветоваться с ленинградским профессором, широко известным клиницистом Г.Ф. Лангом. Позвонил ему по телефону. Он попросил у меня сутки на обдумывание и ровно в это же время на другой день позвонил мне и сказал, что может рекомендовать только одного кандидата – профессора Мирона Семеновича Вовси. Я поблагодарил Георгия Федоровича и долго находился в раздумье. Я совершенно не знал проф. Вовси. Но не это меня озадачило, а другое. Почему он не рекомендовал других известных профессоров-клиницистов, более молодых и подвижных. Что это, думал я, результат особой личной симпатии к проф. Вовси? Нет, этого быть не может. Слишком важна рекомендация, чтобы в ее основе лежали элементы личного, а не делового порядка. <...> Я безоговорочно поддержал эту кандидатуру, и ее выбор рассматриваю как исключительную удачу. Проф. М.С. Вовси полностью оправдал доверие. Он был блестящим главным терапевтом Красной армии» (11).

Результаты деятельности медицинской терапевтической службы общеизвестны. Впервые в истории в условиях небывалой по масштабам и напряженности войны были достигнуты исключительно высокие показатели в лечении раненых и больных. Советские вооруженные силы в течение всей войны значительную часть пополнения в личном составе получили за счет излеченных в медико-санитарных батальонах и госпиталях солдат и офицеров.

Одним из решающих обстоятельств, обеспечивших успешную деятельность медицинской службы в годы Великой Отечественной войны, следует считать научную разработку и широкое применение системы этапного лечения раненых и больных с эвакуацией их по назначению. В этой принципиально новой, передовой системе лечебно-эвакуационного обеспечения войск творчески преломились весь научный опыт, воззрения и идеи отечественных ученых, их поиск наиболее эффективных форм и методов организации работы личного состава медицинской службы. Были учтены особый характер течения некоторых заболеваний на войне, разнообразные осложнения со стороны внутренних органов раненых, контуженных и обмороженных воинов. Уже в начале войны были созданы необходимые основы организации терапевтической помощи в действующей армии, учитывающие специфику внутренней патологии военного времени.

Под руководством М.С. Вовси и при его непосредственном участии были проведены 23 фронтовые и армейские научные конференции, сделано 4 установочных доклада на пленумах ученого медицинского совета при начальнике Главного военно-санитарного управления Красной армии. В 1947 г. на XIII Всесоюзном съезде терапевтов М.С. Вовси сделал программный доклад на тему «Внутренняя медицина в период Великой Отечественной войны», в котором отметил особенности течения заболеваний внутренних органов, болезней раненых, и подвел итоги огромной работы терапевтов в годы минувшей войны.

Опыт отряда военных терапевтов в значительной мере обобщен в сокровищнице военной медицины – многотомном издании «Опыт советской медицины в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

Определяющее значение в разработке принципиальных основ организации терапевтической помощи как в действующей армии, так и в тылу страны принадлежит «высшему эшелону» терапевтической службы – главному терапевту

Красной армии академику М.С. Вовси и главному терапевту Военно-морского флота академику А.Л. Мясникову, которые систематически анализировали и творчески обобщали опыт работы военно-полевых и флотских терапевтов и на этой основе изыскивали и находили новые пути дальнейшего совершенствования практики оказания терапевтической помощи больным и раненым. История бережно хранит имена выдающихся деятелей науки, с жизнью и деятельностью которых связано становление и развитие целой отрасли знаний. Сегодня, спустя много лет после окончания Великой Отечественной войны, следует с благодарностью вспомнить тех, кто стоял у истоков отечественной военно-полевой терапии, кто закладывал фундамент ее успехов. В их числе ведущее место принадлежит также Л.Б. Берлину, Г.Ф. Благману, М.В. Бургсдорфу, Р.А. Дымшицу, В.Е. Незлину, Я.Л. Рапопорту, А.Л. Шляхману, М.Г. Шнейдеровичу, Я.Г.Этингеру...

Сохранение тела Ленина*

1924 год, 25 марта. Официальное сообщение: «После смерти В.И. Ульянова (Ленина) тело его подвергнуто было бальзамированию обычным способом, имевшим целью временное его сохранение. В настоящее время, идя навстречу пожеланиям широких масс Союза ССР и других стран – видеть облик покойного вождя, комиссия по похоронам В.И. Ульянова (Ленина) решила принять меры, имеющиеся в распоряжении современной науки, для возможного длительного сохранения тела. Ввиду сказанного комиссия поручила известному анатому проф. Харьковского медицинского института В.П. Воробьеву немедленно приступить к бальзамированию, удовлетворяющему намеченной цели».

Ведущий патоморфолог страны А.И. Абрикосов, который на первых порах после смерти Ленина наблюдал за сохранностью тела в период всенародного прощания с вождем, на третий месяц, в марте, пришел к выводу, что дальнейшая борьба за сохранение тела вождя бессмысленна (119). «Вы хотите знать, – говорил он, – обладает ли наука средством сохранить тело Владимира Ильича на очень продолжительное время? Пожалуй, таких средств нет».

Дальнейшие работы по сохранению тела Ленина были поручены В.П. Воробьеву и Б.И. Збарскому с группой медиков, которые предложили новый, оригинальный способ. Был в кратчайший срок изобретен бальзамирующий состав, который препятствует аутизму и высыханию тканей и, самое главное, сохраняет нормальный вид тканей. Для этого потребовалось сочетание науки, воли и самоотверженности (118).

Сначала Б.И. Збарский был ближайшим помощником Воробьева, а потом возглавил группу, которой предстояло совершить то, чему не было аналогов в мировой истории, то, что большинство мировых авторитетов считало невоз-

* Основная информация взята из книги Б.И. Збарского «Мавзолей Ленина» (119), из Отчета комиссии ЦИК СССР по увековечению памяти В.И. Ульянова (Ленина) (219) и отзыва министра здравоохранения СССР Г.А. Митерева (190).

можным. Основные заботы, связанные с постоянным наблюдением за состоянием тела Ленина, были возложены на Б.И. Збарского.

В 1934 году (через 10 лет) специальная комиссия, в которую вошли ведущие медики страны во главе с А.И. Абрикосовым, оценила работу по сохранению тела Ленина как научное достижение мирового значения. Комиссия отметила исключительные заслуги проф. В.П. Воробьева и проф. Б.И. Збарского, проявивших смелую инициативу, огромный труд и энергию. Их наградили орденами Ленина.

В конце следующего десятилетия сохранение тела Ленина осложнилось его эвакуацией в г. Тюмень. В 1944 году специальная комиссия вновь высоко оценила деятельность Б.И. Збарского. Он был награжден вторым орденом Ленина, и ему была присуждена Сталинская премия 1-й степени. Блага, которые пролились благодарственным дождем, на этом только начались: он вошел в первый состав вновь созданной Академии медицинских наук СССР в качестве ее действительного члена. В 1945 г. в связи с открытием Мавзолея после окончания эвакуации Збарскому присваивается звание Героя социалистического труда, он становится членом Президиума Академии медицинских наук.

В своей научной деятельности Борис Ильич не замыкается на лаборатории по бальзамированию тела Ленина. Он ученый широкого профиля. Много времени он уделяет преподаванию на кафедре биохимии 1-го ММИ. В организованной им лаборатории биохимии рака была выявлена особенность белкового состава тканей злокачественных опухолей, что внесло значительный вклад в изучение онкогенеза.

Но все его заслуги перед партией коммунистов, перед наукой, перед страной оказались ничем, когда его в февральскую ночь 1952 г. арестовали и содержали два года под следствием. Несмотря на постоянные грубые по форме допросы безграмотным следователем, издевательствам, моральному и физическому давлению, из него не смогли вытянуть ложные признания во вредительстве и шпионаже. В конце 1953 года Б.И. Збарский был освобожден из заключения и сразу же вернулся на работу, а 7 октября 1954 г. он умер во время очередной лекции.

В таблице № 1 представлены статистические данные о статусе врачей, проходивших по «Делу врачей-вредителей». Цифры, приведенные в таблице, говорят сами за себя. Сталин, организовав дело «врачей-вредителей» нанес сокрушительный удар по всей медицинской элите страны, по основным научным направлениям, по разработке и внедрению в советское здравоохранение наиболее эффективных методов лечения и оздоровления населения.

Когда смотришь на представленную таблицу, в голову лезут нехорошие мысли о нашем бывшем советском обществе.

Где же были коллеги репрессированных по Академии медицинских наук? Уж кто-кто, а они-то знали истинную цену репрессированным ученым!

Табл. № 1. Статистические данные о статусе врачей, проходивших по «Делу врачей-вредителей»

Социальный статус и показатель научно-педагогической и клинической деятельности	Количество	
	евреи	Другие национальности
Академики	4 (Вовси, Гринштейн, Збарский, Мошковский)	2 (Василенко Зеленин)
Профессора	31	5
Доктора медицинских наук	32	5
Кандидаты медицинских наук	6	6
Заслуженные деятели науки	16	3
Выполнено диссертаций (<i>под их руководством</i>)	337	?
Публикации научного и методического характера		?
Всего:	3917	
Из них: монографий, учебников и энциклопедий	224	
Организаторы и члены редколлегии медицинской периодической печати и энциклопедий	19	3
Участники Отечественной войны	14	?

Примечание:

Общее количество – 75 , из них евреев – 57.

(Уточненная информация о 39-ти репрессированных врачах-евреях получена из рукописи готовящейся к изданию книги «Евреи – медики и биологи в жизни России за последние 200 лет» (Сост. – проф. Э.С. Любошиц). Данные о врачах других национальностей получена из «Большой медицинской энциклопедии» и др. источников). Данные о 17-ти врачах-евреях и 8-ми врачах других национальностей автору найти не удалось.

Где были сотрудники кафедр и лабораторий, клинических отделений, с которыми бок о бок ежедневно, в течение многих лет, работали арестованные или изгнанные с работы их коллеги?

Где были многочисленные ученики, которые воплощали идеи своих руководителей в диссертациях и потом их с успехом защищали?

Где он, народ, который получал врачебную помощь в самые сложные периоды своей жизни?..

Народ безмолвствовал! Ученые безмолвствовали! Родные безмолвствовали!

Вот она – сила Сталина. Вот оно – проявление СТРАХА.

Я это говорю не в упрек, а только констатирую факт опасности тоталитарного режима.

Чем заключить эту главу? Каковы выводы?

Заключения не будет и выводов тоже. Перечитайте опять всю главу с начала до конца – вот вам и будет вывод, кем были в действительности «врачи-вредители», «варвары в белых халатах», «злостные отравители», «врачи-убийцы, ставшие извергами рода человеческого, растоптавшие священное знамя науки», «подонки человеческого общества», «трижды проклятые убийцы, изуверы, иудина шайка, преступная и омерзительная банда», «сердца которых обросли шерстью», «подлые шпионы и убийцы под маской врачей», которые только тем и занимались, как «вредительским лечением», «сокращали жизнь...», «подрывали здоровье»...

ЛИДИЯ ТИМАШУК КАК СИМВОЛ

Нашу жизнь в период сталинского правления всегда сопровождали символы. Они появлялись на горизонте нашего бытия и активно внедрялись в сознание наше всегда в определенный момент, служа сиюминутным задачам партии.

Символы нашей жизни

Вот те люди-символы, которые приходят мне на память. Заключительный этап коллективизации, 1933 год, в стране свирепствует голод. Введены карточки на хлеб, сахар, масло. Для того чтобы «отовариться», очереди в магазинах нужно было занимать с ночи и попеременно всей семьей их выстаивать, записывая номер чернильным карандашом на ладони. По городу ходили нищие, но их быстро отлавливали.

Я хорошо помню, как нам в школе, на общем сборе пионерского отряда, рассказывали о проклятых кулаках, гноивших в подвалах зерно, и изверге-кулаке, убившем своего сына – пионера **Павлика Морозова**, за то, что он выдал органам ГПУ спрятанное отцом зерно. Мальчик, о котором писала не только наша ребячья газета «Пионерская правда», но и «взрослые» газеты, занял важное место в нашей мальчишеской жизни. Мы в учебе должны были на него рав-

няться, участвовать в слетах, которые регулярно проводились у его памятника, установленного в скверике на Красной Пресне. Я, будучи участником школьного драмкружка, исполнял какую-то роль в представлении о герое-пионере и очень завидовал «артисту», исполнявшему главную роль, особенно в тот момент спектакля, когда тот указывал пальцем на подпол, где хранилось зерно.

Герой-пионер Павлик Морозов – апофеоз того времени, когда был введен в нашу жизнь знаменитый «закон о пяти колосках» (Указ от 7 августа 1932 г.), по которому сажали без всякого разбора, когда были установлены жесточайшие наказания за присвоение «государственной собственности». «Незаконно присвоенный» батон хлеба, предназначенный для голодных детей, вырытые несколько картофелин или пучок моркови с колхозного огорода, подобранные колосья с уже убранных полей грозили расстрелом или, в лучшем случае, 10-ю годами тюрьмы. С голодом Сталин боролся своим методом – запретил о нем говорить и карал недовольных, репрессировал, наказывал, умирал голодных. Только за четыре месяца 1932 г. по этому закону было расстреляно 2.000 и осуждено 55.000 человек.

Результатом «побед» всеобщей коллективизации была полная и длительная дезорганизация сельского хозяйства. И в эту страшную для страны годину бесстрашный пионер Павлик Морозов – 14-летний юный участник борьбы с кулачеством, председатель пионерского отряда села Герасимовка Свердловской области – стал символом не только для детей, но и для всего советского народа. Для страны в тот период такой символ был крайне необходим.

Второй на моей памяти символ – **Алексей Стаханов**. Шел 1935 год – год второй сталинской пятилетки. Кумачовые плакаты и транспаранты реют над головами не только на демонстрациях, но и в каждом классе каждой школы, в каждом цеху завода, актовом зале институтов, над домами. Надо было подстегнуть выдыхающиеся и необеспеченные темпы индустриализации, разработанные в 1933 году и утвержденные на XVII съезде партии.

Алексей Стаханов, 30-летний забойщик шахты «Центральная» в Донбассе, превысил дневную норму выработки угля в 14 раз. Эта инициатива была подхвачена и в других отраслях. В печати появились сообщения о рекордах Н. Сметанина – в обувной промышленности, А. Бусыгина – в автомобилестроении, сестер Виноградовых – в текстильной отрасли, и т.д. Но в памяти остался только Стаханов и его «движение», направленное на развертывание всесоюзной кампании по наращиванию производительности труда. В Москве состоялась конференция рабочих-передовиков производства, на которой Сталин отметил революционный характер этого движения, свободного от консерватизма инженеров, техников и руководителей предприятий. В результате широко разрекламированные декады, недели, месячники стахановского труда надолго выбивали производственный процесс из нормального ритма, ломалось оборудование из-за перегрузки, увеличивался травматизм, а рекорды сменялись длительными простоями. Кончилась эта стахановская вакханалия шельмованием кадровых специалистов народного хозяйства, призывами к бдительности, смеще-

нием и увольнением квалифицированных работников. Но все это – за кадром, а в кадре – молодой, с засученными рукавами и мускулистыми руками рабочий, прямо смотрящий с плакатов, и за ним – горы угля, хлопка, необъятные просторы полей с колосющейся пшеницей и т.д. Наш простой рабочий – символ труженика, построившего социализм в отдельно взятой стране, создавший техническую базу, окончательно и бесповоротно ликвидировавший капиталистические элементы в советском обществе.

Еще один символ, но уже военного времени – **Александр Матросов**. 19-летний паренек, рядовой стрелкового полка, в бою за деревню Чернушки, под Псковом, закрыл своим телом амбразуру немецкого пулеметного дзота, препятствовавшего наступательному прорыву подразделения. В тот момент нужен был такой символ.

Это было в феврале 1943 года. Критический период в ходе Отечественной войны. Позади позорное бегство от гитлеровских полчищ, докатившихся до московских предместий, разгром немцев под Москвой, неудачная попытка разблокировать Ленинград, где мирные горожане тысячами умирали от голода и холода, продвижение немцев на Кавказ, харьковский котел с потерей 240 тысяч бойцов и командиров Красной армии, неудачи Красной армии на Юго-западном фронте, знаменитый приказ Сталина № 227 «ни шагу назад», наступление немцев на Сталинград. Наконец – крутой перелом в войне. Победа под Сталинградом, капитуляция германского генерал-фельдмаршала Паулюса и уничтожение окруженной немецкой группировки. Победа советских войск под Сталинградом быстро переросла в общее наступление на огромном фронте от Ленинграда до Кавказа. В течение месяца были освобождены от гитлеровцев Воронеж, Курск, Белгород, Харьков. Советские войска рвались вперед, несмотря на колоссальные потери. Александр Матросов стал символом победы любой ценой, его геройство стало примером.

Тоталитарное государство подбирало людей-символов для выполнения необходимых политических функций, и они систематически внедрялись в наше сознание. Главным же символом Советского Союза в течение более трех десятилетий был Иосиф Виссарионович Сталин. Символом ума и гениальности. Символом порядочности и честности. Символом любви к народу и преданности делу Партии. Символом величия Советского государства. Его имя было последним словом на устах расстреливаемых в казематах ОГПУ – НКВД – МГБ старых большевиков. С кличем «За Родину, за Сталина!» шли на верную смерть солдаты.

*Сталин – наша слава боевая,
Сталин – нашей юности полет.
С песнями, борясь и побеждая,
Наш народ за Сталиным идет...*

Таких людей-символов в нашей жизни было множество. В зависимости от сиюминутных задач, стоявших перед партией и государством, они несли в себе

положительный или отрицательный эмоциональный заряд, способный направить в нужную сторону народный гнев или всеобщую любовь.

Такой, на мой взгляд, и была **Лидия Тимашук**. В тот конкретный отрезок времени, когда на всех перекрестках, по радио и в газетах на все лады клеймили, поносили профессоров-евреев за то, что они залечили, сократили жизнь ответственным работникам, видным военным и членам правительства советской страны, крайне необходим был символ в лице простого рядового врача русской национальности, честного и бескорыстного. Вот такую роль и сыграла Лидия Федосеевна Тимашук.

Пресса в те напряженные дни начала 1953 года постаралась из «скромной труженицы-врача» слепить образ национальной героини, спасшей Родину, ее руководителей и лично Сталина от смертельной опасности. Со слов журналистки О. Четкиной, врач Лидия Тимашук «стала символом советского патриотизма, высокой бдительности, непримиримой, мужественной борьбы с врагами нашей Родины» (311). Она «помогла» сорвать маску с американских наймитов, извергов, использовавших белый халат для коварных убийств. Лидия Тимашук стала близким и дорогим человеком для миллионов советских людей. В тот конкретный момент, в преддверии открытого процесса над врачами-убийцами, необходимо было разбередить в массах разрушительные инстинкты и ненависть к евреям. Лидия Тимашук как символ с успехом выполнила возложенную на нее задачу. Значение фигуры Тимашук в развертывании «Дела врачей-вредителей» огромно.

Напомню вкратце о том, что в те далекие годы (январь 1953 г.) воспроизводилось в печати. Академик, профессор, личный врач Сталина В.Н. Виноградов и его «террористическая команда» с преступной целью неправильно диагностировали заболевание тов. А.А. Жданова, скрыли имевшийся у него инфаркт миокарда и назначили противопоказанный ему режим, в итоге чего умертвили его. Врач Л. Тимашук сигнализировала в вышестоящие органы о неправильном лечении тов. Жданова и о наличии в Лечсанупре Кремля чрезвычайно опасной группы профессоров-террористов. Сигнал Л. Тимашук послужил основой для разоблачения широко разветвленной террористической организации, которая в скором времени предстанет перед судом.

Главными в этой организации были врачи-евреи.

О значении роли Лидии Тимашук в «Деле врачей-вредителей» написано уже достаточно много, причем самого разного. Ее защитниками многократно выступали В. Малкин и Л. Лыкова (173, 174, 175, 176), В. Иванов (121), В. Бурт (54), Л. Шапиро (314) и М. Хейфец (300), считая, что скромному и честному врачу неоправданно приписывается ключевая роль в «процессе века», и ее, хоть и поздно, но пора реабилитировать. На них яростно нападали Ю. Нудельман (211), Я. Айзенштат (6), Я. Этингер (329), признавая в Л. Тимашук «стукача», а Дж. Брент и В. Наумов считают, что она была секретным агентом МГБ – «сексотом», и носила кличку «Юрина» (51).

Попробуем теперь и мы разобраться в роли Л. Тимашук в «Деле врачей-вредителей».

За четыре года до...

Во-первых, необходимо отметить, что все началось задолго до развернувшейся в январе 1953 года свистопляски вокруг имени Л.Ф. Тимашук. За четыре с половиной года до этого, в августе 1948 г., в санатории ЦК, расположенном на берегу живописного озера Валдай, поправлял свое здоровье и проводил санаторно-курортное лечение по поводу заболевания коронарных сосудов сердца видный деятель партии и государства Андрей Александрович Жданов – ближайший соратник Сталина, всесильный любимец партии, грозный разоблачитель формализма в искусстве, жесткий и безжалостный куратор идеологии, интеллектуальный надсмотрщик и т.д. и т.п. По мнению некоторых историков и современников Жданова, он на самом деле был горьким пьяницей и холуем, на которого Сталин периодически изливал свое дурное настроение, к тому же сердечником.

В начале июля 1948 г., после заседания Политбюро, которое проводилось у Сталина на Ближней даче, когда А.А. Жданов подъезжал к месту своей работы на Старой площади, у него случился обморок. Причиной обморока было нервное напряжение из-за разрастающегося скандала вокруг его тридцатилетнего сына Юрия, который не без помощи папы с конца 1947 г. был назначен главой отдела науки ЦК. По инициативе Ю.А. Жданова, после ряда кулуарных обсуждений о сложившейся к тому времени ситуации в биологических науках и дискуссиях по проблемам наследственности среди ученых-биологов, было созвано совещание, где молодой Жданов прочел лекцию «Точка зрения на современный дарвинизм». Не упоминая фамилий, докладчик предложил собравшимся провести дискуссию между учеными, придерживающимися разных направлений, в частности, теми, кто придерживался хромосомной теории наследственности, и теми, кто считает, что весь организм обладает способностью к наследственности, каждая клетка, каждая отдельная часть организма, а не одни только хромосомы.

Академик Т.Д. Лысенко усмотрел в свободной дискуссии опасные для себя и своих последователей тенденции и пожаловался лично Сталину, что его, народного академика, притесняют сторонники буржуазной, антисоветской, реакционной, антинародной науки: последователи Моргана Вейсмана – Менделя. И хотя они давно покойники, есть у них поклонники и последователи – генетики. Они опасны и вредны для нашей страны, и их науку надо отменить и заменить мичуринским учением, мичуринской биологией.

Сталин вызвал на заседание Политбюро молодого Жданова и, обращаясь к присутствующим А. Жданову, М. Суслову и Д. Шепилову, задал вопрос:

«Кто-нибудь читал лекцию Жданова, младшего Жданова? Это неслыханно. Они представили лекцию младшего Жданова, не ставя в известность Центральный Комитет. Они реально критиковали Лысенко. На каких основаниях?»

Кто санкционировал это? На каких основаниях? Разве вы не знаете, что все в нашем сельском хозяйстве зависит от Лысенко?»

Было решено назначить специальную комиссию ЦК и обсудить возникшие проблемы на всесоюзной сессии. Закljučая заседание, Сталин произнес:

«...мы должны наказать виновных, чтобы показать всем пример ... необходимо спрашивать с отцов, а не с детей» (51).

Таким отцом и был А.А. Жданов.

В начале июля, на очередном заседании Политбюро, обсуждался вопрос о текстах докладов для готовившейся сессии. В частности, Сталин сообщил, что он прочел и одобрил текст доклада Т. Лысенко и сделал в нем несколько исправлений. Он также сообщил, что получил от Юрия Жданова письмо, в котором тот признается, что в прочитанной им лекции он допустил серию серьезных ошибок, которые являются результатом научной незрелости. После этого заседания А.А. Жданов, по пути в свой кабинет на Старой площади, и потерял сознание. После обследования в кремлевской поликлинике его отправили в санаторий ЦК на Валдае, куда он прибыл вместе со своим личным врачом Г.И. Майоровым 13 июля.

Отдыхал А. Жданов в этом санатории, поправлял свое здоровье, удил рыбку, гулял, смотрел фильмы, которые не допускались на открытые экраны, чтобы не развращать сознание простого народа, но от руководства готовящейся конференции не отстранился и постоянно имел с Москвой телефонную связь.

За неделю до начала конференции, 23 июля, А. Жданову позвонил на Валдае Шепилов. Разговор чрезвычайно взволновал Жданова. Его охранник А. Белов сообщает, что после разговора Жданов пережил свой первый серьезный приступ. Его телохранитель заметил, что с 11.30 до полуночи Жданов «не мог дышать». Наблюдавший за ним доктор Г.И. Майоров отметил у больного приступ удушья, кашель с мокротой, окрашенной кровью. Он назначил ему ряд медикаментозных препаратов и охранительный режим. Из Москвы были вызваны профессора В.Н. Виноградов, В.Х. Василенко и П.И. Егоров, а также специалист по электрокардиографическому исследованию доктор С.Е. Карпай. 25 июля врачи осмотрели больного. Проф. В. Виноградов зафиксировал в истории болезни:

«По телефону был деловой звонок. Жданов стал очень расстроенным и не был способен завершить разговор из-за острого приступа сердечной астмы. Он был без движения, дыхание было булькающим, слизь в легких содержала кровь и т. д.» (51).

Софья Карпай сделала электрокардиограмму (ЭКГ), которая показала «блокаду левого пучка Гиса». На электрокардиограмме не было симптомов, говорящих об инфаркте миокарда. Врачи констатировали, что ничего экстраординарного не произошло, и у больного был острый приступ сердечной астмы. Однако врачи решили вести больного как инфарктного. В результате А. Жданову был прописан «полный постельный режим» примерно на две не-

дели. После чего авторитетная комиссия отбыла в Москву. Вскоре больному стало значительно легче, прошел кашель. 31 июля Карпай сняла еще одну ЭКГ, где она обнаружила, что блокада, которую она до этого определяла, исчезла, что подтверждало поставленный врачами диагноз – сердечная астма. Причиной приступа сердечной астмы посчитали кардиосклероз и гипертоническую болезнь. Врачи учли также, что больной пережил сильное эмоциональное напряжение.

А в эти дни началась сессия ВАСХНИЛ (Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук имени Ленина). Проходила она с 31 июля по 7 августа. Сессия носила скорее не научный, а политический характер, и, в сущности, была направлена против противников Лысенко и поддержавшего их Юрия Жданова. Готовилась она подспудно, началась внезапно, пропускали в зал заседания строго по пропускам. В докладе Т. Лысенко, озаглавленном «О положении в биологической науке», не было ничего научного. Основным тезисом доклада было утверждение, что последователи менделизма-морганизма чужды прогрессивному мичуринскому учению, они антинародны и наносят вред стране своей деятельностью. Т. Лысенко сообщил, что вейсманисты-менделисты-морганисты антидиалектики, идеалисты, реакционны по своей сути. «Генетики – “враги народа”», провозгласил докладчик.

На заседаниях выступили И.А. Рапопорт и В.С. Немчинов. Они пытались отстоять научную истину, объясняя значение классической генетики, и тем спасти честь науки. Под нажимом лысенковцев С.И. Алиханян, И.М. Поляков и П.М. Жуковский выступили с заявлениями об изменении своих взглядов и переходе в стан мичуринцев. Юрий Жданов на сессии не присутствовал. Т.Д. Лысенко одержал долгожданную победу, разгромив своих противников и завершив разгром генетики как направления в советской биологической науке. Лысенко и не скрывал личного руководства Сталина своей деятельностью:

«Товарищи! Перед тем как закончить свое выступление, я считаю своим долгом сообщить следующее. В одной из записок мне задан вопрос, какова связь между моим докладом и Центральным Комитетом партии. Мой ответ: Центральный Комитет партии рассмотрел мой доклад и одобрил его». (Бурные аплодисменты, переходящие в овацию. Все встают.)

А затем, как полагалось, было зачитано приветственное письмо товарищу И.В. Сталину.

«Дорогой Иосиф Виссарионович!

...Каждый день и каждый час ученые и практические работники сельского хозяйства ощущают всестороннюю заботу Коммунистической партии и Советского государства о сельскохозяйственной науке и Ваше личное постоянное участие в деле ее дальнейшего развития и расцвета.

Вам, великому творцу коммунизма, обязана отечественная наука тем, что своими гениальными трудами Вы обогатили и возвысили ее перед всем миром, оберегаете ее от опасности отрыва от запросов народа, помогаете ей одерживать победы над реакционными, враждебными народу учениями, заботитесь о непрерывном росте деятелей науки.

Продолжая дело В.И. Ленина, Вы спасли для передовой материалистической биологии учение великого преобразователя природы И.В. Мичурина, подняли мичуринское направление в биологии перед лицом всей науки, как единственно правильное, прогрессивное направление во всех отраслях биологической науки. Тем самым еще более укрепились естественно-научные основы марксистско-ленинского мировоззрения, всепобеждающая сила которого подтверждена всем опытом истории.

...Мичуринское учение – новый высший этап в развитии материалистической биологии. Мичуринская биологическая наука будет и впредь творчески развивать дарвинизм, неуклонно и решительно разоблачать реакционно-идеалистическую, вейсманистско-морганистскую схоластику, оторванную от практики, бороться против недостойного для советского ученого раболепия перед буржуазной наукой, освобождать исследователей от пережитков идеалистических, метафизических идей... Слава великому Сталину, вождю народа и корифею передовой науки!» *(Бурные, долго не смолкающие аплодисменты, переходящие в овацию. Все встают.)*

Сессия закончилась 7 августа 1948 г. В этот день на пятой странице (из шести) газеты «Правда» было опубликовано то самое открытое письмо Сталину от Юрия Жданова, о котором сообщил Сталин месяц тому назад на заседании Политбюро:

Центральному Комитету партии.
Товарищу И.В. Сталину

Я, несомненно, допустил серию серьезных ошибок в своих лекциях по дискуссионным вопросам современного дарвинизма. Само представление такого отчета было ошибкой. Я недооценил свою новую позицию работника аппарата Центрального Комитета; я недооценил свою ответственность; я не имел представления о том, что мое выступление будет расценено как официально выраженный взгляд Центрального Комитета. <...> Я, не подумав, высказывал свою личную точку зрения. <...> Моя острая и публичная критика академика Лысенко была моей ошибкой. Академик Лысенко является в настоящее время признанным лидером мичуринского направления в биологии. Он защищал Мичурина и его доктрину от нападок буржуазных генетиков и сам сделал много для науки и практики нашей экономики. Принимая это во внимание, я пришел к выводу, что критика Лысенко, его некоторых несоответствий должна вести не к ослаблению, а к усилению позиций мичуринцев.

<...> Я считаю своим долгом заверить Вас, товарищ Сталин, и в вашем лице Центральный Комитет партии, что я был и остаюсь ревностным приверженцем Мичурина. Мои ошибки вытекли из факта, что я недостаточно проанализировал историю спорного вопроса, неправильным образом установил фронт для борьбы за мичуринскую доктрину. Все это является результатом неопытности и незрелости. Мои ошибки будут исправлены моими действиями.

Юрий Жданов. Июль, 10, 1948 г.

А. Жданову, видимо, сообщили, что инцидент исчерпан, Сталин милостиво простил отца и сына. Состояние больного быстро улучшилось. Врачи сочли возможным снять охранительный режим, ему опять разрешили гулять, смотреть кино. По записям докторов, в истории болезни существенных изменений в состоянии здоровья у А. Жданова не отмечалось. Ввиду того, что доктор

Карпай на ЭКГ не выявила симптомов острого инфаркта миокарда (последняя ЭКГ была снята д-ром С. Карпай 7 августа), она уехала в отпуск.

Далее, согласно истории болезни, события развивались следующим образом:

18 августа. День у пациента прошел в хорошем общем состоянии.

19 августа. Хорошо спал всю ночь... Общее состояние здоровья – хорошее.

23 августа. В течение дня дважды пациент выходил на веранду. Общее состояние за весь день удовлетворительное. С утра нет никаких изменений.

26 августа. Общее состояние здоровья в течение дня хорошее.

27 августа. День прошел удовлетворительно. Вечером он ходил в кино. Рекомендации те же самые.

28 августа. Общее состояние удовлетворительное. Сон – прерывистый. Легкая утомляемость при передвижении. Одышки не наблюдается.

Рекомендации: продолжить прием дигиталиса, понемногу увеличить прогулки; с 1 сентября разрешаются поездки в машине. 9 сентября возможен разговор о поездке в Москву (51).

В эти дни А. Жданов несколько раз разговаривал с Москвой по телефону, причем разговор опять велся на повышенных тонах. 28 августа, днем, во время прогулки по парку у А. Жданова опять произошел приступ, аналогичный первому. Этому приступу предшествовала беседа со специально прибывшим на дачу Н.А. Вознесенским, которая велась за закрытыми дверями. Опять вызвали в санаторий врачей из Лечсанупра Кремля, и 28 августа медицинская группа в составе акад. В.Н. Виноградова, профессоров П.И. Егорова и В.Х. Василенко, зав. отделением функциональной диагностики Л.Ф. Тимашук была доставлена на самолете в санаторий. Врачи осмотрели А.А. Жданова и произвели электрокардиографическое исследование. Л. Тимашук рассказывала, что когда она принесла ЭКГ П.И. Егорову, он сказал: «Инфаркта нет. Эта электрокардиограмма точно такая же, что и предыдущая». Однако Л. Тимашук – специалист по ЭКГ – высказала свое мнение о наличии у больного инфаркта миокарда в области левого желудочка и межжелудочковой перегородки. Академики Виноградов и Василенко, а также доктор Майоров не были согласны с заключением Л. Тимашук и поддержали мнение профессора Егорова, так как считали, что находки на ЭКГ обусловлены не инфарктом миокарда, а функциональными расстройствами на почве склероза и гипертонической болезни. Профессор Егоров и доктор Майоров предложили переписать заключение и не указывать в нем «инфаркт миокарда». С этим Л. Тимашук отбыла обратно в Москву. Обеспокоенная Лидия Федосеевна, не нашедшая общего языка со старшими коллегами, написала 29 августа на имя начальника правительственной охраны Н.С. Власика письмо и отдала его охраннику Жданова майору А.М. Белову с просьбой как можно скорее передать его в ЦК ВКП(б) или в Кремль (174). Белов предложил передать его своему начальству – Власику. Л. Тимашук не возражала, но просила сделать это побыстрее.

НАЧАЛЬНИКУ ГЛАВНОГО УПРАВЛЕНИЯ ОХРАНЫ МГБ СССР
Н.С. ВЛАСИКУ

28/VIII с/г я была вызвана нач. ЛСУК профессором Егоровым к тов. Жданову А.А. для снятия ЭКГ.

В этот же день вместе с пр. Егоровым, акад. Виноградовым и пр. Василенко я вылетела из Москвы на самолете к месту назначения. Около 12 ч. дня сделала А.А. ЭКГ, по данным которой мною диагностирован «инфаркт миокарда в области левого желудочка и межжелудочковой перегородки», о чем тут же поставила в известность консультанта.

Пр. Егоров и д-р Майоров заявили мне, что это ошибочный диагноз и они с ним не согласны, никакого инфаркта у А. А. нет, а имеется «функциональное расстройство на почве склероза и гипертонической болезни», и предложили мне переписать заключение, не указывая на «инфаркт миокарда», а написать «осторожно» – так, как это сделала д-р Карпай на предыдущих ЭКГ.

29/VIII у А. А. повторился (после вставания с постели) сердечный приступ и я вторично была вызвана из Москвы, но по распоряжению акад. Виноградова и пр. Егорова ЭКГ 29/ VIII в день сердечного приступа не была сделана, а назначена на 30/ VIII, а мне вторично было в категорической форме предложено переделать заключение, не указывая на инфаркт миокарда, о чем я поставила в известность т. Белова А.М.

Считаю, что консультанты и лечащий врач Майоров недооценивают безусловно тяжелое состояние А. А., разрешая ему подниматься с постели, гулять по парку, посещать кино, что и вызвало повторный приступ и в дальнейшем может привести к роковому исходу.

Несмотря на то, что я по настоянию своего начальника переделала ЭКГ, не указав в ней «инфаркт миокарда», остаюсь при своем мнении и настаиваю на соблюдении строжайшего постельного режима для А. А.

29/VIII-48г. Зав. каб. Л.Ф. Тимашук.

Передано майору Белову А.М. 29/ VIII - 48 г. в собственные руки.

Н.С. Власик передал письмо Тимашук В. Абакумову (тогда министру госбезопасности), и тот, в этот же день, ознакомил с содержанием письма Сталина:

Совершенно секретно
Тов. Сталину И.В.

При этом представляю Вам заявление заведующей кабинетом электрокардиографии кремлевской больницы – Тимашук Л.Ф. в отношении состояния здоровья товарища Жданова А.А.

Как видно из заявления Тимашук, последняя настаивает на своем заключении, что у товарища Жданова инфаркт в области передней стенки левого желудочка и межжелудочковой перегородки, в то время, как начальник Санупра Кремля Егоров и академик Виноградов предложили ей переделать заключение, не указывая на инфаркт миокарда.

Приложение: Заявление т. Тимашук и электрокардиография тов. Жданова А.А.
Абакумов

30 августа 1948 г.

Резолюция Сталина: *В архив. Ст.*

Сталин, прочтя письмо Тимашук, усмотрел в нем лишь взаимные претензии медиков друг к другу, причем склочного характера, презрительно высказался: «Чепуха», и начертил красным карандашом резолюцию на абакумовской сопроводилровке – «В архив» (см. стр. 373).

На следующий день (29 августа) утром у Жданова повторился сердечный припадок, сопровождавшийся удушьем. Л. Тимашук вновь вызвали в Валдай, но, по распоряжению В. Виноградова, повторное ЭКГ-исследование было предложено сделать только на следующий день. 30 августа состояние здоровья А. Жданова не улучшается – тяжелая одышка, кашель, сопровождающийся выделением розовой мокроты. Больному делают ЭКГ. Мнение о причине нового приступа сердечной астмы у врачей, курирующих больного, не изменилось – врачи-клиницисты остались при своем и по-прежнему считают, что это приступ сердечной астмы вследствие несостоятельности миокарда, Тимашук – вследствие острого инфаркта миокарда. Отсюда и медицинские рекомендации: клиницисты разрешают больному встать с постели, Тимашук – за строжайший постельный режим.

В ночь на 31 августа А.А. Жданов умирает.

Газета «Правда», 1 сентября 1948 г., № 245 (10988)

От Центрального комитета Всесоюзной коммунистической партии большевиков и Совета министров СССР.

31 августа в 3 часа 55 минут после тяжелой болезни скончался выдающийся деятель нашей партии и советского государства, член Политбюро <...> Андрей Александрович Жданов.

Смерть <...> является тяжелой утратой <...> и для всего советского народа. В лице <...> партия лишилась <..>. Верный ученик и соратник великого Сталина <...> своей кипучей деятельностью на благо <...>. Жизнь тов. Андрея Александровича Жданова будет служить примером <...>.

Центральный Комитет Всесоюзной Коммунистической Партии (большевиков) Совет министров Союза ССР.

Сообщение о смерти Жданова, выдержанное в традиционных тонах, привожу в сокращенном виде, а медицинское заключение – полностью, так как его текст важен для понимания приведенного ниже материала.

Медицинское заключение о болезни и смерти товарища Андрея Александровича Жданова

В течение многих лет тов. Жданов А..А. страдал болезнью высокого кровяного давления, осложнившейся тяжелым атеросклерозом, особенно в сосудах, питающих сердце.

В последние годы у него были приступы грудной жабы, а затем появились припадки сердечной астмы. Смерть последовала от паралича болезненно измененного сердца при явлениях острого отека легких.

Начальник Лечебно-санитарного управления Кремля проф. П. Егоров,

Действительный член Академии медицинских наук, проф. В. Виноградов,
Член-корреспондент Академии медицинских наук, проф. В. Василенко,
Канд. медицинских наук А. Федоров, Заслуженный врач РСФСР Г. Майоров

Вскрытие тела Жданова проводилось приехавшим патологоанатомом А.Н. Федоровым в непригодном для этой процедуры помещении – в полутемной ванной комнате на даче, где умер Жданов. Вскрытие было проведено в присутствии членов Политбюро А.А. Кузнецова, Н.А. Вознесенского и секретаря Ленинградской парторганизации П.С. Попкова – коллег Жданова. Разрешение на вскрытие Жданова не в Москве, а на Валдае П.И. Егоров получил у Поскребышева после официального разрешения Сталина (51, 140).

6 сентября руководство Лечсанупра Кремля собирает патологоанатомическую конференцию, на которой обсуждается клиническая картина заболевания А. Жданова и причина его смерти. Такие разборы проводятся регулярно в лечебных учреждениях, где лечащий врач докладывает собравшимся на конференцию коллегам клиническую симптоматику, течение болезни, результаты лабораторных и инструментальных методов исследования и патоморфологические находки при вскрытии скончавшегося пациента.

К обсуждению были привлечены виднейшие представители клинической медицины в области кардиологии: профессора В.Ф. Зеленин, Я.Г. Этингер, Э.М. Гельштейн, и крупнейшие специалисты в электрокардиографии: профессора В.Е. Незлин, М.Б. Коган, кандидат медицинских наук С.Е. Карпай.

До патологоанатомической конференции проф. В. Незлину было предложено проанализировать ЭКГ, но имя больного сообщено не было. Он указал, что она соответствует симптоматике хронической коронарной недостаточности. Ему был задан вопрос, имеются ли на ЭКГ признаки острой сердечной патологии. В. Незлин подчеркнул, что на ЭКГ нет никаких изменений, указывающих на наличие у больного острого заболевания инфаркта миокарда. То же подтвердили и другие специалисты, приглашенные на заседание.

Доктор Федоров в своем сообщении отметил: «Смерть товарища Жданова А.А. наступила от паралича необратимо изменившегося сердца, который явился следствием атеросклероза коронарных сосудов в сочетании с общим атеросклерозом. В результате развилась острая эмфизема. Инфаркта не было» (51).

П.И. Егоров суммировал результаты конференции, заострив внимание присутствующих на том, что на ЭКГ, сделанных Л. Тимашук, не было данных о наличии у больного инфаркта миокарда, и диагноз был поставлен на основании электрокардиографической картины и клиники заболевания.

После конференции начальник Лечсанупра Кремля П.И. Егоров вызывает Тимашук и ставит вопрос о переводе ее на работу в филиал. Тогда Тимашук, не «найдя правды» у своего начальства, пишет в вышестоящую организацию – прямо в ЦК партии.

7 сентября 1948 г. СЕКРЕТАРЮ ЦК ВКП(б) тов. А.А. КУЗНЕЦОВУ

28/VIII с/г по распоряжению начальника Лечебно-Санитарного Управления Кремля, я была вызвана и доставлена на самолете к больному А.А. Жданову для снятия электрокардиограммы (ЭКГ) в три часа. В двенадцать часов этого же дня мною была сделана ЭКГ, которая сигнализировала о том, что А.А. Жданов перенес инфаркт миокарда, о чем я немедленно доложила консультантам академику В.Н. Виноградову, проф. Егорову П.И., проф. Василенко В.Х. и д-ру Майорову Г.И.

Проф. Егоров и д-р Майоров заявили, что у больного никакого инфаркта нет, а имеются функциональные расстройства сердечной деятельности на почве склероза и гипертонической болезни и категорически предложили мне в анализе электрокардиограммы не указывать на инфаркт миокарда, т. е. так, как это сделала д-р Карпай на предыдущих электрокардиограммах.

Зная прежние электрокардиограммы тов. Жданова А.А. до 1947 года, на которых были указания на небольшие изменения миокарда, последняя ЭКГ меня крайне взволновала, опасение о здоровье тов. Жданова усугубилось еще и тем, что для него не был создан особо строгий постельный режим, который необходим для больного, перенесшего инфаркт миокарда, ему продолжали делать общий массаж, разрешали прогулки по парку, просмотр кинокартин и пр.

29/VIII, после вставания с постели, у больного Жданова А.А., повторился тяжелый сердечный приступ болей, и я вторично была вызвана из Москвы в Валдай. Электрокардиограмму в этот день делать не разрешили, но проф. Егоров П.И. в категорической форме предложил переписать мое заключение от 28/ VIII и не указывать в нем на инфаркт миокарда, между тем ЭКГ явно указывала на органические изменения в миокарде, главным образом, на передней стенке левого желудочка и межжелудочковой перегородки сердца на почве свежего инфаркта миокарда. Показания ЭКГ явно не совпадали с диагнозом «функционального расстройства».

Это поставило меня в весьма тяжелое положение. Я тогда приняла решение передать свое заключение в письменной форме Н.С. Власику через майора Белова А.М., прикрепленного к А. А. Жданову – его личная охрана.

Игнорируя объективные данные ЭКГ от 28/ VIII и ранее сделанные еще в июле с/г в динамике, больному было разрешено вставать с постели, постепенно усиливая физические движения, что было записано в истории болезни.

29/VIII больной встал и пошел в уборную, где у него вновь повторился тяжелый приступ сердечной недостаточности с последующим острым отеком легких, резким расширением сердца и привело больного к преждевременной смерти.

Результаты вскрытия, данные консультации по ЭКГ профессора Незлина В.Е. и др. полностью совпали с выводами моей электрокардиограммы от 28/ VIII-48 г. о наличии инфаркта миокарда.

4/IX-1948 г. начальник ЛечСанупра Кремля проф. Егоров П.И. вызвал меня к себе в кабинет и в присутствии главврача больницы В.Я. Брайцева заявил: «Что я Вам сделал плохого? На каком основании Вы пишете на меня документы. Я коммунист, и мне доверяют партия и правительство, и министр здравоохранения, а потому Ваш документ мне возвратили. Это потому, что мне верят,

а вот Вы, какая-то Тимашук, не верите мне и всем высокопоставленным консультантам с мировым именем и пишете на нас жалобы. Мы с Вами работать не можем. Вы не наш человек! Вы опасны не только для лечащих врачей и консультантов, но и для больного, в семье которого произвели переполох. Сделайте из всего сказанного оргвыводы. Я Вас отпускаю домой, идите и подумайте!»

Я категорически заявляю, что ни с кем из семьи тов. А.А. Жданова я не говорила ни слова о ходе лечения его.

6/IX-48 г. начальник ЛечСанупра Кремля созвал совещание в составе академ. Виноградова В.Н., проф. Василенко В.Х., д-ра Майорова Г.И., патологоанатома Федорова и меня. На этом совещании Егоров заявил присутствующим о том, что собрал всех для того, чтобы сделать окончательные выводы о причине смерти А.А. Жданова и научить, как надо вести себя в подобных случаях. На этом совещании пр. Егоров еще раз упомянул о моей «жалобе» на всех здесь присутствующих и открыл дискуссию по поводу расхождения диагнозов, стараясь всячески дискредитировать меня как врача, нанося мне оскорбления, называя меня «чужим опасным человеком».

В результате вышеизложенного, 7/IX-48 г. меня вызвали в отдел кадров ЛечСанупра Кремля и предупредили о том, что приказом начальника ЛечСанупра с 8/IX с/г я перевожусь на работу в филиал поликлиники.

Выводы:

- 1) Диагноз болезни А.А. Жданова при жизни был поставлен неправильно, т. к. еще на ЭКГ от 28/VIII-48 г. были указания на инфаркт миокарда.
- 2) Этот диагноз подтвердился данными патолого-анатомического вскрытия (д-р Федоров).
- 3) Весьма странно, что начальник ЛечСанупра Кремля пр. Егоров настаивал на том, чтобы я в своем заключении не записала ясный для меня диагноз инфаркта миокарда.
- 4) Лечение и режим больному А.А. Жданову проводились неправильно, т.к. заболевание инфаркта миокарда требует строгого постельного режима в течение нескольких месяцев (фактически больному разрешалось вставать с постели и проч. физические нагрузки).
- 5) Грубо, неправильно, без всякого законного основания профессор Егоров 8/IX-с/г убрал меня из Кремлевской больницы в филиал поликлиники, якобы для усиления там работы.

7/IX-48 г.

Зав. кабинетом электрокардиографии Кремлевской больницы
врач Л. Тимашук.

Москва. Ул. Грановского, Кремлевская больница.

Не получив никакого ответа, Л. Тимашук в январе 1949 года вновь пишет письмо на имя А. Кузнецова. Ответа на него Л. Тимашук также не получила. Несмотря на возражение непосредственного начальства, она продолжала работать в качестве заведующей отделением функциональной диагностики в больнице Лечсанупра Кремля (в дальнейшем – 4-го Главного управления Минздрава СССР).

Совершенно секретно

Товарищу СТАЛИНУ И.В.

При этом представляю Вам заявление заведующей кабинетом электрокардиографии кремлевской больницы – врача ТИМАШУК М.Ф. в отношении состояния здоровья товарища Жданова А.А.

Как видно из заявления ТИМАШУК, последний настаивает на своем заключении, что у товарища Жданова инфаркт миокарда в области передней стенки левого желудочка и межжелудочковой перегородки, в то время как начальник Санупра Кремля ЕГОРОВ и академик ВИНОГРАДОВ предложили ей переделать заключение не указывая на инфаркт миокарда.

Приложение: – Заявление г.ТИМАШУК и электрокардиография товарища Жданова.

Г.З. Фатулов --
АБАКУМОВ.

30 августа 1948 года.

И. Сталин
В.С. Абакумов

Докладная записка И. Сталину от министра госбезопасности В.С. Абакумова по поводу письма Л.Ф. Тимашук. На докладной резолюция Сталина: «В архив».

На смену «Делу ЕАК» – «Дело врачей-вредителей»

Итак, письмо – в архиве, Тимашук работает на старом месте. Прошло почти два года. 1951 год. Сталин высказывает В.С. Абакумову – министру государственной безопасности СССР свое неудовольствие медленным раскрытием «сионистского заговора» членов ЕАК, затягиванием расследования по важным преступлениям против государства, партии, народа и лично тов. Сталина. Уже более двух лет как идет силовая и психологическая обработка арестованных евреев из ЕАК, но оказанное ими сопротивление не дает возможности завершить следствие и организовать открытый судебный процесс, так необходимый Сталину. Сталин решает отделаться от министра Абакумова и через Г.М. Маленкова совместно с его секретарем Д.Н. Сухановым провоцирует М.Д. Рюмина (в то время следователя в чине подполковника) подать в ЦК на имя Сталина жалобу на своего начальника Абакумова с обвинением его в умышленном торможении следствия над еврейскими националистами и в том, что Абакумов не дает хода материалам по сионистскому заговору среди врачей-профессоров, направленному против руководителей государства и лично Сталина.

Вот тут-то, для придания этим обвинениям достоверности, на свет извлекается письмо Тимашук. Абакумова арестовывают вместе с его ближайшими помощниками, ведущими «Дело ЕАК». Рюмин повышается в звании, назначается сначала начальником следственной части, а затем и замминистра МГБ. Началась активная разработка «Дела врачей-вредителей».

Приведенные в главе «Расстрельные списки Сталина не для “Дела ЕАК”» подробности о том, как стряпался донос подтверждает высказанную мною мысль, что инициатором жалобы на Абакумова был Сталин, а исполнитель его директивы Маленков нашел в недрах МГБ такую грязную фигуру, как Рюмин, славившийся своим ярким антисемитизмом.

Выбор врачей для организации открытого судебного процесса с антисемитской направленностью тоже был не случайным. Сталину нужно было организовать террор, который должен был носить всеобъемлющий и повсеместный характер, и врачи-евреи для реализации его планов были наилучшей мишенью. Врачи по своей профессиональной деятельности находятся в тесном контакте с народом, интимно входят в повседневную жизнь людей и контролируют наиболее уязвимую сторону их повседневной жизни – здоровье. А евреи были повсеместно расселены по стране, и не было ни одного медицинского коллектива, будь то научно-исследовательский институт, больница или поликлиника, где бы не было врачей-евреев и где бы Сталин не смог с успехом реализовать свое политическое оружие – антисемитизм.

За постановку судебного фарса, где врачи должны были сыграть ведущую роль, принялась новая бригада МГБ, возглавляемая Рюминым, а письмо Л. Тимашук из архива вышло на свет божий. В августе 1952 года Л. Тимашук дважды

ды вызывали в МГБ, к следователям по особо важным делам Новикову и Елисееву, предлагая подробно рассказать и описать все, что произошло в Валдае накануне смерти А.А. Жданова. Тимашук повторила то, что было уже описано в ее заявлениях на имя А.А. Кузнецова и Н.С. Власика.

11 августа, а потом 17 октября 1952 г. Тимашук дала официальные показания следствию. Вот ее мнение по ключевому вопросу, который будет решаться на показательном процессе, где она, как свидетель обвинения, будет выступать, и где ее участие в открытом судебном процессе может решить судьбу обвиняемых:

«Сперва я в него не верила. Но уж больно наглыми были действия руководителей Лечсанупра: вопреки результатам вскрытия, в официальном заключении о смерти Жданова инфаркт даже не упоминался. А если так поступили со вторым после Сталина человеком в стране, то что говорить о больных рангом пониже! Маленков в Кремле мне сказал: «Наши органы без вины не наказывают: за каждым из арестованных врачей тянется целая цепь преступлений, совершенных по приказу сионистских хозяев». И, знаете, я поверила в это...» (233).

И вновь Л. Тимашук подтверждает свои былые подозрения:

«Как и в 1948 г., я все еще верю, что доктора Майоров Г.Н., Карпай С.Е., профессор-консультант Егоров П.И., Виноградов В.Н. и Василенко В.Х., которые лечили товарища Жданова, неправильно диагностировали болезнь товарища Жданова А.А., проигнорировали факт, доминирующий, что он недавно перенес инфаркт миокарда, и предписали ему режим, противоречащий его тяжелому болезненному состоянию»

«Зная, какими могут быть роковые последствия преступного лечения товарища Жданова, я предупреждала Егорова, Виноградова, Василенко и Майорова, к чему это может привести. 29 августа 1948 г. я сообщила Белову, охраннику Жданова, живущему на Валдае, о своих подозрениях». (51)

4 декабря 1952 г. ЦК КПСС принимает постановление «О вредительстве в лечебном деле», где было указано, что под руководством начальников Лечсанупра Кремля Бусалова и Егорова длительное время орудовала группа преступников. Далее в этом документе написано:

«Еще в 1948 году Министерство государственной безопасности располагало сигналами, которые со всей очевидностью говорили о неблагополучии в Лечсанупре. Врач Тимашук обратилась в МГБ с заявлением, в котором, на основании электрокардиограммы, утверждала что диагноз болезни тов. Жданова А.А. поставлен неправильно и не соответствует данным исследования, а назначенное больному лечение шло во вред больному. Если бы МГБ добросовестно расследовало такое исключительно важное заявление, оно наверняка смогло бы предотвратить злодейское умерщвление т. Жданова А.А., разоблачить и ликвидировать террористическую группу врачей».

О том, что сам Сталин за четыре года до того не дал хода расследованию заявления Л. Тимашук и собственноручно списал его в архив, старались не вспоминать. В начале ноября 1952 г. начались аресты среди врачебной элиты Москвы.

13 января 1953 г. в центральных газетах было опубликовано сообщение ТАСС об аресте группы врачей-вредителей. Там Л. Тимашук увидела знакомые фамилии профессоров, с которыми она была почти пять лет тому назад на Валдае у покойного А. Жданова и с которыми она работает в Лечсанупре Кремля...

«Правда» 13.1.1953

ХРОНИКА

Арест группы врачей-вредителей

Некоторое время тому назад органами государственной безопасности была раскрыта террористическая группа врачей, ставивших своей целью, путем вредительского лечения, сократить жизнь активным деятелям Советского Союза.

В числе участников этой террористической группы оказались: профессор Вовси М.С., врач-терапевт; профессор Виноградов В.Н., врач-терапевт; профессор Коган М.Б.; врач-терапевт; профессор Коган Б.Б., врач-терапевт; профессор Егоров П.И., врач-терапевт; профессор Фельдман А.И., врач-отоларинголог; профессор Этингер Я.Г., врач-терапевт; профессор Гринштейн А.М., врач-невропатолог; Майоров Г.И., врач-терапевт.

Документальными данными, исследованиями, заключениями медицинских экспертов и признаниями арестованных установлено, что преступники, являясь скрытыми врагами народа, осуществляли вредительское лечение больных и подрывали их здоровье.

Следствием установлено, что участники террористической группы, используя свое положение врачей и злоупотребляя доверием больных, преднамеренно злодейски подрывали здоровье последних, умышленно игнорировали данные объективного обследования больных, ставили им неправильные диагнозы, не соответствовавшие действительному характеру их заболеваний, а затем неправильным лечением губили их.

Преступники признались, что они, воспользовавшись болезнью товарища А.А. Жданова, неправильно диагностировали его заболевание, скрыв имевшийся у него инфаркт миокарда, назначили противопоказанный этому тяжелому заболеванию режим и тем самым умертвили товарища А.А. Жданова. Следствием установлено, что преступники так же сократили жизнь товарища А.С. Щербакова, неправильно применяли при его лечении сильнодействующие лекарственные средства, установили пагубный для него режим и довели его таким путем до смерти.

Врачи-преступники старались, в первую очередь, подорвать здоровье советских руководящих военных кадров, вывести их из строя и ослабить оборону страны. Они старались вывести из строя маршала Василевского А.М., маршала Говорова Л.А., маршала Конева И.С., генерала армии Штеменко С.М., адмирала Левченко Г.И. и других, однако арест расстроил их злодейские планы и преступникам не удалось добиться своей цели.

Установлено, что все эти врачи-убийцы, ставшие извергами человеческого рода, растоптавшие священное знамя науки и осквернившие честь деятелей науки, состояли в наемных агентах у иностранной разведки.

Большинство участников террористической группы (Вовси М.С., Коган Б.Б., Фельдман А.И., Гринштейн А.М., Этингер Я.Г. и др.) были связаны с международной еврейской буржуазно-националистической организацией «Джойнт», созданной американской разведкой, якобы для оказания материальной помощи евреям в других странах. На самом же деле, эта организация проводит под руководством американской разведки широкую шпионскую, террористическую и иную подрывную деятельность в ряде стран, в том числе и в Советском Союзе. Арестованный Вовси заявил следствию, что он получил директиву «об истреблении руководящих кадров СССР» из США от организации «Джойнт» через врача в Москве Шимелиовича и известного еврейского буржуазного националиста Михоэлса.

Другие участники террористической группы (Виноградов В.Н., Коган М.Б., Егоров П.И.) оказались давнишними агентами английской разведки.

Следствие будет закончено в ближайшее время. (ТАСС)

В редакционной статье «Подлые шпионы и убийцы под маской профессоров-врачей» газета «Правда», в частности, писала:

«Прикрываясь высоким и благородным званием врача – человека науки, эти изверги и убийцы растоптали священное знамя науки. Встав на путь чудовищных преступлений, они осквернили честь ученых.

Жертвами этой банды человекообразных зверей пали товарищи А.А. Жданов и А.С. Щербаков».

20 января 1953 г. Л.Ф. Тимашук вызвали в Кремль к Г.М. Маленкову, который сообщил, что от имени Совмина СССР и лично тов. Сталина ей выражается благодарность за то, что она помогла правительству разоблачить врагов народа врачей-убийц, и за это ее награждают орденом Ленина.

21 января 1953 г. в газете «Правда», посвященной очередной годовщине смерти Ленина, с дежурным портретом вождя международного пролетариата и редакционной статьей «Под знаменем Ленина, под водительством Сталина» был опубликован указ о награждении Л. Тимашук орденом Ленина.

Указ Президиума Верховного Совета СССР

О НАГРАЖДЕНИИ ОРДЕНОМ ЛЕНИНА

ВРАЧА ТИМАШУК Л. Ф.

За помощь, оказанную Правительству в деле разоблачения врачей-убийц, наградить врача Тимашук Лидию Федосеевну орденом Ленина.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР Н. ШВЕРНИК

Секретарь Президиума Верховного Совета СССР А. ГОРКИН

Москва. Кремль. 20 января 1953 года.

Газета «ПРАВДА», 4 февраля 1953 г. № 35 (12603)

Вручение орденов и медалей СССР. Председатель Президиума Верховного Совета СССР тов. Н.М. Шверник вручил вчера ордена и медали награжденным <...> За помощь, оказанную правительству в деле разоблачения врачей-убийц, вручается орден Ленина врачу Л.Ф. Тимашук.

После вручения орденов и медалей Н.М. Шверник сердечно поздравил награжденных и пожелал им дальнейших успехов в их работе. (ТАСС)

В сообщении ТАСС из всей большой группы награжденных персонально выделена только врач Тимашук. Ряд газет напечатали снимок момента вручения Шверником ордена Ленина счастливой и улыбающейся Лидии Федосеевне.

В РЕДАКЦИЮ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА» 11. 2. 1953

Уважаемый товарищ редактор!

В мой адрес поступили многочисленные письма и телеграммы с выражением патриотических чувств по поводу разоблачения преступников врачей-убийц.

Не имея возможности ответить каждому в отдельности, прошу через Вашу газету передать мою сердечную благодарность всем организациям, учреждениям, воинским частям и отдельным лицам, поздравившим меня с награждением орденом Ленина за помощь, оказанную Правительству в деле разоблачения врагов советского народа.

Лидия ТИМАШУК. 9 февраля 1953 г.

Середина февраля 1953 г. В центральных газетах напечатаны статьи Елены Кононенко «Патриотка Лидия Тимашук» и Ольги Чечеткиной «Почта Лидии Тимашук». Цитирую: «Группа врачей оказалась продажными тварями, которые прятали под белоснежными халатами нож и яд», – ее то и изобличила Л. Тимашук. Она, Л. Тимашук, «помогла сорвать маску с американских наймитов, извергов, использовавших белый халат врача для умерщвления людей». Письма идут валом к виновнику торжества, в редакции центральных и отраслевых газет, в партийные организации. Пишут моряки-дальневосточники, шахтеры Донбасса, бойцы-пограничники, колхозники Украины, домохозяйки, школьники, студенты... В письмах говорится о бдительности, проклинаются американские империалисты, шпионы, диверсанты, убийцы, ротозей. Образ врача-патриота прочно вошел в сознание обывателя. Никаких сомнений, никаких вопросов. Как простому нашему советскому человеку не поверить Лидии Тимашук? Создан образ врага и противостоящий ему образ врача-патриота Лидии Тимашук. Победитель – спаситель отечества увенчан лаврами, а побежденных – исчадий ада для блага отечества надо как можно быстрее уничтожить.

«Жмем вашу мужественную руку врача человека, врача патриота, врача исцелителя»...

*«Позор вам, общества обломки
За ваши черные дела,
А славной русской патриотке
На веки вечные – хвала»*

И т.д. и т.п.

В центральных газетах широко печатаются материалы, разоблачающие врачей-евреев: в статье «Бдительность и еще раз бдительность» после перечисления врагов отечества с еврейскими именами ставилась в пример патриотка Лидия Тимашук.

Во всех медицинских учреждениях Союза, больницах, научно-исследовательских институтах, кафедрах университетов прошли собрания, на которых клеймили евреев, к тому времени уволенных с работы. В ряде институтов, и не только медицинского профиля, исключали студентов-евреев. При этом на собраниях всегда упоминалась фамилия «простого врача-патриота, национальной героини, спасительницы» Лидии Тимашук. Антисемитская кампания, в которой образ Лидии Тимашук был ведущим, стал знаковым.

Лидия Тимашук купалась в лучах славы и почета. На Лубянке она «отрабатывала» свою популярность. На Лубянке все было серьезно: разрабатывалась версия о «заговоре убийц в белых халатах». Заговор, а не халатность, не врачебная ошибка, и Лидию Федосеевну об этом четко проинструктировали. Проинструктировали ее и о том, какую роль она должна сыграть на готовящемся показательном судебном процессе. Не такой уж безобидной «овечкой» была Лидия Федосеевна Тимашук. Так неожиданно-негаданно Лидия Тимашук стала знаковой фигурой. Но ненадолго. 28 февраля 1953 г. Ближняя дача Сталина в Кунцево. Читаем в книге Д. Волкогонова «Сталин» (71):

«28 февраля 1953 года, встав позже обычного, Сталин почувствовал, что незаметно вошел в норму, настроение поднялось. Почитал сводки из Кореи, протоколы допросов «врачей-отравителей»: М.С. Вовси, Я.Г. Этингера, Б.Б. Когана, А.М. Гринштейна. Немного погулял. Поздно вечером, как он и распорядился, на дачу приехали Маленков, Берия, Хрущев и Булганин. Ужинали. Обговорили (считай – решили) как всегда, уйму вопросов. Булганин подробно обрисовал военную обстановку в Корее.

Долго говорил Берия:

– Рюмин неопровержимо доказал, что вся эта братия – Вовси, Коган, Фельдман, Гринштейн, Этингер, Егоров, Василенко, Шерешевский и другие – давно уже потихоньку сокращают жизнь высшему руководящему составу. Жданов, Димитров, Щербачев – список жертв мы сейчас уточняем – дело рук этой банды. Электрокардиограмму Жданова, например, просто подменили... Скрыли имевшийся у него инфаркт, позволили ходить, работать и быстро довели до ручки... А самое главное – это все агентура еврейской буржуазно-националистической организации «Джойнт». Нити тянутся глубоко: к партийным, военным работникам. Большинство обвиняемых признались...

В тот последний вечер Сталин два-три раза интересовался ходом следствия. Наконец, спросил еще раз чрезмерно услужливого в последнее время Берия:

- А как Виноградов?
- Этот профессор, кроме своей неблагонадежности, имеет длинный язык. У себя в клинике стал делиться с одним врачом, что-де у товарища Сталина уже было несколько опасных гипертонических приступов...
- Ладно, – оборвал Сталин. – Что вы думаете делать дальше? Врачи сознались? Игнатьеву скажите: если не добьется полного признания врачей, то мы его укоротим на величину головы...
- Сознаются. С помощью Тимашук, других патриотов. Завершаем расследование и будем просить вас разрешить провести публичный процесс...
- Готовьте, – бросил Сталин.
- Сидели до четырех утра 1 марта.
- Сталин сухо кивнул всем и ушел к себе. Все молча вышли и быстро разъехались. Было еще темно».

В эту ночь Сталина поразило кровоизлияние в мозг. 5 марта Сталин умер.

Крах символов

Прошел месяц. 4 апреля 1953 г. в газете «Правда» № 94 (12662) было опубликовано постановление о реабилитации арестованных «врачей-вредителей» и сообщение об отмене указа о награждении Лидии Тимашук самым высоким орденом нашей страны.

СООБЩЕНИЕ МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СССР

«Министерство внутренних дел СССР провело тщательную проверку всех материалов предварительного следствия и других данных по делу группы врачей, обвинявшихся во вредительстве, шпионаже и террористических действиях в отношении активных деятелей Советского государства.

В результате проверки установлено, что привлеченные по этому делу профессор Вовси М.С., профессор Виноградов В.И., профессор Коган М.Б., профессор Коган Б.Б., профессор Егоров П.И., профессор Фельдман А.И., профессор Этингер Я.Г., профессор Василенко В.Х., профессор Гринштейн А.М., профессор Зеленин В.Ф., профессор Преображенский Б.С., профессор Попова Н.А., профессор Закусов В.В., профессор Шерешевский Н.А., врач Майоров Г.И. были арестованы бывшим Министерством государственной безопасности СССР неправильно, без каких-либо законных оснований.

Проверка показала, что обвинения, выдвинутые против перечисленных лиц, являются ложными, а документальные данные, на которые опирались работники следствия, несостоятельными. Установлено, что показания арестованных, якобы подтверждающие выдвинутые против них обвинения, получены работниками следственной части бывшего Министерства государственной безопасности путем применения недопустимых и строжайше запрещенных советскими законами приемов следствия.

На основании заключения следственной комиссии, специально выделенной Министерством внутренних дел СССР для проверки этого дела, арестованные Вовси М.С., Виноградов В.И., Коган Б.Б., Егоров П.И., Фельдман А.И., Ва-

силенко В.Х., Гринштейн А.М., Зеленин В.Ф., Преображенский Б.С., Попова Н.А., Закусов В.В., Шершевский Н.А., Майоров Г.И. и другие, привлеченные по этому делу, полностью реабилитированы в предъявленных им обвинениях во вредительской, террористической и шпионской деятельности и, в соответствии со ст. 4 п. 5 Уголовно-процессуального Кодекса РСФСР, из-под стражи освобождены.

Лица, виновные в неправильном ведении следствия, арестованы и привлечены к уголовной ответственности».

В этом же номере газеты:

В ПРЕЗИДИУМЕ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА

Президиум Верховного Совета СССР постановил отменить Указ от 20 января 1953 г. о награждении орденом Ленина врача Тимашук Л.Ф., как неправильный, в связи с выявившимися в настоящее время действительными обстоятельствами.

Мы не знаем, какова была реакция на это сообщение ни самой Лидии Тимашук, ни тех, кто ее возвеличил, ни тех, кто слал такие трогательные письма ей лично домой, в редакции центральных и отраслевых газет, в партийные организации. Не знаем мы и то, как возвращала орден Ленина Л. Тимашук – прислали ли за ним или она сама поехала по знакомому адресу...

Газета «ПРАВДА», 6 апреля 1953 г. № 96 (12664)

Редакционная статья

«Советская социалистическая законность неприкосновенна».

В частности, читаем:

«...Не на высоте оказалась и созданная в связи с обвинениями против группы врачей медико-экспертная комиссия, которая дала неправильное заключение по методам лечения в свое время и А.С. Щербакова, и А.А. Жданова.

Вместо того, чтобы с научной добросовестностью и объективностью проанализировать истории болезни и другие материалы, эта комиссия поддавалась влиянию сфабрикованных следствием материалов и своим авторитетом поддержала клеветнические, фальсифицированные обвинения против видных деятелей медицины.

Следует при этом отметить, что следствие утаило от экспертов некоторые существенные стороны лечебной процедуры, доказывающие правильность проведения лечения».

Вновь всплыло имя Тимашук ровно через три года, 24 февраля 1956 г., на знаменитом XX съезде КПСС, где на закрытом заседании Н.С. Хрущев зачитал доклад «О культе личности и его последствиях». В докладе сообщалось об извращении Сталиным принципов демократического централизма, о чистках, о «незаконных методах следствия», при помощи которых у тысяч коммунистов были вырваны совершенно невероятные признания. Хрущев рисовал образ Сталина как тирана, постоянно создававшего свой культ. В докладе «гениальный продолжатель дела Ленина» был развенчан. Доклад показал ответствен-

ность Сталина за сокрушительные поражения в начале Отечественной войны, за депортацию кавказских народов, крымских татар, за фабрикации фальшивых заговоров («Ленинградское дело», «Мингрельское дело», «Дело врачей-убийц»).

О Л.Ф. Тимашук сказано:

«Следует также напомнить о “деле врачей-вредителей”. *(Движение в зале.)* Собственно, никакого “дела” не было, кроме заявления врача Тимашук, которая, может быть под влиянием кого-нибудь или по указанию (ведь она была негласным сотрудником органов госбезопасности), написала Сталину письмо, в котором заявляла, что врачи, якобы, применяют неправильные методы лечения».

Несмотря на то, что доклад был секретным, через несколько недель десятки миллионов советских людей узнали то, что было сообщено только самым-самым доверенным членам партии. И стала Тимашук символом, но с обратным знаком – символом предательства, доноительства и продажности.

Глазами врача-клинициста

И все же, кто прав в том медицинском споре у постели больного – врач-лаборант, специалист по ЭКГ Л.Ф. Тимашук или начальник Лечсанупра Кремля и его медицинская бригада, в составе которой были виднейшие клиницисты того времени? Если Лидия Тимашук настаивала на диагнозе обширного инфаркта миокарда в области левого желудочка и межжелудочковой перегородки, то вторые склонялись к тому, чтобы объяснить развившиеся сердечные приступы грудной жабой (по современной номенклатуре: приступами ишемической болезни сердца – ИБС).

На первый взгляд, смерть А. Жданова решила этот вопрос в пользу Л. Тимашук. Она за два дня до рокового конца была в набат, призывала к изменению в режиме ведения больного, ее не послушались, и в результате – смерть больного. Были ли у профессоров-консультантов основания для столь опрометчивого решения, как отказ от строжайшего охранительного режима, который был необходим (по существовавшим в то время медицинским канонам) больным с инфарктом миокарда? Возникает также вопрос – могла ли привести к смерти А. Жданова болезнь, о которой говорили профессора-клиницисты, или она была неизбежной только в том случае, о котором говорила Тимашук?

Сегодня, через полвека после описываемых событий, при столь скудных медицинских данных, мы вряд ли решим эту головоломную задачу. Для столь ответственных выводов было бы необходимым подробно изучить Историю болезни и протокол вскрытия. Но таких возможностей у нас нет и вряд ли когда-нибудь будут. Однако то, что есть, дает нам возможность придти к некоторым заключениям и постараться ответить на поставленные выше вопросы.

Во-первых, есть протокол очной ставки профессора-клинициста Владимира Никитовича Виноградова и специалиста по электрокардиографическому исследованию Софьи Ефимовны Карпай, которая в течение длительного вре-

мени следила за изменениями ЭКГ у больного А. Жданова. Читателя прошу обратить внимание на медицинскую сторону дискуссии, пока что оставив нравственную оценку сложной коллизии, возникшей в Лубянской застенке между сломленным следствием В.Н. Виноградовым и стойкой и мужественной С.Е. Карпай (333).

Протокол очной ставки между В.Н. Виноградовым и С.Е. Карпай

18 февраля 1953 г.

Очная ставка начата в 23 часа.

После взаимного опознания арестованные ВИНОГРАДОВ и КАРПАЙ заявили, что знают друг друга с 1942 года по совместной работе в Лечсанупре.

ВОПРОС КАРПАЙ: Какие отношения у вас были с ВИНОГРАДОВЫМ?

ОТВЕТ: Мои отношения с ВИНОГРАДОВЫМ Владимиром Никитичем нормальные, личных счетов между нами не было.

ВОПРОС ВИНОГРАДОВУ: Правильно говорит КАРПАЙ?

ОТВЕТ: Софья Ефимовна КАРПАЙ верно говорит, что личных счетов между нами не было. Я скажу больше – КАРПАЙ вместе с врачами ЕГОРОВЫМ, ВАСИЛЕНКО и МАЙОРОВЫМ являлась моей сообщницей по вредительскому лечению А.А. ЖДАНОВА.

ВОПРОС ВИНОГРАДОВУ: Скажите, в чем конкретно состоит вина КАРПАЙ в преступном лечении товарища ЖДАНОВА А.А.?

ОТВЕТ: В конце июля и начале августа 1948 года КАРПАЙ неоднократно снимала у больного ЖДАНОВА А.А. электрокардиограммы, которые указывали на наличие у ЖДАНОВА явлений свежего инфаркта миокарда. Это подтверждалось также клинической картиной заболевания. Несмотря на наличие этих данных, КАРПАЙ в своих заключениях по электрокардиограммам ни разу не указала на имевшийся у больного ЖДАНОВА свежий инфаркт миокарда.

ВОПРОС ВИНОГРАДОВУ: Почему?

ОТВЕТ: Вначале КАРПАЙ высказывалась за возможность наличия у А.А. ЖДАНОВА свежего инфаркта миокарда, однако когда я, а вслед за мной ЕГОРОВ, ВАСИЛЕНКО и МАЙОРОВ заявили, что инфаркта, мол, нет, КАРПАЙ беспрекословно присоединилась к нам и тем самым дала нам возможность продолжать вредительское лечение А.А. ЖДАНОВА, приведшее к преждевременной смерти больного.

ВОПРОС КАРПАЙ: Показания ВИНОГРАДОВА подтверждаете?

ОТВЕТ: Нет, не подтверждаю. Электрокардиограмма, снятая мною у больного ЖДАНОВА 25 июля 1948 года, указывала на внутрижелудочковую блокаду. На вопрос, есть ли здесь инфаркт, я ответила, что хотя нет типичных признаков свежего инфаркта миокарда, но исключить его нельзя. Клиника, я считаю, тоже не была абсолютно типичной для свежего инфаркта, однако, как я помню, консилиум решил вести больного как инфарктного. 31 июля 1948 года я опять снимала электрокардиограмму у А.А. ЖДАНОВА, на которой были те же признаки, что и на предыдущих. 7 августа 1948 г. я вновь сняла электрокардиограмму у А.А. ЖДАНОВА. Эта электрокардиограмма отличалась от предыдущих, внутрижелудочковая блокада исчезла. Возник вопрос, есть свежий инфаркт или нет. Я сказала, что признаков свежего инфаркта миокарда нет, что у больного А.А. ЖДАНОВА имеется кардиосклероз, хроническая коронарная недостаточность, а также прогрессирующий, стенозирующий атеросклероз коронарных сосудов и ишемия миокарда. Кроме того, я сказала, что на основании всей картины можно думать

о наличии у больного мелких очагов некроза. Такое заключение мною было дано устно 7 августа 1948 года в Валдае.

ВОПРОС ВИНОГРАДОВУ: Давала КАРПАЙ такое заключение?

ОТВЕТ: Насколько мне помнится, вслед за нами КАРПАЙ действительно говорила, что у А.А. ЖДАНОВА имеется стенозирующий атеросклероз, и этим стенозирующим атеросклерозом она стала объяснять те изменения, которые имеются на электрокардиограммах. Чтобы КАРПАЙ заявляла об очагах некроза, я не помню. Главное здесь в том, что и электрокардиограммы, и клиника, которая КАРПАЙ также была известна, ясно указывали на то, что у больного А.А. ЖДАНОВА был свежий инфаркт миокарда. Однако КАРПАЙ такого заключения не дала. Приступ кардиальной астмы, наблюдавшийся у А.А. ЖДАНОВА 23 июля 1948 года, никак нельзя было объяснить какими-то мелкими точечными очагами некроза, о которых сейчас говорит КАРПАЙ, это был настоящий классический приступ инфаркта миокарда.

ВОПРОС КАРПАЙ: Вы и теперь будете отрицать, что вместе с ВИНОГРАДОВЫМ и другими сообщниками умышленно скрыли образовавшийся у товарища ЖДАНОВА А.А. свежий инфаркт миокарда?

ОТВЕТ: Участие в преступном лечении А.А. ЖДАНОВА я отрицаю. По электрокардиограммам инфаркта я не находила. Я не оспариваю клинику, но я хочу сказать, что я наблюдала приступы сердечной астмы у больных без образования свежего инфаркта миокарда.

После консилиума от 7 августа 1948 года я договорилась с МАЙОРОВЫМ взять электрокардиограммы в Москву для консультации с НЕЗЛИНЫМ. После консультации я написала заключение, в котором указала, что у больного А.А. ЖДАНОВА имеется коронарокардиосклероз, хроническая коронарная недостаточность с ишемией миокарда и что можно думать о наличии множественных, точечных очагов некроза, что внутрижелудочковую блокаду можно объяснить ухудшением функционального состояния миокарда.

Это заключение 8 августа 1948 года я отнесла в секретариат Лечсанупра и передала кому-то из сотрудников, кому именно сейчас не помню, с просьбой отправить его в Валдай доктору МАЙОРОВУ.

После 7 августа у больного А.А. ЖДАНОВА электрокардиограмм я больше не снимала. Примерно в середине сентября 1948 года, возвратившись из отпуска, в «Соснах» я встретила ВИНОГРАДОВА, который рассказал мне, что после моего отъезда из Валдая А.А. ЖДАНОВ чувствовал себя вначале удовлетворительно. Затем 28 августа 1948 года у А.А. ЖДАНОВА опять повторился приступ сердечной астмы, что приехала доктор ТИМАШУК, сняла электрокардиограмму и заявила, что она не согласна с диагнозом, который поставила КАРПАЙ, так как находит у больного свежий инфаркт миокарда.

Далее ВИНОГРАДОВ сказал мне, что доктор ТИМАШУК направила в МГБ заявление, в котором обвиняла нас в преступном лечении А.А. ЖДАНОВА. В связи с заявлением ТИМАШУК, сказал далее ВИНОГРАДОВ, им был созван консилиум в составе ЗЕЛЕНИНА, ЭТИНГЕРА и НЕЗЛИНА в кабинете ЕГОРОВА, где была затчена история болезни и даны электрокардиограммы.

Я спросила Владимира Никитича – вы читали мое подробное заключение? Он ответил – читал. На вопрос ВИНОГРАДОВА, кому я показывала электрокардиограмму, я ответила – НЕЗЛИНУ.

Я поинтересовалась, какое было заключение консилиума, на что ВИНОГРАДОВ ответил, что в принципе такое же, каким было мое. На мой вопрос, был ли обнаружен свежий инфаркт на вскрытии, ВИНОГРАДОВ ответил отрицательно.

ВОПРОС ВИНОГРАДОВУ: Вы знакомы с заключением, о котором говорит КАРПАЙ?

ОТВЕТ: Нет, такого заключения я не видел. Действительно в «Соснах» КАРПАЙ я рассказал о всех перипетиях, произошедших в связи с решительным и правильным заявлением доктора ТИМАШУК о наличии у А.А. ЖДАНОВА свежего инфаркта миокарда, но повторяю, что заключение КАРПАЙ, в котором бы шла речь об очагах некроза, я не видел.

ВОПРОС ВИНОГРАДОВУ: Не говорили ли вам ЕГОРОВ, ВАСИЛЕНКО и МАЙОРОВ о том, что ими было получено заключение, о котором говорит КАРПАЙ?

ОТВЕТ: Нет, не говорили.

ЗАЯВЛЕНИЕ ВИНОГРАДОВА: Я не знаю, почему у Софьи Ефимовны во всех ответах какая-то двойственность: то она думает об инфаркте, то о точечных очагах, то о мелких некрозах. И, если разрешите мне как человеку, который проработал с Софьей Ефимовной много лет, всегда относился к ней хорошо, то я бы позволил себе дать ей совет: Софья Ефимовна, нужно сознаться. Нужно сказать прямо – свежий инфаркт миокарда у А.А. ЖДАНОВА был.

ЗАЯВЛЕНИЕ КАРПАЙ: У меня никакой двойственности нет. Я и сейчас говорю, что в первые дни, когда не было динамики электрокардиограмм, отрицать свежий инфаркт миокарда нельзя было, но в то же время типических признаков наличия его не имелось.

ВОПРОС ОБОИМ АРЕСТОВАННЫМ: Вопросы друг к другу имеете?

ВИНОГРАДОВ: к Софье Ефимовне КАРПАЙ вопросов у меня нет.

КАРПАЙ: Владимир Никитич, при встрече в «Соснах» вы спрашивали у меня, кому я показывала заключение?

ОТВЕТ ВИНОГРАДОВА: КАРПАЙ сказала, что она электрокардиограмму А.А. ЖДАНОВА консультировала с профессором НЕЗЛИНЫМ, но это не было связано с каким-то ее заключением.

КАРПАЙ: Скажите, Владимир Никитич, вы умышленно скрыли свежий инфаркт миокарда у А.А. ЖДАНОВА?

ОТВЕТ ВИНОГРАДОВА: Да, я, ЕГОРОВ, ВАСИЛЕНКО и МАЙОРОВ с умыслом скрыли образовавшийся у больного А.А. ЖДАНОВА свежий инфаркт миокарда, а вы согласились с нами и фактически стали нашей сообщницей. Я знаю вас, Софья Ефимовна, как опытного электрокардиографиста и к тому же опытного клинициста, поэтому вы на основании всего комплекса могли и должны были диагностировать у А.А. ЖДАНОВА свежий инфаркт миокарда.

Очная ставка окончена в 01 час. 00 мин.

Протокол очной ставки нами прочитан, показания с наших слов записаны верно.

ВИНОГРАДОВ

КАРПАЙ

Очную ставку провели: СТАРШИЙ СЛЕДОВАТЕЛЬ СЛЕДЧАСТИ ПО ОСОБО ВАЖНЫМ ДЕЛАМ МГБ СССР майор госбезопасности МЕРКУЛОВ.

СЛЕДОВАТЕЛЬ СЛЕДЧАСТИ ПО ОСОБО ВАЖНЫМ ДЕЛАМ МГБ СССР капитан госбезопасности ЕЛИСЕЕВ.

СЛЕДОВАТЕЛЬ СЛЕДЧАСТИ ПО ОСОБО ВАЖНЫМ ДЕЛАМ МГБ СССР капитан госбезопасности СМЕЛОВ.

Стенографировала Конопленко, тетр[адь] 497.

Помимо этого документа, в наших руках: 1) ряд заявлений Л. Тимашук, направленных в немедицинские организации, но содержащие кое-какую меди-

цинскую информацию; 2) копии ЭКГ больного Жданова, снятые в различные периоды заболевания и опубликованные в печати (175); 3) медицинское заключение о болезни и смерти А. Жданова, опубликованное в центральной печати (234); 4) к этому прилагаю и свой немалый клинический опыт, насчитывающий не одно десятилетие.

Итак, приступим. Начнем с анализа ЭКГ, снятой Тимашук у А. Жданова в дни, последовавшие после сердечного приступа, сопровождавшегося болевым симптомокомплексом. Других данных о клинической картине заболевания мы не имеем, не знаем и о характере болевого синдрома, что очень важно для постановки диагноза. Электрокардиограммы А.А. Жданова, произведенные ему в 1944, 1945 и в 1948 гг., приведены на стр 389.

Ввиду того, что протокола описания ЭКГ у нас нет, проведем анализ представленных ЭКГ сами. Мои комментарии о значении тех или иных электрокардиографических симптомов в протоколе оформлены в скобках и выделены курсивом.

**Протокол электрокардиографического исследования больного
А.А. Жданова, 52 лет. Представлены ЭКГ от 1) 25.12.1944 г.,
2) 07.05.1945 г., 3) 28.08.1948 г., 4) 30.08.1948 г.***

ЭКГ № 1 и 2: в пределах нормы; ЭКГ № 3 и 4: ритм сердечных сокращений правильный, синусовый (*нормальный*), незначительная тахикардия 75 – 90 сердечных сокращений в минуту (*при норме 60 – 90*).

Анализ соотношения зубцов QRS (*относительно глубокий зубец S*) позволяет предположить, что имеется поворот электрической оси сердца влево (*такое расположение оси сердца, как правило, обусловлено патологическими изменениями в сердечной мышце – гипертрофией миокарда желудочков – при гипертонической болезни и (или) нарушением внутрижелудочковой проводимости.*)

Комплекс QRS имеет вид широкого зубца R с расщепленной вершиной. Блокада левой ножки пучка Гиса (*что однозначно свидетельствует о замедленном проведении возбуждения по пучку Гиса*), причем ширина комплекса QRS в пределах нормы 0,15 – 0,18 (*что говорит о неполной его блокаде. Очаговая внутрижелудочковая блокада левого пучка Гиса развивается при остром инфаркте миокарда, атеросклеротическом кардиосклерозе, гипертонической болезни.*)

Сегмент RS-T расположен на уровне изоэлектрической линии (*что говорит об отсутствии грубых и быстро развивающихся нарушений в кровоснабжении миокарда*).

Зубец T положительный во всех отведениях, амплитуда высокая и форма широкая (*высокий коронарный зубец T характерен для ишемии сердца с участком, расположенной в передней стенке левого желудочка, развивающейся при длительном нарушении кровоснабжения сердечной мышцы. Отмеченные изменения зубца T в грудных отведениях говорит о поражении сердечной мышцы при хроническом алкоголизме и вызванным непосредственным токсическом воздействии этанола на миокард*).

Вольтаж зубцов снижен.

* Текст, набранный курсивом, – мои комментарии к описываемому электрокардиографическому симптому – Ф.Л.

Теперь предлагаю читателю обратиться к специальной литературе, которую я представлю в адаптированном виде, трактующую, какие же изменения на ЭКГ характерны для крупноочагового инфаркта миокарда, формирующегося при остром нарушении кровообращения в артериальных сосудах сердца и обусловленного их закупоркой (тромбозом) или длительным сужением (спазмом). Такое нарушение кровообращения в сердечной мышце приводит к омертвлению участка мышечной ткани сердца (некрозу) и формированию вокруг него зоны бескровия (ишемии). Сопоставление ЭКГ А. Жданова с электрокардиографическими изменениями на ЭКГ при инфаркте миокарда позволит ответить на вопрос, есть ли на ЭКГ А. Жданова опорные пункты для вынесения заключения о наличии у больного инфаркта миокарда, или клиническая симптоматика обусловлена другими причинами и не связана с некрозом сердечной мышцы (*см. стр. 390*).

Начальный этап развития инфаркта миокарда (острая ишемия), клинически проявляющийся приступом болей в области сердца с отдачей в область спины и левой руки, чувством онемения пальцев левой руки, страхом смерти, на ЭКГ проявляется высоким зубцом Т (*см. стр. 390 схему А*) и смещением сегмента ST ниже изолинии (*см. схему Б*) или при расширении зоны некроза, выше изолинии (*см. схему В*). Сегмент RS-T сливается с положительным зубцом Т, образуя монофазную кривую (*см. схему В*) (198). Дальнейшее развитие инфаркта (появление и быстрое увеличение зоны некроза в мышце сердца за счет гибели мышечных волокон, находившихся ранее в стадии ишемии) сопровождается образованием на ЭКГ патологического зубца Q и снижения амплитуды зубца R. При этом сегмент RS-T остается приподнятым выше изолинии (*см. схему Г*).

Если происходит дальнейшее увеличение размеров зоны некроза, на ЭКГ зубец Q углубляется и расширяется, а сегмент RS-T приближается к изолинии и образованию отрицательного коронарного зубца Т (*см. схему Д и Е*). Простое сопоставление ЭКГ А.А. Жданова, снятых у больного 28 и 30 августа, показывает, что у больного не было, как об этом пишет Л. Тимашук, типичной электрокардиографической картины обширного инфаркта миокарда. Она, скорее всего, соответствовала тем изменениям в миокарде, которые сопровождают длительно протекающую гипертоническую болезнь, приводящую к значительным и распространенным склеротическим поражениям миокарда без образования остро возникающих очагов некроза. На это указывала С.Е. Карпай на очной ставке с В.Н. Виноградовым. Эти изменения характеризуются:

- а) небольшой зазубренностью и расширением зубцов R и S,
- б) снижением вольтажа,
- в) нарушением проводимости – синусовой тахикардией (*учащение частоты сердечных сокращений*) и внутрижелудочковой блокадой, особенно левой ножки пучка Гиса.

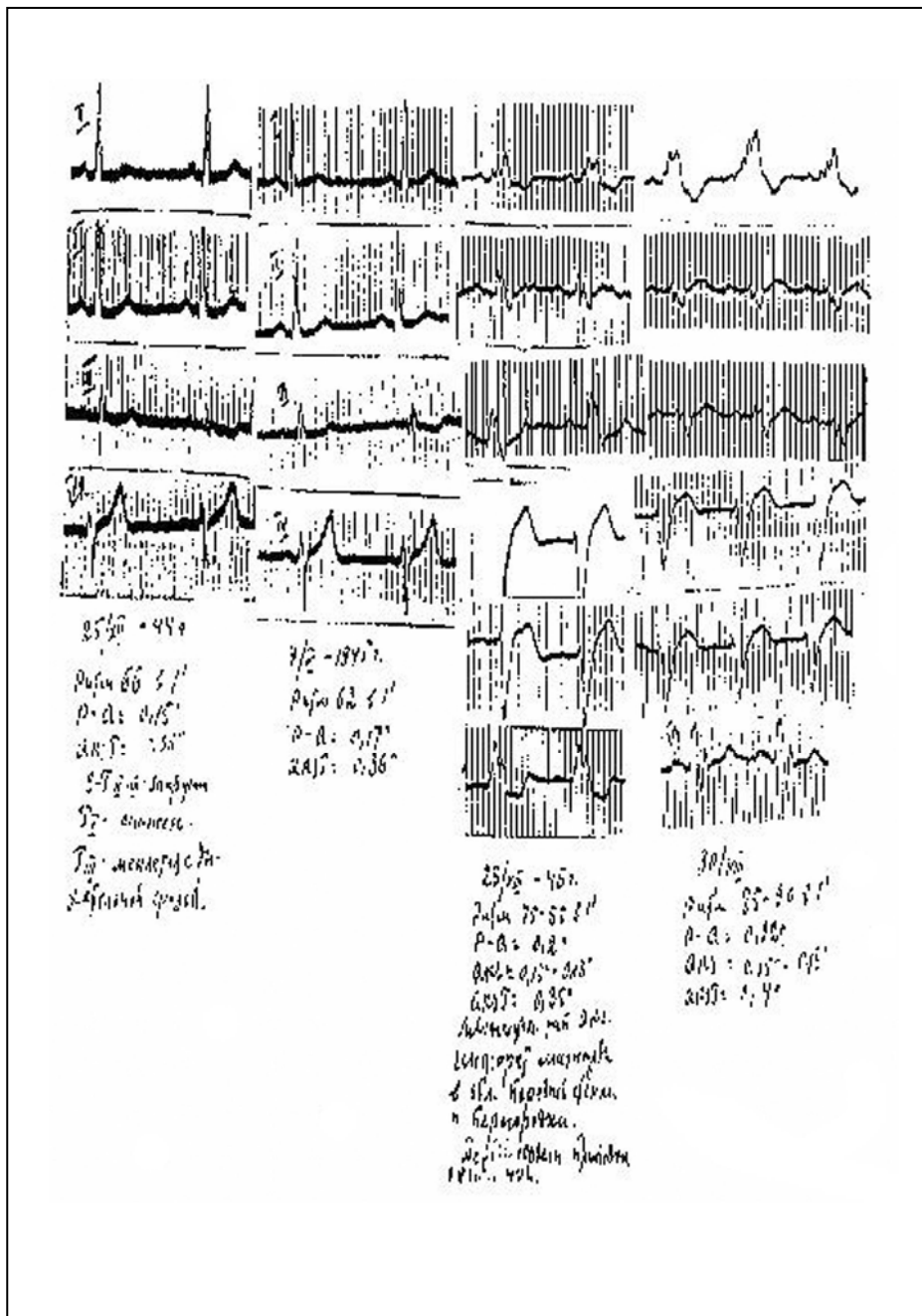
Все это и было зафиксировано при электрокардиографическом исследовании у А. Жданова. Следует отметить, что при инфаркте миокарда различной локализации результаты электрокардиографического исследования имеют свои особенности.

Так, при «инфаркте миокарда в области левого желудочка и межжелудочковой перегородки», на который указала Л. Тимашук в своих донесениях, наиболее типичными электрокардиографическими признаками будут выявляемые в грудных отведениях патологический зубец Q или комплекс QS, уменьшение амплитуды зубца R, подъем сегмента RS-T выше изолинии и отрицательный «коронарный» зубец T (198). Ничего подобного на представленных ЭКГ не выявляется.

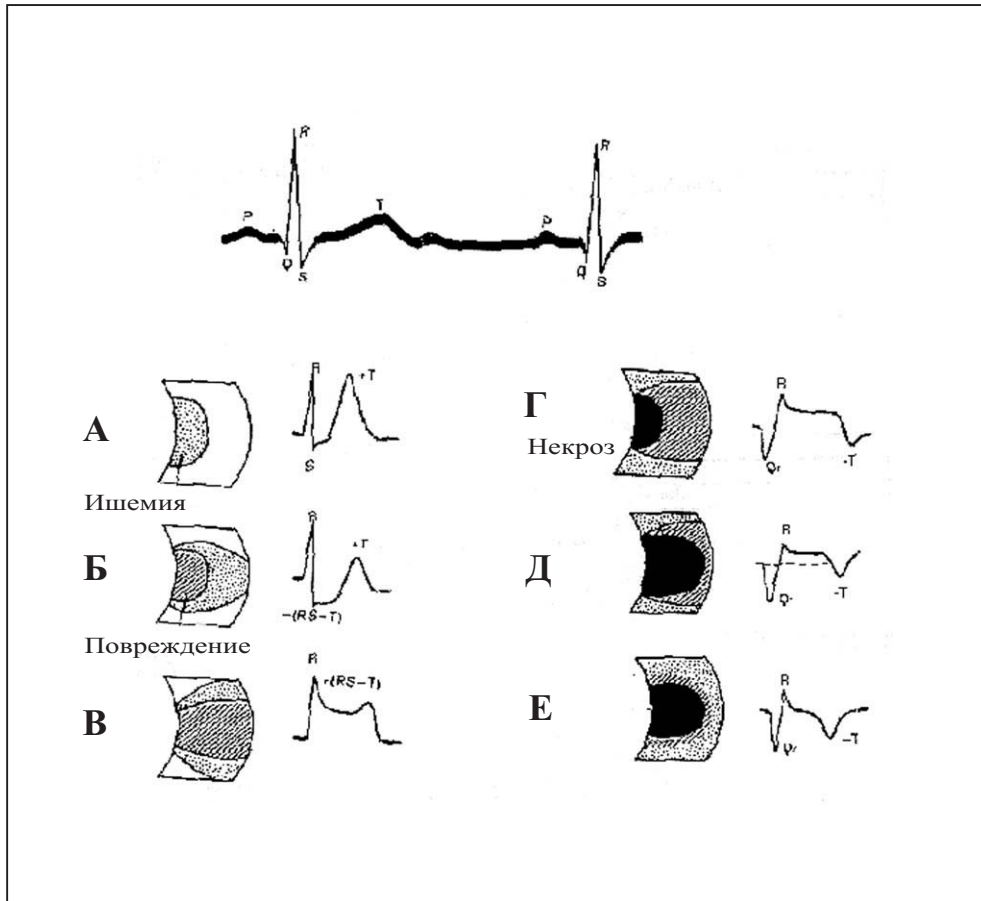
При анализе ЭКГ Жданова надо было учитывать также и тот факт, что пациент длительно увлекался приемом алкогольных напитков, что на ЭКГ характеризуются деформацией сегмента RS-T. И самое главное – отсутствие динамики электрокардиографических показателей в худшую сторону, как в начале августа месяца, когда ЭКГ анализировала С.Е. Карпай, так и за три дня наблюдений в конце месяца, когда ЭКГ снимала Л.Ф. Тимашук. Это хорошо видно, если сравнить ЭКГ больного Жданова, представленные на стр. 389, с классической картиной динамики показателей ЭКГ в процессе развития инфаркта миокарда (*см. стр. 392*). Этот срок критический для образования некроза мышечной ткани. Невыявление признаков инфаркта в динамике развития заболевания, видимо, обуславливало исключение диагноза «инфаркта миокарда» медицинской группой во главе с П.И. Егоровым.

Такое же мнение высказал доктор Лоренс С. Коэн из Школы медицины Йельского университета, который однозначно отметил, что «результаты ЭКГ не указывают на инфаркт» (51).

Инфаркт миокарда, который, как правило, вызывается длительной ишемией сердечной мышцы с последующим развитием некроза, в большинстве случаев тяжело протекающее заболевание. Приступ же грудной жабы, вызванный спазмом коронарных сосудов с временным кислородным голоданием сердечной мышцы, носит форму кратковременного приступа, а при инфаркте миокарда приступ длится часами, на нитроглицерин и болеутоляющие средства не реагирует, характеризуется падением кровяного давления, расстройством ритма сердечной деятельности, и позднее – рядом изменений при лабораторных исследованиях крови. На основе **всех этих признаков** и проводят дифференциацию «грудной жабы» и «коронарного тромбоза», являющегося причиной инфаркта миокарда. Сюда же следует отнести и характерные изменения на ЭКГ, но они не ведущие (*см. стр. 392*). Ведущим является клиническая картина. Это же мнение высказал цитируемый ранее доктор Лоренс С. Коэн (31). Он считает, что Тимашук выставила диагноз инфаркта «из-за неспособности клинически мыслить и представить себе картину заболевания в полном объеме..., а результаты электрокардиограммы не подтверждали наличия инфаркта миокарда».

Электрокардиограммы А.А. Жданова, воспроизведенные из публикации
 В. Малкина и Л. Лыковой «Цель была спасти жизнь больного»
 (см. раздел «Библиография» № 127).

Варианты электрокардиографической симптоматики при остром крупноочаговом инфаркте миокарда в зависимости от стадии развития заболевания. В верхней части рисунка ЭКГ в норме. А, Б, В, Г, Д, Е - схематическое изображение различных этапов патологических изменений в области мышцы сердца (миокарда); P, Q, R, S, T - обозначение зубцов ЭКГ.

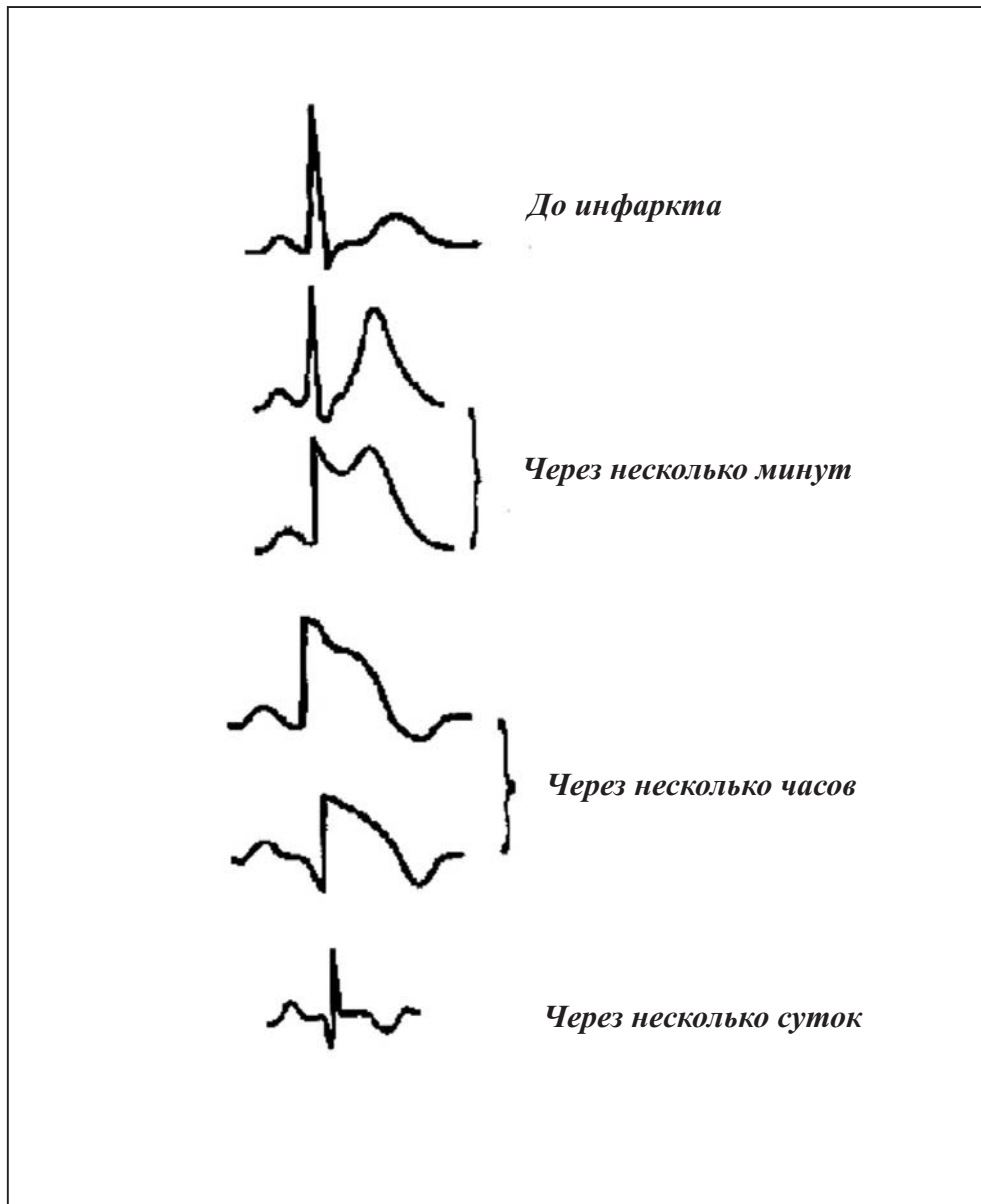
Если тромбоз возникает после приступов «грудной жабы», то характер болей в сердце изменяется, они становятся намного интенсивнее, чем при ранее отмечавшихся приступах. Страх смерти также более интенсивен, чем при переходящей недостаточности коронарных сосудов, и если при грудной жабе больной неподвижен, то при коронарном тромбозе он чрезвычайно беспокоен, психически и моторно возбужден. Его почти невозможно удержать в постели. Боли отдают в более широкую область, чем при приступе грудной жабы.

Помимо этого, необходимо указать, что типичной клинической картины инфаркта миокарда у больного А.А. Жданова на момент обследования ни 28, ни 29, ни 30 августа не было. Если бы она была, то Л. Тимашук не преминула бы ее отметить в своем заявлении.

Я уделяю значительное внимание описанию клиники «грудной жабы» и «инфаркта миокарда» только для того, чтобы поведать читателю ход мыслей врача при определении диагноза и отметить, что клиницисты у постели больного Жданова не могли пройти мимо этого симптомокомплекса, а значит, клинической симптоматики инфаркта миокарда у больного не было. Не было также и характерных для инфаркта миокарда электрокардиографических симптомов, о чем мы подробно говорили выше. Общее же правило гласит: правильно диагностировать инфаркт миокарда можно только на основании клинических симптомов, лабораторных анализов и результатов ЭКГ, причем решающее значение принадлежит клинической картине заболевания. В основе диагноза «грудная жаба» (в настоящее время – ИБС) лежит временное спастическое сужение коронарных сосудов, питающих мышцу сердца, а не их закрытие, как при инфаркте. Устранение причины, вызывавшей спазм (физическое, эмоциональное напряжение), и прием лекарств сразу снимают болевые ощущения в области сердца. При инфаркте этого не наблюдается. Поэтому дозированные физические нагрузки, улучшающие кровоснабжение сердца, расширяющие сосуды, показаны таким больным. Постельный режим, прописываемый врачами в то время, считался необходимым при инфаркте, но пагубен при ИБС.

Для более детального ознакомления с методикой ведения больного с сердечно-сосудистой патологией предлагаю читателю обратиться к руководству, ближе всего отражающую врачебную практику того времени (конца 40-х годов) и даже использующую ту же терминологию. Это двухтомник И. Мадьяра «Дифференциальная диагностика заболеваний внутренних органов», первое издание которого относится к 1961 г. (172).

Примат клиники перед лабораторным электрокардиографическом исследовании при установлении диагноза «инфаркт миокарда» хорошо проиллюстрирован ситуацией более сложной, чем в случае А. Жданова, и более ответственной из-за возможных последствий для врачей, сложившейся у постели умирающего Сталина в марте 1953 г. Вот что пишет об этом академик, клиницист, замечательный терапевт А. Мясников:

Динамика электрокардиографических симптомов при инфаркте миокарда

«...кому-то пришла в голову идея, нет ли вдобавок ко всему инфаркта миокарда. Из больницы прибыла молодая врачиха, сняла электрокардиограммы и безапелляционно заявила: “Да, инфаркт”. Переполох. Уже в деле врачей-убийц фигурировало умышленное недиагностирование инфаркта миокарда у погубленных-де ими руководителей государства. Теперь, вероятно, мы... Ведь до сих пор в своих медицинских заключениях не указывали на возможность инфаркта. А они уже известны всему миру. Жаловаться на боли, столь характерный симптом инфаркта, Сталин, будучи без сознания, естественно, не мог. Лейкоцитоз и повышенная температура могли говорить и в пользу инфаркта. Консилиум был в нерешительности. Я первый решил пойти ва-банк: “Электрокардиографические изменения слишком монотонны для инфаркта – во всех отведениях. Это мозговые псевдоинфарктные электрокардиограммы. Мои сотрудники по ВММА получали такие кривые в опытах с закрытой травмой черепа. Возможно, что они могут быть и при инсультах”.

Невропатологи поддержали: возможно, что они мозговые, во всяком случае, основной диагноз – кровоизлияние в мозг – им достаточно ясен. Несмотря на самоуверенный дискант электрокардиографички, консилиум не признал инфаркта» (199).

Так что все наветы на врачей-клиницистов, правильно отклонивших заключение Тимашук о наличии инфаркта миокарда у больного А. Жданова, беспочвенны и с точки зрения клинической медицины безграмотны.

У читателя могут возникнуть сомнения в компетентности моих заключений, и он будет частично прав, так как моя узкая врачебная специальность не кардиология, и к анализу ЭКГ я прибегал от случая к случаю при наличии у больных с лучевой патологией жалоб со стороны сердца. В связи с этим мною была организована экспертиза ЭКГ больного А. Жданова. В экспертизе участвовало 12 врачей, обладающих многолетним клиническим стажем, повседневно расшифровывающих ЭКГ и проводящих лечение больных с различной сердечной патологией в ведущих госпиталях Израиля и США: шесть терапевтов, один кардиохирург, один геронтолог, четыре врача реанимационных отделений. Экспертиза проведена анонимно, врачам не было сообщено о личности больного, приводящих обстоятельствах и дате обследования.

Заключение всех врачей было однозначным и сводилось к следующему:

- Качество и техническое выполнение представленных ЭКГ вполне удовлетворительное, и по ним можно дать квалифицированное заключение.
- На представленных ЭКГ имеются признаки коронарной патологии. Признаков «свежего» инфаркта миокарда нет.
- Однозначно назвать причину выявленной блокады левой ножки пучка Гиса невозможно, так как этот симптом имеет неспецифический характер и может присутствовать как при острой ишемии, так и при инфаркте миокарда.
- Без учета клинической картины заболевания, на основании только электрокардиографических данных диагноз «инфаркта миокарда» некорректен.
- Для постановки диагноза требуется корреляция ЭКГ с клинической картиной заболевания и проведение других методов исследования – эхокардиографии, радиоизотопного исследования миокарда, биохимического анализа крови и т.д.

Это заключение современных врачей. Тогда же, в 1948 г., таких методов не существовало.

На основании каких объективных данных взял на себя смелость доктор медицинских наук В. Малкин, не будучи квалифицированным кардиологом и специалистом по электрокардиографии, утверждать, что Тимашук была права и у Жданова на снятой 28 августа (за 4 дня до смерти) ЭКГ была симптоматика, говорящая об инфаркте миокарда, – неясно. Но это мнение кочует из книжки в книжку, из статьи в статью – ведь это мнение доктора медицинских наук! Вот одни из его многочисленных последователей – Дж. Brent и В. Наумов – в своей книге «Stalin's last crime» (51) неоднократно ставят перед читателем вопрос: «Но все ли врачи ...были *совершенно* невиновны?». Авторы объявляют: «Этот вопрос встает в связи с новой открывшейся документацией и косвенными уликами». По их версии получается, что врачи-заговорщики осуществляли свои коварные планы в виде «злонамеренного лечения» аж с 1945 г., умертвив А. Щербакова неправильным назначением лекарств, затем в 1948 г., скрыв инфаркт миокарда у А. Жданова, назначив пагубный режим, который привел его к скоростижной смерти и, согласно сообщению ТАСС от 13 января 1953 г., путем «подрыва здоровья руководящим военным кадрам».

Это мнение Дж. Brentа и В. Наумова тоже ничем документально не подтверждается, и такое обвинение кощунственно. Это моральная сторона дела, но есть и юридическая. Я ставлю перед обличителями врачей вопрос – разве отменено заключение Министерства внутренних дел СССР, утвержденное Президиумом ЦК КПСС (от марта – апреля 1953 г.), которое после тщательной проверки всех материалов предварительного следствия и других данных по делу группы врачей, обвинявшихся во вредительстве, шпионаже и террористических действиях в отношении активных деятелей Советского государства установило, что обвинение является ложным, а документальные данные, на которые опирались работники следствия, несостоятельными, так как получены в результате недопустимых и строжайше запрещенных советскими законами приемов следствия. Как видите, бездоказательное обвинение В. Малкина и иже с ним во «вредительском лечении» бывшими подследственными может обернуться и судебным разбирательством за клевету, и они должны, на мой взгляд, не откладывая принести извинения через печать и лично родственникам несостоявшихся «врачей-вредителей» за бездоказательный навет.

Не могу согласиться и с теми, кто ссылается на «признание» проф. В.Н. Виноградова, который в вышеприведенном протоколе очной ставки с д-ром С.Е. Карпай и в объяснительной записке на имя Берии при оформлении прекращения следствия и полной его реабилитации написал 27 марта 1953 г.:

«Все же необходимо признать, что у А.А. Жданова имелся инфаркт, и отрицание его мною, профессорами Василенко, Егоровым, докторами Майоровым и Карпай было с нашей стороны ошибкой. При этом злого умысла в постановке диагноза и метода лечения у нас не было» (140).

И в том, и другом случае необходимо учесть психическое и физическое состояние престарелого профессора, претерпевшего средневековые пытки, после полугодового пребывания в тюрьме, и неожиданную перспективу на днях оказаться на свободе.

Теперь два слова о том, насколько обоснованно было дано разрешение больному Жданову «подниматься с постели, гулять по парку, посещать кино». Насчет посещения кино я склонен согласиться с Л. Тимашук – эмоциональные напряжения таким больным не приносят пользы. Но дозированные физические нагрузки при ИБС улучшают кровоснабжение сердца, расширяют сосуды. Они показаны таким больным. Постельный же режим, необходимый при инфаркте, пагубен при ИБС.

И уж совсем фантастически, с моей точки зрения, звучит заверение того же В. Малкина (176) и примкнувшим к нему Дж. Брента и В. Наумова (51), что «...профессора действовали преступно, получив инструкцию “сверху” – не мешать Жданову умереть, более того, способствовать этому». Теория Малкина о «помощи Жданову умереть» не лезет не только в «медицинские ворота», но и в «историко-политические». Кроме как от Сталина, ни от кого «сверху» не могла поступить такая инструкция. Жданов был в то время нужен Сталину живым и здоровым больше, чем когда-либо и кто-либо из его соратников. Развернутая Сталиным после окончания войны кампания, призванная контролировать интеллектуальную научную, творческую и художественную жизнь, возглавлялась и осуществлялась А. Ждановым с таким рвением, что получила название «ждановщины». Под его, Жданова, личным руководством (август 1946 г.) ЦК партии обрушился на журналы «Звезда» и «Ленинград» за то, что они стали «проводниками идеологии, чуждой духу партии». В июне 1947 г. и в феврале 1948 г. Жданов с большой решимостью разгромил философов, а затем композиторов за формализм и «низкопоклонство перед Западом». С его подачи в пропагандистский лексикон вошло выражение «безродный космополит». Помимо этого, Сталин весьма благосклонно отнесся к возможной женитьбе сына А. Жданова на своей дочке Светлане, что и осуществилось весной следующего года. Переутомленный на почве активной просталинской деятельности и больной (гипертония на почве атеросклероза, грудная жаба, сердечная астма), Жданов остро нуждался в отдыхе и лечении. Сталин, в благодарность за проделанную Ждановым работу, настоял на отправке его на Валдай для поправки здоровья.

Я полностью согласен с Ж. Медведевым, который после подробного анализа соотношения сил в окружении Сталина и внутрипартийных разборок между Берией, Маленковым, Суловым, Ждановым и более мелкой партийной сошкой, пришел к обоснованному заключению, что ни у кого из них «не было необходимости в физической ликвидации Жданова» (181).

Предположение проф. В. Малкина о том, что врачи В.Н. Виноградов, В.Х. Василенко, П.И. Егоров и Г.И. Майоров «...действовали преступно, получив инструкцию “сверху”»: не мешать Жданову умереть, более того – способствовать

этому», я считаю недостойным врача и кощунственным, в связи с чем нахожу излишним дискутировать на эту далекую от медицинской этики тему.

Еще одно положение поддерживает мое убеждение в том, что врачи-клиницисты не ошиблись в диагнозе. Это патологоанатомическое заключение, в котором не упоминается о наличии некроза сердечной мышцы, а отмечен тяжелый атеросклероз, особенно в сосудах, питающих мышцу сердца.

И, наконец, нам осталось выяснить, мог ли быть такой печальный, скоропостижный, неожиданный конец при столь «невинном» диагнозе. К большому сожалению, мы до сих пор не оцениваем коварство тех изменений в нервном и сосудистом аппарате сердца, которые неизбежно возникают при длительно протекающей гипертонической болезни. При тяжелом склерозе сосудов сердца внезапная смерть может наступить и без образования инфаркта миокарда. «Скоропостижная смерть, связанная с острой сердечной недостаточностью (приступ кардиальной астмы по старой терминологии), в 75% случаев обусловлена ИБС (заболеванием, которое в сороковых годах называлось “грудная жаба”») – это выдержка из главы «Неотложная помощь» в «Справочнике общей практики», изданном в 1988 г., когда методы лечения и профилактики сердечно-сосудистых заболеваний значительно модернизировались по сравнению с полувековой давностью. Как видите, умереть можно и без инфаркта миокарда...

Вернемся к роли Л. Тимашук в деяниях карательных органов. Думаю, что она не случайна и предопределена всей нашей жизнью и бытом конца 40-х и начала 50-х гг. Мы все, от мала до велика, были винтиками и жертвами сталинской системы. Тимашук, как и все мы, была действующим лицом в многолюдной исторической драме, представителем тех, через которых и над которыми эта история вершилась. Только в то время одни активно участвовали, другие активно сопутствовали, третьи, не сопротивляясь, плыли по течению, а единицы нашли в себе мужество к глухому и даже активному сопротивлению.

Л. Тимашук – из разряда *активно сопутствующих*.

Послесловие

После смерти Сталина и последовавшей за ней реабилитации «врачей-вредителей», наказания следователей, фальсифицировавших это «Дело», лишения Л.Ф. Тимашук незаслуженной награды, жизнь Лидии Федосеевны и ее профессиональная деятельность складывались под знаком, связанным с прошедшими событиями.

Ее сын, Юрий Александрович Кураев, которого в 2003 г. интервьюировал Валерий Бурт (54), уверен в том, что его мать, выражаясь современным языком, подставили. Бросили «наживку», которую она проглотила. Всю последующую жизнь она пыталась смыть с себя клеймо провокатора. Она неоднократно обращалась в разные инстанции, но безрезультатно.

«Разве я, советский врач, могла думать, что письма, подсказанные моей врачебной совестью, затрагивающие вопросы диагноза больного Жданова А.А., могут послужить в чьих-то руках, почти пять лет спустя, основанием для создания "дела" о многих врачах, к которым я даже не имела никакого отношения. С моей точки зрения, письмо о лечении А.А. Жданова заслуживало внимания и целью его было – помочь больному, но ни в коем случае не оклеветать кого-то».

Последний раз она написала письмо в президиум XXIII съезда партии в 1966 году:

«Только после тяжелых моральных переживаний в течение 13 лет и бесплодных попыток добиться правды, я принуждена обратиться в самый высокий орган Коммунистической партии. Мое положение в обществе весьма трагично. Прошу внести ясность и справедливость в это беспрецедентное дело <...> В народе существует мнение, что "дело о врачах" возникло вследствие того, что я якобы оклеветала честных врачей и профессоров. Эти кривотолки продолжают и до сих пор, постоянно травмируя меня».

Прожила она после этого обращения еще 17 лет, но – как вспоминал ее сын – до самой смерти 6 сентября 1983 г. она больше не пыталась оправдаться. Почти не вспоминала минувшее. Наверное, поняла – ничего и никому невозможно доказать, если однажды позволила палачам превратить себя в орудие расправы...

«Лидию Феодосеевну восстановили в "кремлевке" в прежней должности и даже выплатили разницу в зарплате за несколько лет. Но работала она без прежнего энтузиазма, часто ловя на себе косые, неприязненные взгляды. К примеру, врач Вовси, проходивший по "Делу врачей", когда-то любезно и с симпатией к ней относившийся, теперь лишь холодно кивал. Ходили слухи, что она попала в подстроенную ей автокатастрофу.

Но были и те, кто относился к ней без неприязни, – в дачном поселке, в подмосковном Чепелево, где летом отдыхала Тимашук с семьей, многие и сейчас вспоминают Лидию Феодосеевну добрыми словами. Несколько лет она была депутатом Октябрьского райсовета» (54).

Судя по всему, Л.Ф. Тимашук не случайно стала средством развязывания гнусной кампании против «врачей-убийц в белых халатах». Не могла она не понимать, чем обернется ее «невинный сигнал». Она, пусть и косвенный, но сознательный пособник создания позорного «Дела врачей-вредителей».

ВЫСОКОПОСТАВЛЕННЫЕ СОВЕТСКИЕ ЕВРЕИ ПИШУТ ПИСЬМО В ГАЗЕТУ «ПРАВДА»

Январь 1953 года. «Дело врачей-вредителей» продвигалось к своей заключительной фазе – открытому показательному процессу. Это означало, что надо активизировать пропагандистскую кампанию и включить в нее такой элемент, который не только одобрил бы вынесенное судом обвинительное заключение, но и поддержал намеченные Сталиным карательные меры, в том числе депортацию евреев из промышленных зон страны. Развернутая на страницах газет и журналов с помощью штатных журналистов вакханалия чудовищных обвинений против арестованных профессоров-врачей, очерняющая медицину и вызывающая ненависть к евреям-медикам и евреям вообще, Сталину была недостаточна. Он потребовал, чтобы группа высокопоставленных деятелей науки и культуры еврейской национальности написала покаянное письмо, оправдывающее его планы, как это было и раньше, в тридцатых годах, при подготовке и проведении организованных им политических процессов (см. рис. № 1 и 2 на стр. 37-40). Опять в ход запущен знакомый криминальный почерк преступника, позволявший действовать по единой, не знавшей ранее провалов схеме.

По проторенной дорожке

Напомним вкратце о предыдущем сталинском опыте вовлечения самых разных людей в кровавую круговерть арестов, показательных процессов, массовых убийств и прочих в качестве идейных пособников и прислужников из своего близкого и дальнего окружения. Эту функцию выполняла пресса. Она должным образом обрабатывала народ, освещая собрания и митинги, на которых клеймили «бешеных собак», «троцкистскую гадину», «грязных заговорщиков», «банду убийц», «хорошо замаскированных террористов», призывала «выкурить и разорить гнезда троцкистско-фашистских клопов» и превозносила Сталина и политику ЕГО партии, глаголя о нерасторжимом единстве народа со своим вождем. Выполняли эти сталинские предначертания крупные партийные и административные работники, ученые и литераторы подстать тем, кого они осуждали, бесчестили, чернили, которым портили репутацию. Часто это были партийные соратники, сослуживцы и даже друзья преследуемых. Причем отмечается определенная закономерность: те, кто сначала осуществлял роль обличителей, писал или подписывал порочащие письма, клеймил на митингах, через очень непродолжительное время, на следующем витке сталинских репрессивных мероприятий, сами становились объектами нападок. Против них набиралась новая обойма для науськивания, и они превращались из гонителей в гонимых, арестовывались и в итоге уничтожались. Так, в числе пособников в организации политических процессов, шельмовании в прессе, теоретическом обосновании проводимых репрессий, фальсификации и извращении действительных фактов и обстоятельств, а затем расстрелянных, оказались Н.И. Бухарин, Г.Е.

Зиновьев, Л.Б. Каменев, Г.Г. Ягода, Я.С. Агранов, К.Б. Радек, Н.И. Ежов, Н.А. Вознесенский, И.С. Уншлихт, Н.В. Крыленко, Г.Л. Пятаков и многие другие. Несть им числа...

Первый такой «опыт» был осуществлен Сталиным при шельмовании Льва Троцкого, к которому он привлек Н. Бухарина, Г. Зиновьева, Л. Каменева, причем в этой кляузной работе наибольшей «производительностью» тогда отличался Бухарин (71).

Затем, в преддверии «Первого Московского процесса», который шел под названием «Антисоветский объединенный троцкистско-зиновьевский центр» (19 – 24 авг. 1936 г.), объектами газетных разборок стали известные нам Зиновьев, Каменев, а также крупные политические функционеры Евдокимов, Бакаев, Смирнов, Мрачковский, Тер-Ваганян, Дрейтцер. Пособниками Сталина в их шельмовании были Н.И. Бухарин, Г.Г. Ягода, Я.С. Агранов, Н.И. Ежов, Г.Л. Пятаков и К.Б. Радек, которые на страницах газеты «Правда» (11 июня, 21 августа) и газеты «Известия» (21 августа) требовали «...беспощадно уничтожить презренных убийц и предателей из троцкистско-зиновьевской фашистской банды и ее гетмана, кровавого шута, фашистского обербандита Л.Д. Троцкого». Бухарин в беспардонном раже писал: «Циник-убийца Каменев омерзительнейший из людей, падаль человеческая. Что расстреляли собак – страшно рад».

Через год уже Г. Пятаков и К. Радек были ошельмованы в той же «Правде». Оба стали участниками «Второго Московского процесса», который шел под названием «Параллельный антисоветский троцкистский центр» (23 – 30 янв. 1937 г.) и был посвящен расправе над хозяйственными и партийными кадрами. Суд приговорил Г. Пятакова и Г. Сокольникову к смерти, а Л. Серебрякова и К. Радека – к 10-ти годам заключения. В качестве исполнителей воли Сталина фигурировали Г. Ягода, Н. Ежов и Я. Агранов, пытавшиеся во время следствия навязать арестованным саботаж на всех уровнях и во многих сферах экономики.

По такой же схеме прошли судебные процессы против военных («Антисоветская троцкистская военная организация в Красной армии» – июнь 1937 г.). Смертные приговоры были вынесены М.И. Тухачевскому, И.Э. Якиру, И.П. Уборевичу, Р.П. Эйдеману, В.К. Путне и А.И. Корку – видным военным деятелям. Суд был скорым: начался 11 июня 1937 г. в 9 часов утра, а после обеда был уже завершен. Обвиняемые и судьи сидели напротив. Все прекрасно знали друг друга. И. Якир – самый молодой из обвиняемых – из тюрьмы написал только одному человеку, которому верил больше, чем себе: «Родной, близкий товарищ Сталин! Я умираю со словами любви к Вам, партии, стране, с горячей верой в победу коммунизма». Его письмо Сталин пустил по рукам, надписав в углу: «Подлец и проститутка. *Сталин*». Другие вожди вторили: «Совершенно точное определение. *Ворошилов, Молотов*»; «Предателю, сволочи и бляди одна кара – смерть. *Каганович*».

Прошло не так много времени – всего год, и те, кто судил, сами оказались на Лубянке: В. Блюхер был арестован в октябре 1938 г. и под жесточайшими пытками умер через месяц, Я. Алкснис – расстрелян 28 июля, И. Белов и П. Дыбенко – на день позже. За два последующих года «чистки» армии исчезло 14 из

16-ти генералов армии, 90% командиров корпусов, 35 тыс. из 80-ти тыс. командиров разных званий.

Очень скоро жен и родственников Ворошилова, Молотова, Кагановича и Калинина отправят в лагеря (256).

Предвестником следующего витка нарастания Большого сталинского террора в стране послужил Пленум ЦК партии (25 февр. – 5 марта 1937 г.), во время которого В. Молотов, М. Литвинов, С. Косиор, Н. Ежов и П. Постышев возложили ответственность за «ошибки», допущенные в 1937 г., на Н. Бухарина, А. Рыкова, М. Томского и Х. Раковского. Злобные выступления обличителей стали основой для формирования состава обвиняемых, подготовленного Сталиным судебного фарса, прошедшего под названием «Антисоветский правотроцкистский блок» (2 – 13 марта 1938 г.). Рядом с ними на скамье подсудимых находились также руководители Узбекистана (Икрамов и Ходжаев), несколько врачей и... Г. Ягода – бывший шеф НКВД и главный режиссер «Первого Московского процесса». Всего был 21 обвиняемый. Как и во время предыдущих процессов, это были известные руководители большевистского движения, коллеги, товарищи, соратники вышеназванных обличителей. Все они были расстреляны.

Судебный процесс шел под аккомпанемент развернувшейся на страницах «Правды» и, естественно, других газет оголтелой кампании, призывавшей к усилению бдительности, к доносительству. Н. Бухарин – ведущий идеолог коммунистической партии и главный экономист развивающегося советского государства, «любимец партии», по характеристике В. Ленина, был объявлен «агентом гестапо». Не помогло ему даже то, что в 1928 г. он руководил высылкой Л. Троцкого в Алма-Ату, а затем активно включился в уничтожение Г. Зиновьева и Л. Каменева. Ничему не научились наши партийные руководители. Сталин растлил народ. Репрессии захлестнули всю страну. Отныне скрывающимся врагом мог оказаться каждый – и тот, кто покрывал «преступную» деятельность, и тот, кто ее разоблачал, и тот, кто славословил власть (а вдруг он это делал для того, чтобы скрыть свое истинное лицо?), и тот, кто ее критиковал, рассказав безобидный, или обидный анекдот. Все они игнорировали проверенную веками аксиому: тот, кто рукоплещет тирану, очень скоро начинает лизать тирану сапоги и, в конце концов, этими сапогами будет раздавлен.

Как в центре страны, так и на ее окраинах взаиморазоблачения, а затем и репрессии затронули кадровых работников всех уровней, в том числе и тех, кто искренне поддерживал сталинские репрессии и, в силу своих возможностей, помогал этому своими выступлениями, статьями, петициями. Среди 139-ти членов и кандидатов ЦК ВКП(б) 98 были арестованы и почти все расстреляны. Из 1.966-ти делегатов XVII съезда партии 1.108 исчезли во время чистки. Полностью замененными оказались штаты наркоматов. Были арестованы и расстреляны многочисленные работники разных рангов – от послдов до мелких служащих наркоматов, управленческий аппарат, директора предприятий и подавляющее большинство инженеров и технических специалистов различных народнохозяйственных отраслей (авиастроения, судостроения, металлургической и тяжелой промышленности).

Волна взаиморазоблачений захлестнула также все области науки и искусства. Причем, как правило, обвинение в мировоззренческих и политических ошибках осуществлялось с благословения и с помощью коллег, а иногда служило прикрытием для удовлетворения личных амбиций и сведения счетов. В исторической науке преследованиям подверглись последователи историка М. Покровского, умершего в 1932 г., в языкознании – ученики Н. Марра, в биологии – соперники Т. Лысенко. Многие выдающиеся писатели, публицисты, театральные деятели (среди них О. Мандельштам, Б. Пильняк, М. Кольцов, Вс. Мейерхольд и др.) были обвинены в пропаганде враждебных и чуждых марксизму взглядов, в отклонении от принципов социалистического реализма. Был вовлечен в хор обличителей «матерого негодяя» Бухарина и других «правотроцкистских убийц» лидер культурного и общественного еврейства С.М. Михоэлс (140).

Я твердо уверен в том, что в развернутом и с успехом осуществленном Сталиным Большом терроре тридцатых годов существенную роль сыграл всеобщий вал взаимообличений, связавший в круговую поруку всех его участников.

Общее количество жертв не поддается точному подсчету. Число репрессированных членов партии, если принимать во внимание отсутствие точных сведений, по итогам арестов 1934 – 1939 гг., колеблется, по различным оценкам, от 180-ти тыс. (Дж. Гетти) до 1-го млн. 200 тыс. (А. Сахаров). Некоторые западные историки (Л. Шапиро, З. Бжезинский, Т. Риджби) говорят о 850-ти тыс. исключенных между 1936 и 1939 гг. из партии (чаще всего за исключением следовал арест), что составляло 36% партсостава 1935 г. При определении общего числа репрессированных цифры носят еще более гипотетический характер. Количество заключенных в тюрьмах и лагерях в 1939 – 1940 гг. определяется цифрами от 3,5 млн. до 10-ти млн. человек. Все эти беззакония проходили под прикрытием и при активном участии прессы: обличительные и покаянные письма, заявления в преданности партии и правительству. Ольга Шатуновская считает, «что на самом деле сидело всего 20 миллионов человек, из них 7 миллионов убили сразу – расстреляли в тюрьмах НКВД, из оставшихся 13 миллионов вернулось 180 тысяч, остальные погибли» (316). Этим страшным цифрам можно верить – исходят они от члена комитета партийного контроля при ЦК КПСС.

Те, кто на разных этапах сталинского террора были его жертвами и пособниками, а чаще и теми, и другими одновременно, и остались в живых, смогли встретиться в тюрьмах, лагерях, поселениях и обсудить коварство их кумира и благодетеля.

Такую же участь запланировал Сталин и последним своим соратникам – Л. Берии, В. Молотову и А. Микояну. Пора было разделаться с теми, кто содействовал ему в преступлениях довоенных лет. 16 октября 1952 г., сразу после XIX съезда КПСС, на пленуме ЦК Сталин зло и неуважительно обличал за «двурушничество» Микояна и «набросился на Молотова с обвинением в трусости и капитулянстве» (231). Таким выступлением ОН дал «наводку» для всегда готовых послужить тирану. Сталин форсировал окончание «Мингрельского дела», от решения которого зависела судьба Берии; 2 декабря 1952 г. он бросил в

тюрьму своего начальника охраны генерала Н. Власика; отправил в отставку начальника личной канцелярии А. Поскребышева – активных его подельников.

В верхних этажах власти вновь был дан старт эстафете смерти... «Дело врачей-вредителей» было ключевым мероприятием, запускающим запланированную Сталиным волну послевоенного тотального террора.

Любопытную закономерность в действиях Сталина отметил Э. Радзинский: уничтожив соратника, генсек передавал его дачу следующему. Так, Берия жил на даче расстрелянного Чубаря; Молотов – на даче расстрелянного Ягоды; Вышинский – на даче расстрелянного Серебрякова. Скоро и они передадут не только свои кресла в ЦК, но и свои дачи новым владельцам. Все размерено, все отработано до деталей.

И не только дачи были кровавой эстафетой Сталина. Он для своих целей велел построить в Москве «Дом правительства» – огромную серую громаду, которую заселили партийной элитой. Тогда в перенаселенной Москве, где на семью выделялись одна-две комнаты в коммуналках на 5 – 10, а иногда и более семей, элитарно-партийным семьям давали (неслыханно!) отдельную квартиру с собственной уборной и ванной. В подъезде, охраняемом специальной консьержкой, а то и сотрудником НКВД, были бесшумные лифты, на лестнице – ковровые дорожки. В дом отдельным флигелем были встроены закрытый продовольственный распределитель, кухня, готовящая обеды только для жильцов, концертный зал и кинозалы. Это был первый в СССР дом «коммунистического быта». Жильцы – руководящие парработники, наркомы, иногда и их замы, генералы, директора крупнейших, в основном оборонных, предприятий. Но новые жильцы недолго задерживались в новых квартирах. Очень скоро элитный квартирант переселялся во внутреннюю тюрьму на Лубянке. Сажали одних, на их место быстро заселяли других, таких же элитных. Первые же погибли после «показательных процессов», гнили в золотоносных шахтах и на лагерном лесоповале, их родные – на поселениях. Затем сажали новоселов, заменяя их новыми. «Виновные», «враги народа», «шпионы» заменялись «невинными». Участь последних тоже была предрешена, и они очень скоро становились «врагами народа», «шпионами», «националистами», «диверсантами». Сталинская круговерть шла и в Доме правительства.

В 1953 г. эта же круговерть продолжалась в помещении редакции газеты «Правда»: «невинные» помогали Сталину уничтожать «виноватых» в надежде на то, что они охранят себя от Лубянки и лагерей, а семьи – от поселений.

Покаяние должно исходить от евреев

Итак, обратимся к «Делу врачей-вредителей». Сталинские мероприятия осуществлялись почти без изменений: те же подходы, та же методика их реализации – такова особенность криминального почерка преступника. Но есть и нечто новое. Тогда, до войны, при подготовке Сталиным «Большого террора», основной удар был нанесен партийным, хозяйственным и инженерным кадрам вне зависимости от национальной принадлежности. В 1953 г. должны были

пострадать в первую очередь евреи. Сталин возвел антисемитизм в ранг государственной политики не только потому, что сам был вульгарным юдофобом, но и потому, что рассчитывал на одобрение и поддержку большинства населения. Алогичный по своей сути, продиктованный подсознанием антисемитизм, как один из вариантов политической ксенофобии, очень подходил для целей, которые преследовал Сталин. Поставив целый народ вне закона, Сталин создавал условия для его физического уничтожения. В институтах, на фабриках и заводах, в медицинских учреждениях, на открытых партийных собраниях и митингах всюду клеймили врачей-террористов, разглагольствовали о чужеземно-нацистской деятельности американских и английских империалистов, опирающихся на внутренних врагов, призывали быть бдительными и вылавливать шпионов, агентов иностранных разведок.

Вот на этом фоне и рождалось «Письмо в редакцию “Правды”». Сталину, как уже отмечалось выше, было явно недостаточно всех проводимых в преддверии открытого показательного процесса над «врачами-убийцами» мероприятий. Он потребовал, чтобы представители еврейской элиты, им обласканной (ученые, общественные деятели, военные, писатели, артисты, крупные производственники, всевозможные лауреаты и т.д.), написали и подписали покаянное письмо.

В январе 1953 г., еще до опубликования в «Правде» и других центральных газетах «Сообщения ТАСС» об «аресте группы врачей», для развертывания идеологического нажима через прессу, в том числе и для реализации запланированного «Письма-обращения», была создана руководящая группа. Возглавлял группу Г.М. Маленков – председатель Совета министров СССР, который от имени Сталина сначала следил за «Делом ЕАК», а потом и за его продолжением – «Делом врачей-вредителей». Через него и осуществлялся контакт с самим Сталиным. Вторым лицом был глава Агитпропа (Отдела пропаганды и агитации ЦК), секретарь ЦК КПСС М.А. Михайлов. Практическое выполнение осуществлял только что назначенный главный редактор газеты «Правда» и глава образованной в 1952 г. «Идеологической комиссии» Д.Т. Шепилов. Научным консультантом был Д. Чесноков, только что введенный в состав Президиума ЦК КПСС и ставший главным редактором журнала «Коммунист». Знатная команда, иллюстрирующая важность и ответственность задачи, которую возложил на них Сталин! Но это была группа руководителей, не владеющих или плохо владеющих пером. Поэтому к ним для подготовки «Письма-обращения» пришлось привлечь в качестве пишущих: журналиста с юридическим образованием, члена редколлегии «Правды» Якова Семеновича Хавинсона-Маринина; академика, шеф-редактора газеты «За прочный мир, за народную демократию» и обозревателя газеты «Правда» философа Марка Борисовича Митина и академика, зав. кафедрой истории СССР в Московском университете Исаака Израилевича Минца, а также бойкого борзописца Давида Заславского предводителя советской партийной журналистики. О национальной принадлежности последних четырех исполнителей говорят их фамилии, имена и отчества. И в этом тоже был коварный замысел Сталина – привлечь евреев к анти-

семитской акции в качестве его помощников. Привлечь сейчас, чтобы уничтожить их потом. Тоже вполне знакомый преступный кульбит!

Однако «владеющие пером» евреи не выполнили ЕГО задания. Правда, не сразу. Потом. Одумались. Об этом и разговор в этой главе.

Письмо – вариант начальный

Итак, в середине января вся эта компания приступила к действию. Мероприятие с письмом в редакцию «Правды» пошло как обычно, однако с большим запозданием. Ведь такое мероприятие должно было бы завершить открытый показательный процесс над деятелями ЕАК еще в 1950 году, ну, максимум, на год позже. Но, как известно, организовать открытый процесс против ЕАК не удалось, а вот в начале 1953 г. у следователей, вероятно, все было «на мази» с открытым показательным процессом против врачей, и его последующей стадией – террором, составной частью которого должна была явиться депортация евреев. Во всяком случае, сотрудники МГБ так докладывали Сталину. Об этом свидетельствуют опубликованные 13 января в газете «Правда» сообщение ТАСС об аресте «врачей-вредителей» и передовая – «Подлые шпионы и убийцы под маской профессоров-врачей». У министра госбезопасности С. Игнатьева наверняка были веские основания для того, чтобы закончить сообщение ТАСС фразой: «Следствие будет закончено в ближайшее время». Сталин обнадежен. Именно в это время он приказал подготовить «Письмо-обращение в редакцию газеты “Правда”».

Однако с этими, пока еще гуляющими на воле высокопоставленными евреями не все гладко. Не получилось сразу написать и должным образом оформить для опубликования «Письмо-обращение...». Почти два месяца пришлось им заниматься, а ведь приказ был все завершить ко 2 февраля 1953 г.

Речь идет о трех вариантах (редакциях, разновидностях – называйте как угодно) «Письма-обращения евреев в редакцию газеты “Правда”». При их обозначении будем придерживаться принципа, который предложил Г. Костырченко, – называть их именами собственными: первый вариант я буду называть «Исходным», второй – «Отредактированным», и третий – «Исправленным». Фактически, собственное название второго и третьего вариантов «Письма-обращения...» присвоили ему сами руководители этой акции Михайлов и Шепилов (См. стр.406,407).

Анализ текста всех трех вариантов показывает их коренную трансформацию: от агрессивного «Исходного», написанного Михайловым, – сослать евреев для освоения «просторов Восточной Сибири, Дальнего Востока и Крайнего Севера», до безобидной просьбы в «Исправленном» – разрешить «издание в Советском Союзе газеты, предназначенной для широких слоев еврейского населения в СССР и за рубежом». Наше предположение заключается в том, что эту перемену, на свой страх и риск, осуществили те евреи, на которых волей

Сталина была возложена обязанность создать «Письмо-обращение...». Ниже я обосновываю свое мнение.

Итак, первый вариант – «Исходный» (330).

Ко всем евреям Советского Союза

Дорогие братья и сестры, евреи и еврейки! Мы, работники науки и техники, деятели литературы и искусства – евреи по национальности – в этот тяжкий период нашей жизни обращаемся к вам.

Все вы хорошо знаете, что недавно органы государственной безопасности разоблачили группу врачей-вредителей, шпионов и изменников, оказавшихся на службе у американской и английской разведки, международного сионизма в лице подрывной организации «Джойнт». Они умертвили видных деятелей партии и государства – А.А. Жданова и А.С. Щербакова, сократили жизнь многих других ответственных деятелей нашей страны, в том числе крупных военных деятелей. Зловещая тень убийц в белых халатах легла на все еврейское население СССР. Каждый советский человек не может не испытывать чувства гнева и возмущения. Среди значительной части советского населения чудовищные злодеяния врачей-убийц закономерно вызвали враждебное отношение к евреям. Позор обрушился на голову еврейского населения Советского Союза. Среди великого русского народа преступные действия банды убийц и шпионов вызвали особое негодование. Ведь именно русские люди спасли евреев от полного уничтожения немецко-фашистскими захватчиками в годы Великой Отечественной войны. В этих условиях только самоотверженный труд там, куда направят нас партия и правительство, великий вождь советского народа И.В. Сталин, позволит смыть это позорное и тяжкое пятно, лежащее сегодня на еврейском населении СССР.

Вот почему мы полностью одобряем справедливые меры партии и правительства, направленные на освоение евреями просторов Восточной Сибири, Дальнего Востока и Крайнего Севера. Лишь честным, самоотверженным трудом евреи смогут доказать свою преданность Родине, великому и любимому товарищу Сталину и восстановить доброе имя евреев в глазах всего советского народа».

Историю обнаружения вышеприведенного документа рассказал проф. Я.Я. Этингер. В конце 90-х годов (более точная дата не указывается) к нему позвонила неизвестная женщина и сообщила, что читала некоторые его статьи о «Деле врачей». Женщина предложила ему ознакомиться с «одним письмом», которое, по ее словам, представляет интерес. Они договорились встретиться. Ей было лет 60. Плохо одетая, она производила жалкое впечатление. Женщина никак не представилась, не назвала ни своей фамилии, ни своего имени. Она рассказала Я.Я., что ее умершая лет десять назад старая мать в течение тридцати лет работала в одной из центральных газет и печатала, будучи опытной машинисткой, многие важные статьи и документы. У ее матери сохранился небольшой архив, и, перебирая вскоре после ее смерти бумаги, она обнаружила пожелтевший от времени машинописный экземпляр письма, озаглавленного «Ко всем евреям Советского Союза». Я.Я. Этингер, просмотрев текст, убедился, что в его руках находится уникальный исторический документ, призывающий к депортации евреев в отдаленные районы страны. Этот документ разыскивался многие годы. Этингер попросил посетительницу сделать копию

КОПИЯ

РАСЕКРЕЧЕНО

06916

18

Товарищу МАЛЕНКОВУ Г.М.

Представляем Вам отредактированный текст письма
в редакцию газеты "Правда".

Н. Михайлов
Д. Шепилов

29/5/53.

*Мастерская уфимских
и ленинградских ребят
29.5.53*

*Архив
Шепилову
29.5.53*

Сопроводительный документ ко второму варианту («Отредактированному»)
«Письма обращения...», направленного Г. Маленкову Н. Михайловым и Д. Шепиловым.
(Любезно предоставлен автору Г.В. Костырченко)

18322

158
159

КОПИЯ

РАСКРЫТО

Товарищу МИХАЙЛОВУ Н.А.

Предоставляю Вам исправленный текст проекта письма в редакцию газеты "Буряда".

Н. Михайлов

Р. Шепилов
18/11-83
Шепилов

Сопроводительный документ к третьему варианту («Исправленному») «Письма обращения...», направленного Д. Шепиловым к Н. Михайлову. (Этот документ также предоставлен автору Г.В. Костырченко)

этого письма. Но она наотрез отказалась, добавив: «Если хотите, перепишите его в моем присутствии». Она была запугана, хотя со времени «Дела врачей» уже прошли многие годы. Но страх, посеянный сталинским режимом, унаследованный, очевидно, от матери, продолжал глубоко сидеть в ней. После того, как Я. Этингер переписал письмо, она бережно сложила его в сумку, попрощалась и ушла, не оставив ни своего адреса, ни телефона (330).

Первое, что бросается в глаза при чтении этого документа, – его кондовость. Судя по стилю, он написан лично Н. Михайловым – малообразованным агитпроповцем, партийным функционером, незавуалированным антисемитом, много лет подвизавшимся в комсомольских организациях и только в октябре 1952 г. сменившим пост Первого секретаря ЦК ВЛКСМ на секретаря ЦК КПСС. Он печатно реализовал то, что было одобрено на состоявшемся 9 января 1953 г. заседании бюро Президиума ЦК КПСС, на котором был заслушан доклад заместителей министра госбезопасности С.А. Гоглидзе и С.И. Огольцова по «Делу врачей-вредителей» и обсуждался проект адресованного народу «Сообщения ТАСС» и передовой статьи для газеты «Правда». Помимо членов бюро – Л.П. Бериин, Н.А. Булганина, К.Е. Ворошилова, Л.М. Кагановича, Г.М. Маленкова, М.Г. Первухина, М.З. Сабурова и Н.С. Хрущева, – на этом заседании присутствовали Н.А. Михайлов как секретарь ЦК, а также главный редактор «Правды» Д.Т. Шепилов. На них и была возложена обязанность организовать письмо элитных евреев. Видимо, сразу после этого заседания и было написано Михайловым вышеприведенное письмо. Оно готовилось одновременно с рядом пропагандистских материалов по «Делу врачей», которые по требованию Агитпропа ЦК от 12 января 1953 г. должны были опубликовать в срочном порядке ряд газет и журналов. В эти дни и начали знакомить с ним еврейскую элиту для сбора подписей. Отличалось оно от сообщения ТАСС и передовой «Правды» от 13 января призывом к самому Сталину направить «еврейское население» «на освоение просторов Восточной Сибири, Дальнего Востока и Крайнего Севера», т.е. прямым призывом к депортации и фактическим указанием к погромам – «закономерное <...> враждебное отношение к евреям» советского населения. Естественно, что эти дополнения не было самостоятельностью Михайлова. Наверняка эти идеи исходили сверху. От Михайлова зависело, как подать их массам, – ведь не зря же он возглавлял Агитпроп всей страны...

Дошедший до нас призыв «Ко всем евреям Советского Союза» скорее всего черновой вариант того, что должны были подписать собранные в редакции газеты «Правда» элитные евреи. Обратите внимание на то, что в этом варианте еще нет конкретных фамилий «врачей-убийц», т.е. он был написан до 13 января, до «Сообщения ТАСС», где эти фамилии впервые были названы. С ним и были ознакомлены будущие «подписанты». Организацию сбора подписей осуществляли Минц, Хавинсон и Митин. Приглашенными были достаточно известные люди, но обязательно еврейского происхождения. Кого-то просили приехать в редакцию газеты, к кому-то, в зависимости от ранга, приезжали домой. Дважды

Героя Советского Союза, тогда полковника и в скором будущем генерала Давида Драгунского срочно вызвали из Тбилиси, где он командовал танковой дивизией, дислоцированной в Закавказском военном округе, чтобы заполнить и его автограф. Полковник примчался на военном самолете (59).

А. Борщаговский, ссылаясь на ряд публикаций, пишет, что возглавляли список приглашенных Лев Захарович Мехлис, бывший редактор газеты «Правда», член ЦК КПСС, и Лазарь Моисеевич Каганович, зам. председателя Совета Министров СССР, член Политбюро ЦК КПСС (47). С этим письмом ознакомили более 50-ти человек и, наверное, около 40-ка из них это письмо подписали. Подписной лист существовал, но его первый вариант до нас не дошел. Писатель Вениамин Каверин (Зильбер), подробно описывая в своих воспоминаниях процедуру уговоров, сообщает, что Хавинсон заверил его, что письмо уже подписали В. Гроссман и П. Антокольский. В книге «Эпилог», изданной после его смерти в 1989 г., он пишет:

«Я прочитал письмо: это был приговор, мгновенно подтвердивший давно ходившие слухи о бараках, строившихся для будущего гетто на Дальнем Востоке. Знаменитые деятели советской медицины обвинялись в чудовищных преступлениях, и подписывающие письмо требовали для них самого сурового наказания. Но это выглядело как нечто само собой разумеющееся – подобными требованиями были полны газеты. Вопрос ставился гораздо шире – он охватывал интересы всего еврейского населения в целом, а сущность его заключалась в другом: евреи, живущие в СССР, пользуются всеми правами, обеспеченными Конституцией нашей страны. Многие из них успешно работают в учреждениях, в научных институтах, на фабриках и заводах. И, тем не менее, в массе они заражены духом буржуазного воинствующего национализма, и к этому явлению мы, нижеподписавшиеся, не можем и не должны относиться равнодушно». В. Каверин далее подчеркивает: «Я передаю лишь в самых общих чертах содержание этого документа, память, к сожалению, не сохранила подробностей, да они и не имеют существенного значения. Ясно было только одно... мы заранее оправдывали новые массовые аресты, пытки, высылку в лагерь ни в чем не повинных людей. Мы не только заранее поддерживали эти злодеяния, мы как бы сами участвовали в них уже потому, что они совершались бы с нашего полного одобрения» <...> «Маринин заявил, что содержание письма "согласовано" с Ильей Эренбургом. Хорошо зная Эренбурга, я сразу не поверил этому "согласовано"». После беседы с Марининым В. Каверин поехал к Илье Эренбургу, который сказал ему, что слова Маринина «конечно, ложь». «Разговор был предварительный. Я еще не читал этого письма». Далее В. Каверин пишет, что он позвонил Маринину и попросил передать тогдашнему главному редактору «Правды» Д.Т. Шепилову, что он отказывается подписать письмо. Но «...решительно ничего не значил мой отказ. Эти мерзавцы могли без моего ведома и согласия включить меня в число тех, кто спасал опозоренную жизнь, собираясь послать на казнь тысячи людей, виновных только в том, что они родились евреями» (128).

Евгений Долматовский, очень популярный в те годы поэт:

«За мной не приехали – мне звонили. Надо, мол, явиться в “Правду” и подписать документ государственной важности. Про содержание не говорилось, но достаточно было того, что звонил Давид Заславский, я его хорошо знал. И ничего хорошего от него не ждал. К тому же он сказал: “Пора вспомнить, Евгений Аронович, что вы еврей”. Нет, возразил я ему, национальность у меня советская, а главное – я русский поэт. Заславский стал что-то говорить в угрожающем тоне. Надо было выиграть время. Почему-то мне пришло в голову напомнить, что Шостакович только что написал на мои стихи четыре песни для голоса и фортепиано и еще кантату “Над родиной нашей солнце сияет”. А сейчас, говорю, мы работаем с ним над песней о товарище Сталине. Ни над чем мы с ним тогда не работали, но я соврал – в надежде, что никто проверять не будет. А будет – Шостакович не подведет. “Конечно, вы понимаете, сказал я Заславскому, что песня о товарище Сталине важнее, чем все остальное”. Плешивый отстал. И больше мне никто не звонил» (59).

Вскоре Минц, Хавинсон и Митин с текстом обращения «Ко всем евреям Советского Союза» оказались и у Ильи Григорьевича Эренбурга. Его рассказ об этом зафиксировал писатель З. Шейнис:

«...Они приехали ко мне домой. Они – академик Минц, бывший директор ТАСС – Хавинсон и еще один человек. Вопрос о выселении евреев из Москвы и других городов уже был решен Сталиным, вот тогда Минц и Хавинсон и обратились ко мне. Не знаю, была ли это их инициатива или им посоветовали “наверху” так поступить. Они приехали с проектом письма на имя “великого и мудрого вождя товарища Сталина”. В письме содержалась нижайшая просьба. Врачи-убийцы, эти изверги рода человеческого, разоблачены. Справедлив гнев русского народа. Может быть, товарищ Сталин сочтет возможным проявить милость и “охранит евреев от справедливого гнева русского народа” и под охраной выселит их на окраины государства. Авторы письма униженно соглашались с депортацией целого народа. <...> Бился в истерике Минц, а Хавинсон бегал по комнате, умоляя подписать письмо. Я показал им на дверь» (318).

Примерно то же самое происходило с историком проф. Аркадием Самсоновичем Ерусалимским, обладающим звучной фамилией, очень подходящей для подписи под таким письмом. В 1957 г. в беседе с Я.Я. Этингером он рассказал, как к нему приехали Хавинсон, Минц и еще несколько человек. Они в грубой форме настаивали, чтобы он подписал письмо с требованием казни врачей и «просьбой» о депортации евреев. Возмущенный этим предложением профессор выпроводил их из своего дома.

О содержании письма в пересказах сразу стало известно в элитных еврейских кругах Москвы, что вызвало панику, так как неприкрыто предвещало расправу не только над осужденными, но и над всеми евреями.

И все же на этом этапе подготовки «Письмо-обращение» так и не увидело света: Сталин его забраковал. Во-первых, «отец народов» не давал санкции

приписывать свое имя к планируемой им расправе над врачами и депортации евреев. Это не в его правилах. ОН – кукловод. В его грязных делах он не должен светиться. Это один из непреложных бандитских законов, и он его выполнял неукоснительно. Н. Хрущев вспоминает:

«Сталин не остановился бы ни перед чем и задушил бы любого, чьи действия могли скомпрометировать его имя. Особенно в таком уязвимом и позорном деле, как антисемитизм» (305).

Так ОН поступил и при подготовке «Дела врачей-вредителей». 9 января на заседании бюро Президиума ЦК, от которого требовалась санкция на «Дело врачей-вредителей», а также на сообщение ТАСС и статью в «Правде», Сталин не присутствовал. В заранее составленном списке участников заседания бюро Президиума ЦК Сталин значился первым, однако потом его фамилия была вычеркнута и рядом, в скобках, появилась отметка: «Не присутствовал». И решение – «Одобрить проект сообщения в печати об аресте группы врачей-вредителей и опубликовать его вместе со статьей “Правды” по этому вопросу» было подписано не как обычно: «Секретарь ЦК И. Сталин», а иначе: «Бюро Президиума ЦК КПСС». Итак, руки у Сталина чистые.

Если когда-нибудь в будущем историки-архивисты и докопаются до этого протокола, то всю вину за «Дело врачей-вредителей» спишут на Л.П. Берию, Н.А. Булганина, К.Е. Ворошилова, Л.М. Кагановича, Г.М. Маленкова, М.Г. Первухина, М.З. Сабурова и Н.С. Хрущева. Если и придется отвечать перед судом истории, то не ему. А тут в письме «Ко всем евреям Советского Союза» эти безмозглые, излишне ретивые исполнители все вывалили наружу. Нет, такой текст письма был для НЕГО неприемлем. Ведь как ОН умно провернул десять лет тому назад спровоцированную им же «Крымскую инициативу» Михоэлса. Тогда эти интеллектуалы-евреи тоже обратились к НЕМУ с письмом о заселении Крыма оставшимися в живых после войны евреями, но ОН их сразу переадресовал к Молотову. И на закрытом суде над ЕАК имени Сталина не прозвучало. Опять чист и непорочен. А почти десять лет спустя то самое крымское письмо очень пригодится для расправы с Молотовым. ОН, Сталин, распорядился вызвать из ссылки его жену Жемчужину и пристегнуть к «Делу врачей». Доложили, что «Объект 12» (так числилась П. Жемчужина на Лубянке) привезли, и она уже дает показания...

Но оставлять без его личного присмотра каждый шаг в подготовке «Дела врачей-вредителей» не в его правилах. Перед опубликованием передовой «Шпионы и убийцы под маской врачей» для «Правды» Шепилов дважды согласовывал ее текст со Сталиным. 10 января Сталин возвратил проект статьи с многочисленными собственноручными исправлениями (51).

Кроме того, и это тоже немаловажно, надо было изменить и стиль написания письма. Это – не партийный документ, а крик о помощи, исходящий от интеллигентных людей. Подписывать же его будут академики, профессора, лау-

реаты, а не «михайловы» со средним образованием. Представленный ему текст сразу покажет всем, что это грубо сработанная фальшивка.

Далее, в письме недостаточно отражен сионистский и империалистический характер деятельности врачей. Из письма получается, что это – внутреннее дело, а оно должно быть представлено как заговор мирового масштаба.

И, наконец, в письме нет ни слова о необходимости бдительности и еще раз бдительности – того, что должно пронизывать всю жизнь советского общества. Всего два месяца тому назад, когда в кабинете у генсека собрался вновь избранный Президиум ЦК, Сталиным было четко сказано:

«Чем больше у нас успехов, тем больше враги будут нам стараться вредить. Об этом наши люди забыли под влиянием наших больших успехов, появились благодушие, ротозейство, зазнайство.

..Любой еврей-националист – это агент американской разведки. Еврей-националисты считают, что их нацию спасли США (там можно стать богачом, буржуа и т.д.). Они считают себя обязанными американцам. Среди врачей много евреев-националистов» (37).

На этом заседании присутствовал Михайлов, но, видимо, не понял, что это не просто слова, а указание.

Через Маленкова «Письмо-обращение», его исходный вариант, с соответствующими инструкциями было возвращено в редакцию «Правды». В редакционных кабинетах «Правды» воцарилась полная растерянность: с таким трудом подготовленное письмо было запрещено печатать. Столько сил ушло на разговоры и уговоры его подписать. И все напрасно. Уже готовое к опубликованию обращение «Ко всем евреям Советского Союза» было изъято из верстки, его типографский вариант уничтожен, и только благодаря той безымянной женщине, которая посетила Я.Я. Этингера, осталось в истории. Может быть, текстуально оно имеет некоторые редакционные различия с типографским вариантом, но по существу оно его воспроизводит.

Г.В. Костырченко (147), Б. Сарнов (259) и Ж. Медведев (181) считают, что этого, первого, по моему обозначению «Исходного», варианта не существовало, и он результат фантазии, даже больше – фальсификации Я.Я. Этингера, или, по выражению Б. Сарнова, «окутан ароматом густой липы», а история его происхождения тяготеет «к еще более развесистой клюкве». Они исходят из положения: нет документа в партийных архивах – нет факта его существования.

Придерживаясь системного подхода к оценке явления, нельзя не согласиться, что «Письмо-обращение...» – неотъемлемый элемент в репрессивной политике Сталина (см. рис. №№ 1 и 2 на стр. 37-40 и вводную часть к этой главе). Основанием того, что «Исходный» вариант существовал, можно считать реплику И. Эренбурга (см. выше), в которой он, в связи с прочитанным им письмом, дважды упоминает имя Сталина. Упоминается имя Сталина и в свидетельстве Гроссмана по поводу знакомства с письмом в редакции. Имя Сталина Эренбург мог прочесть, а Гроссман услышать только при знакомстве с первым «Ис-

ходным» вариантом письма. Ни во втором («Отредактированном»), ни в третьем («Исправленном») имени Сталина нет. Далее, в приведенных выше свидетельствах В. Каверина, А. Ерусалимского и И. Эренбурга говорится о том, что в предлагаемом им для подписи «Письме-обращении...» было указание на выселение евреев. Ни во втором, ни в третьем вариантах «Письма-обращения...» такого предложения нет. О выселении евреев в Сибирь говорит и Блантер. Не могли же они, Эренбург, Ерусалимский, Блантер и Каверин, сами это выдумать?!

И, наконец, следующее. Наличие первого «Исходного» варианта «Письма» подтверждает и первая строчка второго: «Представляю Вам отредактированный текст письма в редакцию газеты “Правда”». Отредактированный текст – значит, был предыдущий вариант, который отредактировали (подчеркнуто мною – Ф.Л.) (см. стр. 413).

Был ли он, «Исходный» вариант, в том виде, который дошел до Я.Я. Этингера или в другом, – не суть важно. Важно то, что первичный текст письма был, и в нем, помимо упоминания И. Сталина, были осуждение высокопоставленными евреями разоблаченной группы «врачей-вредителей, шпионов и изменников» и просьба к правительству и партии послать евреев страны, головы которых покрылись позором, на освоение просторов Сибири, Дальнего Востока и Крайнего Севера.

Отредактированный вариант

Вернемся в редакцию газеты «Правда». Организаторов «Письма-обращения...» поджимают сроки. По приказу «сверху» оно должно увидеть свет не позже 2 февраля. (181, 238, 333) и возглавить поток антисемитских статей, которые уже готовы к опубликованию. И вдруг такой неожиданный зигзаг: перед устроителями-руководителями поставлена задача написать другой вариант, без упоминания имени Сталина и по стилю более приближенный к интеллекту его подписавших. В авральном режиме к написанию нового варианта письма подключают выделенных для этого дела Заславского, Митина, Минца, Хавинсона – евреев-интеллектуалов. Из «уговорителей» подписать письмо они превратились в его создателей. На них легла колоссальная ответственность перед всем еврейским народом. И они, в силу своих возможностей и с учетом страшной личной опасности, нависшей над ними, приступили к созданию следующего варианта (146).

ПРОЕКТ ОБРАЩЕНИЯ ЕВРЕЙСКОЙ
ОБЩЕСТВЕННОСТИ В «ПРАВДУ»

29 января 1953 г.

Товарищу МАЛЕНКОВУ Г. М.

Представляю Вам отредактированный текст письма в редакцию газеты «Правда».

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ «ПРАВДЫ» *

Разоблачение шпионской банды врачей-убийц М. Вовси, В. Виноградова, М. Когана, П. Егорова, А. Фельдмана, Я. Эттингера, А. Гринштейна, Г. Майорова раскрыло перед советским народом, перед всеми честными людьми мира чудовищное преступление этих врагов, действовавших под маской «ученых».

Продавшись американско-английским поджигателям войны, эти выродки ставили перед собой цель путем вредительского лечения сокращать жизнь активным деятелям Советского Союза. Врачи-преступники лишили жизни выдающихся деятелей Советского государства А.А. Жданова и А.С. Щербакова. Террористическая шпионская шайка под видом лечения пыталась вывести из строя руководящие военные кадры Советской Армии, рассчитывая таким путем подорвать оборону страны.

Вместе со всем советским народом, со всеми передовыми людьми мира мы клеймим позором эту клику убийц, этих извергов рода человеческого.

Большинство из разоблаченных преступников – еврейские буржуазные националисты, завербованные международной сионистской организацией «Джойнт», филиалом американской разведки. Не случайно англо-американские империалисты ухватились за еврейских буржуазных националистов-сионистов. Еврейские миллиардеры и миллионеры в США давно уже поставили созданную ими сеть сионистских буржуазно-националистических организаций на службу самым реакционным силам американского империализма, превратили сионистские организации в центры международного шпионажа и диверсий.

Пытаясь ввести в заблуждение общественное мнение, прикрывая свою шпионскую роль, главари сионизма изображают империалистическую Америку «другом» евреев. Но кто же не знает, что в действительности США является каторгой для еврейских трудящихся, угнетаемых самой жестокой машиной капиталистической эксплуатации. Кто не знает, что именно в этой стране процветает самый разнузданный расизм и в том числе антисемитизм. Восхваляя своих американских хозяев, сионисты на деле с головой выдают трудящихся евреев американскому капиталу.

У главарей сионизма нет иных целей, кроме целей, продиктованных агрессивным американским империализмом. Эти главари сионизма превратили государство Израиль в плацдарм американских агрессоров и навязали израильским трудящимся двойной гнет американского и еврейского капитала. По заданию американской и английской разведок сионисты создают террористические диверсионные группы в Советском Союзе и в странах народной демократии. Используя сионистов, американские империалисты пытались уничтожить завоевания народно-демократической Чехословакии.

Весь мир знает, что народы Советского Союза и прежде всего великий русский народ своей самоотверженной героической борьбой спасли человечество от ига гитлеризма, а евреев – от полной гибели и уничтожения. В наши дни, когда англо-американские империалисты пытаются свергнуть мир в новую войну, когда великое движение за мир против войны охватывает все народы и все нации, советский народ идет в первых рядах борцов за мир, твердо отстаивая дело мира в интересах всего человечества.

Впервые в истории в Советском Союзе создали такой строй, который не знает национального гнета, основан на подлинном братстве народов, больших и малых. Вместо национальной ненависти и былой вражды между народами у нас в стране

* Подлинник хранится в РГАНИ (Ф. 5. Оп. 25. Д. 504. Л. 178-179).

полностью восторжествовала справедливость и искренняя дружба между народами. Впервые в истории трудящиеся евреи обрели свободную, радостную жизнь, возможность безграничного развития в любой области труда и творчества.

Только буржуазно-националистические отщепенцы и выродки, только люди без чести и совести, продавшие свою душу и тело империалистам, стремятся сорвать великие завоевания народов, освободившихся от национального гнета.

Вместе с тем нельзя не отметить, что среди некоторых элементов еврейского населения нашей страны еще не изжиты буржуазно-националистические настроения. Еврейские буржуазные националисты-сионисты, являясь агентами англо-американского империализма, всячески разжигают эти настроения. Они пытаются всеми мерами подогреть и раздуть среди советских граждан еврейского происхождения чувство национальной обособленности, пытаются породить национальную вражду к русскому народу и другим народам Советского Союза. Они стремятся подавить у евреев сознание высокого общественного долга советских граждан, хотят превратить обманутых ими евреев в шпионов и врагов русского народа и тем самым создать почву для оживления антисемитизма, этого страшного пережитка прошлого. Но русский народ понимает, что громадное большинство еврейского населения является другом русского народа. Никакими ухищрениями врагам не удастся подорвать доверие советских евреев* к русскому народу, не удастся рассорить их с великим русским народом.

Каждый честный еврейский трудящийся должен активно бороться против еврейских буржуазных националистов, этих отъявленных врагов еврейских тружеников. Нельзя быть патриотом своей Советской Родины и бойцом за свободу национальностей, не ведя самой непримиримой борьбы против всех форм и проявлений еврейского национализма. Повысить бдительность, разгромить и до конца выкорчевать буржуазный национализм – таков долг трудящихся евреев – советских патриотов, сторонников свободы народов.

Группа врачей-убийц разоблачена. Сорвана еще одна из коварных ставок англо-американского империализма и его сионистской агентуры. Как все советские люди, мы требуем самого беспощадного наказания преступников. Мы уверены в том, что это требование выражает мысли и чувства всех трудящихся евреев и будет единодушно поддержано ими.

Будем же и впредь вместе со всем советским народом с еще большей энергией и самоотверженностью укреплять нашу Советскую Родину, бороться за дружбу народов, за мир во всем мире против поджигателей войны.

ДРАГУНСКИЙ Д.А., полковник, дважды Герой Советского Союза; *КРЕЙЗЕР Я.Г.*, генерал-полковник, Герой Советского Союза; *ХАРИТОНСКИЙ Д.Л.*, сталевар завода «Серп и молот»; *КАГАНОВИЧ Л.М.*, Герой Социалистического Труда, депутат Верховного Совета СССР; *БРИСКМАН М.Н.*, председатель колхоза имени Ворошилова Кунцевского района Московской области; *ВОЛЬФКОВИЧ С.И.*, академик, лауреат Сталинской премии; *РЕЙЗЕН М.О.*, Народный артист СССР, лауреат Сталинской премии; *ВАННИКОВ Б.Л.*, член ЦК КПСС, дважды Герой Социалистического Труда; *ЭРЕНБУРГ И.Г.*, лауреат Международной Сталинской премии «За укрепление мира между народами»; *ЛИПШИЦ М.Я.*, заслуженный врач РСФСР; *ЛАНДАУ Л.Д.*, академик, лауреат Сталинской премии; *МАРШАК С.Я.*, писатель, лауреат Сталинской премии; *РОММ М.И.*, кинорежиссер, Народный артист СССР, лауреат Сталинской премии; *МИНЦ И.И.*, академик, лауреат Сталинской премии; *РАЙЗЕР Д.Я.*, министр строи-

* Слова «советских евреев» и «еврейских тружеников» были вписаны вместо выражения «еврейского народа».

тельства предприятий тяжелой индустрии СССР; *ЛАВОЧКИН С.А.*, конструктор, Герой Социалистического Труда, лауреат Сталинской премии; *ЦЫРЛИН А.Д.*, генерал-полковник инженерных войск; *ЧУРЛИОНСКАЯ О.А.*, врач; *ДУНАЕВСКИЙ И.И.*, композитор, Народный артист РСФСР, лауреат Сталинской премии; *РАЙХИН Д.Я.*, преподаватель школы № 19 г. Москвы; *ЛАНДСБЕРГ Г.С.*, академик, лауреат Сталинской премии; *ФАЙЕР Ю.Ф.*, дирижер, Народный артист СССР, лауреат Сталинской премии; *ГРОССМАН В.С.*, писатель; *ГУРЕВИЧ М.И.*, конструктор, лауреат Сталинской премии; *КРЕМЕР С.Д.*, генерал-майор танковых войск, Герой Советского Союза; *АЛИГЕР М.И.*, писательница, лауреат Сталинской премии; *ТРАХТЕНБЕРГ И.А.*, академик; *НОСОВСКИЙ Н.Э.*, директор Коломенского завода тяжелого станкостроения; *ОЙСТРАХ Д.Ф.*, заслуженный деятель искусств РСФСР, лауреат Сталинской премии; *КАГАНОВИЧ Мария*, председатель ЦК союза рабочих швейной и трикотажной промышленности; *ВУЛ Б.М.*, член-корреспондент Академии наук СССР, лауреат Сталинской премии; *ЛИВШИЦ С.В.*, начальник цеха завода «Красный пролетарий», лауреат Сталинской премии; *ПРУДКИН М.И.*, Народный артист РСФСР, лауреат Сталинской премии; *СМИТ-ФАЛЬКНЕР М.Н.*, член-корреспондент Академии наук СССР; *ЛАНЦМАН И.М.*, инженер, начальник цеха завода «Машиностроитель»; *ГИЛЕЛЬС Э.Г.*, заслуженный деятель искусств РСФСР, лауреат Сталинской премии; *РОЗЕНТАЛЬ М.М.*, профессор, доктор философских наук; *БЛАНТЕР М.И.*, композитор, лауреат Сталинской премии; *ТАЛМУД Д.Л.*, член-корреспондент Академии наук СССР, лауреат Сталинской премии; *ЯМПОЛЬСКИЙ А.И.*, рабочий вагоноремонтного завода им. Войтовича; *РУБИНШТЕЙН М.И.*, доктор экономических наук; *РОГИНСКИЙ С.З.*, член-корреспондент Академии наук СССР, лауреат Сталинской премии; *КАССИЛЬ Л.А.*, писатель, лауреат Сталинской премии; *МЕЙТУС Ю.С.*, композитор, лауреат Сталинской премии; *ХАВИНСОН Я.С.*, журналист; *ЛЕЙДЕР А.Г.*, инженер, начальник конструкторского бюро по механизации 1-го Господшипникового завода; *ЧИЖИКОВ Д.М.*, член-корреспондент Академии наук СССР, лауреат Сталинской премии; *ВЕЙЦ В.И.*, член-корреспондент Академии наук СССР, лауреат Сталинской премии; *ФИХТЕНГОЛЬЦ М.И.*, лауреат Всесоюзных и Международного конкурсов музыкантов-исполнителей; *КОЛТУНОВ И.Б.*, инженер, заместитель начальника цеха 1-го Господшипникового завода; *ЕРУСАЛИМСКИЙ А.С.*, профессор, доктор исторических наук, лауреат Сталинской премии; *ГЕЛЬФОНД А.О.*, член-корреспондент Академии наук СССР; *МЕССЕРЕР С.М.*, заслуженная артистка РСФСР, лауреат Сталинской премии; *ШАПИРО Б.С.*, рабочий-наладчик 2-го часового завода; *ЗОЛОТАРЬ К.И.*, зав. отделом народного образования Кировского района г. Москвы; *БРУК И.С.*, член-корреспондент Академии наук СССР; *СМИРИН М.М.*, доктор исторических наук, лауреат Сталинской премии.

Материал по указанию тов. Маленкова лично передан 29. 01. тов. Кагановичу Л.М.
Архив. 2 февраля 1953 г.

Характер письма тот же, агрессивный, но стиль получше, не такой кондовый. Видно, что журналисты в лице Хавинсона-Маринина и Заславского поработали над текстом. Было исполнено указание Сталина, и его имя не упоминалось. Письмо начинается с сурового осуждения «банды врачей-убийц», причем уже сообщаются и их фамилии, не как в «Исходном» первом варианте, который писался до опубликования «Сообщения ТАСС». В «Отредактированном» варианте добавлен абзац об агрессивных целях главарей международного сионизма, продиктованных воротилами американского империализма, которые создают

террористические диверсионные группы в Советском Союзе и в странах народной демократии для уничтожения их политических и экономических достижений. Виден вклад историков – Минца и Митина. Вставлены слова о необходимости повышения бдительности – это уже дело рук партайтрегеров Михайлова и Шепилова.

Но самое главное, что необходимо отметить, – вместо «закономерного» гнева и возмущения советского человека и враждебного отношения к евреям говорится о необходимости дружбы евреев с русским народом, о братстве народов больших и малых. В тексте отредактированного «Письма...» исчез тезис о справедливых мерах партии и правительства направить евреев «на освоение просторов Восточной Сибири, Дальнего Востока и Крайнего Севера».

Кончается «Отредактированный» вариант не призывом к евреям честным и самоотверженным трудом в отдаленных и глухих районах страны советов доказать преданность Родине, любимому Сталину, всему советскому народу, а о дружбе народов и за мир во всем мире против поджигателей войны.

Такая редакция делает честь редакторам – евреям-историкам и евреям-журналистам. Для того, чтобы сделать такой шаг, надо было обладать немалым мужеством. Не забывайте, где и когда это происходило. На страницах центральных газет и в той же «Правде», где верховодил Д. Шепилов, в эти же дни редакторы и историки, работавшие над ««Письмом-обращением» читали, как «врачи-вредители» гневно клеймились как «изверги рода человеческого», как «продажные американские псы» и т.п., а также выдвигались требования жестоко покарать «человекозверей в белых халатах» (расстрелять, повесить и даже четвертовать). Авторы некоторых посланий в «Правду» писали, что так как вообще все евреи не заслуживают доверия и опасны для общества, то их необходимо выселить из Москвы и других крупных городов (140).

С отредактированным вариантом Хавинсон и Минц вновь обратились к Эренбургу с просьбой его подписать. Трудно усомниться в том, что для Сталина подпись Эренбурга под «Письмом в редакцию “Правды”» была не просто желательна, но обязательна. Отсутствие его фамилии – «еврея № 1» – означало бы несостоятельность всего, что написано в письме. Всего за пару дней до даты, поставленной на письме, Эренбургу была в торжественной обстановке вручена Международная Сталинская премия за укрепление мира между народами, и так просто отказать Сталину в подписи он, конечно, не мог. Да и Сталин совсем не бескорыстно одарил Эренбурга столь высокой наградой.

Как складывалась обстановка в связи с дальнейшей судьбой готовящегося «Письма в редакцию “Правды”», в подробностях описано Б. Сарновым (259) на основании воспоминаний Бориса Биргера – художника и очень близкого человека к семье Ильи Григорьевича Эренбурга, которые были опубликованы Б.Я. Фрезинским (232). Хавинсон и Минц, уговаривая Эренбурга подписать вновь составленное «Письмо...», довольно прозрачно дали ему понять, что этот, уже отредактированный текст, согласован со Сталиным. Но и этот аргумент не подействовал. На сей раз, отказывая Минцу и Маринину в подписи,

– пишет Фрезинский, – Эренбург делает тактический ход и заявляет им, что напишет Сталину лично. С этими словами он удалился в кабинет, где в течение часа работал над текстом письма, оставив непрошенных гостей беседовать со своей женой. Представляем читателю рассказ Ильи Григорьевича и Любви Михайловны, записанный Борисом Биргером:

«И.Г. ушел в кабинет, а Минц начал запугивать Любовь Михайловну, весьма образно описывая, что с ними будет, если И.Г. не подпишет письмо. Любовь Михайловна рассказывала, что час, проведенный в обществе «этих двух иуд» (как она выразилась), был не только одним из самых страшных в ее жизни, но и самым омерзительным. Когда И.Г. вернулся с запечатанным письмом, достойная парочка снова было приступила к уговорам, но И.Г. попросил передать его письмо Сталину и сказал, что больше беседовать на эту тему не собирается, и выпроводил их».

Передать эренбурговское письмо Сталину лично Маринин и Минц, понятное дело, не могли: это было им не по чину. Они вручили его своему непосредственному начальнику по организации письма евреев Д.Т. Шепилову. Это свидетельство несколько противоречит тому, что писал сам И.Г. Эренбург:

«Я написал письмо Сталину... Для того, чтобы письмо как можно быстрее дошло к нему, я поехал к главному редактору “Правды” и сказал ему о своем решении. Редактором “Правды” был тогда Шепилов. Он сразу согласился принять меня, но почему-то попросил, чтобы письмо на имя Сталина я написал в его кабинете».

Однако это разночтение существа дела не меняет: письмо Сталину было написано лично Эренбургом. Помимо этого, под диктовку Эренбурга была сделана редакционная правка текста «Письма-обращения» - его «отредактированного варианта»: заменили выражение «некоторая часть» на «среди некоторых элементов», «евреев России» на «обманутых ими евреев», «еврейский народ» на «еврейских тружеников», вставляется фраза «Могут думать, что всех евреев, в том числе и авторов настоящего письма» (259).

Шепилов далеко не сразу решился передать письмо по адресу. Во всяком случае, прежде чем сделать это, он предпринял еще одну, личную попытку отговорить Эренбурга от его безумной затеи и с этой целью попросил снова приехать в «Правду». Эренбург приехал. Опять был долгий, мучительный, изматывающий душу разговор. Далее цитирую по статье Б. Сарнова:

«Шепилов сказал, что письмо И.Г. к Сталину находится у него и что он его до сих пор не отправил дальше, так как очень хорошо относится к И.Г., а отправка письма с отказом от подписи коллективного письма в “Правду” равносильна приговору. Шепилов добавил, что не будет скрывать от И.Г., что письмо в “Правду” написано по инициативе Сталина и, как понял И.Г. из намеков Шепилова, Сталиным отредактировано, а возможно, и сочинено.

И.Г. ответил, что он настаивает на том, чтобы его письмо было передано Сталину, и только после личного ответа Сталина он вернется к обсуждению: подписывать или не подписывать письмо в "Правду". Шепилов довольно ясно дал понять И.Г., что тот просто сошел с ума. Разговор продолжался около двух часов. Шепилов закончил его, сказав, что он сделал все, что мог, для И.Г., и раз он так настаивает, то передаст письмо Сталину, а дальше пусть И.Г. пеняет на себя. И.Г. уехал от Шепилова в полной уверенности, что его в ближайшие дни арестуют...» (259).

Письмо Эренбурга Сталину, датированное 3 февраля 1953 года, было обнаружено у Сталина вместе с «Отредактированным» вариантом через несколько месяцев после смерти «хозяина» (59, 333). Значит, Сталин с ним ознакомился. Впервые его текст был опубликован в 1984 году в журнале «Страна и мир» № 10, а затем неоднократно перепечатывался (325, 333).

Дорогой Иосиф Виссарионович, я решаюсь Вас побеспокоить только потому, что вопрос, который я сам не могу решить, представляется мне чрезвычайно важным.

Тов. Минц и Маринин познакомили меня сегодня с проектом «Письма в редакцию газеты "Правда"» и предложили мне его подписать. Я считаю моим долгом изложить мои сомнения и попросить Вашего совета.

Мне кажется, что единственным радикальным решением еврейского вопроса в нашем социалистическом государстве является полная ассимиляция, слияние людей еврейского происхождения с народами, среди которых они живут. Это срочно необходимо для борьбы против американской и сионистической пропаганды, которая стремится обособить людей еврейского происхождения. Я боюсь, что коллективное выступление ряда деятелей советской русской культуры, людей, которых объединяет только происхождение, может укрепить в людях колеблющихся и не очень сознательных националистические тенденции. В тексте «Письма» имеется определение «еврейский народ», которое может ободрить националистов и смутить людей, еще не осознавших, что еврейской нации нет.

Особенно я озабочен влиянием такого «Письма в редакцию» на расширение и укрепление мирового движения за мир. Когда на различных комиссиях, пресс-конференциях и пр. ставился вопрос, почему в Советском Союзе больше не существует еврейских школ или газет на еврейском языке, я отвечал, что после войны не осталось очагов бывшей «черты оседлости» и что новые поколения советских граждан еврейского происхождения не желают обособляться от народов, среди которых они живут. Опубликование «Письма», подписанного учеными, писателями, композиторами и т. д. еврейского происхождения, может раздуть отвратительную антисоветскую пропаганду, которую теперь ведут сионисты, бундовцы и другие враги нашей Родины.

С точки зрения прогрессивных французов, итальянцев, англичан и пр. нет понятия «еврей», как представитель некоей национальности, слово «еврей» там означает религиозную принадлежность, и клеветники смогут использовать «Письмо в редакцию» для своих низких целей.

Я убежден, что необходимо энергично бороться против всяческих попыток воскресить или насадить еврейский национализм, который при данном положении неизбежно приводит к измене Родине. Мне казалось, что для этого следует опубликовать статью или даже ряд статей, подписанных людьми еврейского происхождения, разъясняющих роль Палестины, американских буржуазных евреев и пр. С другой стороны, я считал, что разъяснение, исходящее от редакции «Правды» и подтверждающее преданность огромного большинства тружеников еврейского происхождения Советской Родине и русской культуре, поможет справиться с обособлением части евреев и с остатками антисемитизма. Мне казалось, что такого рода выступления могут сильно помешать зарубежным клеветникам и дать хорошие доводы нашим друзьям во всем мире.

Вы понимаете, дорогой Иосиф Виссарионович, что я сам не могу решить эти вопросы и поэтому я осмелился написать Вам. Речь идет о важном политическом акте, и я решаюсь просить Вас поручить одному из руководящих товарищей сообщить мне – желательна ли публикация такого документа и желательна ли под ним моя подпись. Само собой разумеется, что если это может быть полезным для защиты нашей Родины и для движения за мир, я тотчас подпишу «Письмо в редакцию».

С глубоким уважением, И. Эренбург.

«Руководящим товарищем», доставившим обращение Эренбурга Сталину на Ближнюю дачу и потом, скорее всего, передавшим указание «вождя» подписать «еврейское письмо», был, по всей вероятности, Маленков, державший связь с писателем через Шепилова. Письмо Эренбурга дошло до Сталина. Однако разговаривать с Эренбургом Сталин перепоручил Г. Маленкову, и Эренбург приехал к Маленкову, тогдашнему члену Президиума ЦК КПСС. В интервью З. Шейнису Эренбург сказал: «Беседа с Маленковым была беспредметной. Он уходил от существа вопроса» (319).

Б. Фрезинский, сопоставляя различные варианты письма, сохранившиеся в личном архиве Эренбурга, обращает внимание на ряд поправок, которые его автор делает в момент написания. Одна из поправок, по мнению Фрезинского, существенна: говоря об ассимиляции как единственном, на его взгляд, радикальном решении еврейского вопроса, Эренбург пишет о срочной ее необходимости, и слово «срочная» передает его тревогу, вызванную опасностью надвигающейся депортации (232). Таким образом, еще раз подтверждается, что Эренбург был знаком с первым «Исходным» вариантом «Письма-обращения», где говорилось о направлении евреев на освоение «просторов Восточной Сибири, Дальнего Востока и Крайнего Севера». Другая реакция на «Письмо в редакцию “Правда”» была у Л.М. Кагановича. Он тоже отказался поставить свою подпись под «Письмом-обращением», заявив Сталину, что он прежде всего член Президиума ЦК, а не еврейский общественный деятель, и поэтому должен быть

обозначен не в списке, а отдельно. В сопроводительной, приложенной к «Письму-обращению», отправленному 29 января 1953 г. через Маленкова Сталину на согласование, есть приписка, что по указанию Маленкова просьбу Л. Кагановича удовлетворили и ему отправили отдельный экземпляр «Письма...», который он и подписал как персональное обращение в «Правду» (146).

О том, как проходила процедура сбора подписей под «Письмом...», рассказывает А. Ваксберг:

«Павел Григорьевич Антокольский не пытался изобразить из себя героя – сказал с мужественной прямоотой: “Мы с Гроссманом (выделил только его!) подписали”. Мне хотелось понять: “Вас запугивали, вам угрожали?”. Он посмотрел на меня с удивлением: “Ну, что вы! Обвораживали и ублажали. На столе стояла огромная ваза с пирожными – до них никто не дотронулся. Зато, поверьте, теперь я знаю, что чувствует кролик, когда с ним тешится удав перед заглотом”».

Маргариту Алигер, как вспоминает А. Ваксберг, ему удалось разговаривать только в конце сентября девяносто первого – незадолго до ее смерти.

«Порог выносливости не безграничен. Но моральная пытка еще страшнее физической. От нее тупеешь, отключаешься, перестаешь принадлежать себе... Я безропотно подписала, даже не прочитав, то письмо, – лишь бы скорее сбежать, лишь бы не видеть жабью физиономию омерзительного Заславского и паточную улыбку лощеного упыря Хавинсона. Вернулась домой и влила в себя коньяка, чуть ли не всю бутылку» (59).

В приложенном списке к отредактированному варианту «Письма-обращения» тех, кто должен был его подписать, – 57 фамилий. Я думаю, что это уже второй вариант списка, так как тот список, по которому знакомили с первым «Исходным» вариантом, до нас не дошел. В приложенном к «Отредактированному» варианту списке нет тех, кто еще на стадии знакомства с начальным текстом категорически отказался его подписать. Это писатели В. Каверин, П. Антокольский и Е. Долматовский. Но в списке под первым «Исходным» вариантом «Письма...» они наверняка были, ведь по нему их и вызывали в редакцию газеты «Правда».

Второй вариант «Письма...» – «Отредактированный» – принципиально уже удовлетворил Сталина, он в его текстовой части не сделал никаких поправок, но произвел несколько изменений в списке подписантов: перенес на первое место академика Вольфовича, исправил регалии Кагановича, перенес в конец списка врача Липшица и председателя колхоза Брискмана и дал распоряжение, чтобы в окончательном варианте были учтены рекомендации Эренбурга (см. стр.422 и рис. № 6 на стр.434-435).

Письмо исправлено

Опять были призваны еврей-историки и еврей-журналисты, и вновь они, ободренные успехом первой их редакционной работы, принялись за дело. Хавинсон, Заславский, Минц, Митин, получив задание от самого Сталина «учесть рекомендации Эренбурга», в корне переделали «Письмо...», практически изменив все его содержание, а основой для такой принципиальной переделки послужило обращение Эренбурга к Сталину. В результате появляется третья версия – «Исправленная», что и было указано подписавшим 20 февраля 1953 г. сопроводительную «наверх» главным редактором газеты «Правда» Шепиловым (325)).

ПРОЕКТ ОБРАЩЕНИЯ ЕВРЕЙСКОЙ ОБЩЕСТВЕННОСТИ В «ПРАВДУ»

20 февраля 1953 г.

Товарищу МИХАЙЛОВУ Н.А.

Представляю Вам исправленный текст проекта письма в редакцию газеты «Правда».

Д. Шепилов, 20 февраля 1953 г.

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ «ПРАВДЫ» *

В настоящем письме мы считаем своим долгом высказать волнующие нас чувства и мысли в связи со сложившейся международной обстановкой. Мы хотели бы призвать еврейских тружеников в разных странах мира вместе с нами поразмыслить над некоторыми вопросами, затрагивающими жизненные интересы евреев.

Есть люди, которые, выдавая себя за «друзей» и даже за представителей всего еврейского народа, заявляют, будто у всех евреев существуют единые и общие интересы, будто все евреи связаны между собою общей целью. Эти люди – сионисты, являющиеся пособниками еврейских богачей и злейшими врагами еврейских тружеников.

Каждый трудящийся человек понимает, что еврей еврею рознь, что нет и не может быть ничего общего между людьми, добывающими себе хлеб собственным трудом, и финансовыми воротилами.

Следовательно, два лагеря существуют среди евреев – лагерь тружеников и лагерь эксплуататоров, – угнетателей трудящихся. Непроходимая пропасть разделяет тех и других. Еврей-труженики кровно заинтересованы в том, чтобы вместе со всеми трудящимися, со всеми прогрессивными силами укреплять дело мира, дело свободы и демократии. Мы знаем, что в лагере борцов против поджигателей войны активную роль играют также представители еврейских трудящихся.

Что же касается еврейских промышленных и банковских магнатов, то они идут по другому пути. Это путь международных авантюр и провокаций, шпиона-

* Подлинник хранится в РГАНИ (Ф. 5. Оп. 25. Д. 504. Л. 138-168, 180-186).

жа и диверсий, путь развязывания новой мировой войны. Война нужна еврейским миллиардерам и миллионерам, как и богачам других национальностей, ибо она служит для них источником огромных барышей. Политика, проводимая еврейскими богачами, глубоко враждебна жизненным интересам еврейских тружеников. Она чревата для еврейских тружеников гибельными последствиями.

Где же тут общий путь, где же тут «единство» и общий интерес всех евреев, о котором так много твердят мнимые «друзья» евреев – сионисты? Прикрываясь лицемерными словами об «общем пути», «общем интересе» евреев, главари государства Израиль позволяют себе утверждать, будто они выражают интересы всех евреев. Но давайте разберемся в том, кого в действительности представляют правители государства Израиль, кому они служат. Разве не факт, что в Израиле всеми благами жизни пользуется лишь кучка богачей, в то время как подавляющее большинство еврейского и арабского населения терпит огромную нужду, лишения, влачит полунищенское существование. Разве не факт, что правители Израиля навязали израильским трудящимся двойной гнет – еврейского и американского капитализма.

Выходит, что государство Израиль, как и любое буржуазное государство в любой части мира, – это царство эксплуатации народных масс, царство наживы для кучки богачеев. Выходит, что правящая клика Израиля представляет не еврейский народ, состоящий в своем большинстве из тружеников, а еврейских миллионеров, связанных с монополистами США. Это и определяет всю политику нынешних израильских главарей. Они превратили государство Израиль в орудие развязывания новой войны, в один из аванпостов лагеря поджигателей войны. Государство Израиль на деле стало плацдармом американской агрессии против Советского Союза и всех миролюбивых народов.

Только недавно все честные люди мира были потрясены вестью о взрыве бомбы на территории миссии СССР в Тель-Авиве. Фактическим организатором и вдохновителем этого взрыва являются нынешние правители Израиля. Играя с огнем, они усиливают напряженность в мировой обстановке, созданную американско-английскими поджигателями войны.

Далее, интересы каких евреев отстаивает международная сионистская организация «Джойнт», являющаяся филиалом американской разведки? Как известно, недавно в СССР разоблачена шпионская группа врачей-убийц. Преступники, среди которых большинство составляют еврейские буржуазные националисты, завербованные «Джойнтом». М. Вовси, М. Коган, Б. Коган, А. Фельдман, Я. Этингер, А. Гринштейн ставили своей целью путем вредительского лечения сокращать жизнь активным деятелям Советского Союза, вывести из строя руководящие кадры Советской Армии и тем самым подорвать оборону страны. Только люди без чести и совести, продавшие свою душу и тело империалистам, могли пойти на такие чудовищные преступления.

Совершенно ясно, что главари государства Израиль, главари «Джойнта» и других сионистских организаций выполняют волю зарвавшихся еврейских империалистов и тех, кто является их подлинными хозяевами. Ни для кого не секрет, что хозяева эти американские и английские миллиардеры и миллионеры, жаждущие крови народов во имя новых прибылей.

Мы, нижеподписавшиеся, отвергаем смехотворные претензии бен-гурионов, шаретов и прочих поджигателей войны на представительство интересов еврейского народа. Мы глубоко убеждены в том, что даже те еврейские труженики, которые до сих пор верили в мнимую общность всех евреев, поразмыслив, присоединятся к нашей оценке подлинной сущности политики еврейских богачей и их пособников.

Превратив государство Израиль в американскую вотчину, главари сионизма изображают империалистическую Америку «другом» евреев, а против Советского Союза – поборника мира и равноправия народов – ведут кампанию клеветы и ненависти. Разберемся и в этом вопросе.

Кто не знает, что в действительности США являются каторгой для еврейских трудящихся, угнетаемых самой жестокой машиной капиталистической эксплуатации. Кто не знает, что именно в этой стране процветает самый разнузданный расизм и в том числе антисемитизм. Кто, наконец, не знает, что антисемитизм составляет также отличительную черту тех фашистских клик, которые повсеместно поддерживаются империалистами США.

Вместе с тем, всему миру известно, что народы Советского Союза, и прежде всего великий русский народ, своей самоотверженной героической борьбой спасли человечество от ига гитлеризма, а евреев – от полной гибели и уничтожения. В наши дни советский народ идет в первых рядах борцов за мир, твердо отстаивая дело мира в интересах всего человечества.

В Советском Союзе осуществлено подлинное братство народов, больших и малых. Впервые в истории трудящиеся евреи вместе со всеми трудящимися Советского Союза обрели свободную, радостную жизнь.

Не ясно ли, что легенда об империалистической Америке, как «друге» евреев, является сознательной фальсификацией фактов. Не ясно ли также, что только заведомые клеветники могут отрицать прочность и нерушимость дружбы между народами СССР.

Враги свободы национальностей и дружбы народов, утвердившейся в Советском Союзе, стремятся подавить у евреев сознание высокого общественного долга советских граждан, хотят превратить евреев в шпионов и врагов русского народа и тем самым создать почву для оживления антисемитизма, этого страшного пережитка прошлого. Но русский народ понимает, что громадное большинство еврейского населения в СССР является другом русского народа. Никакими ухищрениями врагам не удастся подорвать доверие еврейского народа к русскому народу, не удастся рассорить нас с великим русским народом.

У трудящихся евреев всего мира – один общий враг. Это – империалистические угнетатели, на услужении которых находятся реакционные заправилы Израиля, а также шпионы и диверсанты – всякие вовси, коганы, фельдманы и т. п. У трудящихся евреев всего мира одна общая задача – вместе со всеми миролюбивыми народами защищать и укреплять дело мира и свободы народов. Нельзя отстаивать жизненные права еврейских тружеников в странах капитала, нельзя быть подлинным бойцом за дело мира и свободы народов, не ведя борьбы против еврейских миллиардеров и миллионеров и их сионистской агентуры.

Кровный интерес трудящихся евреев состоит в том, чтобы крепить дружбу с трудящимися людьми всех национальностей. Чем крепче союз трудящихся всех национальностей, тем прочнее дело мира и демократии.

Пусть все труженики-евреи, которым дорого дело мира и демократии, объединят свои усилия и выступают единым широким фронтом против авантюристической политики еврейских миллиардеров и миллионеров, главарей Израиля и международного сионизма.

Учитывая важность сплочения всех прогрессивных сил еврейского народа, а также в целях правдивой информации о положении трудящихся евреев в разных странах, о борьбе народов за укрепление мира, мы считали бы целесообразным издание в Советском Союзе газеты, предназначенной для широких слоев еврейского населения в СССР и за рубежом.

Мы уверены, что наша инициатива встретит горячую поддержку всех трудящихся евреев в Советском Союзе и во всем мире.

ВОЛЬФКОВИЧ С.И., академик, лауреат Сталинской премии; ДРАГУНСКИЙ Д.А., полковник, дважды Герой Советского Союза; ЭРЕНБУРГ И.Г., лауреат Международной Сталинской премии «За укрепление мира между народами»; КРЕЙЗЕР Я.Г., генерал-полковник, Герой Советского Союза; ХАРИТОНСКИЙ Д.Л., сталевар завода «Серп и молот»; КАГАНОВИЧ Л.М., член ЦК КПСС; РЕЙЗЕН М.О., Народный артист СССР, лауреат Сталинской премии; ВАННИКОВ Б.Л., член ЦК КПСС, Герой Социалистического Труда; ЛАНДАУ Л.Д., академик, лауреат Сталинской премии; МАРШАК С.Я., писатель, лауреат Сталинской премии; РОММ М.И., кинорежиссер, народный артист СССР, лауреат Сталинской премии; МИНЦ И.И., академик, лауреат Сталинской премии; РАЙЗЕР Д.Я., министр строительства предприятий тяжелой индустрии СССР; ЛАВОЧКИН С.А., конструктор, Герой Социалистического Труда, лауреат Сталинской премии; ЦЫРЛИН А.Д., генерал-полковник инженерных войск; ЧУРЛИОНСКАЯ О.А., врач; ДУНАЕВСКИЙ И.И., композитор, народный артист РСФСР, лауреат Сталинской премии; БРИСКМАН М.Н., председатель колхоза имени Ворошилова Кунцевского района Московской области; РАЙХИН Д.Я., преподаватель школы № 19 г. Москвы; ЛАНДСБЕРГ Г.С., академик, лауреат Сталинской премии; ФАЙЕР Ю.Ф., дирижер, народный артист СССР, лауреат Сталинской премии; ГРОССМАН В.С., писатель; ГУРЕВИЧ М.И., конструктор, лауреат Сталинской премии; КРЕМЕР С.Д., генерал-майор танковых войск, Герой Советского Союза; МЕЙТУС Ю.С., композитор, лауреат Сталинской премии; АЛИГЕР М.И., писательница, лауреат Сталинской премии; ТРАХТЕНБЕРГ И.А., академик; НОСОВСКИЙ Н.Э., директор Коломенского завода тяжелого станкостроения; ОЙСТРАХ Д.Ф., заслуженный деятель искусств РСФСР, лауреат Сталинской премии; КАГАНОВИЧ Мария, председатель ЦК союза рабочих швейной и трикотажной промышленности, ЛИПШИЦ М.Я., заслуженный врач РСФСР; ВУЛ Б.М., член-корреспондент Академии наук СССР, лауреат Сталинской премии; ЛИВШИЦ С.В., начальник цеха завода «Красный пролетарий», лауреат Сталинской премии; ПРУДКИН М.И., народный артист РСФСР, лауреат Сталинской премии; СМИТ-ФАЛЬКНЕР М.Н., член-корреспондент Академии наук СССР; ЛАНЦМАН Н.М., инженер, начальник цеха завода «Машиностроитель»; ГИЛЕЛЬС Э.Г., заслуженный деятель искусств РСФСР, лауреат Сталинской премии; РОЗЕНТАЛЬ М.М., профессор, доктор философских наук; БЛАНТЕР М.И., композитор, лауреат Сталинской премии; ТАЛМУД Д.Л., член-корреспондент Академии наук СССР, лауреат Сталинской премии; ЯМПОЛЬСКИЙ А.И., рабочий вагоноремонтного завода им. Войтовича; РУБИНШТЕЙН М.И., доктор экономических наук; РОГИНСКИЙ С.З., член-корреспондент Ака-

демии наук СССР, лауреат Сталинской премии; КАССИЛЬ Л.А., писатель, лауреат Сталинской премии; ХАВИНСОН Я.С., журналист; ЛЕЙДЕР А.Г., инженер, начальник конструкторского бюро по механизации 1-го Господшипникового завода; ЧИЖИКОВ Д.М., член-корреспондент Академии наук СССР, лауреат Сталинской премии; ВЕЙЦ В.И., член-корреспондент Академии наук СССР, лауреат Сталинской премии; ФИХТЕНГОЛЬЦ М.И., лауреат всесоюзных и международных конкурсов музыкантов-исполнителей; КОЛТУНОВ И.Б., инженер-заместитель начальника цеха 1-го Господшипникового завода; ЕРУСАЛИМСКИЙ А.С., профессор, доктор исторических наук, лауреат Сталинской премии; ГЕЛЬФОНД А.О., член-корреспондент Академии наук СССР; МЕССЕРЕР С.М., заслуженная артистка РСФСР, лауреат Сталинской премии; ШАПИРО Б.С., рабочий-наладчик 2-го часового завода; ЗОЛОТАРЬ К.И., зав. отделом народного образования Кировского района г. Москвы; БРУК С.И., член-корреспондент Академии наук СССР; СМИРИН М.М., доктор исторических наук, лауреат Сталинской премии; ЛОКШИН Э.Ю., кандидат экономических наук; ШАФРАН А.М., главный зоотехник районного отдела сельского хозяйства Ленинского района Московской области, Герой Социалистического Труда.

После исправлений, сделанных Минцем, Митиным, Хавинсоном и Заславским, резко изменился тон «Письма-обращения». От агрессивного второго варианта («Отредактированного») и тем более первого («Исходного») не осталось и следа. Начинается письмо уже не с призыва «заклеймить позором врачей-преступников», «шпионскую шайку», «выродков» и т.д. и т.п., а с приглашения поразмыслить над некоторыми вопросами международной обстановки и над некоторыми вопросами, затрагивающими жизненные интересы евреев.

В исправленном варианте нет и привычных для советской пропаганды того времени оскорбительных прилагательных, всегда присутствовавших для обозначения американских агрессоров, правителей государства Израиль, сионистов и других выдуманных и истинных врагов нашего государства. Текст о разоблачении шпионской группы врачей отодвинут в середину трехстраничного письма, и эта тема не является доминирующей, она как бы отошла на второй, даже третий план. В одном, достаточно коротком абзаце нет вульгарных оскорблений, которыми напичканы газетные статьи, муссирующие готовящееся «Дело врачей-вредителей». Уже нет обвинения евреев в пособничестве мировому сионизму, и если во втором – «Отредактированном» – варианте слова с корнем «сионист» употреблены 12 раз, то в этом всего 4 раза. И ни слова про бдительность, которая...

В этом «Исправленном» варианте развернут написанный Эренбургом в его письме к Сталину тезис о роли евреев в укреплении дела мира, о борьбе с националистической и сионистской пропагандой, враждебной жизненным интересам тружеников-евреев. В «Исправленном» варианте развивается предложение Эренбурга начать на страницах газет разъяснительную работу против антисемитизма и еврейского национализма, для чего надо издавать газету для еврейского населения как в Советском Союзе, так и за рубежом.

Я уверен, что писали последний, третий, «Исправленный» вариант «Письма-обращения» Минц, Митин, Хавинсон и Заславский. Все или не все, вместе или порознь, но именно они авторы этого текста. Никто другой, входивший в

группу подготовки «Письма-обращения», не мог сотворить такого текста – ни Маленков, ни Михайлов, ни Шепилов, ни Чесноков. Это сделали евреи на свой страх и риск! Предположение, что для написания последнего «Исправленного» варианта письма привлекли кого-то со стороны, отпадает.

Совершенно невероятно, чтобы этот третий («Исправленный») вариант письма, как считает Б. Сарнов, писал или диктовал сам Сталин. Такая многословность, на целую газетную полосу, совсем не соответствует стилю Сталина. Мы, его современники, его «стиль» хорошо знали по его речам и печатным работам. Я. Чадаев, бывший управляющий делами СНК СССР, вспоминает:

«Он всегда был сдержанным в словах, но эти слова были простыми, ясными, понятными. Они содержали такую большую логику, глубину, огромную внутреннюю правду, что их трудно было не понять, не выполнить их...»

Писатель Ф. Чуев приводит слова В. Молотова:

«Сталин все писал сам. Аппарат никогда ему не писал. Это ленинская традиция..» (313).

В то же время стиль третьего, «Исправленного» варианта, выдает его еврейское происхождение, как, впрочем, и предыдущего. Если «Исходный» вариант состоял всего из 241-го слова, а «Отредактированный» уже из 707-ми слов, то последний – «Исправленный» – перевалил за тысячу: 1.118 слов!

И еще одно очень важное замечание, говорящее против того, что к написанию третьего, «Исправленного», варианта Сталин приложил руку. В его тексте четыре раза (!) евреи названы «народом». Такого ни написать, ни продиктовать, ни сказать сам Сталин ну никак не мог. Почему после эренбургского редактирования, евреи вновь стали «народом»? Уж не выпад ли это евреев-историков, вопреки Сталину и наперекор Эренбургу посчитавшими, что после образования государства Израиль евреи приобрели новый статус – статус народа? Таким образом, евреи историки взяли на себя смелость напомнить то, что сказал Соломон Михоэлс на митинге «представителей еврейского народа», организованного Антифашистским комитетом в апреле 1944 г.:

«Ты, старый, испытанный в гонениях и унижениях еврейский народ. Где бы твои сыновья не находились, на каких бы широтах мира не билось сердце еврея, – слушай!»* (25).

О забывчивости евреев-историков не может быть речи. Только что, в еще пахнущим типографией 15-м томе БСЭ, подписанном к печати за три месяца до того (12 сентября 1952 г.), на странице 377 черным по белому в статье «Евреи» написано: «...Евреи не составляют нации, так как не представляют исторически сложившейся устойчивой общности людей», и далее: «Ленинско-

* См. прилагаемый к книге фильм С. Арановича «Большой концерт народов...». Эта фраза С. Михоэлса прозвучала в первой части на 4-й мин. 50 с. этого фильма.

сталинская национальная политика привела к тому, что «еврейского вопроса» в СССР не существует». И среди редакторов этого тома, где евреи не только не «народ», но и не «нация», числился Митин – еврей-историк, участник рабочей группы по составлению «Письма-обращения».

Вспомним также, какие задачи стояли перед группой высокопоставленных евреев-интеллектуалов, готовящей «Письмо в редакцию газеты “Правда”», и вдруг такой финал, якобы исходящий от самого Сталина: «в целях правдивой информации целесообразно издание в Советском Союзе газеты», да еще «для широких слоев еврейского населения». Для этого совсем не было необходимости создавать специальную группу, собирать академиков, народных артистов, руководителей крупнейших предприятий, инженеров, профессоров, докторов наук. Достаточно было одного ЕГО устного распоряжения или даже намека.

Вернемся к списку «подписантов», приложенному к третьему – «Исправленному» – варианту «Письма в редакцию “Правды”». Он, подписной лист, очень немногим отличается от предыдущего («Отредактированного»): вместо 57-ти подписантов стало 59 (добавились фамилии Э. Локшина и А. Шафрана; возглавил список, по указанию Сталина, Вольфович, переместившись с шестого места; Эренбург переместился с девятого места на третье, очевидно, потому, что в последний вариант «Письма-обращения...» он внес личный политически значимый вклад, «полезный для защиты нашей родины и для движения за мир» и высоко оцененный Сталиным; учли пометку Сталина на предыдущем списке, и Каганович стал только «членом ЦК КПСС», а председатель колхоза Брискман и врач Липшиц переместились во вторую половину списка (см. стр. 422).

Между тем работа над «Письмом-обращением» продолжалась. 20 февраля, в пятницу, исправленный текст из «Правды» был передан в ЦК КПСС Михайлову, а тот, не позднее 23-го, понедельника, отправил его Сталину на Ближнюю дачу, где потом, уже после смерти диктатора, 16 марта, письмо нашли и отправили в архив (146). Через полгода после смерти Сталина (10 окт. 1953 г.) оно вместе с другими документами, уже не нужными для исполнения, а только для истории, перекочевало в Архив Российской Федерации.

Сталин и письмо

А теперь, глубокоуважаемый читатель, давайте пофантазируем, но... на основании документов и с максимальной исторической точностью. Итак, за четыре дня до того момента, когда Сталина разбил паралич, многострадальное, после двукратного редактирования, до неизвестности переделанное «Письмо-обращение» высокопоставленных евреев в газету “Правда” у Сталина на ЕГО рабочем столе, рядом – адресованное к НЕМУ послание Эренбурга. ЕМУ уже доложили, что Эренбург поставил свою собственноручную подпись в подписном листе. Сталин бегло просмотрел и то, и другое. Письмо, которое в сопроводительной записке было обозначено как «Проект обращения еврейской общности в “Правду”», даже при беглом прочтении ЕМУ опять не понра-

вилось. ОН просил «учесть» замечания Эренбурга, а они «Письмо-обращение» полностью переделали. Надо начинать заново, но он отложил все на пару дней, так как чувствовал себя плохо – болела голова, «мушки» перед глазами, ноющая боль в левой руке.

28 февраля – суббота. Встав позже обычного, Сталин почувствовал, что незаметно вошел в норму, настроение поднялось. После завтрака он внимательно прочитал сводки из Кореи и протоколы допросов «врачей-отравителей» – М. Вовси, П. Егорова, А. Бусалова, Б. Когана, А. Гринштейна, оставленные ему для ознакомления после последнего посещения замнаркома МГБ. Погулял, почистил от снега дорожку возле дальней беседки, потом отправился в Кремль, где, немного поработав, посмотрел кинокартину. На дачу в Кунцево вернулся только к полуночи. Сразу пошел в кабинет. ОН вновь перечитал «Письмо-обращение». В присланном виде оно ЕГО не устраивает. В нем нет нужного ЕМУ осуждения врачей-вредителей, бывшего в предыдущих вариантах. Эти «заумные» редакторы-евреи ни слова не написали о вражеском окружении и необходимости повышения бдительности. Они что, не читают газет или умышленно «забыли» его изречение, многократно повторяемое: «Наши успехи ведут не к затуханию, а к обострению борьбы. Чем усиленнее будет наше продвижение вперед, тем острее будет борьба врагов народа». Ведь этот лозунг, часто повторяемый в течение четверти века после ЕГО выступления в 37-м году «О недостатках партийной работы и мерах ликвидации троцкистских и иных двурушников», был ведущим в ЕГО внутренней политике. Ничего не изменилось и не должно меняться. А как хорошо ОН тогда его сформулировал: «Пока существует капиталистическое окружение, будут существовать у нас вредители, шпионы, диверсанты и убийцы, засылаемые в наши тылы... Этих господ придется громить и корчевать беспощадно». Это ЕГО изречение должно быть ключевым в прокурорской обвинительной речи на открытом судебном процессе над врачами. Кому это поручить? Опять надо будет привлечь Януарыча!* Беспринципный, но верный златоуст! Сделает все, что ему прикажу.

«Давайте поразмыслим», «давайте разберемся» – кому нужны их мысли, когда им отведена роль исполнителей. Очень много взяли на себя эти еврейские редакторы-националисты, а Эренбург – так прямо распоясался. Не оценил он ЕГО подарка – лауреатом ЕГО премии Мира стал, а благодарности никакой!

Сталин открыл лежащую на столе, рядом с «Письмом», тонкую папочку и заглянул в лежащую там бумажку: «Минц Исаак Израилевич, Митин Марк из Житомира, Давид Заславский, Маринин. Никакой он не Маринин, а настоящий Хавинсон. Превысили они свои полномочия. Не вытравишь из них еврейского духа – сионские мудрецы! Все правильно у Нилуса в “Протоколах”. И Гитлер был прав – враги они рода человеческого. Уже обеими ногами в могиле, всего за день до самоубийства, в 4 часа утра 29 апреля 1945 г., Адольф Гитлер напи-

* Имеется в виду Андрей Януарьевич Вышинский – бывший ген. прокурор СССР. Его «труды» по вопросам государства и права ставили на первое место признание обвиняемого в определении вины подсудимого. При этом оправдывалось принуждение как метод ведения следствия.

сал свое политическое завещание – совсем небольшой документ, всего четыре машинописных страницы. Но и в этом последнем слове фюрера о евреях говорится с неизбывной ненавистью».

ОН излишне резко, так что закружилась голова и ударило болью в затылок, повернулся к книжному шкафу. Почти автоматически протянул руку к полке и, отодвинув в сторону книжку в кожаном переплете (это была по ЕГО распоряжению переведенная на русский язык и изданная в 1939 г. малым тиражом «Моя борьба» Гитлера), вытащил хорошо знакомую коричневую папку с золотым тиснением. В ней всего несколько документов. Среди них слегка пожелтевшие выпуски газеты «Правда» от 22 августа 1940 г. с коротким сообщением о покушении на Л. Троцкого, и от 24 августа с редакционной статьей «Смерть международного шпиона»; записка Берии об информации югославского генерала Стефановича относительно судьбы его старшего сына Якова, попавшего в плен к немцам, и письмо Николая Бухарина своему бывшему товарищу и другу Кобе, которое он написал до показательного суда и в котором просил о сохранении своей жизни. Тот документ, который ЕМУ сейчас нужен, со специальной закладкой черного цвета:

«Века могут пройти, но из руин наших городов и памятников искусства возникнет ненависть и будет постоянно возобновляться против народа, который один, в конечном счете, ответственен: международного еврейства и его помощников!»

Сталин пробежал глазами весь текст завещания, который хорошо знал, но только сейчас отметил, что во всем завещании Гитлера это единственный призыв, отмеченный восклицательным знаком. Вот и последняя его страница, последняя строчка:

«Превыше же всего я призываю лидеров нации и подчиненных им деятелей неукоснительно соблюдать расовые законы и безжалостно противостоять общему отравителю всех народов – международному еврейству».

«Целеустремленный был политик. Есть у кого поучиться...»

ОН опять начал читать «Письмо-обращение». Раздраженно-враждебное чувство, как по отношению к Михайлову, Шепилову и особенно к Эренбургу, так и к евреям-журналистам и евреям-историкам, мутной волной поднялось где-то внутри, под ложечкой, и подкатило к горлу. «Ну и шелкоперы эти заславские, хавинсоны, маринины и минцы. Удержу у них нет – расписались аж на целую газетную страницу. Не познакомил, что ли, этих хавинсонов со своей брошюрой Чесноков? Неплохо написан материал. Правда, пока под запретом, но хавинсонов надо было с ней ознакомить. Куда только смотрели Михайлов и Шепилов – ничего никому поручить нельзя. И что они все будут делать без МЕНЯ – передуют их, как слепых котят».

«А может быть, обойтись и без письма?», – мелькнула у НЕГО мысль. По последним докладам из МГБ, у них не все ладится. В течение февраля ОН дважды (16-го и 17-го) «вызывал на ковер» в свой кремлевский кабинет Маленкова, Берию и Булганина, ответственных за практическую реализацию «Дела врачей-вредителей». Специально вызванные Гоглидзе и Огольцов (тот самый Огольцов, который так профессионально, по-чекистски уничтожил Михозлса) для отчета о ходе дела на Лубянке так и доложили: «Противятся эти профессора заучивать роли, которые они должны сыграть на открытом процессе». Нельзя же передавать в суд, да еще открытый, дело, плохо подготовленное и не отрепетированное. Не смог этого сделать с ЕАК Абакумов с бригадой – вот и сидят. Боятся последствий и новые специалисты с Лубянки. Понимают, что оргвыводы будут неизбежны. Не сносить тогда головы ни Маленкову, ни Берии, ни Игнатьеву, ни Гоглидзе, ни Огольцову, ни следователям всех рангов, если суд провалится».

Как правильно ОН решил, что надо засудить евреев из ЕАК на закрытом суде. Ведь провалился суд, даже закрытый провалился! Не будь ЕГО прямого приказа уничтожить подсудимых, пришлось бы их оправдать, или, как просил Чепцов, возвращать на переследствие. Вот ведь на предвоенных политических процессах удалось-таки заставить партийцев разных мастей и революционеров-профессионалов воспроизвести на суде отрепетированные признательные показания! «А сейчас, хоть и гнилые интеллигенты, но артачатся. Только что прошедшая дополнительная волна арестов видных деятелей медицины тоже существенно не изменила ситуацию. Недостаточно простого “признания” обвиняемых в чудовищных преступлениях против своих высоких пациентов. Нужно еще, чтобы в эти обвинения безоговорочно поверили советский народ и мировая общественность».

Вообще-то ЕМУ на эту «мировую общественность» наплевать. Не такое проворачивал, а она молчала в тряпочку. Всегда за бугром находились ЕГО защитники, частично купленные, но были и есть также идейные. Пару дней тому назад пробежал глазами докладную Суслова о том, что в Америке и Англии прошли бурные демонстрации, Альберт Эйнштейн послал Вышинскому возмущенную телеграмму, Фредерик Жолио-Кюри грозил выйти из французской компартии, чего-то бормотал и Уинстон Черчилль. Отметил взглядом Элеонору Рузвельт, Тейлора, Д. Эйзенхауэра, но читать, что они там вещают, не стал. А сообщение о том, что собираются организовать Международный комитет из крупнейших деятелей мировой медицинской науки, ЕГО насторожило. «Значит, надо еще и еще раз так сформулировать их признания на суде о злонамеренном лечении, чтобы все было “достоверно”. Видимо, придется отложить процесс и делать его не 13 марта, а 13 апреля. Дольше, чем на месяц, ОН откладывать не намерен. Как раз будет время и для опубликования «Письма». Вот его-то и опубликуем 13 марта. “Письмо-обращение...” опять переписать и напечатать в газетах, на самом видном месте! Уж очень затянулась эта возня с врачами, а ведь как хорошо все началось. Пора с ними кончать, все должно идти по предначертанному ИМ плану. Никаких отступлений. Зачем что-то изобретать, когда все отработано и с успехом реализовано еще в 1937 году. Можно

и нужно менять людей, но нельзя менять главного: незыблемого порядка большевистской системы – насилия. Есть закон террора – начавшись, он должен продолжаться. А когда он реализуется – свалить вину на других, тем более, что все они здесь, рядом.

Отложим работу над текстом письма до завтра. Утро вечера мудренее. Нечего себе портить настроение, да и гости уже собрались. Выпьем, обсудим, посоветуемся. Хрущев и Маленков в этом деле не помощники – хотя и в курсе, ведь подписали они решение Бюро 9 января. Булганин, может быть, – ему же поручена организация депортации, а вот Берия – это профессионал высокого класса: жесток, коварен, безнравственен. И пообщаться с ним можно по-грузински. А этих жидовских щелкоперов пора “к ногтю”...

...Но завтрашнего «рабочего» утра для НЕГО уже не было!!!

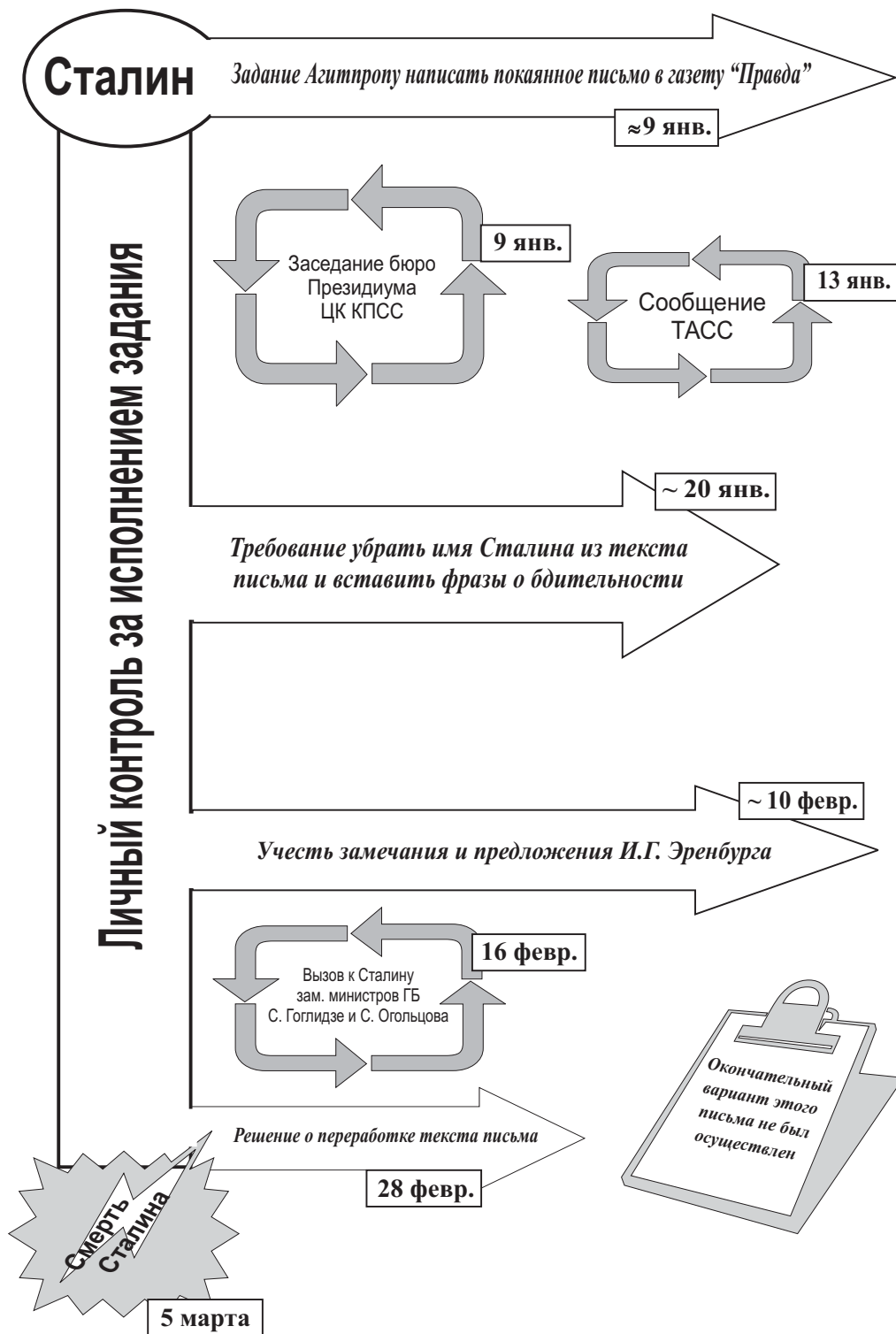
Письмо: сколько голов – столько мнений

В литературе, посвященной этому заключительному периоду «Дела врачей-вредителей», существует и другая трактовка событий.

Рассматривая последний («Исправленный») вариант текста «Письма-обращения», ставшим настолько умеренным, что из него даже был изъят призыв «самого беспощадного наказания преступников», Г. Костырченко считает, что это было сделано по инициативе самого Сталина, так как ОН отказался от намерения провести публичный процесс и решил полностью прекратить антисемитскую кампанию в прессе, привязанную к «Делу врачей-вредителей». Тем самым, как об этом пишет Г. Костырченко, «автоматически опровергается миф о показательном антисемитском судилище как сигнале к началу еврейской депортации». «Думается, Сталин незадолго до приступа смертельной болезни сам похерил эту затею, исходя из того, опять же подсказанного Эренбургом, соображения, что обнаружение любой, даже выдержанной в самой оптимистической тональности коллективной петиции евреев будет воспринято в мире как свидетельство наличия в СССР серьезной национальной проблемы» (146).

«Казнь тридцати видных деятелей советской медицины, – пишет Ж. Медведев, – не могла дать Сталину никаких политических дивидендов. Она, кроме того, привлекла бы всеобщее внимание к такому уникальному для СССР институту внесудебных репрессий, как ОСО, о существовании которого почти никто не знал» (181). Есть мнение Э. Радзинского о том, что Сталин внял увещаниям Эренбурга, «Письмо в редакцию “Правды”» было отозвано и поэтому не было напечатано (238). В. Попов и Б. Фрезинский пишут, что И. Эренбург, «...обратившись лично к Сталину, нашел такие аргументы, которые заставили палача приостановить свой чудовищный план» (232). З. Шейнис считает, что это обращение сыграло роль тормоза в «Деле врачей», и что И. Эренбург убедил Сталина в том, что «гонения на евреев приведут к тягчайшим политическим и международным последствиям, мы потеряем друзей во всем мире, от нас отвернутся все цивилизованные страны» (319).

Рис № 6. Блок-схема событий, происходивших в течение января - февраля 1953 г.

при написании письма высокопоставленных евреев в газету «Правда»

Создана группа
для написания
“Письма”

≈9 янв.

Вариант

240 слов

“исходный”

Упоминание имени Сталина
Разоблачение группы “врачей-вредителей”
Просьба направить евреев в Сибирь
Упоминание в тексте “еврейского народа”

29 янв.

В а р и а н т

707 слов

“отредактированный”

Разоблачение группы “врачей-вредителей”
Призывы к повышению бдительности
Борьба против международного сионизма
Дружба народов во всем мире

20 февр.

Вариант

1118 слов

“исправленный”

Разоблачение группы “врачей-вредителей”
Дружба народов во всем мире
Упоминание в тексте “еврейского народа”
Просьба издать газету для еврейского населения

По мнению С. Беленького, в связи с вмешательством И.Г. Эренбурга «готовившаяся акция затормозилась. А может, и вовсе была отменена». Более того, обращение Эренбурга и его отказ подписать «Письмо» расценивается как причина, по которой геноцид советских евреев не состоялся. В многочисленных публикациях обращение Эренбурга к Сталину и отказ подписать «Письмо» в редакцию газеты «Правда» расценивается как акт гражданского мужества, в корне изменившего внутреннюю политику Сталина по отношению к евреям и ход подготовки открытого политического процесса над врачами. Сам же Эренбург не присваивает себе такую заслугу. Вот что он писал в третьем томе своих воспоминаний «Люди, годы и жизнь»:

«Я пропускаю рассказ о том, как пытался воспрепятствовать появлению в печати одного коллективного письма. К счастью, затея, воистину безумная, не была осуществлена. Тогда я думал, что мне удалось письмом переубедить Сталина, теперь мне кажется, что дело замешкалось, и Сталин не успел сделать того, что хотел».

Думается, что сам Эренбург недооценил значения своего обращения к Сталину. Наивно думать, что оно привело «к некоторому изменению ближайших планов», как это считает Б. Сарнов (259), но то, что санкционированная Сталиным доработка второго «Отредактированного» варианта задержала его публикацию минимум на 2 недели (см. блок-схему на рис. № 6 стр. 434-435), – это бесспорно. В то напряженное время, когда катастрофа должна была вот-вот разразиться, и до антисемитского разгула оставались если не часы, то максимум дни, такая затяжка имела принципиальное значение.

Если изолированно рассматривать текст последнего («Исправленного») варианта письма, то можно согласиться с заключением, к которому приходят Г. Костырченко, Ж. Медведев и некоторые другие исследователи, и считать, что Сталин отказался от намерения провести публичный процесс и решил полностью прекратить антисемитскую кампанию в прессе, привязанную к «Делу врачей-вредителей», или, как считает Б. Сарнов, «всем этим планам дается отбой». Действительно, весь тон письма и его фактическое содержание в корне расходятся с тем, что творилось в эти дни в стране, и не ложится в схему версии о предстоящем открытом показательном процессе над «врачами-вредителями» и последующей депортации евреев.

Но если использовать системный подход к оценке политической значимости этого, так и не увидевшего свет, документа, и проанализировать все варианты, которые он претерпел в ходе подготовки, то никак нельзя прийти к такому выводу. Построенная автором этих строк логическая цепочка и в этом случае помогает понять общую структуру мероприятий Сталина на этом этапе подготовки «Дела врачей-вредителей», законы его функционирования, его цель и причинно-следственные связи. Представленная блок-схема (см. рис. № 6), отражающая подготовку «Письма-обращения», дает возможность увидеть изучаемое явление как систему элементов, тесно взаимодействующих друг с другом и

влияющих друг на друга, и показывает, что Сталин был инициатором написания покаянного «Письма-обращения» и повседневно следил за подготовкой к судебному процессу над «врачами-убийцами». А обстановка, сложившаяся к этому моменту в советском обществе и в верхах власти, говорит о том, что для обратного хода не было ни времени, ни желания. Политическая и социальная ситуация в стране была неблагоприятна не только для врачей-евреев и еврейского населения. Вся страна ждала взрыва. Открытый процесс против «врачей-вредителей» должен был состояться, и без антисемитской кампании он не принес бы Сталину желаемых результатов.

Системное представление всех вариантов письма в их мыследеятельном срезе (есть такое понятие в науке) позволило мне сделать предположение о том, насколько, как и в какую сторону повлияли привлеченные к написанию «Письма» еврей-журналисты, историки-евреи и элитные евреи на реализацию планов Сталина.

Подписанты

В прессе последних лет уделялось много внимания вопросу о том, кто подписал и кто не подписал коллективное обращение именитых советских евреев в «Правду». И это понятно. В те дни отказ поставить подпись под документом, исходящим из ЦК или центральной партийной газеты, был актом героизма. Отказ приравнялся к сочувствию «врагам народа» со всеми вытекающими отсюда последствиями. Легче и безопаснее было согласиться. Вот что сказал Э. Радзинскому один из подписавших: «Да, подписывали чудовищное письмо из-за животного страха за себя, за детей. Но одновременно я говорил себе: врачей уже не спасешь, надо спасать остальных. И, чтобы прекратить эту антисемитскую кампанию – надо дистанцироваться, отделить остальных евреев от несчастных обреченных врачей...» (238). Как не вспомнить первосвященника Каифу, который посоветовал фарисеям вынести приговор Иисусу, утверждая, что якобы смерть одного невинного лучше суровой кары для целого народа.

Приступая к рассмотрению этого вопроса, необходимо особо отметить большую моральную ответственность, которая ложится на того, кто изучает этот исторический период и выносит свое мнение, разделяя имеющих отношение к «Письму-обращению», на «чистых» и «нечистых», «подписантов» и «неподписантов», а тем более судит «подписантов». К сожалению, в исторической литературе много путаницы и не меньше эмоциональной отсебятины.

Наиболее достоверно о тех, кто был привлечен к окончательному оформлению «Письма-обращения», можно судить по сопровождающему текст письма поименному списку с краткими объяснениями, кто кем является. (Они воспроизведены в данной главе на *стр. 415 и 426*. Эти списки, по нашему мнению, демонстрируют не тех, кто подписал «Письмо-обращение», а тех, кто по планам его сочинившей «рабочей группы» должны были скрепить текст своей подписью. Наше мнение подкрепляет редакция журнала «Источник» (127), ко-

торая, сопровождая публикацию третьего («Исправленного») варианта «Письма-обращения», датированного 20-м февраля 1953 г., сообщает, что журнал «публикует хранящийся в Архиве Президента РФ машинописный экземпляр проекта «Письма в редакцию газеты “Правда” с напечатанными фамилиями, но без подписей». Редакция также уведомляет, что «пока не удалось выяснить, кто из названных потенциальных подписантов на самом деле поставил свою подпись». Предыдущий, второй вариант «Письма-обращения» (по нашей номенклатуре «Отредактированный»), датированный 29-м января 1953 г., также снабженный поименным списком, опубликован в 2004 г. в журнале «Лехаим» (147). Но и при нем собственноручных подписей, сопровождавших текст обращения, не было обнаружено. Эти две публикации дают возможность заключить, что коллективного обращения евреев в «Правду» с подлинными их подписями в архиве не содержится.

Это то, что касается официальных документов. Помимо этого, как я уже указывал, в литературе фигурируют много разных материалов и много сомнительных. А. Борщаговский, ссылаясь на ряд публикаций, пишет, что возглавляли список приглашенных Лев Захарович Мехлис, бывший редактор газеты «Правда», член ЦК КПСС, и Лазарь Моисеевич Каганович, зам. председателя Совета Министров СССР, член Политбюро ЦК КПСС (47). Борщаговский пишет, что с этим письмом ознакомили более 50-ти человек, из которых около 40-ка это письмо подписали. М. Альтшулер, Я. Этингер и З. Шейнис указывают, что под «коллективным письмом» поставили свои подписи все, от кого это требовалось, за исключением Марка Рейзена, Якова Крейзера, Вениамина Каверина, Исаака Дунаевского, Аркадия Ерусалимского и Ильи Эренбурга (330).

Кому не лень, вкладывали свою лепту в обнародование фамилий «подписантов» и отмечали добрым словом «неподписантов». Причем перечисляли не только тех, кто действительно был причастен к «Письму-обращению» (Ойстрах, Дунаевский, Рейзен, Ландау, Маршак, Гроссман), но и тех, кого судьба миновала (Ботвинник, Левитан). Особое внимание уделялось «самому главному еврею» Советского Союза – Лазарю Моисеевичу Кагановичу, и «самому почетному еврею» – Илье Григорьевичу Эренбургу. Многократно воспроизводился рассказ, что Каганович сам, лично, звонил Эренбургу и уговаривал его подписать. Ничего не поделаешь, мол, надо. А то еще хуже будет. Но Эренбург устоял. Сказал, что не подпишет, пока сам Сталин не позвонит ему и не скажет, что надо. Он – единственный из всех (!) – категорически отказался его подписать.

В то же время поэт Иосиф Бродский вспоминал, как его отец, служивший в одной из ленинградских газет, вернулся с работы подавленный и чуть ли не плача: в тот день он видел текст «открытого письма» готовым к печати. Среди прочих под ним стояла и подпись Эренбурга» (253). К такому же выводу приходим и мы в результате досконального анализа всей ситуации, связанной с отношением Эренбурга к коллективному обращению евреев в «Правду». На каком-то этапе подготовки второго, «Отредактированного» варианта с его правками и без упоминания о евреях как о народе, существенно отличного от первого варианта коллективного письма, писатель его подписал. Это подтверждает

ется свидетельством А. Савич, вдовы ближайшего друга писателя О.Г. Савича. Она рассказала, что «в те самые февральские дни» Эренбурга срочно вызвали в «Правду»... Эренбург вернулся поздно и совершенно подавленный. Он сказал, вытирая лоб (что делал всегда в минуты сильных переживаний): «Случилось самое страшное – я подписал...» (260).

Отвлечемся от выдумщиков и трансляторов и обратимся к свидетельству тех, кто был лично привлечен к процессу подготовки «Письма-обращения» в газету «Правда». О том, как происходила процедура знакомства с коллективным обращением высокопоставленных советских евреев в «Правду», мы уже сообщили со слов писателей В. Каверина и И. Эренбурга, а также историка, проф. А. Ерусалимского. Они, ознакомившись с содержанием, категорически отказались скрепить его своей подписью.

По-другому поступил писатель В. Гроссман. В редакции газеты, куда его пригласили, академик Минц перед собравшимися прочел письмо на имя Сталина. Вместе с большинством приглашенных Гроссман поставил свою подпись под письмом «в каком-то затмении, решив, что ценою смерти немногих можно спасти несчастный народ». До конца жизни он казнил себя за этот поступок. Так же поступил композитор М.И. Блантер. Об этом рассказывает музыковед В. Зак : «После короткой паузы, каким-то надтреснутым голосом Блантер сказал: “В пятьдесят третьем я испугался... Подписал знаменитое письмо известных деятелей искусства... с просьбой переселить евреев в Сибирь ... спасти их от “справедливого гнева” советских людей”» (115).

Итак, свидетельства прямых участников событий и опубликованные документы не отвечают на заданный нами и интересующий общественность вопрос – кого можно считать «подписантом» и кому надо отдать должное как «неподписанту». И здесь на сцену выходит еще один документ, который был обнаружен в РГАНИ (Фонд № 5, Оп. № 25, Д. 504). О нем впервые сообщает историк-архивист Г.В. Костырченко (140), утверждающий, что в этом документе «имеются оригинальные автографы С.Я. Маршака, В.С. Гроссмана, М.О. Рейзена, М.И. Ромма, Л.Д. Ландау, И.О. Дунаевского, И.Г. Эренбурга и многих других видных деятелей еврейского происхождения». Итак, Г.В. Костырченко однозначно решает вопрос, поставленный в этой главе, – все те, автографы которых перечислены и скрепляют этот документ, – «подписанты».

Для того, чтобы безапелляционно присоединиться к мнению Г.В. Костырченко и поставить точку на обсуждаемом вопросе, я лично к нему обратился, и он любезно предоставил возможность ознакомиться со всеми документами, хранящимися в Д. 504, Оп. 25, Фонда 5 РГАНИ. В этой папке, на стр. 180 – 186, и находится интересовавший нас документ, которому Г. Костырченко дал наименование «Подписной лист», и страницы 177 – 179, на которых, по его же свидетельству, «имеются оригинальные автографы» имя рек – см. на абзац выше. Таким образом, благодаря Геннадию Васильевичу Костырченко, возникла возможность самолично ознакомиться с архивными документами, хранящимися в Российском государственном архиве новейшей истории, куда мне входа не было. «Подписной лист» представляет собой семь страниц без даты и заглавия, заполненные собственноручно написанными полностью фамилиями (не подпи-

сями!) со своей собственной нумерацией (см. стр. 442). Рядом с каждой фамилией тем же почерком указаны дополнительные сведения о звании, иногда о месте работы. На этих семи листах значатся 56 автографов практически всех предполагаемых подписантов, указанных в поименных списках приложенных к тексту второго и третьего вариантов «Писем», за исключением супругов Кагановичей, министра Ванникова, главного зоотехника Шафрана и экономиста Локшина. Полные данные о приведенных фамилиях приведены в таблице № 2. Есть в «Подписном листе» и те автографы, которые числятся среди «неподписантов», но зафиксированы в приложенных к «Письму-обращению» поименных списках: Дунаевский И. в подписном листе РГАНИ числится под № 6, во втором, «Отредактированном», занимает № 18 и в третьем, «Исправленном» – № 17; Рейзен М.В. в подписном листе РГАНИ числится под № 24, в «Отредактированном» и в «Исправленном» занимает № 7.; Ерусалимский Л. в подписном листе РГАНИ числится под № 33, в обоих вариантах письма занимает № 51; Крейзер Я. в подписном листе РГАНИ числится под № 49, в «Отредактированном» занимает № 2 и в «Исправленном» – № 4.

Анализ всей приведенной выше информации позволяет прийти к выводу, что «Подписной лист» является не подписным, а регистрационным листом. Такие регистрационно-явочные документы, как правило, заполняются присутствующими на совещаниях, семинарах и других служебных заседаниях. На предположение об истинном значении «Подписного листа» Г.В. Костырченко резонно возражает: регистрация участников мероприятий, проводившихся тогда в ЦК и других центральных учреждениях, осуществлялась в специальных журналах, которые имели временный срок хранения, к тому же регистрацию проводил ответственный за это дело чиновник.

Придерживаясь ранее высказанного предположения, что это «Регистрационно-явочные листы». В таком случае автографы на страницах 180 – 186 дела № 504 и описи № 25 из фонда № 5 означают не согласие с текстом «Письма-обращения», а лишь то, что лицо, фигурирующее в списке, на данном совещании присутствовало и с документом ознакомилось. Это мнение основано, в первую очередь, на оценке самих автографов. Фигурирующие в списке лица ставили в нем не подписи, которыми, как известно, удостоверяют свою личность и /или/ свое согласие с содержанием подписываемого документа, а писали полностью свои фамилии с инициалами, что обычно делают при регистрации, и сообщали, причем не все, свои звания и должности. Кроме того, сравнивая местоположение фамилий в рассматриваемых документах, становится однозначно ясно, что в т.н. «подписном листе» (по Г. Костырченко), номера, стоящие перед подписью, свидетельствуют об очередности прибытия будущих подписантов для ознакомления с текстом «Письма-обращения...» (см. табл. 2). Из всего этого вытекает, что эти автографы не имеют никакого отношения к факту признания или отказа от существования документа.

Так что оставили свои автографы на регистрационном листе или, как его называет Г. Костырченко «Подписном листе» как те, кто стал «подписантом», так и будущие «неподписанты», и кто из них кто, на основании описанных документов мы не знаем.

Также смущает и заставляет думать, что лист с подписями, скрепляющими текст «Письма-обращения», не найден, это то, что на страницах 177 – 179 цитируемого выше документа из РГАНИ существуют не автографы перечисленных Г.В. Костырченко лиц, а их фамилии, набранные на пишущей машинке. И, наконец, если считать документ, обнаруженный в РГАНИ, как это делает Г.В. Костырченко, окончательным «Подписным листом», то тогда где подписи Ванникова, жены Кагановича Марии и вновь привлеченных и зафиксированных только в списке фамилий под третьим, «Исправленным», вариантом подписи Локшина и Шафрана?

Со своей стороны, Г.В. Костырченко приводит следующее возражение: если бы этот «Подписной лист» был бы «Регистрационным», то он содержал бы значительно больше автографов. В этом случае в нем должна была бы быть подпись Заславского, организационное участие которого в составлении «Письма-обращения» твердо установлено многочисленными свидетельствами. Но этой подписи там как раз и нет. Это, по мнению Г. Костырченко, доказывает, что перед нами именно подписной лист, в котором Заславский и не мог появиться, поскольку был тогда в «Правде» рядовым сотрудником, а вот подпись Хавинсона – члена редколлегии «Правды» – там присутствует и символизирует поддержку обращения коллективом редакции. И еще, все автографы в подписном листе соответствуют фамилиям, указанным в типографских гранках обращения в «Правду». И, наконец, Г. Костырченко, в нашей частной беседе по поводу происхождения «подписного» или «регистрационного» листа, отметил, что регистрацию присутствующих на совещаниях проводят не на листочках, а в специальной книге.

Но и эта аргументация не сняла вопрос о происхождении листов, которые были представлены как «подписные», так как я имел личный опыт присутствия на совещаниях на «вершинах» власти, правда, не политической, а медицинской. Мне довелось дважды (в начале 80-х гг.) присутствовать на оных – один раз в Министерстве здравоохранения, другой – в Академии медицинских наук. Методика проведения подобных форумов отработана давно. В Минздраве это был Пленум с ограниченным присутствием по поводу проведения профилактических мероприятий по стране, под председательством министра С.П. Буренкова, другой – в АМН по поводу совместных работ с Министерством атомной энергии, связанных с использованием ускорителя протонов для лучевой терапии, под председательством президента академии Н.Н. Блохина. Для меня присутствие на этих совещаниях носило эксклюзивный характер. Поэтому я их хорошо помню в деталях, и фиксация участников совещаний в специальных книгах не могла быть мною неотмеченной. Да, мы регистрировались у секретаря, но на обычных листах, может быть, разграфленных, но не в книгах. Если считать документ, обнаруженный в РГАНИ, окончательным «Подписным листом», то тогда где подписи Ванникова, жены Кагановича Марии, вновь привлеченных и зафиксированных только в списке фамилий под третьим «Исправленным» вариантом – Локшина и Шафрана. Тогда, по версии Г. Костырченко, они – «неподписанты».

КОПИЯ

- 8 -

РАСКРЕЧЕНО

- ✓ 1 С. Волгодонский -
Академик, лауреат Сталинской премии.
- ✓ 2 Д. Измайлов,
мен-корреспонд. СССР
дважды лауреат Сталинской премии
- ✓ 3 Струковский мен-корреспонд. СССР
дважды лауреат Сталинской премии
- ✓ 4 Гельфанд мен-корреспонд. АССР.
- ✓ 5 С. Лессер, солистка Губовского театра
Зем. инф. резерв, лауреат
Сталинской премии
- ✓ 6 Якушев Народн. артист РСФСР, лауреат
Сталинской премии, Коммунист.
- ✓ 7 И. Брук мен-корреспонд. СССР
- ✓ 8 Г. Козлов мен-корреспонд. СССР
- ✓ 9 А. Рубинштейн, доктор экономических наук
- ✓ 10 Ч. Мина, академик, лауреат Сталинской премии

Факсимиле первой страницы документа из РГАНИ (Ф. 5. Оп. 25. Д. 504. Л. 180), любезно предоставленного Г.В. Костырченко

✓ 6	Дунаевский Народн. Академ. Проф. Союз, Лауреат Сталинской премии, Кавказский
✓ 19	Илья Эренбург, писатель
✓ 24	Рейзен Награжден орденом - Союз орденов Союза Лауреатов Сталинских премий
✓ 32	Д.Ф. Ойстрах, заслуженный деятель науки и техники Лауреат Сталинской премии, доктор
✓ 33	А.С. Ерусалимский, Доктор Исторических наук, Профессор. Лауреат Сталинской премии
✓ 34	Л.А. Кассиль; Писатель, Лауреат Сталинской
<div style="display: flex; justify-content: space-around; align-items: center;"> <div style="border: 1px solid black; padding: 2px;">КОПИЯ</div> <div style="border: 1px solid black; padding: 2px;">РАССЕКРЕЧЕНО</div> </div> <p>Я.Г. Крейзер <i>Иван-Иванович</i>, 7¹⁸⁶ Юрий Савицкого Володина</p>	

Факсимиле подписей лиц, которые с большой долей вероятности считаются «неподписантами»: № 6. И.О. Дунаевский, № 19. И.Г. Эренбург, № 24. М.О. Рейзен, № 32. Д.Ф. Ойстрах, № 33. А.С. Ерусалимский, № 34. Л.А. Кассиль, № 49. Я.Г. Крейзер

Табл. № 2. Фамилии высокопоставленных евреев, фигурировавших в поименных списках в процессе создания «Письма обращения» в газету «Правда»» (расположены в алфавитном порядке)

Фамилии привлеченных к подписанию «Письма...»	№№ , под которыми они числятся в поименном списке		
	Второго «письма-обращения»	Третьего «письма-обращения»	«Подписного листа» (По Г. Костырченко)
АЛИГЕР М.И.	26	26	16
БЛАНТЕР М.И.	38	39	26
БРИКСМАН М.Н.	5	18	43
БРУК И.С.	56	56	7
ВАННИКОВ Б.Л.	8	8	
ВЕЙЦ В.И.	48	48	8
ВОЛЬФКОВИЧ С.И.	6	1	1
ВУЛ Б.М.	31	32	42
ГЕЛЬФОНД А.О.	52	52	4
ГИЛЕЛЬС Э.Г.	36	37	47
ГУРЕВИЧ М.И.	24	23	37
ГРОССМАН В.С.	23	22	21
ДРАГУНСКИЙ Д.А.	1	2	13
ДУНАЕВСКИЙ И.И.	19	17	6
ЕРУСАЛИМСКИЙ А.С.	51	51	33
ЗОЛОТАРЬ К.И.	55	55	46
КАГАНОВИЧ Л.М.	4	6	
КАГАНОВИЧ М.М.	30	30	
КАССИЛЬ Л.А.	43	44	34
КОЛТУНОВ И.Б.	50	50	40
КРЕЙЗЕР Я.Г.	2	4	49
КРЕМЕР С.Д.	25	24	12
ЛАВОЧКИН С.А.	16	14	30
ЛАНДАУ Л.Д.	11	9	28
ЛАНДСБЕРГ Г.С.	21	20	22
ЛАНЦМАН И.М.	35	36	52
ЛЕЙДЕР А.Г.	46	46	39
ЛИВШИЦ С.В.	32	33	14
ЛИПШИЦ М.Я.	10	31	56
ЛОКШИН Э.Ю.		58	
МАРШАК С.Я.	12	10	23
МЕССЕРЕР С.М.	53	53	5
МЕЙТУС Ю.Ю.	44	25	15
МИНЦ И.И.	14	12	10
НОСОВСКИЙ Н.Э.	28	28	48
ОЙСТРАХ Д.Ф.	29	29	32
ПРУДКИН М.И.	33	34	29
РАЙЗЕР Д.Я.	15	13	17
РАЙХИН Д.Я.	20	19	38
РЕЙЗЕН М.О.	7	7	24
РОГИНСКИЙ С.З.	42	43	3
РОЗЕНТАЛЬ М.М.	37	38	36
РОММ М.И.	13	11	44
РУБИНШТЕЙН М.И.	41	42	9
СМИРИН М.М.	57	57	25
СМИТ-ФАЛЬКNER М.Н.	34	35	31
ТАЛМУД Д.Л.	39	40	27
ТРАХТЕНБЕРГ И.А.	27	27	20
ФАИЕР Ю.Ф.	22	21	35
ФИХТЕНГОЛЬЦ М.И.	49	49	53
ХАВИНСОН Я.С.	45	45	51
ХАРИТОНСКИЙ Д.Л.	3	5	45
ЦЫРЛИН А.Д.	17	15	11
ЧИЖИКОВ Д.М.	47	47	2
ЧУРЛИОНСКАЯ О.А.	18	16	54
ШАПИРО Б.С.	54	54	55
ШАФРАН А.М.		59	
ЭРЕНБУРГ И.Г.	9	3	19
ЯМПОЛЬСКИЙ А.И.	40	41	54
Фамилия неразб.			41
МАРИЯ К. ?			50
ИТОГО:	57	59	56

Отсюда можно заключить, что версия Костырченко неубедительна, и имена на листках, о которых речь шла выше, не являются подписями. Так что опять нет документа, который говорил бы о факте подписи или отказа от нее данного конкретного лица под обсуждаемым документом.

Урок по психопатологии

Еще одно очень важное замечание, много объясняющее в поведении Сталина. Когда я взял на себя смелость пофантазировать и представить, о чем мог думать в последний прединсультный вечер тиран, я допустил необоснованное предположение, что ему могла прийти в голову мысль: «А может, обойтись и без письма?». Совершеннейшая глупость, и мне, как врачу, непростительная. Такая мысль не могла прийти Сталину в голову. Как я мог в трактовке его поведения проигнорировать девиантный (от лат. *deviatio* – отклонение) характер его личности, достигшей крайней степени социальной опасности.

Поведение Сталина – отражение личных его потребностей, и некоторые из них необъяснимы с точки зрения нормального человека. Вождь – человек в крайних его измерениях, в крайнем состоянии. А они были психопатологическими. Ж. Медведев и Г. Костырченко пытаются трактовать реакцию Сталина на последний, «Исправленный» вариант «Письма-обращения» так, как реагировал бы порядочный человек, интеллектуал, живущий в начале XXI века, то есть со своих позиций. В то время как личностные характеристики Сталина, правившего страной в первой половине прошлого века, были аномальными, с ярко выраженными особенностями, отклоняющимися от типичной даже для того времени социально-культурной системы.

Сталин был преступником, причем, учитывая его биографию, серийным и профессиональным преступником. Начав свою политическую карьеру с ограбления банков, став главой государства, ОН распространил свою внутригосударственную и внешнеполитическую преступную деятельность против мира, против человечности, жертвами которой стали не единицы, а сотни тысяч и даже миллионы ни в чем не повинных людей. Давая оценку деятельности Сталина, необходимо указать на особую психологию его серийных преступлений, по которой почти со стопроцентной точностью можно установить не только общую канву преступления, но и многие его детали, говорящие о высоком профессионализме того, кто совершал или руководил этими преступлениями. Эта психопатологическая особенность Сталина и была мною показана на страницах данной книги.

Необходимо также учитывать фактор времени – то, что в психологии и психиатрии носит название «профессиональной деформации личности», – когда изменение качеств личности происходит под влиянием профессиональной деятельности. Для Сталина – это продвижение к вершине власти, этапы ее утверждения, сохранения и возвеличивания до обожествления. Власть, власть и

еще раз власть! Для Сталина это главная, единственная, всепоглощающая страсть, которую он удовлетворял, играя людьми, как шахматными фигурами. В своей совокупности все совершенные им противоправные деяния во все периоды его единоличного правления страной необъяснимы, если не учитывать и этот фактор. Обычные оценочные категории не всегда можно применить к политику такого масштаба, как Сталин. В этом еще одна ошибка Ж. Медведева и Г. Костырченко. Вся политика Сталина в течение всех лет его правления, по существу, была воплощением его личных интересов, протекавших на фоне такого состояния, которое в медицине называется паранойя. Но и это еще не все. Его параноидальное состояние, особенно в последние годы, протекало на фоне постоянного ожесточения против всех окружавших его людей. Злость! Одно из любимых сталинских изречений: «Высшее наслаждение мужчины – раздавить врага, а потом выпить бокал хорошего грузинского вина». Однако я совсем далек от мысли, что Сталин был психически болен. Он был, с точки зрения клинической психиатрии, вполне здоровым человеком с правильным поведением и сохраненной трудоспособностью.

Для того, чтобы не быть голословным, приведу основные черты, присущие субъекту, страдающему психопатией паранойяльного типа (167). Самой важной считается сознание особого значения собственной личности, отчего происходит чрезмерное самомнение, неспособность прощать окружающим ни равнодушия к себе, ни несогласие с его «сверхценной идеей», крайний эгоизм, бесцеремонное отношение к другим, обидчивость и подозрительность. Если приложить нижеперечисленные симптомы к личности Сталина, то диагноз паранойяльной психопатии не вызывает сомнения. В качестве ее признаков врачами выделяются: 1) чрезвычайная чувствительность к «препятствиям» и «отказам» на пути достижения того, что для субъекта безусловно; 2) злопамятность в отношении оскорблений и обид, а также постоянная тенденция к недоброжелательности и зависти; 3) подозрительность и всепроникающая склонность искаженно воспринимать происходящее, неправильно истолковывая нейтральные и даже дружественные действия других, как проявления недоброжелательства и враждебности к себе; 4) воинственное и упорное отстаивание собственных прав, не считаясь с обстоятельствами; 5) склонность к патологической ревности; 6) ощущение чрезвычайной важности собственной особы; 7) озабоченность истолкованием событий как заговора.

Если еще учесть, что паранойяльный тип обычно раскрывается в пору социальной зрелости, т.е. в 40 – 50 лет, можно прийти к выводу, что именно паранойя – то, что в психиатрии имеет название «монomanия», – обуславливала всю политическую деятельность Сталина.

Политические процессы 30-х годов были – как на это указывал Такер, крупный психолог, исследователь психобиографии Сталина (283), – психологическим символом для логического оправдания паранойяльной тенденции личностных качеств самого Сталина, были образным миром самого Сталина. Наиболее точную личностную психологическую оценку Сталина дает его дочь Светлана:

«Опустошенный, ожесточенный человек, отгородившийся стеной от старых коллег, от друзей, от близких, от всего мира, вместе со своими сообщниками превративший страну в тюрьму, где казнилось все живое и мыслящее; человек, вызывавший страх и ненависть у миллионов людей, – это мой отец» (13).

Среди многочисленных личностных характеристик Сталина из его самого близкого окружения представлю только еще две:

Микоян А.И. – Сталин в конце 30-х годов – это совершенно изменившийся человек: до предела подозрительный, безжалостный и страшно самоуверенный. О себе нередко говорил уже в третьем лице. По-моему, тогда он просто спятил. Впрочем, таким Сталин снова предстал перед нами и в последние три-четыре года до своей смерти. (156)

Хрущев Н.С. – Сталин даже в туалет боялся зайти без охраны. Это, конечно, результат работы больного мозга. Человек сам себя запугал <...>. Я один раз был свидетелем такого факта, и мне было очень неприятно. Сталин пошел в уборную. Охрана – человек, который за ним буквально по пятам ходил, остался на месте. Сталин вышел из уборной и набросился при нас на этого чекиста, начал его распекать: «Что вы не выполняете своих обязанностей? Вы охраняете, так вы должны охранять, а вы тут сидите, развалившись!»

Он оправдывался: «Товарищ Сталин, я же знаю, что там дверей нет. Вот одна дверь-то, так за той дверью стоит мой человек, который несет охрану». Он на него грубо набросился: «Вы со мной должны ходить!» Это невероятно, чтобы он с ним ходил даже в туалет! (305)

Внутренние психологические процессы, происходившие в Сталине, не отличались от тех процессов, которые управляют поведением обыкновенного параноика. Только другими был социальный отклик и результаты. Если у обычного параноика его навязчивые мысли, страдания из-за комплекса неполноценности и поиска врага реализуются в виде ревности, создании различных проектов типа вечного двигателя; сутяжничества, идей преследования, то у Сталина, обладавшего неограниченной властью и возможностями для поддержки и реализации паранойяльных идей, была к услугам громадная политическая и административная машина, и реализовались они политическими процессами, арестами, расстрелами, чистками, шельмованием в прессе и т.д. Для него ничего не было важнее, чем единоличная власть, а его жизнь и обстоятельства сложились так, что он стал главой огромного государства. Психологические отклонения, сформировавшиеся еще в юности и проявившиеся в виде конфликтов в семинарии, не изменились по сути и проявили себя в широких масштабах, влияя на судьбы миллионов людей. Эту возможность давал тоталитарный режим с его беззаконием, безнравственностью и антидемократией. Есть и патоморфологическое объяснение девиантного характера сталинской личности, которую подробно описал академик А. Мясников:

«Сильный склероз мозговых артерий, который мы видели на вскрытии И.В. Сталина, может возбудить вопрос: насколько это заболевание, несомненно, развившееся на протяжении ряда лет, могло сказаться на состоянии Сталина,

на его характере, на его поступках в эти годы. Ведь хорошо известно, что атеросклероз мозговых сосудов, приводящий к нарушению питания нервных клеток, сопровождается нарушением функций нервной системы. Прежде всего, со стороны высшей нервной деятельности отмечается ослабление процессов торможения, в том числе и дифференциального. Легко себе представить, что в поведении Сталина это проявлялось потерей ориентации – что хорошо, что дурно, что полезно, а что вредно, что допустимо, что недопустимо, кто друг, а кто враг. Параллельно происходит так называемое обострение черт личности: сердитый человек становится злым, несколько подозрительный становится подозрительным болезненно, начинает испытывать манию преследования – это полностью соответствует поведению Сталина в последние годы жизни (199).

Мнение ряда профессиональных историков и «примкнувших» к ним журналистов и писателей, сделавших на основании изолированного цитирования третьей версии «Письма» выводы о том, что Сталин решил свертывать «Дело врачей-врагителей», не соответствует существу его психопатологической личности. К концу жизни Сталина, пишет Конквест, т.е. как раз к этому моменту, о котором мы рассуждаем, паранойя особенно ярко проявилась в его антисемитизме. Он был полностью поглощен идеей сионистских заговоров (136, 240), и так, вдруг, отказаться от своих планов, как это считает Г. Костырченко?

Паранойя – на то она и паранойя. Это душевное расстройство, которое, при полном сохранении умственных способностей, характеризуется систематизированными навязчивыми идеями, избавиться от которых невозможно и которые не поддаются никаким внешним вмешательствам. Поэтому Сталин с маниакальной последовательностью и повторяет свой криминальный стиль, в который, как одно из составляющих ЕГО Последнего политического процесса входит «Письмо-обращение» в редакцию газеты «Правда».

Нашлось психопатологическое объяснение и параноидальной привязанности Сталина к числу «13» при планировании и реализации ЕГО антиеврейских замыслов в течение всего Последнего политического процесса (*см. главу «Рокочья дата. Стр. 52*). Навязчивая идея, преследовавшая Сталина последние годы его жизни, – связать расправу с предназначенным ИМ к уничтожению народом, окутав ее в мистический флер почитаемой евреями цифры «13», блестяще изложен в книге Владимира Зака «Шостакович и евреи»:

«... Беседуя с моими американцами о Тринадцатой симфонии (Шостаковича – Ф.Л.), я вспомнил еврейскую символику. По Рамбаму (Маймониду) все основные принципы еврейской Веры укладываются как раз в тринадцать. Любимый еврейский юноша становится полноправным членом общества, достигнув **тринадцати** (бар-мицва). Помните рассказ Шолом-Алейхема “Часы”? Они бьют **тринадцать**, чтобы заглянуть в грядущее, подчеркнуть устремленность человеческой жизни.

Нечто очень важное об истории цифры **тринадцать** в советское время поведал мне М.И. Блантер. Любимец массовой аудитории, автор популярных песен, с которыми наши фронтовики штурмовали Берлин, Матвей Исаакович был хорошо знаком с именитыми советскими маршалами и генералами. Ссылаясь на очень крупного офицера Г., входившего в охрану Сталина, Блантер пояснял: **“тринадцать** у евреев счастливое число. Знал это и Сталин. А поэтому приказал в январе сорок восьмого: «Соломона Михоэлса обезглавить **тринадцатого!** И объявить по всей стране: **тринадцатого** Михоэлс погиб. Евреи всегда гордились Михоэлсом. Пусть, наконец, поймут, что фортуна им изменила...”.

Вы знаете, в какой день Сталин повелел арестовать главного врача Боткинской больницы – Бориса Абрамовича Шимелиовича? **13** января 1949 года! **Тринадцатого**. Этим был завершен большой цикл еврейских арестов. А когда Сталину дали очередной список членов еврейского антифашистского комитета, “подлежащих ликвидации” (В. Зускин, Л. Квитко, П. Маркиш, И. Фефер, Л. Штерн и другие), вождь усмехнулся: “Тут четырнадцать? Лину Штерн мы оставим. А **тринадцать** должны понести наказание” ... **Тринадцать!** Вождь получал физическое наслаждение от мысли о том, что в подвалах московской Лубянки будет расстреляно именно **13** евреев! Лично я, – продолжал Матвей Исаакович, – в то время еще не знал о пристрастии Сталина к **тринадцати**, но уже тогда обратил внимание на странную закономерность. После 1949-го я уже чувствовал себя человеком с желтой повязкой. И ждал со страхом очередного **тринадцатого**. Мы помним, как январским утром 1953 года Юрий Левитан – феноменальный диктор, преодолевая собственный ужас, читал по радио передовую “Правды” о врачах – “убийцы в белых халатах”. “Об отравителях объявить **тринадцатого!**” – это тоже приказал Сталин. Никакой другой иезуит, кроме Сталина, не мог бы додуматься до того, чтобы “ликвидация” В. Зускина и его друзей состоялась бы в канун **тринадцатого** – 12 августа 1952 года.

Не случайность: публичная казнь еврейских врачей на Красной Площади намечалась тоже в канун **тринадцатого** – конкретнее, 12 марта 1953 года. Генерал-охранник был свидетель такого откровения вождя: “Двенадцатого все врачи будут уже казнены, а **тринадцатого** будет торжественный день для евреев: пусть отпразднуют тризну по своим героям”. Может быть, и оставшиеся на свободе оказались бы в товарных теплушках тоже **тринадцатого**? Многих бы в Сибирь не довезли. Растерзали бы в пути “народные мстители”. Так ведь планировал судьбу евреев “лучший друг детей” и “величайший вождь народов”. Цель его была ясна: сделать **тринадцатое** кладбищем для евреев” (115).

Навязчивая идея, проявившаяся в пятидесятых годах, видимо, имела свое начало еще тогда, когда семинаристу Иосифу Джугашвили преподали эту благодетельную для евреев цифру **«тринадцать»**. Несомненно, что он был глубоко религиозен в тот период, когда учился в Тифлисской духовной семинарии. В дальнейшем, став профессионалом-революционером и воинствующим атеистом, он на всю жизнь сохранил где-то в глубине души отрицательное отноше-

ние русской и грузинской Православной церкви к евреям, «распявшим Христа». Его давно томило стремление сделать как можно больше евреям не «просто так», а на базе их собственных верований.

По иудейской вере слово «**один**» (אחד) согласно гематрии* равно числу **13**. Да, **ОН** – **один**, единственный и неповторимый, он – бог. **ОН**, Сталин, – новый мессия для всего человечества! Но сумма числовых значений букв слова «**один**» равна числовому значению букв в слове «**любовь**» (אהבה). Нет, не будет **ОН** для евреев олицетворением любви. Будет все наоборот. Как он ненавидел все, что связано со словом «**любовь**»! Любовь обошла его стороной, **ОН** ее за всю его многотрудную жизнь так и не познал. Не было у него любви ни к женам, ни к его родным детям, ни к маленьким внукам. Не испытывали и к нему любви ни родные, ни соратники, ни подчиненные. Только страх. И не только перед ним, но даже перед его именем. И **ОН** сделает так, что число **13** и у евреев станет синонимом страха. **ОН** перевернет иудаизм, **ОН** вывернет эту мистическую гематрию наизнанку. **ОН** заставит по новому, по-сталински петь веселую песенку считалочку, завершающую самый дорогой для евреев праздник Пейсах:

Тринадцать! Кто знает?

***Тринадцать? Я знаю: Тринадцать свойств Б-га,
Двенадцать колен Израиля, Одиннадцать звезд,
Десять Заповедей, Девять месяцев до родов,
На восьмой день обрезание, Семь дней недели,
Шесть разделов Мишны, Пять книг Торы, Четыре
праматери, Три патриарха, Две Скрижали Завета,
Один у нас Б-г на небе и земле.***

ОН – Бог, и ему все подвластно. **ОН** покажет этим евреям, что такое цифра **13!**

Семинарист Джугашвили хорошо усвоил «Ветхий завет», и когда стал Сталиным, решил, как Аман – первый министр у царя Вавилонии Артаксеркса (Ахашвероша), воспользоваться этим сакраментальным числом для расправы с евреями:

* Гематрия – толкование слов или групп слов по числовому значению составляющих их букв или замены одних букв другими по определенной системе. Гематрия помогает постичь скрытый смысл, который заложен в священных иудейских текстах.

Из «Кетувим». Кн. Эстэйр, гл. 3*:

8. ...И сказал Аман царю Ахашвэйрошу: во всех областях царства твоего есть один народ, рассеянный среди народов и обособленный (от них); и законы у него иные, чем у всех народов, а закон царя они не выполняют, и царю не стоит оставлять их (жить в стране).

9. Не угодно ли будет царю (дать) предписание уничтожить их?..

10. И снял царь перстень свой с руки своей и отдал его Аману, сыну Амдаты Агагиянина, врагу Йеудеев, чтобы скрепить указ против Йеудеев.

11. И сказал царь Аману: серебро это отдано тебе, а также народ, чтобы ты поступил с ним, как тебе угодно.

12. И призваны были писцы царские в первый месяц, в **тринадцатый день** его, и предписано все, как приказал Аман, сатрапам царским и начальникам областей, что над каждой областью, и сановникам каждого народа, каждой области – письменами ее и каждому народу на языке его; написано было (это) именем царя Ахашвероша, и скреплено (печатью) перстня царского.

13. И разосланы были письма с гонцами во все области царя, чтобы истребить, убить и погубить всех Йеудеев: от отрока до старого, (и) детей и женщин – в один день, в **тринадцатый день** двенадцатого месяца, то есть месяца Адара, а имущество их разграбить.

14. Список с указа этого (следует) передать в каждую область, как закон, объявленный всем народам, чтоб они были готовы к этому дню.

Сталин планировал «по-амановски»!

Первым, кто поставил Сталину диагноз «паранойя», был выдающийся невропатолог Владимир Михайлович Бехтерев. Побеседовав со Сталиным в декабре 1927 г., Бехтерев заявил, что у Сталина «типичный случай тяжелой паранойи» (24, 315). «У сухопарого пациента, сказал Бехтерев ассистенту, – классическая паранойя. Во главе Советского Союза оказался опасный человек». Вскоре после того, как Бехтерев сделал это заявление своим коллегам, он умер при таинственных обстоятельствах. Врач, делавший вскрытие, установил отравление. Патологоанатома расстреляли (296). Еще раз диагноз паранойи был поставлен Сталину кремлевскими врачами Д.Д. Плетневым и Л.Г. Левиным в 1939 г. Позже Плетнев и Левин были уничтожены.

Чалидзе (307) сделал попытку доказать, что Сталин не был параноиком, полагая, что истинная паранойя помешала бы эффективной политической деятельности. Но, согласно современным представлениям, нет действительной причины, в силу которой паранойя мешала бы политической деятельности. Доктор Б. Малкин,

* Цитировано по Танаху в новом русском переводе, выпущенном в 1978 г. изд-вом «Мосад ха-рав Кук» в Иерусалиме. Перевод базировался на еврейской традиции. Редактор перевода – Давид Йосифон – для лучшего понимания неясных мест в Танахе к оригинальному тексту прибавлял отдельные слова, заключенные в скобки.

Здесь и далее слово «тринадцать» выделено мною – Л.Ф.

личный врач Сталина, был убежден, что у Сталина была скрытая форма душевной болезни, и ее симптомы – гипертрофированная подозрительность, жестокость, отсутствие каких-либо угрызений совести, призывов к раскаянию.

Встает вопрос – был ли Сталин болен душевной (психической) болезнью?

Краткий экскурс в психиатрию

Психиатрия – область медицинских знаний о психических (душевных) болезнях и пограничных состояниях. Согласно Международной классификации болезней (331), гл. V, – к психическим заболеваниям с помрачением сознания (психозам, шизофрении, эпилепсии, истерии и другим психоневрологическим заболеваниям) относятся клинические случаи, когда у индивидуума ясно выражен симптомокомплекс, сопровождающийся систематическим бредом, галлюцинациями, стойкими вычурными фантазиями, синдромом психического автоматизма, иллюзиями, странностями, которые нельзя скрыть от окружающих. При решении вопроса о психическом заболевании психиатр определяет не только формы болезни, но и динамику клинических проявлений. Психическое заболевание не возникает ни с того ни с сего, оно имеет разные этапы в своем течении, всякое безумие имеет свою систему развития. И совершенно нереально, чтобы любая форма психической болезни с течением времени не выявила бы себя в полной мере.

У Сталина не было ни одной черты, свойственной болезненному состоянию психики. Он был всегда рационален, точен, всегда учитывал ситуацию, обладал хорошей сообразительностью и блестящей памятью. Рассуждения тех, кто приписывает ему психическую болезнь, лишены объективной аргументации. Сталин был здоровым с точки зрения психиатрии как врачебной специальности, но у него была деформированная личность. Это область психопатии, дисгармонии эмоционально-волевой сферы, а не психиатрии. Решительный, циничный, пронизательный, безжалостный тиран, без сердца и души, которому были чужды мораль и милосердие. Это определяло его поступки.

Еще одно состояние, которое определяло его поведение, – неврастения. Нервная система у Сталина с возрастом стала не выдерживать длительного, изматывающего напряжения и истощилась. Развилось то, что сейчас называется «неврозом тревоги». Неврастения проявляется в раздражительности, пугливости, в бессоннице и ночных кошмарах, тревожных предчувствиях. Ухудшение качества жизни проявляется, как правило, у человека, не соблюдающего норм психогигиены, которые предусматривают регулярный сон, чередование нагрузок и отдыха, переключение энергии с одного вида деятельности на другой, разнообразие в питании, ограничение в курении. Избавиться, тем более от тяжелой неврастения, без вмешательства врача не так-то просто, ибо лечение ни в коем случае не сводится только к изменению жизненного и рабочего режима. А мы точно знаем, что рабо-

чий режим у Сталина был очень плотный, и от врачебной помощи Сталин отказался давным-давно, несмотря на явные недомогания.

Психиатрия и психология, психиатр и психолог – специальности разные; психический больной и психопатологическая личность – состояния разные. Хотя слова вроде бы похожи. Психиатры занимаются такими проблемами, как бред, галлюцинации, расстройства памяти, внимания, сообразительности. Этим они принципиально отличаются от психологов, изучающих варианты неболезненных вариантов психики.

Можно быть тяжело психически больным лидером, но проявлять себя либералом и человеколюбом. Можно быть практически здоровым с точки зрения психиатрии, но действовать как человеконенавистник и тиран. Дело не в болезнях, а в нравственной позиции личности. Сталин полностью укладывается во второй пример.

Краткий экскурс в психиатрию был предпринят мною для того, чтобы убедить читателя в том, что Сталин не был душевнобольным, а потому полностью ответственен за свои поступки. Это был пахан бандитской компании соучастников с ясным умом и четкой памятью. Это был жестокий, хищный, подлый, но психически здоровый человек.

Мое мнение

Говорить о том, что диктатор передумал опубликовать «Письмо» с тем, чтобы отказаться от «Дела врачей-вредителей» и остановить антисемитский разгул, не имеет никакого – ни исторического, ни медицинского – обоснования. Таков основной мой вывод из проведенного системного подхода при исследовании текстов писем с учетом всей многолетней репрессивной политики Сталина. Сопоставляя имеющиеся в нашем распоряжении документы и свидетельства, да и свой личный опыт человека, жившего в период «позднего сталинизма», считаю, что Сталину не хватило всего нескольких дней для реализации его планов, от которых он и не собирался отказываться.

Второй вывод, который напрашивается: евреи, привлеченные к созданию «Письма в редакцию газеты “Правда”», отказавшиеся поставить под ним свою подпись (М. Рейзен, А. Ерусалимский, В. Каверин, Я. Крейзер, П. Антокольский, И. Дунаевский, а может быть, и многие другие), И.Г. Эренбург, попытавшийся возразить Сталину, Я. Хавинсон, И. Минц, М. Митин, Д. Заславский, – все или даже некоторые из названных, изменившие погромный текст «Письма», сделали все от них зависящее, чтобы спасти евреев от запланированного Сталиным их уничтожения.

В заключение мне ничего не остается, как повторить то, что сказал Б. Сарнов, характеризуя поведение Эренбурга в те опасные для существования советских евреев дни января – февраля 1953 г. Я только бы отнес это высказывание, несколько его перефразировав, не только к Эренбургу, а ко всем евреям, участвовавшим в создании «Письма-обращения в газету “Правда”». Они не только

ясно увидели, «куда влечет их рок событий», но и попытались если не остановить, то хоть задержать это стремительное скатывание страны к самому краю пропасти. И кто знает, что произошло бы за те две недели, если бы Сталину не донесли, что произошла «заминка».

Подобная же «заминка» произошла два с половиной тысячелетия тому назад в Персии, куда злой рок забросил евреев. Тогда над евреями был занесен меч уничтожения, и два еврея – Мордехай и его двоюродная сестра, царица Персии, любимая жена Ахашвроша Эстер, несмотря на грозившую им кару, остановили подготовленный злым Аманом геноцид евреев.

Из «Кетувим». Кн. Эстэйр, гл. 7.

1. И пришел царь с Аманом пировать с царицей Эстэйр.
2. И в (этот) второй день сказал царь Эстэйр (в то время), когда пили вино: (скажи), что за желание у тебя, царица Эстэйр? И будет оно исполнено. И в чем просьба твоя?
3. Хоть полцарства (проси), – выполнено будет. И отвечала царица Эстэйр, и сказала: если снискала я милость в глазах твоих, царь, и если угодно царю, то пусть будет дарована мне жизнь моя – по желанию моему, и (жизнь) народа моего – по просьбе моей,
4. Потому что отданы мы, я и народ мой, на истребление, убиение и погибель. Если бы проданы были мы в рабы и в рабыни, я молчала бы, хотя враг и не стоит ущерба царя.
5. И отвечал царь Ахашвэйрош, и сказал царице Эстэйр: кто это и где он, тот, что осмелился сделать так?
6. И сказала Эстэйр: недруг и враг – это злобный Аман.
7. И затрепетал Аман пред царем и царицей. И в гневе своем поднялся с пира царь, и (вышел) в дворцовый сад; а Аман стал просить царицу Эстэйр о жизни своей.
9. И сказал царю Харвона один из евнухов: вот и дерево высотой в пятьдесят локтей, которое приготовил Аман для Мордохая, говорившего во благо царю, стоит у дома Амана. И сказал царь: повесьте его на нем!
10. И повесили Амана на дереве, которое приготовил он для Мордохая. И гнев царя утих.

Сталина пугал такой разворот событий. Поэтому он спешил. Поэтому волновался, трусил. От страха трясся, но от своего обета отказаться не мог. Паранойя, она и есть паранойя. Ночью ему казалось, что в углу комнаты стоит дерево, а на нем веревка с петлей. А петля пустая. Он менял комнаты, ложился спать на разные лежаки, но видение не уходило. Пустая петля качалась в такт завыванию ветра. От страха он покрывался холодным потом, его знобило, руки дрожали. К утру Сталин забывался в тревожном сне, а днем срывал накопившееся ожесточение на окружавшей его обслуге или на своих соратниках.

Н.С. Хрущев вспоминает:

«Я сам слышал, как Сталин говорил с С.Д. Игнатьевым. Сталин злобно набросился на него по телефону в нашем присутствии. Он был невменяем от злости, кричал на Игнатьева и угрожал ему, требовал заковать врачей в цепи, превратить в кровавое месиво, стереть в порошок» (51).

Из «Кетувим». Кн. Эстэйр, гл. 8.

1. В тот же день отдал царь Ахашвэйрош царице Эстэйр дом Амана, врага Йеудеев, а Мордохай предстал пред царем, так как рассказала Эстэйр, кем он ей (приходится).
2. И снял царь перстень свой, который отнял он у Амана, и отдал его Мордохаяу. А Эстэйр поставила Мордохая (управителем) дома Амана.
3. И опять говорила Эстэйр с царем, и пала к ногам его, и плакала, и молила его отменить злой (указ) Амана Агагиянина и замысел его, что задумал он против Йеудеев.
4. И протянул царь Эстэйр золотой скипетр, и поднялась Эстэйр, и стала пред царем,
5. И сказала: если угодно царю, и если снискала я милость его, и если дело это правое (на взгляд) царя, и если нравлюсь я ему, то пусть бы написано было, чтоб возвращены были бы письма с замыслом Амана, сына Амдаты, Агагиянина, которые написал он, об истреблении Йеудеев во всех областях царских.
6. Потому что как смогу я видеть бедствие, которое постигнет народ мой, и как смогу я видеть гибель рода моего?
7. И сказал царь Ахашвэйрош царице Эстэйр и Мордохаяу Йеудею: вот, отдал я Эстэйр дом Амана, а его повесили на дереве, за то, что поднял он руку свою на Йеудеев. А вы напишите о Йеудеях то, что вам угодно, именем царя и скрепите (печатью) перстня царского....
10. И написал он именем царя Ахашвэйроша, и скрепил (печатью) перстня царского, и отправил письма с верховыми гонцами, ездившими верхом на рысаках царских с конных заводов,
11. О том, что царь разрешил Йеудеям каждого города собраться и встать на защиту жизни своей: истреблять, убивать и губить всех вооружившихся из народа и из области, тех, кто (готов) напасть на них...
12. В один день во всех областях царя Ахашвэйроша, в **тринадцатый** день **двенадцатого месяца**, то есть месяца Адара.
13. Список с указа этого (следует) передать в каждую область как закон, объявляемый всем народам; и чтобы Йеудеи были к этому дню готовы...
16. И настала для Йеудеев (пора) просвета и радости, и веселья, и почета.
17. И в каждой области, и в каждом городе, всюду, куда доходило слово царское и указ его, – радость и веселье у Йеудеев, пиршество и праздник.

Не реализовалась у Сталина навязчивая идея изменить еврейскую символику, связанную с цифрой **13**. На ней ОН и споткнулся. Уничтожение врага ев-

реев как раз и пришлось на **тринадцатое** Адара. Старческие сосуды не выдержали такого напряжения и лопнули...

Из «Кетувим». Кн. Эстейр, гл. 9.

1. В двенадцатый месяц, то есть в месяц Адара, в **тринадцатый** день его, когда наступило время исполниться повелению царя и указу его, в день, когда враги Йеудеев надеялись одолеть их, а обернулось оно так, что сами Йеудеи одолели недругов своих...

17. (Так было) в **тринадцатый** день месяца Адара, а в четырнадцатый день его был покой, и сделали его днем пиршества и веселья. А Йеудеи, которые в Шушане, собирались в **тринадцатый** день этого (месяца) и в четырнадцатый день его; а в пятнадцатый день его был покой, и сделали его днем пиршества и веселья...

26. ...и назвали эти дни «пурим»...

В ночь с 28 февраля на 1 марта 1953 г. по европейскому летоисчислению – в ночь с 13 на 14 Адара 5713 года по иудейскому летоисчислению – Сталина поразил смертельный инсульт головного мозга.

СОВЕТСКИМ ЕВРЕЯМ ДЕПОРТАЦИЯ ПРЕДСТОЯЛА!

История – наука политическая

В истории нашей родины (хотя я уже более 15 лет живу в Израиле – мои корни в России, скорее, в СССР) события развиваются по законам маятника, колебательные движения которого совершаются под воздействием политических сил. Эта же закономерность прослеживается в оценке личности Сталина и его соратников.

Временами определенным политикам просто необходимо его воскрешение. Так случилось в середине шестидесятых, когда было приложено немало сил, чтобы возродить не только имя, но и его методы правления государством. Сегодня, в начале XXI столетия, похоже, что маятник современной российской политики вновь качнулся в сторону необходимости возвращения к политике «отца народов». Приуроченный к 50-летию со дня смерти Сталина социологический опрос показал, что более трети россиян поминают Иосифа Сталина добрым словом, считают, что он сделал больше хорошего, чем плохого, и заслуга его в первую очередь в том, что он «держал страну в ежовых рукавицах».

Я не берусь судить из моего демократического далека, зачем это качание нужно России. Видимо, без этого невозможно ее существование. А вот зачем это необходимо русским националистам и антисемитам, понятно.

Современным мракобесам нужны свои герои, свои боги, свои святые. А где их взять? Проще отыскать их на свалках истории, очистить, обелить и вновь водрузить на пьедестал. Склеротики-старички и безумные старухи, до сих пор дефилирующие в праздники по улицам с портретами Сталина, – только жалкая демонстрация серьезной и продуманной деятельности. Но это было лишь началом его реанимации, только первыми, робкими шагами серьезной и продуманной деятельности. Прошло немного времени, и его реабилитация приобрела монументальные формы – Сталин вновь марширует по стране (221а). Свой марш ОН начал на Сахалине, затем в Туруханском крае, а сейчас в Ленинградской области ищут место для памятника. На очереди еще пять регионов. Сталин вновь становится востребованной фигурой. Все это не случайно, а хорошо организовано и, конечно, соответствующе субсидировано.

Есть и другая точка зрения на феномен Сталина – всепрощение. Она ярко высветилась 5 марта в передаче русскоязычной станции израильского радио (РЭКА), посвященной 50-й годовщине смерти тирана. Одна слушательница, к тому же еврейка (судя по имени и фамилии, прозвучавшей в эфире), изрекла: «О мертвых плохо не говорят, мир праху его, пусть земля будет ему пухом». Начало проявляться сочувствие к тирану, внушавшему в свое время неимоверный страх. Для чувства жалости, видимо, достаточно того, что он больше как человек не опасен. Однако тираны даже после смерти не заслуживают нормального человеческого отношения. Нет, не заслужил злой гений человечества, профессиональный убийца миллионов, чтобы земля была ему легким пухом. Такие нелюди, как Гитлер, Чаушеску, Пол Пот, Мао Дзэдун и Саддам Хусейн, должны навсегда исчезнуть со сцены.

Одно ясно – освобождение Сталина от его преступлений, так же, как и его «отбеливание», – в интересах радетелей современного экстремизма. История переписывается! И в первых рядах этой неблагородной миссии определенная часть деятелей СМИ, которые стремятся возродить эту страшную фигуру. Книжный рынок Москвы – тот, который бытует в подземных переходах метро, на частных книжных лотках, разбросанных по всему городу, завален просталинскими книжонками и брошюрами [Например, «Мифы и правда о семье Сталина» А. Колесника (1991); «Государь и погань» Ф. Маренкова (1995); «Реквием Сталину» И. Бойкова (1997)]. Конечно, не обходится и без антисемитизма: ворох листовок с подобающими им слоганами («Долой жидовщину», «Жида, вон из России» и т.д.).

Не отстает и телевидение. Так, например, в киноленте «Кремлевская принцесса» о Светлане Аллилуевой, дочери Сталина (канал NTV-International, август 2002 г.), стараниями создателей фильма (Ады Петровой и Михаила Лещинского) глава семейства представлен как справедливый и любящий отец. О двух ранее написанных Светланой Аллилуевой книгах – «Только один год» (1969) и «Двенадцать писем к другу» (1989), поведавших о царившей в семье жуткой атмосфере, которую создал вокруг себя Иосиф Виссарионович, – ни слова (12, 13).

Подхватили этот почин и кинодокументалисты, и среди них В. Пичул. После киноленты, посвященной жизни и смерти Сталина, в марте 2003 года он выпустил в свет телефильм «Неизвестный Берия – полвека после расстрела». В ней герой ленты, Берия, выступает как добрый человек и разумный политик, который из-за коварства противников просто не успел сделать свою, «Бериевскую», перестройку на тридцать лет раньше Горбачевской. Воистину – «Не верь своим очам, верь моим речам». Так потихоньку, шаг за шагом, идет реабилитация профессиональных убийц и недочеловеков. Сегодняшние апологеты Сталина и его поделщиков стремятся скрыть, отретушировать прошлое, приукрасить их роль в истории страны, а иногда даже оправдать их человеконенавистнические поступки. Сталинизм, увы, возрождается, и довольно быстрыми темпами.

Теперь, спустя более пятидесяти лет после описываемых в этой книге событий, в печати начали появляться «научные исследования», авторы которых пытаются как-то реабилитировать Сталина и его пособников, малых и больших. К разряду таких относятся «научные разработки», посвященные отсутствию у Сталина планов провести депортацию советских евреев в начале 50-х годов. Все они вольно или невольно вписываются в ряд статей, направленных на реабилитацию Сталина, а значит, и его режима. Это не может не тревожить! Очень не хочется, чтобы вернулись времена, от которых мы с таким трудом и с такими жертвами избавились.

Почему не состоялась депортация евреев?

В научно-исторической литературе и публицистике последних лет стал злободневным вопрос: грозила ли советским евреям депортация в начале 1953 года, приуроченная к так называемому «Делу врачей-вредителей»? Обозначились три направления в освещении этой спорной и немаловажной проблемы.

К первому направлению относятся Г. Костырченко (140, 141, 142, 143), С. Мадиевский (169, 170), И. Коршевер (137), А. Солженицын (273), И. Альтман (14), Л. Рапопорт (241), Ж. и Р. Медведевы (180). Они считают, что у Сталина не было плана депортации советских евреев. Свою точку зрения они аргументируют главным образом тем, что «до сих пор в архивах не обнаружено документальных подтверждений версии о готовившейся депортации советских евреев».

Другого направления в оценке исторической ситуации того времени придерживаются историки и публицисты, литераторы и ученые, общественные деятели (причем среди них не только евреи, которых можно было бы заподозрить в «заинтересованности»), которых объединяет одно – информированность о происходившем у Сталина в его кабинете, на заседаниях ЦК, в коридорах власти. Это Е. Долицкий (51), Н. Хрущев (59), П. Пономаренко (59), Л. Шатуновская (315), А. Антонов-Овсеенко (24), Я. Рапопорт (242), А. Сахаров (330), В. Каверин (128) В. Наумов (203), Я. Этингер (328, 330, 331), Я. Айзенштат (6), Л. Безыменский (37), В. Лихт (166), Б. Сарнов (258, 259), Э. Радзинский (238), А. Ваксберг (59), Арье Дов-Бер (30), Цви Раз (239), Н. Железнова, В. Познер

(229), Е. Тарле (330), А.Н. Яковлев (330), А. Баллок (34), И. Эренбург (253), А. Микоян (330), Н. Булганин (330), Н. Веселовский (66), Д. Ранкур (240), В. Оскоцкий (217), а также многие другие, в том числе и автор этой книги. В своих монографиях, статьях, выступлениях, базируясь на открывшихся архивных документах, показаниях свидетелей и личных впечатлениях, они пришли к выводу, выражаясь словами Василия Гроссмана (из романа «Жизнь и судьба»), что «Сталин подхватил выпавший из рук Гитлера меч уничтожения и занес его над уцелевшими евреями СССР».

И, наконец, есть и третье мнение, которого придерживаются И. Кремницкий (150), А. Черняк (310) и некоторые другие. Они занимают половинчатую позицию и считают, что «возможно допустить депортацию при жизни Сталина», но «нет достаточных оснований о неизбежности депортации евреев...». Такого же мнения придерживается и В. Снитковский: «Я склонен считать, что в начале 50-х годов озабоченность евреев антисемитской пропагандой, репрессиями вплоть до убийств (хотя и под прикрытием судебных решений) способствовала распространению самых невероятных слухов.<...> Я склонен считать, что депортация или грандиозный погром евреев престарелым, выживающим из ума Сталиным просто назревали» (269).

Насколько верно и научно обосновано отрицание намерений Сталина депортировать советских евреев? Думаю, что сторонники такой точки зрения допускают кардинальную ошибку в методике исследования этого вопроса, а именно: рассматривают проблему депортации изолированно, в отрыве от общей карательной политики Сталина, а если с чем и связывают, то только с «Делом врачей-вредителей». Наш же вывод о наличии у Сталина планов депортации евреев основан на системном подходе к анализу всей внутренней политики конца 20-х, конца 40-х и начала 50-х гг., в сочетании с традиционным подходом историка, обосновывающего свои выводы по имеющимся документам, а также свидетельствам очевидцев.

Сталин еще в 1928 г. вынашивал идею вытеснить евреев на периферию страны под лозунгом осуществления сионистской мечты, но не в ближневосточной Палестине, а в дальневосточном Биробиджане. Но Биробиджан не стал «Землей обетованной», и его первая попытка ссылки евреев сорвалась. Однако Сталин не оставил идею депортации евреев в отдаленные районы страны и вновь к ней вернулся через 20 лет. Он задумал ее осуществить в самом начале «Дела ЕАК», в процессе его организации, еще в 1948 г., сразу после убийства С. Михоэlsa, но до ареста основного состава правления Еврейского антифашистского комитета. Как пробный камень, с целью прикрытия этой акции и с тем, чтобы свалить всю ответственность за нее на евреев, в середине ноября было организовано совещание у Секретаря ЦК М.А. Сусллова (см. рис. № 2). За столом заседаний оказались члены президиума ЕАК, которые получили специальные приглашения, и все явились, за исключением И. Эренбурга. Подробности того, что там происходило, мы узнаем из публикации А. Вайсберга (102). Протокол встречи вел один из ближайших помощников Сусллова, но точный его

текст не был опубликован и не был обнаружен. О том, как складывалась «беседа», узнаем из записей участников, видимо, сделанных уже после совещания.

Суслов сделал, как он сказал, «доверительное сообщение». После общих фраз об озабоченности Центрального Комитета и Советского правительства о судьбе еврейского народа, понесшего огромные жертвы в войне, им была высказана идея, созревавшая на самой вершине власти: создать еврейское государство, «настоящее», социально справедливое, и не такое, как только что созданное государство Израиль, сразу ставшее прихвостнем империализма и не заботящееся о судьбе своих граждан.

«Такое государство, – сказал Суслов, – может быть создано евреями, родившимися и живущими в Советском Союзе. Настало время действовать», – призвал собравшихся Суслов и пообещал, что в этом окажут необходимую помощь все народы нашей страны. По мнению Центрального Комитета партии, на базе Еврейской автономной области в Биробиджане должна быть создана Еврейская автономная республика, в границах, обеспечивающих возможность расселения **всех евреев, проживающих на территории Советского Союза.**

В этой вновь созданной республике с самого начала ее создания должны найти себе место евреи всех профессий, всех уровней образования, от рабочего и колхозника до академика. Центральный Комитет, сказал Суслов, считает, что Еврейский антифашистский комитет, в котором представлены лучшие люди еврейского народа, должен сделать своей главной задачей в ближайшее время не только разъяснить и довести до самых широких кругов еврейского народа решение о создании Еврейской автономной Советской Социалистической Республики, но и превратиться в рабочий аппарат, призванный подготовить осуществление этого исторического решения.

Этот «политический крючок с националистической наживкой» Сталин закинул в группу евреев, законопослушную, исповедующую идею ассимиляции и преданности стране. Но к полному разочарованию, ОН получил беспрецедентный для того беспокойного времени отпор. Приглашенные в ЦК евреи сразу разобрались в коварном замысле, предложенном им как послевоенное обустройство евреев. Им сразу стало ясно, чем чревата эта страшная затея Сталина. Они увидели в ней организацию депортации, аналогичной только что прошедшим в стране.

Первым взял слово Соломон Лозовский. Он отметил, что горд тем, что его партия, в которой он, старый большевик, член Центрального Комитета, проработал всю свою сознательную жизнь, проявляет так много заботы о судьбах евреев страны, и при решении этой очень сложной проблемы намерена держать совет с единственной организацией еврейской общественности в Советском Союзе. После реверансов в сторону партийного руководства он перешел к сути этого предложения и камня на камне не оставил от представленных Сусловым планов начать депортацию евреев руками самих евреев (см. главу «Высокопоставленные советские евреи пишут письмо в газету “Правда”»). Напоминаю читателям, что при проведении высылки крымских татар, карачаевцев, калмыков, греков, балкарцев, месхетинских турок, курдов, хемшинов, казаков и че-

ченцев были привлечены партийные и административные руководители высылаемых народов, которые и отбыли с ними в депортационную ссылку. С евреями у Сталина этого не получилось.

С. Лозовский отметил, что «не только в конституции, но и в реальной действительности ни один из народов, живущих в Советской стране, ни один гражданин Советского Союза не знал никаких национальных ограничений на всей территории его родины. Какие доводы могут убедить еврейские массы в необходимости покинуть места, в которых они живут, и вместе со своими семьями переехать в создаваемую Еврейскую республику? Для чего и во имя чего они должны это делать? В ответ на советы поехать туда мы услышим: спасибо за совет и за заботу о моих благах, предоставьте мне самому решить, как мне поступить. Что остается нам, неужели мы должны сказать: ты обязан поехать, ты обязан покинуть то место, в котором ты живешь, ты здесь не можешь оставаться. Как к такому нашему заявлению отнесутся люди, привыкшие всерьез выслушивать решения верховных органов нашей страны и всерьез пытаться понять их смысл, их цель, их мотивы? Можно ли в оправдание такого решения сказать, что в отъезде еврейского населения в создаваемую Еврейскую автономную республику заинтересована страна в целом, и они, евреи, в интересах всех народов должны согласиться переехать? Нельзя придумать более бессмысленный довод. Нельзя объявлять о создании Еврейской автономной республики без того, чтобы представить себе все связанные с этим проблемы, и в первую очередь проблему населения этой автономной области. Какие другие мотивы могут возникнуть не только в сознании тех, кто должен добровольно переехать в эту автономию, но и тех, кто должен их побудить к этому, какие доводы, кроме одного: сказать каждому, уезжай добровольно, а если не уедешь добровольно, ты уедешь по принуждению, ты обязан переехать. На этом могут быть закончены все доводы. Что касается меня лично, сказал С. Лозовский, то я не считаю возможным выступить в роли такого проповедника, какого не ждет ничего, кроме презрения. Я привык со всей прямоотой говорить тогда, когда речь идет о важных проблемах, какие ставит перед нами наша эпоха. Думаю, что Центральному Комитету очень было нужно выслушать доводы, предупреждающие о возможных последствиях проведения в жизнь проектов, затрагивающих судьбы не только отдельных народов нашей страны, но и будущее нашей социалистической системы. Это трогает каждого из нас. Чего я меньше всего опасаюсь, это обвинения в том, что во всех своих доводах я исходил только из так называемых национальных интересов народа, сыном которого я продолжаю быть».

После С. Лозовского слово взял Перец Маркиш. Он так же, как и предыдущий выступавший, начал с того, что выразил огромную признательность Центральному Комитету партии за неизменную заботу и внимание, которое уделяется еврейскому народу, более всех других народов пострадавшему в войне. Кратко остановившись на задачах Еврейского антифашистского комитета в послевоенный период, П. Маркиш сказал: «Я говорю об этом не только как один из членов Еврейского антифашистского комитета. Я считаю себя еще и участником сложного процесса сохранения и развития еврейской культуры.

Культура народа теснейшим образом связана с его историческими корнями, с его традициями, с его подъемом на новые социальные высоты. Культуру нельзя оторвать от вековых привязанностей народа, и культура хорошо знает свою родину, вместе с народом она черпает в ее соках те силы, без которых не может жить народ, не может жить его культура. Культуру нельзя переместить, перевести из одного места в другое. И это потому, что и народ нельзя перевести из одного места в другое. Отдельные люди могут менять место, но они не могут менять родину. Что уж говорить о культуре, о внешнем ее проявлении, о внутреннем ее дыхании. Она не перевозима без того, чтобы ее переселить вместе с народом. Но в том-то и вся суть, что народ переселить нельзя, его нельзя оторвать от исторически сложившихся связей с родной землей, с родиной».

«Мне предстоит явиться перед народом, который, не буду излишне скромным, знает мой голос, знаком с его звучанием, привык к его тембру, перед народом, дыхание которого я научился познавать, и это я хотел бы считать своей силой. Что я должен сказать этому народу? Неужели я должен сказать ему “лейх лехо”, архаическими звуками повеления “ступай себе”? Куда, почему, с какой целью? Что иное я могу сказать, кроме того, что объявить, что так приказано. Вряд ли этого ждет он, народ, от меня, а другое я сказать не могу. Разве кто-нибудь сочтет убедительным мой довод, что и я иду вместе с ним? Ведь “ступай себе” относится ко всем, и никакого не может и не должно быть исключения. “С какой целью?” Не окажется ли, что после моего ответа на вопрос “почему?”, я услышу надрывный голос: “Если приказано “ступай себе”, и ты считаешь возможным это передать мне, можешь ли ты думать, что убедил меня, сообщив, что и ты идешь со мной, что другое я могу подумать о твоих намерениях, кроме того, чтобы заподозрить, что ты готов сделать второй шаг и по пути ударить меня ножом в спину”. Так ли не прав этот голос, прийти к народу и сказать ему “собирайся, ступай себе”, не звучит ли такой призыв криком, идущим рядом с ударом в спину народа? Ударить в спину народа я не могу».

После выступления Переца Маркиша Суслов объявил перерыв до следующего дня. Час будет сообщен по телефону. Однако назавтра приглашения в ЦК не последовало – последовали аресты. Но вовлечение евреев из Еврейского антифашистского комитета в план депортации народа под знаменами их собственных вождей в 1948 г. опять провалился. Историки и журналисты, освещающие вопрос о возможной депортации евреев, игнорируют или недооценивают «эпизод» с вызовом в ЦК к М. Сулову уважаемых и авторитетных евреев. А ведь если ему найти место в системе репрессивных мероприятий, этот эпизод приобретает необычайно важное значение, выявляющее планы Сталина при развертывании «Дела ЕАК». И тут сразу высветились «депортационные» планы Сталина 1928 и 1948 годов.

Системный подход дает возможность увидеть изучаемое явление, разрабатываемую технологию, воздвигаемое производство как систему элементов, тесно взаимодействующих друг с другом и влияющих друг на друга. Несмотря на то, что это направление в науке и практике уже бытует не одно десятилетие и полу-

чило повсеместное признание, общепринятой методологической основы для него пока не существует. До сих пор идут споры об основных понятиях и терминах. Но что важно и остается неизблемым, так это:

- необходимость проведения систематизации явлений, составляющих основу предмета исследования;

- построение схем, отображающих последовательную смену явлений, состояний или развития изучаемого процесса;

- возможность на основании анализа построенной схемы, модели, графика, карты сделать содержательные выводы.

Еще на заре становления системного подхода было особо отмечено, что разрабатываемое в каждой отдельной специальности (механике, математике, кибернетике, лингвистике, биологии, медицине и т.д.) структурное исследование конкретного явления или конкретной методики имеет свои особенности, и трудно, а иногда и невозможно их механически копировать и переносить разработанный метод из одной специальности в другую. Только профессионал в своей области знаний может грамотно оценить возможности метода, его достоверность, и избежать ошибок. Только профессионал, пользуясь средствами и методами, уже выработанными в его научной отрасли, вправе использовать тот или иной новый метод исследования. Только профессионал, работающий в узкой области, сработает безотказно и получит хорошо согласующиеся выводы, новые знания, правильное умозаключение.

Но так в жизни получилось, так непредвиденно сложились обстоятельства, так развернулись события, что волей-неволей мне, врачу, еще при Сталине, в начале пятидесятых пришлось оценивать сложившуюся ситуацию, в которую попали я и моя семья в страшные годы «позднего сталинизма». Не буду пересказывать этапы моего прозрения в оценке водоворота событий, куда вовлекло меня и мою семью то страшное и непредсказуемое время. В меру своих возможностей я описал его в первой главе настоящей книги. Однако результат этих раздумий, занимавших мои мысли многие годы, постепенно, шаг за шагом, сформировал мое мировоззрение и понимание этого периода жизни не только моей лично и моей семьи, но и общества, в котором жил, и той его прослойки, к которой относился, – к интеллигенции и к евреям. А ключом к этому пониманию явился метод систематизации. Эта методология, до сих пор, видимо, не применявшаяся в исторической науке, позволила вскрыть взаимосвязь происшедших событий, собрать воедино множество различных позиций и обосновать единое развитие процесса. Эта методика, для тех, кто рассматривает те или иные общественные явления, – верный ключ к оценке ряда событий, неразгаданных по причине отсутствия документальных подтверждений, уничтожения свидетелей и молчания исполнителей. Анализируя один период истории государства (тридцатые годы), одну личность (Сталина), одну государственную структуру (тоталитарное правление), одну партийную систему (большевизм), можно с большой точностью представить, по аналогии, как развивались события другого временного периода – конца сороковых – начала пятиде-

сятых годов, что и позволило установить наличие у Сталина планов депортации евреев.

Прошу читателя не судить меня строго за то, что я повторяю основные положения системного подхода к изучаемому явлению. Но это необходимо для построения логической цепочки, приведшей к сделанным выводам.

Как я уже указывал ранее, все политические процессы конца 30-х годов проходили по единой типовой схеме, и депортация входила как одна из составляющих в общей политике сталинского террора. Для анализа исторических событий, происшедших в конце сороковых – начале пятидесятых, мы построили как исходную типовую схему прошедших в тридцатых годах показательных процессов, основанную на обобщенных данных по процессам: «Союз марксистов-ленинцев» – 1932–1933 гг., «Антипартийная контрреволюционная группа правых» – 1933 г., «Ленинградский центр» – 1934 г., «Московская контрреволюционная организация» – 1935 г., «Ленинградская контрреволюционная зиновьевская группа» – 1935 г., «Московский центр» – 1935 г., «Антисоветский объединенный троцкистско-зиновьевский центр» – 1936 г., «Параллельный антисоветский троцкистский центр» – 1937 г., «Антисоветский правотроцкистский блок» – 1938 г., «Антисоветская троцкистская военная организация в Красной Армии» – 1938 г. (см. рис. № 7). Схематическое изображение политических процессов в этой главе является дальнейшей разработкой блок-схем, представленных в главе «Черный ящик», и изображено в более упрощенном виде.

Обратим внимание на 7-й этап, когда после открытых показательных политических судебных процессов развертывался и осуществлялся тотальный террор по всей стране и на всех социальных уровнях: от колхозника до наркома, включая родственников, друзей, близких и случайных знакомых осужденного, террора, который держал всех в страхе, а значит, и в полном и безгласном подчинении Сталину. Слагаемыми террора в этот период были дополнительные массовые аресты, разнузданная идеологическая кампания и депортации. В 1935–1938 гг., когда Сталин организовал «Большой террор», переселению подверглись и враги революции, и духовенство, и значительный слой интеллигенции, и бывшие анархисты, и бундовцы, равно как и соратники по революционной борьбе – меньшевики и эсеры.

К этому перечню нужно прибавить сотни тысяч депортированных до и после «Большого террора»: ингушей, чеченцев, немцев Поволжья, крымских татар, карачаевцев, калмыков, греков, балкарцев, месхетинских турок, курдов, хемшинов, казаков, «неблагонадежных», проживавших у западных границ СССР, сотен тысяч «кулаков», изгнанных вместе с семьями с родных мест и сосланных на вымирание в Сибирь и пустыни Казахстана. Все они – по самым скромным подсчетам, около трех с половиной миллионов человек – без суда и следствия были просто высланы. Так что опыта по депортации у Сталина и подчиненных ему карательных органов было не занимать!

После экскурса в тридцатые годы, военные и первые послевоенные годы, вернемся в пятидесятые и посмотрим, как реализовалась Сталиным политика,

направленная на упрочение собственной власти в стране после Отечественной войны. Да теми же самыми методами. Его многолетний опыт борьбы за власть, как и опыт других тиранов всех времен и народов, говорил ему, что наилучшее средство в этой борьбе – тотальный террор. Проведение политических процессов 30-х гг. показало действенность замысла Сталина и возможность его реализации. Разработав и обкатав методику репрессий, Сталин неукоснительно ей следовал, и высылка населения входила в перечень наиболее действенных мероприятий тотального террора.

Возобновляя в послевоенный период эту тактику, Сталин следует тому же сценарию, тому же режиссерскому плану, но с некоторым добавлением: он делает ставку на антисемитизм. В народе всегда тлело бытовое юдофобство, и поэтому евреи были самым удобным объектом для развертывания тотального террора. Сталин возвел антисемитизм в ранг государственной политики, поставив целый народ вне закона, чем создавал все условия для его физического уничтожения. Стержнем всего плана должен был стать открытый судебный процесс. Как писалось выше, выбор Сталина пал на Еврейский антифашистский комитет (ЕАК).

Как же реализовывались этапы подготовки к запланированному Сталиным тотальному террору, в котором жертвами депортации, в связи с антисемитским характером процесса, должны были стать евреи? Сначала все пошло по сталинскому плану (см. рис. №8), но на 4-м этапе сходство с прошедшими ранее процессами кончается. Следствие по «Делу ЕАК» затянулось больше чем на три года (с января 1949 по март 1952 гг.). Такого не было в практике проводившихся ранее Сталиным политических процессов: тогда следственные действия длились от полутора до шести месяцев. Тот факт, что следствие по делу ЕАК затянулось более чем на три года, а закрытый судебный процесс протекал с перерывом в течение двух с половиной месяцев, объяснить иначе, чем оказанным членами ЕАК сопротивлением, невозможно. Это означало, что из разработанного Сталиным сценария выпал целый акт с открытым судебным процессом, который, в свою очередь, должен был спровоцировать юдофобский националистический угар с погромами и депортацией евреев. Открытый судебный процесс над ведущими членами Еврейского антифашистского комитета, запланированный еще на 1950 год, не состоялся, и это сорвало осуществление планируемой Сталиным депортации еврейского населения как одну из составляющих террора. Позже, в 1952 г., эти неосуществленные широкомасштабные карательные мероприятия были перенесены на завершающий этап «Дела врачей-вредителей», которое активно фабриковалось в это время в недрах МГБ. Попробуем воспроизвести то, что произошло в 1952 – 1953 гг., посмотрим, как развивалось «Дело врачей-вредителей» с этой точки зрения. Уже пошел пятый год с начала осуществления сталинского плана упрочения собственной власти – насаждения тотального страха в стране. Но хозяин недоволен: карательные органы не выполнили в срок поставленную перед ними задачу. Открытый судебный процесс над деятелями ЕАК не состоялся, и их «просто» расстреляли... Надо было наверстывать упущенное время, надо искать взамен евреев ЕАК новых «козлов отпущен-

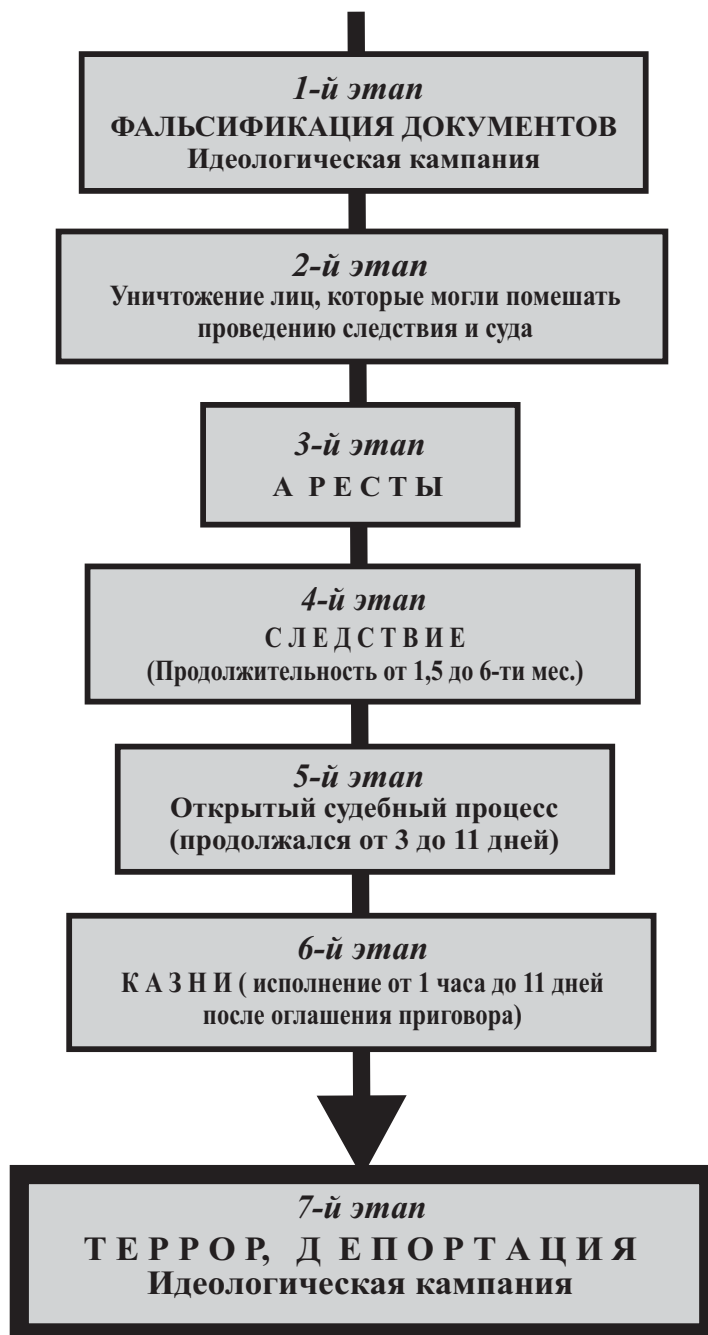

Рис. № 7. Блок-схема организованных Сталиным политических процессов тридцатых годов. Стрелка указывает, как реализовались эти политические процессы, и время, потраченное карательными органами на их реализацию

ния». Выполнить задуманные ИМ планы нужно обязательно, так как это ЕГО планы, ЕГО генеральная линия. Приходится начинать все сначала. И Сталин фабрикует новое дело – «Дело врачей-вредителей», которое развивается по той же методической схеме, что и все предыдущие дела, и должно было закончиться открытым судебным процессом с признанием обвиняемыми своей вины, их казнью и тотальным террором с погромами и депортацией еврейского населения. Однако и этот сценарий, подготовленный Сталиным, не был осуществлен.

Что же помешало? Давайте снова обратимся к системному анализу (*рис. № 9*), иллюстрирующему развертывание «Дела врачей-вредителей». Опять сначала все идет по отработанному плану. Последовавшее после арестов в ноябре 1952 г. следствие быстро набирало скорость. Все как в довоенные годы. Сталин был почти у заветной цели: «Следствие будет закончено в ближайшее время...» – сообщало ТАСС. Средства массовой информации активно нагнетают враждебность к будущим подсудимым. Оставалось немного до открытого процесса, казней, погромов и депортации. Но здесь уже вмешался случай, который и спас евреев от уничтожения.

Что же остановило карательную машину? Для меня ответ однозначен – **смерть Сталина, последовавшая 5 марта 1953 г.** в дни еврейского праздника Пурим, олицетворяющего чудесное избавление евреев от уничтожения, была причиной развала всех планируемых карательных мер. Она же сорвала намеченный и почти готовый открытый судебный процесс, следующий за ним тотальный террор и депортацию евреев.

Я очень хорошо понимаю, что история не терпит сослагательного наклонения. Что было – то было. Мы с уверенностью можем говорить лишь о том, что уже произошло. И все же – не умри Сталин вовремя, вполне возможно, что моя дискуссия о депортации с С. Мадиевским, И. Коршевером, А. Черняком, И. Кремницким и другими евреями была бы не на страницах книги в начале XXI века, а в середине XX, в то страшное для евреев время, в теплушке по дороге в никуда, или, если бы мы туда добрались, в промерзшем бараке на Колымском лесоповале... Вот там бы было время для обсуждения реальности планов Сталина о депортации евреев.

Закончу тем же, чем начал, советским евреям депортация предстояла! Окончательное решение еврейского вопроса было очень близко.

Живое свидетельство не менее достоверно, чем мертвая бумажка!

Есть такая река в греческой мифологии – Лета, воды которой уносят в забвение пережитые людьми страдания, лишая воспоминаний, опыта. «Кануть в Лету» – значит быть забытым, бесследно исчезнуть. Альтернативой ей – человеческая память и неиссякаемая вера человека в торжество правды. Когда о беде забывают, она приходит снова.

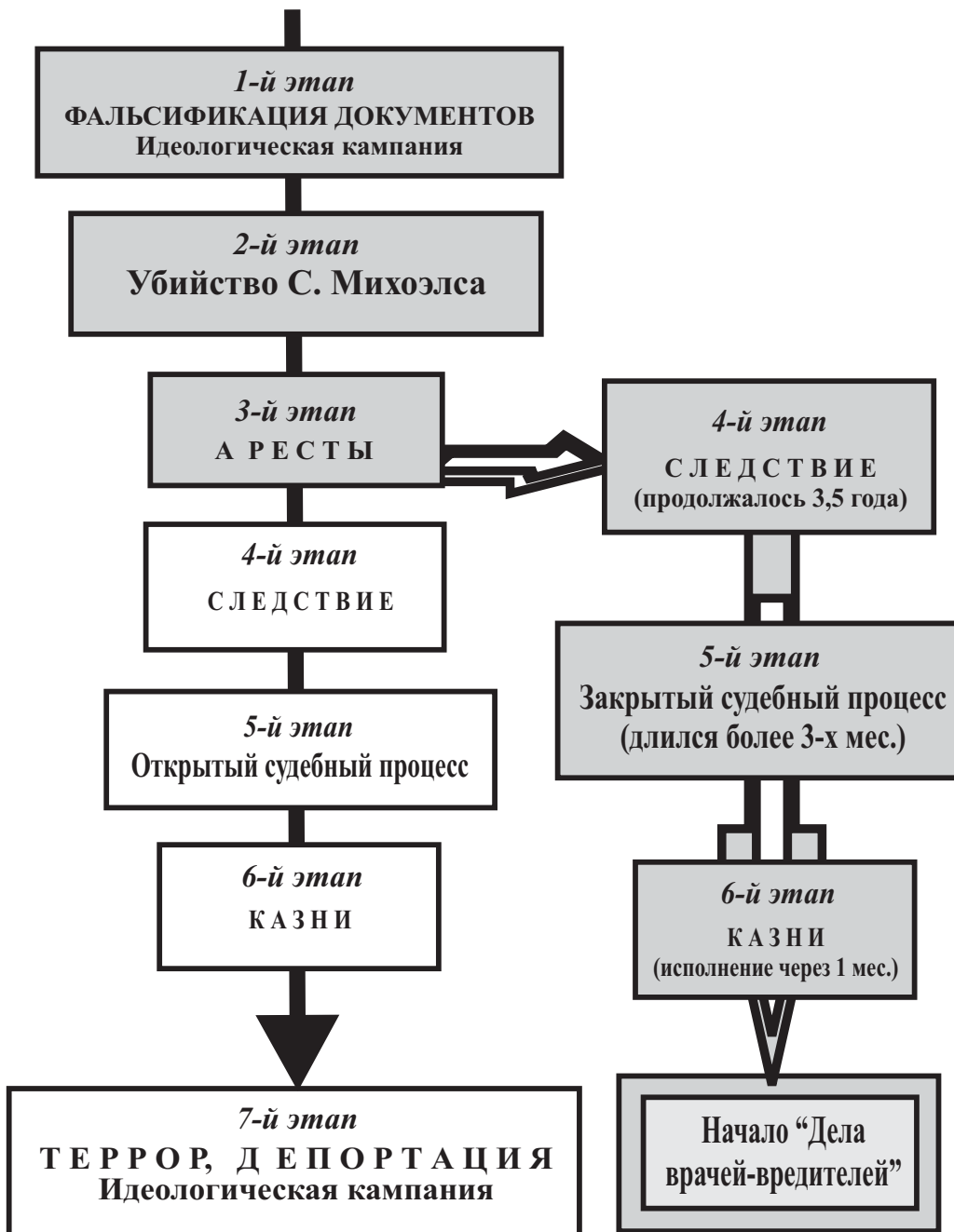

Рис. № 8. Блок-схема «Дела ЕАК». Ситуация развивалась по незапланированному Сталиным направлению: открытый показательный процесс и карательные мероприятия (на схеме отмечены белыми квадратами) были сорваны сначала подследственными, а затем подсудимыми

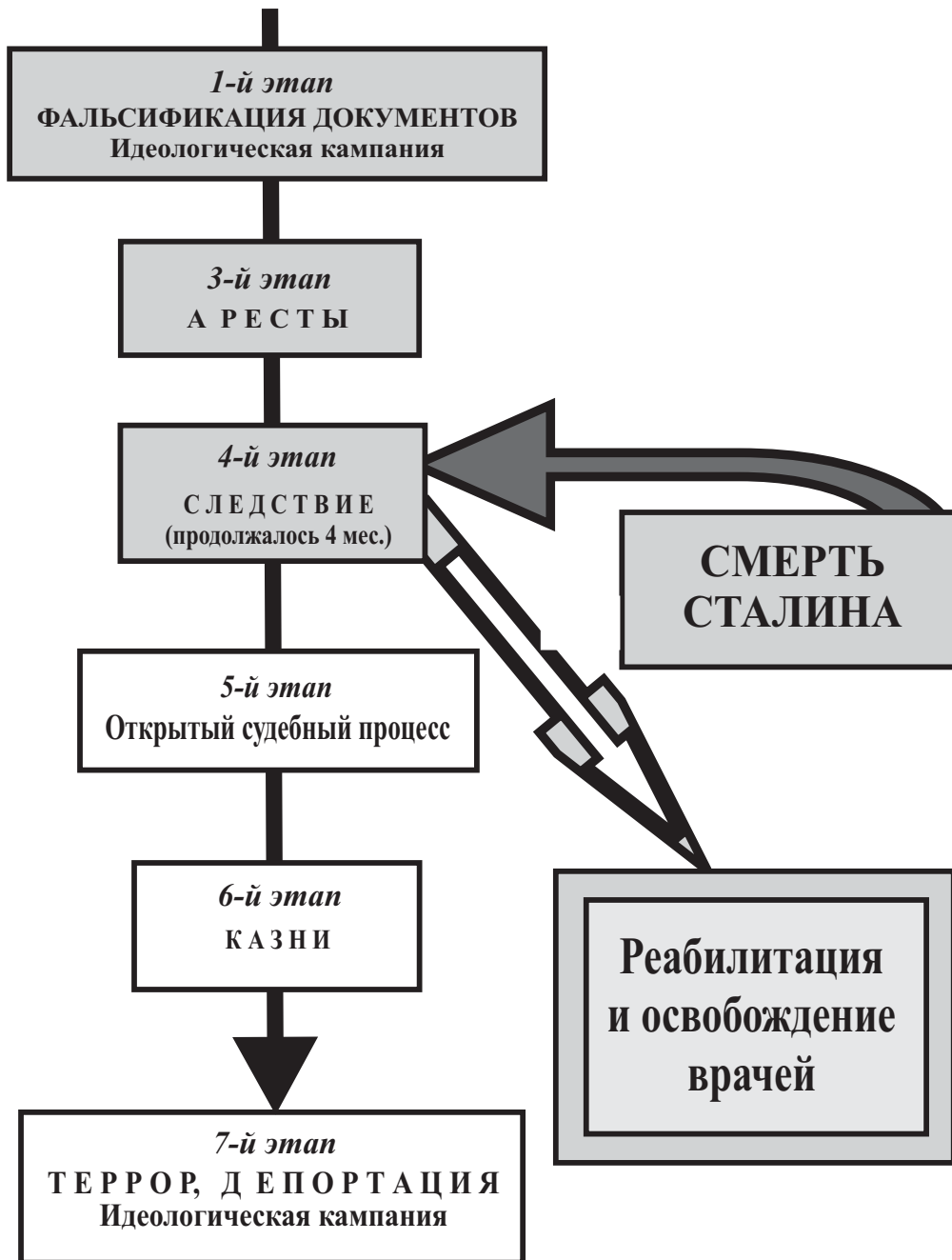

Рис. № 9. Блок-схема дела «Врачей-вредителей». Запланированные карательные мероприятия (на схеме отмечены белыми квадратами) не были осуществлены из-за смерти Сталина

В системе доказательств, говорящих о наличии у Сталина планов депортации евреев, помимо примененного мною системного анализа, значительное место занимают и свидетельства людей, бывших очевидцами тех или иных событий и прямо или опосредованно представивших ряд данных, подтверждающих точку зрения, что у Сталина было намерение осуществить депортацию евреев не только в начале 1953 г., но еще в 1950 – 1951 гг.

Свидетельства очевидцев, воспоминания людей, как бы субъективны они не были, для историка не менее важны, чем документы, а иногда они и точнее. Ниже приведены свидетельства очевидцев, представляющие практически все слои советского общества: от первых людей государства до безвестных трудяг. Свидетельствуют партийные и государственные деятели, писатели, врачи, военные разных рангов и званий, представители «органов», старики, молодые – представители всех социальных и имущественных слоев населения СССР того времени.

По поводу значимости свидетельских показаний как документа истории мне импонирует мнение известного писателя, историка, по образованию юриста Аркадия Ваксберга, высказанное им в интервью Л. Ройтману на «РАДИО СВОБОДА» 16 сентября 2003 г. (60).

Аркадий Ваксберг. – В сущности, мы имеем перед собой чисто криминалистическую задачу – выдвинуто обвинение в готовящейся депортации, по законам криминалистики требуется доказать эти обвинения. Пока что потенциальный подсудимый невиновен. И мы очень хорошо знаем с вами, тем более мы с вами коллеги, в данном случае юристы, мы очень хорошо знаем, что свидетельские показания, особенно не воспроизводящие чужие мысли и сведения, а исходящие из первых рук, являются прямым доказательством, и их значение ничуть не менее весомо, чем значение письменных доказательств. Как архивист Геннадий Васильевич Костырченко придает самое решающее значение наличию или отсутствию документа. Он в архивах не нашел никаких документов, которые бы свидетельствовали о том, что такой план был разработан и готовился. Но масса его коллег, архивистов тоже, утверждает, что ненахождение документов не означает их отсутствие.

Лев Ройтман. Аркадий Иосифович, это в чем-то является параллелью к попыткам разыскать документы с подписью Гитлера, где речь идет прямо, конкретно о физическом уничтожении евреев. Я встретил эту параллель и в вашей книге, ссылку на то, что, с этой точки зрения, коль скоро не найдено прямого документа, следовало бы полагать, что Гитлер к уничтожению евреев непричастен. Но вопрос в другом: вы оцениваете, действительно, эту проблему с точки зрения, по логике криминалиста. Геннадий Костырченко оценивает ее по логике архивиста – коль скоро нет в архиве, следовательно, и не существует подобного плана. С вашей точки зрения, однако же, каким образом могло произойти, что Сталин ни разу не сказал об этом прямо, то есть, может, и сказал, но нигде не зафиксировал ничего подобного своей подписью?

Аркадий Ваксберг. Видите ли, Сталин вообще не замечен ни в одном публичном антисемитском высказывании. Вообще, все было прямо наоборот. Ес-

ли существуют его какие-то публичные высказывания, и то, что опубликовано в собрании его сочинений незавершенном, то это только осуждение антисемитизма. Его слова расходились самым решительным образом с его политической практикой, реальной практикой. Это первое. Второе: наличие или отсутствие документов влечет за собой целую цепочку следующих размышлений. Я задаю прямой вопрос: а есть какой-нибудь письменный документ о том, что Сталин подготовил убийство Троцкого? А есть какой-нибудь документ письменный о том, что именно он распорядился казнить своих бывших противников-оппозиционеров? Есть какой-нибудь документ, где он распорядился уничтожить Михоэлса? Никакого документа нет, но ведь это никем не оспаривается из серьезных исследователей, в том числе и самим Костырченко. Это первое. Второе: существует огромное количество, как я уже сказал, свидетельских показаний первого ряда. Есть прямое высказывание члена Политбюро Микояна, опубликованное в его книге «Так было». Уж член Политбюро, наверное, знает, какие решения готовились и принимались. Костырченко отводит это свидетельство утверждением, что, по его мнению, это писал не сам Микоян, а его сын Серго Микоян. Но, вы знаете, такого рода утверждения требуется доказывать. Книга Микояна опубликована, а утверждение о том, кто писал и за кого писал, требует доказательства — это же азбука для историка. И такой перечень свидетельских показаний, кроме показаний прямых Микояна, приводится в моей книге. Там, по крайней мере, четыре члена Политбюро и два секретаря ЦК подтвердили то же самое, о чем идет речь в его и моей книге. Как же можно игнорировать эти показания?

Итак, 1950 – 1951 гг. Привожу свидетельства, подтверждающие, намерение Сталина осуществить депортацию евреев еще в эти годы. Эти свидетельства, несомненно имеющие историческую ценность, в совокупности с результатами системного анализа образуют логическую цепь, которая, думаю, убедит читателя в реальности планов готовящейся депортации. Ниже мы приводим свидетельства, которые были нами собраны при личном контакте или при изучении печатных источников.

Свидетельство первое: *(Из передачи «Радио Свобода». Цикл, посвященный 50-летию конца сталинского правления. Ведущий Владимир Тольц).*

Близкая знакомая Михоэлса Лидия Шатуновская (за это знакомство она поплатилась лагерным сроком) зафиксировала в мемуарах, что еще в 1948 г. возникли слухи, говорящие о том, что после суда над «еврейскими националистами» начнется массовая депортация евреев в Сибирь. Там, якобы, уже строятся бараки, а к Москве и другим крупным городам подгоняются товарные вагоны для перевозки евреев.

В октябре 1949 г. отслеживавший настроения советских евреев посланник Израиля в СССР Мордехай Намир сообщал из Москвы своему министру Моше Шарету: «Здесь евреи живут в страхе и неуверенности в завтрашнем дне. Многие опасаются, что скоро начнется депортация из Москвы...». Летом того же 50-го года, выступая в Тель-Авиве на совещании израильских дипломатов, Намир сослался на случаи депортации «наказанных народов» и про-

должил: «Теоретически то же самое может быть сделано и с евреями <...> Очень похоже, однако, что правительство осознает также, что технически и психологически решение этой проблемы не может быть подобным тому, как это было с турками или греками, или татарами, или чеченцами и ингушами».

В ноябре 1949 г. атташе советской миссии в Израиле Михаил Попов сообщал в московский МИД об израильских публикациях, обсуждающих возможность переселения миллиона евреев из Украины и Белоруссии в Биробиджан, о выезде евреев в Сибирь, так как необходимо «сменить климат» и так далее.

Свидетельство второе: *В статье «Последняя тайна режима» опубликовано свидетельство Иегошуа Гринфельда из Нетани:*

«После демобилизации я работал на железной дороге, на станции Моши (товарная станция г. Черновцы) в должности зав. грузовым двором.

Был конец декабря 1949 года. Каждое утро на моем столе лежала почта, которую начальник станции направлял мне для исполнения. Между всеми бумагами я нашел телеграмму, и если мне память не изменяет, за подписью зам. министра путей сообщения Гундобина. Прочитав ее, я не сразу понял, о чем речь, но несмотря на это, до сих пор помню ее содержание: «Всем, всем, всем начальникам дорог, начальникам отделений, начальникам станций, зам. начальников станций по грузовой, начальникам вагонных депо: При предъявлении заявок от органов по переселению населения представлять незамедлительно вагоны для отправки переселенцев до ст. Биробиджан». Подпись: зам. министра Министерства путей сообщения.

Я телеграмму взял домой и показал ее своему знакомому, пом. прокурора Черновицкой области, еврею, который тоже читал и перечитывал ее несколько раз, пытаясь понять, о чем речь. Только в 1953 году мы поняли смысл этой телеграммы». [*«Окна» (Прилож. к газете «Вести», Т.-А). 1996. 1 – 7 февр.*]

Свидетельство третье: [*Израиль, осень 1999 г., встреча с семьей Порудоминских – Владимиром, Надеждой и двоюродной сестрой Владимира – Мирой (урожденной Шур)*].

За праздничным столом, в дни праздника Суккот идет разговор о выпущенной ими книге («Die Juden von Wilna»), составленной на основании найденных после войны записей убитого гестаповцами и их литовскими пособниками отца Миры, Григория Шура, о судьбе Вильнюсского гетто, полностью уничтоженного гитлеровцами в 1944 г., о жизни в Вильнюсском гетто под игом эсэсовцев, об их соседу Денисии Неверкевиче – поляке по национальности, спасшем Миру, тогда 12-летнюю девочку, о соседях по квартире, дому, улице, уничтоженных в горниле гитлеровского геноцида.

В суккотные «посиделки», как это неизбежно происходит с «русскими» иммигрантами, воспоминания перекидываются на сталинские времена, на беспокойные дни пятидесятых годов, когда студент Московского полиграфического института Володя Порудоминский ухаживал за сокурсницей – обаятельной Надей Колосовой, и дело шло к женитьбе. Надежду, активную комсомолку с безукоризненной анкетой (русская, из трудовой семьи, отличница в школе и

институте), направляют в парторганизацию института, и с мая 1950 г. она выполняет там техническую работу. Секретарь парторганизации, получивший от студентов кличку «Мотя», для свидетельства прямой связи с «органами» щеголявший в гимнастерке и в галифе с сапогами, из самых хороших побуждений по отношению к очаровательной, исполнительницей своей помощнице пытается ее отговорить от столь предосудительного, ничего хорошего не сулящего поступка – замужества со студентом Володи Порудоминским. И самым веским его аргументом было предупреждение, что их, евреев, скоро (1950 год !!! – Ф.Л.) вышлют из Москвы в места «не столь отдаленные». На что Надя сообщает своему осведомленному патрону: «Ну что ж, вышлют, поеду с ним».

Зима того же года. Закончив институт, проездом через Вильнюс, Володя Порудоминский – тогда солдат, проходивший срочную службу в танковых войсках, – выкроил время, чтобы забежать к своей сестре Мире, чудом спасшейся из разгромленного гетто и вернувшейся после войны на родное пепелище. Володю смутило наличие упакованных тюков, аккуратно стоявших в прихожей. На вопрос – куда собирается ехать только что обретшая покой и относительную стабильность ее семья (муж Яков, дочь Ольга), Мира сообщает об ожидаемом выселении всех евреев, о котором она узнала от заведующей поликлиники, где работала, и подтвержденное ее соседкой, литовкой по национальности. Чтобы акция не застала их врасплох, учитывая горький опыт массовых гитлеровских депортаций, они и собрались заранее в дальнюю дорогу.

Для меня свидетельства В. Порудоминского – уважаемого литератора, честнейшего человека, его жены и сестры, которых я знаю уже много лет, имеют весомое значение для доказательства существования планов депортации евреев. Планов, которые Сталин собирался осуществить еще в 1950-м, в крайнем случае, в 1951 г. Живое свидетельство никогда не теряет своего значения в анализе и оценке исторических фактов.

Напомним читателю и заодно тем, кто не нашел, роюсь в архивах, документальных доказательств планируемой депортации евреев, – это был 1950 г. Теперь-то мы знаем, что в это время уже год в следственных камерах Лубянки и Лефортова «варилось» дело и готовился открытый суд над деятелями Еврейского антифашистского комитета, и надо было готовиться к его заключительной фазе – казни, погромам и депортации. Г. Костырченко в своей последней книге – «Тайная политика Сталина» (140) – упоминает о том, что уже в 1949 г. Л.А. Шатуновская и Е.И. Долицкий после трагического убийства С.М. Михоэлса и ликвидации ЕАК были арестованы и в ходе следствия уловили угрозу «важнейшей насильственной политической антиеврейской акции» в виде массовой депортации советских евреев в биробиджанскую тайгу. Это предположение было результатом той атмосферы, которую они встретили в ходе следствия. Однако Г. Костырченко посчитал эти предположения наивными, не подкрепленными фактами, и даже сейчас не придает им значения.

Теперь перейдем к тому, что произошло в начале 1953 г., когда подходил к концу следственный процесс над «врачами-вредителями» и из МГБ «наверх», т.е. лично Сталину, шли сводки, по которым уже вполне реально можно было

реализовать зловещую сталинскую триаду: показательный судебный процесс, погромы и депортацию. Проведенный нами системный анализ в сочетании с имеющимися документами позволяет с большой достоверностью сделать логический вывод о смертельной опасности, нависшей над евреями. Этот наш вывод подкрепляют свидетельства, которые уже были опубликованы в СМИ, будущих исполнителей планируемой депортации – Н.А. Булганина, тогда занимавшего пост министра обороны и получившего указания лично от Сталина, и Н.Н. Полякова – секретаря комиссии по депортации.

Свидетельство четвертое: *Вот что зафиксировал профессиональный историк, проф. Я.Я. Эттингер:*

«В 1970 году бывший член Политбюро ЦК КПСС и Председатель Совета Министров СССР Николай Александрович Булганин рассказал мне, что за несколько дней до публикации сообщения ТАСС об «аресте группы врачей-вредителей» его текст обсуждало бюро Президиума ЦК КПСС (так назывался тогда высший партийный орган). По словам Булганина, процесс над врачами намечался на середину марта 1953 г. и должен был завершиться вынесением смертных приговоров. «Профессоров-убийц» предполагалось публично повесить на центральных площадях в Москве, Ленинграде, Киеве, Минске, Свердловске, в других крупнейших городах страны.

Булганин рассказал мне и о намечавшейся после процесса над врачами массовой депортации евреев в Сибирь и на Дальний Восток. В феврале 1953 г. Сталин приказал подогнать к Москве и нескольким другим крупнейшим городам несколько сот эшелонов для выселения евреев. В ходе этой акции планировалось организовать крушение составов и «стихийное» нападение на них «возмущенных масс», чтобы с частью депортируемых расправиться в пути. По словам Булганина, идейными вдохновителями и организаторами «Дела врачей», а также намечавшихся антиеврейских акций, были Сталин, Маленков и Суслов.

Немало интересного о плане депортации евреев рассказал Николай Николаевич Поляков, бывший сотрудник аппарата ЦК ВКП(б), а до этого работник органов государственной безопасности. По его словам, для руководства операцией по выселению евреев была создана специальная комиссия, подчиняющаяся непосредственно Сталину. Председателем комиссии Сталин назначил секретаря ЦК КПСС Суслова, секретарем стал Поляков. Для размещения депортированных в отдаленных районах страны спешно строились барачные комплексы наподобие концлагерей, а их территории попадали в ранг «закрытых зон» (330).

Свидетельство пятое: *С. Гольдберг из Днепропетровска сообщила:*

«В 52-м или 53-м году я пришла к бабушке Александре Анисимовне Вакман и застала ее расстроенной, испуганной. Она сказала, что в их доме по ул. Исполкомовской, 31, города Днепропетровска переписывали все еврейские семьи. <...> Бабушка, помнившая еврейские погромы, говорила, что эти списки не к добру. Мне тогда было 14 лет. Я хорошо помню, как после смерти Сталина родные радовались, что теперь нас не вышлют». (Журн. «Лехаим». 2001. № 4)

А. Командор в письме из Днепропетровска написал, что его отец имел доступ к секретной документации, связанной с планом депортации. (*«Лехаим»*. 2001. № 7)

Свидетельство шестое: *Михаил Израилевич Симхович, журналист (псевдоним – Михаил Зорин), в 1952 г. был корреспондентом «Литературной газеты» по Прибалтике, в статье «Депортация готовилась...», пишет:*

«В декабре 1952 г. я встретился со своим другом Карлом Мартыновичем Граудиным – членом ЦК компартии Латвии, начальником политотдела Прибалтийской железной дороги, в то время корреспондентом “Правды” по Латвии, который мне поведал о готовящейся депортации всех евреев на Дальний Восток. Был создан штаб во главе с Сусловым, который и готовил эту операцию. Эту информацию К. Граудин получил от Бориса Полевого, работавшего в «Правде» и близкого к высшим партийным кругам. <...> В конце февраля К. М. Граудин принимал участие в совещании руководителей железных дорог страны и начальников политотделов дорог. Руководил совещанием М.А. Суслов. Присутствовал Маленков, но не выступал: сидел угрюмый и молчаливый. Суслов сказал, что в ближайшее время в стране будет проведена серьезная акция, к которой нужно готовиться руководителям железных дорог в отдаленных районах страны. Речь шла о Сибири, Казахстане, Оренбурге, Забайкалье. Слово «евреи» не произносилось. Суслов сказал, что за акцией, ее подготовкой и проведением внимательно следит товарищ Сталин. <...> После совещания друг К. Граудина, из партийных кругов Сибири, сказал ему, что “речь идет о депортации евреев в наши сибирские края”. Начальник политотдела Московской окружной дороги рассказал Граудину, что провели дезинфекцию в товарных вагонах огромного эшелона, в которых везли на Восток пленных немцев. Теперь эти эшелоны будут двигаться на Восток без остановок, за редким исключением для поездной прислуги, – сказал начальник политотдела. <...> Пробыть в вагоне пять-десять минут опасно для здоровья: кружится голова, болят и слезятся глаза, душит кашель, начинается рвота. И в этих вагонах собирались везти евреев. <...> 31 марта 1953 г. М. Симхович, будучи в Москве, навестил семью Михаила Матусовского. Известный поэт, участник войны, получивший тяжелое ранение, показав на валенки, тулупы, теплые вещи, мешки для постели, сказал гостю: “Смотри, мы готовились к “печальному” отъезду”». (*«Лехаим»*. 2001. № 8).

Свидетельство седьмое: *Цви Раз в статье «Несостоявшаяся акция Сталина» в подтверждение достоверности планируемой крупномасштабной акции приводит свидетельство Героя Советского Союза Григория Ушполуса:*

«В то время мне и в голову не могло придти, что готовится депортация всех евреев страны. <...> В ЦК КП Литвы мне было поручено поехать на товарную станцию проверить, в каком состоянии находятся эшелоны для отправки людей. Он ознакомился на месте с пустыми вагонами. Они были далеки от готовности. Шедший со мной начальник товарной станции заявил, что, мол, “жиды” смогут и в таких вагонах отправиться на вечный покой... Мне стало ясно, что он считал меня литовцем. Поэтому был так откровенен». (*«Еврейский камертон»*. 21 февр.)

Свидетельство восьмое: *Татьяна Михайловна Оксман, доктор медицинских наук, профессор, специалист по экспериментальной медицине свидетельствует:*

«К концу зимней сессии 1953 г., примерно в середине или в конце февраля, мой папа, Оксман Михаил Семенович, приходил домой с работы чернее тучи, замыкался в себе, ни с кем не общался. Он работал начальником отдела в управлении Мостстроя Министерства транспортного строительства. После того, как мы с мамой к нему пристали, попросив рассказать, что случилось, папа, взяв с нас слово, что будем молчать, сказал: “Мы получили предписание готовить железнодорожные вагоны для того, чтобы вывозить евреев в Биробиджан. Нам поручалось, как отделу, отвечающему за техническое обеспечение, ставить внутри товарных вагонов печки с выводом дымовой трубы в окошко”. Нет нужды говорить, что постоянное нервное напряжение, царившее в доме, спало только со смертью Сталина»*.

Свидетельство девятое: *Бенедикт Сарнов – писатель, публицист. Привожу отрывок из статьи «А нам, евреям, повезло».*

«В описываемое время (1952 – 1953 гг.) моя жена работала на радио. Точнее в КРВ, Комитете радиовещания. Уже несколько раз Зина, их редакторская секретарша, ни с того ни с сего вдруг подходила к ней и гладила ее вечно растрепанные волосы:

- Бедная вы наша. Нехитрая вы очень. Вам бы сейчас развестись! Ну, были бы вы нехорошая... Замуж вас возьмут, не бойтесь!
- Зиночка, вы что? Почему это меня должны брать замуж при живом муже?
- Будто не понимаете? У нас в войну двух девушек выслали... А они только путались с немцами, не регистрировались даже!
- Бог с вами, Зина! При чем тут немцы? И при чем тут я?
- Не знаете, что ли? Всех евреев выслают будут. И вас с вашим, конечно, тоже прихватят.

Вот эту Зину я (Сарнов) и беру в свидетели. И ее свидетельство для меня гораздо весомее любых документов – как найденных, так и тех, которые, возможно, еще найдутся. (Или так никогда и не отыщутся.)

Вы спросите: почему? Почему какой-то глупой и невежественной Зине, не умеющей понять разницу между девушками, которые путались с немцами, и моей женой, я верю, а историку, прочитавшему тьму книг и изучившему тонны архивных документов, – не верю?

Один – главный – ответ вы уже знаете: потому что эта Зина была моей современницей. Она (как и я) жила в то время, дышала тем воздухом, кожей чувствовала, что происходит вокруг и куда все это движется».

[Интернет-журнал «Заметки по еврейской истории». № 23; перепечатка из журнала «Лехаим». 2002. № 11].

* Здесь и далее отсутствие источников означает то, что эти свидетельства получены автором книги непосредственно от очевидцев.

Свидетельство десятое: Свидетельствует в журнале «Новый век» (64) журналист Хаим Венгер, который в начале 70-х годов работал совместно с контр-адмиралом военно-морского флота СССР Александром Яковлевичем Юровским и дружил с ним в течение шестнадцати лет. В предлагаемом читателю свидетельстве Х. Венгер пишет:

«Для того, чтобы его свидетельство прозвучало наиболее убедительно, я должен рассказать об этом неординарном человеке. Но невозможно, рассказывая об Александре Яковлевиче, хотя бы бегло не поведать об его отце – Якове Михайловиче Юровском, который, как известно, привел в исполнение решение Уральского Совета о ликвидации семьи Романовых, базирующееся, что менее известно, на директиве Ленина, Свердлова и Дзержинского. <...> После падения Екатеринбурга Юровский ушел в подполье. <...> А когда большевики отбили город, Юровский становится председателем Губчека. Затем командует одним из двух “золотых эшелонов”, которые везли с Урала в Москву слитки золота. После выполнения этого ответственного, полного опасностей задания, Ленин, по рекомендации Дзержинского, назначает Юровского комендантом ГОХРАНа – Государственного хранилища ценностей <...>, а затем – на мало к чему обязывающую должность директора Политехнического музея в Москве.

На этом посту застал Юровского 37-й год. Топор обошел его стороной. А его дочь Римма и ее муж, видные партийные работники, попали в сталинскую мясорубку: их приговорили к двадцати годам лагерей. <...> Убитый горем Юровский умер от прободения язвы желудка.

Вот теперь пора рассказать об Александре Яковлевиче Юровском. Благодаря отсутствию логики в сталинском произволе Александр Яковлевич в 1937 году не пострадал, хотя был капитаном первого ранга и командовал военным кораблем. Более того, он взял на воспитание двоих сыновей репрессированной сестры. И этот шаг никак не отразился на его военной карьере. Через несколько лет Юровскому присвоили звание контр-адмирала и назначили заместителем начальника артиллерийского управления военно-морского флота СССР. На этом посту он встретил Отечественную войну. Юровский руководил работами по установке пушек крупного калибра на кораблях Балтийского флота, защищавших Ленинград с моря. По долгу службы он неоднократно присутствовал на заседаниях Ставки Верховного Главнокомандующего. После победы над фашистской Германией Юровский присутствовал на недоброй памяти праздничном банкете в Кремле. Тост, провозглашенный Сталиным “за великий русский народ”, как известно, послужил сигналом, последовавшему затем разгону антисемитской вакханалии. <...> В начале 1952 года, брошенный на растерзание “тройке”, он (А.Я. Юровский – Ф.Л) держался мужественно. На вопрос, почему у него в управлении так много лиц “некоренной” национальности, ответил, что ему незнаком такой принцип подбора кадров. И все же Юровскому повезло: его не расстреляли, а “всего лишь” посадили в тюрьму. В 1953 году, вскоре после смерти Сталина, Юровского освободили, вернули все ордена. Выйдя в отставку, он переехал в Ленинград и стал работать в институте, где через несколько лет довелось трудиться и мне.

Несмотря на все пережитое им и его семьей, он оставался, как тогда говорили, истинным ленинцем, беспредельно преданным делу партии. Он свято верил официальной пропаганде, каждому печатному слову. Когда, после разоблачений Хрущева, пресса клеймила культ личности Сталина, да и самого “вождя народов”, Александр Яковлевич рассказал мне о намерении вождя “окончательно решить еврейский вопрос”, выселив наш народ туда, где его ждали мучения, болезни, гибель. Рассказал о том, что на запасных путях уже стояли готовые к отправке эшелоны. Свидетельство такого человека, как Юровский, безусловно, заслуживает доверия и потому, что он обладал мало кому доступной информацией, и потому, что никогда не сказал бы то, в чем был не уверен, тем более, если это могло повредить престижу его “родной коммунистической партии”.

Второе свидетельство исходило от нашей соседки по коммунальной квартире. Пробившись в партбюро крупного завода, она неузнаваемо изменилась. Как-то, в разгар “Дела врачей”, соседка по-хозяйски, без стука, вошла к нам и стала внимательно разглядывать потолок, осматривать стены и оконные рамы.

– Чего это ты, Катя? – удивилась моя бабушка. – Ну, как же, Анна Ефимовна, – спокойно ответила ей Катя, – разве Вы не знаете? Скоро всех евреев выселят из Ленинграда, и я буду просить, чтобы мне отдали ваши две комнаты. Вот я и смотрю: надо будет в них делать ремонт или нет?

– Знаешь, Катя, – сказала ей сдержанная и очень доброжелательная старушка, – ты до этого не доживешь...

И оказалась права».

Свидетельство одиннадцатое: *Рассказ известного актера и режиссера, народного артиста России, президента Союза театральных деятелей РФ Александра Калягина:*

«Когда в 1953 году в Москве стали составляться списки всех евреев для высылки из столицы, управдом показал их моей матери, заведующей кафедрой в одном институте...» («Алеф». 2000. № 2).

Свидетельство двенадцатое: *В. Бейлинсон рассказал о своих встречах с директором одной из московских школ Любовью Георгиевной Богдасаровой, человеком железной воли и огромной внутренней энергии.*

«Л.Г. Богдасарову регулярно навещала Е.А. Фурцева, которая в то время была вторым человеком в Московской партийной иерархии. В сентябре 52-го Е. Фурцева сообщила Богдасаровой, что есть сверху указание тайно составлять списки евреев. Отделам кадров приказано – составить на работающих, а домоуправлениям, жилищно-коммунальным службам – на остальных. Указание устное, а потому выглядит особенно грозным. Евреев собираются высылать.

Я безоговорочно принял это сообщение как достоверное. Я знал: прежде чем выдать такую информацию, Любовь Георгиевна использовала все свои возможности, чтобы перепроверить сведения от Фурцевой. Как ни тяжело мне было, я на последующих встречах с Любовью Георгиевной эту тему не поднимал. Но она сама это делала. Так, сообщила, что по ее сведениям, в Москве в

одних районах списки на евреев уже составляют, а в других даже на уровне секретарей райкомов ничего не знают» (*Журн. «Новый век». 2003. № 1*).

Свидетельство тринадцатое: *Целая подборка свидетельств о намечавшейся Сталиным депортации евреев из промышленных центров СССР почерпнута мною из книги Аркадия Ваксберга «Из ада в рай и обратно».*

Вот их краткое изложение:

А. Уточнено свидетельство Николая Булганина о том, что вслед за казнью «врачей-вредителей» начнется депортация евреев на Дальний Восток «для искупления их вины, на тяжелых работах». Он, Булганин, лично получил указание Сталина подготовить 800 железнодорожных составов и организовать крушения эшелонов, нападение на поезда разгневанных граждан и всячески поощрять проявление ими своих «естественных чувств».

Б. Приводится свидетельство Пантелеймона Пономаренко – в то время заместителя председателя Совета Министров СССР и секретаря ЦК КПСС, хорошо знавшего всю закулисную подготовку не из вторых рук. Он сообщил Эренбургу о том, что Сталин на заседании Президиума ЦК поделился своим планом депортации евреев и расправе над ними и был поддержан только Берией.

В. Представлены записи Ф. Чуева «Сто сорок бесед с Молотовым» (313), из которых явствует, что Молотов не опроверг самый факт существования проекта депортации евреев («этого дела»), даже его подтвердил, но приписал авторство Берии, отводя от Сталина вину за чудовищное преступление, которое тот задумал. Но отметил, что без Сталина этот замысел нельзя было бы не только осуществить, но и огласить даже в самом узком кругу.

Г. Еще одно свидетельство содержится в мемуарах Никиты Хрущева, где он подтверждает, что «ставился вопрос вообще о еврейской нации и ее месте в нашем социалистическом государстве», а его коллега по политбюро – Анастас Микоян – высказался еще определеннее, без всяких иносказаний: «За месяц или полтора до смерти Сталина начало готовиться “добровольно-принудительное” выселение евреев из Москвы. Только смерть Сталина помешала исполнению этого дела». «Таким образом, – отмечает А. Ваксберг, – четверо самых приближенных к Сталину на последнем витке его жизни – три члена политбюро и один секретарь ЦК – подтверждают, притом фактически в одинаковых выражениях, подлинность замысла, переводя его из области слухов в несомненную реальность»

Д. Немаловажно свидетельство телохранителя Сталина, майора госбезопасности Алексея Рыбина. Он дожил до перестройки, когда у него развязался язык, однако оставался беспредельно верным памяти и делам своего кумира. Он признался, что присутствовал на двух секретных оперативных совещаниях, где отрабатывались детали операции по планированию депортации евреев. Он вспоминает, что был отправлен в паспортный отдел московской милиции, чтобы лично удостовериться в точности и полноте списка врачей «неарийского» происхождения с указанием их домашних адресов. Зачем же составлялись

столь странные списки, спрашивает А. Ваксберг. Ясно, что эти адреса должны были быть переданы погромщикам – кому бы еще они могли пригодиться? Заподозрить Рыбина – верного сталинского лакея, фанатично преданного ему до своего последнего вздоха, – в поклепе на вождя и вообще на кого бы то ни было из деятелей советской власти просто немислимо, пишет А. Ваксберг. Рыбин оставил такое свидетельство в убеждении, что оно не компрометирует Сталина, а возвышает: ведь что бы вождь ни делал, он был всегда прав!

Е. Приводится сообщение журналиста З. Шейниса, длительное время собиравшего свидетельства о депортации, которое он получил от тогдашней начальницы пенсионного управления Министерства социального обеспечения РСФСР Ольги Голобородько. В служебных целях она поинтересовалась в Совете Министров, придется ли и как выплачивать пенсию депортированным евреям, и ответа не получила, поскольку чиновники Совмина, что вполне очевидно, никаких инструкций на этот счет не имели.

Ж. Далее сообщу о личных свидетельствах А. Ваксберга. Особое внимание обращаю на его юридическое образование. О депортации он слышал непосредственно от Бориса Манушовича Афанасьева (его подлинная, не русифицированная фамилия была Атанасов). Этот старый болгарский революционер, ставший советским шпионом-убийцей (он был причастен к ликвидации в Лозанне перебежчика Игнатия Рейсса и к другим «мокрым» делам Лубянки), работал под конец жизни заместителем главного редактора журнала «Советская литература» (на иностранных языках). Афанасьев поведал о том, что на депортацию всех московских евреев Сталин отвел максимум три дня. Для тех, кто не успеет за это время погрузиться в вагоны, чекисты должны были найти «какой-то выход на месте». Нетрудно представить себе, что это был бы за «выход».

О том же в присутствии А. Ваксберга рассказывал Лев Шейнин, имевший тесные связи с крупными чинами госбезопасности и прокуратуры, причастными к проведению операции. Они тоже подтвердили, что по отделениям милиции были разосланы телефонограммы о составлении списков – причем не только врачей, а вообще всех лиц «определенной» национальности. Шейнин рассказывал это на скромном застолье в доме их общего приятеля, полковника юстиции, профессора Аркадия Полторака, вместе с которым он работал в советской части обвинения на Нюрнбергском процессе. Полторак тоже многое знал, и за столом сидели еще какие-то осведомленные люди, в том числе один крупный аппаратчик из международного отдела ЦК (В. Шапошников). Дело происходило в конце шестидесятых или в начале семидесятых годов, и все события пятьдесят третьего были еще очень свежи в памяти. Все присутствующие, в том числе и Полторак, подтвердили не только составление списков, постройку барачных и готовность товарных эшелонов отправиться в путь, но и дополнили свидетельство Шейнина такой деталью: на домашние сборы каждому давалось не более двух часов, с собой можно было взять только один чемодан или узел, а всех, кто не выдержит трудности пути – без еды, без тепла, – предписывалось сбрасывать на ходу, когда поезд будет идти вдоль безлюдных полей или лесов, на тридцатиградусный сибирский мороз.

Поэт Семен Липкин в беседе с А. Ваксбергом перед кинокамерой (Переделкино, 20 августа 2002 г.) рассказал, что в конце пятидесятих годов лично видел в отдаленных и пустынных районах северного Казахстана (он был приглашен для поездки по республике как переводчик казахской поэзии) непригодные даже для скота пустые деревянные постройки, которые, как объяснил ему секретарь местного райкома партии, предназначались для евреев, подлежащих депортации из европейской части Советского Союза в 1953 г.

В архиве А. Ваксберга хранится письмо из Тбилиси, полученное, судя по почтовому штемпелю, в феврале 1953 г. (точная дата штемпеля смазана). Его автор – тогда еще 19-летняя приятельница А. Ваксберга Джильда Коркиа. Отец Джильды – известный в Грузии писатель Родион Коркиа – входил в элитарный круг тбилисской интеллигенции, где чуть ли не все были тесно связаны дружескими, если не родственными, узами с партийным руководством. Джильда услышала от отца, а он узнал от своего друга, возглавлявшего в ЦК Грузии сектор, курировавший госбезопасность, о готовящейся депортации российских евреев. Вот фрагмент из этого письма: «Не надо ждать до последней минуты и надеяться на какое-то чудо. Спасется тот, кто опередит события. Если бы я не знала в точности, что всех вас (так и написано! – А. В.) ожидает, не стала бы поднимать панику. Хотела послать телеграмму, но – опасно, да ты ничего бы и не понял. Если ты и сейчас не понимаешь, то уж мама-то твоя не может не понимать. Потом будет поздно – мне хочется это кричать прямо в твои уши».

Впоследствии оказалось, что этот «секрет» был вообще известен всему городу. Скончавшийся весной 2002 г. в США грузинский писатель, философ, футуролог и социолог Нодар Джин мальчиком жил в еврейском квартале Тбилиси – Петхаин. Он рассказал, что в начале 1953 года всем еврейским семьям было приказано приготовиться к «эвакуации» в Казахстан.

«Тогда же, в феврале пятьдесят третьего, – вспоминает А. Ваксберг, – мы получили и еще один сигнал. Клиентом моей матери была полковник в отставке Наталья Владимировна Звонарева (мать защищала в суде ее сына-подростка, оказавшегося в группе сверстников-воришек). До ухода на пенсию она работала в штабе военной разведки, где занимала весьма высокий пост: ее имя можно встретить в воспоминаниях многих бывших сотрудников ГРУ. С матерью у нее установились не только формальные отношения. Помню, как она без предварительного звонка примчалась к нам домой, и две женщины долго разговаривали наедине в маминой комнате. Потом мать рассказала мне, что Наталья Владимировна умоляла “не ждать ни одной минуты и уехать куда-нибудь подальше”, где можно положиться на русских друзей и “переждать”. На то, что ждать придется недолго, она всего лишь надеялась, а то, что выселение неизбежно, “притом с кошмарными последствиями”, знала наверняка – от своих коллег, с которыми сохранила дружеские, доверительные отношения. У полковника Звонаревой не было не только ни капли еврейской крови, но и тесных еврейских контактов, – об этом ее ведомство знало достоверно. Оттого, наверно, от нее не таились. Наталья Владимировна Звонарева в силу своих профессиональных и личных качеств хорошо отличала надежную информацию от слухов, и ошибиться не могла. Ее сообщение абсолютно достоверно» (53).

Свидетельство четырнадцатое: Доктор Яков Крол в 1947 г. после окончания Ленинградской Военно-морской медицинской академии был направлен для продолжения службы на Тихоокеанский флот. Далее привожу фрагмент текста его статьи в «Окнах» (151):

«Через пару недель от начала “Дела врачей” я ехал в поезде “Владивосток – Москва” за семьей в Ленинград. И вновь появились станции Смидовичи, Биробиджан, Вира. В моей памяти почему-то возникли кадры кинофильма “Искатели счастья” с расстрелянным великим артистом Зускиным. И вдруг моим очам предстала удивительная картина – за станционными зданиями и складами высились горы покрытых брезентом тюков. Это было огромное количество больших армейских палаток, мобилизованных у частей для размещения каких-то огромных людских контингентов. Стоявший рядом со мной армейский офицер с украинским говором сказал мне с гордостью:

– Це для жидив, их скоро выхлюпнут из городов и сел и поселят в этой жидивской области в этих палатках, пока не построят лагеря...

Я никому не мог рассказать об увиденном долгие месяцы. Не верилось...»

Свидетельство пятнадцатое: Марк Перельман (1932 г. рожд.) По образованию физик, профессор Института физики им. Дж. Рака Еврейского университета в Иерусалиме. Привожу фрагменты из статьи «Вспоминая 1953 год (О подготовке сталинской депортации в Тбилиси)»:

«До сих пор продолжается обсуждение проблемы: а готовилась ли действительно Сталиным в 1953 г. депортация евреев? Поскольку я убежден в том, что она была полностью подготовлена и должна была со дня на день начаться – во всяком случае у нас, в Грузии – позволю себе поделиться некоторыми, правда, косвенными свидетельствами и воспоминаниями. <...> Собственно о том, что антисемитские акции неизбежны, сомнений к последним годам жизни корифея ни у кого, более или менее трезвомыслящего, не могло быть. <...> Вопрос состоял в том лишь, когда начнется эта кампания и сколь интенсивной она будет. Не хочу утверждать, что был пронизательней многих других, такое настроение и такие ожидания были практически у всех в интеллигентских кругах, да и не только у евреев! Смешно слышать, что доклад Хрущева на XX съезде “открыл глаза” на сущность сталинизма: надо было быть очень наивным и обладать очень короткой памятью, чтобы воспринимать этот доклад как некое откровение – все всем было и должно было быть в общих чертах известно! <...> Из Тбилиси массово высылали, поочередно, немцев, людей, учившихся за границей, частично остатки дворянства, чеченцев, месхетинцев, понтийских греков, бывших персидско- и турецкоподданных, так что все эти акции стали привычными и для всех, кроме высылаемых, какими-то обыденными. Слухи всегда за пару дней до акции просачивались в город и кое-кто успевал принять меры: знаю людей, успевших переписаться из немцев в кого-то из прибалтов летом 41 г., или успевших оформить развод, чтобы не были, скажем, высланы жена и дети, а то и попросту срочно уезжавших куда-то подальше в деревню – авось забудут, или даже откупившихся – к властям и их постановлениям в Грузии никогда не относились слишком серьезно. <...>

1953 год. 14 января я рано пришел в университет на последний в ту сессию экзамен. У входа сидел на парапете Виктор Гурвич (ныне живет в Бат-Яме), самый старший из нас, прошедший войну на Северном флоте. “Иди домой, собирай шмотки, – уныло сказал он. – Врачей посадили, хорошо если нас только выгонят или вышлют!”. <...> Сосед мой был к тому времени старшим, кажется, лейтенантом ГБ, и он, как-то между делом, зная, что не буду расспрашивать, посоветовал купить одежду потеплее: “А вдруг пригодится”. Намек был вполне прозрачным.

А по городу говорили, что несколько составов уже стоят на обычном месте (их, это было известно по прошлым разам, всегда ставили на окраине, на станции Навтлуги). Говорили, что операция будет частичной, что выселять будут только русских евреев как некоренных жителей, так что не стоит, мол, всем волноваться... Несколько человек посадили, старый доктор Соломон Волох рассказал мне потом, что его “сажали на бутылку”, требовали какие-то списки Джойнта по Грузии. <...>

Сообщение о дыхании Чейн-Стокса у вождя было сразу правильно понято – у нас была старая медицинская энциклопедия, да и знакомых врачей хватало. Смерть Сталина мы встретили как очевидный, несомненный признак спасения. А через пару дней сосед сказал мимоходом, что составы на железнодорожной станции расформируются... Выпили мы как следует, без тостов, молча чокаясь, в подвальчике у университета. Только услышав 4 апреля по радио объявление об освобождении врачей, выпили как следует, почти до беспамятства» [*«Менора» (Тбилиси), на груз. яз. 1997. № 6 (июнь)*]

Свидетельство шестнадцатое: *Лена Кардаш, 1946 г. рожд. По профессии химик, д-р химич. наук. Живет в Израиле. Работает в качестве руководителя разрабатывающихся в Министерстве промышленности и торговли Израиля проектов.*

«Начну с короткого вступления. Моя семья, мама – Вера Абрамовна Подземская, папа – Михаил Абрамович Бляхер и я, семилетняя их дочь Лена Бляхер жили в самом центре Москвы, в доме-особняке, перепланированном на множество коммунальных квартир. Дом стоял в Старомонетном пер., совсем рядом с Кремлем. Пешего хода до него 10-15 минут. Нашими соседями была замечательная русская семья С-х. (фамилию, имена не сообщаю), состоящая из четырех человек: глава семьи В.С., его жена З.П., их дочка Ю., старше меня на 5 лет, и старший сын. (Ю. сейчас живет в Москве и по сей день остается моей ближайшей подругой. Мы регулярно перезваниваемся по телефону. Она-то и просила меня не разглашать их фамилии, так как в России сейчас все, что связано с “органами”, возвращается на старые позиции, и она просто-напросто боится за свою семью, если их истинные фамилии и имена “засветятся” в книге, изданной в Израиле.)

Наша семья и семья С-х жили очень дружно, как одна, помогая друг другу чем только можно в нашей непростой, полуголодной жизни. Глава С-х, – В.С. – был очень семейственным и добрым человеком, работал охранником в Кремле, что важно для оценки достоверности моего свидетельства.

Зиму 52 – 53-го гг. я помню во всех ее мелких деталях. Очень хорошо помню, как З.П. в 5 часов утра (еще было совершенно темно и мы все спали) прибежала к нам в ночной рубашке и сообщила маме, что только что с работы забежал обеспокоенный В.С. Он, не заходя в дом, прямо с улицы постучал в их окно, благо жили мы все на первом этаже, и через открытую З.П. форточку попросил срочно передать моей маме, что всех евреев будут выселять из Москвы. Для этого он и отпросился на короткое время с работы, благо Кремль рядом.

Мама была в шоке из-за этого страшного сообщения. Еще была свежа душевная рана, связанная с потерей ее родителей, которые погибли в нацистском лагере уничтожения евреев. Мама все время плакала и переживала за мою судьбу. З.П. сразу предложила оставить меня в ее семье. Потом пришла наша родственница – жена моего родного дяди, тоже еврейка, но записанная в паспорте русской, – Элла Григорьевна Пустозерова. На семейном совете было решено оставить меня в ее семье.

Через несколько дней после этой грозной новости на больших воротах, ведущих во двор нашего дома-особняка, повесили громадные железные щиты со списком проживающих жильцов, написанном белой масляной краской. В коммунальных квартирах проживало много евреев с типичными фамилиями. Мама считала, что это сделано для того, чтобы погромщики и эвакуаторы не пропустили ни одного из евреев. Я очень хорошо помню, как выглядели наши фамилии на этих щитах.

Напряжение дома спало только со смертью Сталина. Я очень отчетливо помню эти дни – мама никуда меня не отпускала из дома, даже в школу».

Свидетельство семнадцатое: *Опубликовал его С. Мадиевский, не поддерживающий версию о подготовке страны к депортации евреев. Фамилия свидетеля не указана.*

«Поздней осенью 1952 г. начальник Никопольского горотдела МГБ (Днепропетровская область) Какурин предупредил моего будущего тестя, с которым жил в одном дворе и иногда выпивал: “Продай что можешь из вещей и готовься к дороге – вас будут выселять. Вагоны уже находятся на станции”. Мои старшие двоюродные братья отправились туда и убедились: в тупике за кладбищем старых паровозов стояли на запасных путях три или четыре (точно не помню) эшелона, вагонов по пятнадцать-двадцать в каждом. Хватило бы на всех евреев Никополя» (308).

Это были бытовые, частные признаки готовящейся депортации. Проявился также еще один показатель такой подготовки – идеологический. Речь пойдет о брошюре, обосновывающей необходимость расправы после суда над «врачами-вредителями» и высылки евреев из промышленных районов страны. Правда, могут сказать, что ее никто воочию не видел, и это плод большого воображения. Однако свидетельствую, что я видел и читал ее многократно, от корки до корки. Я не только видел эту книжку, держал ее в руках, но даже больше – хранил ее у себя дома в течение многих лет, понимая значение этого изобличающего документа.

В брошюре, помимо передовой статьи, написанной штатным философом при ЦК КПСС Д. Чесноковым, клеймившей сионистов и националистов, готовых вонзить нож в спину трудовому народу, борющемуся за процветание человечества (за дословное цитирование не ручаюсь – прошло много времени), были опубликованы: «Сообщение ТАСС» от 13 января 1953 г. об аресте врачей-вредителей, погромная редакционная статья из газеты «Правда»: «Подлые шпионы и убийцы под маской врачей», Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении врача Л.Ф. Тимашук орденом Ленина «за помощь, оказанную правительству в деле разоблачения врачей-убийц». Кроме того, в брошюре были перепечатаны статьи уже нам знакомые, ранее опубликованные в центральных газетах и журналах «Коммунист», «Новый мир», «Огонек» и даже «Крокодил». Среди авторов были М. Шолохов, М. Бубеннов, Н. Грибачев, О. Четчина, Е. Кононенко.

Несмотря на то, что эта брошюра хранилась у меня много лет, сегодня я не могу ее представить в качестве материального свидетельства, и вот почему.

Свидетельство восемнадцатое: *Лясс Федор Миронович, врач-радиолог по специальности. Д-р мед. наук, профессор.*

После ареста моей матери, Е.Ф. Лившиц, меня выгнали из научно-исследовательского института, и с сентября 1952 г. по октябрь 1953 г. я работал врачом – заведующим здравпунктом Московского рубероидного завода.

По характеру своей деятельности, кроме оказания первой помощи пострадавшим на производстве и проведения профилактических осмотров рабочих завода, я был обязан, совместно с инженером по технике безопасности, обходить все цеха завода и следить за технологией производства, контролировать выполнение рабочими и инженерным составом предписаний по соблюдению техники безопасности.

В апреле – мае 1953 г. завод, изготавливавший картон для рубероида, работал на «макулатуре», привозимой из МГБ. В этих случаях закрытые грузовые машины с охраной подкатывали прямо к рольному цеху, заводские рабочие из цеха удалялись, и «макулатуру» в ролы – аппараты, где она размалывалась между вращающимися ножами, – сбрасывали «мальчики» (так их называли работницы, стоявшие на сортировочном конвейере, доставлявшим макулатуру, тряпье и целлюлозу в ролы). При загрузке в ролы «макулатуры» из МГБ рецептура изготовления картонной массы нарушалась, о чем мне, сокрушаясь, говорил главный инженер завода, отдавая распоряжение о выбраковке готовой продукции.

Однажды я, зайдя в рольный цех, обратил внимание на гору высотой метра в три разорванных поперек брошюр в полосато-красной обложке. Это и была книжка с передовой Д. Чеснокова, которую общими усилиями «мальчиков» с привлечением работниц завода сбрасывали в ролы для уничтожения. Во время обеденного перерыва я прошел в цех и выбрал одну, не до конца разорванную брошюру, которую и хранил дома.

Уже через много лет, в году 65-м, я ее показал профессору Я.С. Темкину – другу нашей семьи. Яков Соломонович проходил по «Делу врачей-вредителей» и был одним из главных обвиняемых, но в «Сообщение ТАСС» об аресте террористической группы врачей от 13 января 1953 г. не попал, так как по ходу следствия не дал показаний по инкриминируемым ему преступлениям и обвинению в терроре. Помимо разорванной брошюры, я передал ему для чтения и «чистые листы» от тиража так и не увидевшего свет третьего номера журнала «Новый мир», посвященного смерти Сталина и тоже уничтоженного в ролах нашего завода, а также ряд моих рукописных набросков, которые позже я издал в виде книги под названием «Последний политический процесс Сталина, или несостоявшийся геноцид». Через несколько дней я приехал к Якову Соломоновичу, чтобы продолжить наш разговор, и он мне сообщил, что все переданные ему записки и другие материалы, включая, естественно, указанную брошюру, он уничтожил.

– Мальчишка, дурак! – добавил он тем безапелляционным тоном, который был ему свойственен. – Ты что, не понимаешь, в каком государстве живешь? Ты что – не видишь, что все катится вспять? Ты хочешь пойти по пути мамы? А у тебя семья, жена, двое детей! Дурак! – смачно повторил Яков Соломонович, и добавил: – Не вздумай продолжать свои изыскания, да еще записывать. А если твои записки попадут в их руки?

Возразить было нечего. Я.С. Темкин считался мудрым человеком. Так пропал очень важный для истории фактический материал. Зимой 2002 г. я был в Москве и пытался найти эту книжонку в архивном фонде Всероссийской книжной палаты, куда в те годы, согласно закону, поступало несколько обязательных экземпляров всех выходивших в СССР изданий, но потерпел неудачу. По имеющимся у меня скудным библиографическим данным – внешний вид обложки и ориентировочная дата выпуска (январь или февраль 1953 г.), – указанную брошюру, даже при доброжелательном отношении сотрудников книжной палаты к моей просьбе, найти было нереально, а записей поступлений такой давности в «Книжной палате» не хранят.

Однако сохранились и другие свидетельства, подтверждающие издание этой брошюры и непосредственное участие в ее подготовке самого «отца народов».

Свидетельство девятнадцатое: *В. Бейлинсон рассказал, что в 1978 г. П.В. Руднев показал ему брошюру. Ее автор – Д.И. Чесноков, главный редактор журнала «Вопросы философии».*

«Брошюра, заказанная Чеснокову Сталиным, “научно, с марксистских позиций” обосновывала необходимость и правомерность выселения евреев. Написанная популярно, она была рассчитана на массовое распространение. Сталин лично прорабатывал план брошюры и редактировал ее. В начале февраля 1953 г. книжонка была издана. И до “дня X” ее огромный тираж хранился на складе МГБ. Сталин был так доволен новоявленным ниспровергателем, что ввел Чеснокова в Политбюро (с октября 52-го – Президиум ЦК КПСС), сделал заведующим отделом ЦК и одновременно главным редактором теоретического органа партии – журнала “Коммунист”. Петр Васильевич Руднев, че-

ловек абсолютной, даже въедливой точности в сообщаемых им сведениях, передал, что Лебедев, помощник Хрущева, показывал ему самому, Рудневу, корректуру “новомарксистского” труда Чеснокова с пометками и исправлениями Сталина и рассказал, что кое-кому Сталин как подарок преподносил эту фашистскую брошюру [«Менора» (Тбилиси), на груз. языке. 1997. № 6 (июнь)].

Свидетельство двадцатое: В 2004 г. в московском издательстве «Весь мир» вышла книга Романа Бракмана «Секретная папка Иосифа Сталина» (ее первое издание – «Secret File of Josef Stalin: A Hidden Life» – вышло в Лондоне в 1999 г.). В главе 36-й этой книги (с. 456) я натолкнулся на такой абзац:

«В начале января 1953 г. в типографии Министерства внутренних дел СССР тиражом в 1 млн. экземпляров была напечатана брошюра под заглавием “Почему было необходимо выселить евреев из промышленных центров страны”. Ее написал, по поручению Сталина, Д.И. Чесноков, новый член Президиума ЦК партии, а до этого – преподаватель марксизма-ленинизма в Московском университете. Министерство внутренних дел СССР также приступило к срочному выполнению приказа Сталина о постройке бараков для выселяемых евреев в Биробиджане и на острове Новая Земля». При этом сам автор ссылается на книгу Антона Антонова-Овсеенко «Портрет тирана» (Нью-Йорк: Изд-во «Хроника», 1980. С. 324). (50)

Народная память – неисчерпаемый резервуар исторических фактов. Свидетели событий – дома, на работе, во время отдыха и развлечений жили в атмосфере протокольно незафиксированного повседневного, ежечасного, ежеминутного гнета. И этот гнет – тоже документ, но не лежащий на полках в архивах. Это была, реальное отображение существовавших событий и настроений в жизни советских евреев начала 50-х гг. Такое выдумать невозможно. Можно только вспомнить и сегодня соотнести с теми событиями, участниками которых были мы сами и наши соотечественники, сохранившие в памяти те дни. Конечно, это не бумажка, которая пришивается к делу, к научному исследованию. Но, думается, для исторической науки это вполне правомерный вид информации.

Не надо искать то, чего не могло быть

И все же как сегодня, спустя полвека, при столь скудных данных решить, планировал ли Сталин депортацию евреев или нет? Обосновать наличие каких бы то ни было планов крайне трудно. Но и доказывать их отсутствие на том основании, что нет соответствующих документов – зафиксированных на бумаге, киноленте, фото пленке, – это тоже неубедительно. История как наука не смогла бы существовать, если бы документ был единственным подтверждением того или иного события.

Много ли документов, как таковых, осталось о событиях древности? А если и остались, то когда эти документы были найдены? Между тем история нам рас-

сказывает и о событиях, не подтвержденных документально. В пример можно привести открытие, которое сделал Генрих Шлиман. Он в середине XIX века нашей эры раскопал Трою и обнаружил существовавшую в XV – XIII веках до нашей эры могущественную и развитую микенскую цивилизацию на основании нескольких строчек в «Илиаде» Гомера, жившего в VIII – VII веках до нашей эры. А между тем Гомер был всего лишь слепой странствующий певец.

Но не будем обращаться к древности. Возьмем наше время. В конце войны гитлеровцы спешили уничтожить и скрыть следы своих преступлений, но не успели. А если бы успели? Ведь до сих пор в архивах СС, СД, вермахта и других официальных организаций гитлеровской Германии не найдены документы о «научных» разработках по определению эффективности «Циклона Б». На отсутствии документов и основывают отрицатели Катастрофы (в литературе существуют синонимы этому понятию: на англ. яз. – «Холокост», а на иврите – «Шоа») свои заключения о недостоверности гибели шести миллионов евреев*. Некоторые недоброжелатели утверждают, что все «ужасы» придуманы евреями. Очевидные вещи оспариваются только потому, что нет «бумажки», а если какой-то документ и найден, то его содержание так завуалировано, что можно отрицать и само явление.

Опровергают факт массового систематического уничтожения евреев во время Второй мировой войны, спекулируя на отсутствии документов, получившие скандальную известность «историки»: П. Рассинье («Драма европейских евреев», 1964; «Разоблачение мифа о геноциде», 1967), А. Батц («Обман двадцатого века», 1977), Р. Харвуд («Миф о шести миллионах», 1969; «Погибли ли в действительности шесть миллионов?», 1974; «Шесть миллионов – потеряны и найдены», 1999), В. Сэннинг («Исчезновение евреев в Восточной Европе», 1983). Из активных последователей подобной точки зрения можно упомянуть американцев К. Стерна, М. Шермана и А. Гробмана, М. Вебера, Б. Смита, Г. Гавела и Ф. Лёйхера, англичанина Д. Ирвинга, канадца Э. Цюнделя, француза Р. Форрисона, итальянца К. Маттоньо, испанца Э. Айната, немцев В. Штеглиха и У. Валенди, швейцарца Ю. Графа, шведов Д. Фельдерера и А. Рами. Наибольшее распространение получила подобная пропаганда в арабских странах, где она проникла и на страницы учебников. Отрицание Катастрофы затронуло определенные общественно-политические круги, близкие к экстремистским и национал-патриотическим движениям, и в современной России. Встречаются отдельные высказывания, направленные на отрицание Катастрофы, даже в Израиле. Отрицатели Катастрофы нашли представительство в Интернете на сайтах неонацистских организаций по всему миру и практически на всех

* Мне представляется, что терминам, обозначающим уничтожение фашистами европейских евреев – «Холокост» (всесожжение, ритуальная жертва, гибель) и «Катастрофа» (несчастье, неожиданное и грандиозное событие) – следует предпочесть более широко применяемый сегодня термин «Шоа», который на иврите обозначает несчастье, бедствие, уничтожение, мрак, пустоту.

европейских языках, включая русский. С начала 80-х годов ревизионистские издания выходят одно за другим, завоеывая все большую аудиторию.

В своих «исторических изысканиях» современные популяризаторы фашизма и реабилитаторы Гитлера отрицают его прямую ответственность за уничтожение шести миллионов восточноевропейских евреев. А на каком основании? Да на том же. Нет документов, которые изобличили бы Гитлера в том, что он лично отдавал приказания об уничтожении евреев. Нет такого приказа. Не найден документ, в котором говорилось бы о массовом уничтожении евреев вообще или об организации лагерей смерти. Гитлер не оставил ни одного распоряжения от своего имени как фюрера, ни одной записки или указания, по которым можно было бы признать его виновным в организации геноцида еврейского народа.

20 января 1942 г. группа из 15-ти государственных служащих, чинов СС и партчиновников прибыла в Ванзее, на виллу в пригороде Берлина, на секретную конференцию, организованную по поручению Гитлера главой Службы безопасности и шефом гестапо Рейнхардом Гейдрихом. Гейдрих организовал эту встречу, чтобы каждый из присутствовавших имел представление о планах Адольфа Гитлера и о контроле над их исполнением СС. Конференция стала поворотным пунктом – от беспорядочных депортаций и спонтанных массовых казней евреев, проводимых гитлеровцами с первых дней войны и основанных на устном распоряжении, к «индустриализации» уничтожения. Только в начале нового XXI века (через 60 лет!), с открытием массива документов из архивов стран Восточной Европы прояснилась роль полицейских батальонов, действовавших совместно с гестапо при реализации плана по истреблению евреев в Восточной Европе. Но даже на этом, сверхсекретном сборище среди генеральных директоров министерства оккупированных территорий на Востоке, министерств юстиции и внутренних дел, ответственных представителей нацистской партии и Главного управления безопасности, физическое истребление евреев было замаскировано термином «Окончательное решение» (Endlösung). Это дает основание отрицателям Катастрофы представить этот термин не как уничтожение евреев как нации, а как депортацию евреев из Рейха. Они «забыли», что уже в самом начале вторжения гитлеровцев в СССР на захваченной ими территории было уничтожено более одного миллиона евреев, т.е. почти за полгода до формального принятия гитлеровским руководством «окончательного решения еврейского вопроса» на Ванзейской конференции.

Отрицателями Холокоста начисто игнорируется факт, установленный исследователями германского нацизма, что очень многое в нацистской практике письменно не документировалось. Они полностью изъяли слово «Холокост», упорно называют Освенцим не лагерем смерти, а «принудительно-трудовым» лагерем. Далее, они утверждают, что для сжигания в печах трупов убитых евреев необходимо было много топлива, а подвоз топлива в таких количествах в Освенцим документально не зарегистрирован. Нет документальных подтверждений о кострах, на которых уничтожались убитые. И это при том, что остались вещест-

венные доказательства существования крупнейшего лагеря, состоявшего из 300 жилых бараков, пяти стационарных и двух временных крематориев с газовыми камерами «мощностью» 10.000 человек в сутки, горы поношенной одежды и обуви, в том числе детской, и т. д. А сегодня, когда пишется эта книга, уже ставится под сомнение существование газовых камер. Заместитель председателя французской крайне правой партии «Национальный фронт» заявил: «Факт существования концентрационных лагерей неопровержим, но вот о числе людей, погибших в них, историки еще могут поспорить. <...> Следовало бы также проверить, действительно ли существовали газовые камеры» (132).

М. Альтман в книге «Отрицатели Холокоста» (15) особо отмечает формальную «отстраненность» Гитлера от факта уничтожения евреев при фактически прямом его руководстве:

«Основной фигурой, кому выпала “честь” доводить до исполнителей устные приказы Гитлера или согласованные с ним решения, был рейхсфюрер СС Генрих Гиммлер. Именно он сообщил Рудольфу Гессу, коменданту Освенцима, что Гитлер отдал приказ “об окончательном решении” и о том, что именно руководимый им лагерь смерти будет играть решающую роль: “Это тяжелая задача, которая требует полной самоотдачи, несмотря на любые трудности, которые могут возникнуть. Детали вам сообщит Эйхман, который посетит вас в ближайшее время. <...> Вы должны будете соблюдать строжайшую секретность. Евреи – вечные враги немецкого народа и должны быть уничтожены. Все евреи, до которых мы можем добраться сейчас, во время войны, должны быть уничтожены, без исключения. Если нам не удастся разрушить биологическую основу еврейства, однажды евреи уничтожат немецкий народ”».

Считаю нелишним привести выдержку из речи Гиммлера, которую он произнес в Познани 4 октября 1943 г. перед командирами СС, где он говорит о требованиях, предъявлявшихся к нацистским убийцам. Речи, а не письма или приказа, не оформленной письменно, но дошедшей до нас (130).

«Здесь я буду говорить с вами совершенно откровенно. Между собой мы будем говорить открыто, хотя никогда не сделаем это публично. Я имею в виду изгнание евреев, уничтожение еврейского народа. Лишь немногие из присутствующих знают, что это значит, когда лежит груда трупов – сто, пятьсот, тысяча трупов <...> Это славная страница нашей истории, которая никогда не была написана и никогда не будет написана. <...> Звучит это просто – евреи будут уничтожены. И все члены нашей партии безусловно скажут так: искоренение евреев, истребление их – это один из пунктов нашей программы, и он будет выполнен».

Хочу особо заметить тем исследователям – историкам-архивистам, кто в официальных документах Рейха искал и не находит улики в виде словесного обо-

значения факта уничтожения евреев и на этом строит свои антихолокостовские рассуждения, что при оформлении документов делалось все возможное, чтобы скрыть его истинное значение. Я раскопал «Секретный документ государственной важности», который в виде «Распоряжения штаба Гимmlера» был направлен инспектору по статистике партайгеноссе Корхеру (Берлин, 1943 г.) в котором при письменном оформлении документа делается все возможное, чтобы скрыть его истинное значение:

Распоряжение штаба Гимmlера (1943 г.)

Секретный документ государственной важности.

ИНСПЕКТОРУ ПО СТАТИСТИКЕ ПАРТАЙГЕНОССЕ КОРХЕРУ, Берлин.

«Рейхсфюрер СС получил Ваш статистический отчет «Об окончательном разрешении еврейского вопроса в Европе». Ему угодно, чтобы нигде не говорилось об «особом обращении с евреями». На стр. 9, п. 4, должно быть написано следующее:

«Транспортировка евреев из восточных провинций на русский Восток». Другую формулировку употреблять не следует.

Я возвращаю экземпляр с пометками рейхсфюрера СС с просьбой изменить соответствующим образом эту стр. 9 и прислать его обратно.

Оберштурмбанфюрер Бранд» (130).

Гитлеровская человеконенавистническая идеология внедрилась в самую гуманную специальность – медицину. Не доверяя классической медицине, где немецкие медики различных рангов и специальностей, во всем мире и всегда, испокон веков, славились своим высочайшим гуманизмом и профессионализмом, Гитлер создал специальную «Эссэсовскую медицинскую академию», где готовили специалистов-медиков по «медицинскому убийству»: эвтаназии, экспериментам на людях, убийствам отравляющими газами. В лагерях уничтожения медики играли решающую роль. Общий принцип «недостойной жизни» был распространен на евреев из-за их «расовой неполноценности». В конвенциональной медицине эвтаназия – прекращение страданий неизлечимого больного, по его желанию, путем его умерщвления. Нацистская программа эвтаназии, принятая указом Гитлера 1 сентября 1939 г., предусматривала насильственное лишение жизни людей (в том числе и германских граждан, противников нацизма), страдающих неизлечимыми болезнями, умственными расстройствами, врожденными уродствами.

Для врачей и обслуживающего персонала, обеспечивающего убийства в лагерях уничтожения, была отработана специальная терминология и создан специальный словарь «научного расизма». Это своеобразный бандитский слэнг, диалект для определенной группы, создаваемый с целью языкового обособления и сокры-

тия преступлений, понятный только посвященным. В связи с программой уничтожения евреев для обозначения убийств использовались такие эвфемизмы, как «специальная обработка» (Sonderbehandlung), «специальная акция» (Sonderaktion), «селекция» (Selektion)... Отработанная терминология, применявшаяся как в высших органах гитлеровской власти, так и в гетто, в концентрационных лагерях, стала принятой для обозначения всего процесса геноцида.

Напомню слова израильского генерального прокурора на процессе организатора и вдохновителя истребления евреев Эйхмана (декабрь 1961 г.): «Мы уверены, что в руках Эйхмана находился документ, содержащий приказ Гитлера об уничтожении евреев. Этого приказа у нас нет...». Отсутствие этого документа не остановило правосудие в признании виновным Гитлера, его пособников и Эйхмана в том числе, в истреблении еврейского народа. Отсутствие «бумажки» не стало препятствием для юриспруденции некоторых стран Европы, внесших в свои уголовные кодексы статьи, по которым отрицание факта массового уничтожения евреев расценивается как неонацистская пропаганда.

В. Лихачев и Д. Липстадт (1965) определяют основные положения, которые выдвигаются вышеперечисленными авторами в обоснование того, что Катастрофы (Шоа) не было и ее выдумали сами евреи:

1. Никакого государственного плана тотального истребления евреев у нацистов не было, «Окончательное решение еврейского вопроса» подразумевает только их всеобщую эмиграцию с территорий, находящихся под контролем Третьего Рейха;

2. Никаких специальных «лагерей уничтожения» для массового умерщвления заключенных не было. Оценка технических характеристик газовых камер и крематориев показала, что они не приспособлены для массового уничтожения людей;

3. «Миф о Холокосте» выгоден только мировому еврейству и государству Израиль из-за крупных денежных компенсаций, выплачиваемых Германией. Миф об уничтожении евреев – выдумка пропаганды военного времени, раздутая еврейскими СМИ;

4. Признания нацистских преступников и показания очевидцев оцениваются как недостоверные или сфальсифицированные;

5. Анализ статистических данных об эмиграции и демографическом балансе еврейского населения в Европе развенчал «наглую выдумку» о геноциде евреев.

Я подробно привожу идеологическое содержание изысканий отрицателей Катастрофы потому, что и наши отрицатели существования у Сталина планов депортации советских евреев по существу используют те же аргументы (они

приведены ниже). И еще один и самый важный аргумент, сближающий отрицателей Катастрофы с отрицателями планируемой Сталиным депортации евреев. У первых – это уникальная возможность реабилитировать фашизм и его вождя Гитлера, у вторых – это реабилитация тоталитарного режима и лично Сталина.

Теперь от гитлеровского режима перейдем к сталинскому, акцентируя внимание на способах сокрытия следов преступлений и на приемах искажения или умолчания действительности. В закрытом обществе, созданном Сталиным, об информированности народа не могло быть речи. Людями, которые знают как можно меньше, руководить значительно легче. Среди оставшихся от документов сталинской поры имеются его собственноручные резолюции: «Прошу эти документы уничтожить. И. Ст.». Как удалось установить, порой уничтожались доклады о выполнении некоторых его указаний по линии НКВД – МГБ (70).

«<...> Немного осталось источников, которым можно доверять. Преобладают документы, специально изготовленные, причем с достаточным мастерством, чтобы создать ложное представление, подменить действительность некоей псевдореальностью».

Это слова профессора В. Наумова (203), ответственного секретаря Комиссии по реабилитации жертв политических репрессий при Президенте Российской Федерации. И уж кому верить, как не ему.

Достоверно известно также и то, что Л. Берия в ночь на 5 марта 1953 г., поняв, что сталинская болезнь неизлечима, оставив Хрущева, Маленкова и Булганина рядом с умирающим, умчался в Кремль, в кабинет Сталина, к его личному сейфу. Берия очистил сейф до его официального вскрытия. А когда сейф вскрыли, он оказался пустым, если не считать партбилета и нескольких малозначащих бумаг (70).

Особо отмечу, что в январе 1953 г., когда решался вопрос о судьбе советских евреев на заседании Бюро Президиума ЦК КПСС, где был заслушан доклад заместителей министра госбезопасности С.А. Гоглидзе и С.И. Огольцова по «Делу врачей-вредителей» и обсуждался проект адресованного народу «Сообщения ТАСС» и передовой статьи для газеты «Правда», Сталин не присутствовал, организуя себе алиби. Но этого мало. Он, по примеру прошлых лет, организует себе алиби и в политике национальных отношений. Ход тонкий и хорошо продуманный. А заключался он в том, что в только что вышедший 13-й том его полного собрания сочинения (сдан в набор 23 марта 1951г. и подписан к печати 13-16 апреля 1951 г.) Сталин включает, под названием «Об антисемитизме», свой ответ на запрос Еврейского телеграфного агентства из Америки, который он дал 12 января 1921 г.:

«Отвечаю на Ваш вопрос.

Национальный и расовый шовинизм есть пережиток человеконенавистнических нравов, свойственных периоду каннибализма.

Антисемитизм выгоден эксплуататорам как громоотвод, выводящий капитализм из-под удара трудящихся. Антисемитизм опасен для трудящихся, как ложная тропинка, сбивающая их с правильного пути и приводящая их в джунгли. Поэтому коммунисты, как последовательные интернационалисты, не могут не быть непримиримыми и заклятыми врагами антисемитизма.

В СССР строжайше преследуется законом антисемитизм, как явление, глубоко враждебное Советскому строю. Активные антисемиты караются по законам СССР смертной казнью. И. Сталин» (277).

Одним махом Сталин снимает с себя все подозрения в государственном антисемитизме, сопровождавшем во всю ширь разворачивающееся «Дело врачей-вредителей». Этой публикацией тридцатилетней давности Сталин оставляет для себя возможность свалить все беззакония и произвол, который сам и организовал (террор, погромы, депортацию и пр.), на своих соучастников. Он их обязательно «покарает», как и делал это ранее. Карал за голод, отступление начала войны, просчеты при индустриализации и пр. Он же опять чист и непорочен!

Бумажное свидетельство и отсутствие оного требует многократной проверки и перепроверки, сопоставлений с событиями и другими фактами, которые уже признаны достоверными и не вызывающими сомнений. Вопрос о сталинском плане депортации евреев и относится к такой категории проблем.

Отрицая наличие в планах Сталина подобного развития событий в 1953 г., после «Дела врачей-вредителей», Г.В. Костырченко категоричен, называя его «мифом о депортации» (прошу читателя сопоставить с пунктом 3 отрицателей Катастрофы), считая, что «миф» возник в начале пятидесятых годов как «легенда времен холодной войны», разносившаяся народной молвой «леденящими кровь слухами и толками», и возродился через сорок лет во время «взрыва» еврейской эмиграции из СССР, когда вновь начал «широко муссироваться пропагандистский миф о якобы готовившейся в конце жизни Сталина депортации евреев». Костырченко подводит под это утверждение политическую базу – еврейская депортация поставила бы страну перед необходимостью отказа от коммунистической идеологии, базирующейся на единстве советских народов (смотри пункт 1 у отрицателей) (145). Для того, чтобы поверить в планируемую депортацию евреев, историку-архивисту нужен документ, подписанный самим Сталиным или кем-то из его ближайших поделщиков, в котором черным по белому были бы начертаны директивные слова о необходимости проведения депортации евреев. Такого документа не могло быть!

Не нашлось и не найдется документированного распоряжения Сталина на убийство Троцкого, Михоэлса и многих других, как в самой стране, так и за рубежом. Но убийства же совершились, и то, что их инициатором был лично Сталин, – факт доказанный. Не было подобного документа и при организации насильственного выселения контрреволюционеров, духовенства, значительного

слоя интеллигенции, оставшегося в России после революции, бывших анархистов и бундовцев, меньшевиков и эсеров. Отсутствуют также подписанные им распоряжения об уничтожении соратников Сталина по революционной борьбе.

К этому перечню нужно прибавить сотни тысяч депортированных ингушей, чеченцев, немцев Поволжья, крымских татар, карачаевцев, калмыков, греков, балкарцев, месхетинских турок, курдов, хемшинов, казаков, «неблагонадежных» граждан, проживавших у западных границ СССР, польских граждан после раздела Польши, «кулаков», согнанных вместе с семьями с родных мест и сосланных на вымирание в Сибирь и пустыни Казахстана. По самым скромным подсчетам, около четырех с половиной миллионов человек были просто высланы без суда и следствия. И ни одного документа, подписанного Сталиным, о подготовке к проведению депортационных акций или директив о подготовке населения к депортации! И еще один пример для историков-архивистов достойная иллюстрация достоверности документов сталинской эпохи. Правительственное сообщение о болезни Председателя Совета Министров СССР и генерального секретаря Центрального Комитета КПСС товарища Иосифа Виссарионовича Сталина: «В ночь на 2-е марта у товарища Сталина, когда он находился в Москве в своей квартире, произошло кровоизлияние в мозг». Под указанным документом, тиражированным в миллионах экземплярах по всему Союзу и за рубежом, куда как авторитетные подписи: Центральный Комитет Коммунистической партии Советского Союза и Совет Министров Союза ССР. Выше некуда! А в действительности, что ни строчка, то вранье: кровоизлияние произошло не в ночь на второе марта, а в ночь на первое, и не в московской квартире, а на ближней даче в Кунцево. Комментарии излишни!

Теперь рассмотрим «антидепортационные аргументы», связанные с отсутствием подготовительных документов на более низком уровне – государственном или административном. Таким доказательством, по мнению Г.В. Костырченко, является то, что до сих пор, несмотря на тщательные поиски, «не было обнаружено не только официальной директивы, санкционирующей и иницирующей депортацию, но даже какого-либо другого документа, где бы она упоминалась или хотя бы косвенно подтверждалась ее подготовка». Если комиссия по депортации действительно существовала, то от нее должна была остаться документация. Где она? (Прошу читателя сопоставить с пунктом 2 отрицателей Катастрофы.) В то же время, пишет Костырченко, ранее проведенным акциям депортаций «предшествовало издание той или иной директивы в виде указов Президиума Верховного Совета СССР, постановлений ГКО, Политбюро, СНК, <...> и без них немыслима была организация любой более или менее крупной репрессивной акции».

Насколько достоверно мнение Г.В. Костырченко, вот в чем вопрос? Как и когда оформлялись директивные документы? И оформлялись ли они вообще? Напомню читателю, что мы говорим о возможности существования документов, свидетельствующих о подготовке мероприятий к планируемой депортации евреев из промышленных центров страны, которая, по нашему мнению, должна была состояться после проведения открытого политического процесса над

«врачами-вредителями» и публичной их казни в середине, конце марта 1953 года. Ищет историк-архивист документы и не находит их в феврале, то есть за полтора-два месяца до намечаемой акции.

Посмотрим внимательно на опубликованные документы, якобы подтверждающие мнение о том, что такие документы перед проведенными ранее депортациями существовали, а вот в случае с еврейской депортацией отсутствовали (140, 141, 142).

1. После оккупации восточной Польши в 1939 г. Красной Армией началась «советизация» захваченных территорий, что означало аресты, расстрелы, депортацию. По подсчетам польских историков, за осень-зиму 1939/40 года в Сибирь и Казахстан было выселено почти 1,7 миллиона поляков, из которых выжили чуть больше 500 тысяч. Наши войска вошли в Польшу 17 сентября и почти сразу начались аресты и насильственное переселение в Сибирь и Казахстан граждан Восточной Польши. И ни одного документа! (78)

2. Операция по переселению лиц калмыцкой национальности в восточные районы была осуществлена 27 декабря 1943 г. Я не помню, чтобы кто-то сделал сообщение о наличии предварительных документов по подготовке и оформлению соответствующих административных распоряжений о депортации. 2 января 1944 г. нарком Л. Берия пишет Сталину отчет: «Операция по переселению лиц калмыцкой национальности в восточные районы (Алтай, Красноярский край, Амурскую, Новосибирскую и Омскую области) прошла успешно. Всего погружено 26 359 семей, или 93 139 человек переселенцев. Во время проведения операции эксцессов не было». И в заключение отчета Берия просит Сталина: «Представьте к наградам лиц, образцово исполнивших приказ о выселении» (73).

3. Операция по выселению чеченцев и ингушей в Казахстан была осуществлена 23 февраля 1944 г. 31 января 1944 г. ГКО утвердил постановление о выселении, 21 февраля издается соответствующий приказ НКВД СССР. Только за 3 дня! Документов о подготовке к депортации не найдено. Есть только отчет. Отчет письменный с перечислением, откуда, как и сколько было депортировано: 25 февраля в железнодорожные эшелоны 342 647 человек, на 29 февраля – 478 479 человек, из них 91 250 ингушей и 387 229 чеченцев. Операция прошла организованно, без серьезных случаев сопротивления и других инцидентов. Все случаи попытки к бегству носили единичный характер. Берия».

Имелся еще и устный отчет, который не был оформлен документально: органы НКВД не укладывались в срок, отведенный на депортацию, и 27 февраля руководитель акции Михаил Гвишиани принял решение сжечь в конюшне 700 жителей селения Хайбах Шатойского района. Берия, в то время нарком внутренних дел, в ответ на устный доклад Гвишиани, сказал: «За решительные действия в ходе выселения чеченцев в районе Хайбах вы представлены к правительственной награде с повышением в звании. Поздравляю» (117). Составов не хватало. «Оставшихся постреляли. Засыпали песком, землей кое-как. Да и постреляли кое-как. И они, как червяки, начали выползать. Всю ночь их достреливали» (238).

Апологеты «бумажного» оформления могут сказать, что не было трагедии в селении Хайбах, как не было и выселения, так как мы, ученые-архивисты, соответствующих распоряжений со стороны властных структур о подготовке к выселению более полумиллиона человек не нашли, хотя и искали... И если бы не отчет и просьба наградить, то по прошествии нескольких десятков лет историк-архивист, несмотря на свидетельства оставшихся в живых после выселения, оспорил бы сталинский геноцид целого народа, точно так же, как оспаривается сейчас Катастрофа – Шоа восточно-европейского еврейства.

4. Выселение из Крыма всех татар поголовно, в том числе детей, женщин, стариков, проводилось 18-19 мая 1944 г. на основании решения ГКО за № 5859сс от 11 мая того же года. Официальный документ о депортации 150 тысяч всего татарского населения Крыма совместно с проживающими там болгарами и греками (всего 260 тысяч человек) был написан за 7 дней до акции.

Кстати, в статье «Крым» Советского энциклопедического словаря 1982 г. издания нет указаний не только о факте выселения татар из Крыма, но и нет ни строчки о татарском населении Крыма. Вот вам и документ на страже правды истории, а статья в энциклопедии бесспорно таковым должна быть. Нет, согласно документу, не жили там татары, и выселять оттуда было некого!

5. Уничтожение «специалистами из НКВД» 15 тысяч польских офицеров в Катыни было осуществлено в первые дни марта 1940 г. 5 марта 1940 г., на очередном заседании Политбюро ЦК ВКП(б) – протокол № 13 – было вынесено бессмысленное, ни с какой точки зрения не объяснимое решение с формулировкой: «Рассмотреть в особом порядке, с применением к ним высшей меры наказания – расстрела». С подачи Берии этот документ подписали: Сталин, Молотов, Ворошилов, Микоян. Особую пометку «За» сделали М. Калинин и Л. Каганович.

В числе уничтоженных – офицеры запаса, польская интеллигенция: более 800 врачей, множество учителей, юристов, инженеров, более сотни литераторов и журналистов, около 50-ти профессоров высшей школы, католических священников.

Для переброски к месту расстрела в Катынь (близ Смоленска) 15-ти тысяч незаконно арестованных из Козельского (недалеко от Тулы), Старобельского (неподалеку от Харькова) и Осташковского (близ Калинина) концентрационных лагерей было сформировано не менее 15-ти эшелонов. Они двигались по железным дорогам без единого документа, в экстренном порядке, обгоняя экспрессы, оставляя на запасных путях составы с продовольствием, техникой, углем и нефтью. И зеленый свет на светофорах перед ними открывали не на основании документа, которого и не было, а по личному приказу вышестоящего начальника. Самым высшим начальником был Сталин, а его слово – закон.

Нашелся ли документ, по которому расстрельную команду снабдили пулями немецкого производства? А ведь эта «улика» была основной, давшей возможность Государственной комиссии, которую возглавлял Н.Н. Бурденко –

главный хирург Красной армии, – переложить вину в массовом убийстве на немцев. Но на этом фальсификации с документами не кончились. Сталин и Берия руками Вышинского добились, чтобы «Катынь» на Нюрнбергском процессе вовсе не упоминалась. А для историка-архивиста Сталин велел оставить «документ», да не бумажный, а мраморный с эпитафией: «Здесь похоронены невольники, офицеры Войска Польского, погибшие в страшных мучениях от руки немецко-фашистских оккупантов осенью 1941 года». Не в 1941 г. немецкие каратели, а в марте 1940 г. наши «славные представители органов безопасности», руководствуясь устным распоряжением заместителя главы НКВД Б.З. Кобулова, осуществили «решение высшей инстанции» о расстреле пленных поляков. Польским офицерам связали руки заранее заготовленными веревками одинаковой длины и маленькими группами отводили в лес, где их убивали выстрелом в затылок и сталкивали в вырытые накануне ямы. Тем, кто сопротивлялся, заматывали голову их же шинелями и тащили к краю ямы. Некоторым проламывали череп. Других добивали штыками. Трупы складывали штабелями, присыпали землей, затем делали следующий штабель и т.д. Когда все было закончено, над местом расстрела посадили молодые сосны.

Но бумага все-таки была, только оформлена она была наградной. 26 октября 1940 г. Берия издал секретный приказ о награждении 144 работников НКВД Смоленской, Калининской и Харьковской областей «за успешное выполнение специальных заданий». Сорок четыре человека получили месячные оклады, остальные – по 800 рублей (96). С тех пор в отчетности Управления по делам военнопленных и интернированных НКВД СССР эти 15131 польских офицеров, расстрелянных в Катынском лесу, документально числятся как переданные в распоряжение УНКВД, в ведении которого находились лагеря военнопленных (114).

Когда генерал Андерс во время личной встречи со Сталиным в декабре 1941г. без обиняков спросил, где польские офицеры, руководитель наших побед заявил: «А они убежали» – «Куда?» – «Кажется, в Маньчжурию».

Все послевоенные годы Москва тщательно скрывала свою вину в этом преступлении. Ни один советский лидер послесталинского периода, ни Хрущев, ни Брежнев, ни Андропов, ни Черненко, ни Горбачев не нашли смелости сознаться в содеянном. И только в 1990 г. (через 60 лет!) польскому лидеру В. Ярузельскому была передана тоненькая папочка с ксерокопиями нескольких малозначимых документов, связанных с Катынским расстрелом, после чего генералу сообщили о том, что «ничего более об этой акции в советских архивах не имеется» (78).

Но на этом польские лидеры не успокоились и добились разрешения на собственный поиск. Раскопали, подсчитали (22.500, а не 15.000, как утверждалось ранее), идентифицировали расстрелянных.

Но в ходе раскопок обнаружилось то, о чем не знали или не хотели знать советские доблестные органы: в районе Катыни – Медяное, рядом с «польскими» ямами, имеются и «русские», «украинские», «еврейские», и т.д. ямы, в которых лежат останки 100.000 (сто тысяч!) наших советских граждан, убиен-

ных нашими же советскими гражданами. На каком основании? Где документы? Кто инициатор? Кто исполнитель? Ничего нет!

Может быть, сейчас, через 60 лет, сегодняшнее российское правительство наконец обнаружит для полноты картины преступлений сталинско-бериевской клики соответствующий документ? Но не тут-то было. Перед братскими могилами появились сотрудники ФСБ, все зарыли и землю разровняли. Бесследно исчезли 100.000 жизней. А для историков-архивистов не было и 100.000 смертей. Нет бумаги – и нет основания почтить память о них скромным памятником с соответствующей надписью.

6. Из письма Берии Сталину: «Оккупация немцами Кавказа была встречена балкарцами доброжелательно. Отступая под ударами Красной армии, немцы организовали отряды из балкарцев». Хозяин устно дает распоряжение о депортации, и 11 марта 1944 г. Берия ему докладывает: «Погружено в эшелоны и отправлено к местам нового поселения в Казахскую и Киргизскую ССР 37103 балкарца. Заслуживающих внимания происшествий во время операции не было». Никаких документов, говорящих о подготовке к депортации, не обнаружено.

7. А когда именно «бумажно», то бишь документально, было оформлено дело «врачей-вредителей»? За четыре дня до публикации в газетах «Сообщения ТАСС». 9 января 1953 г. заседало Бюро Президиума ЦК КПСС и утвердило текст передовой статьи в газете «Правда» и адресованного народу сообщения ТАСС, отредактированных лично Сталиным. Над основными обвиняемыми уже в течение полугода проводились так называемые следственные действия – ночные допросы, издевательства, избиения, многочасовые стойки. Что-то не помню, чтобы кто-то видел документ в архивах ЦК партии, правительства, санкционировавших арест ведущих врачей страны, кстати, лечивших всех присутствующих на этом заседании членов бюро (Л. Берия, Н. Булганина, К. Ворошилова, Л. Кагановича, Г. Маленкова, М. Первухина, Л. Брежнева и др.).

Подготовка к еврейской депортации проводилась на основании устных приказов. Так что искать документы не только бесполезно, но и (с точки зрения профессионала-историка) ничем не обосновано и совершенно бессмысленно, а потому и строить целую «антидепортационную» теорию потому, что **отсутствуют документы о подготовке** к депортации, неубедительно.

В течение января-февраля 1953 г. подготовительная работа уже шла форсированными темпами в виде юдофобской вакханалии в газетах и журналах и в виде подготовки пресловутого письма «выдающихся» евреев – числом около сотни. Тиран считал, что времени у него достаточно, свою смерть он не планировал так скоропалительно. А профессионалу-историку стоило бы посчитать дни и сделать соответствующие «профессиональные выводы» о том, что подготовка к бандитской акции в СССР, как это было и ранее, шла не на основании какого-то документа, а оформлялась потом, после ее завершения.

Несмотря на отрицание в исторической науке сослагательного наклонения, с большой долей вероятности можно предположить, что если бы Сталин не ус-

пел умереть, то, как и раньше (смотри приведенные выше примеры), он наверняка придал бы *post factum* своим незаконным действиям внешнюю легитимность и облек бы, как это делал раньше, свое единоличное решение о проведении масштабных противоеврейских репрессивных мер в форму то ли указа Президиума Верховного Совета СССР, то ли резолюции Политбюро, то ли решения Совмина, оформленного в особом порядке в повелительном наклонении. А органы, возглавляемые министром С. Игнатьевым, представили бы ему краткий отчет о проведенных (не планируемых, а уже проведенных) мероприятиях по уничтожению евреев, за подписью его заместителя С. Огольцова (убийцы С. Михоэлса). Это была бы уже вполне реальная глагольная категория под названием «прошедшее время», которое выражает реализованные действия. До этого мы, слава Богу, не дожили.

Так что нечего искать документов, которых не было и не могло быть!

«Антидепортационные факты» не выдержали проверки

Для обоснования «антидепортационной гипотезы», помимо отсутствия документальных подтверждений о готовившейся депортации советских евреев, выдвигался еще ряд положений.

Во-первых, демографических. Израильский журналист Ш. Громан считает, что невозможно технически осуществить депортацию 4-х миллионов евреев. (Прошу читателя сопоставить с пунктом 5 отрицателей Шоа...) Помимо этого, Громан отмечает, что «сотни тысяч советских евреев, главным образом жители крупных городов <...> состояли в браках с русскими и представителями других национальностей». Очень многие евреи «ассимилировались и растворились в интернациональной массе» (94). Мне же видится, что для насаждения страха среди населения совсем не обязательно было одновременно выселять всех евреев поголовно, включая полукровок. Вполне достаточно было бы заложить «основу», что вполне осуществимо, учитывая уже накопленный опыт и техническую оснащенность. Вспомните распоряжение Сталина Булганину о подготовке 800 железнодорожных составов. В них, даже с накопленным опытом, депортируешь не более миллиона. На первый этап больше и не надо. Сталин все рассчитал. Главное, чтобы в первую очередь были депортированы те евреи, которые «на виду», известные и уважаемые. Затем начался бы самостоятельный, или самотекучий, называйте как хотите, юдоцид, и еврейская нация в Советском Союзе сама бы себя изжила. Страх бы привел ее к самоуничтожению.

Подобную ситуацию спрогнозировал Бруно Ясенский еще в 1936 г. на страницах повести «Нос»:

- Что бы ты сделала, если бы твой муж оказался евреем? ...
- Ну, конечно, я бы бросила его немедленно.
- И тебе ничуть не было бы жалко ни того, что у вас есть дети, ни тех долгих лет, которые вы прожили вместе?
- Какой ты чудной! С какой стати жалеть еврея! (отвечает стойкая национал-социалистка – Ф.Л.).

- Вилли (спрашивает Калленбрук семилетнего сына – Ф.Л.), что бы ты сделал, если бы вдруг твой отец оказался евреем?
- Я бы позвал Фредди и Трудди (отвечает берлинский Павлик Морозов – Ф.Л.), и мы бы заманили его во двор, а там мы бы его двинули по башке ко чергой, а потом выбросили на помойку.

Повесть написана на немецкую тему как реакция на «законы о чистоте арийской расы», но могла быть вполне спроецирована и на наше общество. (Цит. по работе Л. Дымерской о сталинском антисемитизме) (105).

Также несостоятельным является утверждение, что евреев невозможно было выселить из-за их разбросанности по территории страны. Напомню, что все, поголовно все проживавшие вне Причерноморья татары и греки были отысканы и оказались в Казахстане, где их присоединили к высланным соплеменникам.

Второй аргумент – политический. Г. Костырченко, поддерживающие его журналисты и историки в качестве «антидепортационного аргумента» выдвигают положение, что депортация евреев «поставила бы страну перед неизбежностью коренных преобразований в советском законодательстве», да и сам Сталин «по складу своего характера не решился бы открыто выступить против евреев...», так как «многие из них <...> играли заметную роль в области науки, культуры и других общественно значимых сферах», а также и то, что «подобная акция не укладывалась в официальную доктрину большевистского интернационализма...» (145). Далее Костырченко, в обоснование «мифа о депортации», считает, что для осуществления депортации недостаточно было указания сверху, а нужно было изменить действующее законодательство, легализовать антисемитизм, изменить официальную идеологию, «которая, вопреки шовинистическому давлению сталинизма, сохраняла еще романтику большевистского интернационализма, идеологию, которой чужды были национальная дискриминация и тем более расизм». С моей же точки зрения, эти положения несостоятельны, так как в своей основе противоречат существу сталинского строя, и доказать их несостоятельность научно обоснованными фактами не составляет особого труда. Идеологическая же подготовка к крупномасштабной акции против евреев проводилась давно, с 1949 г., и успешно.

А вот к следующему «антидепортационному доказательству» Г.В. Костырченко стоит отнести со всей серьезностью. В его книге «Тайная политика Сталина» на стр. 682 написано: «Накануне того, как его разбил паралич, с полос центральных газет исчезла воинственная риторика, неизменно присутствовавшая на них, начиная с 13 января 1953 г.» (140), а в его статье «Депортация – мистификация» в журнале «Лехаим» на стр. 26 (3-я колонка) уточнено: «...с 20-х чисел февраля с полос “Правды” исчезла критика “еврейских буржуазных националистов” и их “заграничных хозяев”, неизменно присутствовавшая там до этого» (141).

Эта как будто, на первый взгляд, второстепенная информация имеет очень важное, я бы сказал, определяющее значение, и нельзя не согласиться с автором,

что это важный аргумент против версии некоторых, как это написано в статье, «современных фальсификаторов», что все евреи должны быть депортированы. Я бы хотел еще отметить, что открывателем вышеприведенного сообщения является сам автор статьи «Депортация – мистификация», который и ввел эти сведения в научную литературу и журналистику. Они начали многократно тиражироваться и, употребляя выражение самого Г.В. Костырченко, «творить историю».

В этой части книги мы подвергнем тщательному анализу вышеприведенные положения Костырченко главным образом потому, что авторы, разделяющие это положение, – В. Балан (33), С. Мадиевский (169, 170), З. Шейнис (313), И. Коршевер (137), Ж. Медведев (182), А. Рашин (192), пошли дальше, чем «первооткрыватель», и начали утверждать, что Сталин не только отошел от руководства «Делом врачей-вредителей», но и прекратил его и, естественно, не собирался депортировать евреев:

- ...делом врачей Сталин напрямую в январе – феврале 1953 г. не занимался;
- ...к последним числам февраля сам Сталин отказался от намерения провести публичный процесс по «Делу врачей» и вынужден был пойти на попятную, свернув агрессивную пропаганду, носившую антисемитскую подоплеку;
- ...отбой «Делу врачей-отравителей» дал Сталин самолично. Сталин решился на отступной маневр – затушить скандальную ситуацию вокруг «Дела врачей» в стране и в мире.
- ...Сталин отказался от намерения провести публичный процесс по «делу врачей», тем самым автоматически опровергается миф об открытом антисемитском судилище как сигнала к началу еврейской депортации;
- ...сделал он это под давлением западных общественных, политических и научных деятелей, назвавших «Дело врачей» «провокацией века», убоявшись того, что мировые светила зарубежной медицины начали организовывать Международный комитет по изучению обвинений, предъявляемых советским врачам;
- ...«Дело врачей» было закрыто фактически к 20 февраля. Арестованных перестали вызывать на допросы, улучшились условия содержания, и, главное, – полностью прекратились публикации в печати на эту тему;
- ...начало реабилитации «врачей-убийц» приходится на вторую половину февраля 1953 года, т.е. еще при жизни Сталина;
- ...резко уменьшился интерес Сталина и к самому «Делу врачей»;
- ...Сталин самоустранился от государственной деятельности. 22 или 23 февраля внезапно утихла постоянная кампания в прессе против евреев и других врагов советского образа жизни, а после 25 февраля не сообщалось больше ни о каких арестах евреев. Утром следующего за 1 марта днем «Правда» впервые <...> промолчала по поводу «врачей-отравителей»;
- ...в ежедневных газетах эта тема исчезла напрочь, как будто ее не было;
- ...Сталин использовал «Книгу Эстер» в качестве сценария, взяв на себя роль царя Ахашвероша, который сначала соглашается уничтожить евреев, а потом защищает их и наказывает их врагов.

Таким образом, мы видим четкую тенденцию перехода от отрицания плана Сталина депортировать евреев к оправданию всей его политики и практической деятельности. А такая тенденция опасна в принципе, и тем более сейчас, когда в Европе и России уже нельзя скрыть наличие неонацистских партий. Гитлеровский нацизм и его побратим сталинский большевизм-коммунизм часто, а главное, справедливо называют чумой. Она, как известно, очень заразна и распространяется чрезвычайно быстро. Вот почему мы сочли своим долгом перепроверить утверждение Г. Костырченко, что накануне того, как Сталина разбил паралич, с полос центральных газет исчезла воинственная риторика, неизменно присутствовавшая на них, начиная с 13 января 1953 г., и что с 20-х чисел февраля с полос «Правды» исчезла критика «еврейских буржуазных националистов и их заграничных хозяев,

В связи с вышеизложенным мною проведен контент-анализ (это один из современных и эффективных методов исследования текстовой информации), целью которого было определить, как отражала газета «Правда» события начала 1953 г. по следующим показателям:

а) по количеству статей с воинственной риторикой против еврейских буржуазных националистов и их заграничных хозяев, направленных на создание напряжения в народе, а также статей, являвшихся прямым руководством к проведению в различных административных структурах страны антисемитской политики;

б) по частоте появления имени Сталина в публикуемых материалах газеты как показателя руководства Сталиным «Делом врачей-вредителей» и личного его в нем участия, а также степени активности управления страной.

На помощь мне пришел, как ни странно, САМ «вождь народов», вернее, ЕГО культ, сложившийся еще до войны. Во время войны он приобрел религиозный оттенок, а при позднем сталинизме характер всеобщего помешательства. Насаждался культ личности повсеместно, повседневно и ежечасно под неусыпным личным контролем вождя и при всеобщем раболепном участии. О Сталине писали, его цитировали, слагали о нем песни, поэмы, баллады; его лепили, рисовали, отливали и вышивали; представляли в виде главного героя пьес, кинокартин и т.д. и т.п. Феномен культа личности Сталина нашел свое воплощение в названиях городов, поселков, горных вершин. Его имя присваивалось заводам, институтам, библиотекам, колхозам, пароходам, детским садам и пр., и пр., и пр.

Имя «Сталин» было неотъемлемой частью нашей повседневной жизни, производственной и научной деятельности, политики, культуры и т.д. Торжественные заседания и научные форумы, почти каждая научная статья, научная монография или доклад начинались с прославления великого ученого, мудрого учителя Сталина, что придавало государственно-политическую окраску каждого мига нашей жизни. Ибо Сталин это:

***Вождь мирового пролетариата,
Великий Вождь советского народа,***

*Величайший гений всех времен и народов,
Великий друг детей, женщин, колхозников, художников,
шахтеров, актеров, водолазов и прочее...
Великий продолжатель дела Ленина,
Творец Сталинской Конституции,
Великий стратег революции,
Преобразователь природы,
Величайший полководец,
Знаменосец коммунизма,
Великий Кормчий,
Друг и Учитель,
Корифей науки,
Отец народов,
И т.д. и т.п.*

А в поэзии:

*Ты знамя победы. Ты символ свободы.
Ты к счастью народы ведешь.
Живи же, учитель наш, долгие годы.
Тебя прославляют в песнях народы,
Великий отец наш и вождь.*

С этим именем мы начинали и кончали день. Вспомните в 6 часов утра радио начинало вещать с имени Сталина:

*Сталин – наша слава боевая,
Сталин – нашей юности полет.
С песнями, борясь и побеждая,
Наш народ за Сталиным идет.*

Завершая день, мы опять слышали в гимне Советского Союза:

*Нас вырастил Сталин на верность народу,
На труд и на подвиги нас вдохновил...*

Культ личности был одним из самых главных элементов ЕГО внутренней политики. Выражение «гениальный Сталин» должно было применяться к нему постоянно и везде, а не только в средствах массовой информации.

Хрущев говорил, что Сталин своей рукой вносил самовосхваляющие пассажи в рукопись официальной «Краткой биографии», например: «На разных этапах войны сталинский гений находил правильные решения, полностью учитывающие особенности обстановки» (305). Культ личности – это обожествление, и Сталин тщательно и повседневно контролировал всю систему пропаганды, и особенно ЕГО газету, в тщательно создаваемом мифе о себе. ОН заставлял писать о себе как о земном боге, и это ощущение земного бога было даже у

его врагов – и каких врагов! Вспомним, Черчилль говорил, как в дни Ялтинской конференции, когда Сталин входил в зал, они почему-то вставали и при этом держали руки по швам. Черчилль решил не вставать. Он пишет: «Сталин вошел, и вдруг будто потусторонняя сила подняла меня. Я встал» (212).

«Сталин – это бог русских. Они уничтожили иконы для того, чтобы заменить их изображением Сталина. Христос изображался раньше в нимбе, посмотрите, Сталин тоже изображается в свете... Русские свергли царя для того, чтобы вернуться к еще худшему царю. Они всегда хотят чего-то сверхъестественного, сверхчеловеческого...». Это вполне обоснованное мнение французского посла Наджиара (71).

Естественно было предположить, что проявление культа личности Сталина является внешним проявлением активной роли Сталина в управлении страной и степени влияния на его непосредственное окружение, в том числе и на исполнителей его указаний в органах безопасности. Обнаружив динамику в перечисленных выше показателях, мы сможем судить о том, что творилось на самом вершине власти, в черном ящике истории, и оценить степень личного вмешательства Сталина в «Дело врачей-вредителей».

Наше исследование мы представим в форме научной статьи под названием:

Газета «Правда»: январь – апрель 1953 г.

Введение. Цели и задачи исследования. В связи с тем, что до сих пор нет единого мнения, кто же остановил «секиру палача», нависшую над еврейским народом в послевоенный период существования СССР, представляется актуальным разобрать две альтернативные версии о роли лично главы государства – И. Сталина – в прекращении подготовки к политическому судебному процессу по так называемому «Делу врачей-вредителей», которое должно было стать пусковым моментом к началу новой волны террора в стране и завершиться «окончательным решением еврейского вопроса» по гитлеровскому сценарию в сибирском варианте.

Версия № 1 – Сталин по собственной инициативе или под нажимом извне «дал отбой» и прекратил следственный процесс над арестованными врачами, т.е. «Дело врачей-вредителей» было прекращено в середине – конце февраля 1953 г., еще при жизни Сталина.

Версия № 2 – «Дело врачей-вредителей» было свернуто только после смерти Сталина, последовавшей 5 марта 1953 г.

Материал и метод. В нашу первостепенную задачу входил выбор объективного показателя, отражающего роль Сталина в управлении страной. В качестве наиболее достоверного источника информации для наших целей является анализ ежедневных выпусков общеполитической газеты «Правда» – органа ЦК КПСС, выходявшей тиражом более 10-ти миллионов экземпляров, в течение многих лет осуществлявшей ведущую роль в проведении государственной по-

литики и канонизации личности Сталина. В качестве объективного показателя мы принимаем количество упоминаний имени Сталина, а также результаты анализа публицистических статей, уделяя особое внимание тем статьям, которые носили антисемитскую окраску и по своей идеологической направленности были нацелены на создание напряженности в народе.

В этот период Сталин делал особую ставку на печать и особенно на газету «Правда». Он, с подачи М. Сулова – активного антисемита, назначил нового главного редактора газеты – Д.Т. Шепилова. Сталин явно хотел сделать «Правду» еще более влиятельной. Шепилов цитирует слова Сталина: «Как можно руководить идеологической и политической работой такой большой партии, как наша? Только через печать. Как можно руководить самой печатью? Только через “Правду”. Это – газета газет». Таким образом, можно считать, что газета «Правда» являлась барометром проводившейся Сталиным политики, и с ее страниц можно получить самую первую и самую надежную для наших целей информацию.

Изучению были подвергнуты те выпуски газеты, которые отражали повседневную обстановку в стране, общий фон событий в течение января – апреля 1953 г. Из анализа были исключены те номера газет, которые имели целенаправленный характер и не отражали «фоновое» состояние внешней и внутренней политики государства. К таким выпускам мы отнесли газету от 21 января, посвященную 29-й годовщине со дня смерти Ленина, газеты от 14 февраля и 15 марта, заполненные материалами, связанными в основном со смертью и похоронами Л.З. Мехлиса и К. Готвальда, и, конечно, выпуски газет от 5 и до 19 марта, где количество упоминаний имени Сталина было непомерным в связи с его болезнью, смертью и похоронами. Из общего объема газетной информации, взятой для исследования, исключались хроникальные статьи, статьи из рубрик «День нашей родины», «Из последней почты». Итого изучено около 100 выпусков газет, в которых подробно просмотрено, а иногда и построчно прочтено более 500 статей.

Полученные результаты сведены в следующие таблицы. Из таблицы № 3 на стр. 510 следует, что среднее количество публицистических статей общего характера в течение всех четырех (от января до второй половины апреля) месяцев держалось на одном уровне и по количеству, и по отведенной для них газетной площади.

Количество статей, которые начинались обращением к Сталину и (или) упоминали это имя в связи с поставленными в публикации задачами, в течение января, февраля и марта держалось на одном уровне. Характер этих статей был одинаков, они все были в бравурном тоне. Их авторы упоминали имя Сталина вне зависимости от тематики статьи, причем фразеология сталинской культовой мифологии была очень скудной, до примитива ограниченной и как рефрен повторялась из статьи в статью. Привожу полный перечень подобных фраз:

Великий триумф политики партии Ленина Сталина...
Под знаменем и под водительством Сталина...
Сталин – это Ленин сегодня...
Друг и учитель тов. Сталин...
Сталин всесторонне разработал вопрос...
По определению тов. И.В. Сталина...
Предвидение товарища Сталина...
В гениальном произведении И.В. Сталина...
Классический труд Сталина...
Во главе с тов. Сталиным...
Вклад тов. Сталина в...
Сталин не раз предупреждал...
Тов. Сталин указывает на...
Тов. Сталин разоблачил...

Перечисленные выше речения, ставшие законсервированными оборотами речи, присутствовали в статьях, посвященных как идеологическим вопросам, так и проблемам науки, искусства, народного хозяйства. Например, мы узнаем о «вкладе» Сталина в электрификацию на селе и при высотном строительстве в гор. Москве, а «предвидение» тов. Сталина было и при ликвидации различий между городом и деревней, и в статьях «Больше металла народному хозяйству» или «Строить быстро, прочно, дешево».

И только в апреле месяце практически пропали такие статьи – всего одна за весь месяц!

Количество статей, прямо связанных по тематике с готовившимся «Делом врачей-вредителей», целью которых была обработка населения в нужном для Сталина направлении, насаждающем шпиономанию, выявлению ротозеев, разоблачающем «врагов народа», еврейских националистов, в течение января, февраля и марта держалось на одном уровне: по две статьи в неделю. К этой группе публицистических статей мы относили и статьи, антисемитский характер которых просматривался сквозь каждую строчку. Это были и передовицы, и тематические материалы, и фельетоны с воинственной риторикой против еврейских буржуазных националистов и их заграничных хозяев. Все эти печатные материалы были направлены к созданию и поддержанию напряжения в стране, чреватого погромным взрывом. Только в апреле печатанье таких статей прекратилось!

Такая же закономерность была зафиксирована нами и при использовании авторами в публицистических статьях имени Сталина. Они были непомерными в течение января и февраля, несколько снизились в марте и практически исчезли со страниц «Правды» в апреле. Всего один раз! (см. табл. № 3)

Обсуждение. То, что Сталин лично следил, а иногда и руководил проводимым над арестованными врачами следствием, регулярно вызывая министра МГБ Игнатьева для отчета и инструктажа, сейчас подтверждено документально и не вызывает ни у кого сомнения. Сталин также неукоснительно следил за

проведением на страницах газеты «Правда» идеологической кампании. По свидетельству Рыбина, служившего в охране Сталина, известно, что газету «Правду» клали на сталинский рабочий стол ежеутренне. Когда его разбил паралич, когда он валялся много часов на полу в одной из комнат Ближней дачи, рядом с ним лежали карманные часы и газета «Правда» (238). Так что какие бы то ни было изменения в осуществляемой газетой «Правда» политике без его санкции исключаются, а тем более в поддержании ЕГО культа, который был одним из важнейших составляющих ЕГО внутренней политики.

Даже беглый просмотр таблицы № 3 демонстрирует, что политическая направленность публицистических материалов в первые два месяца 1953 г. не изменилась. Количество публицистических статей на страницах газеты «Правда» в **феврале 1953 г.**, по сравнению с **январем того же года**, осталось на том же уровне. Также не изменилось и относительное количество статей, в которых упоминалось имя Сталина (примерно $\frac{1}{4}$ от общего количества). Нет существенной разницы и в анализируемых критериях, говорящих о культе личности Сталина и его активной деятельности на посту главы государства (а значит, и влияния на проведение следствия над врачами) в **последней трети февраля** (см. табл. № 4).

Приведенная в таблицах № 3 и 4 «бухгалтерия», на основании выбранных нами критериев, со значительной достоверностью позволяет определить, когда и как он осуществлял это руководство. При подсчете общего количества упоминаний имени Сталина на газетных полосах были выявлены стабильные значения этого показателя в течение января, когда его личное участие в управлении государством не вызывает сомнения (так, он лично присутствовал на торжественном заседании, посвященном годовщине смерти Ленина), и всего февраля месяца, что свидетельствует о его активной политической деятельности вплоть до момента постигшего его мозгового инсульта.

Попытка исключить Сталина из организаторов «Дела врачей» на основании сообщения Г.В. Костырченко о том, что с 20 февраля с полос «Правды» исчезла риторика против «еврейских буржуазных националистов и их заграничных хозяев», несостоятельна. В действительности, во второй половине февраля частота и характер публикаций в газете «Правда» статей с антисемитской направленностью только обостряется, а частота появления имени Сталина не изменяется.

С моей точки зрения, более достоверными являются сведения Я.Я. Этингера, говорящие о том, что «Отец народов» торопил завершить подготовку к открытому судебному процессу и что «в последних числах февраля 1953 г. Сталин с особым вниманием следил за ходом следствия, требуя от следователей все новых и новых признаний у арестованных врачей». (330) Не зря же он вызывал к себе 16 и 17 февраля на доклад раскручивавших «Дело врачей-вредителей» заместителей министров госбезопасности С.А. Гоглидзе и С.И. Огольцова. Сам министр С.Д. Игнатьев лежал в Кремлевской больнице в прединфарктном состоянии после жесткого сталинского нагоняя за «недостаточную эффективность»

следственных мероприятий». Этот факт подтверждает и Д.А. Волкогонов материалами из личного архива Сталина, к которому он был допущен. Думаю также, что аргументы, приведенные в письме Эренбурга, могли только позабавить, но никак не повлиять на Сталина, чтобы заставить его отказаться от состряпанного им дела*. Такое наивное утверждение выдает полное непонимание личности Сталина как главы тоталитарного режима.

Очень много пищи для размышлений дает знакомство с текстом тех публицистических статей, которые по своей тематике и форме изложения были направлены на обработку общественного мнения и насаждения шпиономании, выявлению «ротозеев» и «врагов народа», разжигание антисемитских настроений. Такие статьи выходили регулярно в течение января и февраля и даже марта (!) – в среднем по 2 статьи в неделю.

Январь, начало 1953 г.

Очередной виток идеологической обработки в разгаре. Он проходит под лозунгом «Бдительность, бдительность и еще раз бдительность!». Страна еще не оповещена о том, что происходит в застенках Лубянки, где из профессорско-врачей выбиваются показания об их вредительских методах лечения руководителей партии и правительства, об их прямой причастности к иностранным разведкам. Но идеологическая подготовка по схеме, апробированной Сталиным на политических процессах тридцатых годов, идет полным ходом, и газета «Правда» на передовых ее рубежах.

Случайной выборкой просмотрим номер газеты «Правда» от **8 января**. В передовой статье «Идеологическую работу на уровень новых задач» сообщается о долге партийных организаций неустанно вооружать кадры, всех коммунистов, широкие массы трудящихся знанием решений XIX съезда партии, учением тов. Сталина о поднятии идеологической работы на уровень исторических задач. В этом же выпуске пространная статья «Идеологическая диверсия Соединенных Штатов» и статья «Усилить контроль за содержанием лекций». В них резко критикуется «так называемое движение “морального перевооружения”», требующее «прекращения классово-борьбы и всеобщего социального примирения». Особое внимание уделялось идеологическим вопросам, подвергались критике партийные организации за то, что «недостаточно вникают в жизнь творческих организаций, союзов писателей, композиторов, художников и кино, не заботятся об идейно-политическом воспитании кадров». Основной причиной недостатков является «неразборчивость в подборе лекторов, консультантов, руководителей кружков, политшкол и семинаров». Против кого были направлены эти статьи, читателю ясно, а весь стиль изложения – это прямое руководство к «чистке», совершенно аналогичной той чистке, которую провел Сталин в преддверии политических процессов 30-х годов.

Вторник, **13 января**, – черный день в жизни евреев СССР. Передовица «Подлые шпионы и убийцы под маской профессоров-врачей» легла на подготовленную почву. В передовице

* Более подробно об этом см. главу «Высокопоставленные советские евреи пишут письмо в газету “Правда”».

Табл. № 3. Характеристика статей, напечатанных с 1 янв. 1953 г. по 15 апр. 1953 года в газете «Правда» по критерию а) наличия в их тексте упоминания имени «Сталин» и б) статей, которые по своей идеологической направленности были нацелены на создание напряженности в народе и носили антисемитскую окраску.

Параметры анализа		Янв.	Февр.	Март	Апр.
Количество номеров газеты, отражающих «общий фон событий» в стране.		29	27	16	15
Выпуски газет, исключенные из анализа (указаны числа месяца)		за 21 и 22	за 14	От 5 до 19	с 16 и до конца месяца
Публицистические статьи общего профиля	Всего:	198	173	80	82
	В среднем на выпуск:	6,8	6,4	5,0	5,4
Публицистические статьи, в которых упоминалось имя Сталина	Всего:	59	47	23	1
	По отношению к общему количеству статей:	29,7%	27,1%	28,7%	1,2%
Количество упоминаний имени Сталина в номере	Всего:	227	190	65	1
	в среднем на одну статью:	3,8	4,0	2,8	1,0
Количество статей, нацеленных на создание напряженности в народе	Всего:	8	8	4	0
	Среднее количество статей в неделю:	2	2	2	0

Табл. № 4. Количество упоминаний имени Сталина в публицистических статьях, напечатанных в течение февраля 1953 г. в газете «Правда»

Дата выпуска	Всего публицистических статей в номере	Из них статей, в которых упоминалось имя Сталина	Общее количество упоминаний имени Сталина в номере
1	7	2	5
2	6	3	15
3	5	3	5
4	6	1	2
5	7	1	3
6	5	1	3
7	5	-	-
8	6	1	2
9	9	4	30
10	6	4	8
11	8	2	3
12	5	3	18
13	8	1	10
15	6	-	-
16	5	1	6
17	7	1	6
18	6	2	10
19	7	-	-
20	7	1	3
21	6	-	-
22	8	3	9
23	8	6	25
24	6	1	4
25	7	2	7
26	6	3	12
27	5	1	4
28	6	-	-
Итого за месяц	173 В среднем на выпуск - 6,4	47 По отношению к общему колич. статей - 27%	190 В среднем на 1 статью с именем Сталина - 4
До 18 февр.	101 В среднем на выпуск - 8,0	28 По отношению к общему колич. статей - 27,7%	116 В среднем на 1 статью с именем Сталина - 4,1
После 18 февр.	72 В среднем на выпуск 6,5	19 По отношению к общему колич. статей - 26,3%	74 В среднем на 1 статью с именем Сталина - 3,8

сообщалось, что врачи - убийцы, обезвреженные органами государственной безопасности, неправильным применением сильнодействующих лекарственных средств и установлением пагубного режима сократили жизнь и подорвали здоровье руководящих советских кадров. «Встав на путь чудовищных преступлений, они осквернили честь ученых <...> Эти изверги и убийцы растоптали священное знамя науки <...>. Состояли на службе у иностранных разведок». В передовице сообщалось то, что неоднократно повторялось в процессе идеологической подготовки: «Товарищ Сталин разоблачил оппортунистическую теорию о затухании классовой борьбы по мере наших успехов. Это не только гнилая теория, но и опасная теория, ибо она усыпляет наших людей, заводит их в капкан...». Передовая призывала «всемерно усиливать революционную бдительность и зорко следить за происками врага».

В связи с передовой в разделе «Хроника» опубликовано сообщение ТАСС под названием «Арест группы врачей вредителей» о том, что «органами Государственной безопасности была раскрыта террористическая группа врачей, ставивших своей целью путем вредительского лечения сократить жизнь активным деятелям Советского Союза». «Хроника» объявляет о близком завершении следствия, а причастность арестованных врачей к инкриминируемым деяниям подкрепляется такими определениями, как «врачи преступники скрытые враги народа», «врачи убийцы», «вредительское лечение больных», «злодейски подрывали здоровье», «изверги человеческого рода» и т.д.

Через неделю, **21 января** скорое завершение следственного процесса над врачами подтверждается опубликованием Указа Президиума Верховного совета за подписью Н. Шверника и А. Горкина о награждении орденом Ленина врача Лидии Федосеевны Тимашук «за помощь, оказанную правительству в деле разоблачения врачей убийц». Она, рядовой врач, «вскрыла гнойник на теле советской медицины». Идеологическая атака в самом разгаре. Она приобретает явный антисемитский характер.

22 января «Правда» печатает выступления на традиционном заседании, посвященном очередной годовщине смерти Ленина. Секретарь ЦК КПСС Н.А. Михайлов процитировал наверняка при надлежавшие Сталину слова из правдинской передовицы: «Но у нас еще сохранились пережитки буржуазной идеологии, пережитки частнособственнической психологии и морали живые люди, скрытые враги нашего народа. Эти скрытые враги, поддерживаемые империалистическим миром, вредили и будут вредить нам впредь. Именно об этом убедительно говорит дело врачей вредителей подлых шпионов и убийц, спрятавшихся под маской врачей, продавшихся раба владельцам людоедам из США и Англии».

«Правда» от **16 января**, от **18 января**, от **24 января** и от **31 января** публикует ряд статей о «беспечности и ротозействе», в которых сообщается «о моральном разложении, болтливости, отсутствии политической зоркости при подборе кадров» и звучит призыв «покончить с ротозейством в наших рядах», а партийные организации призываются к «высокой политической бдительности». В качестве примера назывались лица, приводились конкретные фамилии (И.Г. Ханович - руководитель кафедры в Ленинградской академии им. Крылова, Н.В. Борисевич, Г.Л. Заславский), которые использовали свое служебное положение в корыстных целях и брали из хранилища секретные фондовые материалы. «Герои» статей обзывались политическими проходимцами, враждебными элементами, не заслуживающими политического доверия, преклонявшимися перед Западом.

В течение всего **февраля** накал воздействия на население не стихает, а, наоборот, возрастает и характеризуется продолжением публикаций статей, обеспечивающих нагнетание напряжения антисемитского свойства. Разрабатывается и конкретизируется тема «ротозеев», продолжают звучать призывы к «бдительности».

Начало февраля

1 февраля печатается фельетон Г. Владимирова и Р. Янсона «Под крылышком ротозеев» о «человеке без определенных занятий» Абраме Натановиче Хайтине, о «соучастниках его махинаций» Морейне, Гринберге, Силине, Ковадло, Цехановиче, Горенштейне и их покровителе в райкоме партии Г. Зандмане. В этом же номере в статье Ю. Лукина «Без мастерства, без вдохновения» шельмуются поэты О. Берггольц и В. Шефнер.

6 февраля статья Н. Козева «О революционной бдительности» в очередной раз нападает сталинское положение о том, что успехи в строительстве социализма в нашей стране не ослабляют, а усиливают сопротивление врага, что среди нашего народа имеются «носители буржуазных взглядов», работающие на капиталистическое окружение, и они являются нашими злейшими врагами. В качестве таких врагов упоминается «преступная группа врачей», а С.Д. Гуревич причислен автором статьи к шпионам.

7 февраля передовая и фельетон «Простак и проходимец» усиливают накал антисемитской пропаганды. После призывов «...повышать уровень руководства предприятиями» и примеров пагубности ротозейства и беспечности, в роли проходимцев названы Борис Янкелевич Каждан, его сын Валентин и их друзья Лев Прупес, Сельцовский, Залман Абрамович Поэю мин. К этой же серии статей примыкает и подвал Г. Кардаша «Беспечность в подборе кадров».

Середина февраля

11 февраля фельетон М. Семенова «Сапоги со скрипом» ориентирован на плебс. В нем автор поведал о «жюльнической лавочке» Б.М. Шафраника и преданных ему людей Цимлера, Цеховского, Марунича, Сердюка, Крельштейна, Друкера, Купершмидта, Мардюковича и Спектора, участвовавших в «воровских комбинациях».

13 февраля. Пропагандистский нажим направляется на интеллигенцию. Статья Михаила Бубеннова «О романе В. Гроссмана "За правое дело"». Рецензент ругает автора за идейную ущербность романа, за скучный, вялый язык и художественную слабость. Но за этой литературоведческой фразеологией просматривается ее явный антисемитский характер. Статья была разбойничья, откровенно черносотенная, пронизанная от первой фразы до последней зоологической злобой. Бубеннов упрекает Гроссмана в том, что он передвинул на второй план могучего русского, советского человека, отдав предпочтение главному герою с явной еврейской фамилией, философствующего (по мнению рецензента, «болтающего») на тему о фашизме, вместо того, чтобы идти против него воевать, как это делают русские, и т.д. Но самый большой порок романа заключается, по мнению рецензента, в том, что вопреки Сталину, который «призывает к изучению объективных экономических законов развития общества», В. Гроссман устами своих героев проповедует внеисторические идеалистические взгляды.

Необходимо добавить, что после «инструктивной» статьи Бубеннова появляется целая серия публикаций (более десяти!) в других изданиях, склоняющих на разные лады просчеты, ошибки и злостные наветы на нашу советскую родину, повторяющих бубенновские изобличения. Заглавия статей говорят сами за себя. В журнале «Коммунист» (так же, как и газета Правда», органе ЦК КПСС с тиражом 1 млн. экземпляров) № 3 за 1953 г. статья А. Лекторского под названием «Роман, искажающий образы советских людей»; в журнале «Звезда» № 5 за 1953 г. (читатель, два месяца как Сталина нет!): «Это не герои Сталинграда» утверждает автор публикации, гвардии сержант Н. Добротворский; «Нечему учиться у таких героев» подпеваает автор другой публикации, ст. лейтенант Ю. Мороховский.

14 февраля сообщение о террористическом акте в Тель Авиве еще более накаляет атмосферу антисемитизма. «Свора взбесившихся псов омерзительна и гнусна в своей жажде крови...», говорится в большой статье, в которой клеймится правительство Израиля, инспирирующее грязную кампанию после того, как «органы государственной безопасности СССР <...> обрубали кровавые щупальца международной еврейской буржуазно националистической организации “Джойнт”, созданной американской разведкой для ведения шпионско диверсионной, террористической деятельности против миролюбивых государств». В заявлении по поводу брошенной во двор посольства СССР в Тель Авиве гранаты говорится, что «советские люди помнят и ни на минуту не забывают задачи, поставленные Сталиным, иметь максимальную бдительность и быть начеку».

Уж очень кстати взорвалась граната на территории миссии СССР в Израиле. Я. Этингер приводит данные, говорящие о том, что эта провокация была совершена или с подачи Москвы, или даже была организована советской агентурой. Сделано это было, по мнению Я. Этингера, чтобы обосновать разрыв дипломатических отношений, который развязал бы Сталину руки для репрессий против евреев СССР, позволил бы ему «смыть с себя пятно» за признание Израиля в 1948 г. и призвать на свою сторону арабские режимы, не скрывавшие своего намерения уничтожить еврейское государство. Что ж, вполне реально. Еще один факт, показывающий причастность лично Сталина к организации явно антисемитского «Дела врачей-вредителей» и развертывания юдофобской истерии. Он был мастер на такие авантюры.

Конец февраля

Это период, который считается, с подачи Г.В. Костырченко, некоторыми из перечисленных выше авторов временем, когда Сталин решил «свернуть агрессивную пропаганду». Просмотр газет этого периода говорит об обратном: идеологическая кампания, развернутая на страницах газеты «Правда» широким фронтом, отнюдь не сворачивается, а вступает в следующую решающую фазу, закрепляя реакцию населения на достигнутых успехах следователей в деле подготовки будущих подсудимых к открытому политическому процессу. Вспомним последнюю фразу «Хроники» от 13 января: «Следствие будет закончено в ближайшее время!». Напряжение нарастает.

20 февраля. «Правда» печатает пространную статью «Боевые задачи нашей печати», где призывает «решительно усилить идеологическую работу» и, в первую очередь, в печати, которая должна способствовать воспитанию советских людей в духе высокой политической бдительности. Зоркий глаз цензуры уж никак не допустил бы опубликования такой статьи, если ОН «дал отбой». «Правда» должна была бы первой поддержать этот «отбой». В статье опять (в который раз!) муссируется высказывание Сталина о том, что в стране сохранились «живые люди – носители буржуазных взглядов и буржуазной морали»; это явный, ничем не прикрытый призыв к расправе над «живыми людьми». Напомню, что расправа над врачами совсем близка, и страна готовится, вернее, почти готова к ней.

Кроме того, 20 февраля вписано в историю журналистики как ее черный день. (Напомню специально для Г.В. Костырченко: как раз с этой даты он объявил, что с полос «Правды» исчезла критика «еврейских буржуазных националистов» и их «заграничных хозяев», «ис

чезла воинственная риторика.) В «Правде» печатается заказная хулиганская статья О. Четкиной «Почта Лидии Тимашук»: «Да, перед ней был враг, и не один, а шайка врагов Советского Союза, злобных, хитрых и хорошо замаскированных». «Она помогла сорвать маску с американских наймитов, извергов, использовавших белый халат врача для умерщвления советских людей», и далее в том же духе.

Г.В. Костырченко, несомненно, знает эту статью, почему же он решил, что Сталин «дал отбой»? Вот уже 50 лет не стирается из памяти это произведение советской журналистики как эталон продажности и профессиональной непорядочности. Появление такой статьи в главной газете нашей страны было хорошо продумано и точно по времени рассчитано. Она была сигналом и резко активизировала антисемитскую пропаганду. Периодическая печать запестрела еврейскими фамилиями в разносных статьях о халатности, разгильдяйстве, семейственности и других грехах, в каких только можно обвинить человека. По городам поползли слухи самого невероятного свойства, и росли они как снежный ком. Атмосфера вокруг советских евреев сгущалась с каждым часом, с каждой минутой: оскорбления в общественных местах, беспричинные избиения детей в школе, увольнения с работы, начиная от директоров предприятий, институтов, заведующих лабораториями, начальников цехов и кончая рядовыми работниками. Увольнения проводились под видом сокращения штатов, мнимых нарушений дисциплины и просто без объяснения причин.

Статьи в газете «Правда» дали сигнал для ужесточения идеологической обработки населения, которая приняла истерический, антисемитский характер. Резко активизировался партийный аппарат в центре и на периферии – партийные собрания на заводах, в больницах, в институтах; обкомовские и райкомовские комиссии по проверке деятельности в основном работников еврейской национальности; организация писем протеста. Люди моего поколения хорошо помнят (не могут не помнить) этот общегосударственный антисемитский шабаш. Например, секретари районных комитетов партии г. Харькова на пятый день после появления статьи О. Четкиной докладывали о реакции местного населения на аресты «врачей-убийц»: «Среди жителей района появилось отрицательное отношение к врачам-евреям, <...> высказывались мнения, чтобы всех евреев выслать в Биробиджан, <...> не позволять врачам-евреям делать прививки детям в детских садах и школах, <...> ведутся разговоры о том, что детей заражают туберкулезом. Трудящиеся района выражают ненависть и презрение к врачам-убийцам и единодушно высказывают мнение, чтобы к ним была принята высшая мера наказания».

Кампания по «разоблачению врагов народа» раскручивалась все грознее и опаснее. Под подозрение были поставлены все медработники-евреи. Но это было только начало. Мощная кампания травли перешла с «разоблачения» медиков-евреев к гонениям на евреев вообще, независимо от их профессии. Еще не было суда, а подследственные уже были «подлыми убийцами, подонками человеческого общества, людьми, обросшими шерстью сердцами, зверьми в облике врачей, трижды проклятыми убийцами, изуверами, иудиной шайкой, преступной и омерзительной бандой ...». Эта дикая антисемитская травля была в действительности: свидетели тому – тысячи моих сограждан в СССР.

А вот как отражено в печати через 50 лет это страшное время благодаря «научной находке» Г.В. Костырченко. Его сторонник и последователь В. Балан в своей статье «Ложь о Лидии Тимашук» сообщает: «Статья Ольги Четчкиной показала, что еврейский аспект “Дела врачей” в середине февраля был снят» и что «эта статья была первым шагом к их (врачей – Ф.Л.) реабилитации» (33). Вот такой подарок сделал Г.В. Костырченко и В. Балан убийцам – Сталину, Берии и их соратникам, вернее, сообщникам, а заодно и современным отъявленным антисемитам – Проханову, Васильеву, Макашову, Баркашову и иже с ними.

Пойдем дальше по страницам газеты «Правда». Слепому видно, что в последние дни февраля газета всеми силами поддерживала развернувшуюся пропагандистскую вакханалию.

25, 26, 27 февраля появляется серия статей о бдительности, о неизбежности обострения классовой борьбы в условиях капиталистического окружения, об опасности шпионажа и вредительства (передовые: «Партийным организациям работу на уровень новых задач партии», «Свободные народы повышают бдительность», статья секретаря Чкаловского обкома КПСС П. Корчагина «О требовательности в работе»).

Таким образом, знакомство с печатной продукцией газеты «Правда» и проведенный ее контент-анализ противоречит утверждению Г.В. Костырченко о том, что в конце февраля Сталин пошел «на попятную, свернув агрессивную пропаганду, носившую антисемитскую подоплеку». Все было как раз наоборот – февраль, и особенно его последняя декада, характеризовался ширококомасштабной оголтелой антисемитской кампанией, которую реализовать без личной активной поддержки Сталина (а, скорее, и организованной по его инициативе) было невозможно. Газета «Правда» еще более разожгла страсти в процессе подготовки «Дела врачей-вредителей» к открытому судебному процессу.

Можно было бы к этому добавить перечень статей, заметок, сообщений на эту неблагоприятную тему, напечатанных в последней декаде февраля в других центральных газетах и журналах, да жаль печатного места, ведь получился бы увесистый том, кстати, изданный в Израиле еще в 1973 г. (225). Да если бы появилась хоть одна строчка вопреки желанию и приказанию Сталина, не только редактора одного печатного издания, не только всей редколлегии вместе с технической редакцией, но и самого издания моментально бы не стало.

Анализ текстового материала газеты «Правда» за **март** тоже очень важен для решения вопроса о роли Сталина в «Деле врачей-вредителей». Ведь с первого числа он не у дел – его поразил мозговой инсульт. Он уже полутруп, над ним колдуют врачи. Поражение мозга было настолько тяжелое, что прогноз предрешен. А публикации на страницах газеты «Правда» продолжают без каких-либо изменений.

1 марта. С. Борзенко подробно пишет об изданной в Северной Корее брошюре «Работа шпионов», знакомит читателя с «коварными методами вражеской разведки, которую ведут американцы – цивилизованные варвары XX века. Автор и дает читателю конкретные рекомендации по бдительности и осторожности.

2 марта. А. Ерохин в фельетоне «Утраченные анализаторы» повествует о том, как при содействии научного сотрудника Черномордика подопытная свинья, откормленная особым новым методом, была отправлена на квартиру директора НИИ теоретической медицины проф. Бронувицкого и разделана там на окорока и котлеты.

4 марта. Правительство сообщает о болезни Сталина. **Следующие дни** газета заполнена сообщениями о его агонии, смерти, народном прощании и похоронах с водворением гроба в мавзолей, теперь уже Ленина Сталина. Однако о «ходынке», устроенной организаторами очереди в Колонный зал и унесенной в могилу несколько сотен прощавшихся, газета «Правда» умалчивает, зато обильно печатает соболезнования. К траурным выпускам, посвященным Сталину, добавляются траурные рамки в связи со смертью Клемента Готвальда. На это уходят почти все выпуски газеты от **5 до 19 марта**. Результаты анализа этих выпусков газеты мы в работе не представляем, так как они не вписываются в то, что мы назвали «фоном» и не отражают основную, базовую политическую ситуацию и общие условия, сложившиеся в стране в эти дни 1953 г.

Угар похорон прошел. Никаких указаний «сверху». Новый «верх» в лице Г.М. Маленкова, Н.С. Хрущева, Л.П. Берии и др. делит власть. И опять в газете появляются статьи старого «сталинского» направления.

15 марта. Статья Я. Калнберзина посвящена бдительности в связи с широкой шпионской деятельностью США против СССР. Доказательства злодеяния орудовавших в нашей стране врачей вредителей, продавшихся рабовладельцам людоедам из США и Англии. Опять фигурирует в статье тезис Сталина о «вражеском окружении» в рамках старой январь-февральской фразеологии.

18 марта. Обращает на себя внимание статья Д. Чеснокова «И.В. Сталин о Советском государстве». Это тот самый Чесноков, который был введен Сталиным на XIX съезде партии в члены Президиума ЦК. Причем ни для кого не было секретом, что избрание Д.И. Чеснокова на столь высокий пост связано с его позицией, представлявшей евреев основными врагами социалистического государства. Он заработал свое место в высшем органе власти СССР тем, что приветствовал Сталина за разгром в тридцатых годах оппозиции, в основном состоящей из евреев. Это тот самый Чесноков, которому приписывается составление брошюры, обосновывающей и призывающей к депортации евреев из промышленных городов СССР. В последней публикации, развивая в статье теоретические аспекты государства, автор, перепевая высказывания Сталина, он особо указывает на «опасность недооценки роли и значения буржуазных государств и их органов, засылающих в нашу страну шпионов, убийц и вредителей». Автор отмечает «значение Советского социалистического государства, его военных, карательных и разведывательных органов, необходимых для защиты страны...». Особо отмечает Чесноков важность неоднократных призывов И.В. Сталина «помнить о наличии враждебного капиталистического окружения, повышать бдительность советских людей и всемерно укреплять Советские Вооруженные силы, карательные органы и разведку». Замечу, что неделей раньше была напечатана передовица «Неустанно крепить мощь советского государства» с той же самой фразеологией, что почти точно избличает ее автора Д.И. Чеснокова.

И только **20 марта** повеяло чем-то иным с полос газеты «Правда»: в передовой «Неустанно укреплять дружбу народов» прозвучала давно исчезнувшая примечательная фраза: «Коммунистическая партия, следуя заветам Ленина и Сталина, будет и впредь проводить политику равноправия и дружбы народов, поддерживать и поощрять расцвет культуры нации»

нальной по форме и социалистической по содержанию. Коммунистическая партия вела и ведет непримиримую борьбу против всех <...> пытающихся расстроить дружбу народов».

Однако уже **22 марта** в передовой «Насущные задачи книжных издательств» говорится о недостатках в идейно теоретическом содержании издаваемых книг, о субъективистских ошибках в печатных работах, о практике приятельских отношений и взаимного восхваления. В том же номере газеты в статье о безответственном отношении к подбору хозяйственных кадров в качестве примеров перечислены лица с явными еврейскими фамилиями Бовшовер, Замуховский, Кочубеевский.

23 марта в статье «Выше уровень мастерства» опять брошены упреки устроителям Всесоюзной художественной выставки за скучные невыразительные композиции Е. Данилевского, Л. Гуревича, И. Юхно, за неумение глубоко видеть и понимать жизнь. В статье раскритикованы работы этих художников за то, что они отошли от принципов ленинско-сталинского гуманизма.

26 марта в статье «Неустанно повышать бдительность свободных народов» опять, как всплеск затянувшейся болезни: «Быть бдительными это указание тов. Сталина албанский народ выполняет точно в любом месте и в любой обстановке <...> Беспощадными были и всегда будут удары партии по ее открытым и замаскированным врагам. <...> Партия и впредь будет срывать маски...».

К этому необходимо добавить, что ежедневно в течение всего марта под рубрикой «Советы в Корею» сообщается об «американских агрессорах», которые применяют бактериологическое оружие, обстреливают район переговоров в Паньмынгжоне, и о расправе «американской военщины» с военнопленными.

О чем говорят мои многословные перечисления мартовских публикаций в газете? О том, что до момента болезни Сталина в газету не поступало никаких указаний об изменении политики партии, направленных на разрядку того напряжения, которое им же было создано. О том, что до последней декады марта, даже после заболевания, смерти и похорон Сталина, в редакцию газеты «Правда» ни от кого из нашей правящей верхушки указаний об остановке антиамериканской и антисемитской кампании, прямо связанной с подготовкой «Дела врачей-вредителей», не поступало. Это все плод неумолимого, неподтвержденного фактами воображения. Редколлегия газеты «Правда» и ее редактор, не получая никаких указаний, продолжали осуществлять ту политику, которую наметил ее творец – Сталин.

И опять-таки, если Сталин до своей смерти, как считает Г. Костырченко в обосновании своей антидепортационной версии, «дал отбой», или, как предполагает Жорес Медведев, идеолог М. Суслов и силовик С. Игнатъев в первый же день болезни Сталина дали директиву не только «Правде», но редакциям «всех средств массовой информации, лекторам и пропагандистам всех уровней» об «остановке уже набравшей силу пропагандистской кампании», то почему продолжали действовать по старым инструкциям партийные боссы в Харьковском государственном университете? Там аж 21 марта на партбюро был заслушан доклад комиссии о кадрах физико-математического факультета, в результате

которого были «отстранены от должности» все сотрудники-евреи, занимавшие должности заведующих кафедрами и доцентов. Архив сохранил речь главы комиссии А. Сластенова, которой аплодировал бы и сам Геббельс. «Кадры коренной национальности не занимают ведущего положения. Из 12-ти заведующих кафедрами только 6 человек русских и украинцев. В числе членов ученого совета 13 русских и украинцев и 11 евреев». В результате такого инквизиторского судилища профессора Дринфельд и Левин были уволены с кафедры матанализа, доцент Ландкоф – с кафедры теории функций, доценты Дольберг и Шун – с кафедры механики, профессор А.С. Мильнер – с кафедры общей физики.

Если Суслов и Игнатъев, как об этом говорит Ж. Медведев, остановили «уже набравшую силу пропагандистскую кампанию», тогда почему в марте в Москве в Союзе писателей продолжает раскручиваться колесо шельмований и административных гонений на писателей, литературоведов и критиков евреев? Начатое еще в 1949 г. очищение писательских рядов от «безродных космополитов» к концу февраля – началу марта 1953 г. набирало обороты. Об этом подобоострастно спешит сообщить Сталину и Маленкову руководство Союза писателей в лице К. Симонова и А. Сафронова (А. Фадеев прихворнул очередным запоем, да так, что даже не смог расписаться).

Март месяц. Главный вершитель всех судеб – в мавзолее, рядом с другом и учителем, а холуи продолжали исполнять запущенные «руководящие указания». Оставалось ведь немного – начать погромы. Но Сталина нет, и подсказки, что делать дальше, тоже нет. Вот и приходилось работать в старом направлении. А «наверху» не до каких-то врачей, писателей, ученых. «Наверху» сами отходили от страха, да и занимались дележом мест под солнцем. Сталинские же инструкции продолжали действовать.

Следует также отметить, что в марте количественные параметры публикаций с именем Сталина и общего количества упоминаний этого имени также остались без существенных изменений (см. табл. № 3). Это можно объяснить определенной инерционностью со стороны руководящих органов. Однако уже в конце месяца в статьях «Против настроения парадности и благодушия» (**25 марта**), «Высокая ответственность партийного работника» (**27 марта**), «Сила советского строя» (**28 марта**) обошлись без единого упоминания имени Сталина! Всего месяц тому назад такая «вольность» была бы невозможной. Это уже четкий симптом, говорящий о том, что в связи с отсутствием «хозяина» его культ зашатался.

Оторвемся от газеты «Правда» и заглянем на Лубянку (теперь уже под названием КГБ СССР), где под следствием уже четыре месяца находятся «врачи-вредители». Что с ними происходит? Можно заглянуть и на киевскую Лубянку (следственный отдел 4-го Управления МВД Украинской ССР), где готовится такое же «Дело врачей». Ведь по мнению Ж. Медведева «следствие по сионистскому заговору было прекращено <...> Игнатъевым днем 1 марта», т.е. сразу

после того, как у Сталина случился инсульт и четверка ближайших соратников Сталина (Берия, Маленков, Хрущев и Булганин) получила сведения о болезни вождя. «Прекращение пропагандистской кампании неизбежно было связано с прекращением подготовки самого судебного процесса по “Делу врачей”», – пишет Ж. Медведев.

А что было на самом деле, мы узнаем из протоколов допросов моей мамы – врача-педиатра Евгении Федоровны Лившиц; профессора Якова Соломоновича Темкина, его жены Анны Израилевны (265); врача Госстраха Марии Евзоровны Вейцман (41) – сестры бывшего президента Государства Израиль Х. Вейцмана, а также профессора Виктора Моисеевича Коган-Ясного.

ЛИВШИЦ Е.Ф. Следственное Дело № 5522
Краткое изложение содержания протоколов
за март и апрель 1953 г.

17 марта. Время допроса: 22.40 – 1.40.

Следователь выясняет политические взгляды семьи Соркиных.

18 марта. Время допроса: 22.30 – 1.00.

Следователь выясняет политические взгляды профессора Пасынкова.

23 марта. Подследственной представлено заключение медицинской экспертизы о ее врачебной деятельности. Заключение экспертов: «Можно сказать, что обслуживающий врач или мало разбирающийся в заболеваниях или небрежно преступно относящийся к своим обязанностям».

26 марта. Время допроса: 22.00 – 1.40.

Следователь требует признания в антисоветской пропаганде «клеветнического характера».

30 марта. Время допроса: 15.00 – 16.35.

Допрос ведут военный прокурор полковник юстиции Т. Кузякин и следователь Зотов. Требуют от подследственной признания во вредительском лечении больных детей руководителей партии и Советского государства.

1 апреля. Время допроса: 22.30 – 1.00.

Следователь выясняет политические взгляды Массиновой.

2, 3, 6 апреля. Обсуждение со следователем заключения медицинских экспертов.

6 апреля. Время допроса: 21.30 – 1.45.

Следователь ведет допрос о характере работы сына.

8 апреля. Время допроса: 21.45 – 0.45.

Следователь требует признаться в «сокрытии пороков неправильного лечения», «проявлении халатности» при лечении больных детей руководителей партии и правительства».

ТЕМКИН Я.С. Следственное Дело № 5695.
Краткое изложение содержания протоколов за март 1953 г.*

2 марта. Время допроса: 13.00 – 18.40.

Следователь требует признания в терроризме, участии в преступной группе Вовси – Когана, в работе с 1948 г. на американскую разведку, в преступном лечении больных.

3 марта. Время допроса: 14.00 – 17.00.

Те же требования, что и 2 марта.

3 марта. Время допроса: 22.00 – 3.15.

Те же требования, что 2 и 3 марта.

4 марта. Время допроса: 22.30 – 4.00.

Следователь продолжает требовать признания в терроризме, участии в преступной группе Вовси – Когана, в работе с 1948 г. на американскую разведку, в преступном лечении больных.

5 марта. Время допроса: 15.00 – 1.45.

Помимо ранее высказанных требований, следователь предъявляет дополнительное обвинение в преступном лечении А.А. Андреева (зам. председателя Совета Министров СССР).

7 марта. Время допроса: 13.15 – 18.15.

Помимо ранее высказанных требований, следователь дополнительно предъявляет обвинение в преступном лечении Лакунина.

8 марта. Время допроса: 15.00 – 18.45.

Требование следователя откровенно признать террористические действия при лечении А.А. Андреева и раскрыть преступные связи с американской разведкой.

10 марта. В следственное дело вложено Постановление о продлении срока следствия Я.С. Темкина **до 10 апреля** 1953 г.

11 марта. Время допроса: 14.00 – 4.00.

Те же требования: откровенно признать террористические действия при лечении А.А. Андреева и раскрыть преступные связи с американской разведкой.

12 марта. Время допроса: 13.30 – 18.20.

Впервые за весь период следствия следователь требует признания в связях с сотрудниками американского посольства, куда Я.С. Темкин вызывался Министерством иностранных дел для медицинских консультаций (в сопровождении сотрудника министерства Толстой).

12 марта. Время допроса: 22.40 – 4.30.

Продолжение допроса на ту же тему.

13 марта. Время допроса: 23.10 – 4.20.

Впервые высказывается требование признать преступную связь с советником американского посольства Дж. Кеннаном (известным американским дипломатом, русистом, поверенным в делах США в Москве), которого Я.С. Темкин консультировал 25 и 27 февраля 1946 г.

* Краткие выписки из протоколов допросов проф. Я.С. Темкина и его супруги А.И. Темкиной воспроизводятся с любезного согласия их дочери – В.Я. Темкиной.

ТЕМКИНА А.И. Следственное Дело № 51.

Краткое изложение содержания протоколов за март 1953 г.

2 марта. Время допроса: 21.30 – 4.45.

Требование следователя признаться в буржуазном национализме и обвинениях советского руководства в антисемитизме.

3 марта. Время допроса: 21.20 – 4.00.

Требование следователя рассказать все о родителях, выяснение наличия родственников за границей.

4 марта. Время допроса: 21.10 – 3.50.

Требования признаться в критике советского руководства.

5 марта. Время допроса: 21.10 – 1.15.

Обвинения в антисоветских клеветнических измышлениях.

7 марта. Время допроса: 22.45 – 4.35.

Требования сознаться в антисоветских разговорах с мужем, в восхвалении космополитизма.

10 марта. Время допроса: 22.15 – 3.50.

Обвинение в оказании материальной помощи Еврейскому театру и антисоветских высказываниях по поводу его закрытия.

12 марта. Время допроса: 12.50 – 17.00.

Обвинения в разговорах с мужем, порочащих советскую действительность.

14 марта. В следственное дело вложено Постановление о продлении срока следствия А.И. Темкиной **до 22 апреля 1953 г.**

**ВЕЙЦМАН М.Е. Цитируется по статье Э. Белтова
«Сестра еврейского президента» (41).**

20 марта. На вопрос следователя – Известно, что вы в силу своей враждебности докатились и до террористических высказываний против руководителей советского правительства.

Ответ: Этого я признать не могу.

Вопрос: Ваш муж Савицкий В.С. на допросе в апреле 1949 г. показал, что он с вами «злорадствовал по поводу смерти Жданова», и вы даже «высказывали пожелание смерти Сталину».

Ответ: Действительно, злорадствовали, и верно – желали.

**КОГАН-ЯСНЫЙ В.М. Следственное Дело № 149931
Краткое изложение содержания протоколов за март и
апрель 1953 г. Следователи Погребной, Константинов*.**

4 марта. Время допроса: 19.30 – 1.10.

Обвинение в шовинизме и национализме, проявившихся опубликованием статей националистического характера и предвзятого отношения к сотрудникам кафедры.

* Краткие выписки из протоколов допросов проф. В.М. Коган-Ясного воспроизводятся с любезного согласия его родственника, проф. Э.С. Любошица.

11 марта. Время допроса: 20.00 – 0.20.

Требование следователя признания националистических взглядов и злонамеренного хранения в собственной домашней библиотеке книг националистического характера (4-томник «История еврейского народа», составленные Бяликом «Сказания, притчи, изречения Талмуда и мидрашей, книга Добрушина «Вениамин Зускин», «Вопросы биологии и патологии евреев»).

13 марта. Время допроса: 20.00 – 0.30.

Требования сознаться в активной антисоветской националистической деятельности.

27 марта. Время допроса: 15.00 – 18.45.

Требование следователя признать серьезные ошибки идеологического и научного характера в лечебной и преподавательской деятельности, протаскивании реакционных теорий Вирхова и Вейсмана.

28 апреля. Время допроса: 10.45 – 4.45.

Следователь выясняет причины выступления на 2-м Всесоюзном съезде врачей с обвинениями в адрес Советской власти по поводу разразившегося в стране голода.

Всю первую половину марта следствие продолжалось в том же стиле, что и ранее, с теми же обвинениями, теми же методами – стойки, ночные допросы, пытки бессонницей, издевательства. Только один вопрос к Ж. Медведеву. Откуда он взял, что следствие по сионистскому заговору было прекращено министром госбезопасности С. Игнатьевым днем 1 марта?

Март ознаменовался еще одним государственным мероприятием, опровергающим суждение о том, что сам Сталин «дал отбой» «Делу врачей-вредителей». На следующий день после смерти Сталина и на шестой день после начала его болезни, 6 марта 1953 г., был принят Указ Президиума Верховного Совета СССР о лишении Михоэлса С.М. звания народного артиста СССР и ордена Ленина. Если бы организатор «Дела врачей-вредителей» сподобился закрыть это дело собственноручно в конце февраля, то уж наверняка успел бы дать соответствующее распоряжение и не лишать заслуженных наград того, от кого уж никак не могли исходить директивы (далее цитирую последнюю строчку из «Сообщения ТАСС» от 13 января 1953 г.) «об истреблении руководящих кадров СССР из США от организации “Джойнт” через <...> известного еврейского буржуазного националиста Михоэлса». Также думаю, что этот позорный Указ Президиума Верховного Совета не был бы подписан, если бы, как это считает Жорес Медведев, в первый же день болезни Сталина М. Суслов и С. Игнатьев дали директиву не только «Правде», но редакциям «всех средств массовой информации, лекторам и пропагандистам всех уровней» об «остановке уже набравшей силу пропагандистской кампании».

И завершим обзор газетной информации за март иллюстрацией нескольких публикаций из других центральных и периферийных газет, говорящих о том, что никаких приказов «свыше» о прекращении нагнетания напряжения в обществе, шельмования арестованных врачей как «еврейских буржуазных на-

ционалистов» и их американско-британских «заграничных хозяев» до смерти Сталина не поступало.

Это статья К. Боголюбова «Революционная бдительность – наше мощное оружие» в газете «Труд» № 52 от 3 марта; в этот же день в «Медицинском работнике» №18 – статья В. Смирнова «Джойнт – филиал американской разведки». На следующий день – залп из статей П. Прохорова и Ю. Алексеева в «Комсомольской правде» № 53: «Выше революционную бдительность», М. Ильина

«Бдительность – наше оружие» в газетенке «Патриот Родины», и Е. Болдырева «Бдительность – наше оружие» в «Советской Белоруссии» № 53.

Статья Ф. Беляева «Бдительность – драгоценное качество советских патриотов» выходит в день смерти главного вершителя судеб – 5 марта – в газете «Советская Киргизия», а в «Труде» помещена статья Ю. Завенягина «Правители Израиля – лакеи американских монополий».

И уже после смерти Сталина 7 марта газета «Коммунист Таджикистана» в 56-м выпуске дублирует антисемитский опус Ф. Беляева «Бдительность – драгоценное качество советских патриотов». Нельзя не упомянуть и передовую «Правды Украины» от 9 марта (день похорон Сталина): «Воспитывать кадры в духе политической бдительности».

Ничего не изменилось и у советских писателей. 24 марта 1953 г. А. Фадеев направляет Секретарю ЦК КПСС «Постановление Президиума правления Союза советских писателей СССР о романе В. Гроссмана “За правое дело” и о работе редакции журнала “Новый мир”», в котором отмечается, что «Президиум правления Союза советских писателей СССР считает совершенно правильной резко критическую оценку, которую получила первая книга романа В. Гроссмана “За правое дело” в статьях “Правды”, журнала “Коммунист”, а также в редакционной статье “Литературной газеты”. Президиум отмечает, что серьезные ошибки и недостатки романа В. Гроссмана объясняются прежде всего отступлением писателя от позиций партийности литературы. Произведение содержит серьезные идейные пороки, в его основе лежит грубо ошибочная идейно-творческая концепция. <...> Президиум правления Союза советских писателей отмечает, что редколлегия журнала “Новый мир”, напечатавшая роман В. Гроссмана, допустила большую ошибку, не проявила необходимой бдительности и требовательности к идейно-художественному качеству произведения. Журнал в целом ведется неудовлетворительно, редакция плохо справляется с возложенными на нее обязанностями, снизила идейно-художественное качество печатаемого литературного материала. Редколлегия в течение 1951 – 1952 гг. допускала проникновение на страницы “Нового мира” чуждых в идейном отношении произведений (антипатриотическая статья А. Гурвича “Сила положительного примера”, упомянутый роман В. Гроссмана). Публиковались произведения, содержащие крупные идейные пороки (Э. Казакевич “Сердце друга”, стихи Н. Асеева). <...> Отдельные критики, игнорируя пороки романа и всячески расписывая его мнимое художественное совершенство, занялись безудержным восхвалением и беззастенчивой рекламой произведения (выступления Л. Субоцкого, В. Гоффенцефера, Г. Бровмана, Н. Толченовой, А. Авдеенко на устных об-

суждениях в ССП, статьи С. Львова, З. Галанова, А. Дымшица). В предвзятых оценках, апологетическом отношении этих критиков к роману отчетливо проявились идейно чуждые взгляды, беспринципность, а в ряде случаев групповые, приятельские интересы.

Президиум правления Союза советских писателей в своем большинстве не принял во внимание справедливую критику, выраженную в обсуждении романа В. Гроссмана до его напечатания писателями М. Бубенновым, Б. Агаповым, В. Катаевым, В. Кожевниковым, Н. Грибачевым».

Апрель месяц характеризуется практически полным отсутствием в «правдинских» публикациях имени Сталина. Это прослеживается уже с первых апрельских номеров газеты «Правда», что однозначно говорит о начале процесса десталинизации.

4 апреля – было опубликовано «Сообщение Министерства внутренних дел СССР о полной реабилитации всех, проходивших по делу “Врачей-вредителей”». В нем сообщалось, что МВД «провело проверку всех материалов предварительного следствия <...> по делу группы врачей, обвинявшихся во вредительстве, шпионаже и террористических действиях <...> В результате проверки установлено, что привлеченные по этому делу <...> были арестованы <...> неправильно, без каких-либо законных оснований. Установлено, что показания арестованных <...> получены <...> путем применения недопустимых и строжайше запрещенных законами приемов следствия. Арестованные полностью реабилитированы <...> и из под стражи освобождены».

В этом же номере газеты появилось сообщение об отмене указа о награждении врача Л. Тимашук орденом Ленина, а само награждение квалифицировалось как «неправильное».

Президиум ЦК КПСС 3 апреля 1953 г. вынес постановление об освобождении 37-ми врачей и членов их семей, сидевших по «Делу врачей-вредителей», и в ночь на 4 апреля всех их развезли по домам на черных легковых машинах. Видимо, на тех же, на которых их почти полгода тому назад свозили на Лубянку, и в том же сопровождении...

Как уже было сказано, решение о прекращении «Дела врачей» вынесло Министерство внутренних дел, то есть инициатива исходила как бы лично от Берии. Этой публикацией Берия поспешил обелить себя в глазах всех, освободиться от ответственности за организацию этого дела и сообщить, что Сталин – основной организатор беззакония. В «Сообщении Министерства внутренних дел СССР» говорилось, что обвинения против врачей ложные, а документы, на которые опирались работники следствия, несостоятельны. Первый раз у нас в стране за все годы существования советской власти было черным по белому записано, что «показания арестованных, якобы подтверждающие выдвинутые против них обвинения, получены работниками следственной части путем применения недопустимых и строжайше запрещенных советскими законами приемов следствия».

Середина апреля. Газета «Правда» свободна от имени Сталина. Непривычно! В передовицах и во множестве публицистических статей нет ни одного упоминания о Сталине. Нет его и в таких статьях, где ранее не могло не

быть его имени, нет даже ссылок на его гениальные труды, нет ни одного упоминания, что «Сталин указал...», «Сталин предложил...», «Гов. Сталин разоблачил...». А названия статей-то какие: «Неуклонный рост благосостояния советского народа», «Две политики, два экономических итога», «На благо советского человека», «Снижение цен в СССР и рост дороговизны в странах капитала», «За новые производственные успехи», «Партийное руководство социалистическим соревнованием» и т.д.

Нет Сталина, и культ его испарился. Все предельно ясно и видно невооруженным глазом. Надо только найти время и внимательно посмотреть на печатную продукцию того времени, на документы той эпохи – эпохи «позднего сталинизма».

Однако, несмотря на публикацию в «Правде» о прекращении «Дела врачей-вредителей», план по очистке медицины от «еврейских кадров» выполнен не полностью. Ленинград – вторая столица Союза – отнюдь не заштатный город, до которого с трудом добиваются руководящие указания Центра. Но никаких распоряжений не поступило.

Институт эпидемиологии и микробиологии им. Л. Пастера МЗ РСФСР. Апрель. Специально организованными аттестационными комиссиями уже уволены под тем или иным предлогом ведущие работники института – заведующие лабораториями и подразделениями (М.С. Могилевский, Ф.И. Красник-Орлик, Н.С. Клячко, А.Г. Григорьева-Беренштейн), научные сотрудники (Е.С. Каганская, К.М. Хаит и др.). Партийное и административно-медицинское руководство не волнуется, что срываются научные разработки по эпидемиологическим характеристикам очагов особо опасных заболеваний (холеры, сыпного тифа) и профилактических мероприятий, препятствующих распространению бактериальных и вирусных инфекций (скарлатины, гриппа, кори и др.). План по оздоровлению кадров надо выполнять, его никто не отменял. Аттестационную комиссию в свое время не остановили те обстоятельства, что Ф.И. Красник-Орлик и Е.С. Каганская в жесточайшие годы ленинградской блокады, будучи в состоянии алиментарной дистрофии, продолжали работать в институте, выполняя ответственные задания по предотвращению эпидемий среди умирающего населения и среди войск, защищавших осажденный город. Созданные при их участии вакцины против сыпного тифа и лептоспирозной желтухи спасли сотни жизней блокадного и послеблокадного Ленинграда.

19 апреля (читатель, обрати внимание на дату!) из Москвы прибывает начальник отдела кадров МЗ РСФСР Казаков. Он возглавляет комиссию, которая отстраняет от работы еще не уволенных Э.А. Фридман и М.С. Идину. Без объяснения причины, по сокращению штатов!..

Вместо выводов. Выдвинутое Г.В. Костырченко и подхваченное рядом журналистов и историков положение о том, что И. Сталин, по тем или иным соображениям, дал указание свернуть «Дело врачей-вредителей», отменить за-

планированный им политический судебный процесс, который должен был стать предтечей к тотальному террору, сопровождаемому еврейскими погромами и депортацией евреев, ложно по своей сути.

Объективные факты полностью исключают такое развитие событий в последние недели жизни И. Сталина. Проведенное исследование еще раз показало, что только Сталин был инициатором всех беззаконий, которые творились в Стране Советов, а сподвижники, включая его ближайшее окружение, были безгласными и ретивыми исполнителями. Только со смертью Сталина 5 марта 1953 г. остановилась «скрипучая телега следствия» (выражение самого Сталина!), сорвался уже почти подготовленный открытый судебный процесс над «врачами-вредителями», остались не построенными виселицы, оказались без дела уже готовые к разгулу погромщики, не заполнились эшелоны смерти, не сгнил в Сибири ни в чем не повинный еврейский народ.

Анализ статей, опубликованных газетой «Правда», показал, что объективные данные в сфере изученных критериев (абсолютное количество, частота и удельное количество упоминаний имени Сталина, количество и антисемитская направленность статей) свидетельствуют об отсутствии в течение января – февраля 1953 г. изменений по отношению к готовящемуся Сталиным открытому процессу над врачами.

Хочу особо отметить, что в статье Г.В. Костырченко на обсуждаемую тему, напечатанной в «Нашем современнике» (2003. № 3. С. 199), я не нашел ссылку на его самый важный антидепортационный аргумент, что «с полос центральных газет исчезла воинственная риторика», и что «...с 20-х чисел февраля с полос “Правды” исчезла критика “еврейских буржуазных националистов” и их “заграничных хозяев”». Это произошло после публикации в журнале «Лехаим» (2003, № 1) моей статьи «Ты берешься за молнию вместо ответа – значит, ты неправ» с изложением того, с чем читатель ознакомился в этой главе. Похвально! Исследования текстовой информации газеты «Правда» сделали свое дело. Но тогда разрушилось все «антидепортационное здание», построенное Г.В. Костырченко на этом выдуманном фундаменте.

Преступления, совершенные большевистско-коммунистической кликой во главе со Сталиным, документально доказаны. В перечень преступлений несомненно нужно включить и массовые депортации, которые унесли жизни миллионов советских граждан. За эти человеконенавистнические акции Сталин несет личную ответственность. Депортация советских евреев планировалась Сталиным как одна из важных составляющих его внутренней политики. Таков его криминальный почерк. Осуществление депортации было неизбежно, не умри тиран вовремя, и только поэтому не совершилось спланированное им последнее его злодеяние.

* * *

Думаю, что читатель сам по достоинству оценит содержащиеся в этой работе доказательства наличия у Сталина планов депортации евреев – граждан СССР. Каждый имеет право на собственное понимание и толкование изучаемых исторических явлений. Важно только, чтобы при изучении истории большевистской России и периода «позднего сталинизма» не переоценивалась роль бумажно оформленного факта. Полагаю, что недооценка и игнорирование историками-архивистами нетрадиционных методов анализа с использованием системного подхода и свидетельств очевидцев-участников событий может привести к ложным выводам, как это и произошло при изучении вопроса о депортации.

КАК НАЧАЛСЯ «ПОСЛЕДНИЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС СТАЛИНА», И ЗАВЕРШИЛСЯ ЛИ ОН?

События Последнего политического процесса Сталина ушли в историю, но подлинная его история еще не написана.

Как и всякое тоталитарное государство, сталинский Союз Советских Социалистических Республик имел две истории. Одна – показная, состоявшая из речей, постановлений, газет, журналов, книг и радиопередач. Будучи насквозь идеологизированной, эта история разлагала сознание людей. Но была и другая, подлинная история, по которой государство осуществляло гнет практически всех народов Советского Союза. Она отражена в жизни, быте ее современников и огромной массе секретных документов, устных приказов, телефонных распоряжений.

На наших глазах создавалась история нашей жизни в Стране Советов. Мы были ее свидетелями, участниками, исполнителями, жертвами. Но при этом не всегда догадывались об истинном смысле событий, не всегда понимали их трагическое значение. Нам в жизни повезло. Пришло время, когда неизвестное стало известным, когда стало возможным взглянуть на пройденный страной и лично тобой путь более осмысленно.

Государство, Партия, Идеология, Быт – все в Советском Союзе было подчинено одному человеку – Сталину. Им же был организован и его Последний политический процесс. В этой книге представлена совокупность мероприятий, задуманных, спланированных и осуществленных как лично Сталиным, так и его приспешниками под его непосредственным руководством. Системный подход к различным общественным явлениям, ситуациям, фактам, документам, лицам, деятельности организаций позволил выявить их внутреннее единство и наглядно представить главные рычаги, которые были задействованы при осуществлении карательных мероприятий – убийств, репрессий, шантажа. Такой подход позволил также оценить и роль националистических механизмов, в данном случае антисемитизма, в реализации человеконенавистнических планов Сталина.

Я рассматриваю Последний политический процесс Сталина, состоящим из двух составляющих – «Дела Еврейского антифашистского комитета» и «Дела врачей-вредителей» – как важный этап внутренней политики Сталина, нацеленный на упрочение своей единоличной власти. В процессе работы над книгой передо мной неоднократно вставал вопрос: с чего начался, когда был заложен первый камень в череду исторических событий конца 40-х – начала 50-х гг. сталинской эпохи? На первых порах мне казалось, что он начался с момента ареста зимой 1949 г. еврейской элиты, связанной с Еврейским антифашистским комитетом. Но сразу понял, что совершаю серьезную историческую и юридическую ошибку. Последний политический процесс Сталин начал на год раньше, с убийства Соломона Михайловича Михоэлса. Это кровавое злодеяние произошло на фоне оголтелого, начатого еще в 1946 г., наступления на творческую интеллигенцию постановлениями о журналах «Звезда» и «Ленинград», об опере Мурадели «Великая дружба». В дальнейшем основной мишенью кампании против «антинародного формализма» в музыке, литературе, искусстве, архитектуре и театре стала преимущественно еврейская интеллигенция. С 1948 г. под камуфляжем борьбы с безродным космополитизмом политико-идеологическая кампания приобрела явный антисемитский характер. Значит, надо начать с антисемитизма. Антисемитизм в период позднего сталинизма был хорошо продуманным ходом с далеко идущими последствиями.

А когда он начался у нас в стране? Когда Сталин задумал включить антисемитизм в качестве орудия укрепления собственной власти? Ведь по мнению многих специалистов-историков и разнокалиберных политиков, его не было до Отечественной войны (140). Этот отрезок времени советской истории характеризовался ослаблением антисемитизма (после ярого его всплеска начала двадцатых годов), а затем и полным прекращением в советской печати кампании против антисемитизма. Миф строился по простой логике – раз нет борьбы с антисемитизмом, стало быть, нет и самого антисемитизма. Даже на международном уровне было признано, что в СССР антисемитизм в предвоенные годы правительством не культивировался (68).

Евреи Страны Советов были примерными гражданами, демонстрируя поразительную способность к ассимиляции. Они практически поголовно приняли коммунистическую доктрину нивелирования различий между народами и создания нового человека в новом социалистическом обществе. Творцом новой счастливой судьбы советских евреев был объявлен «отец народов» Сталин.

В конце концов принял решение начать с того момента, когда евреи из активных попутчиков Сталина должны были, по его планам, превратиться во врагов народа. Ряд исследователей (65, 98, 303) считает, что русско-шовинистическая идеология была декларирована Сталиным лишь после войны на знаменитом банкете высшего командного состава Красной Армии в честь победы над фашистской Германией 24 мая 1945 г. Он провозгласил тост не за советский народ, а за русский народ. Сталин назвал русский народ «наиболее выдающейся нацией из всех наций, входящих в состав Советского Союза». Далее

был употреблен и совсем странный оборот – «руководящий народ». Сталин применил безотказный, проверенный многолетней историей многих государств способ упрочения единоличной власти в стране – шовинизм. Идея о превосходстве одного народа над другим – самая эффективная для простого и быстрого манипулирования сознанием обывателя. Она и самая дешевая. Плевать ЕМУ на интернационализм. Он всенародно представил поворот в своей национальной политике. Это был уже откровенный ход в сторону великорусского шовинизма.

Огромные возможности таят в себе шовинистические идеи: порабощение, террор, погромы, убийства. Они поднимают и сплачивают восхваляемый народ, особенно его низшую прослойку. Это воочию продемонстрировали в Германии Гитлер – на вершине арийцы и их национальное ядро немцы; в Италии Муссолини клялся, что итальянцы превыше всех; в Венгрии адмирал Хорти уверял, что венгры породистее румын, а румыны устами Антонеску отвечали, что их кровь выше мадьярской. Чем же хуже славяне? Пора провозгласить тот же отвратительный, но хорошо работающий принцип национального превосходства. Это был ЕГО клич к самой темной, преступной и дикой массе народа, реализованный при помощи его приспешников из националистически настроенных руководителей партии и государства и обслуживающей его интеллигенции. Призыв Сталина к шовинистической политике стал для многих руководством к действию.

Рука об руку с великорусским шовинизмом набирал силу и антисемитизм. Сталинская банда объявила открытую войну всем евреям, в том числе и правым коммунистам. И так, как будто точка отсчета для начала истории Последнего политического процесса Сталина найдена.

Однако идеология русского-коммунистического шовинизма появилась не после войны, а формировалась еще с середины тридцатых годов.

В официальную советскую интернационалистическую идеологию под прикрытием дискуссии на тему о переработке школьных учебников начала внедряться идеология русско-имперского коммунистического мессианства. В центральных газетах – «Правда» и «Известия» 27 января 1936 г. были опубликованы «Замечания товарищей Сталина, Кирова и Жданова по поводу школьных учебников по истории СССР и новой истории». В последовавших за этой статьей публикациях с пафосом утверждалась мессианско-цивилизаторская роль «великого русского народа», который тогда же провозглашается «первым среди равных». Органической составляющей идеологии русско-коммунистического мессианства становится антисемитизм. Но его наличие Сталин тщательно камуфлировал (74). Известно знаменитое высказывание Сталина: «Антисемитизм, как крайняя форма расового шовинизма, является наиболее опасным пережитком каннибализма. <...> Антисемитизм опасен для трудящихся, как ложная тропинка, сбивающая их с правильного пути. <...> Поэтому коммунисты, как последовательные интернационалисты, не могут не быть непримиримыми и заклятыми врагами антисемитизма. В СССР строжайше преследуется антисемитизм, как явление глубоко враждебное советскому

строю. Активные антисемиты караются законом СССР смертной казнью» (193). Лексика завораживала и давала возможность безнаказанно творить зло.

В середине и в конце тридцатых годов в высших эшелонах партийной власти, особенно в ближайшем окружении Сталина и органах НКВД, некоторая степень юдофобии имела место, но оформленной в государственном масштабе политики антисемитизма не было. Принято считать, что истребление Сталиным старых большевиков – так называемой «ленинской гвардии», среди которых было много евреев, было обусловлено его личной паранойей и боязнью «потерять трон». По крайней мере, историки согласны с тем, что в результате сталинских «чисток» 30-х годов хотя и пострадало очень много евреев, но это были не антисемитские акции. Казалось, и этот период нельзя обозначить как начало формирования политики антисемитизма в нашей стране.

Однако это только на поверхности. 1938 год. Сталин только что с успехом, технически безукоризненно, осуществил Большой террор. Надо готовиться к следующему. Никакого послабления, никакого перерыва в репрессивной политике. Террор должен быть постоянным и всеобъемлющим. Страх и ненависть, – основные составляющие его постоянной борьбы за личную власть. Это ОН хорошо усвоил у своего учителя – Ленина. Террор – одно из главных, если не основное, орудие большевиков в борьбе за власть. Еще в 1905 году Ленин предлагал практиковать в политической борьбе откровенно террористические действия. Совершение массовых убийств планировалось ленинской партией до октябрьского переворота. Политика Красного террора был отнюдь не вынужденным следствием сопротивления имущих классов революционным преобразованиям, и начался он не с конца 1918 г. как жесткий, но естественный ответ на серию индивидуальных покушений на представителей советского государственного аппарата. Террор сопровождал рождение советского государства с первых его дней, и только он гарантировал большевикам сохранение собственной власти и личную безопасность. По приблизительным подсчетам, с ноября 1917 по июнь 1918 года общее число жертв необъявленного Красного террора составило не менее 15-ти тысяч человек, в большинстве относившихся к элите русского общества – священникам, офицерам, потомственным дворянам, гласным земских управ и городского самоуправления, купцам, казакам, учителям, врачам, почетным гражданам и домовладельцам. Среди убитых были и рабочие промышленных предприятий.

В 1938 г., ища «внутреннего врага» для обоснования террора, Сталин обращает внимание на опыт правящих кругов Запада, конкретнее на Гитлера, который связал немецкий народ с немецким национализмом. Коммунистический (большевистский) и нацистский режимы имеют общие корни: тоталитарное государство, государственный капитализм, национализм, вождизм. Идея мессиянства, овладевшая как Гитлером, так и Сталиным, требует наличия антипода. Гитлер выбрал антиподом мессиянской арийской расы еврейство. Почему бы и Сталину в качестве антипода русско-коммунистического мессии не вос-

пользоваться тоже евреями (105, 106)? ОН увидел, как Гитлер, с большим успехом перевернувший всю немецкую нацию наизуоборот, легко использовал антисемитский козырь в своей политике. Все было поставлено на широкую ногу, а главное, его никто не одернул, никто не остановил. Просвещенный Запад смолчал! Сталин понял, что надо поучиться у Гитлера. Сталин посчитал, что для реализации его экспансионистских планов альянс с Гитлером был намного предпочтительней сложным дипломатическим контактам с антибольшевистски настроенными лидерами Великобритании.

Трезво оценив существо нацистского строя, Сталин начал осуществлять практическое сотрудничество и идеологическое сближение двух режимов. Для этого ОН пренебрег официальным дипломатическим каналом. Его тогда возглавлял Максим Максимович Литвинов (Меер Валлах), и для ЕГО замыслов налаживания связей с Гитлером этот еврей из-за антигерманской позиции был фигурой неприемлемой. Очень скоро, а точнее, 3 мая следующего 1939 г., это досадное препятствие Сталин устранил, назначив наркомом иностранных дел В.М. Молотова. А тогда, в конце 1938 г., Сталин напрямую свел НКВД с соответствующими этому ведомству органами гитлеровского государства. Такой шаг был по ЕГО мнению весьма действенным. Так, по инициативе и под ЕГО прямым руководством, началось сближение ВКП(б) и ее боевого отряда НКВД с национал-социалистической рабочей партией Германии и ее боевым отрядом – Гестапо. Важнейшей общей идеологической составляющей политики двух режимов должен был стать антисемитизм – откровенный и возведенный нацистской Германией в ранг центрального политического вопроса.

Основанием для этого предположения явилась публикация Г.И. Назарова в журнале «Чудеса и приключения» № 10 за 1999 г. (200). Согласно этой публикации (в дальнейшем подкрепленной академиком Р.Ш. Ганелиным в антифашистском журнале «Барьер» № 1 (6) за 2001 г. (79)), 11 ноября 1938 г. в Москве Генрихом Мюллером от Гестапо и Лаврентием Берией от НКВД было подписано «Генеральное соглашение о сотрудничестве, взаимопомощи, совместной деятельности». Соглашение последовало непосредственно за «Хрустальной ночью». 9 – 10 ноября в Германии были совершены многочисленные еврейские погромы и арестованы 20 тысяч евреев. Наглядный урок бандита бандиту.

Из девяти параграфов этого пятистраничного документа я приведу только два:

В § 1 формулируется цель соглашения: «...установить тесное сотрудничество спецслужб СССР и Германии во имя безопасности и процветания обеих стран, укрепления добрососедских отношений, дружбы русского и немецкого народов, совместной деятельности, направленной на ведение беспощадной борьбы с общими врагами, ведущими планомерную политику по разжиганию войн, международных конфликтов и порабощению человечества».

Вопрос о том, кто эти враги, конкретизируется в § 2, где указывается:

«НКВД и Гестапо поведут совместную борьбу с двумя основными общими врагами: международным еврейством, его международной финансовой системой, иудаизмом и иудейским мировоззрением и дегенерацией человечества во имя оздоровления белой расы и создания евгенических механизмов расовой гигиены».

«Высокие договаривающиеся стороны», то есть бандиты международного класса, особым протоколом определили, кто же, помимо евреев, должен попасть под рубрику тех, кого надо уничтожать, чтобы оздоровить белую расу. Это – рыжие, косые, внешне уродливые, хромоногие и косорукие от рождения, имеющие врожденные дефекты речи: шепелявость, картавость, заикание, ведьмы и колдуны, шаманы и ясновидящие, сатанисты и чертопоклонники, горбатые, карлики и имеющие другие явно выраженные дефекты, которые следует отнести к разделу дегенерации и вырождения, лица, имеющие большие и множественные родимые пятна, разноцветие глаз и т. п.

И впрямь – чудеса! В то время в СССР шла активная антигитлеровская пропаганда, которая антисемитские акции Гитлера подвергала суровому осуждению. Напомню, в частности, о выходе на экран двух антигитлеровских фильмов, осуждающих антисемитизм: «Профессор Мамлок» и «Семья Оппенгейм»*.

Но не на пустом месте двинулась вспять антигитлеровская политика. Имелся длительный и продуктивный опыт, правда, не на политической, а на военной почве. После Первой мировой войны, согласно Версальскому договору, Германия была полностью разоружена, и ей воспрещалось иметь, покупать, конструировать, испытывать и производить наступательное оружие, а также весьма ограничивалось оборонительное вооружение. И тогда, еще при Ленине и Троцком, Советская Россия стала полигоном для возрождения военной мощи Германии. Сталин продолжил эту линию и к середине тридцатых годов предоставил германским военным все, что им иметь запрещалось: танки, тяжелую артиллерию, боевые самолеты, отравляющие боевые вещества. В тайно организованных училищах, полигонах, конструкторских бюро, учебных центрах ковалась военная мощь гитлеровской Германии. Сталин внес свой колоссальный вклад в подготовку Гитлера к его военным агрессиям. Почему бы теперь не обменяться опытом с гитлеровскими головорезами и на политической почве? В расправе с евреями у них был накоплен колоссальный идейный и административный опыт.

Поначалу, честно говоря, я счел это бредом. Ведь прошла почти половина XX века, века просвещения и разума, и где это происходит – в центре цивилизованного мира! Но Г. Назаров, для большей убедительности, дополнил свою статью репродукцией этого документа. Два бандита приняли решение, исключаящее право на жизнь целого народа! Однако знакомство с событиями, прошед-

* Кинофильм «Профессор Мамлок» по пьесе Фридриха Вольфа (1934) был поставлен в СССР в 1938 г. Кинофильм «Семья Оппенгейм» по роману Лиона Фейхтвангера был поставлен режиссером Григорием Рошалем в 1938 г.

шими в СССР и в Германии, дают основание считать, что такое соглашение могло иметь место и даже было закономерным и взаимообусловленным. В этом альянсе проявилась глубинная аналогия этих двух тоталитарных систем – гитлеровско-нацистской и сталинско-большевистской.

На опасность такого слияния указывали Н. Бердяев («Судьба человека в современном мире», 1934г.), а также А. Кестлер («Слепящая тьма», 1940 г.). Н. Бухарин, будучи редактором газеты «Известия», опубликовал в феврале 1936 г. повесть Б. Ясенского «Нос», в котором демонстрировалось подобие сталинского режима гитлеровскому (107). Обнаружил структурно-организационное сходство между режимами в СССР и Германии в том же 1936 г. Л.Д. Троцкий: «Сталинизм и фашизм, несмотря на глубокое различие социальных основ, представляют собой симметричные явления. Многими чертами своими они убийственно похожи друг на друга» (105, 106, 291).

О неизбежности возрождения антисемитизма в новой сталинской России поведал Рошковский – бывший белоэмигрант, репатриировавшийся в СССР в 1939 г. и сразу попавший в наш советский канцлагерь (6). По мнению Рошковского, осуществлявшееся Сталиным уничтожение коммунистов предвещало «становление русского национального государства с его великими национальными идеями». В этом государстве, прогнозировал Рошковский, «будет государственный антисемитизм. И снова будет процентная норма в университетах, и снова перестанут принимать евреев в ведомство иностранных дел, в полицию, в жандармерию, выключат их из государственной элиты... В цивилизованной Германии малокультурный и малоцивилизованный Гитлер пришел к власти, сказав “Германия – для немцев!”... И у нас выдвинут этот лозунг: “Россия – для русских!”. Неминуемо, неизбежно!»

Как уже было сказано, политический тоталитаризм, внедряемый Сталиным, строился на национал-имперской идеологии, интегральной частью которой в советском ее варианте, как и в нацистском, должен был стать антисемитизм. Л.Д. Троцкий срезюмировал: «Сталин и Гитлер протянули друг другу руки. Маски сброшены. Сталинизм и фашизм в альянсе» (71).

Вот они, первые шаги пока еще документально не оформившегося идеологического, а потом и политического сродства между нацистами и коммунистами. Так что ничего удивительного в смутившем меня документе нет, и его появление не случайно, а вполне закономерно. Это были грозные симптомы «гитлеризации» СССР. Политический тоталитаризм, внедряемый Сталиным, был замешан на национал-имперской идеологии, основанной на расовом антисемитизме. В русском варианте антисемитизм должен был стать такой же органической составляющей, как и в немецком.

Альянс коммунистов и нацистов оказался не пустыми словами. Согласно публикациям Г.И. Назарова и Р.Ш. Ганелина, он получил дальнейшее развитие на самом высоком партийном уровне, на уровне, где Сталин без-

раздельно главенствовал. 20 декабря того же 1938 г. в постановлении Политбюро ЦК ВКП(б) зафиксировано:

- «1. Одобрить договор, подписанный между НКВД СССР и германскими службами государственной безопасности, о сотрудничестве.
2. В знак искренности взаимоотношений выдать германским властям бывших граждан Австрии, Германии, которые в настоящее время находятся на территории СССР и причинили своими действиями существенный вред в период работы в Коминтерне.
3. НКВД СССР в связи с этим надлежит произвести задержание требуемых граждан и обеспечить этапирование спецшелона для передачи германским властям.
4. Запросить германские власти о выдаче бывших советских граждан, эмигрировавших из СССР».

(В скобках замечу, что в Коминтерне работало немало евреев.)

Произошедшие в это время события послужили для меня косвенным, но доказательным подтверждением наличия вышеприведенных документов. Буквально через три месяца, в марте 1939 г., при ЦК ВКП(б) было создано Управление кадров, ведавшее назначением, увольнением, перемещением руководящих кадров всей страны – от наркомов до директоров совхозов. Во главе этой структурной единицы был поставлен член ЦК Г.М. Маленков, активно включившийся в антисемитскую кампанию, превратив юдофобство в государственную политику под лозунгами «коренизации кадров», «приоритета представителей титульной национальности», «очистки от засоренности управленческого аппарата». Именно с этого времени, в преддверии предстоящих активных политических контактов с Гитлером, евреев перестали брать на работу в аппарат ЦК ВКП(б) и НКВД и, наоборот, решительно начали удалять их из этих ведомств. Резко, в несколько раз, сократилось присутствие евреев на наркомовских должностях. Впервые в практике аппарата ЦК ВКП(б) появилась документация, где евреи упоминались в качестве «кадров», «засоряющих» учреждения. С этого момента преступления нацизма замалчивались советской прессой. Началась «гитлеризация» советской власти. В сообщениях ТАСС и речах советских вождей в течение первых двух лет Второй мировой войны не встречается упоминаний, что нацисты преследуют евреев, и в лексиконе официальных советских заявлений слово «еврей» не встречается. Исчезли с экранов кинофильмы «Профессор Мамлок» и «Семья Оппенгейм». Подтверждением того, что вышеприведенное соглашение между сталинским НКВД и гитлеровским ГЕСТАПО существовало, служит дальнейшее развитие событий, и главное из них – «августовский пакт» 1939 г. Он был логическим продолжением идеологического сталинско-гитлеровского альянса, возникшего в ноябре 1938 г.

В эти же дни (с 10 по 21 марта 1939 г.) на XVIII съезде ВКП(б) Сталин заявил, что слухи об агрессивных намерениях Гитлера в отношении СССР – «злостный вымысел англо-французских капиталистов», опровергнутый дальнейшим развитием советско-германских дипломатических контактов. Их укреплению

нию содействовала замена посла в Германии, еврея Я. Сурица, и потому неугодного нацистам, на В.Г. Деканозова – правую руку Лаврентия Берии, который 17 апреля 1939 г. поставил в известность германское Министерство иностранных дел о пожелании советского правительства установить самые хорошие отношения с Германией. Как уже упоминалось, вместо еврея М. Литвинова, занимавшего антигитлеровскую позицию, наркомом иностранных дел был назначен В.М. Молотов, со сталинским напутствием: «Убери из наркомата евреев!».

Наиболее веским документом, подтверждающим продолжение сталинско-гитлеровского альянса, является подписание 23 августа 1939 г. Молотовым и Риббентропом «Пакта о ненападении», секретная часть которого разграничивала сферы влияния сторон в Восточной Европе. В этом договоре, как мне кажется, была и неоформленная, но ранее оговоренная часть, подтверждающая, что одним из факторов союза национал-социализма с большевистским социализмом будет антисемитизм.

Подтверждением того, что антисемитская составляющая во внутренней политике Сталина появилась еще в довоенное время, является заверение, которое он просил передать Гитлеру при встрече В. Молотова с И. Риббентропом в августе 1939 года, что он прогонит всех евреев с руководящих постов, как только будет иметь достаточное количество квалифицированных специалистов других национальностей. Сталин был прагматичным политиком, и его отношение к евреям не обосновывалось, как у Гитлера, биологическим антисемитизмом, а определялось политическими целями и собственными интересами. Дальнейшим подтверждением сталинско-гитлеровского сговора в более широких масштабах, чем это было оформлено в «Пакте о ненападении», было заявление посла Германии в Москве Ф. Шуленбурга на встрече с В. Молотовым: «Между СССР и Германией не имеется политических противоречий. Имеются все возможности для примирения обоюдных интересов». Политический альянс красной звезды с черной свастикой отметил в своем дневнике рейхсминистр пропаганды нацистской Германии Й.Геббельс. 15 марта 1940 г. он пишет: «Не ликвидирует ли Сталин постепенно и евреев? Вероятно, он только для того, чтобы ввести в заблуждение весь мир, называет их троцкистами. Кто знает? Во всяком случае, мы с Россией – союзники» (218).

Геббельс был прав. Всего за три месяца до этой записи (начало ноября 1939 г.) Сталин в доверительной беседе с Александрой Коллонтай – советским послом в Швеции, – состоявшейся в его кабинете один на один, объявил своим главным врагом не Гитлера, а «мировой сионизм», который «всеми силами будет стремиться уничтожить наш Союз, чтобы Россия никогда не смогла подняться», охарактеризовав его «историческим врагом партии, страны и народа» (107).

Итак, если считать подлинными вышеприведенные документы, то уже в середине тридцатых годов лично Сталиным были заложены основы советского антисемитизма. Активные контакты с Гитлером стали одним из главных факторов формирования политики государственного антисемитизма, той самой политики, которая при «позднем сталинизме» была нацелена на уничтожение

евреев Советского Союза. Вот оно – решение еврейского вопроса по-сталински! ОН не мелочится, у него размах – гитлеровский!

И все же, даже сейчас, когда вскрылись и документально доказаны преступления Сталина и его подручных, мне показалось фантастикой наличие вышеприведенных документов. Я проконсультировался с профессионалами-историками, и они тоже высказали сомнение в подлинности приведенных документов.

Как раз тогда, когда эта глава уже была написана, в Москве, в издательстве «Материк», вышел сборник документов «Государственный антисемитизм в СССР, от начала до кульминации. 1938 – 1953». Я надеялся, что эта книга, в издании которой принимали участие такие корифеи современной исторической науки, как академик А.Н. Яковлев (редактор) и профессиональный историк Г.В. Костырченко (составитель), ответит на мои вопросы. Однако в ней не оказалось интересующих меня документов, свидетельствующих о сталинско-гитлеровском альянсе 1938 г. Тогда я решил напрямую обратиться к создателям сборника, попросив изложить свое мнение по поводу моих сомнений, и получил ответ лично от А.Н. Яковлева, который воспроизвожу полностью.

От: "Yakovlev" <mfdemo@idf.ru>
Кому: <flyass@mail.ru>
Тема: ответ на письмо от 11.05.2005
Дата: 19 мая 2005 г. 9:52

Уважаемый господин Федор Лясс!

В своем письме от 11 мая 2005 г. Вы обращаетесь ко мне с просьбой «подтвердить или опровергнуть» существование документов о сотрудничестве НКВД и Гестапо и приводите ссылки на публикации их в прессе.

Могу сказать Вам следующее. Оригиналы этих документов в архивах Российской Федерации пока не обнаружены. Однако подлинность опубликованных документов вызывает серьезные сомнения.

Вот некоторые несообразности, которые сразу бросаются в глаза при просмотре «Генерального соглашения о сотрудничестве, взаимопомощи, совместной деятельности» от 11 ноября 1938 г., якобы подписанного Г. Мюллером и Л. Берией.

Гейдрих был «группенфюрером СС», а не «рейхсфюрером СС» (рейхсфюрер СС – Гиммлер). Он был шефом Главного управления имперской безопасности (Reichssicherheits-Hauptamt).

Главное управление имперской безопасности было создано 27 сентября 1939 года (а документ датируется 1938 годом). Соответственно, начальником четвертого управления RSHA Генрих Мюллер был с октября 1939 г. в званиях группенфюрер СС (а не «бриганденфюрер СС») и генерал-лейтенант полиции. Перед его подписью значится: НАЧАЛЬНИК ЧЕТВЕРТОГО УПРАВЛЕНИЯ (ГЕСТАПО) ГЛАВНОГО УПРАВЛЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ НАЦИОНАЛ-СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РАБОЧЕЙ ПАРТИИ ГЕРМАНИИ, что также является искажением названия ведомства, которое возглавлял Мюллер.

Что можно еще добавить? Множество документов исключительной важности еще не рассекречены, а значит – недоступны для изучения. Такая ситуация открывает широкий простор и для всевозможных догадок, и для разного рода спекуляций. Так что поживем, увидим. А вот что сообщил мне на днях известный историк Д.Г. Наджафов:

«О статье Германа Назарова “А встреча все-таки состоялась!”, опубликованной в журнале “Чудеса и приключения” в 1999 году в № 10, стр. 51-56.

Г. Назаров – ответственный редактор энциклопедии “Космонавтика”. Автор ряда книг о космической технике (в соавторстве). Сотрудничал в журнале “Чудеса и приключения”, в котором печатались его статьи. <...> В телефонном разговоре с Назаровым, состоявшемся 28 ноября 2004 года, автор статьи сообщил, что цитируемые им три письма Сталина послу Германии в СССР В. Шуленбургу, датируемые периодом между 3 сентября и 11 октября 1939 года, он обнаружил в Президентском архиве. <...> Обнаружил, по его словам, случайно, занимаясь другой темой – историей техники. На мои расспросы об архивных данных найденных им документов о подготовке встречи Сталин – Гитлер Назаров привел весьма скудные сведения. Вот они: “Архив Политбюро ЦК КПСС. Дело № 36. Том 1. Особой важности. Хранить вечно”. Это были, по словам Назарова, машинописные копии, которые он переписал от руки в свой блокнот».

Москва, 18 мая 2005

С уважением. Академик А.Н. Яковлев

Ответ А.Н. Яковлева показывает, что документы, опубликованные Г.И. Назаровым и говорящие о связи НКВД с ГЕСТАПО, находились в сфере его интересов еще в конце 2004 г. Им он посвящает первую часть письма-ответа и считает, что нельзя признать их подлинными на основании неверного обозначения занимаемых должностей гитлеровцами. Сам же текст приведенных Назаровым и интересующих нас документов не подвергает анализу.

Думается, что не сообщить читателю о моей переписке с А.Н. Яковлевым по поводу «находки» Назарова было бы неправильным. Я согласен с осторожным выводом Александра Николаевича: «Множество документов исключительной важности еще не рассекречены, а значит – недоступны для изучения. Так что поживем, увидим».

Но так или иначе, есть эти документы или нет (я все же считаю, что они существуют), начало политики государственного антисемитизма хронологически надо отнести к 1938 г., когда его взял на вооружение для дальнейшего упрочения собственной власти Сталин. Тогда же началось формирование шовинистической идеологии, которая должна была подкрепить этническую дискриминацию. Идеология сталинского шовинизма, растущая не по дням, а по часам и прикрывавшаяся громкими лозунгами о «социалистическом» и «пролетарском» интернационализме, не может существовать без натравливания одного народа на другие. Сначала антисемитизм прикрывался лозунгом борьбы с троцкистами, затем, уже менее завуалировано, с «безродными космополитами», и наконец совершенно открыто – с «сионистами». Это вам не ленинский антисемитизм – «интеллигентный», направленный против еврейской культуры и обычаев и уничтожавший в основном только их приверженцев. Сталин не мелочится. Итак, конец 30-х годов можно считать началом, первым камнем, заложенным Сталиным в здание, которое должно было увенчаться ЕГО Последним политическим процессом.

Отвечая самому себе на поставленный в начале этой главы вопрос, я еще раз утвердился в том, что рассматривать события, проходившие в сталинском государстве, в отрыве от беспрецедентной серии политических процессов ошибочно. Они, политические процессы, были стержнем в борьбе Сталина за собственную неограниченную власть над страной во все время его правления. Любое исследование, игнорирующее это положение, остается фрагментарным и приводит к ошибочным выводам. К вольным и невольным ошибкам приходят исследователи позднего сталинизма, не осознающие наличие тщательно разработанной системы, в которой провозглашаемая Сталиным, нужная ему в данное конкретное время идеология сочеталась с хорошо отработанным механизмом репрессий и следующим за ними тотальным террором. Так произошло, когда ряд историков, политологов, журналистов не увидели закономерности связи между убийством С.М. Михоэlsa (январь 1948 г.) и «Делом ЕАК» (1949 – 1952 гг.); не связывали «Дело врачей-вредителей» с расправой над еврейской элитой (1952 г.). К ошибочным выводам приходят и те, кто отрицает у Сталина планы депортации евреев в 1953 г. как логичное завершение почти подготовленного суда над врачами. Этим же объясняется ошибочная трактовка событий, развернувшихся вокруг написания письма высокопоставленных советских евреев с просьбой сослать евреев из промышленно развитых районов страны в отдаленные районы (январь-февраль 1953 г.).

Однако следует особо отметить, что мною осуществлена только первая попытка оценки политики Сталина в свете системного анализа, когда учитываются все причинно-следственные связи. Отсутствие системного подхода при изучении такого явления, как сталинизм, создает почву для различных инсинуаций, спекуляций и сознательного ухода от объяснения того, что и как это было на самом деле. Только системный подход к событиям позволит увидеть и грамотно оценить все, что еще скрыто за непроницаемыми дверями архивных хранилищ и спецслужб бывшего СССР и нынешней России.

Думал я и о том до какой даты продолжался Последний политический процесс Сталина? Может быть, до того момента, когда 4 апреля 1953 г. власти закрыли «Дело врачей-вредителей» и арестованных выпустили на свободу? Нет, не получается. Может быть, до момента, когда родственникам в 1955 году КГБ сообщил о дате смерти еврейской элиты, проходившей по «Делу ЕАК», скрыв дату расстрела? Нет, тоже не получается. Затем решил, что такой датой будет доклад Хрущева 25 февраля 1956 г. на XX съезде с разоблачением культа Сталина, а потом понял, что и этой датой ни культ Сталина, ни антисемитизм в СССР не кончаются. Одно слава Богу, что не пришлось заканчивать историю Последнего политического процесса Сталина описанием депортации советских евреев. К сожалению, нет и конца антисемитизму – одному из самых распространенных и опасных форм ксенофобии, адепты которого продолжают его использовать в своих политико-идеологических играх. Его качественное и количественное проявление зависят от исторического момента, уровня образованности населения, экономического положения государства и злой воли. Страшно, когда антисемитизм в руках сильного вождя становится орудием государственной политики. Но более страшен народ, что вновь требует для себя диктатора...

КОГДА ВСЕВЫШНИЙ НА ЖИЗНИ СТАЛИНА ПОСТАВИЛ ТОЧКУ?

Насколько необходимо знать точное время смерти Сталина? Умер диктатор, освободил нас от своего присутствия на земле, жить стало легче – ну, и слава Богу! Однако смерть одного из величайших деспотов прошедшего столетия привела к коренным переменам в мире, и ее значение в судьбах человечества еще долго будут изучать в политических, экономических, исторических, религиозных и других аспектах. Для исследователей вряд ли имеет значение, произошло это событие на час раньше или на час позже, в начале марта или в середине февраля 1953 г. Но для евреев, живших в СССР, был важен не только день, но и час смерти Сталина. Последние дни его жизни были решающими для их судьбы: готовилась депортация евреев из промышленных центров СССР, и почти все мероприятия для ее реализации были осуществлены. Оставалось только провести открытый суд над «врачами-вредителями» и запустить хорошо отработанную методику уничтожения. Счет времени шел уже не на месяцы, а на недели и дни. Сталин «спустил» план своим подручным: суд над врачами 5 – 7 марта, казнь 12 – 13 марта. Эшелоны для депортации евреев уже готовы были выстроиться на запасных железнодорожных путях Москвы, Ленинграда и Киева. Время начала убийства целого народа неотвратимо приближалось. Что же остановило секиру палача?

Поскольку в тот исторический момент для судьбы евреев, как я уже отмечал, имел значение каждый день и час жизни тирана, дата его смерти важна и для нашего исследования, тема которого непосредственно касается нашей судьбы.

Мечты, к сожалению, несбывшиеся

Всякое неординарное происшествие – а смерть тирана событие историческое – обрастает домыслами и легендами, особенно в таком государстве, как Союз Советских Социалистических Республик, где все было построено на лжи и пропитано обманом, а правда засекречивалась. О смерти Сталина поползли слухи...

Начну с самого, на мой взгляд, невероятного.

Сталин умер от инфаркта еще в феврале 1950 г., но продолжал «существовать» и после смерти, «подпитываемый мощным энергетическим полем», – сообщает М. Лернер на основании книги «Некрократия» М. Такера и Л. Камински (283). Врачи Вовси и Виноградов непосредственно занимались энергетическим обеспечением «квазижизни» некробиотической оболочки Сталина, но в силу несовершенства аппаратуры тех лет им не удалось надолго оттянуть фазу распада, и никто так и не отважился сообщить кремлевскому старцу, что он уже умер. А сам Сталин, посчитав «укорачивающиеся периоды энергетической стабильности следствием вредительства кремлевских врачей»,

арестовал Вовси, Виноградова и остальных врачей-вредителей. «Аппаратура баланса быстро пришла в негодность, в результате чего Сталин немедленно превратился в то, чем он и должен был быть вне энергополя генератора “Ближней дачи”, т.е. в горсть праха».

– Сталина убил Берия задолго до «скоропостижной смерти вождя», боясь, что после расправы с врачами он разделается и с ним. Эта версия муссируется время от времени в ряде газетных сообщений, в частности, З. Шейнисом (318) и Д. Мижениным (186), а также А. Рашиным (192). Не отказывается от нее и сын Берии – Сергей Берия (44). На это же намекает и дочь Сталина Светлана Аллилуева в своей последней «Книге для внушек» (выпущенной издательством «Либерти» в 1991 г.).

– «Сталин умер сразу, а не боролся еще несколько дней за жизнь, находясь без сознания... Было признано необходимым растянуть на несколько дней в сознании большинства людей потрясающую новость, что Сталина нет», – писал К. Симонов в своих воспоминаниях (264).

– «Сталин умер утром 5 марта», – сообщает в своей книге «Триумф и трагедия» Д.А. Волкогон (73) на основании устных воспоминаний редактора газеты «Правда» Д.Т. Шепилова: «Утром пятого – звонок, голос Суслова (...): “Товарищ Сталин умер...”».

Таких версий множество, и они исходят главным образом от людей, не связанных непосредственно с интересующими нас событиями. Рассмотрим эти версии.

Есть ли основания предположить, что смерть Сталина произошла до 5 марта 1953 г., не говоря уже о феврале 1950 г.? Мне кажется, что нет. В таком случае были бы основания полагать, что страной, кроме Сталина, правили еще какие-то политические силы. Однако факты говорят об обратном: неизменность внутренней и внешней политики СССР в последний период его жизни позволяет утверждать, что таких сил и личностей в стране не было.

Версия о том, что Сталин был некробионтом, не выдерживает критики, и ее сразу можно отбросить как спекуляцию на модной теме, несмотря на то, что написали книгу «Некрократия» вполне уважаемые ученые: Малькольм Такер – один из самых авторитетных советологов, Ларри Камински – лауреат Нобелевской премии, известный танатолог. Абсурдно даже предполагать, что профессора Вовси и Виноградов занимались генерированием энергетических полей. Я беру на себя смелость это утверждать, поскольку был лично знаком и с тем, и с другим. Как уже упоминалось, Владимир Никитович Виноградов был моим учителем, когда я был студентом, а семья Мирона Семеновича Вовси дружила с моей семьей. Кроме того, свои первые врачебные шаги я делал под непосредственным руководством Мирона Семеновича, работая ординатором на его кафедре. Знал я их как высокоэрудированных клиницистов, блестящих преподавателей и врачей, далеких от всяких параметров.

Ну, а неточность, допущенная Д.А. Волкогоновым в указании времени смерти Сталина (всего на 12 часов), возродила дебаты о «загадке смерти» Сталина, и версия о его убийстве опять появилась на страницах печати.

Особо хочу остановиться на слухах, ходивших в народе в траурные дни марта 1953 г., что причиной смерти Сталина было его отравление каким-то специальным ядом. Время от времени такие слухи всплывали, а потом самостоятельно глотили. Однако Д. Бренту и В. Наумову через 50 лет после смерти тирана очень понравилась эта детективщина, и они ее воскрешают: во время последней ночной трапезы на ближней даче сам Берия (с ведома Н. Хрущева) незаметно добавил в вино яд – прозрачные кристаллы крысиного яда без вкуса и запаха (51).

Прошло три года, и мы вновь услышали и увидели (!) еще одну «версию» вероломного покушения на жизнь Сталина. На ней мы остановимся подробнее, уж очень уважаемо имя автора.

Медицинские аспекты «отравления» Сталина

5 марта 2006 г., в день 53-й годовщины смерти Сталина, первый канал российского ТВ показал телевизионную постановку Эдварда Радзинского «Смерть Сталина: последняя загадка». Объявленной теме из двух часов вещания была отведена половина. На эту половину, которая напрямую связана с медициной, я и обратил свое «врачебное» внимание. Необходимо отметить, что постановка 2006 года почти текстуально повторяет 25-ю главу «Смерть или убийство?» фундаментального труда (более 6-ти сот страниц) Э. Радзинского «Сталин» изданного десять лет тому назад. Я считаю, что эта книга – одна из лучших работ, написанных об этом человеке и его времени (238).

О самой телевизионной постановке можно и нужно сказать много хороших слов и восклицательных предложений. Во-первых, потому, что она вышла на экраны и лишней раз напомнила об одном из самых страшных тиранов прошлого века. Как известно, телевидение оказывает значительно большее воздействие по сравнению с печатным словом, не говоря уже о том, что аудитория неимоверно возрастает. Книга была издана тиражом 25.000 экземпляров, а телевизионных зрителей было не менее 3.000.000. Во-вторых, то, что в нем дана адекватная оценка как самому тирану, так и его кровавой политике, державшей многомиллионную страну в тисках страха. В-третьих, телезритель имел удовольствие присутствовать в театре одного актера на блестяще срежиссированном представлении автора-драматурга, вновь подтвердившего свое незаурядное актерское дарование в исполнении, причем не заученном, а выстраданном. Для молодого и среднего зрительского поколения создан правдивый рассказ на мастерски описанном историческом фоне о грозных днях зимы 53-го года. Нами, современниками тех событий, рассказ Эдварда Радзинского воспринимается не просто как история, а как только что прожитые страшные дни. Особо важно для нас, сегодняшних, то заключение, к которому подводит аудиторию рассказчик: дерзость и жестокость преступлений против своих близких и

далеких, но **своих**, были непомерно велики, и эта страшная пора длилась десятилетия, пока смерть Сталина позволила гражданам нашей страны наконец-то вздохнуть свободно, без боязни за свою жизнь и жизнь близких!

Радзинский создает свою версию, как он говорит, «фантастическую». Но преподносит ее слушателям в таком артистически оформленном виде и под аккомпанемент грозно звучащей музыки, что кавычки у этого слова исчезают, испаряется его значение неправдоподобности, надуманности, а само слово представляется как бы начертанным заглавными буквами, да еще с восклицательным знаком – ФАНТАСТИЧЕСКАЯ! Это уже не миф, а гипотеза, научно обоснованная и тесно связанная с действительностью. Снимаются все сомнения об обыденной, чисто «человеческой» причине смерти Сталина. То, что ОН – негодяй, бандит, убийца, вытекает из первой половины постановки и у слушателя сомнений не вызывает, причем это великий негодяй, грандиозный бандит, уголовник и провокатор, профессиональный убийца вселенского масштаба! И такой недочеловек не может быть просто человеком, отправляющим, как мы с вами, свои патологические и физиологические функции. И уже никакой загадки нет, ее как не бывало. Остался заговор, и насильственная смерть. Эту свою точку зрения Эдвард Радзинский сделал основным, стержневым сюжетом представления. А выразительные движения руки, описывающие в воздухе огромные знаки вопроса, только нагнетают таинственность.

Обусловливая свою версию, ставшую для зрителя, благодаря артистическим приемам, уже не фантастической, а объективной реальностью, Э. Радзинский преподносит ряд фактов, которые, как он считает, на нее «работают». Сталин перед роковой ночью с 28 февраля на 1 марта чувствовал себя как никогда хорошо (Радзинский повторил это три раза), что случалось с ним в последнее время крайне редко; на ночной встрече со своими собутыльниками – Л. Берией, Г. Маленковым, Н. Хрущевым и Н. Булганиным – пил только молодое слабое грузинское вино «Маджари», называемое им соком. Два раза Радзинский сообщил нам, слушателям, что никаких крепких напитков за столом не было. Таким образом, не было ничего, что бы могло спровоцировать трагедию, разыгравшуюся с ним ночью.

Но не в этом суть, а в том, что один из охранников – И.В. Хрусталева (по их терминологии – «прикрепленный», в ту ночь исполнявший обязанность охранника вождя), как утверждает Радзинский, без ведома самого Хозяина (так назывался в их среде Сталин) сообщает коллегам, что им разрешено сегодняшней ночью не бдиль, и спокойно лечь всем спать. Такого не было ни одного раза за все 20 лет их службы. То есть был нарушен священный порядок не только несуровой охраны сна хозяина, но и взаимной слежки друг за другом, перекрестного наблюдения! Вся обслуга на даче спит крепким сном, и что творится в комнатах, где пребывает Сталин, не ведают.

Вот в этот момент на авансцене постановки появляется И.В. Хрусталева, оставшийся без надзора... Далее идет многозначительная пауза... На телевизион-

ном экране – ошеломленные лица слушателей, в глазах у некоторых проблескивают слезы, звучит потаенная музыка с отдаленной барабанной дробью...

Что кроется за этой многозначительной паузой, можно (и нужно) узнать из вышеупомянутой книги (стр. 618). Там Э. Радзинский сообщает нам, что Хрусталеv, оставшись без надзора, один или в паре с неизвестным пробрался к Хозяину и «сделал ему укол». Сталин «почувствовал дурноту», направился к телефону, чтобы вызвать охрану, но рухнул на пол. И так, Хрусталеv по приказу Берии совершает покушение. «И Берия имел право сказать Молотову слова, которые тот потом процитировал: “Я его убрал”».

Далее в подробностях сообщается, как отравленный Сталин валялся на полу, не дойдя до стола в роковой для своей жизни час, как ОН, грозя кому-то, поднимал здоровую руку, какой у НЕГО был страшный взгляд перед тем, как он отдал Богу душу. И даже приводятся пикантные подробности, видимо, потому, что и это одно из доказательств коварного отравления, – ОН валялся на полу в луже собственной мочи.

Затем, для поддержания версии о заговоре, Э. Радзинский вводит в повествование группу первых лиц государства, ЕГО ближайшее окружение, бывших на последнем ночном застолье, – Маленкова, Хрущева, Булганина, естественно, действовавших в сговоре с Берией. Э. Радзинский справедливо отмечает, что партийная и государственная верхушка жила в ощущении неуклонно приближающегося взрыва, как вне, так и внутри страны. И это не могло их не беспокоить. Главное, Сталин своими неумными планами на мировое господство толкал страну к Третьей мировой войне. Уже были нацелены на Запад ракеты с атомной бомбой. Пробная малая война в Корее накаляла обстановку и активно способствовала конфронтации со странами Западной Европы и с Америкой. Сталин накалял атмосферу: «Мы никого и ничего не боимся. <...> У нас сейчас есть военное преимущество. <...> Если господам империалистам угодно начать войну, то лучше и благоприятнее момента, чем этот, для нас нет» (цитирую по постановке Э. Радзинского). Помимо этого, несмотря на победу в Великой Отечественной войне, в народе росло глухое недовольство из-за обнищания и отсутствия самых элементарных предметов быта – питания, одежды, жилья. Несмотря на свою ограниченность и заикленность на социализме, советская руководящая элита чувствовала надвигающийся крах послевоенной экономики, не изменившей свой милитаристский характер и основанной на рабском труде, причем не в переносном, а в прямом смысле (трудовые и концентрационные лагеря и шарашки). Народ, взбудораженный оголтелой антисемитской пропагандой, с нетерпением ждал судебной инсценировки с участием «врачей-вредителей» и дальнейшей возможности выпустить пар в виде погромов и сведения счетов с «врагами народа». Ближайшее окружение Сталина должно было понимать, куда заводит страну ЕГО политика. Так что предпосылок для возможного устранения Сталина с политической арены было предостаточно. Но это у ответственных правителей. Однако, и в этом Радзинский совершенно прав, не это стало причиной «заговора» против Хозяина.

Причиной были не опасения за судьбу страны и понимание того, что страна катится в пропасть, а чувство животного страха и самосохранения.

Всего за четыре месяца до описываемых событий состоялся XIX съезд партии, на котором Сталин обрушился на своих старых, проверенных временем и грязными делами друзей и боевых товарищей – В.М. Молотова (в то время заместителя министра иностранных дел, члена Президиума ЦК КПСС) и А.И. Микояна (в то время заместителя председателя Совета Министров СССР, члена Политбюро ЦК КПСС). Всем присутствовавшим на съезде, а особенно тем, кто сидел в президиуме, стало понятно, что Сталин, по опыту XVII съезда партии – «съезда победителей», когда пошел под нож почти полный его состав, – начнет зачищать свое ближайшее и не ближайшее окружение. Сталину необходимо обновить и омолодить своих соратников. Все они понимали, что остаться живыми, будучи ЕГО приближенными, невозможно. Поэтому уверенность Э. Радзинского, что у Берии мог созреть план убрать Сталина, вполне правомерна.

Радзинский представляет их как «заговорщиков», предпринявших все возможное, чтобы оставить «отравленного» Сталина и не допустить к нему врачей. Узнав о происшедшем, они не спешат примчаться на помощь, т.е. сознательно бросают хозяина умирать. «Они убили его!», восклицает Э. Радзинский (см. стр. 618 его книги). Для того, чтобы утвердиться самому и заверить нас в правомерности этого положения, Э. Радзинский подробно прослеживает, как вели себя «заговорщики» после того, как последний раз видели живого и здорового Сталина, который в 5-м часу ночи на 1 марта провожал их к машине самолично.

Когда Сталину стало плохо и что конкретно с ним стряслось, не знает никто. Утром, с 10-ти часов, «прикрепленные», как всегда, были готовы обслуживать Хозяина, но знака от НЕГО нет, а без знака входить в апартаменты строго запрещено. Так обслуга, волнуясь, прождала до 10-ти часов вечера, когда под благовидным предлогом вошли в его опочивальню и нашли Сталина, валявшегося на полу. Сколько он пребывал в таком положении, неизвестно, может, час-два, а может быть, и все 18. Прикрепленные в панике звонят начальству – министру госбезопасности С.П. Игнатьеву, но он их отфутболивает к Берии и Маленкову. Берия с трудом находят, и он по телефону приказывает, чтобы о том, что случилось, никому ни слова. Немного погодя на дачу приезжают Хрущев и Булганин, но к Сталину не идут, а потолкавшись в дежурке, разъезжаются по домам. В 3 часа ночи появляется на даче Берия в сопровождении другого «заговорщика» – Маленкова. Берия заявляет, что Сталин спокойно спит. И обругав обслугу за паникерство, оба уезжают. Только ранним утром, после повторных звонков к Хрущеву и Маленкову, в половине 11-го утра к Сталину присылают врачей. Итак, врачебная помощь приехала к больному (по Радзинскому, отравленному) с запозданием не менее чем на десять часов, а может быть, и на все сутки. Злонамеренно – считает Радзинский. Итак, по мнению Радзинского, все атрибуты покушения налицо, и в заключение он считает бесспорным доказательством совершившегося на Сталина покушения зна-

менитое, всеми цитируемое приказание Берии исполнителю коварного деяния, как только Сталин испустил дух: «Хрусталеv, машину...».

На этом перечень «фактов» для утверждения о наличии заговора исчерпывается. Что творилось у Сталина в мозгу, каков механизм развития «отравления», приведшего к катастрофе и смерти в столь короткое время, Радзинский нам не сообщает – это вне его компетенции. Здесь уже необходимы знания и опыт врача.

А вот что говорит медицина: анализ клинической картины происшедшего, его начало, динамика и выраженность клинических симптомов, их течение никак не вяжутся с отравлением. Произошло же со Сталиным то, что в клинической медицине 50-х годов прошлого века называлось и называется сейчас геморрагическим инсультом головного мозга. Это даже называют классическим кровоизлиянием в мозг.

Читаем «Справочник невропатолога», выпущенный в 1962 г. * (я специально выбрал для цитирования книгу, ориентированную на практического врача в близкое к 50-м годам время, где в сжатой форме отражено то, что печаталось в более серьезных и развернутых медицинских руководствах. В таком кратком варианте эта информация преподносилась студенту-медику 3 курса).

Глава «Нарушение мозгового кровообращения острое»:

В большинстве случаев причиной кровоизлияния в мозг является гипертоническая болезнь и атеросклероз (*и то, и другое было диагностировано у пациента Сталина*). Кровоизлияние локализуется в больших полушариях, мозжечке и стволе головного мозга и ведет к деструктивным изменениям нервной ткани (*у больного развились правосторонний неполный, перешедший затем в полный паралич конечностей, расстройство речи, говорившие о поражении левого полушария мозга, нарушение дыхания, связанное с поражением стволовых структур*). При острой форме заболевание развивается бурно, быстро осложняется коматозным состоянием (*кома /от греч./ глубокий сон угрожающее жизни состояние, характеризующееся полной утратой сознания, отсутствием рефлексов*), и наступает летальный исход на протяжении первых 2-х суток после инсульта, а при проведении симптоматической корригирующей терапии на 3-4 е сутки (*в коматозное состояние Сталин впал сразу после того, как охрана его подняла с пола и уложила на диван, а умер он в точно отведенный для него медициной того времени срок*). Проницаемость бронхиального дерева нарушается за счет аспирации слизи, дыхание становится храпящим (*это тот храп, который Берия принял за глубокий сон*). При распространении кровоизлияния на ствол мозга нарушается ритм дыхания (*дыхание Чейна Стокса, который наблюдался у Сталина перед его смертью*). Источником кровотечения может быть как анатомическое повреждение достаточно крупного мозгового сосуда, так и более мелких сосудов. Гематома (*ограниченное скопление крови в ткани*), постепенно нарастая, может прорваться в желудочковую систему головного мозга и субарахноидально (*в поддуральное пространство головного мозга*). При классических формах мозгового кровоизлияния неминуемо развившийся отек мозга значительно ухуд-

* Курсивом дан мой краткий комментарий – Л.Ф.

шает состояние больного и провоцирует повторные геморрагии в разных отделах мозга (*резкое ухудшение состояние Сталина на третий день заболевания*). В результате компримирующего (*сжимающего*) действия гематомы венозный и ликворный отток без возврата нарушаются, отек мозга нарастает, сдавливая мозговые структуры ствола, углубляется нарушение дыхания и сердечной деятельности. Появляются грозные симптомы расстройства витальных (*жизненных*) функций, несовместимые с жизнью.

Кровоизлияние в мозг развивается обычно внезапно (*что и случилось у Сталина*), часто в момент физического или эмоционального напряжения (*Сталин находился в постоянном страхе за свою жизнь, боялся и ненавидел всех, и стресс был его постоянным состоянием*). В большинстве случаев больной не успевает сказать даже нескольких слов, падает и теряет сознание, впадая в состояние оглушенности (*начало заболевания у Сталина происходило точно по учебнику*). У многих больных в первые минуты после инсульта возникает рвота, недержание кала, мочи (*лужа мочи, в которой Сталин пребывал в течение нескольких часов*). Часто наблюдается автоматизированная жестикация в не парализованных конечностях (*вспомните красочно описанный грозный предсмертный жест с указующим в небо пальцем*). Последние часы жизни точно описаны в медицинских руководствах: дыхание хриплое, учащенное, периодическое, типа Чейн Стокса.

Еще немного медицинской информации. Более чем у 2/3 больных в те годы кровоизлияние в мозг кончалось смертью, а по ряду исследований летальность достигала 92%. Э. Радзинский возлагает ответственность за несвоевременную медицинскую помощь на Берию, Хрущева, Маленкова и Булганина – ближайшее окружение Сталина и первых, узнавших о его болезни. Ведь они, по мнению Радзинского, будучи в сговоре, оттягивали, по силе своих коварных возможностей, приезд врачей к Хозяину, обрекая его на запланированную ими смерть.

С полной ответственностью отмечаю, что если бы врачи оказались у постели больного не через 18 часов с момента, когда ЕГО нашли разбитого параличом, без сознания, как это было на самом деле, а через полчаса после «удара», кардинально на исход заболевания это не оказало бы влияния. В те годы лечение острых нарушений мозгового кровообращения носило не патогенетический характер (лечение, направленное на механизм развития болезни), а симптоматический (лечебные мероприятия, направленные на устранение отдельных симптомов заболевания): полный психический и физический покой, снижение повышенного кровяного давления назначением внутрь или внутримышечно дибазола, папаверина, ганглиоблокаторов; поддерживали работу сердца и легких уколами камфоры, внутривенным введением эуфилина, глюкозы. Вот и весь арсенал средств, бывших в то время у медиков, который в полной мере и применили врачи, лечившие Сталина. Эффективно могло помочь только нейрохирургическое вмешательство с удалением образовавшейся в ткани мозга гематомы и излившейся в полость черепа крови. Но неотложная хирургическая помощь появилась в СССР только через 15-20 лет после описываемых событий. Начали производить эти операции в нейрохирургических институтах Киева и Москвы, и я был их прямой свидетель, так как воз-

главлял отделение радиологии в Институте нейрохирургии им. акад. Н.Н. Бурденко. Вначале плохие результаты операции в острой стадии заболевания привели к тому, что нейрохирурги предпочли оперировать не ранее недели после кровоизлияния и даже через 2-3 недели. Считалось, что если больной был не в состоянии протянуть несколько дней до хирургического вмешательства, он вообще объявлялся инкурабельным (не реагирующим на лечебные мероприятия). Первые операции хирургического лечения внутримозговых кровоизлияний давали следующие результаты: удовлетворительные – 25%; остались живы, но с грубыми неврологическими нарушениями – 35%; послеоперационная смертность – 40%.

Спасти Сталина от преждевременной смерти (ему было 74 года) или, в крайнем случае, отдалить этот момент на значительное время мог и попытался сделать Владимир Никитович Виноградов – замечательный врач, высокообразованный клиницист, академик, профессор, заведующий кафедрой факультетской терапии Московского ордена Ленина медицинского института, личный врач Сталина. После последнего обследования пациента Виноградов настоятельно рекомендовал ему щадящий режим как домашний, так и рабочий, определил распорядок питания, назначил курс лекарственной терапии гипертонической болезни, которая начала сильно беспокоить Хозяина. Однако больной был взбешен советами врача и, естественно, пренебрег его наставлениями. Лечил Сталина какими-то отварами один из прикрепленных сотрудников МГБ, по образованию ветеринар. В те дни и часы, когда самые пессимистические предположения врача реализовались, «враг народа» В.Н. Виноградов, арестованный и содержащийся во внутренней тюрьме на Лубянке, под пытками давал признательные показания о своей «шпионско-диверсионно-террористической деятельности». Послушался бы пациент рекомендаций высокоопытного врача-клинициста, роковую развязку можно было бы предотвратить.

Итак, Э. Радзинский не смог убедить, во всяком случае, меня, в неестественной кончине И. Сталина. Если бы телевизионное представление Э. Радзинского было бы лишь литературным произведением, не претендующим на историческую достоверность, то и претензий к нему не было бы. Ведь нельзя осуждать Пушкина за его версию отравления Моцарта Сальери. А сколько есть недостоверных версий отравления Наполеона или Сергея Есенина! Но Э. Радзинский писал отнюдь не художественное, а историческое исследование, имевшее, благодаря детективной занимательности и режиссерской убедительности, соответствующий резонанс у зрителей.

Умер тиран, освободил нас от своего присутствия – жаль, что поздно. Зачем портить впечатление от блестящего, эмоционально насыщенного представления, за которым, затаив дыхание, следили я и мое окружение. Однако что-то застряло в сознании и не давало полного удовлетворения от увиденного и услышанного. Я еще раз просмотрел передачу и понял причину этого. Автор-режиссер-актер вольно или невольно, скорее, невольно, вызывает к главному герою те чувства, которые тот не заслуживает, представляя в ореоле му-

ченичества тирана как жертву коварного убийства. Такое мое ощущение возникло не с точки зрения медика, а с позиции свидетеля и частично участника тех зимних дней 1953 года.

Отстаивая точку зрения, что Сталин был отравлен, автор-режиссер-актер вызывает у слушателя-зрителя сострадание к диктатору. Ну, как не посочувствовать человеку, который умер на полу, одинокий, мокрый, всеми брошенный, бессильный позвать на помощь. В глазах быстро забывающего народа ОН стал жертвой. Народ и особенно слабый пол любит страдальцев и прощает им многое. Да и сам Э. Радзинский уточняет: «Умирал несчастный...».

Э. Радзинский не одинок. Интересно, что в это же время повторилась попытка превратить слух о неестественной смерти И. Сталина в факт истории, но уже с более значимой задачей: обелить эту зловещую фигуру и возложить ответственность за сокрытие факта «отравления» Сталина на медиков, призванных к постели умирающего. Решить ее взялся Николай Добрюха.

Сталина убил Гамлет!

Передо мной статья Н. Добрюхи «Кто похоронен вместо Сталина?», а также его исследование «Как убивали Сталина» в двух частях с эпилогом, обнародованные в самом конце минувшего года в «Аргументах и фактах». Газета «Новости недели» (06.04.2006) в приложении «Дайджест» (№ 142) перепечатала его последний труд, но уже под названием «Операция “Гамлет”» с подзаголовком «Как убивали Сталина».

Сказать хорошие слова и восклицательные предложения о творчестве Николая Добрюхи у меня не получается. Я с его статьями знаком не понаслышке, и потому имею о нем свое мнение. Добрюха всеяден, и это пугает, так как вещает он на многих СМИ и обо всем: от рок-музыки до Сергея Королева (о его ракетах и женщинах), от эстрады Леонида Утесова и Иосифа Кобзона до председателя КГБ В. Семичастного; от истории Великой отечественной войны до методики воспитания детей на примере знаменитых людей, и т.д. Особое место занимает в исторических изысканиях Добрюхи серия статей о Л.П. Берии, в которых обер-палач представлен как мудрый политический деятель, так и не успевший реализовать свои прогрессивные замыслы. Таких работ я насчитал у него больше десяти. В них поименный перечень (около 20-ти) того, что успел и якобы не успел сотворить Берия за пару месяцев его пребывания у власти, пока с ним не разделались. Здесь и прекращение «Дела врачей-вредителей», и пресечение попыток переселения евреев в необжитые районы страны, и широкая амнистия заключенных, осужденных за незначительные уголовные преступления и государственные провинности, и решение не украшать улицы портретами живых вождей и не носить их изображения на праздничных демонстрациях.

Невероятный диапазон интересов историка Н. Добрюхи правильно и точно охарактеризовал одним словом в газете «Завтра» (2006. 11 янв., № 2) Владимир Бушин – «ДОБРЮХИАДА». Всех тем не перечислить, но их объединя-

ет одно – все они имеют «желтоватый» оттенок. В этом нет ничего крамольного: желтая пресса имеет право на существование – если есть на нее спрос, значит, будет и предложение. Но когда история, призванная сохранить в нашей памяти достоверные события, становится полем для необоснованного вымысла, да еще с такой окраской, это уже недопустимо, тем более, что ее осуществляет профессиональный историк. Во всяком случае, таковым считает себя Николай Алексеевич Добрюха. Так, он безапелляционно заявляет: «Иосиф Сталин действительно был отравлен», и для подтверждения привлекает выписки из медицинского журнала и приложенных к нему черновиков, фиксирующих состояние больного с того момента, как врачи оказались у постели больного, до момента смерти. Н. Добрюха считает, что отмеченные в этих исторически важных документах, ранее общественности неизвестных, «симптомы с очень большой долей вероятности могут свидетельствовать об отравлении Сталина», «о проникновении токсинов, т.е. отравляющих веществ природного происхождения», и их «вполне достаточно для того, чтобы сделать вывод о том, что Хозяин, скорее всего, был отравлен ядом природного, органического, белкового происхождения», и для подтверждения, что «отравляющие вещества такого рода <...> способны поражать лимфатические узлы, головной мозг и другие органы человека <...> ведущие к летальному исходу».

В вышеупомянутых статьях он приводит ряд медицинских симптомов, которые были зафиксированы у умирающего Сталина. Это резкий цианоз лица и конечностей (синюшное окрашивание кожи и слизистых оболочек при недостаточном насыщении крови кислородом и замедлении кровотока), угнетение сознания, нарушение дыхания, ослабление деятельности сердца, увеличенная печень, рвотные движения, икота, повышение температуры тела, судороги и дрожание головы, сильное потение. Симптомы грозные! С точки зрения историка Н. Добрюхи – бесспорные признаки отравления ядом. Только Добрюха поставил все с ног на голову, спутав причину со следствием. Он не отрицает, что у Сталина было кровоизлияние в мозг, но в статье сообщает об этом как бы проходя и при анализе клинической картины не считает кровоизлияние причиной в развитии симптомов терминального периода болезни. В итоге получается, что все перечисленные грозные симптомы первичны и связаны с отравлением организма. В то же время медицинская токсикология четко определяет патогенез отравления: вначале проявляется непосредственное действие токсического вещества (острая химическая болезнь) и только затем развиваются органические нарушения, определяющие в конечном итоге действие яда: судорожный синдром, коматозное состояние, отек легких, коллапс, токсическое поражение печени, почек, мышцы сердца и т.д.

В случае болезни Сталина было все наоборот – органические причины (кровоизлияние в мозг, отек и набухание головного мозга) были первичны и несовместимы с жизнью. Умирание представляет собой распад целостности организма, переставшего быть саморегулирующейся системой. Происходят изменения в органах и системах организма: в нервной, выделительной, дыхатель-

ной, сердечно-сосудистой системах, обмене веществ. Медицина точно знает их симптомы, динамику развития, их выраженность и протекание во времени вплоть до момента угасания жизни. Клиническая картина при терминальном состоянии является отражением того, что происходит в умирающем организме: температура тела снижается, развивается цианоз (ухудшение кровообращения), тяжелая необратимая потеря сознания (отек и набухание мозга, блокада желудочковой системы мозга из-за кровоизлияния), изменение форменных элементов крови, лейкоцитоз, белок в моче (нарушение функции почек). То, что приводит Н. Добрюха как симптомы отравления, в действительности является клиническим проявлением умирания организма вследствие мозгового инсульта. (С точки зрения врача, его блестяще описала дочь Сталина – Светлана).

Еще один «веский» аргумент в пользу отравления приводит Н. Добрюха. На вскрытии, почти по ходу всего желудочно-кишечного тракта, были обнаружены изменения, связанные с кровоизлияниями. Добрюха пришел к однозначному выводу: действие яда, отравление! Однако этот симптомокомплекс имеет тоже клиническое, а не токсическое объяснение: генерализованное нарушение сосудистой проницаемости. В механизме повышенной сосудистой проницаемости основную роль отводят кислородному голоданию тканей (читатель, вспомни цианоз лица и конечностей), накоплению местных метаболитов и образованию биологически активных веществ. Действие этих факторов направлено на стенку капиллярных сосудов, в результате чего повышается проницаемость сосудистой стенки для всех элементов крови, плазмы и клеточных составляющих – диапедез эритроцитов, микро- (это те черно-красные точки, которые заворожили Добрюху) и даже крупные кровоизлияния. Грубые нарушения целостности сосудистой стенки способствуют кровоизлиянию в околососудистую ткань.

Далее, опять из статьи Н. Добрюхи: «При исследовании крови отмечено увеличение количества белых кровяных телец до 17 000 (вместо 7000 – 8000 в норме) с токсической зернистостью в лейкоцитах». Медицинские светила злонамеренно не заметили этой «токсической зернистости»! Операция «Гамлет»! Указующий добрюхинский палец прямо направлен если не на исполнителей, то уж наверняка на соучастников.

Все вышеперечисленное, по Н. Добрюхе, «обязательные признаки сильного отравления», «токсическое повреждение клеток центральной нервной системы... при отравлении некоторыми ядами», «свидетельствует о проникновении токсинов, т.е. отравляющих веществ природного происхождения», «дополнительное подтверждение наличия в организме токсинов», «главное доказательство наличия в организме токсинов», «еще один симптом сильнейшего отравления»...

После обнаружения «зернистой токсичности в лейкоцитах» врачи наверняка осознали (это по Добрюхе), что отравление было совершено таким образом, чтобы сперва проявилось не само отравление, а его последствия – кровоизлияния в мозг и желудок. Слово с корнем «токси» (от греч. *toxikon* – яд) подействовало магически на Добрюху и должно так же подействовать на нас, его

читателей. Но прежде чем согласиться с «медицинским открытием» Добрюхи, я бы порекомендовал открыть стр. 781 капитального труда И.А. Кассирского и Г.А. Алексеева «Клиническая гематология», где описаны дегенеративные изменения лейкоцитов как очень тонкий реагент на воспалительные, главным образом гнойные процессы. Токсогенная (дегенеративная) зернистость в лейкоцитах появляется при распаде тканей, в случае «острого живота», сосудистой катастрофы в брюшной полости, воспалительных процессах в легких. Патологическая (токсическая) зернистость образуется внутри клетки в результате физико-химического изменения белковой структуры. Белок как бы сваривается в процессе воспаления тканей, составной частью которых эти лейкоциты являются. Как видите, к яду токсическая зернистость не имеет никакого отношения. В цитированном нами фундаментальном исследовании по клинической гематологии можно прочесть сноску следующего содержания: «Термин “токсическая”, “токсичная” зернистость, “токсические” нейтрофилы, как совершенно извращающие смысл явления, должны быть исключены». То есть никакого отношения токсическая зернистость к токсикологии, тем более к ядам, не имеет. Вот на какую удочку попался Н.А. Добрюха!

Ну, хватит уличать Добрюху в элементарной медицинской безграмотности. В тексте статьи разных медицинских несурезиц пруд пруди. Но хотел бы напомнить ему и иже с ним, что прежде чем обосновывать свои измышления медицинскими аргументами, необходимо ознакомиться с азбучными для дипломированного медика истинами.

Историк-журналист Н. Добрюха поставил себе цель снять со Сталина ответственность за все то, что творилось в нашей стране в начале пятидесятых годов. Он пытался показать, что на самой вершине власти существовали силы «более могущественные, чем те, что представлял он сам» (цитирую из предисловия к статье Добрюхи). Но Добрюха поставленную задачу выполнить не смог, так как на примитивном уровне надергал из документов те абзацы, которые, по его мнению, должны объяснить смерть Сталина действием яда, а не сосудистой катастрофой, разыгравшейся в его мозгу. Я же считаю, что «могущественных» таких сил не было, были только соучастники, вольные и невольные, преступных деяний Сталина, и ответственность за все беззакония лежит в первую очередь на самом Сталине.

Медицинская токсикология для решения политических проблем

Но на этом мои медицинские комментарии не исчерпываются. В связи с циркулировавшими слухами об убийстве Сталина с помощью «бесследного», по терминологии Э. Радзинского, и «быстрого», по терминологии Н. Добрюхи, яда, я имел возможность побеседовать с крупным российским токсикологом, сотрудником токсикологической лаборатории Института профзаболеваний г-жой Х., и она высказала сомнение о существовании тогда, пятьдесят лет тому назад, сейчас (беседа происходила в конце девяностых) и даже и в будущем та-

кого химического и биологического соединения, которое могло бы обладать уникальным свойством разрушать стенку сосуда, да еще строго локально, в определенном, наперед заданном участке мозга. Существует многочисленный набор веществ, приводящих в определенных дозах или концентрациях к расстройству или нарушению тех или иных процессов жизнедеятельности организма, к возникновению отравления (интоксикации) или каких-либо заболеваний, патологических состояний. Вот их перечень: гематические (Hemotoxic) яды, затрагивающие кровь; нейротоксичные (Neurotoxic) яды, поражающие нервную систему и мозг; митоксичные (Myotoxic) яды, повреждающие мышцы; гемолитические (Haemoly-sintoxins) токсины, которые повреждают красные клетки крови; нефротоксины (Nephro-toxins), повреждающие почки; кардиотоксины (Cardio-toxins), повреждающие мышцу сердца. В зависимости от основного патологического эффекта яды подразделяются на раздражающие, прижигающие, удушьяющие, снотворные, вызывающие судороги. Практическое их применение учитывает локализацию основного токсического повреждения или избирательную токсичность на органном, тканевом либо на субклеточном или биохимическом уровне, т.е. «мишень» яда. Наука хорошо знает их свойства, но ни один из них не может вызвать геморрагический мозговой инсульт. Не было такого яда 50 лет тому назад, нет его и до сих пор. Об этом говорят и косвенные признаки – не зафиксировано случаев применения подобного яда, хотя ядами пользуются современные политики широко и постоянно. В Москве все еще действует в составе ФСБ секретная лаборатория бывшего КГБ, специализирующаяся на изучении ядов, а может быть, и на их изготовлении и применении. Яд до сих пор находится в арсенале «большой политики», и его применение не редкость. В 1978 г. болгарский диссидент Георгий Марков был убит с помощью укола (шприц был спрятан в острие зонтика) ядом, который был разработан в СССР и передан болгарской разведке. В 1995 г. умерли от отравления известный бизнесмен Иван Кивелиди и его секретарша, после того, как воспользовались телефоном, трубка которого, по всей вероятности, была смазана ядом. Бывший спикер российского парламента Иван Рыбкин во время своей гонки за президентство внезапно исчез на несколько дней, а позднее обвинил ФСБ в том, что те накачали его какой-то отравой. В 2004 г. стал жертвой отравления политический деятель Украины Виктор Ющенко с помощью украинской секретной службы, которая поддерживает тесные связи с ФСБ. Первого сентября 2004 г. известная российская журналистка Анна Политковская потеряла сознание после того, как выпила чаю на борту самолета, направлявшегося в Беслан на Кавказе, где чеченские боевики захватили школу.

Яд как инструмент политической борьбы активно разрабатывали и применяли различные спецслужбы, и не только российские. Эфиопский диктатор Менгисту Хайле Мариам отравил последнего императора Эфиопии. Саддам Хуссейн и Ким Чен Ир также широко применяли яды для борьбы с неудобными приближенными и оппозиционерами. В 1969 г. в Лондоне скончался король Уганды Эдвард Мутеса Второй. Его сторонники считают, что король был

отравлен. В 1997 г. в столице Иордании Аммане агенты израильской разведки попытались отравить (влив яд в ухо) Халеда Машаля – одного из лидеров террористической организации «Хамас». В 1999 г. стал жертвой отравления оппозиционный малазийский лидер Датук Сери Анвар Ибрагим, а в 2004 г. – индонезиец Мунир Саид Талиб.

По словам моей собеседницы, в доступных описаниях перечисленных выше случаев отравления не было ни одного, где бы клиническая картина хоть отдаленно напоминала классическую форму геморрагического инсульта, и добавила: «Приписывать какому-то яду все, что произошло со Сталиным, – игра воображения. Сегодня нет такого яда, который избирательно способен разрушить сосуд в системе мозгового кровообращения с четкой картиной геморрагического инсульта. Создать подобный яд, может быть, и можно – возможности науки беспредельны, но очень трудно».

Итак, мое мнение сводится к тому, что это была типичная и вполне закономерная смерть больного преклонного возраста в далеко зашедшей стадии заболевания с запущенным склерозом сосудов головного мозга и некоррелируемой медикаментозно гипертонической болезнью. Все в высшей степени банально. Просто умер, как и положено обычному смертному, не богу. Но наших историков и журналистов такой банальный финал не устраивает. Они считают, что у человека, взявшего на себя роль «земного бога», не может разорваться мозговой сосуд и развиваться инсульт. А ведь ОН с медицинских позиций был такой же, как многие другие: человек небольшого роста, с заметным животиком, непропорционально длинными руками, да еще и сухорукий, рябой, с жидкими волосами, не прикрывающими лысый череп. Время берет свое, и ОН имел право на общечеловеческую смерть.

Вернемся, однако, к главной теме этого раздела нашего исследования – когда же умер И.В. Сталин?

На Ближней даче

Есть ли вполне достоверные сведения о времени кончины Сталина? Ничего точно сказать об этом нельзя, пока не обнародована история болезни Сталина – медицинский документ, куда врачи заносят все медицинские данные о больном, динамику развития заболевания, результаты обследования, назначение лечебных мероприятий, клиническое обоснование диагноза и эпикриз, в котором указывается время смерти.

Тем не менее, из появляющихся в последнее время мемуаров прямых участников событий, из газетных публикаций и документов, так или иначе отражающих события того времени, можно судить о том, что произошло на Ближней даче в Кунцево в начале марта 1953 г., там, где оканчивал свой жизненный путь «кремлевский горец» – тиран из тиранов. Сопоставление и анализ сведений позволяет с большой долей вероятности судить о содержимом еще одного «черного ящика» истории.

Начнем с мемуаров непосредственных участников события. Дочь Сталина Светлана Аллилуева подробно описала затянувшуюся агонию отца и его смерть вечером 5 марта (13). Видимо, нет основания подвергать сомнению ее воспоминания, тем более, что они полностью подтверждаются в свидетельствах врачей, бывших у постели больного. Диагноз, зафиксированный в первом совершенно секретном медицинском заключении от 2 марта в 7 часов утра, ясен, и не вызывает у врачей сомнения: гипертоническая болезнь, общий атеросклероз с преимущественным поражением сосудов головного мозга, правосторонняя гемиплегия вследствие кровоизлияния в бассейн средней левой мозговой артерии; атеросклеротический кардиосклероз, невросклероз. Состояние больного крайне тяжелое (67).

Первое сообщение в газете о болезни Сталина появилось 4 марта (235). В медицинском бюллетене достаточно полно и объективно отражалось тяжелое состояние Сталина. В осторожной форме врачи выразили надежду на то, что проведение ряда терапевтических мероприятий, направленных на «восстановление жизненных функций организма», даст лечебный эффект. Однако все усилия врачей оказались тщетными: состояние больного постепенно, но неуклонно ухудшалось и становилось угрожающим. 5 марта, на четвертый день заболевания, было отмечено дальнейшее нарастание мозговых явлений: переход пареза правых конечностей в паралич, непроизвольные «плавающие» движения глазных яблок, нарушение глотания. Дыхание больного стало редким и поверхностным, с большими перерывами. Еще бьется сердце, но уже с перебойми. Особенно ухудшилось состояние утром 5 марта. К полной потере сознания, параличу правых конечностей, отсутствию речи присоединились рвота кровью, падение кровяного давления, перебои в сердцебиении, нарушение дыхания.

Заключение консилиума врачей о состоянии Сталина от 5 марта, 12 часов дня:

«Состояние больного на утро 5-го марта ухудшилось. Расстройства дыхания усилились и были особенно резко выражены во вторую половину ночи и утром 05.03. В начале девятого у больного появилась кровавая рвота, не обильная, которая закончилась тяжелым коллапсом, из которого больного с трудом удалось вывести. В 11 час. 30 мин. после нескольких рвотных движений вновь наступил коллапс с сильным потом, исчезновением пульса на лучевой артерии; из коллапса больной был выведен с трудом после инъекций камфоры, кофеина, кардиозола, строфантина и т. д.

Электрокардиограмма, снятая в 11 час. утра, показала острые нарушения коронарного кровообращения с очаговыми изменениями преимущественно в задней стенке сердца. Причиной кровавой рвоты консилиум считает сосудисто-трофические поражения слизистой оболочки желудка (210).

Вся симптоматика явственно говорила врачам о несовместимых с жизнью поражениях в системе кровообращения головного мозга. Врачи, окружавшие больного, уже понимали, что это последние часы вождя, – и конфиденциально

сообщили соратникам, что надежд на выздоровление практически нет, а даже если он и переборет смерть, то править страной не сможет.

Заключение консилиума врачей о состоянии Сталина от 5 марта, 20 часов:

19.50. Инъекции 3,0 камфоры. Пульс частый, слабый. Неполное смыкание век.
20.00. Пульс 150, слабого наполнения. Инъекции 1,0 кофеина.
20.10. Пульс 140, наполнение несколько лучше. Потливость. Дыхание 45. Внутримышечно введен глюконат кальция 10,0. Коматозное состояние. Частый слабого наполнения пульс. Потливость общая, резкая. Неполное смыкание век. Отсутствие рефлекторных движений в левых конечностях. Поверхностное дыхание.
20.35. 2,0 кардиозола.
20.45. Глюконат кальция 10,0 внутримышечно.
20.50. Камфора 3, 0.
21.00. 2,0 кофеина.
21.10. Резкий цианоз лица. Кожа влажная. Дыхание 45 в 1 минуту. Пульс аритмичный, 140 в 1 минуту, малого наполнения, временами нитевидный. Легкие – коробочный звук, спереди и на боковой поверхности хрипов не выслушивается. Сердце – тоны глухие, эмбриокардия. Живот вздут. При перкуссии живота тимпанит (210).

К вечеру 5 марта уже никто не сомневается, что Сталин агонизирует: у больного практически нет дыхания, пульс отсутствует. Искусственный массаж сердца не дал результатов, и врачи констатируют смерть.

Окончательное заключение консилиума врачей о состоянии Сталина от 5 марта:

21.20. Введено под кожу 200,0 глюкозы 5 % раствора.
21.30. Резкая потливость. Больной влажный. Пульс нитевидный. Цианоз усилился. Число дыханий – 48 в 1 минуту. Тоны сердца глухие. Кислород (1 подушка). Дыхание поверхностное.
21.40. Карбоген (46 % CO.) 30 секунд, потом кислород. Цианоз остается. Пульс едва прощупывается. Больной влажный. Дыхание учащенное, поверхностное. Повторен карбоген (60 CO.) и кислород. Сделаны инъекции камфоры и адреналина. Искусственное дыхание.
21.50. Товарищ И.В. Сталин скончался.

Третьяков, Лукомский, Тареев, Коновалов, Мясников, Филимонов, Глазунов, Ткачев, Иванов (210).

Присутствовавшая у смертного одра Светлана Аллилуева свидетельствует:

«Кровоизлияние в мозг распространяется постепенно на все центры, и при здоровом и сильном сердце оно медленно захватывает центры дыхания и человек умирает от удушья. Дыхание все учащалось и учащалось. Последние двенадцать часов уже было ясно, что кислородное голодание увеличивалось. Лицо потемнело и изменилось, постепенно его черты становились неузнаваемыми, губы почернели. Последние час или два человек просто медленно задыхался. Агония была страшной. Она душила его у всех на глазах. В какой-то момент – не знаю,

так ли на самом деле, но так казалось — очевидно, в последнюю уже минуту, он вдруг открыл глаза и обвел ими всех, кто стоял вокруг. Это был ужасный взгляд, то ли безумный, то ли гневный и полный ужаса перед смертью и перед незнакомыми лицами врачей, склонившихся над ним. Взгляд этот обошел всех в какую-то долю минуты. И тут — это было непонятно и страшно, я до сих пор не понимаю, но не могу забыть — тут он поднял вдруг вверх левую руку (которая двигалась) и не то указал ею куда-то вверх, не то погрозил всем нам. Жест был непонятен, но угрожающ, и неизвестно к кому и к чему он относился.... В следующий момент, душа, сделав последнее усилие, вырвалась из тела» (13).

Свидетельствует о факте смерти Сталина врач из реанимационной бригады — Г. Чеснокова, фактически снимающая все кривотолки о времени и причине смерти диктатора:

«К вечеру 5 марта сердце начало останавливаться. Мы с Неговским решили — надо делать массаж сердца. Мы открыли его грудь. Сталин был одет в домашний халат, под ним рубаша без пуговиц, брюки. Я распахнула халат, спустила брюки. Рубашка мешала. Я сначала хотела ее стянуть, а потом просто разорвала. Руками. Я сильная была. А ножницы искать уже времени не оставалось. Было видно, что сердце останавливается, счет шел на секунды. Я обнажила грудь Иосифа Виссарионовича, и мы с Неговским начали попеременно делать массаж — он пятнадцать минут, я пятнадцать минут. Так мы делали массаж больше часа, когда стало ясно, что сердце завести уже не удастся. Искусственное дыхание делать было нельзя, при кровоизлиянии в мозг это строжайше запрещено. Наконец, ко мне подошел Берия, сказал: «Хватит!». Глаза у Сталина были широко раскрыты. Мы видели, что он умер, что уже не дышит. И прекратили делать массаж» (199).

Факт смерти Сталина вечером 5 марта свидетельствует Никита Хрущев:

«"Срочно приезжай, у Сталина произошло ухудшение. Выезжай срочно!" Я сейчас же вызвал машину. Действительно, Сталин был в очень плохом состоянии. Приехали и другие. Все видели, что Сталин умирает. Медики сказали нам, что началась агония. Он перестал дышать. Стали делать ему искусственное дыхание. Появился какой-то огромный мужчина, начал его тискать, совершать манипуляции, чтобы вернуть дыхание. Мне, признаться, было очень жалко Сталина, так тот его терзал. И я сказал: "Послушайте, бросьте это, пожалуйста. Умер же человек. Чего вы хотите? К жизни его не вернуть". Он был мертв, но ведь больно смотреть, как его треплют. Ненужные манипуляции прекратили» (305).

Свидетельствует член врачебного консилиума, академик АМН А. Мясников:

«Это был момент, конечно, в высокой степени знаменательный. Как только мы установили, что пульс пропал, дыхание прекратилось и сердце остано-

вилось — в просторную комнату тихо вошли руководящие деятели партии и правительства, дочь Светлана, сын Василий и охрана. Все стояли неподвижно в торжественном молчании долго, я даже не знаю сколько — около тридцати минут или дольше. Свершилось, несомненно, великое историческое событие. Ушел из жизни вождь, перед которым трепетала вся страна, а, в сущности, в той или иной степени, и весь мир. Великий диктатор, еще недавно всесильный и недосыгаемый, превратился в жалкий, бедный труп, который завтра же будут кромсать на куски патологоанатомы...» (199).

Газета «Правда» 6 марта 1953 г. сообщала:

«Во вторую половину дня пятого марта состояние больного стало особенно быстро ухудшаться... В 21 час 50 минут при явлениях нарастающей сердечно-сосудистой и дыхательной недостаточности И.В. Сталин скончался».

Шестого марта в 11-12 часов дня на Садово-Триумфальной улице во флигеле во дворе здания, которое занимает кафедра биохимии 1-го МОЛМИ, состоялось вскрытие тела Сталина. Присутствовали из состава комиссии только Мясников и Лукомский, а также сотрудники МГБ из охраны. Зачем? От кого и от чего охранять? Вскрывал А.И. Струков, профессор 1-го МОЛМИ, присутствовали П.Н. Аничков (президент АМН), биохимик профессор С.Р. Мордашев, который должен был труп бальзамировать (главный «бальзамировщик» страны, сохранявший в течение тридцати лет тело Ленина, академик Академии медицинских наук, профессор, лауреат Сталинской премии Борис Ильич Збарский в это же время на Лубянке давал показания о своей «шпионско-вредительской деятельности»), и патологоанатомы, профессора Скворцов, Мигунов, Русаков. По ходу вскрытия врачи, наблюдавшие и лечившие Сталина, конечно, беспокоились — что с сердцем? Откуда кровавая рвота? Все подтвердилось. Инфаркта не оказалось.

Результаты вскрытия подтвердили диагноз кровоизлияния в мозг, повлекшего за собой паралич правой половины тела и поражение моторного центра речи, расположенного в левом полушарии головного мозга.

На вскрытии отмечалась также выраженная гипертрофия стенки левого желудочка сердца на почве многолетней гипертонической болезни. Это патологическое изменение повлекло за собой острый отек левого легкого. Кроме того, вскрытие выявило сильно выраженные склеротические изменения всех артерий головного мозга. В этом, по-видимому, кроется одна из причин ошибочных действий и неправильных оценок ситуаций Сталиным в последние годы его жизни.

Сильный склероз мозговых артерий, развившийся на протяжении ряда лет, мог сказаться не только на состоянии здоровья Сталина, но и на его характере, на его поступках в эти годы. Ведь хорошо известно, что атеросклероз мозговых сосудов, приводящий к нарушению питания нервных клеток, сопровожда-

ется нарушением функций нервной системы. Прежде всего со стороны высшей нервной деятельности отмечается ослабление процессов торможения, в том числе и дифференциального. Легко себе представить, что в поведении Сталина это проявлялось потерей ориентации – что хорошо, что дурно, что полезно, а что вредно, что допустимо, что недопустимо, кто друг, а кто враг. Параллельно происходит так называемое обострение черт личности: сердитый человек становится злым, несколько подозрительный становится болезненно подозрительным, начинает испытывать манию преследования – это полностью соответствует поведению Сталина в последние годы его жизни.

Очень важны для нашего исследования сведения о том, что в МГБ на Лубянке следователи продолжали выполнять указания по подготовке «Дела врачей-вредителей». Однако их интересовала не только «вредительская деятельность»: теперь они использовали заключенных врачей как экспертов. Не называя имени «серьезного больного», спрашивали, что означают такие термины, как «дыхание Чейн-Стокса», «гемиплегия», «бассейн средней мозговой артерии», «кислородная недостаточность», то есть все, что они вычитали в «Правде» из опубликованного бюллетеня о состоянии здоровья вождя.

Вера Львовна Вовси, жена профессора М.С. Вовси, тоже врач, вспоминает, что следователь «советовался» с ней о своем тяжело больном «дяде», и она, не теряя чувства юмора, сказала ему: «Если вы ждете наследства от этого дяди, то ваше дело в шляпе». А профессор Я.Л. Раппопорт был категоричен и на вопрос следователя: «А можно выздороветь при чейнстокском дыхании?», ответил: «Нет, выздороветь нельзя. Необходимо умереть».

Таким образом, большое количество различных специалистов-медиков, привлеченных к лечению Сталина, мемуарные свидетельства и газетные публикации еще раз подтверждают, что ОН был жив до вечера 5 марта 1953 г., а о феврале 1950 г. и говорить нечего.

Какими официальными документами мы можем оперировать?

Из архива бывшего Политбюро ЦК КПСС извлечены и стали достоянием общестественности два Постановления Бюро Президиума ЦК КПСС.

В Постановлении от 2 марта 1953 г. сообщается:

«...помимо штатных сотрудников Лечебно-Санитарного управления Кремля во главе с его начальником И.И. Купериным и главным терапевтом Минздрава П.Е. Лукомским решено привлечь к лечению товарища Сталина следующие медицинские силы: действительных членов Академии медицинских наук: А.Л. Мясникова, Е.М. Тареева, Н.В. Конавалова и заведующего кафедрой второго Московского медицинского института И.Н. Филимонова, введя их в состав врачебного консилиума» (235).

В Постановлении от 5 марта сообщается:

«1. Созвать 5 марта в 8 часов вечера совместное заседание Пленума ЦК КПСС, Совета Министров СССР и Президиума Верховного Совета СССР. 2. Принять и внести на рассмотрение совместного заседания сле-

дующее решение: в связи с тяжелой болезнью товарища Сталина, которая влечет за собой более или менее длительное неучастие его в руководящей деятельности, считать на время отсутствия товарища Сталина важнейшей задачей партии и правительства – обеспечение бесперебойного и правильного руководства всей жизнью страны...».

Москва, Старая площадь

И, наконец, третий документ. Он повествует о том, что произошло в 8 часов вечера на Старой площади в Москве, в здании ЦК КПСС, и что зафиксировано в «Протоколе совместного заседания Пленума ЦК КПСС, Совета Министров СССР и Президиума Верховного Совета СССР» от 5 марта 1953 г. На это срочно организованное заседание собралось 118 членов ЦК и 101 кандидат в члены ЦК, 3 члена Президиума Верховного Совета СССР, 8 министров и Председатель Центральной ревизионной комиссии – всего 232 человека. На даче, у постели больного Сталина, вместе с врачами остался Н.А. Булганин.

Председательствует Н.С.Хрущев. Первое слово он предоставляет Министру здравоохранения Третьякову для информации о состоянии здоровья Сталина. Сообщение Третьякова принимается к сведению.

Далее слово предоставляется Маленкову, который говорит собравшимся, что «страна не может терпеть ни одного часа перебоя в руководстве», в связи с чем необходимо провести ряд мероприятий для «обеспечения бесперебойного и правильного руководства всей жизнью страны, что в свою очередь требует величайшей сплоченности руководства, недопущения какого-либо разброда и паники, с тем, чтобы таким образом безусловно обеспечить успешное проведение в жизнь выработанной нашей партией и правительством политики, как во внутренних делах нашей страны, так и в международных делах».

Слово предоставляется Берии, который сообщает, «что Бюро Президиума ЦК тщательно обсудило создавшуюся обстановку в нашей стране в связи с тем, что в руководстве партией и страной отсутствует товарищ Сталин», и члены Бюро «единодушно и единогласно» выдвигают «только одну кандидатуру на пост Председателя Совета Министров СССР – тов. Маленкова». Под многочисленные возгласы с мест: «Правильно, утвердить!» – предложение Берии утверждается.

Далее Маленков сообщает собравшимся о назначениях на ответственные должности и о перестановках в правительстве, аппарате ЦК и Верховного Совета. После этой процедуры переходят к вопросу об упразднении в Центральном Комитете КПСС неуставного органа – Бюро Президиума ЦК.

Затем утверждается Президиум ЦК КПСС в составе: Сталина И.В., Маленкова Г.М., Берии Л.П., Молотова В.М., Ворошилова К.Е., Хрущева Н.С., Булганина Н.А., Кагановича Л.М., Микояна А.И., Сабурова М.З. и Первухина М.Г., а также четырех кандидатов в члены Президиума.

Совещание сочло необходимым, «чтобы тов. Хрущев Н.С. сосредоточился на работе в Центральном Комитете КПСС».

Собравшиеся «поручают» Маленкову, Берии и Хрущеву привести «в должный порядок» документы и бумаги тов. Сталина.

Хрущев спрашивает: «Есть ли у товарищей вопросы, замечания, предложения?». Зал дружно отвечает: «Принять и утвердить предложения».

Хрущев ставит на голосование внесенные предложения. Совместное заседание единогласно утверждает внесенные Бюро Президиума ЦК КПСС предложения о мероприятиях по организации партийного и государственного руководства. В 20 часов 40 минут Хрущев объявляет совместное заседание закрытым.

Итак, что вытекает из детального изучения этих документов в сопоставлении с мемуарным материалом и газетными публикациями?

Первое – к 9 часам вечера 5 марта 1953 г. Сталин был еще жив. О нем говорят, как о больном, тяжело больном человеке, но пока живом. Министр здравоохранения А.Ф. Третьяков, только что приехавший от постели больного, сообщает собравшимся на совместное совещание о состоянии больного вождя. 232 человека, затаив дыхание, слушают, что случилось на Ближней даче пять дней назад, как развивалось заболевание и какие меры принимают врачи, чтобы спасти больного.

Второе – Берия говорит об «отсутствующем», а не умершем главе партии и государства. Очень интересен состав Президиума ЦК КПСС, который предложен на утверждение. Первым в списке членов Президиума – И.В. Сталин. Сталин еще жив, и никто не может официально претендовать на место вождя. И хотя сидящие в зале уже осведомлены о том, что Сталин агонизирует, никто не берет на себя смелость вычеркнуть его из партийной элиты. Он по-прежнему возглавляет «нашу родную Партию».

Иезуитски осторожна формулировка, на основании которой Н.С. Хрущев становится во главе партии: будущему Первому секретарю ЦК КПСС протоколом предписывается: «Признать необходимым, чтобы тов. Хрущев Н.С. сосредоточился на работе в Центральном Комитете КПСС...», ибо пока вождь жив. И никто не знает, чего можно ожидать от него. Страх перед Сталиным не ослабел. Уже после его смерти, когда гроб с телом был выставлен для обозрения и прощания в Доме Союзов, 7 марта в газете «Правда», без указания на дату проведения совещания, был опубликован протокол, но из состава Президиума ЦК Сталин был уже вычеркнут.

Опять Ближняя дача

21 час, 5 марта 1953 г. После совещания ближайшее окружение Сталина – члены ЦК и Политбюро – вновь собираются на Ближней даче.

«Члены ЦК, члены Политбюро подходили к умирающему, люди рангом пониже смотрели через дверь, не решаясь подходить к полумертвому “хозяйину”»^{*}.

^{*} Цит. из неизданных мемуаров А.Л. Мясникова «Моя жизнь», которые я имел возможность прочесть еще в 1980 г.

Сталин умер 5 марта 1953 г. в 21 час. 50 минут.

На следующее утро эту весть передали по радио, а газеты опубликовали обращение ЦК КПСС, Совета Министров СССР и Президиума Верховного Совета СССР «Ко всем членам партии, ко всем трудящимся Советского Союза», в котором сообщалось о времени смерти Сталина. Эпоха Сталина в истории СССР закончилась! Может быть, это было впервые, когда советские руководители сказали народу правду. Тиран умер, и только поэтому не свершилось спланированное им последнее злодеяние. Видимо, это была та самая случайность, которая неизбежной закономерности!

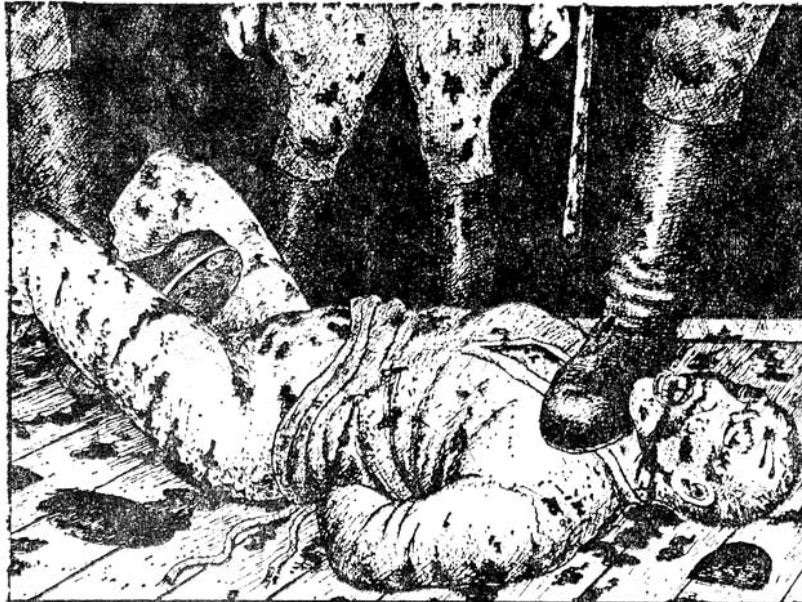
* * *

Я по профессии врач-клиницист, имею стаж врачевания более 50-ти лет, и чувство сострадания — одно из составляющих моей специальности. Но к Сталину ни как к человеку, ни как к больному у меня нет этого чувства. Я категорический противник любых попыток его реабилитации и снятия с него личной вины за тот произвол, который творился над советскими гражданами в течение десятилетий и был прерван лишь с его смертью.

Вот от чего спаслись евреи
и другие народы СССР

В 1991 году в сентябрьском номере газеты ленинградских писателей «ЛИТЕРАТОР» № 35 (89), вышедшем сразу после провалившегося августовского военно-коммунистического переворота путчистов из ГКЧП, были опубликованы рисунки под заголовком «Вот что они нам готовили».

Сюжеты, изображающие будни ГУЛАГа, были сделаны в 1948 году сотрудником МВД Д.С. Балдеевым – прямым свидетелем того, что творилось в сталинских застенках. Каждый рисунок был «паспортизирован» – кто был прямым исполнителем, свидетелем, жертвой изображенных фактов, где это происходило и когда. В газете было опубликовано 16 рисунков, из которых мы воспроизводим 8. Эти зарисовки с натуры как ничто другое дают представление о том, чему подвергались жертвы репрессий того времени, о котором идет речь в нашей книге.

Допрос 3-й степени, когда подследственному выбивали зубы, ломали челюсти, ребра, отбивали печень, почки, кишечник, половые органы

Узаконенный Сталиным и Вышинским допрос 3-й степени позволял выколачивать любые показания у «врагов народа» на себя и других лиц. Чтобы избежать себя от дальнейших пыток, многие признавались в «шпионаже», «диверсии», «заговоре» и т.п.

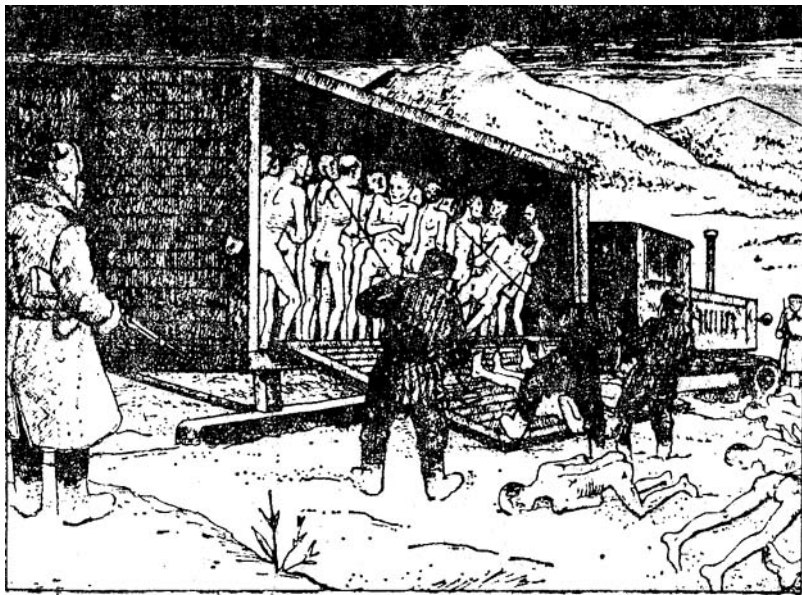
Жертвы МВД стояли на допросах по несколько суток без сна, воды, пищи, отдыха. При падении от потери сил жертву обливали водой, избивали и снова ставили в угол

В тюрьмах МГБ имелись специальные камеры, куда помещали женщин-«врагов народа»

Молодых женщин, отказавшихся быть любовницами палачей ГУЛАГА, сажали на муравейник. При этом во влагалище вставляли растительную трубку или бересту, свернутую трубкой, для муравьев, а на ноги привязывали распялку

В колымских лагерях больных и слабых заключенных, под предлогом мытья в бане, раздевали догола, загоняли в клетку, затем на тракторных санях вывозили в болота и там заживо хоронили

Сброс трупов, заключенных в ствол старой шахты. Таких могильников на необъятных просторах ГУЛАГа сотни

Один из многих «десантов смерти» из «врагов народа», высаженный без воды и пищи на пустынный остров Арала для умерщвления

**Поднять на щит,
а не оплакивать!**

Страхом от страха не лечатся, лечатся бесстрашием.

Юлий Домбровский

*Тело мужей храбрых и великих людей смертно,
а деятельность души и слава их доблести вечны*

Марк Туллий Цицерон

*Слава великих людей всегда должна измеряться
способами, какими она была достигнута.*

Франсуа Ларошфуко

Сорванный евреями Последний политический
процесс Сталина спас евреев СССР
от окончательного уничтожения.

Сорванный евреями Последний политический
процесс Сталина был предтечей
десталинизации и – в конечном
итоге – распада СССР.

**Об этих людях –
мое слово!**

Взятое на себя обязательство рассказать историю несостоявшегося геноцида советских евреев в меру моих сил выполнено. Я дал себе зарок найти доказательства сопротивления евреев злой, настроенной на уничтожение воле Сталина. Необходимо было подтвердить свои предположения о событиях, прямым свидетелем которых мне довелось быть. Несмотря на то, что жестокий тоталитарный режим не спешил расстаться со своими бесчеловечными тайнами, усилиями многих историков удалось проникнуть в архивы, прочитать спрятанные в вечном хранении (захоронении), «совершенно секретные» материалы, переписку, протоколы, приказы и распоряжения, чтобы восстановить картину тех событий с ее чудовищной изнаночной стороны.

Сталин втянул в безжалостную политическую интригу, с ее цинизмом и жестокостью, людей от нее далеких, но с устоявшимися жизненными принципами, гуманными убеждениями, семейными привязанностями и профессиональной порядочностью. Вдумайтесь: с одной стороны – безжалостная машина уничтожения, работавшая многие годы без сучка и задоринки, машина, стершая с лица земли миллионы своих верных граждан, с другой – нематериальная вера в гуманные идеи, справедливость, порядочность, осознание своей ответственности не только за судьбу родных и близких, но и за судьбу своего народа. Равновелико ли противостояние? Здравомыслие скажет «нет» и отдаст предпочтение силе. Но в том-то и дело, что здравомыслие тут будет не право.

Добро и Зло – такова природа Мира и природа человека в этом Мире. Зло, основанное на СТРАХЕ, агрессивно, беспощадно, иррационально, деструктивно. Но у Добра есть шансы противостоять Злу, ограничить его возможности. Добро, вооружившись состраданием и уважением к правам людей, благотворительностью и милосердием, благородством и мужеством, сотрудничеством и солидарностью, веротерпимостью и уважением к человеческой чести и достоинству, борьбой против угнетения и узурпации, перебороло СТРАХ. И сила оказалась на стороне гуманных идей, что и произошло в действительности. СТРАХ вселился в жалкие душонки носителей Зла. Впервые Сталину и его приспешникам не удалось одолеть тех, кого он представил врагами народа, как делали это беспробитно в течение четверти века. Сталину не удалось устроить грандиозный показательный процесс, в котором антисемитизм должен был сыграть определяющую роль.

История не безлика. Личность и только личность является ее создателем. Оставим истории эти имена.

Это евреи – члены Еврейского антифашистского комитета, люди традиций, чести и совести, предотвратившие редкий по своей жестокости план Ста-

лина окончательно решить «еврейский вопрос» в СССР, затормозив этот коварный замысел *на годы*.

Это евреи – врачи различных специальностей и званий, представители самой гуманной в мире профессии, сорвавшие Последний политический процесс Сталина, застопорив его осуществления *на месяцы*.

Это евреи – деятели науки, техники и культуры, душа, мозг и руки народа, затормозившие начало так и не состоявшегося показательного суда над «врачами-вредителями» *на дни*.

Это – представители интеллигенции многих национальностей и рядовые труженики, не поддержавшие развернувшуюся в газетах, на радио, митингах и собраниях антисемитскую вакханалию против «врачей-вредителей» и открыто выступившие в защиту репрессированных евреев, охарактеризовав политику Сталина как советский и русский позор.

Эти люди преодолели СТРАХ. Это – люди легендарного мужества. Они достойны быть написанными в нелегкую историю еврейского народа.

В книге представлены доказательства того, как в 1948 – 1953 гг. (в 5708 – 5713 гг. по еврейскому календарю) советскому «царю» Иосифу Сталину Кротовому НЕ УДАЛОСЬ осуществить геноцид евреев. Напомним, что впервые НЕУДАВШИЙСЯ геноцид произошел в Персии в 3163 г., при царствовании царя Артаксеркса.

И тогда, и через 2500 лет, евреи спасли себя сами.

Прежде чем поставить последнюю, прощальную точку, позволю себе высказать мнение, что советский режим погиб не только под тяжестью экономических проблем и не только в результате противостояния с демократией. «Империю Зла» погубили тотальная ложь, многолетнее насилие и СТРАХ. Империя начала распадаться, как только из-под нее выбили этот краеугольный камень. Чувство собственного бессилия каждого отдельного человека и общества в целом сменилось ощущением возможности противостояния силе режима.

Заслуги за расшатывание сталинского государственного монолита и развал Советского Союза приписывают оттепели конца 50-х, культурной оппозиции 60-х, диссидентскому движению 70-х, перестройке конца 80-х годов.

По моему же убеждению, распад советского строя начался в 1949 году, тогда, когда Сталин столкнулся с еврейским сопротивлением, которое показало, что можно не только жить не в страхе, но и противостоять господствующей идеологии и практике режима.

Правление Хрущева, Брежнева, Андропова, Черненко и Горбачева было затянувшейся на полвека агонией, дыханием Чейн-Стокса советского режима.

Наука без религии слепа; религия без науки слепа.

Альберт Эйнштейн

ПАПА – ПРИВЕТ ОТТУДА

Хотите – верьте, не хотите – не верьте,
но жизнь внесла сомнение
в мое безверие.

Все! В книге поставлена последняя точка. Последняя! Книга «лежит» в компьютере, и ничего нельзя ни изменить, ни добавить, ни прибавить. Всякое вмешательство наказуемо нарушается порядок форматирования, меняется нумерация страниц, появляются «хвосты», рисунок уплывает в неположенное ему место.

Все, точка! На ум приходят вещи пушкинские строки:

*Еще одно, последнее сказанье
И летопись окончена моя,
Исполнен долг, завещанный от Бога
Мне, грешному. Недаром многих лет
Свидетелем Господь меня поставил
И книжному искусству вразумил...*

В голове стучит: «исполнен долг...», «труд окончен...», «окончен труд...», «от Бога...», «Бога!».

При чем тут Бог? Книга не появилась сама по себе, книга делалась руками, головой. И все же что-то не позволяет мне взять создание книги полностью на себя, что-то, как говорится, остается «за кадром». Я, неверующий, не могу избавиться от ощущения, что кто-то в течение всего срока работы над книгой всегда стоял за моей спиной, кто-то постоянно включался в процесс создания книги.

1992 год. Я уже почти два года в Израиле. Но эти годы не могут стереть старые наболевшие мысли, и память о сталинской действительности не испарилась, она преследует меня ежедневно, ежечасно. В голове постоянно прокручиваются события пятидесятых годов и их оценка, возникшая еще в бытность проживания на «биологической родине». И мое понимание этих событий не соответствует тому, как они освещались в ряде работ, появившихся в период информационной вседозволенности. Попытка связаться с израильскими профессиональными историками, чтобы они подключились к научной разработке моей гипотезы о роли деятелей ЕАК и о ходе «Дела врачей-отравителей», помогли мне её оформить в виде научно-исторического исследования или статьи, успехом не увенчалась. А о книге я и не помышлял.

После неудачной попытки «продать» идею я, на свой страх и риск, сам взялся за перо. В прямом смысле этого слова начал писать. Даже машинки с русским шрифтом не удалось достать ни у знакомых, ни на барахолке «блошиного рынка» Тель-Авива, куда я пару раз навещался, но безрезультатно.

Все, что я обдумал за те прошедшие годы, я выложил на бумагу. Записи росли, наработки ширились. В процессе работы я консультировался с историком-юристом Яковом Айзенштатом и специалистом по истории восточно-европейского еврейства д-ром Милой Цигельман-Дымерской с целью проверки: не наделал ли я каких-то грубых ошибок, ведь сфера деятельности не моя. Написал, положил в папку, которую назвал «Последний сталинский процесс», а папку на полку.

Прошел год.

И вдруг телефонный звонок:

Здравствуйте, с Вами говорит Эмиль Соломонович Любошиц.

Очень приятно.

Честно говоря, я не сразу вспомнил, что у нас была до этого кратковременная встреча. Но виду не подал.

У нас есть сведения, что Вы пишете или уже написали книгу о «Врачебном деле».

Не только о «Деле врачей», но главным образом о роли и значении деятелей Еврейского антифашистского комитета в развитии событий конца сороковых годов.

И какие у Вас перспективы с изданием этой книги?

Никаких.

А что, если мы Вам поможем и субсидируем издание Вашей книги? Я, как Вы знаете, врач, но сейчас выступаю как председатель Фонда Розы Этингер.

Мое состояние после такого предложения было подобно «немой сцене» в «Ревизоре» Гоголя. Но в пьесе она завершала действие, а в моем случае стала началом.

Вы можете нам прислать рукопись, мы ее прорецензируем и после этого решим.

Но у меня в полном смысле рукопись. Пока книга в виде рукописного текста. Машинки нет.

Ничего, мы справимся.

Вот так начиналась первая моя книга о сопротивлении деятелей Еврейского антифашистского комитета сталинскому произволу, грозившему уничтожить оставшуюся часть еврейского народа на территории СССР. Книга была отлично подготовлена к печати доброжелательным, что очень важно, издателем Юрием Вайсом.

Не случайно говорят, что мир не без добрых людей? Не станем сейчас выяснять, почему и как сложились обстоятельства, которые свели воедино автора, спонсора и издателя, по чьей воле они почти случайно объединились, и было ли это вызвано каким-то внешним воздействием.

Добавлю только, что в результате не только получилась книга, но я обрел в лице Эмиля Соломоновича Любошица и его обаятельной супруги Лены преданных друзей. Завязались дружеские и творческие контакты.

2001 год. Лето.

Волею судеб в Израиль прилетел из Нью-Йорка друг моего сына, тоже врач Гриша Гиршин. Отношения у нас с давних пор были приятельские, и мы с женой уговорили его поселиться у нас на время его пребывания в Иерусалиме. Приятно и поучительно для нас и, надеюсь, для него прошло наше недолгое общение, душевные беседы о семье, медицине, политике, религии, прочих злободневных проблемах повседневной жизни там, в СССР, и здесь у нас, в Израиле и Америке. Естественно, что они велись по-московски, за кухонным столом, под аккомпанемент искусно приготовленной закуски (жена!) и не одной рюмки отборной водки. Так получилось, что одно из застолий пришлось на юбилейный день ареста Берии. Светлая дата! О нем, о его бандитских деяниях и о том времени мы проговорили допоздна, и в качестве дополнения к возникшей дискуссии я дал Грише на ночь один из последних оставшихся экземпляров моей книжки.

На следующее утро Гриша высказал свое мнение о книжке и... что ее надо переиздать. Но Гриша бросил не дежурную, много раз слышанную мною фразу, а сообщил, что ее переиздание он субсидирует.

Опять, как и в случае с Любошицем, у меня перехватило дыхание, и «немая сцена» из гоголевского «Ревизора» повторилась.

Гриша человек дела и американской выучки, слов на ветер не бросает, и очень скоро на моем банковском счету оказалась сумма, позволяющая переиздать книжку. Но не тут-то было. За прошедшее от ее первого издания почти десятилетие она пополнилась новыми материалами, не использовать которые в книге было бы непростительно, так как они значительно изменили мое отношение к прошедшим событиям – чувство жалости сменилось на чувство гордости к их невольным участникам. Это новое обретенное в процессе работы чувство поддерживало меня в увлекательном, но, в то же время, и изнурительном труде.

Я вовлек в жаркие споры мое близкое окружение, состоящее из профессионалов наивысшего класса. Это жена Лариса, журналист московского радио; Софа Тартаковская, литературный редактор «от Бога»; Людмила Цигельман-Дымерская, философ и историк; д-р Леонид Юниверг – высочайший знаток книжного дела, книговед и издатель. Все они, как могли, противодействовали моему дилетантству в сфере литературы и истории, боролись с моей некомпетентностью в основах грамматики и синтаксиса русского языка. В результате этих дебатов я то ругал себя за

соглашательство, то с пеной у рта отстаивал свою точку зрения, то благодарил моих оппонентов за разумные предложения.

Я работал все эти годы с раннего утра до позднего вечера, не позволяя себе расслабиться. Участники событий тех страшных сталинских лет должны были говорить своими словами в моей книге. Я взял на себя обязательство передать эстафету памяти: мы смертны – книга бессмертна!

Постепенно, шаг за шагом, обновленная рукопись превращалась в новую книгу. Рукопись разбухла – вместо 200 в ней стало 600 страниц. В то время как книга потолстела, Гришины деньги похудели: пришлось сменить мой старикан-компьютер на более современный, обзавестись принтером и сканером, без которых сегодня нереально сделать серьезное научное исследование, а тем более создать книгу. Съели деньги и поездки в Москву за документами, которые я выудил из ФСБ, и в Лос-Анджелес для работы в библиотеках. Потратился я и на приобретение производственной копии фильма для тиражирования.

Но книга делается не только автором с привлечением друзей и советников. Книга делается в издательстве и типографии, а это стоит немалых денег. Там надо платить чистоганом. Деньги были, но их стало недостаточно, чтобы издать новый вариант книги, да еще с задуманным приложением в виде диска с фильмом. Мои обращения в разные фонды оказались безрезультатными: одни отказали под тем или иным благовидным предлогом, другие тянули с ответом.

Так я добрался до осени 2005 года. Книга, уже в трех папках, заняла свое место на полке.

2006 год. Апрель.

Очередное интернет-телефонное общение с нашим близким московским другом Вале́й Цырлиной, женой Миши Соркина, моего товарища с детских лет. Миши уже нет, а дружба с Вале́й осталась. Мы очень дорожим нашими отношениями: друзей-то становится все меньше и меньше... Приезжали в Москву – навещали ее, она приезжала в Израиль – была у нас.

Как поживаешь, как дома, что нового, как боли в спине, какие планы?

А вы что делаете?

Празднуем. Здесь в Израиле праздники любят и умеют их праздновать. Пурим, Пейсах, Лаг-ба-Омер... Один следует за другим. Есть повод выпить, закусить, пообщаться, повспоминать.

А что сейчас празднуете?

Как что? 4-е апреля! День, когда объявили всему миру, что лопнула сталинская затея с профессорами-врачами. Каждый год торжественно отмечаем.

Выпивать, это неплохо. Лучше скажи, как у тебя дела с книжкой?

Как, как! Все завершил еще осенью, но денег на издание в том виде, как задумал, нет. Хожу по кругу с протянутой рукой, но пока безрезультатно. В мое пособие по старости издание книги не вписывается.

Знаешь, я ничего тебе не обещаю, но попробую...

На следующий день Валя по телефону: «Деньги будут!».

Через неделю: «Деньги у меня, как их тебе передать?».

Еще через неделю деньги в Иерусалиме.

Пушкинская золотая рыбка в подметки не годится нашей Вале Цырлиной. В нужный момент оказался отзывчивый человек, пришедший на помощь, проф. Виктор Саприцкий. Ни я его, ни он меня не знал! И меня не отпускает ощущение, что за мной, безбожником, кто-то или что-то стоит, кто-то направляет, кто-то помогает и в самый критический момент кого-то ко мне посылает.

Моментально завертелась активная деятельность по окончательному редактированию книги, по корректуре, форматированию текста, изготовлению рисунков; были подписаны договоры с типографией и с фирмой, изготавливающей тираж фильма.

Май, утро.

Необычное состояние ничегонеделания. Посмотрел почту, но отвечать на письма не стал. Нирвана какая-то. По книге все сделано, даже заплатил аванс. Фильм уже тиражируется. Сегодня осталось только отвезти диск с файлами рисунков, таблиц, графиков, копий документов, картинок. Все книжные заботы позади, а новых нет.

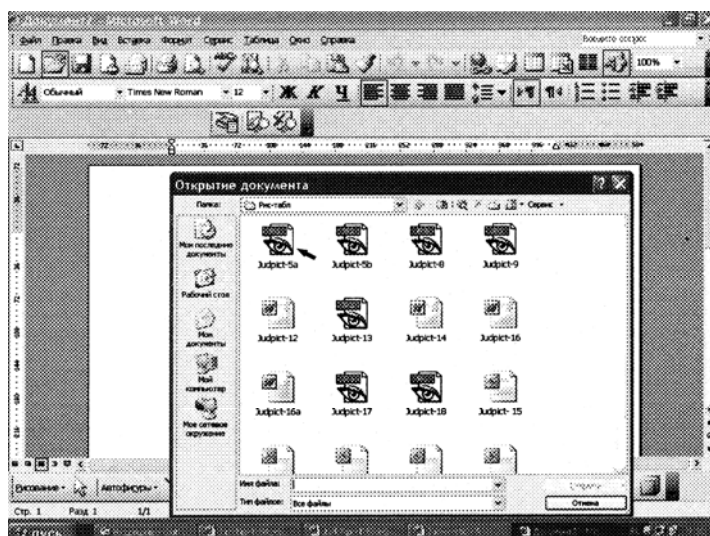
Можно расслабиться, да и устал я изрядно. Годы сказываются. В будущих планах чаще посещать концерты взамен тусовок, где опять как из небытия, возникают большевистско-коммунистические грязные личности и их человеконенавистнические деяния. Освобожусь от книг, с которых на меня все последние годы постоянно взирали усатая морда самого страшного недочеловека и портреты его сатрапов, чьи лица и имена мне издавна ненавистны.

Сегодня 18 мая, годовщина смерти папы. Он умер внезапно, сорока семи лет, в расцвете сил и профессиональных успехов. Не шутка главный терапевт Главного клинического военного госпиталя Красной Армии им. Н.Н. Бурденко, научный консультант поликлинического отде-

ления Кремлевской больницы, профессор, доктор медицинских наук, полковник медицинской службы. И вдруг за 15 минут человека не стало. Трагедия для мамы, для меня, для близких. Сейчас я по-другому оцениваю его смерть. Она спасла отца от того, что случилось с его товарищами, коллегами, мамой. Он умер легко при Сталине это мало кому удавалось. Арест, пытки, беспочвенные обвинения, издевательства он бы этого не выдержал и умер бы в застенке, а не в своей кровати. Видимо, Всевышний избавил его от этого. Парадокс сталинщины: создается ситуация, когда смерть предпочтительнее жизни!

Зажег поминальную свечу, смотрю на ее колеблющееся пламя и вспоминаю. Мне за 80, и со дня смерти папы прошло почти 60 лет. Сопоставление этих дат страшит. У меня прошла большая жизнь, а у папы она прервалась на середине. Он был предан медицине и был счастлив, что я выбрал его специальность. Я был с ним очень близок. Он был для меня старшим товарищем, таким и остался в мои 80 и в его 47. В поминальной свече пламя застыло. Жизнь замерла...

Но пора. Пора отвозить диск. По утвердившемуся у меня правилу решил перепроверить, все ли с диском в порядке. Вставляю диск в компьютер, и он сам автоматически вводится.

На экране появляются ярлыки файлов с их названиями и номерами рисунков, таблиц, документов. Их много на диске, больше пятидесяти. Стрелка мышки уже стоит в верхнем левом углу над ярлыком одного из файлов. Осталось только щелкнуть левой клавишей мышки.

Щелкнул...

Вдруг на экране высветилось фото папы — само, это был один из пятидесяти файлов! Ошеломляюще! Как удар в грудь. Как тогда, 60 лет тому назад, когда я на крик мамы вбежал в комнату и увидел папу при его последнем судорожном вдохе. Вот так мы и застыли друг перед другом.

Я всегда, все эти годы ощущал его присутствие, но где-то за спиной. А сейчас он здесь, передо мной. И я перед ним.

Папа, я сделал то, что должен был сделать. Дело, которое начал, довел до конца, до последней точки! Спасибо тебе за помощь! Скоро и я к тебе долго не задержусь...

*Книга – это не способ присвоить чужой ум, наоборот,
это машина для производства собственных мыслей.*

Умберто Эко

Справочный аппарат книги

Принятые сокращения

*

Библиография

*

Перечень публикаций автора
по теме книги

*

Именной указатель

Принятые сокращения

Авт. – автор

АГЕК – Антигитлеровский еврейский комитет

АГИТПРОП – агитационно-пропагандистский отдел партийных комитетов при ЦК КПСС

АМН – Академия медицинских наук

АН – Академия наук

Белый ТАСС – периодическая сводка новостей, рассылавшаяся строго по списку номенклатурному руководству

БМЭ – Большая медицинская энциклопедия

БСЭ – Большая советская энциклопедия

БУНД – Всеобщий еврейский рабочий союз

ВАСХНИЛ – Всесоюзная академия сельскохозяйственных наук им. Ленина

ВДНХ – Выставка достижений народного хозяйства

ВИЭМ – Всесоюзный институт экспериментальной медицины им. М. Горького

ВКП(б) – Всесоюзная коммунистическая партия (большевиков)

ВМА – Военно-медицинская академия им С.М. Кирова

ВММА – Военно-морская медицинская академия

ВМН – Высшая мера наказания – расстрел

ВОВ – Великая Отечественная война

ВОЗ – Всемирная организация здравоохранения

ВСНХ – Высший совет народного хозяйства

ВЧК – Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем (1917 – 1922 гг.)

ГИДУВ – Государственный институт усовершенствования врачей

ГИТИС – Государственный институт театрального искусства им. А.В. Луначарского

ГКО – Государственный комитет обороны

ГКЧП – Государственный комитет чрезвычайного положения

ГЛАВЛИТ – Главное управление по охране военных и государственных тайн в печати

ГПК – Гражданский процессуальный кодекс

ГПУ – Государственное политическое управление

ГРУ – Главное разведывательное управление

ГУЛАГ – Главное управление исправительно-трудовыми лагерями и колониями

ГУМ – Государственный универсальный магазин

ГОСЕТ – Государственный еврейский театр

Джойнт – Американский объединенный еврейский комитет по распространению фондов – благотворительная организация евреев США (American Jewish Joint Distribution Committee)

Дисс. – диссертация

Дмн – доктор медицинских наук
Доц. – доцент
ДПР – Дом предварительного заключения
ЕАК – Еврейский антифашистский комитет
Евсекция – Еврейская коммунистическая секция
ЕКО – Еврейское колонизационное общество
Журн. – журнал
Засл. – заслуженный
ЗИС – Завод имени Сталина
ЗК – заключенный
Ин-т – институт
ИУВ – Институт усовершенствования врачей
Каф. – кафедра
кми – кандидат медицинских наук
КГБ – Комитет государственной безопасности
КП(Б)У – Коммунистическая партия (большевиков) Украины
КПУ – Коммунистическая партия Украины
ЖКТ – желудочно-кишечный тракт
Лечсанупр – лечебно-санитарное управление
ЛСУК – Лечебно-санитарное управление Кремля
МВД – Министерство внутренних дел
МГБ – Министерство государственной безопасности
МГУ – Московский государственный университет
МЗ – Министерство здравоохранения
МК – Московский городской комитет КПСС
ММИ – Московский медицинский институт
МОЛМИ – Московский ордена Ленина медицинский институт
МОНИКИ – Московский областной научно-исследовательский клинический институт им. М. Владимирского
МПС – Министерство путей сообщения
НАТО – Организация Североатлантического договора
Науч. – научный
НКВД – Народный комиссариат внутренних дел
НКГБ – Народный комиссариат государственной безопасности
НЭП – новая экономическая политика
ОБЛЛИТ – областное управление по охране военных и государственных тайн в печати
ОГПУ – Объединенное Главное политическое управление
ОП – Особая папка – высший уровень секретности документов
ОСО – Особое совещание
РВК – Районный военный комиссариат

Ред. – редактор
РГАНИ – Российский государственный архив новейшей истории
РКП (б) – Российская Коммунистическая партия большевиков
РСФСР – Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика
РЭКА – русскоязычный радиоканал в Израиле «Коль Израэль»
СЛОН – Соловецкий лагерь особого назначения
СМЕРШ – *Смерть шпионам* – особый отдел в войсках, организованный при НКВД
СМИ – средства массовой информации
СНК – Совет Народных Комиссаров (1917 – 1946 гг.)
Совинформбюро – советское информационное бюро
Соч. – сочинения
СС – охранные отряды нацистской партии гитлеровской Германии
ССП – Союз советских писателей
СССР – Союз Советских Социалистических Республик
ТАСС – Телеграфное агентство Советского Союза
УССР – Украинская Советская Социалистическая Республика
ФСБ – Федеративная служба безопасности
ЦДЛ – Центральный дом литераторов
ЦК – Центральный Комитет большевистской партии
ЦНИИ – Центральный научно-исследовательский институт
ЦУМ – Центральный универсальный магазин
ЧК – Чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем (1917 – 1922 гг.)
Чл-корр. – член-корреспондент
ЧСИР – Член семьи изменника родины
ЦИУВ – Центральный институт усовершенствования врачей
ЦИЭТИН – Центральный научно-исследовательский институт экспертизы трудоспособности и организации труда инвалидов
ЭКГ – электрокардиография

* * * * *

БИБЛИОГРАФИЯ

1. АБ МИШЕ. Черновой вариант. – *Иерусалим.*: 1994.
- 1а. АБ МИШЕ. Маран. // *Вести (газ., Т. А.)* 2005. 22 дек.
2. АВТОРХАНОВ А. Загадка смерти Сталина (Заговор Берия). – *Франкфурт на Майне: Посев. 4 издание.* 1981.
3. АВТОРХАНОВ А. Технология власти. – *М.; СПб.: «Слово», 1992.*
4. АДЖУБЕЙ А.И. Те десять лет, // *Знамя.* 1988. № 6, 7.
5. АЙЗЕНШТАТ Я. Крымское дело, // *Пятница (Еженед. прилож. к газ. «Наша страна».* Т. А.).1991. 9 авг.
6. АЙЗЕНШТАТ Я. О подготовке Сталиным геноцида евреев. – *Иерусалим, 1994.*
7. АКВИС Д., АЛЬТМАН И. Не все тайны «Черной книги» раскрыты до конца // *Пятница.* 1993. 15 октября.
8. АКВИС Д., ЭТИНГЕР Я. Донос остается доносом // *Пятница.*, 1993. 29 ноябрь.
9. АЛЕКСАНДРОВ Г., ГАЛАКТИОНОВ М., КРУЖКОВ В. и др. И.В. Сталин: Краткая биография. – *М.* 1947.
10. АЛЕКСАНДРОВИЧ М.Я. Я помню. – *Прогресс.* 1992.
11. АЛЕКСАНИЯ И.В., КНОПОВ М.Ш. Главные терапевты фронтов и флотов в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 гг. – *М.: «Медицина», 1987.*
12. АЛЛИЛУЕВА С.И. Только один год. *Принстон, 1969.*
13. АЛЛИЛУЕВА С.И. Двенадцать писем к другу. – *М., 1989.*
14. АЛЬТМАН М. О депортации 1953 г. // *Новый век.* 2002. № 2.
15. АЛЬТМАН М. Отрицание Холокоста: История и современные тенденции. – *М., 2001.*
16. АЛЬТШУЛЕР М., АРАД И., КРАКОВСКИЙ Ш. Советские евреи пишут Илье Эренбургу. – *Иерусалим.* 1993.
17. ALTSHULER M. Some Statistical Data on the Jews Among the Scientific Elite of the Soviet Union // *The Jewish Journal of Socyology.* Vol. XV, № 1.
18. ALTSHULER M. and CHENTSOV A. Party and Popular Reaction to the “Doctors Plot” // *Jews in Eastern Europe.* 1993. 2 (21).
19. АЛЬТШУЛЕР М., БАРКОВЕЦ Ц., АЛЬТМАН И. История евреев в СССР в документах гос. архива Российской Федерации: Каталог. – *Иерусалим, 1993.*
20. АМАЛЬРИК А. Просуществует ли Советский Союз до 1984 года? – *Амстердам: Фонд им. Герцена, 1969.*
21. АНДРЮХИН М.Н. Геноцид – тягчайшее преступление перед человечеством. – *М.: Госюриздат, 1961.*
22. АНТОНОВ Б. Палец Сиона в татарском пироге // *Непрядва.* 1988. № 5.
23. АНТОНОВ-ОВСЕЕНКО А. Берия. – *М., 1999.*
24. ANTONOV-OVSEYNKO A. The Time of Stalin: Portrait of a Tyranny. – *N. Y., 1983.*
25. АРАНОВИЧ С. Большой концерт народов или дыхание Чейн-Стокса: Документальный фильм / Сценарий П. Финна и С. Арановича. – *Л., 1991.*

26. Арест группы врачей-вредителей // *Правда*. 1953. 13 янв. № 13 (12581).
27. АРНАУДОВ Г.Д. Медицинская терминология. – М.: «Медицина», 1979.
28. АРТИЗОВ А., СИГАЧЕВ Ю., ШЕВЧУК И., ХЛОПОВ В. (составители).
Реабилитация: Как это было. В 2-х т. – М., 2003.
29. Архивные находки. – М.: Мемориал; Аспект, 1994. – (Спец. выпуск информационного бюллетеня московского Мемориала: Пробный выпуск).
30. АРЬЕ ДОВ-БЕР. Сообщение от 17 авг. 2001г. // *Интернет журн.* «Заметки по евр. истории». Разд. – Гостевая книга.
31. БАКУЛИНА С. Диссидиада Роя Медведева // *Глобус*.1993. № 80.
32. БААЛЬ Э. Книга нашей с вами памяти // *Евр. Камертон (Еженед. прилож. к газ. «Новости недели», Т. А.)* 1995. 11 авг..
33. БАЛАН В. Ложь о Лидии Тимашук // *Интернет журн.* «Заметки по евр. истории». 2002 № 4.
34. БАЛЛОК А. Гитлер и Сталин // *Новый век*. 2003. № 1.
35. БАР-СЕЛЛА З. Как быть любимым // *Окна (Еженед. прилож. к газ. «Вести», Т. А.)*. 1992. 2 сент.
36. Бдительность и еще раз бдительность // *Огонек*. 1953. № 4 .
37. БЕЗЫМЕНСКИЙ Л. Завещание вождя // *Секрет (газ., Т. А.)* 1998. 26 апр. (№ 208).
38. БЕЙЛИНСОН В. Москва начала 1953 г. // *Новый век*. 2003. № 1.
39. БЕЛАДИ Л., КРАУС Т. Сталин. – М., 1990.
40. БЕЛКИН А. Безумцы нашего времени // *Окна*. 1993. 16 дек.
41. БЕЛТОВ Э. Сестра еврейского президента // *Вести*. 2003. 2 ноября.
42. БЕРЕНШТЕЙН Л. Евреи и политические процессы в СССР XX столетия: (20-е – 80-е гг.). – Киев, 1994.
43. БЕРЕНШТЕЙН Л. Эхо «Дела врачей» на Украине // *Новости недели*.1994. 17 февр.
44. БЕРИЯ С. Мой отец Лаврентий Берия. – М.: Современник,1994.
45. БИШНЕВЕЦКАЯ М. Смерть вождя // *Столица (перепечатка в еженедельнике «Секрет»)*. – 1994. № 27.
46. БОРЩАГОВСКИЙ А. Записки баловня судьбы. – М.: Сов. писатель, 1991.
47. БОРЩАГОВСКИЙ А. Подготовка геноцида // *День седьмой*. 1992. 31 янв.
48. БОРЩАГОВСКИЙ А. Обвиняется кровь. – М.: Прогресс,1994.
49. БОРЩАГОВСКИЙ А. Расстрельные списки: Жертвы Компартии – КГБ (Донское кладбище, 1945 – 1950 гг.) // *Веч. Москва*. 1994.16 мая.
50. BRACKMAN Roman. The Secret File of Joseph Stalin: A Hidden Life. – London: Frank Cass, 1999.
51. BRENT J., NAUMOV V. Stalins Last Crime. The Plot Against the Jewish Doctors, 1948 – 1953. – New York, 2003.
52. БРИМАН С. Харьков и «Дело врачей» 1953 г. // *Шалом*. 1994. № 20.
53. БУГАЙ Н.Ф. 20-е – 50-е годы: переселения и депортации еврейского населения в СССР // *Отечеств. история*. 1993. № 3.
54. БУРТ В. Клеймо Лидии Тимашук // *Лит. газета*. 2003. 15 окт.
55. БУЯНОВ М. Психиатры и политика. – М., 1996.
56. ВИКТОРОВ А.В. Быль о голых королях. – Иерусалим;Москва, 2001.

57. ВАЙСКОПФ М. Писатель Сталин. – М., 2001.
58. ВАКСБЕРГ А. Сталин против евреев // *Детектив и политика*. 1992. № 3 (19).
59. ВАКСБЕРГ А. Из ада в рай и обратно: Еврейский вопрос по Ленину, Сталину и Солженицыну. – М.: Олимп. 2003.
60. ВАКСБЕРГ А. «Из ада в рай и обратно» – книга о советском еврействе / Ведущий Л. Ройтман // *Радио Свобода*. 2003. 16 сент.
61. VAKSBERG A. Stalin Against the Jews. – New York, 1994.
62. ВАСИЛЬЕВА Л. Жемчужина в железной оправе // *Глобус*. 1992. 13 окт.
63. ВАСИЛЬЕВА Л. Кремлевские жены. – М.: Вагриус, 1992.
64. ВЕНГЕР Х. По поводу дискуссии о депортации советских евреев // *Новый век*. 2003. № 2.
65. ВЕРТ Н. История Советского государства: 1900 – 1991. – М.: Прогресс Академия, 1995.
66. ВЕСЕЛОВСКИЙ Н. Книга о тех, кто нас спас // «24 часа». 1997. № 13 (298).
67. ВИШНЕВЕЦКАЯ М. Смерть вождя // *Секрет*, 1994. № 27.
68. ВИШНЯК М. Международная конвенция против антисемитизма // *Еврейский Мир: Сб.* – Нью Йорк, 1944.
69. ВОВСИ-МИХОЭЛС Н. Мой отец Соломон Михоэлс. – Т. А., 1984.
70. ВОЛКОГОНОВ Д.А. Сталин: Кн. 1. – М.: Новости, 1996.
71. ВОЛКОГОНОВ Д.А. Сталин: Кн. 2. – М.: Новости, 1999.
72. ВОЛКОГОНОВ Д.А. Ленин. – М.: Новости, 1996
73. ВОЛКОГОНОВ Д.А. Триумф и трагедия: Политический портрет И.В. Сталина. В 2-х кн. – М.: АПН, 1990.
74. ВОЛКОГОНОВ Д.А. Феномен Сталина // *Литературная газета*, 1987. 9 дек.
75. ВЫШИНСКИЙ А.Я. Теория судебных доказательств в советском праве: Докт. диссертация [Рукопись]. – 1941 .
76. ВУЧК, ГПУ, НКВД, КГБ. – 3 архівів. Спецвыпуск. 1998. № 3 4.
77. ГАЙ Д.И. Конец «Дела врачей» // *Неделя*. 1988, № 6.
78. ГАЛЬПЕРИН Я. Польская кость в державном горле Москвы // *Вести*. 2004. 11 ноября.
79. ГАНЕЛИН Р.Ш. Сталин и Гитлер (Встречались ли они, какую роль играл в создании их союза еврейский вопрос?) // *Барьер: Антифашистский журн*. 2001. № 1.
80. ГЕВОРКЯН Н. Что стоит за цифрами, преданными гласности КГБ // *Московские новости*. 1990. № 9 (503).
81. ГЕВОРКЯН Н., ПЕТРОВ Н. Убийство Михоэлса // *Новости*. 1996. № 1. 1 14 янв.
82. ГЕЙЗЕР М. Крымское дело // *Международная евр. газета*. 1992. Июль. № 13 14.
83. ГЕЙЗЕР М. Притча о расстрелянном комитете. – М., 1992.
84. ГЕЙЗЕР М. Михоэлс: Жизнь и смерть. – М., 1998.
85. ГЕЙЗЕР М. Соломон Михоэлс. – М.: Прометей, 1990.
86. ГЕЛЛЕР М., НЕКРИЧ А. Утопия у власти: История Советского Союза с 1917 до наших дней. В 2-х т. – Лондон, 1982.
87. GENA: Сообщение от 30 дек. 2002. № 4399 // *Интернет журн. «Заметки по евр. истории»*. Разд. – Гостевая книга.
88. ГЕРШЗОН Р. Свет далекой звезды // *Вести* 2. 2004. 11 марта.
89. GILBOA Y. The Black Years of Soviet Jewry: 1939 – 1953. – Boston, 1971.

90. ГИТЛЕР А. Моя борьба. – *Каунас: ОДА, Б.г.*
91. ГРАФ Ю. Великая ложь XX века: Миф о геноциде евреев в период 2-й мировой войны. – *СПб., 1997.*
92. ГРИБАНОВ С.В. Сталин и евреи. – *М., 2000.*
93. ГРИБАЧЕВ Н. Общипанный «Джойнт» // *Крокодил.1953. № 5.*
94. ГРОМАН Ш. Депортация была неосуществима по демографическим причинам // *Новый век. 2003. № 1.*
95. ГРОМОВ Е. Власть и искусство. – *М., 1998.*
96. ГУСЛЯРОВ Е. Сталин в жизни. – *М.: Олма Пресс, 2003.*
97. ДАНТЕ АЛИГЬЕРИ. Божественная комедия. – *М.: Просвещение, 1968.*
98. ДЖАЛАГОНИЯ В. Антисемитизм как государственная политика // *Курьер. 2003. № 84.*
99. ДЖИЛАС М. Лицо тоталитаризма. – *М.: Новости, 1992.*
100. ДОВ-БЕР А. Сообщение от 17.08.2001 // *Интернет журн. «Заметки по евр. истории». Разд. – Гостевая книга.*
101. ДОКС Э. Над Бабьим Яром памятники бьют // *Вести. 2004. 22 янв.*
102. ДОЛИЦКИЙ Е.И. Еврейский антифашистский комитет у М.А. Суслова / Публикация А. Вайсберга // *Звенья. Вып. 1. – М.: Прогресс; Феникс, 1991.*
103. ДОМБРОВСКИЙ Ю.: Ручка, ножка, огуречик. Меня убить хотели эти суки. – *М.: Возвращение, 1997.*
104. ДЫМЕРСКАЯ-ЦИГЕЛЬМАН Л. Томас Манн: Уроки гуманизма. Вступит. ст. к книге Т. Манна «О немцах и евреях». – *Иерусалим: «Б ка Алия», 1990.*
105. ДЫМЕРСКАЯ Л. Сталинский антисемитизм в структуре идеологии русско-имперского коммунистического мессианства: К истории формирования // *Социология. 2001. № 3. (Киев)*
106. ДЫМЕРСКАЯ Л. Томас Манн и Николай Бердяев о духовно-исторических истоках большевизма и национал-социализма // *Вопросы философии. 2001. № 5.*
107. ДЫМЕРСКАЯ Л. Демарш против Сталина (о повести Бруно Ясенского «Нос») // *Новое лит. обозрение. 1998. № 31.*
108. Евреи // *БСЭ. 1952. Т. 15. С. 377.*
109. Еврейская автономная область // *Советский энциклопедич. словарь. 1982.*
110. Encyclopaedia of Russia and the Soviet Union // *Encyclopaedia Britanika, Inc, Mc Grow Hill. 1961.*
111. ЕФРЕМОВ Л. Дорогами быта и труда. – *Ставрополь, 1998.*
112. ЖДАНОВ Ю. Товарищу И.В. Сталину // *Правда. 1948. 7 авг. (№ 220).*
113. ЖИДОВЕЦКИЙ М.С. Сборник статей по еврейской истории и литературе. – *Реховот, 1992. Т. 2. Ч. 1, 2.*
114. ЖИРНОВ Е. Поляки убили старика и сожгли все село // *Глобус. 2004. № 591.*
115. ЗАК В. Шостакович и евреи. – *Киев; Нью Йорк, 1997.*
116. ЗАЛЕССКИЙ К.А. Империя Сталина: Биографич. энциклопедич. словарь. – *М.: Вече, 2000.*
117. ЗАХАРОВ А. Приговор приведен в исполнение // *Новости недели (Прилож. «Политика»). 2004. 8 янв.*
118. ЗБАРСКИЙ И.Б., НИКОЛАЕВ П.Ф. Б.И. Збарский. – *М.: Медгиз, 1990.*

119. ЗБАРСКИЙ Б.И. Мавзолей Ленина. – М.: Госполитиздат, 1955.
120. ИВАНОВ А.М. Логика кошмара // *Рус. вестник*. 1993. № 2.
121. ИВАНОВ В. Мое положение в обществе весьма трагично // *Эхо*. 2000. 28 февр.
122. ИВКИН В.И. Государственная власть СССР: Ист.-биографич. справочник. – М.: Росспэн, 1999.
123. Известия ЦК КПСС. 1989. № 12.
124. ИЛЛАРИОНОВ А. КГБ предлагает сотрудничество // *Известия*. 1988. № 256.
125. История ВКП(б). Краткий курс. – М.: ОГИЗ, 1945.
126. Источник. 1994. № 3 (перепечатка в газ. «Секрет». 1994. № 26).
127. Источник. 1997. № 1 (Цит. из ст. В. Малкиной и Л. Лыковой «Цель была спасти жизнь больного»).
128. КАВЕРИН В. Эпилег. – М., 1989.
129. КАНЮКА М., ВЕЖИН В. Карающий меч партии // *Глобус*. 1994. № 65.
130. КАРДАШ А. Холокост: Антология. – М.: Иерусалим: ДААТ/Знание, 2003.
131. Clinical descriptions and diagnostic guidelines. – Geneva, 1988.
132. Катастрофа под сомнением // *Вести*. 2004. 14 окт. (№ 2696).
133. КОГАН А. Арабы ищут определение терроризму // *Новости*. 2003. 4 дек.
134. КОКУРИН А.И., ПЕТРОВ Н.В. Лубянка. ВЧК – КГБ: Документы. – М., 1997.
135. CONQUEST R. Power and Policy in the USSR. The Struggle for Stalin's Succession 1945 – 1960. – Stanford, 1967.
136. CONQUEST R. Inside Stalin's secret police: NKVD politics 1936 – 1939. – Stanford, 1985.
137. КОРШЕВЕР И. Предстояла ли депортация? // *Евр. камертон*. 2000. 30 марта.
138. КОСИНСКИЙ И. Сценарий, менявшийся на ходу // *Новое рус. слово*. 1992. 12 авг.
139. КОСТЫРЧЕНКО Г. В плену у красного фараона. – М.: Международные отношения, 1994.
140. КОСТЫРЧЕНКО Г.В. Тайная политика Сталина, власть и антисемитизм. – М.: Международные отношения, 2001.
141. КОСТЫРЧЕНКО Г.В. Депортация – мистификация (Прощание с мифом сталинской эпохи) // «Лехаим». 2002. № 9.
142. КОСТЫРЧЕНКО Г.В. Массовая высылка евреев (Прощание с мифом сталинской эпохи) // *Интернет журн. «Заметки по евр. истории»*. 2002. 29 ноября. (№ 22).
143. КОСТЫРЧЕНКО Г.В. Документы на страже правды. *Интернет журн. «Заметки по евр. истории»*. 2002. № 23.
144. КОСТЫРЧЕНКО Г.В. Русско-еврейский вопрос в советскую эпоху // *Новый век*. 2002. № 2.
145. КОСТЫРЧЕНКО Г.В. Миф о депортации // *Новый век*. 2002. № 2.
146. КОСТЫРЧЕНКО Г.В. «Реприза» на арене истории // *Лехаим*. 2004. № 2.
147. КОСТЫРЧЕНКО Г.В. Цель оправдывает средства // *Лехаим*. 2004. № 2.
148. КОСТЫРЧЕНКО Г.В. Арест Марии Вейцман. 1953 // *Интернет сайт Международный фонд «Демократия» (idf.ru)*.
149. КРАХМАЛЬНИКОВА З. Псевдодемократическая драма // *Тайм аут*. 1998. 29 окт. Stanford.
150. КРЕМНИЦКИЙ И.: Сообщение от 7 апр. 2001 г. // *Интернет журн. «Заметки по евр. истории»*. Разд. – Гостевая книга.

151. КРОЛ Я. Последняя тайна режима // *Окна*. 1995. 21 дек.
152. Крымская операция // *Сов. энциклопедич. словарь*. – М.: *Сов. энциклопедия*. 1982.
153. Крымское дело. *Кр. евр. энциклопедия*. – Иерусалим. 1982. Т. 4.
154. КУВШИНСКИЙ В.Д. Военно-полевая терапия и современные проблемы советской медицины // *Терапевтический архив*. 1975. № 5.
155. КУГЕЛЬ Р. Слухи – оружие пролетариата // *День седьмой*. 1994. 24 июня.
156. КУМАНЕВ Г.А. Рядом со Сталиным. – М.: *Былина*, 1999.
157. КУТАФИН О. Инквизитор: Сталинский прокурор Вышинский. – М.: *Республика*, 1992.
158. ЛАРИН Ю. // *Сов. энциклопедич. словарь*. – М.: *Сов. энциклопедия*. 1982.
159. ЛЕВАШОВ В. Убийство Михоэлса. – М.: *Олимп*, 2002.
160. ЛЕМ С. Провокация. *Полн. собр. соч. Т. 10*. – М., 1995.
161. ЛЕНИН В.И. Критические заметки по национальному вопросу // *Полн. собр. соч. Т. 24*. – М., 1961.
162. Там же. Т. 39.
163. ЛЕСКОВ С. Лаврентий Берия сумел бы добиться экономического процветания страны // *Глобус*. 1993. № 56.
164. ЛЕЩЕНКО-СУХОМЛИНА Т. Долгое будущее. – М.; СПб., 1991.
165. ЛИХАЧЕВ В. Реабилитация Освенцима // *Новый век*. 2003. № 4.
166. ЛИХТ В. Сообщение от 29 дек. 2002 г. (№ 4294) // *Интернет журн. «Заметки по евр. истории»*. Разд. – *Гостевая книга*.
167. ЛИЧКО А.Е. История глазами психиатра. – СПб.: *Адити*, 1995 (?)
168. ЛОЗГАЧЕВ П. Последние дни Сталина // *Досье (Прилож. к газ. «Гласность»)*. – 2001. 15 дек.
169. МАДИЕВСКИЙ С. Предстояла ли советским евреям депортация? // *Круг*. 1999. № 7 (33); Он же. «Сталинские депортации» // *«Евр. камертон»*. 1999. 2 сент.
170. МАДИЕВСКИЙ С. Готовил ли Сталин депортацию евреев? // *Радиостанция «Свобода»*. 1999. 5 авг.
171. МАДИЕВСКИЙ С. Сталинские депортации // *Интернет сайт «Русская Германия»*. 2000. *Online*.
172. МАДЪЯР И. Дифференциальная диагностика заболеваний внутренних органов. – *Будапешт: АМН Венгрии*, 1987.
173. МАЛКИН В. Дело врачей... поздняя реабилитация Лидии Тимашук // *Пятница*. 1992. № 20.
174. МАЛКИН В. Семь писем Лидии Тимашук // *Новое время*. 1993. № 28.
175. МАЛКИН В., ЛЫКОВА Л. Цель была спасти жизнь больного // *Источник*. 1997. № 1.
176. МАЛКИН В., ЛЫКОВА Л. Организм Сталина вполне здоровый // *Источник*. 1998. № 2.
177. МАМОНТОВ Н., СИЧКА И. КГБ приветствует парламентское расследование // *Правда*. 1998. № 45.
178. МАРКИШ Э. Столь долгое возвращение. – *Тель Авив*, 1989.
179. МАРКИШ Ш. Бабель и другие. – *Киев*, 1996.

180. МЕДВЕДЕВ Ж., МЕДВЕДЕВ Р. Неизвестный Сталин. – М.: Фолио, 2002.
181. МЕДВЕДЕВ Ж. Сталин и еврейская проблема: Новый анализ. – М.: Права человека, 2003.
182. МЕДВЕДЕВ Ж. Сталин и легенда о депортации советских евреев в 1953 году // *Новый век*. 2002. № 2
183. МЕДВЕДЕВ Р. Они окружали Сталина. – М. 1984.
184. МЕРТА Дж. Справочник врача общей практики. – М.: Практика, 1998.
185. МЕДВЕДЕВЫ Р.и Ж. Неизвестный Сталин. – М.: Права человека, 2001.
186. МИЖЕНИН Д. Дело врачей // *Панорама*, 1993. № 15.
187. МИКОЯН А.И. Так было. – М.: Вагриус, 1999.
188. МИЛЮКОВ П. Россия на переломе. Т. 1. – Париж, 1927.
189. МИНАЕВ В. Сионистская агентура американской разведки // *Новое время*.1953. № 4.
190. МИТЕРЕВ Г.А. В дни мира и войны. М.: Медицина, 1975.
191. МЛЕЧИН Л. Дело врачей // *ТВ программа «Особая папка» в RTVi*. 2003. 30 мая.
192. МОЗЕС Л. Почему Сталин не убил всех евреев // *Дайджест*. 2004. № 36.
193. МОЛОТОВ В. Конституция социализма. – М., 1936.
194. МОГИЛЕВСКИЙ С. Малоизвестные страницы «Крымского дела» // *Наша страна*. 1992. 4 сент.
195. МОГИЛЕВСКИЙ С. Прожитое и пережитое: Воспоминания. – Ленинград; Иерусалим, 1997.
196. МАРГОЛИН Ю. Путешествие в страну зэ-ка. – Тель Авив: МАОЗ, 1997.
197. МУРАНОВ А.И., ЗВЯГИНЦЕВ Р.Е. Суд над судьями (особая папка Ульриха). – *Ка зань*,1993.
198. МУРАШКО В.В. Электрокардиография. – М.: Медицина, 1991.
199. МЯСНИКОВ А. Кончина // *Лит. газета*. 1989. 1 марта.
200. НАЗАРОВ Г. А встреча все-таки состоялась // *Чудеса и приключения*. 1999. № 10.
201. НАУМОВ В. Министр сказал: «Побить его!» // *Московские новости*.1994. 20 27 марта.
202. НАУМОВ В. Неправедный суд. Последний сталинский расстрел. – М., 1994.
203. НАУМОВ В. Все формулировки пахли кровью... // *Пятница*. 1994. 14 янв.
204. НЕЗЛИН С.Е. Живое свидетельство о «Деле врачей» // *Наша страна*.1989. 3 июля.
205. НЕКРАСОВ В.Ф. Берия: конец карьеры. – М.: Политиздат, 1991.
206. НЕПОМНЯЩИЙ Н.Н. (по материалам Ю. ОРЛОВА): Был ли убит Иосиф Сталин. *100 великих загадок истории*. – М.: Вече, 2004.
207. НЕФЕДОВ К. Повышать политическую бдительность // *Правда*, 1953.18 февр.
208. НИЛОВ Г. Фарватер Ледокола // *Вести*. 2003. 23 сент.
209. НОГАЛЛЕР А. М.И. Певзнер (1872 – 1952) – основоположник диетотерапии и клинической гастроэнтерологии в СССР // *Интернет журн. «Заметки по евр. истории»*. 2004. 22 авг. (№ 45).
210. НОЙМАЙР А. Диктаторы в зеркале медицины. – Ростов на Дону: Феникс,1997.
211. НУДЕЛЬМАН Ю. О советской исторической «науке» (По поводу статьи М. Хейфеца «О Лидии Тимашук») // *Вести*.1997. 20 мая.
212. Нюрнбергский процесс: Сб. материалов. Т. 2. – М.,1954. С. 507.
213. Общее собрание Академии Наук СССР // *Правда*. 1954. 31 янв.

214. ОЖЕГОВ С.И., ШВЕДОВА Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – М., 1996.
215. Опыт советской медицины в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 гг. – М.: Медгиз, 1951.
216. ОРДЕНА ЗА УБИЙСТВО // *Аргументы и факты*. 1992.13 нояб.
217. ОСКОЦКИЙ В. Хроника исторической драмы советского еврейства // *Новый век*. 2002. № 2.
218. Откровения и признания: Нацистская верхушка о войне «Третьего Рейха» против России. Секретные речи. Дневники. Воспоминания. – М., 1996.
219. Отчет комиссии ЦИК СССР по увековечению памяти В.И. Ульянова (Ленина). – М., 1925.
220. ПАЙКИН Е. Диалоги у врачебных кабинетов. // *Евр. камертон*. 2003. 15 апр.
221. ПАПУШИН А. Георгий Маленков: Неопознанный гений // *Секрет*. 1994. № 11.
- 221а. Памятники Сталина маршируют по стране // *Дайджест*. 2006. 18 мая.
(Прилож. к газете «Новости недели» – перепечатка из «Независимой газеты»).
222. ПЕТРОВА А., ЛЕЩИНСКИЙ Д., НИКИШИН А.: Светлана – дочь Иосифа // *Телепередача REN TV LTD*. 1994. Февр.
223. PINKUS B. The Soviet Government and Jews. 1948 – 1967: A Documented Study. – Cambridge: Univ. Press, 1984.
224. PINCUS B.: The Jews of the Soviet Union. The History of a National Minority. – Cambridge: Univ. Press, 1988.
225. ПИНКУС Б. (Сост. и ред.). Евреи и еврейский народ: 1948 – 1953. – Иерусалим, 1973.
226. Письма вождям // *Источник*. 1997. № 1.
227. ПЛУТНИК А. Анатомия таких разных убеждений / *Предисл. к книге «Два взгляда из за рубежа»*. – М.: Политиздат, 1990.
228. Повышать политическую бдительность // *Известия*. 1953. 15 янв.
229. ПОЗНЕР В. Может быть // *Дружба народов*. 1998. № 7.
230. Покончить с ротозейством в наших рядах // *Правда*. 1953.18 янв .
231. ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ 30 – 50-х гг. – М.: Политиздат, 1991.
232. ПОПОВ В., ФРЕЗИНСКИЙ Б. Живой мост // *Пятница*. 1996. 18 янв.
233. ПОПОВ Н.В. (Сост.) Архивы раскрывают тайны... // *Международные вопросы: События и люди*. М., 1991.
234. «Правда». 1948. 2 сент.
235. «Правда». 1953. 4, 5, 6 и 7 марта.
236. Презренная банда шпионов и убийц поймана с поличным // *Труд*. 1953. 14 янв.
237. ПЫХАЛОВ И. Каковы масштабы «Сталинских репрессий» // *Интернет журн. Stalinism.narod.ru*.
238. РАДЗИНСКИЙ Э. Сталин. – М.: Вагриус, 1997.
239. РАЗ Цви: Несостоявшаяся акция Сталина // *Евр. камертон*. 2002. 21 февр.
240. РАНКУР-ЛАФЕРРИЕР Д. Психика Сталина. – М.: *Весь мир*, 1996.
241. РАПОПОРТ Л. Пуримшпиль – 1953 // *Новый век*. 2002. № 2.
242. РАПОПОРТ Я. Л. На рубеже двух эпох: Дело врачей 1953 года. – М.: *Книга*, 1988.
243. Реабилитация, как это было: Документы президиума ЦК КПСС и другие материалы. Март 1953 – февраль 1956. – М., 2000.

244. REDLICH Sh. The Under Soviet Rule during World War II. Ph.D. Dissertation. – N. Y.: New York University, 1968.
245. REDLICH Sh. Propaganda and Nationalism in Wartime Russia: The Jewish Antifascist Committee. 1941 – 1948. – Boulder, 1982.
246. REDLICH Sh. The Crimean Affair // *Jews and Jewish Topics in the Soviet Union and Eastern Europe*. – 1990. V. 2.
247. РЕДЛИХ Ш., КОСТЫРЧЕНКО Г. Еврейский антифашистский комитет в СССР. 1941– 1948: Документированная история. – М., 1996.
248. РИШИНА И. Как писатели антисемитами работали: А. Борщаговский в беседе с Ириной Ришиной // *Вести*, 1993. 3 нояб.
249. РОГИНСКИЙ А.Б. Послесловие. Расстрельные списки. Москва, 1937 – 1941. «Коммунарка» – Бутово: Книга памяти жертв политич. репрессий. – М., 2000.
250. РОЗЕН М. Страх // *Наша страна*. 1991. № 48.
251. РОМАН Л. Сообщение от 31 дек. 2002 г. (№ 4414) // *Интернет журн. «Заметки по евр. истории» Разд. – Гостевая книга*.
252. РУБИН Н. Лаврентий Берия. Миф и реальность. – М.: Олимп; Смоленск: Русич, 1998.
253. РУБИНШТЕЙН Д. Жизнь и время Ильи Эренбурга. – СПб.: Академич. проект, 2002.
254. РУБИНШТЕЙН Д. Разгром Еврейского антифашистского комитета. – СПб.: Академич. проект, 2002.
255. РЫБИН А.Т. Рядом со Сталиным: Записки телохранителя. – М.: ИРИС ПРЕСС, 1994.
256. РЫКОВ С. Сталин: «раздавить врага – это наслаждение» // *Секрет*. 2000. 14 мая.
257. САРКИСЬЯН И. «Страх» // *Комсомольская правда*. 1992. № 30 (20330).
258. САРНОВ Б. А нам евреям повезло // *Лехаим*. 2002. № 11.
259. САРНОВ Б. Как это было // *Дайджест*. 2004. 11 марта; *Nota Bene*. 2004. апр. (№ 2).
260. САРНОВ Б.М. Случай Эренбурга. – М.: 2004.
261. САРНОВ Б.М. Эти две недели решили все // *Лехаим*. 2003. № 8.
262. САФРОНОВА С. Дело врачей // *Медицинская газета*. 1988. 20 июля.
263. Сборник материалов из советской печати. Т. 1. Т. 2. Ч.1 4. – М., 1973.
264. СИМОНОВ К. Глазами человека моего поколения. – М., 1989.
265. Следственное дело № 5695 по обвинению Темкина Якова Соломоновича; Следственное дело № 51 по обвинению Темкиной Анны Израилевны. – МВД СССР.
266. СПИВАК М. Через гетто, ГУЛАГ и галут. М.; Иерусалим, 2002.
267. Словарь сокращений русского языка. – М., 1963.
268. СМИРНОВ Е.И. Война и военная медицина. – М.: Медицина, 1979.
269. СНИТКОВСКИЙ В. Его университеты // *Интернет журн. «Заметки по евр. истории»*. № 6.
270. СНИТКОВСКИЙ В. К вопросу о депортации евреев в СССР // *Интернет журн. «Заметки по евр. истории»*. 2001. 16 авг.
271. Совершенно правильный и целесообразный метод. Мемориал. – Аспект: Спецвыпуск информационного бюллетеня московского Мемориала. Пробный выпуск. 1994.
272. СОЛЖЕНИЦЫН А.И. Архипелаг ГУЛАГ. – Нью Йорк, 1974.
273. СОЛЖЕНИЦЫН А.И. Двести лет вместе. В 2-х т. – М.: Русский путь, 2001, 2002.
274. СОМИНСКИЙ М. Антисемитизм и антисемиты. – Иерусалим: Лексикон, 1991.

275. СОРОКА Л. Нас «ждали» // *Еще не вечер*. 1992. Апр.
276. СТАЛИН И. Марксизм и национальный вопрос. – М., 1950.
277. СТАЛИН И.В. Полн. собр. соч. Т. 13. – М., 1951.
278. СТОЛЯРОВ К. Палачи и жертвы. – М.: ОЛМА ПРЕСС, 1997.
279. СУВОРОВ В. Главный виновник // *В новом свете*. 2003. 8 14 авг.
280. СУДОПЛАТОВ П. Спецоперации. – М.: ОЛМА ПРЕСС, 1997.
281. СУДОПЛАТОВ П. Разведка и Кремль. – М.: Гея, 1996.
282. SUDOPLATOV P., SUDOPLATOV A. Special Tasks. – Litte, Brown and Company, 1994.
283. ТАКЕР М., КАМИНСКИ Л. Некрократия. – М., 1994.
284. ТАРТАКОВСКИЙ Ж. Руководство СССР (1917 – 1991). Кто был кто в СССР: Справочник. В 2-х т. – Тель Авив; М., 2002.
285. ТРЕТЬЯКОВ В., КОРОТЧЕНКО И. Мы отбросили британскую разведку на 20 лет назад // *Независимая газета*. 1997. 19 дек.
286. Трудно ли быть кремлевским врачом? По материалам российской прессы // *Эхо*. (Т. А.) 1998. 23 нояб. (№ 503).
287. УЛАНОВСКАЯ Н., УЛАНОВСКАЯ М. История одной семьи. – М., 1994.
288. ФЕЙХТВАНГЕР Л. Москва 1937. – М.: Политиздат, 1990.
289. ФИНН П., АРАНОВИЧ С. Большой концерт народов или дыхание Чейн-Стокса: Сценарий // *Искусство кино*. 1992. № 5.
290. ФИШЕР Д. Жизнь Ленина. – Лондон, 1970.
291. ТРОЦКИЙ Л.Д. «Преданная революция: что такое СССР и куда он идет». 1936. (Цит. по статье Д. Конторера «Враг у ворот» // *Вести* 2. 2005. 21 апр.)
292. ТОЛЬЦ М. Тайны советской демографии // *Demoskop Weekly*. 2004. 27 сент. (№ 171 172).
293. ФЛАВИЙ Иосиф. Иудейская война. – СПб., 1900.
294. ХЕЙФЕЦ М. Два сокола ясных вели разговор // *Вести*. 1992. № 10.
295. ХЕЙФЕЦ М. Дело врачей – заговор против Берии? // *Калейдоскоп*. (Т. А.). 1992. № 23.
296. ХЕЙФЕЦ М. Проигранный процесс // *Пятница*. 1992. 25 сент.
297. ХЕЙФЕЦ М. Кража века // *Окна*. 1992. 25 сент. (№ 9).
298. ХЕЙФЕЦ М. За что казнили Антифашистский комитет // *Окна*. 1993. 23 янв.
299. ХЕЙФЕЦ М. Совершенно секретное дело // *Окна*. 1993. 18 февр.
300. ХЕЙФЕЦ М. О Лидии Тимашук // *Вести*. 1997. 11 мая.
301. ХЕЙФЕЦ М. Итак: «Евреи, диссиденты и еврокоммунизм» // *Шалом*. 2002. Дек. (№ 247).
302. ХЕЙФЕЦ М. Удивительная драма врача Тимашук // *Окна*. 2002. 6 июня.
303. ХОСТИНГ Д. История Советского Союза. – Смоленск: «Русич», 2001.
304. ХРУЩЕВ Н. Доклад на закрытом заседании XX съезда КПСС. – М., 1959.
305. ХРУЩЕВ Н.С. Время. Люди. Власть. М.: «Московские новости», 1999.
306. ЧАЗОВ Е. Здоровье и власть. – М., 1992.
307. ЧАЛИДЗЕ В. Мысли о Сталине, социализме и России. – Нью Йорк, 1981.
308. ЧАРНЫЙ С. Опровержение для опровергателя // *Интернет журн*. 2002. 26 нояб.
309. ЧЕРНЕВ А. Последняя «отставка» Сталина // *Источник*. 1994. № 1.
310. ЧЕРНЯК А. О дискуссии без конца и без края // *Новый век*. 2003. № 1.
311. ЧЕЧЕТКИНА О. Письма Лидии Тимашук // *Правда*, 1953. 20 февр.
312. ЧЕРЧИЛЛЬ У. Вторая мировая война. – Ростов на Дону: Феникс, 1997.

313. ЧУЕВ Ф. Сто сорок бесед с Молотовым. – М., 1991.
314. ШАПИРО Л. «Правда о Лидии Тимашук» // *Новое русское слово*. 1996. 5 апр.
315. ШАТУНОВСКАЯ Л. Жизнь в Кремле. – New York: Chalidze Publication, 1982.
316. ШАТУНОВСКАЯ О. Об ушедшем веке. – New York (?): ДАА books, 2000.
317. ШВЕРНИК Н. Массовые репрессии оправданы быть не могут // *Источник*. 1995. № 3.
318. ШЕЙНИС З. Грозил депортация // *Веч. Москва*. 1991. 29 июня.
319. ШЕЙНИС З. Провокация века: Новые свидетельства и факты // *Веч. Москва*. 1991. 26 сент.
320. ШИХЕЕВА-ГАЙСТЕР И. Дети врагов народа. – New York: Hermitage Publishers, 2003.
321. ШНОЛЬ С.Э. Герои и злодеи российской науки. – М.: Крон пресс, 1997.
322. ШОХИН З. Ловушка для охотника // *Пятница*. 1992. 31 янв.
323. Шпионы и убийцы под личиной ученых-врачей // *Известия*. 1953. 13 янв.
324. ЩАРАНСКИЙ Н. Не боюсь зла. – М.: Век; Олимп, 1991.
325. ЭРЕНБУРГ И.Г. Против попыток воскресить еврейский национализм // *Источник*. 1997. № 1.
326. ЭТИНГЕР Я.Я. Когда начиналось «Дело врачей» // *Звенья*. – М.: Прогресс, 1991.
327. ЭТИНГЕР Я.Я. Сталинская политика репрессий и «Дело врачей»: Историческая правда о Советском Союзе 20-х – 30-х гг.: Материалы международ. симпозиума. – Лондон; Алма Ата. 1991. 23 – 27 апр.
328. ЭТИНГЕР Я.Я. «Дело врачей» сорок лет спустя // *Новое время*. 1993. №№ 2-3.
329. ЭТИНГЕР Я.Я. Диагносты из Министерства Госбезопасности // *Новое русское слово*. 1996. 3 мая.
330. ЭТИНГЕР Я.Я. Это невозможно забыть. – М.: Весь мир, 2001.
331. ЭТИНГЕР Я.Я. Сталин готовил депортацию евреев // *Новый век*. 2002. № 2.
332. ЯКОБ Л. Зима патриарха // *Окна*. 1994. 28 апр.
333. ЯКОВЛЕВ А.Н. Международный фонд «Демократия» // *Сайт: www.idf.ru*. 2003.
334. ЯКОВЛЕВ А.Н. Когда же мы прозреем? // *Форвертс*. 2004. 13-19 авг. (№ 455).
335. ЯКОВЛЕВ А.Н. (ред.), КОСТЫРЧЕНКО Г.В. (сост.): Государственный антисемитизм: От начала до кульминации. 1938-1953. – М.: Материк, 2005.

Перечень публикаций автора по теме книги

1992 год

Памятник жертвам // «Пятница» (Прилож. к газ. «Наша страна»). 31 июля

1993 год

Стоит ли реабилитировать Лидию Тимашук // «Пятница». 26 нояб. С. 6.

Досадная неточность // Там же.

1994 год

Страшной памяти каратель // «Новости недели». 6 марта. С. 7.

Подлость подлых // «Конец недели» (Прилож. к газ. «24 часа»). 12 авг. С. 6.

1995 год

Мистика сталинского геноцида (интервью с Цемах Вайнер) // «Пятница». С. 5.

История, историки и источники // «24 часа». 9 авг. № 15 (300)

Смерть тирана // «Конец недели» № 9 (47). С. 2.

Последний политический процесс Сталина, или несостоявшийся геноцид. – 1-е изд. – Иерусалим. – 236 с.: ил.

1996 год

Остановил ли И.Г. Эренбург депортацию евреев? // «Пятница». 11 янв. (№ 15). С.14.

Последний политический процесс Сталина, или несостоявшийся геноцид // *America of my own*. № 43. January. P.20.

Когда Всевышний поставил точку на жизни Сталина // «Альтернатива» (Прилож. к газ. «24 часа» 28 февр.(№ 97). С. 3 – 11.

1997 год

Два письма // «Альтернатива». 18 июля. (№ 167). С. 3 – 12.

Эрлих и Альтер – заключенные № 41 и № 42 // «Альтернатива». 1 авг. (№ 169). С. 3 – 11.

Заключенные № 41 и № 42 // «Евр. камертон» (Прилож. к газ. «Новости недели»). 12 марта. С. 10 – 11.

Письма вождям // «Начало» (Прилож. к газ. «Новости недели». 9 окт. (№ 69); 30 окт. (№ 70); 6 нояб. (№ 71).

Научно-историческое изучение деятельности «Еврейского антифашистского комитета в СССР продолжается // «Альтернатива» 25 июля (№ 168). С. 3 – 12.

2000 год

Советским евреям депортация предстояла // «Евр. камертон». 23 нояб. С. 14 – 15; 30 нояб. С. 14 – 15.

2001 год

Последний политический процесс Сталина или несостоявшийся геноцид // *Евр. жизнь*. № 2 (21) С. 14 15; № 3 (22). С. 14.

2002 год

- Кто остановил секиру палача или дал ли Сталин отбой «Делу врачей-вредителей»? // *Интернет журн. «Заметки по евр. истории»* 28 апр. (№ 11); 11 мая. (№ 12).
- Почему не состоялась депортация советских евреев в период «Позднего сталинизма» // *«Новый век»* № 2. С. 126 – 134.
- Заключенные № 42 и № 41 // *Интернет журнал “Set’ 40”*, 30 февр.
- Живое свидетельство не менее достоверно, чем мертвая бумажка! // *«Новый век»* № 2. С. 134 – 142.
- Два взгляда и одна боль // *«Евр. камертон»*. 10 янв. С.10 – 13.
- О статье Геннадия Костырченко «Прощание с мифом сталинской эпохи» // *Интернет журн. «Заметки по евр. истории»*. 29 нояб. (№ 22) (Совместно с Д. Таубкиным).
- Мы обязаны быть этой памяти верны // *Интернет журн. «Заметки по евр. истории»*. № 19.
- Их уничтожили только потому, что они евреи // *Интернет журн. «Заметки по евр. истории»*. № 4.

2003 год

- Открытый ответ на открытое письмо Г. Костырченко // *Интернет журн. «Заметки по евр. истории»*. № 24.
- Лидия Тимашук как символ (документированное исследование) // *Интернет журн. «Заметки по евр. истории»*. № 26.
- Расстрельные списки Сталина и «Дело Еврейского антифашистского комитета» // *Интернет журн. «Заметки по евр. истории»* № 28.
- Не надо искать того, чего не могло быть // *«Новый век»* № 2 и 3.
- По поводу антидепортационных аргументов Костырченко // *«Новый век»*, № 1. С. 168.
- Ты берешься за молнию вместо ответа, значит ты неправ // *«Лехаим»*. № 1 (129).

2004 год

- Знаменитые советские евреи пишут письмо в газету «Правда» // *Интернет журн. «Заметки по евр. истории»*. № 42; № 43.

2005 год

- Тринадцать // *«Субъектив»* (Прилож. к газ. «Глобус») № 639; *Интернет журн. «Заметки по евр. истории»*. № 48.

2006 год

- Депортация, «депортационизм» и «депортационисты»: Ответы «депортациониста» на вопросы сомневающегося // *Интернет журн. «Заметки по евр. истории»* № 1 (62); № 2 (63).
- От кого и от чего умер Сталин // *«Дайджест»* (Прилож. к газ. «Новости недели»). 20 мая (№ 148).
- Разгадал ли Эдвард Радзинский загадку смерти Сталина? // *Интернет журн. «Заметки по евр. истории»*. № 4 (65); *«Дайджест»*. 2006. 16 мая.

* * * * *

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- А**
Абакумов В.С. 25, 41, 48, 50, 51,
55, 56, 58, 67 71, 77, 81, 82, 87
91, 93, 94, 108, 141, 153, 164, 165,
170, 216, 225, 229, 322, 323, 326,
327, 329 334, 368, 373
Абрикосов А.И. 356
Авербах М.И. 352
Авербах М.М. 95, 337, 342, 344
Авдеенко А.О. 525
Авторханов А. 63
Агапов Б.Н. 525
Агранов Я.С. 25, 70, 141, 399
Айзенштат Я. 79, 308, 309, 362, 458, 575
Айзенштадт-Железнова М.С. 330, 331
Айнат Э. 488
Акулов И.А. 141
Алексеев Г.А. 552
Алексеев Ю. 524
Алигер М.И. 416, 421, 426, 444
Алиханян С.И. 365
Алкнис Я.И. 399
Аллилуев П.С. 47
Аллилуева А.С. 69
Аллилуева С.И. (Сталина) 19, 49, 107, 131, 220,
395, 446, 457, 541, 550, 556
Альтер В. 299 306
Альтман И.Л. 458
Альтман М. 489
Альтшулер 122, 123
Альтшулер М. 46, 120, 124
Амальрик А. 15, 16
Амнуэль Ф.Г. 241
Андерс В. 302, 498
Андреев А.А. 93, 107, 149, 301, 324, 521
Андреев А.А. (семья) 187, 211
Андрянов В.М. 149
Андрянов М. 187
Андропов Ю.В. 25, 135, 498
Аничков П.Н. 558
Антокольский П.Г. 249, 409, 421, 453
Антонеску Й. 530
Антонов Б. 309, 317
Антонов-Овсенко А. 458, 487
Аранович С.Д. 9, 10, 142, 196, 197, 428
Аргинская И. 68
Ардашников С.Н. 251
Ардашникова Ф.А. 251
Аристов А. Б. 133
Артузов А.Х. 141
Асеев Н.Н. 525
Афанасьев 179
Афанасьев Б.М. 480
Ахизер 123
Б
Баазов М.Д. 68
Бабель И.Э. 326
Бадьялькес С.И. 337, 344
Байсоголов Г.Д. 250
Бакаев Н.П. 29, 399
Баламутов А.Д. 141
Балан В. 502, 516
Балдеев Д.С. 564
Балицкий В.А. 25, 141
Баллок А. 458
Баринблат И.Г. 151, 177, 251, 337
Батц А. 488
Баштаков Л.Ф. 141
Бейлинсон В. 478, 486
Безыменский Л. 458
Беленький 337
Беленький М.С. 56, 328
Белов А.М. 364, 367, 368, 371, 375
Белов И.П. 399
Белов Ф.И. 110, 163, 229
Белтов Э. 94, 522
Беляев Ф. 524
Берггольц О. 512
Бергельсон Д.Р. 53, 67, 73, 76, 85, 300, 301, 327, 336
Бердяев Н.А. 534
Береговский М. 68
Берия Л.П. 14, 25, 30, 31, 33, 41, 55, 75, 88, 89,
106, 110, 114, 129, 131, 135, 163 165, 170,
218, 223, 232, 235, 236, 259, 273, 274, 283, 300,
302 305, 326, 334, 335, 379, 394, 401, 408,
411, 431, 458, 493, 496 499, 517, 520, 525,
532, 535, 541 547, 560, 561, 576
Берия С.Л. 131, 132, 541, 544
Берлин Л.Б. 109, 113, 114, 337, 342, 343,
344, 352, 353, 356
Берлин М. 109
Берман А.Д. 141
Бехтерев В.М. 47, 451
Бжезинский З. 401
Биргер Б. 417, 418
Битман Ф.Г. 242
Благман Г.Ф. 337, 341, 344, 356

- Блантер М.И. 72, 413, 416, 439, 444, 449
 Блохин Н.Н. 441
 Блюхер В.К. 29, 399
 Богдасарова Л.Г. 478
 Боголюбов К. 524
 Бойков И. 457
 Бойченко С. 4, 277, 278
 Бокий Г.И. 141
 Болдырев Е. 524
 Бонч-Бруевич В.Д. 149
 Боришанская Р.Г. 250
 Боришанская И.М. 250
 Борщаговский А.М. 66, 84, 89, 120, 314, 318
 321, 409
 Боткин С.П. 343
 Бочков В.М. 141
 Брайцев В.Я. 371
 Бракман Р. 487
 Брауде И.Л. 94, 337, 342, 345, 352, 353
 Брегман С.Л. 53, 67, 68, 73, 77, 79, 327,
 329, 336
 Брежнев Л.И. 25, 106, 498
 Бременер С.М. 337, 342, 343, 345, 352
 Брент Д. 362, 394, 395, 542
 Брискина 124
 Брискман М.Н. 415, 421, 426, 429, 444
 Броверман Я.М. 78, 331
 Бродерзон М. 68
 Бронштейн 122
 Брук И.С. 416, 427, 444
 Бубеннов М.С. 118, 485, 512, 525
 Булганин Н.А. 128, 129, 379, 408, 411, 459,
 474, 479, 493, 500, 520, 543 545, 547, 560
 Бургсдорф М.В. 125, 337, 341, 343, 345, 356
 Бурденко Н.Н. 497
 Буренков С.П. 441
 Бурназян А.И. 259 - 263
 Бунеев 202
 Бург В. 362, 396
 Бусалов А.А. 100, 104 , 107, 109, 111, 163,
 215, 220, 338, 375, 430
 Бухарин Н.И. 24, 25, 29, 96, 398 400, 534
 Бухарина-Лукина 326
 Бысыгин А. 360
- В**авилов А.П. 331
 Вайс С. 83
 Вайс Ю. 575
 Вайсберг 68
 Ваксберг А. 309, 310, 314, 317, 321, 421,
 458, 470, 479 481
- Ваксман А.А. 474
 Валенди У. 488
 Ванников Б.Л. 64, 66, 415, 426. 440, 441, 444
 Варга Е.С. 120
 Василевский А.М. 107, 376
 Василенко В.Х. 97, 100 104, 109. 113, 114,
 222, 223, 228, 338, 345, 354, 364, 367, 370
 372 , 375, 379, 380, 385, 394, 395
 Васильева Л. 134
 Ватенберг И.С. 53, 67, 73, 77, 85, 321, 327, 336
 Ватенберг-Островская Ч.С. 53, 67, 73, 77, 85,
 327, 329, 336
 Вебер М. 488
 Вейц В.И. 416, 427, 444
 Вейцман М.Е. 134, 292, 306, 337, 520, 522
 Вейцман Х. 83
 Веллер М. 6
 Венгер Х. 476
 Веселовский А.Н. 459
 Вигдорчик В.Я. 337
 Викторова Р.К. 87, 89
 Вильк Н.Л. 94, 103, 337, 341, 343, 345
 Винникова И. Л. 68
 Виноградов В.Н. 89, 93, 97, 99 104,
 109, 111, 113 -115, 131, 222, 223,
 228, 248, 251, 337, 343, 362, 364,
 367 372, 375, 376, 377, 380, 382
 385, 387, 394, 395, 414, 540, 541, 548
 Власик Н.С. 93, 106, 218, 225, 367,
 368, 371, 375, 402
 Власов В.А. 230, 233
 Власов Ю. 310, 317
 Владзимирский Л.Е. 218
 Вовси В.Л. 116, 134, 175, 265, 272,
 337, 559
 Вовси М.С. 71, 89, 91, 92 94, 96,
 97, 100, 102, 107, 109, 113, 115,
 126, 129, 131, 134, 150, 151, 160,
 164, 175 177, 180, 186, 187, 197,
 204, 211, 213, 214, 217 222, 225,
 227, 228, 232, 237, 248, 250, 256,
 261, 262, 264, 265, 272, 278, 337,
 341, 343, 345, 353 356, 376, 377,
 379, 380, 414, 424, 430, 540, 541
 Вовси (семья) 176, 255, 265
 Вознесенский Н.А. 33, 49, 61, 312, 331, 367, 370, 399
 Воин Ф.М. 68
 Волин А.А. 76, 321, 323, 335
 Волков 242
 Волков М.А. 141
 Волковысский В.А. (Арон) 302

Волкогионов Д.А. 25, 27, 54, 379, 509,
541, 542
Володарский Л.М. 64
Волох С. 337
Вольф Ф. 533
Вольфович С.И. 415, 421, 426, 429, 444
Воробьев В.П. 356, 357
Ворошилов К.Е. 28, 129, 241, 276, 280,
318, 324, 325, 399, 400, 408, 411, 497, 560
Вотчал Б.Е. 354
Вул Б.М. 416, 426, 444
Вышинский А.Я. 52, 58, 59, 117,
164, 245, 304, 326, 402, 430, 498, 565

Габелова Н.А. 263
Гавел Г. 488
Гай М.И. 141
Галич А.А. 16
Галкин С.З. 56, 67, 301
Гамалея Н.Ф. 249
Ганелин Р.Ш. 532, 534
Гвишиани М. 496
Геббельс Й. 519, 536
Гейдрих Р. 489, 537
Гейзер М. 309, 310, 317, 321
Гельфонд А.О. 416, 427, 444
Гельштейн Э.М. 95, 103, 337, 343,
346, 354, 370
Генкин Б.С. 68
Гесс Р. 489
Гесина 125, 249
Гетти Дж. 401
Гешвантнер 123
Гилельс Э.Г. 416, 426, 444
Гильбоа Ю.А. 311
Гильман 121
Гиляревский С.А. 104
Гиммлер Г. 489, 490, 537
Гинзбург Е.М. 354
Гиршин Г. 3, 8, 576
Гитлер А. 19, 33, 45, 60, 62, 430, 431, 457,
459, 470, 489, 491, 492, 530 - 536
Глазман 337
Глазунов И.С. 263
Говоров Л.А. 107, 376
Гоглидзе С.А. 25, 101, 108, 110, 113,
114, 133, 215, 216, 221, 223, 235,
408, 493, 508
Голобородько О. 480
Голосовкер 124
Голубов-Потапов В.И. 48, 49

Гольдберг Б.-Ц. 81, 327 - 328
Гольдберг С. 474
Гольдберг Ю. 68
Гольдин 124
Гольдштейн И.И. 50, 69
Гольдштейн Э.М. 214
Гонтарь А.Ю. 328
Горбачев М.С. 106, 498
Гордейчик 123
Гордон О.Л. 337, 342, 343, 346, 352, 353
Горкин А.Ф. 377, 512
Горкин З.Д. 125, 249
Городинский С. 263
Горшенин И.С. 29
Горшенин К.П. 26, 323
Горький А.М. 48, 70, 90, 102, 104, 222, 225
Готвальд К. 506
Гофштейн Д.Н. 52, 67, 73, 76, 85, 327, 329, 336
Граудин К.М. 475
Граф Ю. 488
Грибачев Н.М. 485, 525
Григорьева-Беренштейн А.Г. 337, 526
Грин У. 304
Гринберг З.Г. 50, 69, 70
Гринфельд И. 472
Гринштейн А.М. 89, 100, 102, 107, 125, 228,
229, 248, 337, 346, 352, 377, 379, 380, 381, 414,
424, 430
Гришаев П.И. 66, 73, 108, 334
Грищенко 121
Гробман А. 488
Громан Ш. 500
Гроссман В.С. 72, 409, 416, 421, 426, 439, 444,
459, 512, 524, 525
Гудсон 191
Гундобин 472
Гурвич А. 524
Гуревич Е. 68
Гуревич М.И. 416, 426, 444
Гуськова А.К. 245, 250

Дашин 242
Деканозов В.Г. 141, 535
Джилас М. 20
Джин Н. 481
Дзержинский Ф.Э. 141
Дзержинский Ф.Э. (семья) 152, 187
Димитров Г.М. 88, 93, 96, 107, 149, 178, 280
Динерштейн 123
Дмитриев П.О. 75, 354
Добрушин И.М. 68

Добрюха Н.А. 549 552
Дов-Бер А. 458
Долицкий Е.И. 50, 473, 458
Долматовский Е.А. 409, 410, 421
Домбровская Ю. 167, 170, 186, 187, 221, 280, 287
Домин 55
Домшлак М.П. 261
Драгунский Д.А. 408, 415, 426, 444
Дрейтцер 399
Дризин И. 337
Дринфельд 123
Дунаевский И.О. 416, 426, 439, 440, 443, 453, 444
Дыбенко П.Е. 399
Дымерская Л. 501
Дымшиц А.Л. 525
Дымшиц В.Э. 64
Дымшиц Р.А. 125, 337, 343, 346, 356

Евдокимов Г.Е. 29, 399
Егоров А.И. 29
Егоров Б.А. 104, 337
Егоров Б.Г. 263, 267, 271
Егоров М.Н. 337
Егоров П.И. 97, 100, 101, 104, 107, 109, 111, 215, 222, 223, 225, 337, 346, 354, 362, 364, 367 372, 375 377, 379, 380, 385, 388, 394, 395, 414
Ежов Н.И. 25, 30 32, 51, 52, 55, 57, 70, 87, 163 324, 326, 399, 400, 430
Елисеев 375, 385
Ерозолимский 333
Ерусалимский А.С. 120, 249, 410, 413, 416, 427, 439, 440, 443, 444, 453
Ефимов Б. 119

Жданов А.А. 14, 28, 45, 89, 93, 97, 98, 100, 102, 106, 107, 111, 112, 115, 149, 223, 225, 229, 325, 363, 364, 366 372, 374 377, 381 391, 393 395 405, 414
Жданов Ю.А. 363 366
Жарковская Т.С. 337
Железнова Н. 458
Жемчужина П.С. 48 50, 56, 67, 69, 82, 134, 164, 312, 320, 411
Жидовецкий М.С. 311, 312
Жирухин 93
Жиц Г.М. 56
Жоров И.С. 337, 346
Жуков Г.К. 62, 149
Жуковский П.М. 365
Жуковский С.Б. 141
Жуховицкая М.М. 126

Заводчикова А.Г. 126, 249
Завенягин Ю. 524
Зайдман 337
Зак В. 439, 448
Заковский Л.М. 25, 31, 141
Закошанский А.А. 249
Закошанская Л.А. 249
Закошанская Э.М. 249
Закусов В.В. 103, 234, 249, 338, 347, 380, 381
Зальцберг Дж. 310
Зарянов И.М. 75
Заславский Г.Л. 512
Заславский Д.И. 403, 410, 413, 416, 421, 423, 427, 430, 441, 453
Заславский Л.Д. 338, 347
Засосов Р.А. 337
Захарьин Г.А. 343
Звонарева Н.В. 481
Збарский Б.И. 94, 337, 343, 347, 352, 356, 357, 558
Зеленин В.Ф. 89, 103, 104, 104, 131, 267, 270, 271, 337, 341, 347, 370, 380, 381, 384
Зеленина (семья) 271
Зиновьев Г.Е. 23, 25, 29, 71, 96, 143, 399, 400
Золотарь К.И. 416, 427, 444
Зотов И.С. 148, 152 154, 156, 159, 161, 166 168, 170, 176, 179 184, 186 194, 204, 205, 207, 210 217, 221 225, 227, 228, 231, 232, 234, 235 238, 281, 282, 520
Зускин В.Л. 48, 52, 67, 73, 76, 79, 83, 84, 249, 301, 327, 336, 449

Иванов 556
Иванов А.М. 309, 317
Иванов В. 362
Иванова 146, 147
Игнатъев С.Д. 25, 68, 69, 72, 75, 76, 87, 89, 91, 93, 94, 101, 108 111, 113, 114, 116, 133, 141, 153, 214 216, 221, 223, 228 230, 236, 334, 455, 500, 507. 508, 519, 523, 545
Идина М.С. 337, 526
Ильин М. 524
Ильинский Б.В. 354
Ионов 55
Иофан Б.М. 300
Ирвинг Д. 488
Искрамов А.И. 400
Иссерсон 93

Кабаков И.Б. 151
Каверин В.А. 120, 249, 409. 413, 439, 453, 458

Каган 328
 Каганов И. 68
 Каганович Л.М. 28, 41, 63, 66, 69, 72, 82, 149, 187, 205, 318, 325, 399, 400, 408, 409, 411, 415, 416, 420, 416, 429, 444, 560
 Каганович М.М. 49, 273, 416, 421, 426, 441, 444, 497
 Каганович П. 68
 Каганович (семья) 187, 280
 Каганская Е.С. 337, 526
 Каджардузов Г.А. 337
 Казакевич Э.Г. 524
 Казаков 526
 Казаков И.Н. 70
 Казаков П.П. 103
 Казанцева М.Н. 230, 233
 Калинин М.И. 49, 400, 497
 Калягин А. 478
 Каменев Л.Б. 24, 25, 29, 71, 399, 400
 Камински Л. 540
 Капель 68
 Капица П.Л. 300
 Каплан 68
 Капустин Я.Ф. 61, 331
 Карахан (Караханий) Л.М. 88
 Кардаш А. 2
 Кардаш Л. (ур. Бляхер) 481
 Карпай С.Е. 94, 101, 102, 153, 214, 222, 229, 235, 248, 337, 347, 364, 365, 367, 368, 370, 371, 375, 383 385, 387, 394
 Карповский В.И. 68
 Карцовник И.И. 337
 Кассиль Л.А. 416, 427, 443, 444
 Кассирский И.А. 552
 Катаев В.П. 525
 Кашин 242
 Квитко Л.М. 53, 67, 73, 76, 84, 85, 249, 301, 321, 327, 329, 336
 Крейзер Я.Г. 444
 Кеннан Дж. 521
 Кестлер А. 534
 Кечкер И.Х. 103, 337, 347
 Кириленко А.П. 124
 Киров С.М. 24, 47, 88, 96, 323, 324
 Киршенблат Д. 337
 Китаев Д. 99
 Кишкин В.А. 141
 Клейф 121
 Клячко Н.С. 339, 526
 Кобулов Б.З. 218, 498
 Ковалев Н. 145
 Кобулов Б.З. 498
 Коваленко 123
 Коган 68
 Коган А.И. 150, 266
 Коган Б.Б. 96, 100, 102, 103, 109, 113, 115, 116, 150, 160, 164, 180, 196, 197, 204, 211, 217, 219, 220, 222, 227 229, 231, 237, 248, 266, 278, 339, 341, 343, 347, 377, 379, 380, 414, 424, 430
 Коган В.М. 196
 Коган Л.Б. 196
 Коган М.Б. 91, 102, 107, 109, 116, 214, 214, 339, 343, 348, 370, 377, 380
 Коган Р.Г. 116, 339
 Коган Ю.С. 68
 Коганы Б.Б. и М.Б. (братья) 89, 266
 Коган-Ясный В.М. 122, 135, 172, 174, 339, 343, 348, 520, 521
 Кожевников В.М. 525
 Козев Н. 118
 Козлов С. 314
 Кокина М.С. 126
 Колесник А. 457
 Коллонтай А.М. 536
 Колобанов П.И. 114, 133
 Колтунов И.Б. 416, 427, 444
 Кольцов М. 119, 326, 401
 Комаров В.И. 55, 58, 72, 90, 331
 Конев И.С. 107, 376
 Конквест Р. 310, 311, 448
 Коновалов Н.В. 556, 559
 Кононенко 121
 Кононенко Е. 119, 378, 485
 Коняхин Н. 133, 334
 Копытцев А.И. 141
 Корк А.И. 61, 87, 399
 Коркиа Дж. 481
 Коркиа Р. 481
 Коршевер И. 458, 467, 502
 Косарев А.В. 50
 Косиор С.В. 28, 325, 400
 Косинский И. 51, 309, 314, 321
 Костриков 165
 Костырченко Г.В. 61, 64, 84, 89, 103, 105, 305, 312, 314, 319 321, 330, 404, 406, 407, 412, 422. 439 441, 445, 446, 448, 458, 470, 471, 473, 494, 495, 501 503, 508, 514 516, 518, 527, 537
 Кот С. 303
 Котляр С.О. 67, 328
 Коэн Л.С. 388

- Краевский Н.А. 250
Красник-Орлик Ф.И. 339, 526
Крейзер Я.Г. 120, 415, 426, 440, 443, 453
Крейн 123
Кремер С.Д. 416, 426, 444
Кремницкий И. 459, 467
Крестинский Н.Н. 29
Кример 124
Крипс С. 303
Крол Я. 482
Круглов С.Н. 25, 26, 141, 239, 241
Крупка 123, 124
Круть Г.И. 178,
Крыленко Н.В. 399
Крячко 172
Кузнецов А.А. 33, 45, 61, 104, 111, 331, 370 373, 375
Кузнецов Е. 300
Кузайкин Т. 235
Куйбышев В.В. 47, 90, 101, 103, 104, 149, 222, 225
Кунишников П.В. 110, 163, 229
Кунаяв С. 309
Куперин И.И. 559
Купышев Н.Н. 104
Кураев Ю.А. 98, 396
Курский В.М. 141
Курский Д. 23
Куршаков Н.А. 263
Кушаковский М. 252
- Л*авочкин С.А. 415, 426, 444
Лазутин П.Г. 61
Лакоба Н.В. 88
Ланг Г.Ф. 100, 102, 355
Ландау Л.Д. 415, 426, 439, 444
Ландсберг Г.С. 416, 426, 444
Ланцман И.М. 416, 426, 444
Ларин Ю. (Лурье М.З.) 316
Ласкина Е.М. 126
Латышев 128
Левин Б.С. 339, 343, 348, 352
Левин Г.С. 126
Левин Л.Г. 70, 90, 101, 103, 225, 451
Левин Н.Я. 330, 331
Левит В.С. 94
Левитан Ю.Б. 438, 449
Левченко Г.И. 107, 376
Лейдер А.Г. 416, 426, 444
Лейхер Ф. 488
Лемчиер М.И. 343
Ленин В.И. 22 25, 29, 47, 62, 63, 143, 356,
357, 531, 533
- Леонов А.Г. 55, 72, 90, 91, 331
Леплевский И.М. 141
Лернер М. 540
Лесли Р. 329
Лешнявская 69
Лещенко-Сухомлина Т. 49
Лешинского Д. 131
Лешинский М. 457
Лившиц Е.Ф. 91, 92, 96 87, 142, 143, 146
148, 152 154, 157 161, 166 169, 175
186, 188 195, 198, 201, 203, 204, 206, 207,
209 213, 216, 219, 220, 222 224, 226, 227,
230, 232, 234 239, 241 243, 248, 252,
339, 485
Лившиц 125
Лившиц И. 339
Лившиц С.В. 416, 426, 444
Лившиц Ф.Л. 242, 258
Лившиц Э.Л. 68
Лившиц Я.А. 86
Лимони М.Я. 68
Лимчер Л.Ф. 339
Липкин 412, 481
Липстадт Д. 492
Липшиц М.Я. 415, 421, 429, 444
Литвинов М.М. 64, 68, 88, 400, 532
Лифшиц 68
Лихачев В. 492
Лихачев М.Т. 55, 69, 72, 81, 82, 90, 91, 331
Лихт В. 458
Лойцкер Х. (Е.) 68, 328
Лозовский С.А. 50, 51, 53, 64, 67, 69, 73,
76, 79, 80, 82, 84, 95, 249, 305, 307, 308,
310, 314, 318 - 319, 321, 327 329, 334,
336, 460, 461
Локшин Э.Ю. 427, 429, 440, 441, 444
Лукомский П. 558
Лурье М.И. 70
Лыкова Л. 362, 389
Лысенко Т.Д. 363 366, 401
Любошиц Э.С. 172, 344, 575, 576
Лялин 193
Лясс М.А. 91, 92, 226, 354
Лясс Ф.М. 7 9, 11, 92, 175, 226, 485, 537
- М*агильницкий С.Х. 339
Мазель Я.И. 339
Мадиевский С. 484, 502
Мадьяр И. 391
Мазель Я.И. 94
Мазур Г. 68

Мазур О.Г. 180, 192, 241, 287
 Майданский М. 68
 Майоров Г.И. 97, 100, 102, 107, 113, 339,
 364, 367, 368, 370 372, 375, 380, 381,
 384, 385, 394, 395
 Макаревич О.Б. 339
 Маклаков 238
 Маклярский И.Б. 108
 Малевич К.С. 269, 270
 Маленков Г.М. 31, 33, 52, 53, 75, 76, 88, 89,
 96, 106, 110, 116, 129, 135, 149, 165, 235,
 239, 241, 307, 312, 334, 335, 374, 377, 379, 395,
 406, 408, 411 414, 416, 420, 428, 474, 493,
 517, 520, 534, 535, 543 545, 547, 560
 Маленков (семья) 187, 211, 272, 280
 Малик Я.А. 149
 Малкин Б. 451
 Малкин В. 362, 389, 394, 395
 Мандельштам О. 401
 Манн Т. 64
 Мансапов 306
 Мао Цзэдун 19, 457
 Марголин Ю.Ю. 26
 Маренков Ф. 457
 Маркиш П.Д. 51, 53, 67, 73, 74, 76, 79, 82, 84,
 249, 300, 301, 319, 328, 336, 461, 462
 Марков А.М. 107
 Марр Н.Я. 401
 Маршак С.Я. 72, 300, 415, 426, 439, 444
 Маслеев А.Г. 201
 Масленников И.И. 93, 141
 Маслоков Н. 47
 Матросов А. 361
 Матгоньо К. 488
 Матусовский М. Л. 475
 Медведев Ж. 395, 412, 445, 446, 502, 519, 520, 523
 Медведев Р.А. 44
 Медведевы Р. и Ж. 458
 Мейр Г. 50
 Меерович 120
 Мейерхольд В.Э. 163, 164, 326, 401
 Мейтус Ю.С. 416, 426, 429
 Мельник-Соколинская 69
 Менжинский В.Р. 70, 102, 103
 Меркулов 113, 385
 Меркулов В.Н. 25, 141, 306
 Мерцалова 121
 Мессенгиссер Б.С. 68
 Мессерер С.М. 416, 427, 444
 Мессинг С.А. 141
 Месяцев Н.Н. 114, 133
 Мехлис Л.З. 63, 64, 252, 409, 506
 Мигунов 558
 Миженин Д. 541
 Микоян А.И. 28, 41, 51, 96, 106, 127,
 129, 149, 312, 325, 401, 447, 458,
 471, 479, 497, 545, 560
 Микоян С. 471
 Милитарев (Шлемензон) Ш. М. 122
 Миндлин М.Б. 144
 Минц И.И. 403, 408, 410, 413, 415, 417 419 ,
 423, 426, 427, 430, 444, 453
 Миронов А.Н. 111, 163, 228
 Митерев Г.А. 356
 Митин М.Б. 403, 408, 410, 413, 417, 423, 427,
 429, 430, 453
 Михайлов Н.А. 105, 403, 406 408, 412, 413,
 417, 423, 428, 429, 431, 512
 Михайловский Н. 23
 Михеев А.И. 141
 Михоэлс А.П. 319
 Михоэлс Наталья 48, 134
 Михоэлс Нина 127
 Михоэлс С.М. 7, 9, 36, 38, 41, 42, 46 54, 61,
 65, 69, 82, 83, 93, 96, 102, 105, 109, 115, 132,
 176, 196, 299, 300, 301, 305 311, 314, 317
 321, 327, 328, 401, 411, 428, 449, 459, 473,
 494, 500, 523, 527, 539
 Мичурин И.В. 366
 Могилев М.В. 339
 Могилевский М.С. 339, 526
 Модиевский С. 467
 Мойбер С. 2
 Молотов В.М. 24, 28, 41, 51, 69, 72, 82, 83,
 96, 106, 129, 133, 302, 304, 312, 314, 318,
 319, 322, 324, 325, 399 402, 411, 428, 497,
 532, 536, 560
 Молочек 202
 Молчанов Н.С. 167, 170, 354
 Мордашев С.Р. 558
 Морозов П. 359, 360
 Москвичева 198, 202
 Мошковский Ш.Д. 94, 339, 348, 353
 Мрачковский С.В. 96, 399
 Мудров М.Я. 343
 Муралов Н.И. 86
 Муссолини Б. 530
 Мюллер Г. 532
 Мясников А.Л. 354, 356, 391, 447,
 556, 557, 558, 559, 561

- Н**азаров Г.И. 532, 533, 538
Наджафов Д.Г. 53
Намир М. 471
Наумов В.П. 66, 79, 84, 307, 319, 320, 362, 394, 395, 458, 493, 542
Неверкевич Д. 472
Неговский 557
Незлин В.Е. 103, 339, 348, 353, 356, 370, 371, 384, 385
Незлин С.Е. 94, 103, 339, 343, 348
Незлин В.Е. 339
Нейман 339
Немчинов В.С. 365
Непорент 251
Несмеянов А.Н. 120
Нефедов К. 118
Николаев Н.Н. 331
Николаев-Журид Н.Г. 141
Новик П. 327
Новиков 375
Новоселова А.К. 176
Ногаллер Ю.Я. 180, 192, 241, 242
Норкин Б.П. 86
Носовский Н.Э. 416, 426, 444
Нудельман Ю. 362
Нусинов И.М. 68, 301, 327 - 329
- О**бразцов С.В. 315, 319
Огольцов С.И. 42, 48, 49, 72, 90, 91, 108, 133, 223, 306, 408, 493, 500, 508
Ойстрах Д.Ф. 416, 426, 443, 444
Оксман М.С. 476
Оксман Т.М. 476
Окунь Ц.В. 126
Олеша Ю.К. 249
Ордженикидзе Г.К. 47, 88, 96
Орленко 123
Орлов В. 128
Оскоцкий В. 459
Остапишин 152, 203 205, 211, 215
Очкин А.Д. 93
- П**авловский С.Г. 108
Панкратов 152, 186, 201, 203, 211, 215, 230
Пастернак Б.Л. 18
Пасынков Е.И. 151
Певзнер Л.М. 116, 339
Певзнер М.И. 94, 99, 109, 112, 339, 342, 343, 348, 352
Первухин М.Г. 96, 149, 264, 280, 408, 411, 560
Перельман Е.Б. 339
Перельман М. 482
Персов С.Д. 328, 330, 331
Петров Г.А. 68, 141
Петрова А. 131
Перцовский 125
Печуро С. 68
Пешков М.А. 70, 222
Пик В. 88
Пильняк Б. 401
Пинкус Б. 54, 66, 131, 307, 309
Пирогов Н.И. 343
Питовранов Е.П. 90, 91
Пичул В. 457
Плетнев Д.Д. 19, 57, 70, 90, 101, 103, 104, 114, 115, 222, 225, 226, 451
Плинер И.И. 141
Плоткина Ц. 68
Погребной 172
Познер В. 458
Покровский М.Н. 401
Поллак Г. 125, 339
Полонский Я.Н. 103, 339, 349
Пол Пот 457
Полторац А. 480
Поляков И.М. 365
Поляков Н.Н. 65, 127, 474
Пономарев 165
Пономарев Б.Н. 310
Пономаренко З. 187
Пономаренко П.К. 76, 149, 205, 335, 458, 479
Попков П.С. 61, 331, 370
Попов Г.М. 149
Попов М. 472
Попова Т. 186
Попова Н.А. 103, 339, 380
Порудоминский В. 473
Порудоминские (семья) 472
Поскребышев А.Н. 49, 104, 106, 370, 402
Поспелов С.А. 354
Постышев П.П. 324, 400
Потоцкая А.П. 82
Прейгерзон Г.И. (Цви) 68
Преображенский Б.С. 103, 107, 220, 339, 343, 349, 352, 380, 381
Приданников 100
Примаков В.М. 61, 86
Прокофьев Г.Е. 141
Прохоров П. 524
Прудкин М.И. 416, 416, 416
Пруслина Р.Г. 250
Путинцев 90

Путна В.К. 61, 84, 399
Пятаков Г.Л. 29, 52, 70, 399
Пятаков Ю.Л. 86, 96

Рабинович С.Х. 56
Рабинович 68
Рабинович Н.П. 339, 353
Радек К.Б. 29, 52, 60, 70, 86, 96, 399
Радзинский Э.С. 458, 542 549
Радионов М.И. 61
Райзер Д.Я. 415, 426, 444
Райхин Д.Я. 416, 426, 444
Райхман Л.Ф. 108, 304
Раковский Х.Г. 400
Рама А. 488
Ранкур Д. 459
Рапопорт Л. 458
Рапопорт И.А. 365
Рапопорт Я.Л. 89, 94, 95, 103, 339, 349, 356, 458, 559
Рассинье П. 488
Рашин А. 502, 541
Реденс С.Ф. 25
Редлих Ш. 3, 12, 144, 301, 304, 305, 309, 311, 314
Рейзен М.О. 120, 249, 415, 426, 439, 440, 444, 453
Рейнгольд И.И. 29
Риббентроп И. 536
Риджби Т. 401
Рогинский С.З. 416, 426, 426
Родионов М.И. 331
Розанов 167
Розенберг А.Р. 339
Розенберг Д.Н. 82, 307, 308
Розенгольд А.П. 70
Розенталь М.М. 416, 426, 444
Ройтман Л. 470
Ромм М.И. 415, 426, 439, 444
Рошаль Г.Л. 533
Рошковский 534
Рубинштейн М.И. 416, 426, 444
Рублев 194, 242
Руденко Р.А. 26, 242
Руднев П.В. 486
Русаков 558
Рыбин А. 479, 480, 508
Рыжиков Р.И. 99, 100, 104, 339
Рыжов М.И. 141
Рыков А.И. 29, 70, 96, 400
Рюмин М.Д. 68, 69, 71 73, 76, 79 81, 87 90, 93, 94, 99, 101, 108 110, 113, 114, 148, 154, 163, 170, 213 216, 221, 232, 235, 236, 280, 332, 334, 335, 374, 379

Рютин М.Н. 61, 160, 229
Рясной В.С. 108, 113, 133, 146

Сабуров М.З. 408, 411, 560
Савич А. 439
Савич О.Г. 439
Саприцкий В.И. 2, 8
Саркисян И. 133
Сарнов Б. 412, 417, 418, 428, 458, 476
Сафонов Г.Н. 76, 149, 323, 335
Сафронов А. 519
Сахаров А.Д. 401, 458
Свердлов А.Я. 108
Седов В.В. 251
Серебрянский И.Я. 339
Серебряков Л.П. 86, 402
Серейский М.Я. 339, 343, 349
Серов И.А. 25, 318
Сикорский В. 305
Симонов К.М. 519
Симхович М.И. (Зорин М.) 475
Синай Е.Я. 177, 248
Сиротин 242
Скаба А.Д. 122
Скворцов 558
Сластенов А. 519
Слепаков А.Н. 160
Слоботкина Э.И. 252
Слуцкий А.А. 141
Слуцкий Д.Б.
Слуцкий Б.А. 72
Слуцкий Б. 68
Сметанина Н. 360
Смирин М.М. 416, 427, 444
Смирнов В. 524
Смирнов Е.И. 225, 262, 354,
Смит Б. 488
Смит-Фалькнер М.Н. 416, 426, 444
Снитковский В. 459
Сокольников Г.Я. 29, 50, 52, 70, 399
Соколов К.А. 113, 133
Солженицын А.И. 89, 290, 458
Соломон 68
Соминский М. 53
Соркин Г.А. 67
Соркин М. 577
Спивак Э.(И.)Г. 41, 68, 327, 328
Сталин В.И. 107, 280
Сталин И.В. 7 76, 82, 86, 87, 89, 93 97, 99 101, 104 111, 113 116, 118 120, 126, 127, 129 136, 139 142, 144, 148, 149, 162, 164, 166, 170, 173,

- 196, 211, 214 219, 221 223, 228 232, 234,
236, 245 249, 252, 262, 264, 283, 284, 299,
300, 302 306, 310 312, 314, 317, 318, 320,
322 327, 329 332, 334, 335, 340, 360 366,
368, 373 375, 377, 379, 380 382, 391, 393,
395, 398 405, 410 413, 416 423, 428 431,
439, 445 467, 469, 470, 471, 473, 474, 479,
484, 486, 487, 492 509, 514, 518 520, 524,
526 552, 554 561, 565, 570 572, 579
- Стаханов А. 360
Стерн К. 488
Стефанович 431
Стронгин Л.И. 56
Струков А.И. 558
Судоплатов П.А. 113
Суриц Я.З. 535
Суслов М.А. 45, 65, 310, 363, 395, 459,
460, 462, 474, 475, 506, 519, 541
Суханов Д.Н. 332, 374
Сэннинг В. 488
- Т**абак 339
Такер Р. 540
Талмуд Д.Л. 416, 426, 444
Тальми Л.Я. 53, 67, 73, 77, 85, 321, 336
Тангиев 90
Тареев Е.М. 263, 556, 559
Тарле Е.В. 127, 458
Тарнопольская П.Д. 99
Тартаковская С. 576
Тарусов Б.Н. 263
Тевосян И.Ф. 96, 149, 205
Тевосян Р. 186, 187, 221
Темкин Я.С. 103, 113, 115, 150, 160, 177, 180,
197, 204, 217, 219, 227 229, 231, 237, 248,
264, 266, 272, 278, 340, 343, 349, 486, 520, 521
Темкина А.И. 116, 150, 197, 266, 272, 339, 520, 521
Темкина В.Я. 521
Терехов Г.А. 282 284, 290 292
Тер-Ваганян 399
Тер-Захарян А.И. 116, 340
Теумин Э.И. 53, 67, 73, 77, 85, 329, 336
Тимашук Л.Ф. 4, 97, 98, 112, 116, 119, 194, 204,
215, 216, 225, 359, 362, 363, 367 370, 372 382,
384, 386 388, 391, 393 397, 485, 512, 525
Ткачев 556
Ткаченко Г. 135
Толбухин Ф.И. 107
Толстой А.Н. 319
Тольц В. 471
Тольятти П. 88
- Томский М.П. 29
Топчан А.Б. 95, 99, 340, 343, 350, 352
Торез М. 107
Трахтенберг И.А. 120, 416, 426, 444
Третьяков А.Ф. 556, 561
Трипп Б. 329
Троцкий Л.Д. 20, 23 25, 70, 399, 400, 431,
471, 494, 533, 534
Турок И.Д. 86
Тухачевский М.Н. 29, 57, 61, 87, 88, 399
- У**боревич И.П. 61, 399
Улановская М. 68
Ульрих В.В. 59
Уншлихт И.С. 399
Усевич М.П. 126
Успенский А.И. 31
Уфлянд Н. 68
Ушполис Г. 475
- Ф**аворская 198
Фадеев А.А. 519, 524
Фаерман И.Л. 94, 340, 343, 350
Файер Ю.Ф. 416, 426, 444
Файнсод М. 54
Федоренко Я.Н. 107
Федоров А.Н. 100 103, 107, 222, 340, 370, 372
Федотов 238
Фейгель И.И. 103, 340, 342, 350, 352
Фейхтвангер Л. 59, 60, 533
Фельдерер Д. 488
Фельдман А.И. 102, 103, 107, 115, 228, 229, 248,
340, 350, 376, 377, 379, 380, 414, 424
Фельдман Б.М. 61, 87
Фердман 124
Фефер И.С. 50 52, 67, 69, 76, 81 83, 85, 96, 109, 154,
301, 307, 308, 314, 318 321, 327 329, 336
Фидельман А.Д. 340
Филаретов Г.В. 141
Филимонов И.Н. 556, 559
Филипцев Я.А. 250
Филипцева Г.П. 250, 251
Фининберг Э.И. 301
Финн П.К. 3
Фиркович А. 316
Фитерман Б. 68
Фитин П.М. 141
Фихтенгольц М.И. 416, 427, 444
Фогельсон Л.И. 95
Форрисон Р. 488
Франк Г.М. 263

Фрезинский Б.Я. 417, 420
Френкель В. 2
Фридман 124
Фридман М.Е. 340
Фридман Э.А. 340, 526
Фриновский М.П. 70, 141
Фрунзе М.Ф. 47
Фурман В. 68
Фурцева Е.А. 478
Х
Хавинсон (Маринин) Я.С. 403, 408 410,
413, 416 420, 427, 430, 441, 444
Хаит К.М. 340, 526
Хайкин С.Н. 56
Хазанович 302, 304
Ханович И.Г. 512
Харвуд Р. 488
Харецкая М. 87
Харитонский Д.Л. 415, 426, 444
Хейфец М. 44, 125, 362
Ходас М.Я. 249
Ходас Ф.Г. 250
Ходас Я.С. 249
Ходжаев Ф.У. 88, 400
Хорти М. 530
Хохлов 146
Хрусталеv И.В. 543, 544
Хрущев Н.С. 25, 26, 53, 57, 93, 101, 106, 114, 116,
129, 133, 134, 310, 311, 379, 381, 408, 411, 447,
454, 458, 479, 493, 498, 520, 539, 543 545, 547,
557, 560, 562
Хусейн С. 457

Ц
Цанава Л.Ф. 48, 49
Цви Раз 458
Цейтлин 121
Цепков В.Г. 232
Цигельман-Дымерская Л. 575, 576
Цимблер 167
Цодыкман Е. 340
Цырлин А.Д. 415, 426, 444
Цырлина В. 577, 578
Цюндел Э. 488

Ч
Чазов Е.И. 135
Ченцова О.А. 230, 233
Чепцов А.А. 75, 76, 81, 335
Червяков В.Ф. 104
Черкасова 200
Черненко К.У. 25, 498
Чернов И.А. 331

Чернов М.А. 29
Чернышев В.В. 141
Черняк А. 459, 467
Черчилль У. 20
Чесноков Д.И. 118, 403, 428, 485 487, 517
Чеснокова Г. 557
Чечеткина О.И. 119, 378, 485, 515
Чижиков Д.М. 416, 427, 444
Чичерин Г.В. 88
Чубарь В.Я. 402
Чуев Ф.И. 428, 479
Чурлионская О.А. 415, 426, 444

Ш
Шаймович 68
Шанин А.М. 141
Шапиро Б.С. 416, 444
Шапиро И.И. 141
Шапиро Л. 362
Шарангович В.Ф. 96
Шарет М. 471
Шатуновская Л.А. 44, 47, 69, 458, 471, 473
Шатуновская О. 401
Шафран А.М. 427, 429, 440, 441, 444
Шварцман А. 213, 216, 242, 287
Шварцман Л.Л. 108
Шверник Н.М. 76, 335, 377, 378, 512
Шейман 124
Шейнин Л.П. 108, 480
Шейнис З.С. 120, 131, 410, 420, 480, 502, 541
Шепилов Д.Т. 363, 364, 403, 404, 406 409,
411, 413, 417 420, 423,
428, 431, 506, 541
Шерешевский Н.А. 94, 103, 340, 343, 350, 353,
379, 380, 381
Шерман М. 488
Шефнер В. 512
Шильман 122
Шимелиович Б.А. 52, 53, 58, 62, 67, 69, 71, 73, 74,
76, 77, 79, 80, 84, 91 96, 102, 105, 109, 115, 164,
214, 249, 250, 261, 264, 266, 277, 278, 308, 314,
327, 334, 336, 340, 351, 449
Шимелиович Л.Б. 92, 141, 251, 255, 266, 289, 322
Шимелиович (семья) 255, 266 268, 277, 278, 289
Шимелиович Х.Н. 267, 288
Шифрин А.А. 93
Шихеева-Гайстер И. 160
Шишков В.М. 58, 77, 81
Шкирятов М.Ф. 53, 76, 89, 307. 334, 335
Шляпников А.Г. 29
Шляхман А.Л. 340, 351, 353, 356
Шмаглит Г. 68

- Шмундак 121
Шнейдерович М.Г. 21, 103, 180, 241, 267, 271, 340, 350, 356
Шноль С.Э. 234
Шолохов М.А. 118, 485
Шостакович Д.Д. 48, 410
Штеменко С.М. 376
Штери Л.С. 53, 67, 73, 75, 77, 79, 82, 84, 95, 327, 328, 335, 336, 340, 341, 351
Шубников Ф.Г. 90
Шуленберг Ф. 536
- Щ**аранский Н.Б. 53
Щедровицкий Г.П. 42
Щербаков А.С. 31, 88 90, 93, 99, 100, 102, 104, 107, 112, 149, 223, 301, 332, 376, 377, 381, 394, 405, 414
Щербаков А.С. (семья) 211
- Э**йдеман Р.П. 61, 87, 399
Эйдинов Г.Б. 68
Эйнис В.Л. 95, 340, 341, 343, 351
Эйнштейн А. 304
Эйхман А. 491, 492
Эпштейн Ш. 300, 307, 308, 314, 318 321, 328
Эпштейн Г.Я. 340
- Эренбург И.Г. 66, 72, 117, 120, 131, 249, 283, 300, 319, 376, 409 413, 415, 417 421, 423, 426, 427 431, 439, 443, 444, 453, 480, 509
Эренбург Л.М. 418
Эрлих Г. 299 306
Этингер Я.Г. 87 - 91, 94, 99 102, 112, 153, 214, 216, 229, 332, 333, 340, 341, 343, 351, 352, 356, 376, 377, 379, 380, 384, 414, 424
Этингер Я.Я. 87, 88, 131, 215, 235, 362, 405, 410, 474, 508, 514, 458
Юзефович И.С. 52, 67, 73, 76, 85, 328, 329, 336
Юниверг Л. 2, 576
Юровский А.Я. 477, 478
Юровский Я.М. 477
- Я**года Г.Г. 25, 30, 32, 55, 57, 63, 70, 87, 141, 399, 400, 402, 412
Якир И.Э. 61, 399
Яковлев А.Н. 458, 537, 538
Ямпольский А.И. 416, 426, 444
Яновицкая Д.С. 250
Яновицкий М.Г. 250
Яновский Д.Н. 354
Ярузельский В. 498
Ясенский Б. 500, 534

КНИГА ЭТА СМОГЛА ПОЯВИТЬСЯ БЛАГОДАРЯ

профессиональной помощи историка *Шимона Редлиха*;
моральной поддержке *Милены Цигельман-Дымерской, Эмиля Любошица,*
Софьи Тартаковской, Валентины Цырлиной, Марка Раца, Якова
Айзенштата, Анатолия Кардаша, Лени и Нелли Кутиковых;
редакторской работе *Ларисы Закошанской, Леонида Юниверга,*
Владимира Левина, Владимира Френкеля и Григория Бокмана.

Огромную благодарность заслуживает издатель книги *Леонид Юниверг* за творческий подход и издательское мастерство при редактировании, оформлении и компьютерной верстке книги.

Особо хочу выразить признательность
Григорию Гиршину и Виктору Саприцкому
за бескорыстную финансовую помощь при издании книги!
Без них она так бы и осталась в рукописном варианте.

По ходу работы над книгой я получал конструктивные замечания от профессионалов в области истории, философии, юриспруденции и литературы. Благодарю их за советы независимо от того, все ли они мною выполнены. Были также противники написания и издания, как самой книги, так и отдельных ее разделов.

ВСЕМ БОЛЬШОЕ СПАСИБО!

Если читатель захочет выразить свое мнение о прочитанной книге и просмотренном фильме, то это можно сделать по почтовому адресу: или электронной почте:

LYASS Fedor
222/2 Yahalom str.,
Gilo, 93908
Jerusalem, ISRAEL

flyass@mail.ru
flyass@012.net.il

а также по телефонам: 972 – 2 - 6768 – 278; 0523 – 801 - 606

Не затягивайте, так как мне уже перевалило за 80 лет и возможность отойти в мир иной у меня с года на год, со дня на день повышается.

И тогда я не смогу познакомиться с Вашим мнением и ответить на возникшие вопросы.

Ведь пока «оттуда – сюда» связь не придумана...

ТРУД СЕЙ ПОСВЯЩАЮ МОЕЙ БОЛЬШОЙ СЕМЬЕ:

Ляссов, Лившицев, Закошанских,
Крамеров и Фердманов,
которые, как и миллионы советских семей,
прошли через тяжкие испытания режима Сталина,

а также МОИМ ДОРОГИМ И ЛЮБИМЫМ ВНУКАМ:

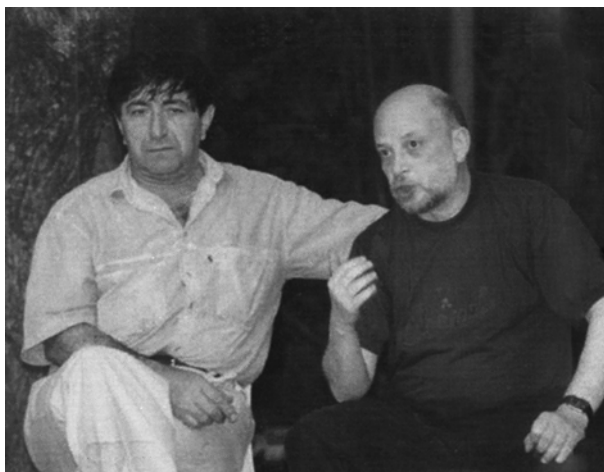
Олечке, Игорьку и Сашеньке!

Кроме того, хочу пожелать
МОИМ БУДУЩИМ И ЖЕЛАННЫМ ПРАВНУКАМ,
чтобы они прожили жизнь в то время, когда простая обыден-
ная порядочность была бы не редкостью и не расценивалась
как чудо, но как норма бытия и человеческих поступков!

***ВПРЕДЬ ВО ВСЕ ДНИ ЗЕМЛИ СЕЯНИЕ И ЖАТВА, И ХОЛОД И
ТЕПЛО, И ЛЕТО И ЗИМА, И ДЕНЬ И НОЧЬ НЕ ПРЕКРАТЯТСЯ.
(Бытие, 8:22)***

Москва Быково Иерусалим Тель-Авив Лос-Анджелес, 1952 2007 гг.

Федор Лясс

Семен Аранович (слева) и Павел Финн на фестивале в Хайфе, после премьеры «Большого концерта народов...». 1991г

О создателях фильма «Большой концерт народов, или дыхание Чейн-Стокса»

Семен Давидович Аранович (1934 – 1996) – режиссер фильма. Окончил летное училище, был штурманом полярной авиации. После авиационной катастрофы ушел из армии. В 1965 г. окончил ВГИК (мастерская Романа Кармена). Работал на Ленинградской студии документальных фильмов, где явился режиссером кинолент «Андреева – друг Горького», «Встречи с Горьким» (был запрещен при советской власти), «Люди земли и неба», «Дмитрий Шостакович», «Личное дело Ахматовой». Все эти фильмы неоднократно получали призы на международных фестивалях. На киностудии Ленфильм сделал «Сломанную подкову» (по сценарию П. Финна), «Летнюю поездку к морю», «Торпедоносцы», «Противостояние», «Год собаки» («Серебряный медведь» за режиссуру на Берлинском фестивале). Последняя картина – «Agnus dei» – осталась незавершенной. Умер и похоронен в Гамбурге.

Павел Константинович Финн (р. 1940) – сценарист фильма. В 1962 г. окончил ВГИК (мастерская Алексея Каплера). Много лет работал в журналистике, в документальном и телевизионном кино, а с 1969 г. – в художественном. Автор сценариев фильмов: «Миссия в Кабуле», «Всадник без головы», «Объяснение в любви», «26 дней из жизни Достоевского», «Свидетель», «Случайный вальс», «Миф о Леониде», «Закат», «Леди Макбет Мценского уезда», «За что?», «Карьера Артуро Уи. Новая версия». «Смерть Таирова, или принцесса Брамбилла», «Тайны дворцовых переворотов» и другие – всего более 35 фильмов.

*Д*ействие фильма «Большой концерт народов, или дыхание Чейн-Стокса» (1991г.) развивается на фоне демонстрации реалий конца 40-х – начала 50-х гг. и построен на рассказах свидетелей судебных процессов и на воспоминаниях их детей и близких. Этот процесс показан в документальном фильме как бы с двух точек зрения: глазами жертвы и глазами тех, кто реализовывал человеконенавистнические заказы «отца народов». Фильм позволяет ощутить роковой «аромат» того исторического времени, воочию увидеть трагедию советского еврейства, задуманную Сталиным и осуществлявшуюся его подельниками.

Фильм стал «вещественным доказательством» для так и не состоявшегося суда над Сталиным, его подручными, и шире – над всей большевистско-коммунистической камарильей.

